

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Slav 777.26

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

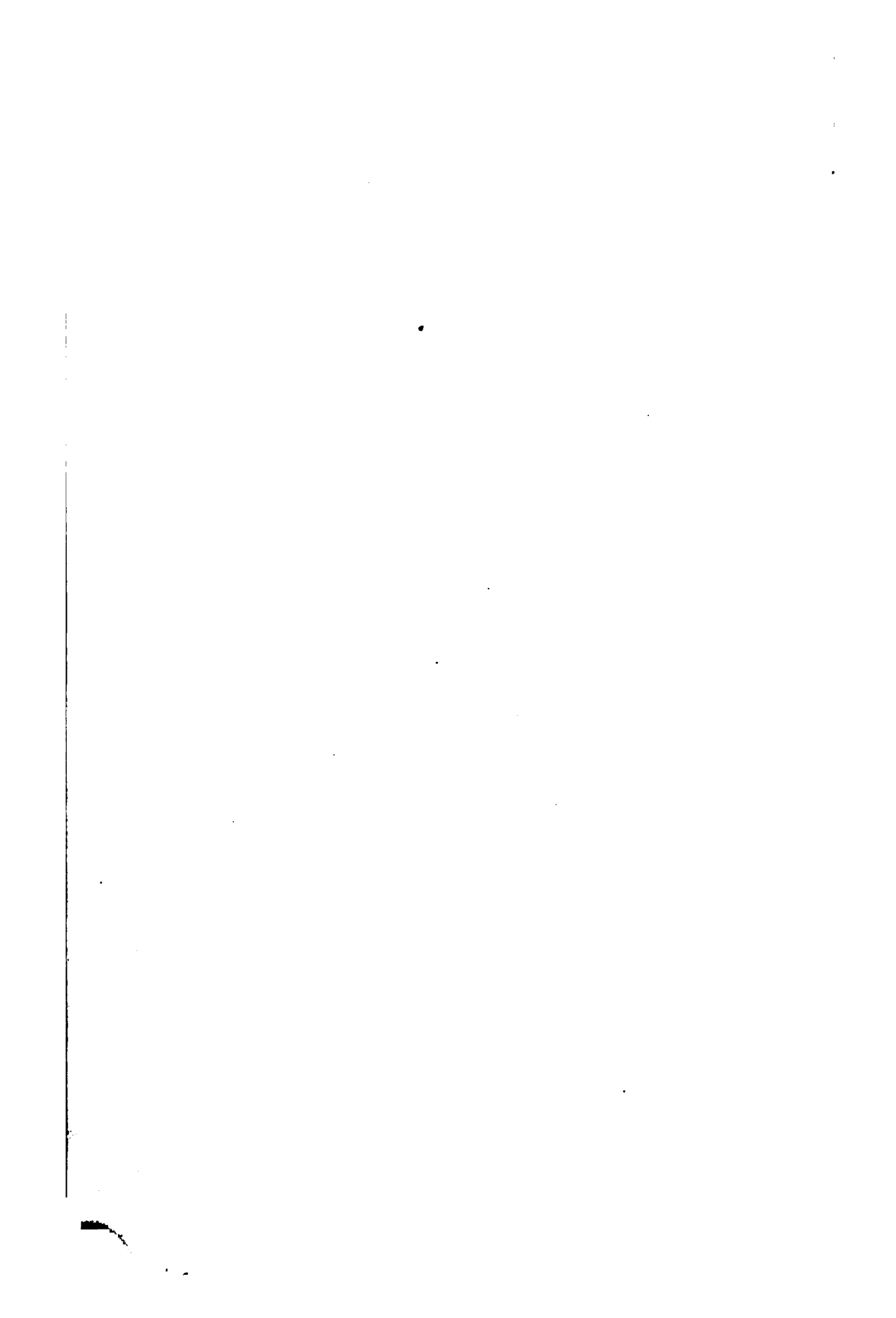
Class of 1887

RUSSIAN COLLECTION OF 1922

Н. РОЖКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Издание И. К. Шамова, Бол. Грузинская ул., домъ Шамова.
1906.

✓ Slav 777.26

HARVARD COLLEGE LIBRARY
OF THE
ARCHIBALD C. COOLIDGE
JULY 1 1922
✓

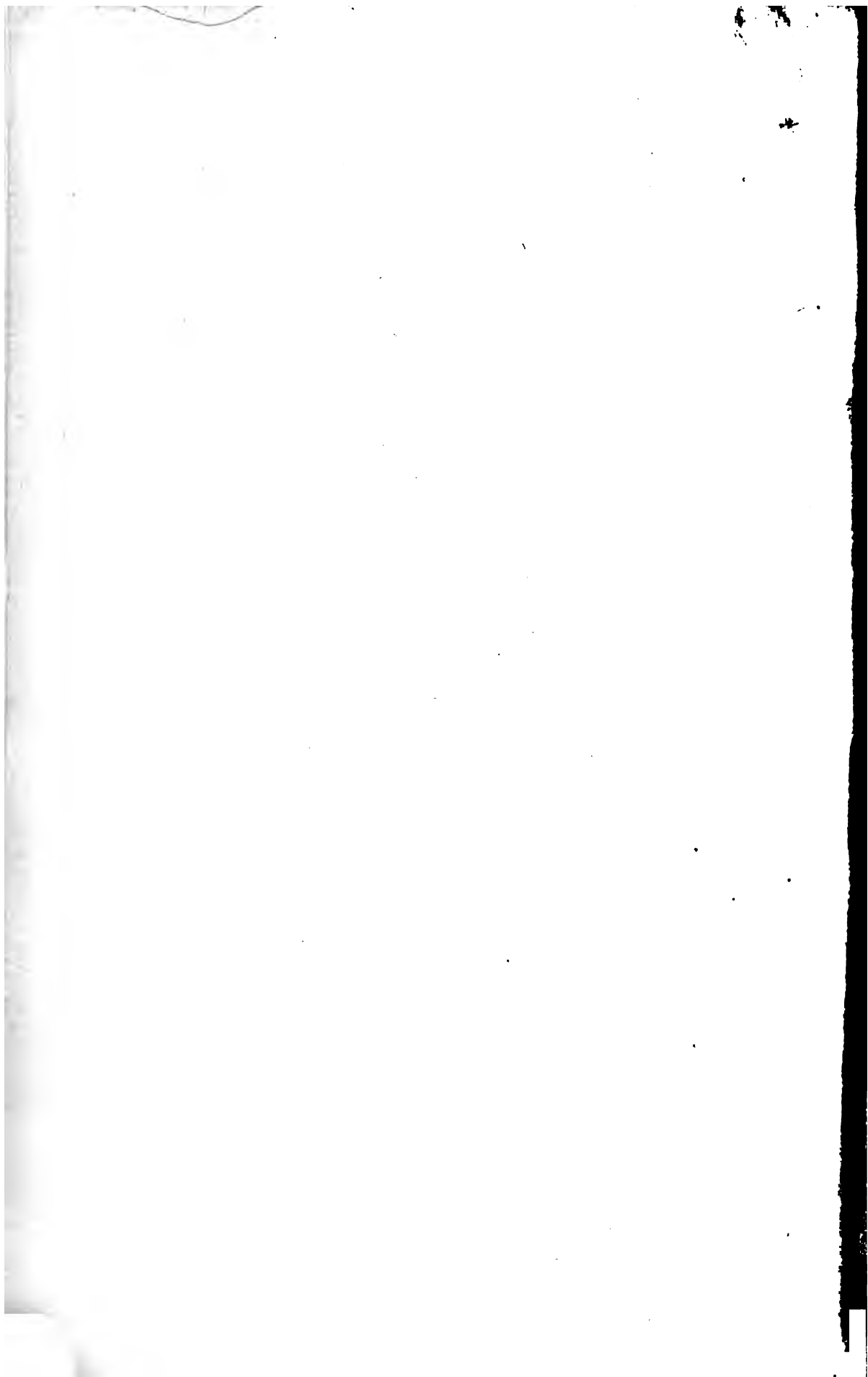
МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1906.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманию публики сборникъ статей, печатавшихся авторомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на страницахъ журналовъ «Жизнь», «Образованіе», «Правда», «Міръ Божій», «Научное Обозрѣніе», «Вопросы философіи и психологіи», «Научное Слово», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и т. д., раздѣленъ на двѣ части въ интересахъ читателей: въ первую часть вошли тѣ статьи, которыя разсчитаны по преимуществу на широкіе круги читающей публики, хотя и преслѣдуютъ иногда задачи самостоятельнаго обоснованія опредѣленныхъ научныхъ взглядовъ; вторая часть будетъ состоять главнымъ образомъ изъ статей болѣе спеціальнаго характера. Читатель такимъ образомъ можетъ выбирать сообразно своимъ вкусамъ и интересамъ. Само собою разумѣется, предлагаемый сборникъ не включаетъ въ себя *всею*, напечатаннаго авторомъ за время его литературной дѣятельности: сюда не вошли большіе труды, какъ «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.» и «Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія», а также и нѣкоторыя брошюры: «Городъ и деревня въ русской исторіи», «Исторія крѣпостного права въ Россіи», «О формахъ народнаго представительства». Исключено также все то, что имѣло временное значеніе, что умѣстно было лишь въ періодическомъ изданіи.

Slav 779.26

Н. РОЖКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Издание И. К. Шанова, Бол. Грузинская ул., домъ Шанова.
1906.

Исторія, мораль и политика.

I.

Потребность знанія свойственна дикарю, стоящему на одной изъ начальныхъ ступеней духовнаго развитія, такъ же, какъ и современному культурному человѣку. Но мотивы, заставлявшіе и заставляющіе человѣка стремиться къ умственному прозрѣнію, и цѣли, которыя онъ при этомъ себѣ ставитъ, не всегда бываютъ одинаковы. Говоря вообще, не вдаваясь въ подробности, можно замѣтить, что основнымъ психическимъ побужденіемъ дикаря въ его стремленіи къ знанію являются *любопытство*, тогда какъ культурный человѣкъ руководится въ соотвѣтствующемъ случаѣ *любознательностью*. Въ чемъ разница между тѣмъ и другимъ? Въ томъ прежде всего, что любопытство—*безсознательное* стремленіе къ знанію, безъ ясно-сознанной цѣли послѣдняго, тогда какъ любознательность предполагаетъ *сознательную* цѣль. Возьмемъ первый попавшійся на глаза примѣръ: положимъ, уличную ссору или драку, вообще скандалъ. Всякому извѣстно, какую массу любопытныхъ, т.-е. просто склонныхъ поглазѣть, людей собираетъ обыкновенно подобное событіе. Имъ ничего тутъ не надо, они часто даже не знаютъ ссорящихся или дерущихся, имъ надо только поглазѣть да посудачить. Вотъ что значитъ любопытство. Но тотъ же уличный скандалъ можетъ представить интересъ и для любознательнаго, а не просто-любопытнаго человѣка: онъ можетъ дать ему картину нравовъ, бросить свѣтъ на понятія о правѣ и справедливости, господствующія въ массѣ, дать, наконецъ, возможность содѣйствовать защитѣ несправедливо обиженнаго и справедливой карѣ обидчика. Здѣсь сразу, такимъ образомъ, намѣчаются два основныхъ побужденія, психологически-создающія любознательность: во-первыхъ, стре-

мленіе къ практической дѣятельности, къ общественной пользѣ, во-вторыхъ, стремленіе къ наслажденію отъ самаго знанія, какъ организованнаго, осмысленнаго и систематическаго пониманія дѣйствительности во всемъ ея многообразіи. Наслажденіе стройностью, системой знаній и желаніе примѣнить послѣднія къ жизни и отличаютъ науку мало-мальски культурнаго человѣка отъ случайныхъ, беспорядочныхъ знаній дикаря. Это отличіе, какъ *принципъ*, слагается довольно рано. Уже въ средневѣковой схоластикѣ чувствуется неудовлетворенность безсистемнымъ и безцѣльнымъ знаніемъ, но, по естественной реакціи, эта неудовлетворенность принимаетъ крайнее направленіе, совершенно отлучается отъ той конкретной дѣйствительности, умственнымъ рабомъ которой былъ всецѣло и безраздѣльно дикарь. Средневѣковый ученый рассуждалъ такъ: зачѣмъ изслѣдовать отдѣльныя физическія тѣла и химическіе процессы? Это узко; мы поищемъ лучше всесовершеннаго физическаго тѣла, которое будетъ превращаться во всѣ другія тѣла, а кстати будетъ излѣчивать и отъ всѣхъ болѣзней; зачѣмъ рѣшать мучительные, проклятые вопросы даннаго времени и мѣста? лучше найти одно всеохватывающее начало, одинъ ключъ ко всему въ мірѣ нравственныхъ отношеній и понятій; зачѣмъ изучать происхожденіе отдѣльных растительныхъ и животныхъ видовъ? мы лучше рѣшимъ вопросъ о происхожденіи всего міра и о природѣ Божества. Задаваясь такими вопросами, человѣческая мысль послѣ многихъ блужданій, ошибокъ и разочарованій отчаялась найти на нихъ точные, обоснованные и прочные отвѣты и снова обратилась къ конкретной дѣйствительности, но она вмѣстѣ съ тѣмъ систематизировала и обобщила данныя этой дѣйствительности и поставила себѣ опредѣленные практическія и теоретическія задачи.

Итакъ, современную науку отличаютъ два основныхъ признака: стремленіе къ наслажденію отъ организованнаго, осмысленнаго и систематическаго пониманія дѣйствительности и стремленіе къ приложенію теоретическихъ выводовъ на практикѣ. Эти признаки свойственны и исторіи, какъ наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ: историкъ нашего времени, если онъ стоитъ на высотѣ положенія, не можетъ уже быть любопытствующимъ гробокопателемъ, бессознательно покрывающимъ себя архивной пылью и могильной гнилью, накапливающимъ безъ всякаго порядка и системы отрывочныя знанія, — онъ долженъ сдѣлаться любознательнымъ изслѣдователемъ, обобщающимъ фактическій матеріалъ, открывающимъ законы общественнаго развитія, наслаждающимся цѣлостью, стройностью и связностью своихъ научныхъ построеній. Проникновеніе въ тайны процесса развитія человѣче-

скаго общежитія, пониманіе прошедшаго и настоящаго и прозорливое предвидѣніе будущаго составляютъ для историка такую-же неутолимую потребность и такой же неизсякаемый источникъ высокаго научнаго наслажденія, какъ для естествоиспытателя важно и интересно проникновеніе въ тайны природы. Мало того: и въ средѣ публики, сколько-нибудь мыслящей, читающей и интересующейся знаніемъ, прежнее историческое любопытство, интересъ къ историческимъ скандаламъ и историческимъ курьезамъ, постепенно и медленно, но неуклонно смѣняется исторической любознательностью; никто не можетъ устоять передъ соблазнительной перспективой представить себѣ въ простѣйшемъ видѣ, въ стройной системѣ все многообразіе и сложность исторической жизни, объяснить ее изъ немногихъ основныхъ началъ, изъ сочетанія нѣкоторыхъ простѣйшихъ элементовъ. Тому, кто занимается теперь научной исторіей, несомнѣнно, знакомъ очень хорошо восторгъ, охватывающій человѣка, когда изъ хаоса взаимно перепутывающихся, безсвязныхъ и бессмысленныхъ фактовъ получается единое связанное цѣлое, стройная система, изящное, исполненное глубокаго смысла построеніе.

Не будемъ однако преувеличивать достигнутыхъ въ этомъ отношеніи результатовъ, не будемъ утверждать, что всѣ стали истинно-любопытными по отношенію къ исторіи: нѣтъ, для многихъ, для очень еще многихъ безцѣльное гробокопательство, курьезъ, скандалъ и сплетня, касающіеся дѣятелей прошлаго, составляютъ если не единственный, то главный смыслъ и основную цѣль занятій исторіей. Едва ли не большее еще разнообразіе воззрѣній, стремленій и интересовъ наблюдается въ отношеніи къ вопросу о практическомъ примѣненіи научныхъ историческихъ выводовъ. Этотъ животрепещущій вопросъ и будетъ составлять предметъ нашего вниманія въ послѣдующемъ изложеніи.

Исторія—не что иное, какъ научное изображеніе процесса развитія человѣческихъ обществъ. Она имѣетъ дѣло, значить, съ людьми въ ихъ общественной и частной жизни, съ ихъ чувствами, желаніями, чаяніями, идеями, дѣйствіями, интересами, побужденіями и съ результатами всѣхъ этихъ явленій, какъ они отражаются въ жизни. Отсюда и явилась уже очень давно, еще въ древности, мысль, что «исторія—наставница жизни». Въ такой общей формѣ эта мысль едва ли подлежитъ спору. Но дѣло въ томъ, что въ эту форму вкладывается различное содержаніе. И прежде всего указанная мысль понималась въ смыслѣ узкоморалистическомъ, въ томъ смыслѣ именно, что исторія даетъ намъ рядъ готовыхъ конкретныхъ примѣровъ и иллюстрацій къ

азбучнымъ истинамъ прописной морали. Историкъ являлся, такимъ образомъ, строгимъ и безпощаднымъ нравственнымъ судьей, который произносилъ моральные приговоры надъ дѣятелями прошлаго, раздавалъ имъ награды за добродѣтели и порицанія за пороки, училъ, какъ нужно было поступить имъ въ томъ или другомъ случаѣ, чтобы не сойти съ установленной прописною моралью стези добродѣтели. Это отражалось и на самомъ объясненіи происхожденія и судьбы разныхъ историческихъ явленій: такъ какъ прописная добродѣтель должна непременно торжествовать, а азбучный порокъ обязательно терпѣлъ посрамленіе, то историкъ дѣлалъ чрезвычайныя усилія, чтобы показать, что такъ именно и было всегда въ историческомъ прошломъ. Онъ не обращалъ при этомъ вниманія на то, что у всякаго времени есть свои задачи, осуществляемыя въ опредѣленныхъ условіяхъ, и не понималъ, что азбучная мораль хороша только въ прописяхъ. Понятно, что въ результатѣ такого морализированія получалось неправильное пониманіе историческихъ явленій, а слѣдовательно и невѣрное ихъ изображеніе,—главная цѣль историческаго изученія оставалась недостигнутой.

Я не думаю утверждать, что изображенный сейчасъ взглядъ на исторію, ея задачи и методы отошелъ окончательно въ прошлое и не имѣетъ сейчасъ адептовъ. Общественная жизнь настолько сложное и громоздкое цѣлое, что въ ней всегда наблюдаются осадки давно пережитыхъ порядковъ и воззрѣній. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать элементарное морализированіе, до сихъ поръ иногда попадающее въ историческихъ трудахъ, рѣдкостью и исключеніемъ, случайно уцѣлѣвшимъ обломкомъ старины.

На смѣну этому довольно-примитивному, элементарному, наивному, воззрѣнію выступаетъ другое, имѣющее значительное число сторонниковъ и въ настоящее время. Оно коренится въ нѣкоторыхъ общихъ, философскихъ идеяхъ, въ извѣстномъ направленіи философской мысли. Есть люди, которые глубоко и искренне убѣждены въ возможности и необходимости выработки и осуществленія въ жизни абсолютнаго нравственнаго идеала, такого моральнаго начала, которое было бы вѣчно, одинаково примѣнимо ко всѣмъ временамъ и народамъ. Съ этой точки зрѣнія, исторія человечества разсматривается какъ единый, цѣльный, не повторяющійся и послѣдовательно-развивающійся міровой процессъ, отдѣльныя частности котораго—исторія отдѣльныхъ народовъ—представляютъ собою не что иное, какъ стадіи или ступени къ достиженію абсолютнаго нравственнаго идеала, и конечной цѣлью или результатомъ котораго является раскрытіе

этого идеала во всей полнотѣ и совершенствѣ. При этомъ исторія не всѣхъ народовъ имѣетъ значеніе: есть народы некультурные, которые не имѣютъ никакого историческаго значенія, потому что ихъ общественное развитіе не имѣетъ оригинальнаго, самостоятельнаго моральнаго содержанія; исторіей этихъ народовъ, съ этой точки зрѣнія, незачѣмъ заниматься, она не имѣетъ никакой цѣнности; изученію подлежитъ только исторія культурныхъ народовъ, создавшихъ что-либо особенное, оригинальное, индивидуальное въ нравственной сферѣ. Въ этомъ особенномъ, индивидуальномъ и состоитъ весь смыслъ исторіи, сущность которой, такимъ образомъ, не повторяется. А что не повторяется, что единично, то не подлежитъ изученію съ точки зрѣнія причинной связи, потому что для открытія причинъ требуется сравненіе одинаковыхъ, повторяющихся явленій. Въ исторіи важны не причины, а цѣли, такъ что между естествознаніемъ и исторіей существуетъ цѣлая пропасть. Нравственная оцѣнка—вотъ что главное въ историческомъ изученіи, для историка важно не столько то, что было, сколько то, что нравственно-обязательно, что должно быть съ моральной точки зрѣнія. Вы видите, что по существу эта теорія въ конечномъ результатѣ недалеко ушла отъ той, съ которой мы только-что раньше познакомились. Понятно, какое важное значеніе имѣетъ сейчасъ изложенная теорія для пониманія исторіи, какъ науки, для характеристики и правильной постановки ея метода, а также для опредѣленія практическаго примѣненія историческихъ знаній. Все новѣйшее направленіе въ исторической наукѣ отмѣчено ярко выраженнымъ стремленіемъ сблизить ее съ естествознаніемъ въ отношеніи метода и задачъ, а здѣсь мы встрѣтились сейчасъ съ полнымъ отрицаніемъ такого стремленія: къ чему, въ самомъ дѣлѣ, изслѣдовать эмпирически—путемъ наблюденія и, гдѣ возможно, опыта—причинную связь явленій, когда дѣло не въ ней, а въ цѣляхъ историческаго процесса? очевидно у исторіи долженъ быть свой особенный, ей только свойственный методъ, потому что и задачи у нея особенныя, не такія, какъ въ естественныхъ наукахъ. Вся работа послѣднихъ десятилѣтій въ области исторіи идетъ, значить, въ сущности насмарку, старые историки-моралисты были, слѣдовательно, ближе къ истинѣ, чѣмъ новые историки-ученые. Понятно, что и практическое значеніе исторія пріобрѣтаетъ не тѣмъ, чѣмъ его пріобрѣтаетъ естествознаніе: тогда какъ послѣднее, изслѣдуя причинную связь явленій природы, стремится къ предвидѣнію и строить на этой основѣ цѣлый рядъ прикладныхъ знаній, исторія, изучающая цѣли и рассматривающая каждый данный моментъ какъ этапъ

на дорогѣ къ достиженію и осуществленію абсолютнаго и вѣчнаго нравственнаго идеала, практически-важна именно тѣмъ, что постепенно и частично раскрываетъ этотъ идеалъ, приближаетъ насъ къ пониманію цѣлей мірозданія. Отсюда не только возможны, но и необходимы нравственные приговоры надъ историческими дѣятелями; историкъ опять является въ роли строгаго судьи, своего рода цензора нравовъ.

Двумя изложенными взглядами не ограничивается разнородностица въ пониманіи практическаго значенія исторіи, какъ науки. Существуетъ еще третій взглядъ, основъ котораго надо искать не въ преклоненіи передъ прописной моралью и не въ философской метафизикѣ или, какъ обыкновенно теперь выражаются, философскомъ идеализмѣ, а въ практическихъ потребностяхъ минуты, въ борьбѣ интересовъ, партій, направленій и настроеній въ соединеніи со смутно-сознаваемой и признаваемой идеей исторической эволюціи, предполагающей долгую и постепенную подготовку явленій настоящаго момента въ теченіе цѣлаго ряда пережитыхъ столѣтій. Эта послѣдняя идея—несомнѣнное, прочное и важное приобрѣтеніе историческаго знанія въ наше время. Конечно, въ обществѣ, какъ и въ природѣ, нѣтъ ничего совершенно-изолированнаго, стоящаго внѣ связи съ другими явленіями, обособленнаго, являющагося вдругъ, по мановенію какой-то волшебной силы: все подготавливается послѣдовательно и постепенно, для всего существуютъ прецеденты и зачатки. Но идея эволюціи въ излагаемомъ взглядѣ переходитъ въ сознаніе необходимости застоя, неподвижности разъ сложившихся явленій и отношеній. Думаютъ, что каждый народъ имѣетъ свои коренные устои, постоянныя основы жизни, заложенныя въ историческомъ прошломъ, нерушимыя традиціи, подлежація сохраненію навсегда, при всякихъ возможныхъ въ будущемъ условіяхъ его существованія. Охрана этихъ національныхъ преданій, укрѣпленіе этихъ коренныхъ устоевъ—вотъ куда, съ точки зрѣнія послѣдователей этой теоріи, должны быть направлены всѣ усилія практическихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Стоить, такимъ образомъ, отыскать въ прошломъ прецедентъ извѣстному явленію или общественному идеалу,—и это явленіе или идеалъ оправданы и имѣютъ право на существованіе и дальнѣйшее развитіе. Практическое значеніе исторіи сводится, слѣдовательно, къ роли какого-то арсенала, складочнаго мѣста, изъ котораго въ потребныхъ случаяхъ подбираются подходящіе матеріалы. Такой приемъ—очень давняго происхожденія и часто встрѣчался и встрѣчается. «Самодержавство наше отъ святого Владиміра», говорилъ Іоаннъ Грозный, указывая на справедливый, по его мнѣнію,

историческій прецедентъ. «Прежніе государи любили встрѣчу», (т.-е. возраженіе себѣ со стороны бояръ), замѣчалъ, пользуясь тѣмъ же методомъ, строптивый членъ боярской думы Берсень Беклемишевъ. Подобными примѣрами кипитъ окружающая насъ дѣйствительность.

Къ сказанному сейчасъ можно прибавить, что иногда высказывается еще мнѣніе, что цѣль изученія исторіи—возбужденіе патріотическихъ чувствъ или вообще проведеніе опредѣленныхъ политическихъ тенденцій въ томъ или другомъ направленіи. При такомъ воззрѣніи рекомендуется часто прямо извращеніе истины: патріотъ—разсуждаютъ обыкновенно—долженъ любить свою родину, слѣдовательно признавать ее лучшей изъ всѣхъ странъ; поэтому лучше всего умалчивать о темныхъ сторонахъ прошлаго и выдвигать на первый планъ свѣтлыя явленія. Если же въ основу историческаго изложенія кладется опредѣленная политическая тенденція, то обыкновенно въ согласіи съ ней идеализируются дѣятели и украшаются явленія, почему либо подъ эту тенденцію подходящія, и порицается и затемняется все то, что не укладывается на Прокрустово ложе предвзятыхъ взглядовъ. Что бы мы сказали, если бы какой либо яростный республиканецъ сталъ изображать исторію Франціи безъ Людовика XIV, а роялистъ вздумалъ обойти молчаніемъ французскую революцію? Вѣдь въ результатъ появилась бы, очевидно не исторія Франціи, а выдумка фантазера, произвольно и дерзко извращающаго истину. И развѣ не ясно, что истинный патріотизмъ заключается не въ любви къ воображаемой, реально-несуществующей, идеальной родинѣ, а въ любви къ родинѣ такой, какъ она есть, въ томъ, что мы болѣемъ ея горестями, мучимся недостатками и готовы пожертвовать всѣми своими силами, чтобы уничтожить все дурное, поднять уровень общественной жизни и осуществить идеалъ общаго блага?

Послѣдній взглядъ настолько грубъ (и, можно сказать, циниченъ), что его несостоятельность выступаетъ сразу во всей своей ясности. Замѣтимъ, что онъ, по своему характеру, родственъ тому примитивному моралистическому воззрѣнію на исторію, которое было изложено раньше другихъ взглядовъ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь и патріотическое (въ смыслѣ квасного патріотизма) и моралистическое воззрѣнія на исторію покоятся на идеѣ, что убѣжденія и вѣрованія извѣстнаго лица или группы лицъ, существующія въ настоящее время, заключаютъ въ себѣ во всей полнотѣ и законченности абсолютную истину, пригодную для всѣхъ временъ и народовъ. Даже сторонники метафизическаго пониманія исторіи, предполагающіе, что въ исторіи послѣдова-

тельно и постепенно раскрывается абсолютный нравственный идеалъ, и что каждый дальнѣйшій моментъ исторической эволюціи является новой ступенью въ дѣлѣ раскрытія этого идеала, прибавляя къ его пониманію какую-либо новую черту,—даже они не могутъ подписаться подъ такимъ наивнымъ моральнымъ абсолютизмомъ. Послѣ появленія великихъ трудовъ Юма и Канта становятся необходимымъ критическое разсмотрѣніе такъ называемыхъ гносеологическихъ вопросовъ, т.-е. вопросовъ теоріи познанія, вопросовъ о томъ, какъ широки предѣлы человѣческаго познанія и каковы его методы. А между тѣмъ эти вопросы игнорируются историками-моралистами, историками-патріотами и историками тенденціознаго направленія, какъ будто бы не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что мы совершенно точно знаемъ всѣ сущности вещей.

Научное естествознаніе хорошо знаетъ относительность и ограниченность нашихъ познаній о внѣшнемъ мірѣ, ихъ зависимость отъ нашей собственной физической и психической организаціи. Въ природѣ, въ дѣйствительности, въ мірѣ, какъ онъ есть самъ по себѣ, нѣтъ, напр., цвѣтовъ, которые мы ощущаемъ; цвѣта и свѣтъ вообще—только состоянія нашего сознанія, и *эти-то состоянія нашего сознанія мы только и познаемъ, когда знакомимся съ явленіями бытія*, а самой сущности бытія мы не знаемъ и не можемъ знать. Кантъ выразилъ эту мысль такъ: въ явленіяхъ бытія мы познаемъ только *феномены*, т.-е., то, что намъ кажется, и намъ недоступно познаніе *ноуменовъ*, т.-е. того, что есть на самомъ дѣлѣ. Но если наши познанія о томъ, что есть, такъ ограничены и относительны, то, можетъ быть, мы обладаемъ абсолютными, неограниченными и безотносительными познаніями о томъ, что должно быть, что нравственно обязательно? И на этотъ вопросъ можно дать только отрицательный отвѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ: стоитъ только взглянуть на процессъ нравственнаго развитія того или другого народа, чтобы убѣдиться, что понятія о нравственности такъ же мѣняются, какъ и всякія другія понятія, и мало того—мораль того или другого историческаго момента въ нормально-развивающемся, не разрушающемся человѣческомъ обществѣ соответствуетъ насущнымъ потребностямъ этого общества, содѣйствуетъ его дальнѣйшему сохраненію и развитію. Эта мораль, такимъ образомъ, совершенна для своего времени. Такъ, напр., такъ называемый формализмъ древняго права и судопроизводства совершенно не вяжется съ нашими современными понятіями о нравственности: формализмъ этотъ заключался въ томъ, что судья не разбиралъ дѣла по су-

ществу, не взвѣшивалъ отдѣльныхъ доказательствъ, а безусловно вѣрилъ показаніямъ истца, разъ соблюдена была извѣстная, предписанная юридическимъ обычаемъ форма: напр., иногда требовалось извѣстное число свидѣтелей, показывавшихъ притомъ единогласно, при чемъ судья не провѣрялъ достовѣрности свидѣтельскихъ показаній, судилъ не по совѣсти, а по формѣ; намъ такой судъ представляется вопіющею несправедливостью. А между тѣмъ въ свое время онъ не только соотвѣтствовалъ господствовавшимъ тогда нравственнымъ понятіямъ, но и дѣйствительно былъ справедливъ для общества и отдѣльныхъ лицъ, гармонировалъ съ ихъ интересами: если бы судѣ была предоставлена большая власть, то при некультурности общества и при невозможности контроля и надзора открылось бы неизмѣримое поле для судейскаго усмотрѣнія и для страшныхъ злоупотребленій. Или: нашъ умъ и наше чувство не мирится съ крѣпостными порядками, мы привыкли считать личную свободу необходимымъ требованіемъ морали. Но было время, когда она была нравственнымъ зломъ, потому что вела къ гибели не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго общества: крѣпостное право нѣкогда было необходимо именно потому, что обезпечивало маломощному, безкапитальному, неимущему большинству населенія нравственную и матеріальную помощь со стороны болѣе состоятельной части населенія, чѣмъ достигались цѣли не только существованія, но и дальнѣйшаго развитія общества въ матеріальномъ, моральномъ и умственномъ отношеніяхъ. Нравственныя понятія, такимъ образомъ, тѣсно срастаются съ реальными условіями общественной жизни, неотдѣлимы отъ послѣднихъ и, слѣдовательно, измѣнчивы, потому что и реальныя условія общежитія постоянно мѣняются, не находятся въ покоѣ, все измѣняется, «все течетъ», какъ говорилъ еще древній мудрецъ.

Итакъ, *нравственныя наши понятія, понятія о морали, нравственно-должномъ, столь же измѣнчивы и относительны, какъ и понятія о всемъ существующемъ.* Отсюда слѣдуетъ, что принимать ихъ за абсолюты и судить на основаніи этихъ мнимыхъ абсолютовъ о прошломъ никакъ нельзя. Слѣдовательно, морализованію и всякой тенденціи—патріотической и политической—нѣтъ мѣста въ исторической наукѣ, правильно поставленной. Наивно-моралистическая и грубо-тенденціозная точки зрѣнія на практическое, житейское значеніе исторической науки въ общественной жизни отпадаютъ, такимъ образомъ, сами собой, теряютъ всякій смыслъ и значеніе.

Быть можетъ, однако, сохраняетъ свой смыслъ и значеніе метафизическое пониманіе исторіи и вытекающей отсюда взглядъ,

что въ процессѣ историческаго развитія человѣчества находятъ свое выраженіе высшія цѣли мірозданія, открывается постепенно и частично абсолютная нравственная истина, пригодная для всѣхъ временъ и народовъ? Нетрудно замѣтить, что въ основѣ такого воззрѣнія лежитъ та же только что отвергнутая нами увѣренность, что въ области нравственныхъ понятій намъ доступно знаніе сущности вещей, того, что есть на самомъ дѣлѣ, независимо отъ нашихъ органовъ воспріятія. Мы только что видѣли, что и нравственные понятія воспринимаются нами, какъ феномены, а не какъ ноумены, что въ пониманіи нравственно-должнаго мы такъ же ограничены и слабы, какъ и въ пониманіи существующаго, что мораль—не абсолютна, а относительна. Какое же мы имѣемъ право утверждать, что въ процессѣ историческаго развитія мы постигаемъ абсолютную нравственную истину, когда на самомъ дѣлѣ эта истина остается для насъ всегда недоступной, потому что мы не можемъ совлечь съ себя собственную природу, выльзти изъ собственной своей кожи? Мы познаемъ только состоянія собственного сознанія, а не міровыя явленія въ ихъ сущности. Нельзя, слѣдовательно, и говорить о практическомъ значеніи исторіи въ томъ смыслѣ, что путемъ ея изученія познается абсолютный нравственный идеалъ: это значило бы обольщать себя несбыточными иллюзіями, строить воздушные замки.

Разобранная и отвергнутая нами сейчасъ метафизическая теорія выставляетъ еще рядъ второстепенныхъ положеній, отмѣченныхъ мною раньше при ея изложеніи: таковы особенно положенія о индивидуальности историческихъ явленій, о ихъ неповторяемости, о невозможности предсказаній будущаго въ общественномъ знаніи, о необходимости изучать не причины, а цѣли историческаго процесса. Но эти положенія удобнѣе всего разобрать въ связи съ разсмотрѣніемъ послѣдней изъ изложенныхъ теорій, которая характеризуется, какъ мы видѣли, убѣжденіемъ въ неподвижности традицій, въ ихъ вѣчности. Къ критикѣ этой теоріи мы сейчасъ и обратимся, но уже теперь съ несомнѣнностью и ясностью выступаетъ на первый планъ то положеніе, что *исторія содѣйствуетъ выработкѣ гносеологическаго убѣжденія въ относительности, измѣнчивости и ограниченности нашихъ познаній не только въ области явленій бытія, но и въ сферахъ нравственнаго долженствованія, моральной обязательности.* Къ этому сводится первый случай практическаго примѣненія историческихъ знаній. Исторія даетъ, такимъ образомъ, ключъ къ здоровой нравственной философіи.

II.

Возьмемъ громадную гору, покрытую вѣчнымъ снѣгомъ, — положимъ Эльбурсъ или Монбланъ или еще какую-нибудь колоссальную возвышенность, хотя бы величайшую вершину Гималаевъ, выше которой нѣтъ горы на землѣ. Безъ сомнѣнія, каждая изъ этихъ горъ, взятая особо, сама по себѣ, индивидуальна, своеобразна во многихъ отношеніяхъ: она имѣетъ своеобразныя трещины и ущелья, особую форму, свою величину, ту или другую покатость или крутизну, состоитъ изъ тѣхъ или иныхъ горныхъ породъ и т. д. и т. д. Но всѣ эти индивидуальныя различія, все это своеобразие, всѣ особенности сводятся современнымъ естествознаніемъ къ немногимъ основнымъ элементамъ, различнымъ сочетаніямъ которыхъ и порождаютъ ихъ въ концѣ концовъ. Одни и тѣ же постоянно-дѣйствующіе законы природы лежатъ такимъ образомъ въ основѣ всѣхъ особенностей и индивидуальныхъ свойствъ той или другой большой горы. Тотъ же самый выводъ получается, если мы возьмемъ два небольшихъ камня различной величины, вѣса, формы и состава: и здѣсь окажутся дѣйствующими общіе законы и, что не менѣе замѣчательно, это будутъ тѣ же самые законы, какими объясняются индивидуальныя отличія однихъ большихъ горъ отъ другихъ. Какой бы ни былъ масштаб явленій внѣшней природы — большой или малый, — всѣ эти явленія объясняются одними и тѣми же общими законами. Намъ говорятъ, что въ исторіи дѣло обстоитъ иначе, что историческія явленія настолько индивидуальны или своеобразны, что частныя ихъ отличія не могутъ быть сведены ни къ нему общему, что они не повторяются, что почти каждое изъ нихъ единственно въ своемъ родѣ. Присмотримся же внимательнѣе къ этимъ явленіямъ и попытаемся рѣшить вопросъ, есть ли между ними и явленіями внѣшней природы какое-либо принципиальное различіе въ данномъ отношеніи. Возьмемъ прежде всего простѣйшія общественныя явленія, — хозяйственныя или экономическія. Повторяются ли, спрашивается, въ жизни разныхъ человѣческихъ обществъ хозяйственныя явленія, и объяснимы ли ихъ особенности или индивидуальныя отличія въ разныхъ обществахъ изъ немногихъ общихъ началъ въ ихъ различной комбинаціи? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только утвердительно. Въ самомъ дѣлѣ: достаточно извѣстно, что каждое общество въ своемъ развитіи переживаетъ два главныхъ хозяйственныхъ періода, — періодъ такъ называемаго натурального, безобмѣннаго хозяйства,

когда каждый все ему необходимое добывает собственным трудомъ, не прибѣгая къ покупкѣ и продажѣ,—и періодъ хозяйства денежнаго, основаннаго на раздѣленіи труда и происходящемъ отсюда обмѣнѣ. Эти періоды *повторяются* въ жизни каждаго чело-вѣческаго общества. Правда, иногда въ каждомъ изъ нихъ проявляются нѣкоторыя особенности, но развѣ ихъ нельзя объ-яснить своеобразнымъ сочетаніемъ однихъ и тѣхъ же элементовъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ всего удобнѣе, взявъ какой-либо конкретный примѣръ. Такъ въ послѣднее время установлено, что денежное хозяйство въ Европѣ зародилось въ видѣ такъ назы-ваемого городского хозяйства или, точнѣе выражаясь, хозяйства, рассчитаннаго на небольшой сбытъ, на обмѣнъ, производящійся въ предѣлахъ незначительной территоріи на 10—15—20 верстъ въ окружности отъ хозяйственнаго центра или рынка, болѣею частью города. Въ Россіи, при зарожденіи въ ней денежнаго хозяйства, изолированность рынковъ была несравненно-меньшей, сбытъ рассчитанъ былъ обыкновенно на районъ въ 150 — 200, 300, даже иногда въ 500 верстъ въ окружности. Почему такъ? Все дѣло въ естественныхъ условіяхъ: изолированность рынковъ вызывается дурными путями сообщенія, трудностями перевозки товаровъ; въ Московской Руси XVI—XVII вѣковъ лѣтомъ пути сообщенія были не лучше, если не хуже, чѣмъ въ Западной Европѣ XIII—XV столѣтій, — вслѣдствіе множества лѣсовъ и болотъ и обилія разнаго рода мошекъ и комаровъ, заѣдавшихъ всякую живую тварь чуть не до смерти: за то зимой морозы создавали прочный, гладкій и удобный путь по долго державшемуся снѣгу, такъ что иностранцы удивлялись возможности провезти товары изъ Архангельска въ Москву въ какихъ-нибудь 14 дней. Объясненіе передъ нашими глазами и объясненіе не столь инди-видуальное, чтобы оно не могло быть примѣнено въ другихъ случаяхъ, а напротивъ общее: климатъ—вотъ что создаетъ пути сообщенія и своеобразіе въ зарождающемся денежномъ хозяйствѣ, и если бы мы взяли страну, находящуюся въ одинаковыхъ съ Россіею климатическихъ условіяхъ, — результаты получились бы совершенно тождественныя. Нѣтъ, слѣдовательно, никакого принципіальнаго различія, не говоря уже о діаметральной противо-положности, между экономическими явленіями въ жизни чело-вѣческихъ обществъ, съ одной стороны, и явленіями природы, съ другой. Историческія явленія такъ же повторяются, какъ и явленія природы, и ихъ индивидуальныя особенности, если можно такъ выразиться, не болѣе индивидуальны, чѣмъ особен-ности явленій, изучаемыхъ естествознаніемъ: первыя, какъ и вторыя, объясняются общими законами, формулирующими различ-ныя сочетанія однихъ и тѣхъ-же основныхъ элементовъ.

Могутъ, однако, замѣтить, что. если этотъ выводъ примѣнимъ и правиленъ въ отношеніи къ простѣйшимъ явленіямъ общественной жизни, какими какъ разъ и оказываются явленія экономическія, то по отношенію къ явленіямъ болѣе сложнымъ онъ не имѣетъ значенія, потому что именно эти сложные явленія дѣйствительно индивидуальны, единственны въ своемъ родѣ. Геній—одинокъ, не имѣетъ людей себѣ подобныхъ, исключителенъ по своимъ духовнымъ свойствамъ, качественно отличается отъ остальной массы. Въ области психологической исторіи господствуетъ такимъ образомъ совершенная, абсолютная индивидуальность; здѣсь естественно-научный методъ совершенно непримѣнимъ. Посмотримъ, такъ ли это. Возьмемъ, напр., такую личность, какъ Наполеонъ I. Каковы характеристическіе черты этой, несомнѣнно, крупной, гениальной исторической фигуры? Опредѣляя психическій складъ Наполеона коротко, его надо назвать типическимъ, ярко-выраженнымъ индивидуалистомъ. Въ самомъ дѣлѣ: низшія, элементарныя эгоистическія чувства — чувство страха и склонность къ стяжательству, жадность и скупость — были ему совершенно чужды. Онъ доказалъ свою храбрость на Аркольскомъ мосту, при посѣщеніи чумнаго госпиталя въ Сиріи, во многихъ сраженіяхъ, при возвращеніи съ Эльбы, когда онъ смѣло подошелъ къ аванпостамъ посланнаго противъ него Людовикомъ XVIII Нея и подставилъ свою грудь солдатамъ и т. д. Деньги, богатство, роскошь сами по себѣ для него ничего не значили: онъ щедро ими одѣлялъ всякаго, кто былъ полезенъ ему и его дѣлу, не зная даже простой бережливости, не говоря уже о скупости. Зато въ натурѣ Наполеона весьма видную, даже главную, направляющую роль играли болѣе сложные эгоистическія чувства, тѣ именно чувства, которыя удобнѣе всего назвать индивидуалистическими, потому что въ основѣ ихъ лежитъ чрезвычайно развитое чувство личности, высокое понятіе о значеніи собственного я. Когда Жозефина упрекала его въ невѣрности, онъ не нашелъ другого, болѣе рѣшительнаго аргумента въ свою защиту, какъ категорическое замѣчаніе: «я такъ хочу». Эта *ultima ratio* въ устахъ индивидуалиста чрезвычайно характерна. Отсюда происходило и непомѣрное и непобѣдимое честолюбіе Наполеона, увлекавшее его въ рядъ авантуръ и въ концѣ концовъ погубившее. Онъ самъ сознавалъ за собой это свойство, говоря: «мнѣ нужны честь и слава». Третье индивидуалистическое чувство,—жажда разнообразія и новизны впечатлѣній,—также владѣло Наполеономъ часто направляло въ извѣстную сторону его дѣйствія; отсюда объясняются напр., многіе его грандіозные замыслы и полубезумные по своей смѣлости планы,

иногда и осуществлявшиеся, въ родѣ египетской экспедиціи, высадки въ Англію, покоренія Индіи и т. д. Отсюда же объясняется и его кипучая, непрерывная дѣятельность и удивительная работоспособность: извѣстно, что онъ былъ всегда занятъ и доводилъ до обмороковъ отъ утомленія своихъ министровъ и особенно секретарей. Поэтому-то война, это олицетвореніе быстрой смѣны сильныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, была его истинной стихіей, гдѣ онъ былъ царемъ и богомъ. Господствомъ индивидуалистическихъ чувствованій объясняются и этическія чувства Наполеона. Когда для цѣлей, имъ себѣ поставленныхъ, ему приходилось жертвовать жизнью и благополучіемъ другихъ, онъ не задумываясь дѣлалъ это, обращая этихъ другихъ, по его циническому выраженію, въ «пушечное мясо». Но онъ не былъ вовсе золь, скорѣе былъ доброжелателенъ къ людямъ, умѣлъ быть обаятельнымъ и увлекалъ многихъ, напр. Александра I. Онъ не былъ даже чуждъ настоящей нѣжности къ людямъ, ему близкимъ. Извѣстенъ разсказъ Жозефины, что онъ пролилъ цѣлое море слезъ передъ разлукой съ нею по случаю развода и женитьбы на Маріи-Луизѣ: «бѣдная моя Жозефина», повторялъ онъ, «я не въ силахъ разстаться съ тобою». Но къ кому онъ былъ особенно привязанъ, кого онъ любилъ искренней, великой и безкорыстной любовью,—это къ своему сыну. И какъ истинный индивидуалистъ, ставящій выше всего свою собственную личность, онъ гордился этимъ чувствомъ въ своихъ приказахъ по арміи. Ему не чуждо было, наконецъ, и чувство дружбы: извѣстно горе Наполеона при смертельной ранѣ, полученной его другомъ, маршаломъ Ланномъ. Конечно, и въ этомъ чувствѣ была сильная индивидуалистическая струя: Наполеонъ и здѣсь былъ номеромъ первымъ, подчинялъ себѣ другого человѣка. Эстетическимъ вкусомъ, любовью къ красотѣ и искусству Наполеонъ обладалъ въ значительной мѣрѣ: не однимъ тщеславіемъ и честолюбіемъ надо объяснять его всегдашнія заботы объ обогащеніи Парижа художественными сокровищами, его любовь къ театру и т. д. Но, какъ и всѣ чистые индивидуалисты, онъ не обладалъ творческимъ художественнымъ дарованіемъ. Замѣчательно и характерно также и то, что Наполеонъ былъ полнымъ религіознымъ индифферентистомъ, что онъ смотрѣлъ на религію съ чисто практической точки зрѣнія, какъ на удобное орудіе для воздѣйствія на массы: вѣдь его богомъ была собственная личность, не допускавшая никого и ничего рядомъ съ собою и тѣмъ болѣе выше себя. Переходя изъ области чувствованій, изъ эмоциональной сферы въ область умственной, интеллектуальной дѣя-

тельности, нельзя не отмѣтить необыкновенной силы ума Наполеона, но нельзя не оговориться вмѣстѣ съ тѣмъ, что умъ этотъ былъ въ значительной степени субъективенъ, одностороненъ: Наполеонъ хорошо и тонко понималъ всѣ душевныя движенія, свойственныя его собственной натурѣ, онъ гениально схватывалъ всѣ практическіе вопросы и удачно ихъ разрѣшалъ; но когда ему приходилось сталкиваться съ людьми, ему психически не родственными, онъ плохо ихъ понималъ и, не понимая, презиралъ: извѣстно, напр., его пренебрежительное отношеніе къ теоретикамъ, доктринарамъ, «идеологамъ», какъ онъ ихъ высокоумно называлъ. Въ результатъ такого сочетанія эмоциональных и интеллектуальныхъ свойствъ, объясняемаго именно господствомъ индивидуалистическихъ чувствованій, своеобразно окрашивавшихъ всѣ остальные стороны духовной природы Наполеона, получалась непреклонная воля, выражавшаяся какъ въ способности къ инициативѣ, такъ и въ умѣнѣ доводить разъ начатое дѣло до конца, если, конечно, внѣшнія препятствія не оказывались совершенно неодолимыми.

Таковъ въ главныхъ чертахъ характеръ Наполеона. Является ли онъ въ типичномъ своемъ очертаніи единичнымъ, исключительнымъ, совершенно индивидуальнымъ, качественно отличающимся отъ другихъ людей? Конечно нѣтъ: такихъ индивидуалистовъ много въ извѣстные періоды жизни разныхъ человѣческихъ обществъ и народовъ. Таковъ, напр., Вронскій изъ романа Толстого «Анна Каренина», таковы многіе герои Горькаго, какъ Челкашъ, Коноваловъ, Сережка изъ «Мальвы» и т. д. Они отличаются отъ Наполеона только количественно, а не качественно: у нихъ все медленнѣе, слабѣе, чѣмъ у него, именно потому, что онъ—гений, а они обыкновенные люди. Имъ всѣмъ свойственны и честолюбіе, и жажда новизны, и высокое понятіе о собственномъ я, и субъективизмъ ума, и сила воли и т. д. и т. д. Скажемъ прямо: какую бы гениальную личность мы ни взяли, при внимательномъ психологическомъ анализѣ всегда окажется,—что она можетъ быть причислена въ той или иной психологической группѣ, къ извѣстному типу. Между гениемъ и обыкновеннымъ человекомъ различіе только количественное, а не качественное.

Изъ всего предыдущаго ясно, что мнѣніе о какой-то особенной индивидуальности и неповторяемости явленій общественной жизни по сравненію ихъ съ явленіями внѣшней природы не имѣетъ никакихъ серьезныхъ основаній и противорѣчитъ наблюденіямъ надъ дѣйствительностью: общественныя или, что то же, историческія явленія индивидуальны лишь въ томъ же смыслѣ, въ

какомъ индивидуальны отдѣльныя явленія въ жизни природы, и повторяются совершенно такъ же, какъ и послѣднія.

А если такъ, то ясно, что изученіе причинной связи общественныхъ явленій не только возможно, но и необходимо, и что при томъ установленіе единообразныхъ, постоянныхъ отношеній между причинами и слѣдствіями или такъ называемыхъ общихъ научныхъ законовъ не только возможно, но и необходимо въ общественномъ знаніи. Нечего, слѣдовательно, и говорить о томъ, что исторія должна изучать цѣли, а не причины. Научный методъ—одинъ, и его нужно примѣнять одинаково во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія.

При свѣтѣ сдѣланныхъ наблюденій и полученныхъ выводовъ становится яснымъ и отвѣтъ на вопросъ о возможности предсказаній будущаго въ общественной жизни. Конечно, наши знанія о законахъ развитія общественныхъ явленій настолько еще ограничены, что предсказать будущее во всѣхъ подробностяхъ и тѣмъ болѣе отдаленное будущее—мы не въ состояніи. Годъ, мѣсяцъ, день, часъ того или иного конкретнаго событія непредвидимы. Но развѣ въ жизни природы всегда и все можетъ быть предсказано съ такою точностью и съ такими подробностями? Развѣ въ естествознаніи ошибки и пробѣлы не существуютъ? Это—во-первыхъ, и во-вторыхъ—ограниченность нашихъ современныхъ знаній вовсе не является «предѣломъ, его же не прейдеши», изъ факта незнанія въ настоящее время еще не слѣдуетъ необходимость полнаго невѣдѣнія въ будущемъ: съ развитіемъ общественнаго и социальнаго предсказанія постепенно достигнута болѣе высокая точности. Однако уже при современномъ состояніи нашихъ знаній по исторіи и общественнымъ наукамъ возможны нѣкоторыя предвидѣнія ближайшаго будущаго и даже общія перспективы на будущее болѣе далекое. Соціальныя предсказанія *принципіально* опять таки не отличаются отъ предсказаній естественно-научныхъ, и это совершенно понятно, потому что во всѣхъ отрасляхъ научнаго знанія одинаковую силу имѣетъ идея научнаго закона, устанавливающаго причинную связь явленій.

Но если между прошлымъ и настоящимъ въ общественной жизни существуетъ непрерывающаяся, тѣсная, закономѣрная связь, то не правы ли тѣ, кто полагаетъ, что исторія создаетъ въ жизни каждаго общества и народа традиціи, коренные устои, основныя начала, подлежащія вѣчному сохраненію? Поскольку это воззрѣніе родственно теоріи культурно-историческихъ типовъ національнаго развитія или, что то же, понятію объ исторіи народа какъ о процессѣ совершенно—своеобразномъ, воплощѣ—

индивидуальномъ, не повторяющемся ни въ цѣломъ, ни въ подробностяхъ, — мы имѣли уже съ нимъ дѣло и убѣдились въ его несправедливости. Остается теперь подкрѣпить полученный тогда выводъ надлежащимъ разъясненіемъ понятія объ исторической традиціи.

Чтобы освѣтить этотъ вопросъ, воспользуемся конкретнымъ примѣромъ, котораго намъ уже пришлось коснуться въ предшествовавшемъ изложеніи. Два политическихъ направленія, боровшихся между собою въ XVI вѣкѣ, одинаково и въ значительной мѣрѣ правильно ссылались на историческія традиціи. Боярская партія требовала, чтобы московскій государь дѣлился властью съ боярами, чтобы въ управленіи участвовалъ «синклить», боярскій совѣтъ, какъ постоянное и организованное учрежденіе, и въ подтвержденіе своихъ требованій ссылалась на тотъ фактъ, что прежніе государи совѣтовались съ боярами и любили «встрѣчу», т. е. благосклонно выслушивали возраженіе себѣ въ боярской думѣ. «Самодержавство наше отъ святого Владиміра», говорилъ Іоаннь Грозный, отстаивая свое полновластіе, «русскіе самодержавцы изначала владѣютъ своимъ царствомъ, а не бояре и вельможи». Итакъ, передъ нами два противоположныхъ политическихъ взгляда и оба опираются на историческія традиціи. Что же это значитъ? Это значитъ прежде всего, что *для всякой политической теоріи легко подыскать историческіе прецеденты, традиціи въ прошломъ*, каждое явленіе современной дѣйствительности имѣетъ зародышъ въ прошломъ или, иначе говоря, въ обществѣ въ каждый данный моментъ его историческаго существованія имѣются налицо зачатки самыхъ разнообразныхъ порядковъ и учреждений. Поэтому съ одинаковой степенью основательности могутъ ссылаться на историческіе прецеденты, всѣ различныя партіи, въ данный моментъ между собою борющіяся. Иными словами ссылки эти *сами по себѣ*, внѣ связи съ другими условіями и обстоятельствами не имѣютъ никакого значенія. Допустимъ, напр., что кто-нибудь, рассматривая человѣческій организмъ и замѣчая въ немъ остатки когда-то существовавшаго хвоста, сталъ бы утверждать, что хвостъ долженъ существовать и развиваться въ человѣческомъ организмѣ, потому что это традиція прошлаго. Какъ мы стали-бы возражать на такой взглядъ? Несомнѣнно, мы указали бы, что хвостъ не нуженъ человѣку, что внѣшнія условія человѣческой жизни лишили его пракческаго значенія. Такія-же условія, постороннія, окружающія обстоятельства надо, очевидно, принимать во вниманіе при опредѣленіи значенія историческихъ традицій. Въ общественной жизни, какъ и въ жизни природы, все традиціонно, все опирается на извѣстные прецеденты, но жиз-

ценность и будущность тѣхъ или другихъ порядковъ, идей и учреждений опредѣляется не традиціонностью ихъ, взятой какъ таковая, а наличностью или отсутствіемъ условій и потребностей, ихъ поддерживающихъ и питающихъ или, напротивъ, дѣлающихъ ихъ излишними и вредными. Теорія Грознаго воплотилась въ дѣйствительность именно благодаря цѣлому ряду условій, ее поддерживавшихъ, каковы: необходимость сильной единоличной власти для развитія денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ, для организаціи общества на основѣ крѣпостного права, наконецъ для усиленной и непрерывной внѣшней борьбы. Понятно теперь, что исторія никакъ не можетъ служить оправданіемъ застоя, господства окаменѣлыхъ традицій. Такая окаменѣлость, неподвижность возможны только въ обществѣ, которое ни въ одномъ отношеніи не развивается; разъ хоть въ какой-либо сферѣ общественной жизни наблюдается движеніе, оно неминуемо отразится и въ другихъ ея сферахъ.

Изъ всего, сейчасъ сказаннаго, вытекаетъ практическій выводъ первостепенной важности: при выработкѣ убѣжденій на исторической почвѣ недостаточно отыскать для нихъ историческія традиціи, нужно еще изучить жизнеспособность этихъ традицій, т. е. опредѣлить, какими условіями общегитія онѣ созданы, и продолжаютъ ли существовать эти условія. На этомъ покоится второй случай пракческаго примѣненія исторіи, какъ науки, въ общественной жизни: *исторія при помощи социологическихъ законовъ, ею открываемыхъ, и опирающаяся на эти законы предвидитъ будущаго помогаетъ опредѣлить конкретные общественные идеалы даннаго времени въ связи съ главными условіями общественной жизни.*

Мы видѣли раньше, что исторія даетъ основаніе для научной морали; сейчасъ мы убѣдились, что она служитъ опорой и для научной политики. Можно прибавить къ этому, что благодаря единому историческому основанію мораль и политика становятся въ тѣсную, неразрывную связь между собою, чѣмъ обуславливается цѣльность человѣческой личности, держащейся научнаго міросозерцанія, въ практической жизни. Само собою разумѣется, самая выработка научной морали и научной политики на исторической почвѣ требуетъ отъ человѣка громаднаго труда и большихъ знаній. Нормы нравственности и права при такихъ условіяхъ не могутъ быть измышлены человѣкомъ путемъ простаго самоуглубленія, чистаго умозрѣнія. Житейскія задачи, столь просто разрѣшаемыя умозрительной философіей, оказываются съ точки зрѣнія научной философіи несравненно болѣе сложными и трудными. Для ихъ разрѣшенія надо много работать и много

учиться каждому поколѣнію, выступающему на арену общественной жизни и дѣятельности. Но трудъ этотъ не пропадаетъ даромъ, онъ въ высокой степени плодотворенъ и является залогомъ грядущихъ успѣховъ общества. Необходимо поэтому привлечь къ нему возможно большее количество живыхъ общественныхъ силъ, которые поняли бы, что единственная могучая сила нашего времени заключается въ научномъ знаніи, и что этой силѣ и только ей одной принадлежитъ будущее.

Научное міросозерцаніе и исторія.

Появленіе враждебнаго идейнаго теченія всегда заставляеть сторонниковъ извѣстнаго міросозерцанія пересмотрѣть свой багажъ, укрѣпиться на своей позиціи, систематизировать и привести въ надлежащую ясность свои воззрѣнія. Успѣхъ и популярность такъ-называемаго идеализма налагають на приверженцевъ положительной философіи именно такую обязанность пересмотра, систематизаціи и уясненія взглядовъ, ими исповѣдуемыхъ. Представить въ сжатой и по возможности общедоступной формѣ схему современнаго критико-позитивнаго или научнаго міросозерцанія и отношенія къ нему исторической науки и составляетъ задачу предлагаемаго очерка.

Духовный отецъ современнаго идеализма—Кантъ—различалъ, какъ извѣстно, двѣ основныхъ категоріи явленій: категорію бытія, или область чистаго разума, и категорію долженствованія, или область разума практическаго. Ни одинъ сторонникъ научнаго міровоззрѣнія, или, что то же, ни одинъ критическій позитивистъ, ничего не можетъ имѣть противъ такого дѣленія, пока оно ограничивается простымъ констатированіемъ того устанавливаемаго научно, т.-е. при помощи точно провѣренныхъ и правильно поставленныхъ опыта и наблюденія, факта, что человѣкъ не только теоретически изучаетъ окружающія его явленія, не только познаетъ существующее, но и оцѣниваетъ его, рѣшаетъ вопросъ о томъ, что должно быть. Разногласіе между позитивистами и идеалистами начинается тогда, когда у послѣднихъ заходитъ рѣчь объ особой природѣ моральныхъ явленій, о абсолютномъ характерѣ нравственныхъ понятій, основнымъ изъ которыхъ признается понятіе «добра». Въ основѣ этого разногласія лежитъ гносеологическій вопросъ, т.-е. вопросъ, относящійся къ теоріи

познания. Гносеология идеалистовъ, слѣдующихъ и въ этомъ отношеніи Канту, отличается дуализмомъ: они признаютъ, что въ области чистаго разума (въ явленіяхъ, подводимыхъ подъ категорію бытія) человѣческое знаніе относительно, человѣкъ познаетъ только *феномены* (то, что ему кажется), или состоянія собственнаго сознанія, а не *ноумены*, не сущности вещей, не вещи, какъ онѣ есть сами по себѣ, независимо отъ человѣческаго сознанія; но въ области практическаго разума (въ явленіяхъ, подводимыхъ подъ категорію долженствованія) господствуютъ, по мнѣнію идеалистовъ, абсолютныя начала, не познаваемые человѣкомъ посредствомъ опыта и наблюденія, а постигаемые имъ при помощи внутренней интуиціи, умозрѣнія, независимаго отъ научныхъ приемовъ познания и ничего общаго съ ними не имѣющаго. Въ сущности, эта теорія недалеко ушла отъ обычнаго пониманія моральныхъ задачъ: вѣдь каждый человѣкъ изъ толпы, даже полубразованной, не говоря уже о совершенно некультурной, является въ обыденной жизни несомнѣннымъ и безусловнымъ абсолютистомъ въ своихъ нравственныхъ сужденіяхъ, выбираетъ какую-нибудь трафаретку и, не задумываясь, примѣняетъ это мѣрило для моральныхъ приговоровъ о прошломъ и настоящемъ, не принимая въ соображеніе никакихъ конкретныхъ обстоятельствъ. Вѣдь и политическая метафизика—эта старая и неизбѣжная болѣзнь полукультурныхъ умовъ—построена на томъ же началѣ моральнаго абсолютизма. И это одинаково справедливо по отношенію и къ радикальной, и къ реакціонной политической метафизикѣ; вся разница между той и другой заключается только въ принципахъ, которымъ, какъ фетишамъ, онѣ поклоняются: радикальными фетишами являются: «свобода, равенство, братство», реакціонными—«опека, власть, привилегія»; но методъ сужденія и у радикальныхъ, и у реакціонныхъ метафизиковъ совершенно одинаковъ: съ точки зрѣнія первыхъ, свобода, напр., всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, какая бы то ни было свобода,—есть благо; то же самое можно сказать о власти съ точки зрѣнія вторыхъ. Въ сущности, такимъ образомъ, масса бессознательно держится тѣхъ самыхъ моральныхъ взглядовъ, какіе теперь сознательно проповѣдуются подъ именемъ идеализма. Впрочемъ, въ одномъ отношеніи сознательные философскіе идеалисты дѣлаютъ шагъ впередъ, несомнѣнно, приближающій ихъ къ научной, позитивно-критической морали: *понятіе «добра», лежащее въ основѣ явленій категоріи долженствованія, они признаютъ чисто-формальнымъ, лишеннымъ всякаго содержанія, «категорическимъ императивомъ», велѣніемъ стремиться къ добру, не дающимъ само по себѣ отвѣта на то, что такое добро. Этотъ*

отвѣтъ, и по ихъ мнѣнію, для каждаго даннаго конкретнаго случая должна дать положительная наука, изъ которой и только изъ нея одной и можетъ быть почерпнуто содержаніе для формальнаго понятія «добра». Не ясно ли, что изложенная теорія является, въ сущности, компромиссомъ между вульгарной и научной моралью, переходной ступенью отъ первой ко второй?

Какъ всякій компромиссъ, эта теорія не можетъ удовлетворить ни ту, ни другую сторону. Безсознательные абсолютисты въ морали, вдумавшись въ предлагаемый имъ идеализмъ и понявъ его, будутъ разочарованы безсодержательностью формальнаго понятія «добра»: вѣдь имъ надо, чтобы былъ указанъ разъ навсегда единый и неизмѣнный реальный признакъ «добра», а имъ предлагаютъ голую схему. Критическіе позитивисты въ свою очередь не могутъ примириться съ дуалистической гносеологіей идеализма. Монизмъ, ученіе, въ единомъ синтезѣ обнимающее всю теорію и практику, бытіе и долженствованіе, чистый и практическій разумъ слишкомъ привлекательны для человѣческаго ума, чтобы можно было отъ него отказаться и примириться съ раздвоенностью міросозерцанія. Позитивисты и настаиваютъ на томъ, что можно назвать феноменологическимъ монизмомъ въ теоріи познанія. *Человѣкъ познаетъ всегда только феномены и ничего больше; онъ познаетъ ихъ лишь путемъ опыта и наблюденія; вотъ два положенія, на которыхъ покоится позитивно-критическая теорія познанія.* Что эта теорія должна быть примѣняема не только къ однимъ явленіямъ категоріи бытія, какъ то утверждаютъ идеалисты, но и къ явленіямъ категоріи долженствованія, это видно изъ того, во-первыхъ, что, анализируя формальное, лишенное всякаго содержанія, понятіе добра, мы не найдемъ въ немъ, если оно формально, ничего, кромѣ простого констатированія того эмпирически-устанавливаемаго факта, что человѣкъ имѣетъ волю и дѣйствуетъ; во-вторыхъ, изъ того, что, какъ только мы попытаемся заполнить эту форму конкретнымъ содержаніемъ, такъ безъ труда убѣдимся въ относительности и нашихъ нравственныхъ понятій: допустимъ, напр., что мы признаемъ добромъ свободу; это признаніе въ его абсолютной формѣ совершенно несостоятельно, потому что не всякая свобода соответствуетъ реальнымъ интересамъ общества какъ цѣлаго: такъ, пресловутая свобода труда, отрицающая рабочія организаціи и рабочее законодательство, несомнѣнное зло не только для рабочихъ, но и для общества какъ цѣлаго, потому что ведетъ къ угнетенію, вырожденію и вымиранію значительной части населенія.

Изъ только-что сказаннаго видно, что *основное понятіе по-*

житивной или научной морали — это не формальное добро, а реальные интересы общества как цѣлаго въ данный моментъ его существованія. Высказывая это положеніе, мы приближаемся тѣмъ самымъ къ разсмотрѣнію вопроса, какое значеніе имѣетъ для научнаго міросозерцанія и въ частности для научной морали исторія, потому что *исторія и даетъ какъ разъ основу для главнаго понятія научной морали — реальныхъ интересовъ общества какъ цѣлаго.* Для разъясненія и доказательства этого важнаго положенія необходимо войти въ разсмотрѣніе нѣсколькихъ историческихъ примѣровъ.

Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ существовали учрежденія и порядки, признанные теперь несостоятельными и вредными и давно уже уничтоженные. И замѣчательно, что эти учрежденія и порядки существовали въ обществахъ здоровыхъ, не только сохранявшихъ свою жизненность, но и непрерывно развивавшихся. Въ чемъ причина такой былой жизнеспособности установленій, кажущихся намъ противорѣчащими самымъ элементарнымъ требованіямъ справедливости и общаго блага? Въ томъ, что эти установленія въ прошломъ соотвѣтствовали реальнымъ интересамъ общества какъ цѣлаго. Возьмемъ, напр., русское судопроизводство въ эпоху Русской Правды, т.-е. въ XI и XII вѣкахъ. Первой основной чертой его была, какъ извѣстно, ничтожная роль общественной власти въ производствѣ слѣдствія: такъ, напр., при побояхъ самъ потерпѣвшій искалъ свидѣтелей преступленія, общественная власть не принимала на себя этой обязанности; точно такъ же самъ истецъ «закликалъ на торгу» о пропажѣ принадлежавшей ему вещи или холопа: опять изъ его заявленія о потерѣ не вытекала необходимость дѣятельнаго и самостоятельнаго производства слѣдствія властями; даже при убійствѣ или кражѣ, когда преступникъ не былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, слѣдствіе производилось истцомъ, при чемъ только волость, или вервь, обязана была отводить слѣдъ, если онъ приводилъ въ ея предѣлы. Все дѣло ограничивалось со стороны властей лишь помощью истцу въ отдѣльных случаяхъ: такъ, посадникъ долженъ былъ помогать при поимкѣ бѣглаго холопа, давая истцу отрока. Вторая черта древнѣйшаго русскаго судопроизводства—это слабость участія судебной власти въ самомъ судовореніи. Основная причина этого явленія—сильный формализмъ процесса по Русской Правдѣ. Формализмъ выражался по преимуществу въ формальномъ отношеніи къ судебнымъ доказательствамъ, въ безусловномъ къ нимъ довѣріи, если выполнена была извѣстная форма. Такъ, при преступленіяхъ противъ здоровья и чести, по тѣмъ дѣламъ объ убійствѣ, въ

которыхъ отвѣтчикъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, наконецъ, при кражѣ, если опять-таки онъ былъ пойманъ съ личнымъ, дословно-сходнымъ съ обвиненіемъ, предъявленнымъ со стороны истца, показанія свидѣтелей-очевидцевъ не подвергались оспариванію со стороны отвѣтника, послѣдній даже не допрашивался, а судья просто обязанъ былъ постановить приговоръ, безусловно довѣряя словамъ свидѣтелей. Роль судьи была, такимъ образомъ, почти совершенно-пассивной, дѣятельнаго участія въ процессѣ онъ, въ сущности, не принималъ. Съ нашей современной точки зрѣнія такая организація судопроизводства не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, совершенно не удовлетворяетъ интересамъ правосудія. Но не то было тогда: не говоря уже о томъ, что если бы въ то время по какой-либо совершенно невѣроятной случайности осуществилось въ дѣйствительности современное намъ судоустройство и судопроизводство, то общество совершенно разорилось бы, не въ состояніи было бы выпнести эту тяготу по чисто экономическимъ причинамъ,—самые интересы правосудія лучше удовлетворялись тогда при наличности формализма и слабости судебной власти, нежели при судоустройствѣ и судопроизводствѣ, технически болѣе совершенныхъ: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь некультурность населенія, его разбросанность и отсутствіе надлежащаго контроля и надзора повели бы при болѣе активной роли судьи къ господству судейскаго усмотрѣнія, тогда какъ «форма спасала процессъ отъ безпорядочности и хаотичности, которая явилась бы результатомъ произвольныхъ и безконтрольных дѣйствій тяжущихся (и, прибавимъ, самихъ судей), давала гарантію слабой и неопытной сторонѣ противъ сильнаго и искуснаго противника» ¹⁾).

Приведенный примѣръ, какъ кажется, въ достаточной степени характеризуетъ тѣсную связь всякаго рода учреждений съ общимъ строемъ и направленіемъ общественной жизни извѣстнаго времени и проистекающую отсюда съ необходимостью относительность моральной оцѣнки отдѣльных учреждений: то, что при современныхъ намъ условіяхъ является противорѣчающимъ справедливости, въ свое время какъ нельзя болѣе съ ней гармонировало.

Возьмемъ другой примѣръ. Мораль нашего времени не мирится съ состояніемъ несвободы; крѣпостное право и рабство представляются теперь съ нравственной точки зрѣнія вопіющимъ и непререкаемымъ зломъ. Но въ исторіи каждой страны былъ

---

¹⁾ П. Бяляевъ: „Очерки права и процесса въ эпоху Русской Правды“, въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и обществ. знаній“, т. V, стр. 11.

долгий периодъ, когда крѣпостничество господствовало и, можно даже сказать, давало основной тонъ всей общественной и частной жизни. И опять-таки, несмотря на это, общество существовало и развивалось, пока, наконецъ, въ процессѣ этого развитія не дошло до отрицанія старыхъ крѣпостныхъ отношеній. Почему же общество не погибло при крѣпостномъ правѣ? Отвѣтъ ясенъ: потому что крѣпостное право соответствовало реальнымъ интересамъ общества какъ цѣлаго. Въ самомъ дѣлѣ: рассмотримъ реальные силы, вызвавшія въ жизни и поддерживавшія крѣпостныя отношенія въ Россіи. Хорошо извѣстно, что крѣпостное право выработалось и сложилось въ теченіе второй половины XVI вѣка и въ первую половину XVII столѣтія и затѣмъ расцвѣло вплоть въ XVIII вѣкѣ. Что представляла собой въ это время Россія въ хозяйственномъ отношеніи? Страна переживала тогда первую стадію развитія денежнаго хозяйства, характеризуемую тѣмъ, что постепенно масса населенія начинаетъ втягиваться въ товарное обращеніе, въ производство не для собственного потребленія, а для рынка. Этотъ процессъ совершается не сразу, а медленно и по частямъ: не все населеніе и сначала даже не большинство его захватывается имъ и притомъ захватывается не цѣликомъ, а лишь отчасти, въ нѣкоторыхъ только проявленіяхъ своей хозяйственной энергіи. При всемъ томъ, однако, перемѣна очень существенна, подламываетъ самые основные устои старыхъ порядковъ и сооружаетъ совершенно новый фундаментъ для невѣдомыхъ прежде экономическихъ отношеній. Такая перестройка всего общества на новыя основанія не обходится даромъ, особенно для матеріально-слабыхъ хозяйственныхъ единицъ, какими являются отдѣльные крестьянскіе семейные союзы: каждую минуту грозитъ катастрофа, которая легко можетъ смести цѣликомъ и уничтожить безъ остатка плоды многолѣтнихъ усилій и трудовъ и привести благосостояніе и жизнь семьи на край гибели, а это противорѣчитъ реальнымъ интересамъ не только крестьянской массы, но и всего общества какъ цѣлаго, потому что ростъ населенія есть необходимое условіе его дальнѣйшаго развитія. Отсюда и вытекаетъ необходимость установленія крѣпостного права, т.-е. такихъ отношеній, которыя, обязывая крестьянина барщиной и оброкомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обуславливаютъ поддержку ему со стороны владѣльца въ трудныя минуты хозяйственнаго переворота. Такимъ реальнымъ и не подлежащимъ сомнѣнію общественнымъ интересамъ удовлетворяло въ свое время крѣпостное право, и потому оно морально оправдывается для извѣстной эпохи. Принципъ относительности, феноменализма въ отношеніи къ моральной проблемѣ укрѣпляется, очевидно, и вторымъ приведеннымъ нами примѣромъ.

Предубѣжденные и недостаточно осторожные и внимательные противники научнаго міровоззрѣнія, познакомившись съ тѣмъ, что только что сказано, могутъ поставить намъ въ упрекъ преклоненіе передъ фактомъ, извѣстнаго рода реалистическій фетишизмъ, идею, что все существующее справедливо и разумно, въ сущности, полный моральный индифферентизмъ или, если угодно, абсолютный оптимизмъ. Этотъ возможный упрекъ совершенно, однакоже, несправедливъ. *Съ точки зрѣнія научной морали оправдывается далеко не все существующее и опять на основаніи того же критерія—реальныхъ интересовъ общества какъ цѣлаго въ данный моментъ его существованія.* Въ жизни отдѣльных соціальныхъ организмовъ нерѣдко обнаруживаются явленія патологическія, болѣзненныя, носяція въ себѣ зародыши разложенія и смерти, противорѣчація реальнымъ интересамъ общества какъ цѣлаго. Тогда больной соціальный организмъ погибаетъ, поглощается болѣе крѣпкими, здоровыми и сильными и лишь въ связи съ послѣдними получаетъ возможность развиваться далѣе. Такъ случилось съ вольными городами древней Руси—Новгородомъ и Псковомъ; то же произошло позднѣе съ Польшей. Соціальный строй Новгорода и Пскова покоился на аристократической привилегіи, что отражалось и въ политической сферѣ. Въ XV вѣкѣ это оказалось въ прямомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ реальными интересами мѣстнаго общества какъ цѣлаго: масса населенія подчинялась политическому гнету банкирской, торговой и землевладѣтельской аристократіи, причемъ этотъ гнетъ не оправдывался экономическими потребностями времени, потому что сосредоточивавшійся въ рукахъ аристократіи капиталъ лишь механически примѣшивался къ хозяйственной жизни страны, не вступая въ органическую связь съ коренными элементами этой жизни, а въ перспективѣ открывалась необходимость установленія именно этой органической связи путемъ развитія денежнаго хозяйства взамѣнъ натурального. Подъ давленіемъ этихъ условій и пала политическая самостоятельность древне-русскихъ вольныхъ городовъ, съ нею рухнули соціальныя привилегіи, въ нихъ существовавшія, и вмѣстѣ открылась возможность дальнѣйшаго, болѣе здороваго развитія въ составѣ болѣе крѣпкаго соціального цѣлаго—Московского государства. На соціальныхъ и политическихъ привилегіяхъ дворянства покоился и строй Рѣчи Посполитой въ XVIII вѣкѣ. Было время, когда этотъ строй соответствовалъ реальнымъ интересамъ общества какъ цѣлаго: это было тогда, когда Польша, Литва и Западная Русь переживали первую стадію развитія денежнаго хозяйства, сопровождающуюся полнымъ господствомъ земледѣлія и отсутствіемъ капиталистиче-

ской организаціи обрабатывающей промышленности. Но это время прошло: надо было преобразовать народное хозяйство страны, возвести его въ высшій типъ промышленно-земледѣльческаго экономического организма на капиталистической основѣ. Для этого нужны были обширные и свободные рынки, которые разорванная на три лоскута Польша и приобрѣла вмѣстѣ съ возможностью дальнѣйшаго развитія послѣ исторической трагикомедіи, извѣстной подъ именемъ паденія Польши. Въ обоихъ случаяхъ,—и въ вольныхъ городахъ древней Руси XV вѣка, и въ Рѣчи Посполитой XVIII столѣтія, — социальныя и политическія привилегіи являются, съ точки зрѣнія научной морали, явлениями отрицательными вслѣдствіе ихъ противорѣчія реальнымъ интересамъ общества какъ цѣлаго въ данный моментъ его существованія. Этотъ выводъ снимаетъ всякое подозрѣніе въ преклоненіи передъ фактомъ, въ моральномъ индифферентизмѣ или абсолютномъ оптимизмѣ. Въ оптимизмѣ относительномъ оправдываются не приходится, потому что онъ неразлученъ съ самой жизнью, безъ него нѣтъ бытія, нѣтъ и долженствованія, если не считать обязанности погибнуть. А научное міросозерцаніе не можетъ помириться съ философіей отчаянія и апопееозомъ смерти.

Но, утверждая относительность нравственныхъ понятій, какъ и относительность теоретическихъ истинъ, послѣдователи научнаго міросозерцанія не могутъ признать эту относительность въ обоихъ случаяхъ совершенно безпредѣльной. Напротивъ, для нея есть предѣлы, и они поставлены тѣмъ же гносеологическимъ принципомъ, въ силу котораго человѣкъ познаетъ только состоянія собственного сознанія. Единство познаваемого объекта и познающаго субъекта ставитъ предѣлы относительности знанія, дѣлая не безусловной самую эту относительность. На этомъ единствѣ покоится возможность культурнаго преемства и умственной связи отдѣльныхъ людей и разныхъ поколѣній.

Есть еще одинъ упрекъ, несправедливо бросаемый сторонникамъ научной морали идеалистами: говорятъ, что научная мораль не въ состояніи подвигнуть человѣка на самопожертвованіе и подвигъ. Въ спорѣ, свидѣтелями и участниками котораго мы всѣ являемся, не можетъ быть, конечно, рѣчи о какихъ-нибудь подозрѣніяхъ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ: жизнь сама покажетъ, кто изъ идеалистовъ и изъ сторонниковъ научной морали окажется на высотѣ положенія въ тотъ великій и страшный часъ, когда передъ каждымъ изъ насъ грозно встанетъ моральная дилемма, когда каждому придется выбирать между вѣрностью своимъ принципамъ и самосохраненіемъ: мы нимало не со-

миѣваемся, что и на той, и на другой сторонѣ найдутся твердые и честные люди. Но, спрашивается, неужели, отвлекаясь отъ отдѣльныхъ личностей, ставя вопросъ принципиально, можно думать, что убѣжденный и искренній сторонникъ научной морали, для котораго нѣтъ ничего, кромѣ конкретной нравственной задачи, имѣ признаваемой, менѣе способенъ къ самопожертвованію и подвигу въ пользу этой ничѣмъ незатемняемой и незаслоняемой нравственной задачи, чѣмъ идеалистъ, у котораго, даже при неудачѣ въ достиженіи конкретной цѣли, все же остается утѣшеніе въ видѣ абсолютной, хотя бы и формальной, лишенной содержанія идеи добра? Вѣдь для того, кто исповѣдуетъ научную мораль, нѣтъ жизни внѣ конкретной нравственной задачи, имѣ себѣ поставленной.

Значеніе и судьбы новѣйшаго идеализма въ Россіи.

По поводу книги „Проблемы идеализма“.

Наблюдая какое-либо идейное теченіе, въ большей или меньшей степени привлекающее вниманіе общества, человекъ позитивно-критическаго міросозерцанія, покоящагося на исторической основѣ, чувствуетъ прежде всего потребность опредѣлить тѣ условія, какія вызвали къ жизни это идейное теченіе, и предугадать его будущую судьбу. На этомъ покоится разрѣшеніе другого важнаго вопроса,—о томъ, какъ опредѣлить свое субъективное отношеніе къ данной теоріи, какой способъ дѣйствія по отношенію къ ней слѣдуетъ усвоить. Но само собой разумѣется, что для правильнаго рѣшенія этихъ задачъ первостепенной важности необходимо познакомиться возможно лучше и полнѣе съ самой теоріей, которая должна выдержать такое двойное испытаніе. Эта, такъ сказать, предварительная задача изученія самаго матеріала облегчается въ нашемъ спеціальному случаѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдователи новѣйшаго идейнаго теченія, въ томъ или другомъ смыслѣ занимающаго русское общество сейчасъ, издали большую книгу, долженствующую, по всѣмъ признакамъ, служить ихъ символомъ вѣры или манифестомъ ихъ воззрѣній.

Но необходимо оговориться; мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ авторы книги «Проблемы идеализма» несутъ коллективную отвѣтственность за все, въ этой книгѣ содержащееся. Существуютъ совершенно объективныя основанія предполагать, что такой коллективной нравственной отвѣтственности даже совсѣмъ быть не можетъ, потому что наблюдаются нерѣдко очень существенныя,

принципіальныя разногласія между лицами, выступившими подъ однимъ идейнымъ знаменемъ. Поэтому удобнѣе будетъ сначала выдѣлить то, что соединяетъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, большинство составителей книги, и опредѣлить свое отношеніе къ этой общей теоріи, а потомъ уже обратиться къ разбору отдѣльныхъ частныхъ, возлагая отвѣтственность за послѣднія на отдѣльныхъ лицъ.

Итакъ, что такое идеализмъ, насколько это можно понять по книгѣ «Проблемы идеализма»?

Первое, что можно и должно сказать объ идеализмѣ, это то, что это—*моральная* доктрина, признающая первостепенную важность проблемы о должномъ: «та основная проблема, которая въ наше время приводитъ къ возрожденію идеалистической философіи, есть прежде всего проблема моральная¹⁾», говоритъ редакторъ книги въ своемъ предисловіи, и эта мысль повторяется въ различныхъ выраженіяхъ въ отдѣльныхъ статьяхъ сборника²⁾.

Вторая отличительная черта идеалистической философіи заключается въ *отрицательномъ отношеніи къ рѣшенію моральной задачи положительной наукой*. «Обращаясь къ тѣмъ направленіямъ, которыя не хотятъ знать ничего, кромѣ опытныхъ началъ, мы убѣждаемся въ ихъ безсиліи разрѣшить этотъ важный и дорогой для насъ вопросъ»³⁾, читаемъ въ предисловіи; подобное видимъ и въ другихъ мѣстахъ⁴⁾. Основанія, по которымъ рѣшеніе моральной проблемы признается непосильнымъ для опытной науки, сводятся къ слѣдующему: 1) «на вопросъ о томъ, что должно быть, знаніе того, что было и что есть, не можетъ дать отвѣта»⁵⁾; 2) для положительной науки и въ частности для исторіи возможны лишь «гипотетическія предположенія» или «обоснованныя ожиданія» отъ будущаго, а «утверждать на этихъ предположеніяхъ свой нравственный идеаль значило бы лишать его настоящей широты и твердости»; вопросъ о должномъ выходитъ изъ сферы положительной науки⁶⁾; 3) обществознаніе существеннымъ образомъ отличается отъ естествознанія; потому что, во-первыхъ, по Риккерту и Виндельбанду, естествознаніе обращаетъ вниманіе на общее, а исторія на особенное, «на уста-

¹⁾ „Проблемы идеализма“, стр. VІІІ; ниже, когда въ ссылкахъ указаны страницы безъ обозначенія заглавія сочиненія, разумѣется всегда эта книга.

²⁾ Стр. 3, 249 и др.

³⁾ Стр. VІІІ.

⁴⁾ Стр. 3, 255, 262, 263, 301, 506.

⁵⁾ Стр. 255.

⁶⁾ Стр. 262.

новленіе дѣйствительности съ ея индивидуальными особенностями», почему исторія не повторяется, и соціальныя предсказанія невозможны ¹⁾; во-вторыхъ, въ основѣ естественно-научнаго міропониманія лежитъ понятіе необходимости, а съ соціологической точки зрѣнія важно только понятіе возможности, при ближайшемъ анализѣ обращающееся въ понятіе нравственнаго долженствованія ²⁾).

Третье основное положеніе идеализма сводится къ *утвержденію равноправности религіи и философіи съ наукой и независимости проблемы моральной отъ категоріи бытія*. Это послѣднее доказывается слѣдующими соображеніями: 1) долженствованіе сверхъопытнаго происхожденія ³⁾; 2) долженствованіе немислимо безъ свободы воли, а опытъ признаетъ лишь необходимость, — связь причинъ и слѣдствій ⁴⁾; 3) «подчиненіе долженствованія бытію... коренится... въ идолопоклонствѣ передъ принципомъ причинности. Оно забываетъ, что въ опытѣ или наукѣ намъ открывается причинность и способъ бытія, но что самое бытіе, какъ таковое, остается для насъ всегда и непознаннымъ и необъясненнымъ» ⁵⁾; 4) «отрицаніе должнаго, какъ самостоятельной категоріи, независимой отъ эмпирическаго сущаго и не выводимой изъ него, ведетъ къ упраздненію не только этики, но и самой нравственной проблемы» ⁶⁾).

Слѣдуя дуалистической гносеологіи Канта, идеалисты, вслѣдъ за тѣмъ же Кантомъ, утверждаютъ, что *абсолютныя моральныя понятія—формальны, лишены содержанія, являются простыми велѣніями, категорическими императивами*, — и это составляетъ четвертое основное положеніе идеалистической философіи; абсолютная цѣнность долженствованія—«это абсолютизмъ не факта, а идеи, не проявленія, а сущности, не конкретнаго содержанія, а отвлеченной формы ⁷⁾»; и въ соціальныхъ идеалахъ выступаетъ «формальный характеръ нравственнаго долженствованія» ⁸⁾.

Наконецъ, пятая главная идея, проводимая идеализмомъ, касается содержанія моральныхъ понятій. Нельзя сказать, чтобы, утверждая формализмъ долженствованія, идеалисты признавали исполнѣ и безраздѣльно принципъ относительности въ содержаніи

¹⁾ Стр. 12—13, 14, 261, 263, 307 и 377.

²⁾ Стр. 302, 303, 359.

³⁾ Стр. VII, 1, 6, 490, 520.

⁴⁾ Стр. 30, 96, 97, 255.

⁵⁾ Стр. 30—31.

⁶⁾ Стр. 79; ср. стр. 94.

⁷⁾ Стр. 286.

⁸⁾ Стр. 288.

нравственныхъ понятій: абсолютъ проникъ и сюда. Правда, они утверждаютъ, что положительная наука помогаетъ абсолютной нравственной философіи, «даетъ пустой формѣ абсолютнаго долженствованія конкретное, относительное содержаніе» ¹⁾, но полагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что *необходимо знать конечныя цѣли мірозданія* ²⁾, что эти цѣли — по крайней мѣрѣ отчасти — отражаются въ исторіи, такъ что «процессъ исторіи — процессъ созданія абсолютной морали», «въ историческомъ процессѣ выражена міровая, провиденціальная мысль» ³⁾; и даже формулируютъ нѣкоторые основные принципы абсолютной морали со стороны ея содержанія: эти принципы—свобода и провозглашеніе человѣка, человѣческой личности «самоцѣлью» ⁴⁾.

Таковыя основныя положенія идеализма, и такъ они доказываются въ разбираемой книгѣ. Мысли и доказательства, сейчасть изложенныя, принадлежать изъ 12-ти составителей книги лишь семи: С. Н. Булгакову, П. Г., Н. А. Бердяеву, С. А. Асвольдову, П. И. Новгородцеву, Б. А. Кистяковскому и Д. Е. Жуковскому. Что касается кн. Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка, кн. С. Н. Трубецкого, А. С. Лаппо-Данилевскаго и С. Ѳ. Ольденбурга, то, несомнѣнно, сочувствуя въ общемъ идеализму, они, можетъ быть, понимаютъ его и нѣсколько иначе, чѣмъ ихъ товарищи: статьи этихъ пяти лицъ не даютъ возможности судить, раздѣляютъ ли они во всѣхъ подробностяхъ изложенную теорію. Мало того: хотя авторы, отнесенные мною въ первую группу, и исповѣдуютъ одни и тѣ же принципы, но указанныя выше доказательства этихъ общихъ началъ не у всѣхъ одинаковы, такъ что, при всемъ стараніи выдѣлить общее и основное, пришлось вклучить въ предшествующее изложеніе кое-что такое, что можетъ быть отнесено на счетъ лишь отдѣльныхъ лицъ.

Спрашивается теперь, почему эта теорія привлекаетъ сочувствіе общества? Говоря объ обществѣ, нельзя, конечно, представлять себѣ его какъ нѣчто цѣлое, единое, недѣлимое. Даже въ образованномъ обществѣ надо различать, по крайней мѣрѣ, двѣ группы: первую составляютъ люди, которые могутъ и хотятъ оцѣнить не только отдѣльныя частности извѣстнаго идейнаго построенія, но и все это построеніе въ цѣломъ; такихъ людей меньшинство, и не о нихъ мы сейчасъ говоримъ; мы говоримъ о томъ подавляющемъ большинствѣ, которое, нерѣдко не будучи въ состояніи охватить цѣлое, беретъ изъ каждой теоріи то, что

¹⁾ Стр. 39, 292, 294.

²⁾ Стр. 16, 79, 214, 296, 520.

³⁾ Стр. 521, 44.

⁴⁾ Стр. 35, 104, 106, 112, 214, 281, 283, 294, 511, 521.

въ данный моментъ близко его сердцу, соотвѣтствуетъ его духовнымъ запросамъ. Этому большинству предстоитъ еще въ будущемъ—и можетъ быть въ довольно далекомъ будущемъ—работа объединенія своихъ идей и симпатій въ болѣе или менѣе цѣльную систему. И художественная литература послѣдняго времени, и личныя наблюденія каждаго убѣждаютъ въ томъ, что въ русскомъ обществѣ прочно утверждается высокій взглядъ на права человѣческой личности. Эта идея нашла себѣ выраженіе въ пятomъ основномъ положеніи идеалистической доктрины, и она-то, по моему мнѣнію, и привлекаетъ массу русскаго образованнаго общества къ новому ученію. И для массы привлекательна не только индивидуалистическая струя въ идеалистической философіи, но и провозглашеніе автономіи и правъ личности какъ абсолютнаго нравственнаго начала, необходимаго и неизмѣннаго для всѣхъ временъ и народовъ: вѣдь моральный абсолютизмъ такъ свойственъ обыденному мышленію, что это послѣднее, не обинуясь, примыкаетъ къ философскому ученію, оправдывающему этотъ абсолютизмъ. И еще одна черта дѣлаетъ идеализмъ желаннымъ для большинства: это—примиреніе съ религіей какъ санкціей морали. Таковы, какъ кажется, психическія основы увлеченія большинства идеализмомъ. Этому большинству остается чуждой та поправка, которую вноситъ идеализмъ въ обыденный складъ мышленія, — поправка, сводящаяся къ провозглашенію моральнаго принципа формальнымъ.

Но и среди меньшинства есть люди, которые открыто и охотно примыкаютъ къ идеалистической философіи: это тѣ, кто принимаетъ ее въ цѣломъ, кто цѣнитъ и только что указанную философскую поправку, кто ищетъ откровенія не только въ Кантѣ, но и въ Фихте и въ Гегелѣ. Люди этого типа, какъ и тѣ, о которыхъ только что шла рѣчь,—не исключительно наше, русское явленіе: такихъ людей лѣтъ 50 тому назадъ много было въ Германіи. Крупнѣйшимъ представителемъ такого типа является Лассаль съ его двойственной натурой, въ которой этические запросы сочетались съ индивидуалистическими стремленіями. Реальныя условія русскаго общественнаго развитія въ наше время близки къ тѣмъ, въ которыхъ протекала жизнь нѣмецкаго общества полвѣка тому назадъ. Неудивительно, что и психологія общества складывается приблизительно одинаково, и идейныя теченія повторяются съ поразительнымъ сходствомъ.

Съ точки зрѣнія позитивно-критической, признающей за основу для моральныхъ приговоровъ реальныя интересы общества въ данный моментъ его существованія, укрѣпленіе и увеличеніе правъ личности въ настоящее время оправдывается не въ меньшей сте-

пени, чѣмъ съ идеалистической точки зрѣнія. Понятно, что критическій позитивистъ можетъ и долженъ признать за идеализмомъ нѣкоторое практическое значеніе: не разрывая рѣзко съ традиціями, мирясь съ ними и оправдывая ихъ, примѣняясь къ обычному міросозерцанію, идеализмъ вмѣстѣ съ тѣмъ проводитъ здоровое нравственное начало, соответствующее реальнымъ интересамъ общества, какъ цѣлаго, въ данный моментъ его существованія; этого мало: своими отступленіями отъ обычнаго міросозерцанія массы идеализмъ будитъ въ послѣдней мысли, прививаетъ вкусы къ мышленію о высшихъ вопросахъ, а это залогъ будущаго развитія. Этимъ, я думаю, опредѣляется историческая и практическая роль идеалистической философіи въ Россіи нашего времени. Послѣ всего сказаннаго никто не упрекнетъ пишущаго эти строки въ безусловно-враждебномъ отношеніи къ идеализму, а это облегчаетъ задачу послѣдующей критики, къ которой теперь и перейдемъ.

Важность моральной задачи, особенно, если говорить о морали соціальной,—это такое положеніе, котораго не будетъ оспаривать ни одинъ критическій позитивистъ. Болѣе того: ея не оспаривалъ даже и позитивизмъ въ его первоначальной формѣ: Контъ, кромѣ задачи изученія природы или дѣйствительности, признавалъ равноправную съ ней задачу примѣненія знаній о природѣ къ выгодѣ человѣка ¹⁾, не только знаніе и предвидѣніе, но и дѣйствіе представлялись ему важными ²⁾. Историческая школа въ политической экономіи, сильно проникнутая и историзмомъ и позитивизмомъ, посвятила большую часть своихъ силъ разработкѣ практическихъ вопросовъ въ извѣстномъ «Обществѣ соціальной политики». Современная медицинская наука, несомнѣнно позитивная въ своихъ основахъ, имѣетъ въ виду не только теоретическое изученіе здороваго и больного организма, но и практическую цѣль излѣченія отъ болѣзней и даже ихъ предупрежденія. Техника всякаго рода, исходя изъ положительныхъ началъ, преслѣдуетъ вѣдь всегда практическія задачи. Даже историческая школа юристовъ, за исключеніемъ первыхъ ея адептовъ, по естественной реакціи заходившихъ слишкомъ далеко въ направленіи, противоположномъ ранѣе господствовавшему, развивала задачи политики права; это въ особенности слѣдуетъ сказать о русскихъ ученыхъ—не только о такихъ, какъ С. А. Муромцевъ или М. М. Ковалевскій, но и о тѣхъ, кто занимался,

¹⁾ Cours de la philosophie positive, Paris, 1830, I, p. 60.

²⁾ Тамъ же, p. 63.

повидимому, почти исключительно теоріей и исторіей, какъ напр., Н. Л. Дювернуа ¹⁾).

Итакъ, признаніе первостепенной важности практической, моральной проблемы не составляетъ типической особенности идеализма. Пустопорожнее знаніе, не имѣющее въ виду въ конечномъ счетѣ жизненныхъ потребностей, чуждо нашему времени, составляетъ удѣлъ далекой средневѣковой эпохи. Настаивать на удовлетвореніи жизненныхъ потребностей посредствомъ научной работы и доказывать необходимость этого удовлетворенія значило бы ломиться въ открытую дверь.

Гораздо оригинальнѣе второе положеніе идеалистической философіи, отрицающее возможность рѣшенія моральной проблемы положительною наукой. Послѣ всего, что сказано сейчасъ о практическихъ тенденціяхъ положительнаго знанія, остается немного прибавить для того, чтобы показать неосновательность первыхъ двухъ аргументовъ, подкрѣпляющихъ это второе положеніе и сводящихся, какъ было выше указано, къ утвержденію, что положительная наука занимается изученіемъ лишь прошлаго и настоящаго, обоснованными ожиданіями отъ будущаго и чужда вопроса о должномъ. Здѣсь кроется довольно странное недоразумѣніе, заключающееся въ мысли, что не можетъ быть практическихъ, прикладныхъ положительныхъ знаній. Это совершенно невѣрно,—и невѣрно не только въ отношеніи къ эксплуатаціи силъ природы съ практическими цѣлями въ технику и медицину, но и по отношенію къ задачамъ человѣческаго обществія. Положительная наука не отрицаетъ и никогда не отрицала возможности и необходимости воздѣйствовать на дѣйствительность; она только, во-первыхъ, точнѣе опредѣляетъ способы этого воздѣйствія и, во-вторыхъ, устанавливаетъ его предѣлы. Свобода воли въ позитивномъ смыслѣ этого выраженія отнюдь не отрицается, потому что подъ ней разумѣется такая организація психическихъ элементовъ развитой духовно личности, при которой эти элементы составляютъ стройную и сложную систему, оказывающуюся въ состояніи сопротивляться отдѣльнымъ внѣшнимъ вліяніямъ даннаго момента. Такая свобода не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ необходимостью. Но для того, чтобы опредѣлить направленіе и цѣль общественной дѣятельности, необходимо знать законы развитія прошлаго и настоящаго и опредѣлить перспективы на будущее, чтобы помочь мучительному и

¹⁾ См. его „Чтенія по гражданскому праву“; ср. его старое, чисто-историческое, прекрасное и полное практически полезныхъ мыслей сочиненіе „Источники права и судъ въ древней Россіи“.

трудному процессу рожденія новыхъ общественныхъ формъ, какъ акушеръ или повивальная бабка помогаетъ появленію на свѣтъ новаго человѣка. Въ каждый данный моментъ необходимо и возможно на совершенно положительныхъ основаніяхъ рѣшить вопросъ о томъ, что содѣйствуетъ самосохраненію и дальнѣйшему развитію общества, и направить свою дѣятельность на поддержаніе этихъ здоровыхъ началъ. Понятіе о больномъ и здоровомъ обществѣ не менѣе свойственно позитивной социальной наукѣ—въ частности социальной политикѣ,—чѣмъ свойственно медицинѣ понятіе о больномъ и здоровомъ организмѣ. Формулированіе конкретныхъ практическихъ задачъ переживаемаго момента съ указаніемъ на практическіе приемы ихъ рѣшенія—вотъ великая моральная проблема каждаго времени, и только тогда эта цѣль будетъ достигнута, когда мы откажемся отъ абсолютовъ и панацей, а останемся на позитивной почвѣ.

Но, какъ мы видѣли, безсиліе положительной науки въ рѣшеніи моральной проблемы доказывается еще ссылкой на Виндельбанда и Риккерта, утверждающихъ, что обществознаніе обращаетъ вниманіе на частное, особенное, индивидуальное и потому не можетъ предсказывать будущее: исторія вѣдь не повторяется; обществознаніе такимъ образомъ противопоставляется естествознанію, гдѣ господствуетъ общее, а не частное, и гдѣ поэтому возможны предсказанія. Имена Виндельбанда и Риккерта по этому поводу окружаются въ «Проблемахъ идеализма» особымъ ореоломъ, и ихъ выводы объявляются какимъ-то откровеніемъ истины, новымъ свѣтомъ, возсіявшимъ въ общественной философіи и теоріи историческаго познанія. Между тѣмъ, что въ сущности представляютъ собою эти выводы? Не что иное, какъ теоретическую формулировку тѣхъ приемовъ и задачъ историческаго изученія, которые составляютъ отличительную особенность многочисленныхъ нѣмецкихъ историковъ школы Ранке. Эти историки—истинные чернорабочіе, гетевскіе Вагнеры, не видящіе изъ за деревьевъ лѣса, эрудиты, а не ученые въ собственномъ смыслѣ слова. Теоретическое оправданіе ихъ работы, къ которому сводятся новѣйшіе труды Виндельбанда и Риккерта,—дѣло совершенно не философское. Чтобы опровергнуть эту попытку, приходится напомнить объ азбукѣ, хорошо забытой Виндельбандомъ, Риккертомъ и ихъ послѣдователями: кто изъ позитивистовъ не знаетъ извѣстнаго дѣленія теоретическихъ знаній на «абстрактныя, общія», открывающія законы явленій, и «конкретныя, частныя, описательныя», изображающія частные случаи примѣненія этихъ общихъ законовъ въ конкретной дѣйствительности ¹⁾? Кому далѣе неизвѣстно,

¹⁾ А. Comte, Cours, I, p. 70.

что и въ естествознаніи есть науки обоихъ видовъ: біологія—абстрактная наука, ботаника и зоологія—описательныя, конкретныя, и что въ обществознаніи біологіи соотвѣтствуетъ соціологія, а ботаникѣ и зоологіи—исторія? Вотъ почему утверждать, что обществознаніе изучаетъ частное, индивидуальное, особенное, а естествознаніе общее, значить впадать въ очевидное недоразумѣніе: и частное и общее одинаково изучаются и здѣсь и тамъ, но и въ частномъ познается общее, безъ чего нѣтъ науки, а есть только простое накопленіе несистематизированныхъ, не подвергнутыхъ анализу фактовъ. Повторяемъ,—это азбука, но что же дѣлать, если о ней приходится въ данномъ случаѣ напоминать? Не болѣе, какъ недоразумѣніемъ, надо признать и пресловутое, очень часто, но напрасно повторяемое утвержденіе, что исторія не повторяется. Напротивъ, исторія часто повторяется: сколько учреждений сходныхъ съ французскимъ *conseil du roi*, съ интендантами, съ провинціальными штатами, можно найти въ исторіи разныхъ странъ; хозяйственный, соціальный и политическій строй нашихъ вольныхъ городовъ удѣльнаго времени представляетъ множество поразительныхъ совпаденій съ соотвѣтствующими сторонами жизни Эллады VII и VI вѣковъ до Р. Х., средневѣковыхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ городовъ; такъ называемый феодализмъ, по крайней мѣрѣ въ его зародышахъ,—международное явленіе; даже отдѣльныя событія почти вполнѣ воспроизводятся: припомнимъ конкретныя подробности возстанія Уота Тайлера въ Англіи XIV вѣка, французской жакеріи, нашего Разинскаго бунта или Пугачевщины и т. д. Конечно, при всемъ сходствѣ, наблюдаются обыкновенно и различія, но развѣ въ природѣ отдѣльныя конкретныя явленія вполнѣ точно совпадаютъ другъ съ другомъ, развѣ паденіе одного камня во всѣхъ конкретныхъ подробностяхъ сходно съ паденіемъ другого? въ обоихъ паденіяхъ отражаются лишь одни общіе законы, но конкретныя подробности часто различны. Но это же можно сказать и о повторяемости историческихъ явленій. Слѣдовательно, и соціальныя предсказанія принципиально также возможны, какъ и предсказанія въ естествознаніи. Если первыя труднѣе и рѣже удаются, то это происходитъ отъ большей сложности соціальныхъ явленій и меньшей разработанности общественныхъ наукъ, — и только. И астрономъ—не магъ и всего предсказать не можетъ, и въ астрономіи, несмотря на ея высокое развитіе, случаются ошибки и неточности. Но развѣ это говоритъ противъ принципиальной возможности астрономическихъ предсказаній? Послѣ всего сказаннаго самъ собою отпадаетъ вопросъ о необходимости какъ основномъ понятіи исключительно одного естествознанія и о

возможности или долженствованія какъ основномъ понятіи обществознанія.

Идеалисты много говорятъ—далѣе—о равноправности религіи и метафизической философіи съ наукой и въ связи съ этимъ настаиваютъ на независимости моральной проблемы отъ категоріи бытія. Никто, конечно, не имѣетъ желанія запрещать желающимъ заниматься метафизическимъ умозрѣніемъ. Всего менѣе можно упрекнуть позитивистовъ, признающихъ невозможность рѣшенія вопросовъ о сущности вещей научнымъ путемъ, въ религіозной нетерпимости или въ отрицаніи религіи. Тамъ, гдѣ кончается сфера научнаго знанія, должна господствовать полная и ничѣмъ не ограниченная свобода: что недоказуемо, то не можетъ быть обязательно ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ образомъ, ни путемъ принужденія, ни логически. Эта логическая необязательность и недоказуемость метафизическихъ и религіозныхъ истинъ и составляетъ демаркаціонную черту между наукой съ одной стороны и метафизической философіей и религіей съ другой, — и это никакъ нельзя забывать. Недоказуемость признаютъ теперь и идеалисты, и странно, что, несмотря на такое признаніе, мало цѣнятъ логическую необязательность, полный субъективизмъ метафизическихъ и религіозныхъ истинъ, совершенную невозможность ставить ихъ въ рядъ съ истинами научными, сравнивать первыя съ послѣдними. Вотъ въ чемъ заключается разница между позитивизмомъ и идеализмомъ въ ихъ отношеніи къ метафизикѣ и религіи, а вовсе не въ томъ, что идеалисты—широки и терпимы, а позитивисты узки и фанатичны. Но намъ говорятъ еще, что долженствованіе независимо отъ бытія, и пытаются доказать это рядомъ соображеній. Соображенія эти чисто-метафизическаго характера: вездѣ предполагается субстратъ (долженствованіе, бытіе), чистая форма, независимая отъ проявленій этого субстрата. Мы уже говорили, что свобода воли, понимаемая позитивно, не противорѣчитъ необходимости. Наконецъ, что касается происхожденія чистой, метафизической формы, то этотъ вопросъ не имѣетъ никакого смысла съ положительной точки зрѣнія, потому что чистая форма опыту и наблюденію не подлежитъ и не можетъ быть, слѣдовательно, научно анализируема, какъ и всякая «вещь въ себѣ». Съ позитивной точки зрѣнія явленія категоріи долженствованія могутъ быть познаваемы только какъ феномены, и это положеніе покоится на тѣхъ соображеніяхъ, что, во-первыхъ, анализируя формальное, лишенное всякаго содержанія, понятіе добра, мы не найдемъ въ немъ, если оно формально, ничего кромѣ простого констатированія эмпирически устанавливаемаго факта, что человѣкъ имѣетъ волю

и дѣйствуетъ; во-вторыхъ, какъ только мы попытаемся заполнить эту форму конкретнымъ содержаніемъ, такъ безъ труда убѣдимся въ относительности и нашихъ нравственныхъ понятій. И, конечно, такая постановка вопроса вовсе не устраняетъ этики: вѣдь сами же идеалисты для рѣшенія нравственныхъ проблемъ призываютъ на помощь науку. Это и естественно: вѣдь вся важность моральной проблемы каждаго момента заключается не въ философскомъ обоснованіи формальнаго понятія долга, а въ опредѣленіи конкретныхъ задачъ дѣятельности человѣка въ условіяхъ именно этого времени.

То, что сейчасъ сказано, заставляетъ насъ отнестись отрицательно и къ четвертому положенію идеализма, — о формальномъ характерѣ нравственнаго долженствованія. Впрочемъ, какъ намъ уже извѣстно, идеалисты не удержались на чисто-формальной почвѣ и, признавая исторію процессомъ созданія абсолютной морали, постепенно выясняющимъ конечныя цѣли міросозданія, указали и два выясненныхъ уже исторіей элемента этой абсолютной морали: свободу и признаніе личности самоцѣлью. Въ сущности, впрочемъ, это не два элемента, а одинъ, потому что свобода и автономія личности одно и то же. Нельзя не признать однако: что признаніе начала свободы нравственнымъ абсолютнымъ принципомъ — чистое самообольщеніе. Развитіе свободы является конкретной моральной задачей извѣстнаго времени, вызываемой реальными условіями соціальнаго развитія. Но возводить эту свободу въ абсолютъ значить впадать въ несомнѣнную и очень серьезную ошибку. Не всякая свобода соответствуетъ самосохраненію и развитію общества даже тогда, когда реальные потребности и интересы требуютъ расширенія свободы во многихъ отношеніяхъ; такъ пресловутая свобода труда, отрицающая рабочія организаціи и рабочее законодательство, — несомнѣнное зло не только для рабочихъ, но и для общества какъ цѣлаго, потому что ведетъ къ угнетенію, вырожденію и вымиранію значительной части населенія.

Итакъ, очень многое и притомъ основное въ идеалистической философіи оказывается при критическомъ разсмотрѣніи несостоятельнымъ. Мы видѣли, что и почему обезпечило успѣхъ идеализму. Теперь мы можемъ сказать, что этотъ успѣхъ — явленіе очень преходящее, временное. Отъ каждой теоріи масса русскаго общества беретъ то, что ей наиболѣе дорого, затѣмъ, нѣкоторое время поклоняясь новымъ кумирамъ, скоро къ нимъ охлаждаетъ. Теорія, недавно властвовавшая, если не надъ умами, то надъ сердцами, скоро теряетъ свое обаяніе и превращается въ *одно* изъ научныхъ или философскихъ теченій, существующихъ въ

обществѣ. Тогда то и начинается ея настоящая критическая разработка, ея углубленіе и совершенствованіе. Такъ случилось недавно съ марксизмомъ: въ его первоначальной, элементарной формѣ онъ увлекъ сердца, но пылъ остылъ, и такъ какъ русское общество еще не доросло до самостоятельной *умственной*, критической работы, то старые кумиры смѣнились новыми. Марксизмъ ушелъ въ глубь, сталъ однимъ изъ научныхъ теченій, подлежащихъ дальнѣйшей разработкѣ. Но онъ скажетъ еще свое слово, потому что онъ теченіе—*научное*. Теперь мы наблюдаемъ увлеченіе идеализмомъ, которое также скоро схлынетъ; и идеализмъ сдѣлается достояніемъ той группы интеллигенціи, которая по складу своей натуры склонна къ отвлеченному философствованію на метафизической основѣ. И у насъ, какъ теперь въ Германіи, появится, вѣроятно, множество «системъ» философій, которыя и будутъ преподносятся благосклоннымъ слушателямъ съ университетскихъ кафедръ. Но мы едва ли ошибемся, если замѣтимъ, что широкой общественной роли въ смыслѣ практическомъ идеализму не суждено сыграть: если отвлечься отъ крайностей мистицизма, нерѣдко отражающихся въ практической дѣйствительности довольно сильно, то придется признать идеалистическую философію слишкомъ академической теоріей, чтобы она могла получить значеніе боевого клича. А будущее принадлежитъ лишь тѣмъ теоріямъ, которыя своими *оригинальными*, отличительными чертами обращены къ *конкретной* дѣйствительности. Таковъ именно марксизмъ.

Предшествующее изложеніе касалось самыхъ общихъ основъ идеализма, какъ онѣ изложены въ разбираемой книгѣ. Но, выдѣливъ это основное и общее, мы получаемъ въ остаткѣ еще частные взгляды отдѣльныхъ авторовъ. Оставить безъ вниманія эти подробности никакъ нельзя, потому что многое въ нихъ очень характерно для тѣхъ, кто ими обмолвился, и, съ другой стороны, можетъ легко ввести въ соблазнъ неопытнаго читателя; наконецъ, есть и много вѣрнаго, что заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ. Всѣ статьи сборника «Проблемы идеализма» можно съ удобствомъ раздѣлить на три группы: первую составляютъ критическія статьи и изложенія чужихъ воззрѣній и теорій; вторая слагается изъ статей, главная задача которыхъ—формулированіе основъ идеализма и ихъ доказательство; къ третьей относятся статьи переходнаго характера отъ первой ко второй группѣ.

Къ первой группѣ принадлежатъ статьи кн. Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка, Б. А. Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевскаго и С. О. Ольденбурга. Статья кн. Трубецкого посвящена критикѣ ученія первоначальнаго марксизма о значеніи идей

въ исторіи. Критика эта во многихъ отношеніяхъ справедлива: дѣйствительно, объясненіе *всей* идеологіи общества *непосредственно* изъ экономическихъ отношеній, въ частности изъ классовыхъ интересовъ,—невозможно, рѣжетъ глаза своей грубостью. Но отсюда еще очень далеко до заключенія автора, что человѣческій умъ въ исторіи является «факторомъ самостоятельнымъ, несводимымъ къ причинамъ экономическимъ или какимъ-либо другимъ» ¹⁾. Кн. Трубецкой—и не онъ первый—довольно убѣдительно показалъ несостоятельность марксистскаго объясненія духовной культуры въ его первоначальномъ видѣ. Но большинство современныхъ послѣдователей теоріи экономического объясненія исторіи допускаетъ *непосредственное* вліяніе экономическихъ условий на духовную культуру лишь отчасти, указывая, что въ большинствѣ случаевъ хозяйственный строй вліяетъ на психическій складъ общества черезъ посредство другихъ явленій общежитія (соціальныхъ, политическихъ), выводимыхъ въ свою очередь изъ экономическихъ основъ. Притомъ вліяніе хозяйства не надо понимать какъ одно только воздѣйствіе классовыхъ интересовъ, но и какъ вліяніе экономической организаціи въ ея цѣломъ. Такимъ образомъ экономическое объясненіе исторіи въ его современной формѣ остается неопровергнутымъ.

Статья г. Франка является попыткой установить своеобразное пониманіе философіи Ницше, попыткой односторонней, мало считающейся съ *ensemble*мъ всѣхъ воззрѣній Ницше, и потому ее нельзя, на нашъ взглядъ, назвать удачной. Но цѣтъ нужды останавливаться на этой статьѣ дольше, потому что разсмотрѣніе всей философіи Ницше потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста и не дало бы ничего важнаго ни для критики, ни для объясненія идеализма. Въ сущности статья г. Франка ничего не прибавляетъ къ сборнику.

Намъ кажется также, что считать предтечей идеализма скептическаго Ренана, о которомъ трактуетъ въ своемъ очеркѣ г. Ольденбургъ, едва ли возможно, хотя, конечно, авторъ правъ въ своей характеристикѣ Ренана; въ этой характеристикѣ только одинъ недостатокъ,—неполнота.

Гг. Кистяковскій и Лаппо-Данилевскій посвятили свои статьи изложенію и критикѣ идейныхъ теченій, во многомъ несовпадающихъ съ идеализмомъ, и, надо признать, хорошо исполнили свою задачу, хотя изложеніе г. Лаппо-Данилевскаго и страдаетъ чрезмѣрной академичностью и тяжеловѣсностью. Поскольку г. Ки-

---

¹⁾ Стр. 71.

стяковский внесъ свою лепту въ построение самой идеалистической теоріи, — мы уже останавливались на его воззрѣніяхъ. По поводу статьи г. Лаппо-Данилевскаго нельзя также не сдѣлать того же замѣчанія, которое было сейчасъ сдѣлано о статьѣ кн. Трубецкаго: г. Лаппо-Данилевскій критикуетъ позитивизмъ исключительно въ его *первоначальной* формѣ. Конечно, оба автора были вольны въ выборѣ темы, но все-таки основнымъ недостаткомъ критической части «Проблемъ идеализма» является отсутствіе критики новѣйшаго марксизма и критическаго позитивизма. Составители книги довольно легко и побѣдоносно расправляются съ умершими теоріями и оставляютъ безъ вниманія живыя идейныя теченія, идущія въ разрѣзъ съ идеалистической философіей. Это плохой способъ укрѣплять свои собственныя воззрѣнія. Вина въ такомъ пробѣлѣ ложится, конечно, прежде всего на редактора изданія.

Статьи переходнаго — третьяго типа не надолго остановятъ на себѣ наше вниманіе: наиболѣе боевая изъ нихъ — статья г. П. Г. — въ существенныхъ чертахъ разобрана выше, когда рѣчь шла объ общей конструкціи идеализма; статья г. Аскольдова — программа будущей работы идеалистической философіи, какъ ее понимаетъ авторъ, и по поводу ея можно только сказать: «поживемъ — увидимъ». Кн. С. Н. Трубецкой защищаетъ философію отъ нападокъ на нее, указывая съ особенной силой на значеніе исторіи философіи; большая часть того, что сказано въ статьѣ кн. Трубецкаго, не вызываетъ возраженій за исключеніемъ нѣкоторыхъ его философскихъ предпосылокъ и отдѣльных замѣчаній, напр. о всемірно-историческомъ процессѣ (стр. 224) и т. д.; можно только замѣтить, что отвѣтъ на вопросъ, чему учить исторію философіи, данъ не полно: она учитъ также и тому, чему учить вообще исторію, — великому принципу относительности, охватывающему одинаково и область теоріи и область практики.

Остаются статьи второй группы — самыя боевыя, написанныя гг. Булгаковымъ, Бердяевымъ, Новгородцевымъ и Жуковскимъ. Основной фондъ этихъ статей составляетъ изложеніе и обоснованіе общихъ началъ идеализма, и съ этой точки зрѣнія онѣ нами уже разсмотрѣны. Но есть частности, на которыхъ стоить остановиться. Наибольшее количество такихъ частныхъ встрѣчается въ первой статьѣ сборника, принадлежащей г. Булгакову. Странно прежде всего, что къ числу «потребностей всеобщихъ для всѣхъ людей» г. Булгаковъ относитъ потребность въ метафизическомъ мышленіи¹⁾; это значитъ игнорировать очевидные

¹⁾ Стр. 1.

факты существованія людей, совершенно чуждых подобной потребности, подводит всѣхъ подъ одну насильственно навязанную мѣрку. Чрезвычайно странное впечатлѣніе производитъ далѣе то смѣшеніе въ одну кучу различныхъ идейныхъ теченій, которое производитъ г. Булгаковъ: онъ ставитъ на одну доску «позитивизмъ, матеріализмъ и неокантіанство» и утверждаетъ, что они «отрицаютъ права метафизики на существованіе»¹⁾, тогда какъ о матеріализмѣ этого собственно нельзя сказать, потому что матеріализмъ—тоже метафизическая система; или г. Булгаковъ смѣло заявляетъ, что агностики, позитивисты и матеріалисты «всю загадку бытія видятъ въ механической причинности и возводятъ ее такимъ образомъ на степень абсолютнаго мірового начала»²⁾; онъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что это обвиненіе уместно по отношенію только къ однимъ матеріалистамъ, агностики же и позитивисты и не берутся рѣшать вопросъ о бытіи какъ сущности, и потому все сказанное къ нимъ относится не можетъ. Авторъ доходитъ даже до того, что воззрѣнія Гольбаха смѣшиваетъ съ современнымъ научнымъ міросозерцаніемъ³⁾. Но самое странное недоразумѣніе, самая великая ошибка, въ которую впадаетъ г. Булгаковъ, заключается въ утвержденіи, будто теорія мірового прогресса есть необходимая часть современнаго научнаго міропониманія⁴⁾. Телеологія какъ фактъ, какъ выраженіе чувства самосохраненія отдѣльнаго человѣка и общества,—самосохраненія, понимаемаго широко, въ смыслѣ сохраненія и своихъ психическихъ особенностей, признается положительной наукой,—но не міровая телеологія и не міровой прогрессъ. Теорія мірового прогресса—чисто-метафизическая теорія. Поэтому все, что говоритъ г. Булгаковъ противъ теоріи прогресса,—сказано не по адресу: все это относится къ метафизической теоріи прогресса, лишь по ошибкѣ считаемой иногда за положительную. Заканчивая рѣчь о статьѣ г. Булгакова, которая намъ кажется одной изъ наиболѣе слабыхъ въ сборникѣ съ философской точки зрѣнія, мы не можемъ не отмѣтить двухъ замѣчаній автора, поражающихъ своей странной наивностью. Одно замѣчаніе исторически наивно: г. Булгаковъ, вопреки всѣмъ новѣйшимъ изслѣдователямъ исторіи Рима, находитъ, что «буржуазность нѣкогда погубила римскую цивилизацію»⁵⁾; другое мѣсто касается ученія

¹⁾ Стр. 3.

²⁾ Стр. 7.

³⁾ Стр. 7.

⁴⁾ Стр. 9.

⁵⁾ Стр. 25.

Л. Н. Толстого: «во всякомъ случаѣ оно», говоритъ г. Булгаковъ,—«гораздо нравственнѣе и выше тѣхъ ученій вѣка, которыя культуру видятъ во фракахъ и цилиндрахъ» ¹⁾). Подумаешь: какъ глубоко, ново и оригинально!

Но г. Булгаковъ внесъ все-таки свою лепту въ дѣло построения и доказательства идеалистической философіи. Несравненно менѣе его сдѣлалъ въ этомъ отношеніи г. Бердяевъ. Читая статью г. Бердяева, поражаешься удивительной банальностью, элементарностью ея содержанія и игрой въ цитаты изъ высокихъ для автора философскихъ авторитетовъ, точно авторъ — неофитъ, спѣшащій во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе показать, что онъ усвоилъ хорошо философскія основы идеализма; много занятъ г. Бердяевъ также собой и своими отношеніями къ другимъ идеалистамъ; онъ считаетъ очень важнымъ вопросъ о томъ, какъ назвать себя, индивидуалистомъ или универсалистомъ ²⁾? Вопросъ имъ впрочемъ и рѣшается къ успокоенію любознательнаго читателя: точка зрѣнія г. Бердяева оказывается «соединеніемъ спиритуалистическаго индивидуализма съ этическимъ пантеизмомъ» ³⁾. Можно успокоиться: по выраженію Толстого, «найденъ тотъ отдѣлъ узаконеній, которому подлежитъ возникшее обстоятельство».

Г. Новгородцеву надо отдать справедливость: онъ сдѣлалъ болѣе всѣхъ для развитія идеалистической теоріи въ «Проблемахъ идеализма». Когда выше излагалась и критиковалась эта теорія, приходилось имѣть дѣло по преимуществу съ воззрѣніями г. Новгородцева. Мы не будемъ поэтому сейчасъ возвращаться къ его предисловію и статьѣ о возрожденіи естественнаго права, тѣмъ болѣе, что здѣсь нѣтъ ни того страннаго смѣшенія понятій, ни тѣхъ наивностей, которыя мы только что наблюдали.

Остается сказать нѣсколько словъ о статьѣ г. Жуковскаго. Эта статья тоже даетъ значительный матеріалъ для общей характеристики идеализма, выше представленной. Но оригинальной чертой ея является крайнее преувеличеніе авторомъ идеи, что моральное содержаніе — дѣло личнаго творчества ⁴⁾. Правда, иногда онъ дѣлаетъ оговорки, показывающія, что и онъ не можетъ игнорировать вліяніе соціальной среды на это личное моральное творчество ⁵⁾, но крайній субъективизмъ морали все-таки

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Стр. 113—114.

³⁾ Примѣчаніе первое на стр. 113.

⁴⁾ Стр. 508, 519.

⁵⁾ Стр. 519.

выступает въ его изложеніи на первый планъ. Это—естественный результатъ абстрактнаго метода изслѣдованія моральныхъ вопросовъ, составляющаго такую отличительную черту «Проблемъ идеализма».

Критическій позитивизмъ не можетъ признать такой абстрактный методъ правильнымъ. Пониманіе живой дѣйствительности, конкретные признаки развитія здоровыхъ началъ общежитія — вотъ необходимыя, главныя основы положительной морали—личной и общественной. Теоретическое разногласіе между идеализмомъ и позитивизмомъ является такимъ образомъ чрезвычайно большимъ: въ области теоріи познанія это два почти діаметрально-противоположныхъ направленія. Между старой метафизикой и новымъ идеализмомъ наблюдается только одно существенное различіе, сближающее нѣсколько идеализмъ съ научнымъ міровоззрѣніемъ: идеалисты, не въ примѣръ прежнимъ метафизикамъ, прямо объявляютъ, что метафизическую философію нельзя смѣшивать съ наукой, что методы первой не научны. Это значительный шагъ впередъ, устраняющій прежнюю спутанность понятій.

Но при теоретическомъ разногласіи, доходящемъ нерѣдко до крайности, критическіе позитивисты и идеалисты могутъ часто идти рука объ руку въ практической дѣятельности, разумѣется до извѣстной степени. Мы видѣли, что, насколько можно разсмотрѣть и уяснить себѣ *содержаніе* идеалистической морали, она не чуждается жизненныхъ задачъ современности, необходимость разрѣшенія которыхъ подсказывается реальными условіями переживаемаго момента соціальной эволюціи. Можно надѣяться поэтому, что по мѣрѣ того, какъ жизнь будетъ выдвигать, а положительная наука — формулировать рядъ очередныхъ конкретныхъ вопросовъ, отвѣтъ на которые въ опредѣленномъ направленіи будетъ вызываться реальными интересами русскаго общества въ данный моментъ его существованія,—идеалисты будутъ все болѣе сближаться съ опирающимися на научное міровоззрѣніе критическими позитивистами въ практической общественной дѣятельности, что по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ навсегда останется въ передовомъ лагерѣ.

Это впрочемъ каждый критическій позитивистъ можетъ сказать не объ однихъ идеалистахъ, но и о многихъ позитивистахъ стараго оттѣнка, а также о тѣхъ, кто, подобно гг. Михайловскому и Карѣеву, держался такъ называемаго «субъективнаго метода». Что и говорить: разногласія между отдѣльными группами русской интеллигенціи очень значительны. Но отрадно видѣть, что это по преимуществу теоретическія разногласія, что по многимъ практическимъ вопросамъ разныя группы сходятся.

Жизнь властно диктуетъ свои требованія, которыя въ главныхъ чертахъ ясно рисуются теперь умственному взору всей мыслящей части русскаго общества. Въ этомъ залогъ грядущаго развитія нашего отечества, и «Проблемы идеализма» являются однимъ изъ знаменательныхъ симптомовъ извѣстнаго практическаго направленія общественной мысли.

Сельское хозяйство Московской Руси в XVI вѣкѣ и его вліяніе на соціально-политическій строй того времени ¹⁾.

I.

Какихъ бы историко-философскихъ или соціологическихъ воззрѣній ни придерживался тотъ или другой историкъ или вообще интересующійся исторіей человѣкъ, онъ не можетъ не признать чрезвычайной важности изученія исторіи народнаго хозяйства. Всего болѣе значенія эта послѣдняя имѣетъ, несомнѣнно, въ глазахъ тѣхъ, которые, будучи сторонниками матеріалистическаго пониманія исторіи, выдвигаютъ на первый планъ экономическій элементъ, какъ основу всего общежитія. Однако, и съ точки зрѣнія лицъ, ищущихъ ключа для объясненія всей сложной и запутанной сѣти общественныхъ явленій въ сферѣ умственной, идейной жизни человѣчества, не подлежитъ сомнѣнію важность исторіи экономическаго быта. Наконецъ, та теорія, которая, повидимому, стремится смѣнить собою старый экономическій матеріализмъ, оставаясь на почвѣ матеріальнаго объясненія историческаго процесса—такъ называемый теперь соціальныи матеріализмъ, самымъ виднымъ представителемъ котораго является Штаммлеръ, — неизбежно должна признать изученіе народнаго хозяйства прошлыхъ временъ научной задачей, стоящей на первой очереди: эта теорія признаетъ историческій процессъ цѣльнымъ и недѣлимымъ, отрицаетъ возможность самаго ученія о дѣйствіи однихъ обще-

---

¹⁾ Предлагаемая статья представляетъ собою опытъ популярнаго изложенія тѣхъ выводовъ, къ которымъ авторъ пришелъ въ своей специальной работѣ „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ“.

ственныхъ элементовъ на другіе, потому что эти элементы не имѣютъ отдѣльнаго существованія; съ этой точки зрѣнія незнание наше съ исторіей экономическаго быта равносильно отказу отъ научнаго изученія всего историческаго процесса, такъ какъ пониманіе послѣдняго возможно лишь тогда, когда онъ извѣстенъ въ цѣломъ и всѣхъ подробностяхъ.

Итакъ, обострившійся за послѣднее время интересъ къ исторіи народнаго хозяйства нельзя считать слѣдствіемъ увлеченія однимъ какимъ-либо теченіемъ въ области социологической литературы; это—потребность, сознаваемая всѣми направленіями и школами, продиктованная притомъ по преимуществу состояніемъ чисто исторической литературы, крайней неразработанностью вопросовъ экономической исторіи, неразработанностью, особенно бросающейся въ глаза при сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано по исторіи права, государства и социальнаго строя. Все это замѣтно уже въ ученой литературѣ по исторіи западно-европейскихъ странъ; еще въ большей степени то же можно сказать объ исторіи Россіи.

XVI столѣтіе представляетъ собою одинъ изъ любопытнѣйшихъ моментовъ въ ряду вѣковъ, пережитыхъ нашимъ отечествомъ. Оно давно уже привлекало къ себѣ вниманіе цѣлаго ряда изслѣдователей, благодаря трудамъ которыхъ социальная и политическая исторія того времени выяснена въ довольно значительной степени. Мы знаемъ теперь, что это было время, когда окончательно кристаллизовались элементы крѣпостныхъ, основанныхъ на началѣ обязанности сословія государства — служилаго, посадскаго и крестьянскаго, когда сложилась помѣстная система, вотчина сдѣлалась собственностью, обусловленной отбываніемъ службы на государя, когда развилось мѣстничество, прикрѣплено было къ мѣсту жительства и занятіямъ городское сословіе, сложились основы крѣпостнаго права на крестьянъ, а въ политической сферѣ обострилась борьба московскаго боярства съ государемъ, развилось московское самодержавіе, установились всѣ характеристическія черты московской приказной административной системы, смѣнившей собою старое начало кормленія и выдвинувшей впервые принципъ государственнаго блага на смѣну прежнему, вотчинному принципу выгоды князя-хозяина. Этимъ внутреннимъ социальнымъ и политическимъ перемѣнамъ соответствовали и чрезвычайно громкія событія во внѣшней жизни: шумная и упорная борьба съ Польшей, Швеціей, Ливонскимъ орденомъ, Крымомъ, побѣдоносное шествіе русскихъ по теченію Волги и на востокъ, за Уралъ, ознаменовавшееся подъ конецъ вѣка покореніемъ Сибири.

Спрашивается, не соответствовали ли указанным важным социальным и политическим процессам также и известные перемены в сферах народного хозяйства? Не предстанут ли некоторые, все еще недостаточно-объясненные явления социально-политической жизни XVI века в новом свете, когда мы ознакомимся с экономическим бытом того времени? Поскольку, далее, хозяйственные явления отразили на себе действие социальных и политических? Достаточно поставить себя эти вопросы, чтобы понять их важность, а, следовательно, и необходимость исследования хозяйственной жизни русского народа в XVI столетии. Самым важным элементом этой хозяйственной жизни было тогда хозяйство сельское. Его изучение занимает поэтому центральное место в предстоящей научной работе.

Хозяйственная деятельность человека состоит в воздействии его на внешнюю природу с целью приспособить ее к своим потребностям. Естественные условия территории являются потому таким неизбежным элементом, влияющим на экономическую жизнь, игнорировать который исследователь не имеет права. Таким образом первый вопрос, заслуживающий нашего внимания,—это вопрос о климатических и почвенных условиях территории Московского государства в XVI веке. Морскую границу государства составлял тогда один лишь Северный океан. Чтобы составить себе приблизительное понятие о сухопутных границах, следует провести прямую линию от нынешней границы с Норвегией на юг, до Чернигова, от Чернигова прямую линию к Астрахани, и затем по течению Волги и Камы за Уральский хребет, до Тобола, и на север до океана. В этих грубо, схематически очерченных пределах заключалось громадное пространство, отдельные части которого сильно различались по климату и почве. Можно различать вообще шесть естественных областей, на которые распадалась территория Московской Руси в конце XVI века (Сибирь мы исключаем из счета): Центр, Север, Новгородско-Псковская область или Западное Полесье, Прикамье, Степь и Поднэпровье. Центр — нынешние губернии Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Костромская и Нижегородская — отличался типическим континентальным, холодно-умеренным климатом, с жарким летом и холодной зимой, с резкими и быстрыми колебаниями температуры и малоплодородной почвой, по преимуществу песчаной и суглинистой, перемежавшейся изредка более плодородной срой землей. Север — нынешние Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии — и Степь — губернии Калужская, Тульская, Рязанская и местности к югу от них — были пря-

мой противоположностью другъ другу и въ климатическомъ, и въ почвенномъ отношеніи: Сѣверъ—страна суроваго климата и чрезвычайно бѣдной почвы, Степь—область чуть не сплошнаго чернозема и мягкихъ климатическихъ условій. Ближе всего къ Степи по естественнымъ условіямъ стояло Поднѣпровье—Смоленская и Черниговская губерніи съ западными частями Калужской и Орловской. Затѣмъ, слѣдуетъ помѣстить Прикамье, нынѣшнія Казанскую, Вятскую и Пермскую губерніи. Однако сѣверо-восточная часть Прикамской области отличалась уже довольно суровымъ климатомъ и менѣе производительной почвой и походила этимъ на западное Полѣсье (нынѣшнія Новгородскую и Псковскую губерніи и части Петербургской и Выборгской), всего ближе стоявшее и въ климатическомъ, и въ почвенномъ отношеніяхъ къ Сѣверу. Итакъ, естественныя условія наиболѣе благоприятны для сельскаго хозяйства были въ Степи, затѣмъ въ Поднѣпровьѣ, далѣе въ Прикамьѣ, Центръ, Западномъ Полѣсьѣ и всего хуже на Сѣверѣ. Самымъ важнымъ естественнымъ условіемъ была продолжительность снѣгового покрова, создававшая превосходные зимніе пути сообщенія.

Если бы сельскохозяйственная промышленность въ XVI в. опредѣлялась въ своемъ развитіи одними только условіями климата и почвы, то она должна была бы развиваться въ точномъ соотвѣтствіи съ только что указанной градаціей естественныхъ областей страны: чѣмъ благодатнѣе климатъ и плодороднѣе почва, тѣмъ болѣе процвѣтало бы и сельское хозяйство. Ближайшее изученіе матеріала указываетъ, однако, что такого соотвѣтствія не было.

Изучая сельскохозяйственное производство, необходимо прежде всего уяснить себѣ, какая система земледѣлія господствуетъ въ странѣ, т.-е. каковы тѣ приемы и способы, при помощи которыхъ производятся земледѣльческіе продукты. Обыкновенно различаютъ четыре главныхъ типа системъ земледѣлія или полевого хозяйства: подсѣчную (огневую), переложную, паровую-зерновую и плодосмѣнную. Первая—характерна для начала земледѣльческой культуры, при наличности подавляющаго богатства удобной для обработки земли, при рѣдкости населенія и полномъ отсутствіи капиталовъ. Она состоитъ въ томъ, что земледѣлецъ вырубаетъ лѣсъ, выжигаетъ пни и на образовавшемся пепелищѣ въ теченіе одного, много двухъ лѣтъ сѣетъ хлѣбъ, не заботясь ни объ удобреніи, ни о надлежащей распашкѣ земли. Черезъ годъ—два онъ бросаетъ свое «огнище», или «паль» (такъ иногда называется поле, образовавшееся послѣ выжиганія лѣса) и продѣлываетъ ту же нехитрую операцію надъ другимъ дѣвственнымъ лѣснымъ участкомъ, чтобы спустя такой же промежутокъ времени бросить его для третьяго. По мѣрѣ увеличенія населенія,

уменьшаются размѣры свободныхъ земель, и кочевое подсѣчное хозяйство смѣняется болѣе производительнымъ или, какъ говорить, менѣе экстенсивнымъ, переложнымъ. И при этомъ также не требуется капитала, не употребляется удобрение, но участки обрабатываются старательнѣе, при помощи плуга, и мѣняются не такъ часто, какъ прежде; земледѣлецъ уже не кочуетъ, а поселяется болѣе или менѣе прочно на мѣстѣ. Переложной такая система земледѣлія называется потому, что перелогъ или залежь — распаханная когда-то и затѣмъ надолго заброшенная земля, естественнымъ путемъ отдыха возстановляющая свои производительныя силы, — въ нѣсколько разъ превосходить своими размѣрами землю, дѣйствительно распахиваемую и засѣваемую въ данный моментъ. Дальнѣйшій ростъ населенія и истощеніе земли заставляютъ постепенно увеличивать размѣры пашни на счетъ перелога и удобрять поле, находящееся подъ паромъ, такъ какъ безъ такого удобрения оно уже не въ силахъ естественнымъ путемъ возстановить свою прежнюю производительность: сроки оставленія залежи безъ обработки постепенно сокращаются вслѣдствіе увеличенія размѣровъ пашни, и земля не успѣваетъ отдыхать. Теперь переходятъ къ сохѣ, внимательнѣе и усерднѣе обрабатываютъ землю, залежь исчезаетъ и смѣняется паромъ, остающимся внѣ эксплуатаціи въ нормальныхъ условіяхъ не болѣе года и удобряемымъ навозомъ. Такъ наступаетъ господство паровой-зерновой системы земледѣлія. Но затѣмъ и паръ приходится ввести въ дѣйствительную обработку: ростъ населенія дѣлаетъ невыгодной паровую систему, мѣсто которой занимаетъ плодосмѣнная, при которой посѣвы корнеплодовъ (картофеля, свеклы и пр.) чередуются съ посѣвами колосовыхъ растений, при чемъ засѣвается вся пахотная земля, а для поддержанія ея производительныхъ силъ примѣняются посѣвы утучняющихъ почву травъ, въ родѣ клевера и вики, и, кромѣ навознаго, употребляется еще искусственное удобрение (напр., фосфориты).

Древняя Русь, какъ и большая часть современной Россіи, не знала плодосмѣнной системы земледѣлія, что вполне понятно при рѣдкости ея населенія. Но большая часть территоріи Московскаго государства въ XVI вѣкѣ пережила уже и нервобытную огневую или подсѣчную систему, которая сохранялась лишь на Сѣверѣ и то въ такихъ мѣстахъ, которыя еще только что заселялись въ это время, вдали отъ большихъ водныхъ путей, въ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ. Въ Центральной области и въ Западномъ Полѣсьѣ уже въ первой половинѣ XVI вѣка господствовала паровая-зерновая система земледѣлія. Это видно изъ такъ называемыхъ писцовыхъ книгъ, — документовъ, которые можно считать

историческими предшественниками современных статистических сборниковъ. Такъ, писцовыя книги Тверскаго уѣзда составлены въ 1540 и 1548 г., свидѣтельствуютъ о вполне развитой и установившейся паровой-зерновой системѣ. То же видно изъ множества дошедшихъ до насъ описаній центральныхъ монастырскихъ имѣній: напримѣръ, въ 1562 г. были составлены писцовыя книги по Переяславль-Залѣсскому уѣзду, и до насъ дошли тѣ ихъ части, которыя относятся къ имѣніямъ монастырей Спасскаго-Ярославскаго, Троицкаго-Сергіева, Чудова, Махрицскаго; тогда какъ пашня у этихъ монастырей простирается отъ двухъ до тридцати тысячъ десятинъ, въ перелогѣ считается всего 400—700 десятинъ, а у Спасскаго-Ярославскаго монастыря всего—3 десятины. Въ Новгородской области въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка размѣры пашни были въ нѣсколько десятковъ разъ больше площади, лежавшей въ перелогѣ: такъ, въ Шелонской пятинѣ¹⁾ въ 1539 г. пашни считалось болѣе 42 тысячъ десятинъ, а залежи всего 550 дес.; или въ Вотской пятинѣ въ то же время при 50 тысячахъ десятинъ пашни было лишь 958 десятинъ перелогу. Значительная часть центральныхъ уѣздовъ—именно тѣ, которые лежали на сѣверной и южной, отчасти также на восточной окраинахъ Центра (Ярославскій, Пошехонскій, Ростовскій Юрьевъ-Польскій, Костромскій, Нижегородскій, Коломенскій, Боровскій, Клинскій, Старицкій, Звенигородскій), и нѣкоторыя мѣстности Западнаго Полѣсья сохранили паровую-зерновую систему земледѣлія и въ концѣ XVI вѣка, такъ что очевидно, что полевое хозяйство шло и развивалось въ этихъ мѣстахъ совершенно естественно, безъ скачковъ и перерывовъ. Но чрезвычайно замѣчательно, что въ послѣднемъ тридцатилѣтіи XVI вѣка въ уѣздахъ, занимавшихъ середину и сѣверо-западъ Центральной области, равно какъ и въ большей части Западнаго Полѣсья, получила преобладаніе переложная система полевого хозяйства. Объ этой смѣнѣ сравнительно интенсивной паровой-зерновой системы экстенсивною переложной свидѣствуетъ цѣлый рядъ писцовыхъ книгъ, оставшихся отъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ XVI вѣка. Для примѣра укажемъ на писцовую книгу Московскаго уѣзда, составленную въ 1584—1586 годахъ, и на писцовую книгу Вотской пятины 1581—1582 г.; по первой, перелогъ занималъ впятеро большую площадь, чѣмъ пашня—его считалось около

---

¹⁾ Область древняго Новгорода дѣлилась на пять частей, называвшихся патинами; названія ихъ: Вотская, Обонежская, Деревская, Бѣжецкая и Шелонская.

120 тысячъ десятинъ при 24 тыс. десятинъ пашни, по второй, перелугу было около 60 тысячъ десятинъ, пашни же только 4.900 дес. Такимъ образомъ, въ двухъ основныхъ старыхъ областяхъ государства, тѣхъ самыхъ, которыя раньше были самыми населенными и цвѣтущими, въ послѣднее тридцатилѣтіе XVI вѣка замѣчается регрессъ въ полевомъ хозяйствѣ, крайній, рѣзко выраженный упадокъ земледѣлія. Это—основной фактъ, требующій надлежащаго объясненія.

Въ остальныхъ естественныхъ областяхъ Московскаго государства—на Сѣверѣ, въ Прикамьѣ, Степи и Поднѣпровьѣ—преобладала въ XVI вѣкѣ переложная система земледѣлія, лишь мѣстами смѣнявшаяся паровой-зерновой, причемъ по мѣрѣ приближенія къ концу вѣка земледѣліе въ этихъ областяхъ постепенно улучшалось. На Сѣверѣ всего лучше полевое хозяйство развивалось въ уѣздахъ Бѣлозерскомъ, Каргопольскомъ и по теченію Сѣверной Двины, въ Степи, главнымъ образомъ, въ той ея полосѣ, которая непосредственно прилегала къ Центру, въ Прикамьѣ—въ ранѣе населенныхъ земляхъ по верхнему теченію Камы, уѣздахъ Чердынскомъ и Соликамскомъ. Въ этихъ мѣстахъ преобладала уже тогда паровая-зерновая система земледѣлія съ употребленіемъ удобренія, сохи въ качествѣ земледѣльческаго орудія и лошади въ качествѣ рабочаго скота. Въ другихъ уѣздахъ господствовало употребленіе деревяннаго плуга, служащее также, кромѣ данныхъ, сообщаемыхъ писцовыми книгами, доказательствомъ существованія переложной системы: при такой системѣ не употребляютъ сохи, потому что она вредитъ росту на залежи злаковъ, дающихъ хорошее сѣно.

Немаловажное значеніе для сельскаго хозяйства имѣетъ вопросъ о родѣ хлѣбовъ, высѣваемыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ страны: различія въ этомъ отношеніи между отдѣльными областями опредѣляютъ возможность сбыта продуктовъ однихъ изъ нихъ въ другія. Въ древней Руси сѣялись въ большинствѣ случаевъ малоцѣнные хлѣба—рожь и овесъ, довольно часто также ячмень, бывший по климатическимъ условіямъ единственнымъ посѣвнымъ злакомъ на крайнемъ сѣверѣ. Дорогія хлѣба—пшеница, гречиха—сѣялись почти повсемѣстно, но въ незначительныхъ количествахъ: имѣются, на примѣръ, свѣдѣнія, что посѣвная площадь пшеницы была въдесятеро меньше, чѣмъ таковая же овса, а посѣвы гречи занимали пространство, въпятиро меньше занимаемаго пшеницей. Наибольшія различія между областями относились къ воздѣлыванію культурныхъ растений—льна и конопли: тѣмъ и другой славилась Западное Полѣсье, сѣверная окраина Центра и югъ Поднѣпровья, по согласному свидѣтельству писцовыхъ книгъ, актовъ и иностранныхъ писателей.

Таковы были въ общихъ чертахъ техническія условія земледѣльческаго производства. Въ нихъ все естественно и нормально, за исключеніемъ лишь упадка полевого хозяйства въ большей части Центра и Западнаго Полѣсья.

Но кромѣ земледѣлія существуетъ еще другая отрасль сельскохозяйственной промышленности—скотоводство. Въ какомъ отношеніи находилось оно къ земледѣлію, имѣло ли оно самостоятельное значеніе, или служило лишь необходимымъ подспорьемъ при господствующей отрасли—земледѣлію, не давая само по себѣ дохода, а доставляя лишь необходимый для земледѣльческаго производства рабочій скотъ? И извѣстія иностранцевъ, посѣщавшихъ Московію въ XVI в. и оставившихъ ея описанія, и данныя писцовыхъ книгъ объ отношеніи эксплуатируемой луговой земли къ пашнѣ, и отрывочныя указанія актовъ на количество скота въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, и, наконецъ, случайные намеки житій древнерусскихъ святыхъ на важность скотоводства, на существованіе гуртовой торговли скотомъ или прасольства убѣждаютъ насъ, что поставленный вопросъ рѣшается не одинаково для разныхъ мѣстностей страны. Изучая писцовыя книги по такимъ уѣздамъ, какъ Ярославскій, Костромской, Помехонскій, Казанскій, Свіяжскій, Новгородскій, Псковской, нетрудно убѣдиться, что сѣнные покосы усиленно эксплуатировались въ этихъ мѣстностяхъ, что площадь сѣнокосной земли была чрезвычайно обширна. Англичане Рандольфъ и Флетчеръ, датскій посланникъ Ульфельдъ и другіе иностранцы свидѣтельствуютъ, что кожи и сало—эти важные продукты скотоводства—составляли одинъ изъ главныхъ продуктовъ этихъ мѣстностей и Смоленскаго уѣзда. Другія указанія источниковъ говорятъ о томъ же. Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что скотоводство имѣло самостоятельное значеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сѣвернаго края, въ сѣверныхъ уѣздахъ Центра, въ Западномъ Полѣсьѣ, юго-западной части Прикамья и отчасти въ Поднѣпровьѣ. Въ остальныхъ мѣстахъ скотоводство играло подчиненную, служебную роль, не увеличивало сельскохозяйственного дохода и давало лишь средства для прокорма рабочаго скота и то часто не въ достаточномъ размѣрѣ. Замѣчательно, что такое положеніе скотоводства не измѣнилось даже и въ послѣднемъ тридцатилѣтіи XVI вѣка въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ то время замѣтенъ упадокъ земледѣлія: очевидно, послѣдній не былъ вызванъ и обусловленъ потребностями скотоводства, и ключа къ совершившейся смѣнѣ паровой-зерновой системы переложною слѣдуетъ искать, значить, не въ условіяхъ сельскохозяйственного производства, а въ другой сферѣ. Что касается до самой системы скотоводства, то она отличалась перво-

бытнымъ характеромъ, была крайне экстенсивна: скоть, по словамъ иностранцевъ, былъ худощавъ, малоросль и питался плохо, главными продуктами скотоводства были тѣ именно, которые характерны для первобытнаго хозяйства: сало, кожи, коровье масло, щетина.

Отъ техники сельскохозяйственнаго производства переходимъ къ изученію его формъ и размѣровъ. Землевладѣлецъ,—будь то самъ государь, какой-нибудь служилый человѣкъ, архіерей или монастырь,—можетъ вести хозяйство на своей землѣ двоякимъ образомъ: или отдавая всю пахотную землю въ аренду крестьянамъ, или оставляя ее—вполнѣ или отчасти—подъ свою, барскую пашню. Въ теченіе всего XVI вѣка въ служилыхъ вотчинахъ и помѣстьяхъ барская запашка была обычнымъ явленіемъ хотя никогда не обнимала всего имѣнія и рѣдко занимала даже значительную его часть. Наряду съ этимъ служилые землевладѣльцы чрезвычайно часто садили на землю своихъ несвободныхъ людей на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ садились крестьяне. Это видно какъ изъ писцовыхъ книгъ, такъ и изъ многихъ актовъ,—грамотъ, купчихъ, данныхъ, закладныхъ, духовныхъ, которыя проговариваются, указывая въ составѣ имѣній «пашню боярскую» и «людскую», т.-е. холопскую. Въ другихъ видахъ земельного владѣнія—въ земляхъ архіерейскихъ, монастырскихъ, дворцовыхъ и черныхъ—въ первой половинѣ XVI вѣка незамѣтно ничего подобнаго: если и встрѣчается иногда государева дворцовая пашня, то лишь въ видѣ исключенія, о монастырской же, архіерейской или государевой пашнѣ въ черныхъ земляхъ¹⁾ мы совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній. Зато во второй половинѣ XVI вѣка барская запашка и земледѣльческій трудъ холоповъ распространились на всѣ виды земельного владѣнія, кромѣ земель черныхъ. Наибольшаго развитія они достигли въ Прикамьѣ и Степи въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка. Такъ, напр., въ монастырскихъ имѣніяхъ этого времени въ Центральной области на монастырскую запашку приходилось часто по 12-ти, 15-ти, 20-ти и болѣе процентовъ всей пашни. Въ степныхъ уѣздахъ крестьянскіе дворы составляли нерѣдко лишь 60%—70% общаго числа рабочихъ земледѣльческихъ дворовъ. Но если доля пашни, разрабатываемой крестьянскимъ трудомъ, съ теченіемъ времени относительно уменьшилась, то этому соотвѣтствовало еще одно чрезвычайно важное явленіе: крестьянское хозяйство въ Центръ

---

¹⁾ Черными назывались земли, составлявшія собственность государства и находившіяся въ вѣчной арендѣ у крестьянъ; земли, составлявшія частную собственность государя, назывались дворцовыми.

и Западномъ Полѣсьѣ дѣлалось все болѣе мелкимъ. Въ то время какъ до 70-хъ годовъ XVI вѣка средняя запашка на крестьянскій дворъ и земледѣльческаго рабочаго очень часто равнялась 15 десятинамъ во всѣхъ трехъ поляхъ (яровомъ, озимомъ и паровомъ) и рѣдко спускалась ниже 10-ти десятинъ, послѣ этого времени обычный ея размѣръ былъ 3—5 десятинъ. Что касается до другихъ областей государства, то во всѣхъ ихъ величина обычной запашки на крестьянскій дворъ близко подходила къ нормѣ, существовавшей въ концѣ столѣтія въ Центръ и Западномъ Полѣсьѣ, т.-е. равнялась 3—5 десятинамъ; исключеніе представляла одна Степь, гдѣ крестьянская запашка была не менѣе 7—9 десятинъ. Приведенныя наблюденія, касающіяся формъ и размѣровъ земледѣльческаго производства, особенно любопытны въ томъ отношеніи, что отмѣченныя явленія—распространеніе барской и холопской папши и измѣльчаніе крестьянской запашки—хронологически, отчасти и географически, совпадаютъ съ извѣстнымъ уже намъ переходомъ отъ болѣе интенсивной паровой-зерновой системы земледѣлія къ экстенсивной переложной. Это заставляетъ предполагать для такихъ одновременныхъ перемѣнъ и общую причину, о которой рѣчь пойдетъ ниже.

Землевладѣльческая, барская папши разрабатывалась или трудомъ холоповъ, которымъ въ монастырскихъ имѣніяхъ соответствовали такъ называемые «дѣтеныши»—тѣ же несвободные земледѣльческіе рабочіе—или барщинной работой крестьянъ, снимавшихъ владѣльческую землю. Характерно, что соответственно росту барской запашки къ концу вѣка увеличивалось и число случаевъ крестьянской барщины; однако, послѣдняя вообще была мало распространена въ XVI вѣкѣ, и обыкновенно крестьяне арендовали землю, обязуясь платить землевладѣльцу оброкъ деньгами или натурой (хлѣбомъ). На ряду съ этимъ общимъ господствомъ оброчной системы заслуживаютъ вниманія оригинальныя формы крестьянскаго хозяйства на сѣверѣ—половничество, складничество и наемный трудъ съ вознагражденіемъ натурой. Половникъ нѣчто среднее между наемнымъ рабочимъ и арендаторомъ: онъ работаетъ на чужой землѣ и отдаетъ землевладѣльцу часть урожая, обыкновенно половину, но владѣетъ скотомъ, орудіями производства и хозяйственными постройками, платитъ иногда и денежный оброкъ и т. д. Союзы «складниковъ», «сябровъ» или «сосѣдей» представляли изъ себя нѣкоторое подобіе товариществъ: членами этихъ союзовъ были обыкновенно родственники, но такъ какъ каждый членъ могъ продавать, завѣщать, закладывать, дарить свое право на участіе

въ союзѣ, то къ родственнымъ элементамъ довольно рано стали примѣшаваться этими путями чужеродцы; складники часто дѣлились, товарищество разрушалось, но въ XVI вѣкѣ на Сѣверѣ весьма нерѣдко можно наблюдать и нераздѣльное сельскохозяйственное производство складническихъ товариществъ. Наконецъ, кое-гдѣ встрѣчались такъ называемые подворники и захребетники—наемные земледѣльческіе рабочіе, получавшіе вознагражденіе за свой трудъ не деньгами, а натурой, т.-е. хлѣбомъ. Всѣ эти своеобразныя формы сельскохозяйственнаго производства составляли характерную особенность Сѣвера, но остатки ихъ сохранялись еще и въ другихъ областяхъ: всего болѣе ихъ было въ Западномъ Полѣсѣ и въ той части Прикамья, которая лежала по теченію рѣки Вятки; какъ рѣдкое исключеніе, случайно уцѣлѣвшій обломокъ исчезнувшаго явленія, половничество попадаетъ въ XVI в. и въ Центральной области.

Производство хозяйственныхъ благъ—основной элементъ народнаго хозяйства. Мы только что намѣтили главные перемѣны въ сельскохозяйственномъ производствѣ XVI вѣка и убѣдились, что въ сферѣ производственныхъ отношеній нельзя искать объясненія этихъ перемѣнъ. Необходимо обратиться съ этою цѣлью къ изученію обмѣна и распредѣленія, тѣмъ болѣе, что изслѣдованіе этихъ сторонъ хозяйства имѣетъ и самостоятельное значеніе, независимо отъ объясненія особенностей въ процессѣ производства.

Первобытное сельское хозяйство не соединяется съ торговлей сельскохозяйственными продуктами, удовлетворяетъ лишь потребностямъ самихъ производителей; другими словами, оно—чисто натуральное, безобмѣнное хозяйство. Этотъ первый періодъ въ исторіи сельскаго хозяйства уже миновалъ въ XVI вѣкѣ: происходило уже зарожденіе мѣнового хозяйства, наиболѣе замѣтное въ сѣверной части Степи и въ окраинныхъ уѣздахъ Центра. Цѣлый рядъ фактовъ убѣждаетъ насъ въ этомъ. Прежде всего замѣчательно, что въ теченіе столѣтія рубль понизился въ своей стоимости болѣе чѣмъ въ $3\frac{1}{2}$ раза; сравненіе тогдашнихъ цѣнъ на хлѣбъ съ современными приводитъ къ заключенію, что въ самомъ началѣ XVI в. рубль равнялся 94 нашимъ рублямъ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ—75-ти нашимъ, а во второй половинѣ вѣка его стоимость не превышала 25-ти современныхъ рублей; удешевленіе денегъ всегда служитъ несомнѣннымъ признакомъ усиленія мѣнового обращенія въ странѣ. На ростъ сельскохозяйственнаго обмѣна указываетъ и повышеніе цѣнъ на хлѣбъ: цѣна четверти ржи XVI в. (равной половинѣ нашей четверти) въ Центрѣ съ 5-ти денегъ въ 20-хъ годахъ подня-

лась въ слѣдующемъ десятилѣтіи до 20-ти денегъ, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ до 30, а въ восьмидесятихъ годахъ даже до 40 денегъ. Постепенное распространеніе денежнаго оброка, смѣнившаго натуральный землевладѣльческій доходъ, и переводъ многихъ натуральныхъ государственныхъ повинностей на деньги служить дальнѣйшимъ серьезнымъ доказательствомъ оживленія въ торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства. Въ томъ же убѣждаютъ, наконецъ, прямые свидѣтельства актовъ, иностранныхъ писателей и житій святыхъ: извѣстно, напримѣръ, что Рязань отправляла хлѣбъ по Окѣ, что ленъ, конопля, сало, кожи, составляли важныя статьи отпускной торговли сѣверныхъ уѣздовъ Центра (Ярославскаго, Пошехонскаго) и Новгородско-Псковской области (Западнаго Полѣсья), что къ Москвѣ вели съ разныхъ сторонъ не менѣе семи торговыхъ дорогъ и по одной только изъ нихъ, ярославской, ежедневно доставлялось по 700—800 возовъ хлѣба въ зернѣ. Что касается до техническихъ приѣмовъ торговли, то они характеризуются обыкновенно изолированностью рынковъ, приводящей къ рѣзкимъ колебаніямъ цѣнъ на товары въ разныхъ мѣстностяхъ, ярмарочной системой продажи, тяжелыми проѣзжими и торговыми пошлинами, лежавшими на товарахъ, и крайней дороговизной перевозки, являвшейся слѣдствіемъ неудовлетворительности путей сообщенія. Эта характеристика въ общемъ справедлива, но по отношенію къ сельскохозяйственному обмѣну нѣкоторыя черты ея необходимо смягчить: ярмарочная система не имѣла первостепеннаго значенія въ сельскохозяйственномъ обмѣнѣ, такъ какъ по всей почти странѣ разсѣяно было множество постоянныхъ хлѣбныхъ рынковъ: таковы были рынки почти во всѣхъ центральныхъ городахъ, особенно въ Москвѣ, Ярославлѣ, Твери, южнѣе въ Тулѣ и Рязани, на сѣверѣ въ Вологдѣ и Устюгѣ, на западѣ въ Смоленскѣ, Псковѣ, Новгородѣ, ихъ пригородахъ и многочисленныхъ «рядкахъ» — торговыхъ поселеніяхъ Новгородской области; противъ изолированности рынковъ было другое средство — сильное развитіе посреднической дѣятельности капиталистовъ-скупщиковъ: о такихъ торговыхъ посредникахъ упоминаетъ не одно житіе святыхъ (напр., житія Зосимы и Савватія, Александра Ошевенскаго), писцовыя книги и грамоты неоднократно указываютъ на торговые поѣздки новгородскихъ купцовъ въ Двинскую землю, во всѣ новгородскія пятины, въ Центръ и т. д. Вообще же надо замѣтить, что въ техническихъ условіяхъ торговли не совершилось сколько-нибудь замѣтной переменъ въ теченіе вѣка, такъ что эти условія не могли повліять на сельскохозяйственное производство, общее же усиленіе сельскохозяйственнаго обмѣна должно было отразиться благоприятно на земледѣліи, такъ что

вопросъ объ упадкѣ послѣдняго въ Центръ и Западномъ Полѣсѣъ остается открытымъ и послѣ изученія мѣнового обращенія сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Характерной чертой обмѣна, связанной съ хорошими зимними путями сообщенія, является обширность рынковъ: торговые города обслуживали обыкновенно районы въ 150, 200, 300 верстъ въ окружности, Москва даже въ 500 и болѣе верстъ.

Еще болѣе знаменательно изученіе распределенія сельскохозяйственнаго дохода между землевладѣльцами, земледѣльцами и государствомъ. Нѣкоторые изслѣдователи склонны приписывать тяжести государственнаго обложенія главное вліяніе на всѣ экономическія бѣдствія русскаго народа въ XVI вѣкѣ. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Внимательное изученіе податныхъ окладовъ того времени приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: если принять за единицу обложенія соху въ 400 десятинъ доброй земли въ каждомъ полѣ или въ 500 десятинъ средней и 600 худой и перевести податные оклады XVI вѣка на наши современные деньги, то окажется, что въ началѣ вѣка на наши деньги только около 660 рублей съ сохи платилось деньгами, остальное тягло состояло изъ натуральныхъ повинностей, въ двадцатыхъ годахъ 750 р. поступали въ казну деньгами, остальные обязанности по отношенію къ государству отбывались натурой; въ началѣ пятидесятихъ годовъ XVI вѣка почти всѣ натуральныя повинности были переведены на деньги, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что въ 50-хъ—80-хъ годахъ податной окладъ съ сохи доходилъ до 1.050 р., такъ что реальнаго повышенія податей сравнительно съ болѣе раннимъ временемъ не было; оно наступило только въ восьмидесятихъ годахъ, когда съ каждой сохи государство брало въ видѣ налоговъ уже 3.775 р. Итакъ, повышеніе налоговъ относится къ тому времени, которое слѣдовало за земледѣльческимъ упадкомъ въ Центръ и Западномъ Полѣсѣъ; а если налоги были повышены *послѣ* упадка полевого хозяйства, то, очевидно, не они были причиной этого послѣдняго явленія; напротивъ: можно думать, что переходъ отъ паровой-зерновой системы къ переложной и уменьшеніе запашки на крестьянскій дворъ, сокративъ доходы правительства, собиравшаго подати только съ населенной и обрабатываемой земли, были одной изъ главныхъ причинъ перемѣны въ финансовомъ обложеніи, вызвали необходимость повысить податные оклады.

Но если не повышеніемъ государственныхъ налоговъ объясняется упадокъ земледѣльческаго производства,—переходъ отъ паровой-зерновой системы земледѣлія къ переложной и уменьшеніе средней величины крестьянской запашки на дворъ,—то

нельзя ли видѣть причину этого упадка въ ростѣ землевладѣльческаго оброка и въ увеличеніи барщинной работы? Землевладѣльцы XVI вѣка собирали съ крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ, оброкъ въ трехъ видахъ: или долей урожая, или опредѣленною мѣрою хлѣба, «посопнымъ хлѣбомъ», какъ тогда говорили, или, наконецъ, деньгами. Послѣдній видъ, денежный оброкъ, какъ было уже указано, постепенно вытѣснялъ два первые вида оброка, явившіеся формами владѣльческаго натурального сбора. Спрашивается теперь: не увеличились ли къ концу столѣтія размѣры, въ какихъ собирался долевой хлѣбный оброкъ, посопный хлѣбъ и денежный оброкъ, и не былъ ли денежный оброкъ выше натурального? Отвѣтъ на эти вопросы можно дать только отрицательный. Въ самомъ дѣлѣ: долевой натуральный оброкъ собирался обыкновенно въ видѣ половины, трети или четверти урожая, рѣже онъ понижался до пятой доли послѣдняго, при чемъ высшая норма долевого натурального оброка — половина урожая — выходила изъ употребленія по мѣрѣ удаленія отъ начала столѣтія; было бы, однако, ошибкой утверждать, что тяжесть такого оброка уменьшалась постепенно въ теченіе вѣка: дѣло въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда давали половину урожая, обыкновенно не подагалось никакой денежной приплаты, между тѣмъ какъ при оброкѣ третьей, четвертой или пятой долей урожая приплачивались, сверхъ того, еще деньги; если такимъ образомъ долевой оброкъ не уменьшался, то онъ и не увеличивался: правда, съ одной и той же земельной площади въ 1500 г. платилась треть урожая и 9 копеекъ деньгами того времени, въ 1539 г. та же доля урожая и 14 коп., а въ 1568 г., при такомъ же третномъ оброкѣ, 28 коп., но вѣдь въ самомъ началѣ вѣка одна копейка стоила на наши деньги 94 коп., въ 1539 г. — 75 коп., а въ 1568 г. только 25 коп., такъ что денежные доплаты въ трехъ указанныхъ случаяхъ, будучи выражены въ современныхъ намъ деньгахъ, равняются 846,1,050 и 625 коп.: колебанія невелики и говорятъ скорѣе въ пользу незначительнаго пониженія оброка во второй половинѣ XVI вѣка, чѣмъ за его увеличеніе. То же самое приходится сказать и объ оброкѣ посопнымъ хлѣбомъ, на основаніи цѣлаго рода данныхъ, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ. Наконецъ, если возьмемъ денежный оброкъ, то и здѣсь замѣтимъ лишь номинальное, а не реальное повышеніе: такъ, напримѣръ, въ Вотской пятинѣ въ самомъ началѣ XVI в. за пользованіе участкомъ земли въ 15 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ платили 25 копеекъ, что при стоимости копейки того времени, равной 94 нашимъ, составляетъ на наши деньги 2.350 копеекъ; тамъ же и съ такой же земельной площади въ 1582 г. землевладѣльцы брали по 1 р.

(=100 коп.), т.-е. на наши деньги по 2.500 коп. Итакъ, реальная величина всѣхъ трехъ видовъ землевладѣльческаго оброка была почти неизмѣнна въ теченіе всего изучаемаго столѣтія. Къ этому надо прибавить, что денежный оброкъ въ 1 рубль былъ ниже и во всякомъ случаѣ не выше господствовавшаго въ началѣ вѣка натурального оброка долей урожая: бѣднѣйшіе крестьяне Вотской пятины снимали въ это время со своихъ участковъ не болѣе 10 четвертей ржи и 14 четвертей овса; четверть ржи стоила тогда 15 коп., а четверть овса—10 коп.; слѣдовательно, стоимость всего урожая равнялась 290 коп.; оброкъ въ рубль составлялъ, значитъ, 34% валового дохода, тогда какъ долевой натуральный сборъ начала вѣка составлялъ 50% урожая. Не надо забывать также, что приведенный расчетъ относится къ самому недостаточному крестьянскому хозяйству. Наконецъ, не мѣнялась и барщина: съ каждаго 5 десятинъ пашни крестьянинъ все время обрабатывать на землевладѣльца по одной десятинѣ.

II.

Въ предшествующемъ изложеніи мы имѣли въ виду намѣтить основные процессы, совершавшіеся въ сельскохозяйственномъ производствѣ Московской Руси XVI вѣка, и ихъ отраженіе въ сферѣ обмена и распредѣленія продуктовъ хозяйства. Если и шла рѣчь о причинахъ изученныхъ чрезвычайно-любопытныхъ явленій производства, то по преимуществу, если не исключительно, приходилось констатировать невозможность отыскать эти причины въ тѣхъ сферахъ, которыя были подвергнуты изслѣдованію. Необходимо, слѣдовательно, сосредоточить теперь вниманіе на другихъ сторонахъ жизни, выйти изъ предѣловъ сельскохозяйственной промышленности въ болѣе широкую область общихъ экономическихъ условій времени. Первое изъ этихъ условій—распредѣленіе населенія и колонизація. Изученіе колонизаціи въ XVI вѣкѣ сразу освѣщаетъ намъ очень многое въ производствѣ сельскохозяйственныхъ благъ. Непрерывный прогрессъ сельскохозяйственнаго производства въ Прикамьѣ, степи и окраинныхъ уѣздахъ центральной области въ значительной мѣрѣ объясняется ходомъ колонизаціи. Писцовыя книги и грамоты сохранили слѣды сильнаго движенія населенія въ этихъ областяхъ: на приливъ сюда населенія указываетъ наличность большого количества починковъ, т.-е. новыхъ поселеній, только что основанныхъ на пустыхъ мѣстахъ; параллельно такому приливу замѣтенъ, однако, и отливъ населенія, какъ показываетъ значи-

тельное число пустошей, т.-е. поселковъ, брошенныхъ населеніемъ. Такъ, напримѣръ, въ Костромскомъ уѣздѣ относительное количество починковъ немногимъ уступало числу пустошей, судя по актамъ и писцовымъ книгамъ; довольно типичны въ этомъ отношеніи вотчины Троицкаго-Сергіева монастыря въ этомъ уѣздѣ; въ нихъ починки въ сороковыхъ годахъ составляли 5% общаго числа поселеній, а пустоши 12%; соотвѣтствующія цифры для шестидесятыхъ годовъ—17% и 12%, а для 90-хъ 7% и 18%. Еще больше равновѣсія замѣчается въ Свіяжскомъ уѣздѣ, гдѣ въ 1565—1568 гг. 21% всѣхъ поселеній составляли починки и 25%—пустоши. Въ степи населеніе прилиvalo сильнѣе всего въ уѣзды сѣверные, ближайшіе къ центру, и колонизаціонное движеніе утрачивало постепенно свою напряженность по мѣрѣ удаленія къ югу, особенно къ юго-востоку. Монастыри, появившіеся въ XVI вѣкѣ въ предѣлахъ тѣхъ уѣздовъ, о которыхъ у насъ идетъ теперь рѣчь, служатъ также важнымъ признакомъ оживленной колонизаціи: въ окраинныхъ уѣздахъ центра можно насчитать за это время до 20-ти монастырей, вновь построенныхъ въѣз городовъ, на пустыхъ мѣстахъ; подобныя же, хотя и менѣе рѣзко выраженные явленія можно наблюдать въ Прикамѣ и Степи. Вообще населеніе двигалось по всѣмъ этимъ мѣстамъ изъ Центральной области, но, какъ всегда бываетъ, часть переселенцевъ осѣдала на дорогѣ, а другая часть шла дальше, увлекая за собою нѣкоторую долю и мѣстныхъ жителей. Слѣдовательно, земледѣльческій прогрессъ объясняется здѣсь въ значительной степени тѣмъ, что все это были или промежуточные этапы въ движеніи населенія на новыя мѣста, или окончательные пункты, гдѣ переселенцы обосновывались прочнѣе. Но придавая первостепенное значеніе процессу колонизаціи въ исторіи сельскохозяйственной промышленности сѣверныхъ и южныхъ окраинъ Центра, Степи и Прикамья, не слѣдуетъ забывать и нѣкоторыя отмѣченныя уже выше условія, благоприятно отзывавшіяся на земледѣльческомъ производствѣ этихъ краевъ: мягкій климатъ и тучная черноземная почва Степи безъ особенныхъ усилій со стороны земледѣльца приносили хорошіе плоды и тѣмъ позволяли и увеличивать запашку, и переходить къ высшей по возможности системѣ земледѣлія; этому соотвѣтствовали и хорошія почвенныя условія юго-западнаго Прикамья (Свіяжскаго и Казанскаго уѣздовъ) и даже сравнительно довольно плодородная мѣстами почва такихъ центральныхъ уѣздовъ, какъ Пошехонскій, Ярославскій, Костромской, Муромскій. Мы видѣли, накопецъ, что и сельскохозяйственный обмѣнъ достигъ наиболѣе замѣтнаго развитія именно въ этихъ мѣстностяхъ: Пошехонскій,

Ярославскій, Костромской уѣзды торговали скотомъ, хлѣбомъ, отчасти льномъ, а степные доставляли по Окѣ и другими путями громадное количество хлѣба. Торговая посредническая дѣятельность и связанная съ нею перевозочная промышленность служили также немалымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ.

Еще сложнѣе вліянія, подъ которыми сложились особенности въ техникахъ и формахъ производства на сѣверѣ. Несмотря на въ высшей степени суровый климатъ и дурную, скудную почву, колонизаціонное теченіе въ эту область было довольно сильно и направлялось двумя струями—изъ Западнаго Полѣсья и Центра. На это прямо указываютъ писцовыя книги и житія сѣверныхъ святыхъ, бывшихъ большею частью выходцами изъ этихъ областей. Насколько сильно было вліяніе колонизаціи на сельское хозяйство сѣвера,—это всего больше замѣтно по двумъ фактамъ: во-первыхъ, всего болѣе населенными уѣздами здѣсь являются въ XVI вѣкѣ тѣ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, и хозяйство достигло наибольшаго прогресса: таковы уѣзды Бѣлозерскій, Каргопольскій и Двинскій; во-вторыхъ, такъ какъ колонизація совершалась здѣсь внѣ всякаго правительственнаго вліянія и лишь отчасти подъ вліяніемъ монастырей и служилыхъ земле-владѣльцевъ, преимущественно же путемъ свободнаго, добровольнаго расселенія самихъ крестьянъ, то это способствовало сохраненію древнихъ хозяйственныхъ формъ — половничества, вообще натурального оброка и складничества. Бѣлозерскій уѣздъ въ отношеніи къ населенію вообще приближался къ ближайшимъ къ сѣверу центральнымъ уѣздамъ, почему и въ немъ въ концѣ вѣка замѣтенъ нѣкоторый уходъ населенія, не вполне соотвѣтствующій приливу, а значительно превосходящій его въ напряженности; однако, количество починковъ было здѣсь все время значительно, доходило до 30—35% общаго числа поселеній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ было и выше. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ колонизировали земли монастыри Александровъ - Ошевенскій, Спасо-Преображенскій, Кожеозерскій; пустоши составляли очень незначительный процентъ общаго числа поселеній. Значительная населенность Двинскаго уѣзда засвидѣтельствована иностранцами—Герберштейномъ, Гваньини — и многочисленными актами, въ которыхъ совсѣмъ не встрѣчаются пустоши.

Сохраненію первобытныхъ формъ хозяйства на сѣверѣ, кромѣ способа заселенія этой области, содѣйствовали еще естественныя и находящіяся въ связи съ ними мѣновыя условія края. Большинство населенія сѣверныхъ уѣздовъ почерпало средства для существованія не въ сельскохозяйственной, а въ добывающей промышленности, производя хлѣбъ лишь для своего потребленія,

а не для продажи, или даже покупая хлѣбъ въ другихъ краяхъ. Это было необходимо вслѣдствіе скудости почвы и суровости климата. Вотъ почему сѣверное сельское хозяйство было по преимуществу натуральнымъ, безобмѣннымъ, чѣмъ вызывалось сохраненіе типическихъ для такого хозяйства формъ производства.

Наконецъ, было еще одно условіе, оказывавшее могущественное и благотворное вліяніе на земледѣльческое производство большинства сѣверныхъ уѣздовъ: мы имѣемъ въ виду преобладающее значеніе на сѣверѣ чернаго землевладѣнія. Чтобы понять, какъ и почему вліяніе это было благотворно, необходимо разрѣшить общій вопросъ о томъ, какъ отражались различные виды земельного владѣнія на хозяйствѣ крестьянъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что запашка на дворъ въ черныхъ земляхъ была обыкновенно крупнѣе, чѣмъ въ другихъ видахъ земельного владѣнія. Такъ, напримѣръ, въ 1582 г. въ Обонежской пятинѣ (нынѣшней Олонецкой губерніи) въ черныхъ волостяхъ на крестьянскій дворъ приходилось въ среднемъ около трехъ-четырехъ десятинъ пашни во всѣхъ трехъ поляхъ, въ помѣстьяхъ около двухъ-трехъ десятинъ, какъ и въ монастырскихъ и архіерейскихъ владѣніяхъ. Подобныя же явленія можно наблюдать и въ другихъ областяхъ государства. Кромѣ того, и система земледѣлія въ черныхъ земляхъ и служилыхъ вотчинахъ была интенсивнѣе или, по крайней мѣрѣ, менѣе экстенсивна, чѣмъ въ монастырскихъ имѣніяхъ и помѣстьяхъ. Объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ писцовыхъ книгъ XVI в. по новгородскимъ пятинамъ, уѣздамъ центральнымъ, какъ Московскій, Коломенскій, и прикамскимъ, въ родѣ Казанскаго и Свіязскаго, вообще по тѣмъ областямъ, въ которыхъ одновременно существовали земли разныхъ видовъ владѣнія. Очень часто разореніе монастырскихъ и помѣстныхъ земель доходило до крайности: въ 80-хъ годахъ XVI вѣка въ уѣздахъ Пскова съ 8-ю его пригородами въ помѣстьяхъ подъ пашней было всего около 1.600 дес. въ каждомъ полѣ, а подъ залежью въ 11 разъ больше: 18.000 десятинъ; въ монастырскихъ и церковныхъ владѣніяхъ пашня составляла здѣсь менѣе $\frac{1}{15}$ всей пахотной земли (пашни считалось 1.500 дес., а перелога 21.500 дес.), между тѣмъ, какъ въ земляхъ, оставшихся за царемъ, т.-е. черныхъ, перелогъ (120 дес.) лишь вдвое превосходилъ своими размѣрами пашню (60 дес.). Крайне-безпорядочное, хищническое веденіе хозяйства на помѣстныхъ и монастырскихъ земляхъ засвидѣтельствовано, впрочемъ, не однѣми писцовыми книгами, а и многими грамотами. Правительство въ официальномъ доку-

ментъ—соборномъ приговорѣ 1581 года — открыто признало крайнее разореніе монастырскихъ вотчинъ, «запустошеніе» ихъ монастырскими властями. Относительно помѣстнаго хозяйства имѣемъ цѣлый рядъ актовыхъ указаній: помѣщики разгоняютъ и грабятъ крестьянъ, вырубаютъ лѣсъ, истощаютъ землю, пахутъ ее «наѣздомъ», безъ всякой системы и порядка, не живутъ въ помѣстьяхъ, а сдаютъ ихъ въ аренду постороннимъ людямъ, которые стараются извлечь для себя въ возможно болѣе короткое время наибольшій доходъ изъ арендованной земли, не заботясь о сохраненіи ея производительныхъ силъ на будущее время. Такое беспорядочное хозяйство въ помѣстьяхъ—не случайность, а естественное и неизбежное послѣдствіе юридической природы помѣстнаго владѣнія. Юридически земля, отданная въ помѣстье, считалась собственностью государя, который уступалъ ее помѣщику только во временное пользованіе подъ условіемъ службы; поступаясь въ пользу помѣщика правами *пользованія* — и то не безусловно, такъ какъ въ принципѣ за правительствомъ оставалось право наблюденія за хозяйственными дѣйствіями помѣщика въ пожалованномъ имѣніи,—государь сохранялъ за собою всѣ права *распоряженія* помѣстной землей: помѣщикъ совершенно не имѣлъ права отчуждать землю постороннему, не могъ и передавать ее по наслѣдству даже своимъ сыновьямъ. Болѣе того: правительство всегда могло уменьшить размѣры помѣстья, взять его у владѣльца совсѣмъ и передать другому, однимъ словомъ, если того требовали интересы государства, могло по своему усмотрѣнію лишать помѣщика и правъ пользованія предоставленнымъ ему имѣніемъ. Все это пріучало помѣщика къ мысли, что плоды его хозяйственныхъ заботъ и трудовъ пожнеть, вѣроятнѣе всего, не его сынъ и даже не другой родственникъ, а чужой человѣкъ, не связанный съ нимъ кровными узами. Вотъ основной источникъ дурного веденія хозяйства въ помѣстьяхъ. Былъ однако и другой, связанный тѣсно съ этимъ: даже и при хозяйственномъ усердіи помѣщика крестьяне, непосредственно прилагавшіе свой личный трудъ къ обработкѣ земли, не были гарантированы отъ разоренія именно потому, что сидѣли на помѣстной землѣ. Вотъ типическій примѣръ такого разоренія. Въ 1598 г. нѣкто Ѳоминъ отдалъ свое владимірское помѣстье на оброкъ крестьянину Шишкину; помѣстье было сильно запущено, и арендаторъ приложилъ не мало труда, чтобы привести его въ лучшее состояніе: онъ посѣялъ яровой хлѣбъ, вспахалъ паръ подъ рожь, вырубилъ и выжегъ на многихъ десятипахъ лѣсъ, скошилъ сѣно на лугахъ. Въ разгаръ этихъ работъ старый помѣщикъ Ѳоминъ лишился своего имѣнія, которое было отдано въ

помѣстье другому лицу, Соболеву. Послѣдній, вступивъ во владѣніе и не получивъ ничего отъ Шишкина, такъ какъ весь оброкъ былъ уплаченъ имъ прежнему владѣльцу, считъ себя въ правѣ воспользоваться плодами трудовъ крестьянина и осуществилъ это право слѣдующимъ образомъ: посѣялъ хлѣбъ на пару, приготовленномъ Шишкинымъ, свезъ къ себѣ скошенное имъ сѣно, и Шишкинъ остался въ большихъ убыткахъ: безъ пашни и безъ сѣна, да сверхъ того при распапкѣ нивы онъ потерялъ еще безъ пользы для себя нѣсколькихъ лошадей и воловъ.

Дурное веденіе хозяйства въ монастырскихъ имѣніяхъ въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что здѣсь развитъ былъ способъ хозяйственной эксплуатаціи земли, во многомъ похожій въ экономическомъ отношеніи на помѣстье, — именно дача монастырскихъ владѣній во временное, условное, большею частью пожизненное пользованіе: земли эти давались или за вкладъ, или съ обязательствомъ со стороны лица, бравшаго землю, служить монастырю. Эти владѣнія были такъ же непрочны, какъ помѣстья, что естественно вело къ ихъ разоренію. Была, кромѣ того, и еще одна очень важная причина хозяйственного упадка монастырскихъ вотчинъ: ихъ громадныя размѣры, особенно въ центральныхъ уѣздахъ, отчасти и въ Западномъ Полѣсѣ. Достаточно сказать, что Троицкій Сергіевъ монастырь владѣлъ землями въ тридцати трехъ уѣздахъ, и въ 27 изъ нихъ считалось у него до 200 тысячъ десятинъ земли, а Новодѣвичій въ четырнадцати уѣздахъ обладалъ 30 тысячами десятинъ, и прибавить, что это были далеко не единственные и не рѣдкіе примѣры крупнаго монастырскаго землевладѣнія.

Само собою разумѣется, что помѣстное и монастырское хозяйство отражалось и на земледѣліи въ черныхъ земляхъ и служилыхъ вотчинахъ: народное хозяйство, какъ бы ни были изолированы отдѣльныя хозяйственные единицы, его составляющія, представляетъ собою все-таки цѣльный организмъ, разстройство отдѣльныхъ частей котораго неминуемо отзывалось и на состояніи другихъ его элементовъ. Однако, несмотря на это, система земледѣлія на черныхъ и вотчинныхъ земляхъ была все-таки менѣе экстенсивна, чѣмъ въ помѣстьяхъ и монастырскихъ имѣніяхъ. Понятно, что тамъ, гдѣ два послѣдніе вида земельного владѣнія не были распространены, занимали относительно небольшую площадь, ихъ вредное хозяйственное вліяніе не чувствовалось почти совершенно. Сѣверъ отличался именно этою особенностью: помѣстья здѣсь были лишь въ Обонежской пятинѣ, въ Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ уѣздахъ и то большею частью не подавляли своею массой другихъ видовъ поземельной собствен-

ности; монастырскія же вотчины, за немногими исключеніями, были не велики и очень часто по хозяйственному своему типу подходили близко къ чернымъ землямъ: во многихъ мелкихъ, «убогихъ» монастыряхъ монахи сами пахали и косили. Вотъ почему выше и было указано, что сельскохозяйственное производство на сѣверѣ обязано было своимъ постепеннымъ, хотя и медленнымъ, поступательнымъ движеніемъ, кромѣ естественныхъ, мѣновыхъ и колонизаціонныхъ условий, также и поземельнымъ, — сохраненію здѣсь преобладающаго значенія за чернымъ землевладѣніемъ.

Мы не безъ цѣли остановились на хозяйственномъ вліяніи помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія. Дѣло въ томъ, что упадокъ сельскохозяйственнаго производства и сокращеніе запашки на дворъ и на рабочаго въ Центръ и Западномъ Полѣсѣ были непосредственнымъ слѣдствіемъ развитія помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія на счетъ земель вотчинныхъ и черныхъ. Изучая распредѣленіе населенія въ указанныхъ двухъ старыхъ областяхъ Московской Руси XVI вѣка, легко замѣтить, что до семидесятыхъ годовъ въ этомъ отношеніи незамѣтно большихъ перемѣнъ, съ этого же времени можно наблюдать рѣзко выраженное бѣгство крестьянъ изъ уѣздовъ, окружавшихъ столицу, и изъ большей части Новгородско-Псковской области. Это бѣгство отмѣчается иностранцами Ульфельдомъ, Поссевиномъ, Флетчеромъ, о немъ свидѣлствуютъ акты и писцовыя книги: такъ, въ Московскомъ уѣздѣ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ относительное количество пустошей доходило до 76, 93 и даже 95% и не спускалось ниже 45%, починковъ же почти совсѣмъ не было; то же самое наблюдается въ уѣздахъ Дмитровскомъ, Можайскомъ, Рузскомъ, Переяславль-Залѣсскомъ и т. д., и т. д. Такое поразительное по своей напряженности движеніе населенія изъ старыхъ основныхъ областей государства и было исходнымъ моментомъ того заселенія Сѣвера, Прикамья и Степи, о которомъ у насъ уже шла рѣчь. Мы видѣли выше, какія естественныя и экономическія условія привлекали населеніе въ эти области. Но для объясненія причинъ переселенія недостаточно знать, что привлекало переселенцевъ на новыя мѣста, надо еще — и это главное — опредѣлить, что выгоняло ихъ съ родины, къ которой ихъ привязывали привычка и инстинктъ. Такимъ образомъ, если бы мы объяснили хозяйственный упадокъ центральныхъ и новгородско-псковскихъ уѣздовъ уходомъ изъ нихъ населенія и его стремленіемъ на новыя мѣста, то такое объясненіе слѣдовало бы считать недостаточнымъ. Изученіе хозяйственнаго вліянія помѣстной системы и монастырскаго земле-

владѣнія и даетъ намъ искомый отвѣтъ на вопросъ о причинахъ важнѣйшаго и оригинальнѣйшаго явленія въ исторіи сельско-хозяйственнаго производства и колонизаціи въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка: и монастырское землевладѣніе, и помѣстная система вели къ разоренію, къ господству переложной системы и къ сокращенію среднихъ размѣровъ пашни на дворъ и рабочаго, а слѣдовательно и къ бѣгству населенія; между тѣмъ, объ эти формы земельного владѣнія становятся въ XVI вѣкѣ господствующими и въ Центръ, и въ Западномъ Полѣсьѣ. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ, взятыхъ изъ числа многихъ фактовъ, засвидѣтельствованныхъ писцовыми книгами: въ Шелонской пятинѣ въ 1582—1586 гг. помѣстья занимали въ одной половинѣ пятины 94 проц. всей территоріи, а въ другой—болѣе 97 проц.: въ первомъ случаѣ на помѣстную землю приходилось 103 тысячи десятинъ изъ 110 тысячъ, во второмъ—60 тысячъ десятинъ изъ 62 тысячъ; въ Московскомъ уѣздѣ, по писцовой книгѣ тѣхъ же годовъ, изъ 490 тысячъ десятинъ пахотной земли монастырскія вотчины занимали 175 тысячъ десятинъ или болѣе 35 проц., а въ помѣстьяхъ считалось около 165 тысячъ десятинъ, что составляетъ 34 проц. всей площади, описанной въ книгѣ.

Въ связи съ развитіемъ помѣстной системы стояли и нѣкоторыя другія важныя явленія въ области распредѣленія земельной собственности, оказавшія сильное вліяніе на хозяйство. Изъ такихъ явленій заслуживаютъ особаго вниманія два: уменьшеніе размѣровъ отдѣльныхъ имѣній или раздробленіе крупныхъ владѣній и развитіе мобилизаціи земельной собственности, т.-е. быстрого и непрерывнаго перехода имѣній въ руки лицъ, не состоящихъ въ родствѣ съ прежними владѣльцами. Изучая писцовыя книги XVI вѣка, не трудно замѣтить, что въ подавляющемъ большинствѣ уѣздовъ къ концу столѣтія крупныя землевладѣльческія единицы—болѣе 1.000 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ—встрѣчаются только какъ исключенія, обыкновенно же преобладаютъ имѣнія среднихъ размѣровъ въ 150—300 десятинъ. Это—не случайность, а неизбежное послѣдствіе помѣстной системы, которая имѣла цѣлью создать земельное обезпеченіе для массы служилыхъ людей, при чемъ обезпеченіе это давалось въ размѣрахъ, достаточныхъ лишь для несенія службы средней, нормальной тяжести. Между тѣмъ всѣ данныя убѣждаютъ насъ, что въ крупныхъ имѣніяхъ земледѣліе всегда находилось въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ среднихъ и мелкихъ; ограничимся однимъ примѣромъ: въ 1594—1595 гг. въ Вяземскомъ уѣздѣ крупныя землевладѣльцы примѣняли на своихъ владѣніяхъ правильную паровую-зерновую систему полевого хо-

зайства—перелогъ занималъ у нихъ ничтожную площадь въ 11 десятинъ—между тѣмъ въ среднемъ землевладѣніи половина всей пахотной земли, до 25 тысячъ десятинъ, оставалась въ залежи, а въ мелкомъ можно наблюдать уже прямо переложную систему земледѣлія, перевѣсъ залежи надъ пашней. Измельчаніе имѣній замѣтно не только въ помѣстномъ, но и еще въ большей степени въ вотчинномъ землевладѣніи по той причинѣ, что число вотчинниковъ увеличивалось путемъ естественнаго прироста населенія, размѣры же вотчинной земли не только не увеличивались, а напротивъ, уменьшились, такъ какъ значительная доля ея постепенно перешла въ руки монастырей. Это послѣднее явленіе приводитъ насъ къ второму, только-что отмѣченному процессу въ исторіи землевладѣнія XVI вѣка,—мобилизаціи земельной собственности: вотчины не только въ громадныхъ размѣрахъ переходили въ собственность монастырей, но и очень часто попадали не въ руки наслѣдниковъ и вообще родственниковъ, а къ чужеродцамъ. Такъ, въ Московскомъ уѣздѣ въ 20 лѣтъ изъ общаго числа 152 вотчинъ 75 или 49,3 проц. перешли въ собственность лицъ, совершенно постороннихъ прежнимъ владѣльцамъ. Въ Коломейскомъ изъ 148 имѣній 61 (41,2 проц.) принадлежало прежде чужеродцамъ. Еще сильнѣе совершалась мобилизація помѣстныхъ земель: въ большинствѣ случаевъ $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$ и даже $\frac{9}{10}$ ихъ переходили къ лицамъ, не связаннымъ съ прежними владѣльцами кровными узами. Это не могло не отражаться на хозяйствѣ: данныя нашихъ источниковъ позволяютъ замѣтить, что наибольшимъ запустѣніемъ отличались какъ разъ имѣнія, принадлежавшія прежде чужеродцамъ.

Итакъ, самое оригинальное явленіе въ сельскохозяйственной промышленности Московскаго государства XVI вѣка—упадокъ земледѣльческаго производства въ большей части Центральной области и Западнаго Полѣсья—объясняется переменами въ распределеніи земельной собственности: господствомъ помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія, раздробленіемъ крупныхъ имѣній и развитіемъ мобилизаціи. Ни въ какомъ случаѣ однако нельзя удовлетвориться такимъ объясненіемъ: мы опять имѣемъ здѣсь только нить, руководясь которой мы можемъ выйти въ широкую область общихъ экономическихъ отношеній, въ ту сферу, въ которой и нужно искать истиннаго разрѣшенія вопроса. Вѣдь если перемены въ распределеніи земельной собственности объясняютъ намъ ближайшимъ образомъ своеобразное направленіе земледѣльческаго производства, то спрашивается, какими же условіями опредѣлились эти перемены въ распределеніи землевладѣнія? Образование и развитіе помѣст-

ной системы до сихъ поръ объяснялось или недостаткомъ денежных средствъ у государства, вынужденнаго, однако, ради защиты и расширенія территории содержать военную силу и потому вознаграждавшаго служивыхъ людей за ихъ службу землей, которой было достаточно, или невозможностью крупнаго хозяйства и правильнаго управленія громадными и разбросанными имѣніями,—невозможностью, принуждавшей крупныхъ землевладѣльцевъ и между ними прежде всего государя раздавать свои земли во временное условное пользованіе съ цѣлями достигнуть болѣе энергичной хозяйственной ихъ эксплуатаціи. Надо однако замѣтить, что оба эти объясненія, вѣрно опредѣляя спеціальныя, частныя условія появленія и развитія помѣстья, игнорируютъ главное условіе, второстепеннымъ и производнымъ отраженіемъ котораго являются и бѣдность государства денежными средствами, и невозможность крупнаго хозяйства: такимъ главнымъ условіемъ, дѣйствительно создавшимъ помѣстную систему, было господство натурального хозяйства, т.-е. слабое развитіе обмѣна, торговыхъ сношеній; при слабости мѣноваго обращенія продуктовъ общество всегда бываетъ бѣдно денежными средствами, и нѣтъ возможности вести крупное хозяйство, для котораго необходимъ обширный и свободный рынокъ. Помѣстная система органически связана съ системой натурального хозяйства, является необходимымъ спутникомъ послѣдняго въ извѣстной стадіи его развитія,—говоримъ «въ извѣстной стадіи развитія», потому что и натуральное хозяйство не есть нѣчто разъ навсегда данное и неизмѣнное, оно такъ же, какъ и все въ жизни общества, извѣстный процессъ, подробности котораго заслуживаютъ изученія. Ни здѣсь, ни въ книгѣ, изложеніемъ которой является настоящая статья, мы не можемъ однако вдаваться въ эти подробности, имѣя въ виду посвятить особую статью изученію общаго вопроса о связи натурального хозяйства съ формами землевладѣнія. Ограничимся только констатированіемъ такой связи между помѣстьемъ и натуральнымъ хозяйствомъ и замѣтимъ, что натуральнымъ же хозяйствомъ обуславливалось и развитіе другого господствовавшаго въ XVI вѣкѣ вида земельного владѣнія,—монастырской вотчины. Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ объясняютъ обыкновенно фактъ необычайнаго развитія монастырскаго землевладѣнія? Указываютъ на желаніе стать подъ защиту монастыря, выгодную вслѣдствіе податныхъ и административно-судебныхъ льготъ, щедро жалуемыхъ монастырямъ государями, на хорошее веденіе монастырскаго хозяйства, на задолженность землевладѣльцевъ монастырямъ, наконецъ, на религіозные взгляды общества, убѣжденіе въ необходимости пожертвованія въ пользу церкви для спасенія души. Но льготы и защиту можно было найти у всякаго бога-

таго землевладѣльца, свѣтскаго такъ же, какъ и духовнаго; мнѣніе о хорошемъ веденіи монастырскаго хозяйства надо считать просто предразсудкомъ, такъ какъ хозяйство на монастырскихъ земляхъ шло, какъ было уже указано хуже, чѣмъ на земляхъ черныхъ и вотчинахъ служилыхъ людей; задолженность вовсе не была велика, какъ видно и изъ завѣщаній, и изъ того обстоятельства, что монастыри приобрѣтали большую, даже подавляющую своей относительной величиной часть своихъ владѣній не путемъ приѣма въ залогъ или покупки, а путемъ приѣма въ даръ; что же касается до убѣжденія въ необходимости пожертвованія въ церковь съ цѣлью спасти свою душу, то оно еще не обуславливало вклада *земли*, такъ какъ можно было вложить и движимые капиталы. Земельные вклады въ монастырь, т.-е. развитіе монастырскаго землевладѣнія, становятся необходимыми именно вслѣдствіе господства натурального хозяйства и являющейся слѣдствіемъ этого скудости денежныхъ средствъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что то зарожденіе мѣнового сельскаго хозяйства, которое намъ приходилось наблюдать во второй половинѣ XVI вѣка, также содѣйствовало и развитію монастырскаго землевладѣнія, и мобилизаціи земельной собственности: всѣ переходы отъ однихъ социальныхъ формъ къ другимъ отличаются болѣзненнымъ характеромъ, мучительно отзываясь на состояніи хозяйства и сопровождаются жертвами; съ зарожденіемъ болѣе оживленныхъ мѣновыхъ оборотовъ обостряется нужда въ денежныхъ капиталахъ, что и ведетъ къ мобилизаціи земельной собственности и къ переходу ея въ руки богатыхъ монастырей, скупающихъ земли за безцѣнокъ у лицъ, болѣе слабыхъ въ хозяйственномъ отношеніи. Къ этому необходимо прибавить, что зарождающееся денежное хозяйство, требующее свободы оборота всѣхъ цѣнностей въ странѣ, вступало въ непримиримый конфликтъ со старыми формами земельного владѣнія,—помѣстьемъ и монастырской вотчиной.

Такимъ образомъ общія экономическія условія времени—натуральное хозяйство и начавшееся зарожденіе хозяйства мѣнового—сыграли опредѣляющую роль въ исторіи земледѣльческаго производства коренныхъ, самыхъ важныхъ областей Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что все это составляетъ особенность одной только Московской Руси: лучшимъ доказательствомъ того, что развитіе помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія связано неразрывными узами съ развитіемъ натурального хозяйства служить тотъ всѣмъ извѣстный теперь фактъ, что монастырская вотчина и помѣстье—последнее подъ именемъ бенефиція—были извѣстны и Западной Европѣ; помѣстье представляло также важный и распространенный видъ земельной собственности и въ Византіи, и въ

Индіи, и въ мусульманскихъ государствахъ, и даже въ древнихъ, уничтоженныхъ европейцами государствахъ Новаго свѣта *). Вездѣ процессъ развитія натурального хозяйства привелъ къ распространенію указанныхъ землевладѣльческихъ формъ. Вездѣ эти формы должны были неблагопріятно отозваться на земледѣльческомъ производствѣ. Почему же только въ Россіи онѣ повели къ такому небывалому рѣзкому упадку земледѣлія? Отвѣта на этотъ вопросъ, отмѣчающій дѣйствительную особенность нашего отечества, надо искать въ основномъ историческомъ условіи, непрерывно дѣйствовавшемъ въ нашемъ прошломъ и дѣйствующемъ еще теперь—въ своеобразномъ отношеніи населенія страны къ ея территоріи: громадныя размѣры послѣдней при относительно небольшомъ количествѣ населенія сдѣлали возможнымъ быстрый отливъ населенія, уходъ его отъ хозяйственныхъ неурядицъ и разоренія. Въ другихъ странахъ этого условія не было, и вредное хозяйственное вліяніе формъ, подобныхъ помѣстью и монастырской вотчинѣ, сказалось менѣе рѣзко и привело къ другимъ послѣдствіямъ въ сферѣ соціально-политической: эти послѣдствія въ западно-европейскихъ государствахъ извѣстны подъ названіемъ феодализма. Наше отечество феодализма въ развитомъ видѣ не знало: вмѣсто него, у насъ восторжествовало крѣпостное государство съ самодержавною властью царя. Почему? Вотъ вопросъ, на который мы должны теперь отвѣтить.

III.

Происхожденіе западно-европейскаго феодальнаго порядка хорошо извѣстно. Онъ явился результатомъ развитія и органическаго соединенія трехъ соціальныхъ явленій,—бенефиція, комментаціи и иммунитета. Бенефицій—то же, что русское помѣстье: это пожизненное поземельное владѣніе, обусловленное для его обладателя обязанностью службы тому лицу, которымъ быть пожалованъ бенефицій. Бенефицій, какъ и русское помѣстье, могъ быть взятъ обратно лицомъ, его пожаловавшимъ; обладатель бенефиція не имѣлъ права отчуждать его постороннимъ и передавать по наслѣдству родственникамъ. Комментаціей называлась отдача себя подъ покровительство сильнаго человѣка, крупнаго землевладѣльца, съ цѣлью спасти себя отъ насилій, всегда очень распространенныхъ при слабости государственной власти; комментація дѣлала личность коммента (лица, поступавшаго подъ покровительство сильнаго человѣка) зависимою отъ покровитель-

*) См. объ этомъ, напр., во введеніи къ сочиненію М. М. Ковалевскаго „Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства“, т. I.

ствующаго, обращала коммендата въ его подданнаго: обязуясь защищать коммендата отъ насилій, сильный человѣкъ являлся представителемъ и заступникомъ его на судѣ, несъ за него отвѣтственность, что, естественно, вело къ необходимости со стороны покровителя надзора за коммендатомъ, власти надъ нимъ, права судить о его поступкахъ и въ случаѣ нуждѣ привлекать его за нихъ къ отвѣтственности, однимъ словомъ, къ подданству коммендата патрону. Иногда коммендировалась не только извѣстная личность, но и земля, которою эта личность владѣла: коммендатъ въ такомъ случаѣ оставался на этой землѣ, но она считалась уже собственностью патрона, а коммендату принадлежало лишь право пользованія, т. е. земля обращалась въ этомъ случаѣ въ бенефицій (мы употребляемъ здѣсь выраженіе «бенефицій» вмѣсто всѣхъ другихъ обычныхъ въ то время для обозначенія подобныхъ отношеній терминовъ единственно въ цѣляхъ большей простоты изложенія). Крупные землевладѣльцы раннего средневѣковья были, наконецъ, государями въ своихъ земляхъ: чинили судъ и расправу и собирали подати; эти, по нашему современному представленію, *государственные* права въ то время считались неотъемлемой принадлежностью права собственности на землю, срослись съ послѣднимъ. Въ крупномъ имѣніи—духовномъ или свѣтскомъ—не было никакой власти, кромѣ власти землевладѣльца, оно было изъято изъ вѣдомства органовъ королевской администраціи или, какъ тогда говорили, пользовалось иммунитетомъ.

Но всѣ эти порядки отличались слабой устойчивостью, крайней непрочностью и подвижностью: бенефицій могъ быть всегда отнятъ у лица, его получившаго, коммендатъ могъ оставить своего патрона и перейти къ другому, иммунитеты можно было нарушить. Весь вопросъ былъ въ томъ, кто окажется сильнѣе,—король или крупные землевладѣльцы. Перевѣсъ силы былъ на сторонѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, и колеблющіеся, расплывчатые, непрочные соціальныя формы ранней средневѣковой эпохи превратились въ отчетливыя, рѣзко выраженныя нормы, совокупность которыхъ называется феодальнымъ порядкомъ: бенефицій обратился въ ленъ или феодеъ, т. е. земельное владѣніе, хотя и обусловленное обязанностью службы, но по существу наслѣдственное и свободное, подлежащее отчужденію по волѣ владѣльца, лишь бы сюзерену были уплачены особыя пошлыны при переходѣ владѣнія, и лишь бы новый владѣлецъ сталъ въ такіе же къ нему отношенія, въ какихъ находился прежній; коммендація перешла въ вассалитетъ, т. е. въ постоянную связь подданства, исключавшую возможность ухода и наслѣдственную;

наконецъ иммунитеты развились до крайнихъ размѣровъ, до права войны, феодальнаго законодательства, чеканки монеты.

Таковъ былъ въ самыхъ общихъ чертахъ ходъ социально-политическаго развитія западно-европейскихъ странъ съ начала среднихъ вѣковъ до ихъ расцвѣта. Въ результатъ этого процесса получается, слѣдовательно, крайнее преобладаніе, почти полное господство феодальной аристократіи и совершенный упадокъ власти государей.

Ничего подобнаго не замѣчаемъ мы въ восточной Европѣ. Стоитъ лишь нѣсколько познакомиться съ социально-политическимъ строемъ Московскаго государства конца XVI и XVII вѣковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Что такое представлялъ собою въ это время московскій служилый классъ? Потомки бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей и большихъ московскихъ бояръ, помогавшихъ Калитѣ, его дѣтямъ и внукамъ въ упорной, трудной и не всегда чистой работѣ собиранія Руси, привыкшіе по наслѣдству отъ дѣдовъ и отцовъ смотрѣть на себя, какъ на наслѣдственныхъ правителей государства, безъ совѣта и согласія которыхъ не можетъ обойтись московскій государь, погибли въ казняхъ Грознаго, среди ужасовъ опричнины и Смутаго времени и лишились большей части своихъ наслѣдственныхъ владѣній, въ которыхъ сильны еще были преданія объ ихъ удѣльной власти. Иванъ Грозный, учредивъ опричнину, отбиралъ цѣлыми массами на себя, въ опричнину княжескія вотчины, уничтожая тѣмъ послѣдніе обломки удѣльныхъ привилегій. Изнуренная и ослабѣвшая боярская аристократія заняла въ государствѣ положеніе, совершенно одинаковое съ остальной массой служилого люда: образовалось крѣпостное, вѣчно обязанное службой государству служилое сословіе, являвшееся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ государственной власти. Военная служба легла тяжелой повинностью не только на дворянъ и дѣтей боярскихъ, но и на князей и бояръ. Помѣстья—по крайней мѣрѣ въ теоріи—остались прежнимъ непрочнымъ владѣніемъ, распоряженіе которымъ зависѣло отъ воли государя, и только на практикѣ правительство прививало къ нимъ принципъ наслѣдственности, стараясь передавать ихъ по смерти владѣльца его сыновьямъ, а вотчины окончательно сблизились съ помѣстьями, такъ какъ восторжествовалъ принципъ, въ силу котораго каждый вотчинникъ обязанъ былъ военной службой государству. Государственная власть стала прочной ногой и въ области администраціи: льготы—податныя и судебныя—подверглись значительному ограниченію, и вмѣсто бывшаго намѣстника, по закону кормившагося на счетъ населенія, появился воевода, завѣдывавшій государственными доходами,

администраціей и судомъ уже не на себя, какъ намѣстникъ, а на царя, представлявшій изъ себя не простой органъ хозяйственнаго управленія, а носителя государственной власти. Но всего замѣчательнѣе, конечно, то, что московскій царь, несмотря на страшную бурю, пронесшуюся надъ страной въ началѣ XVII вѣка, не только сохранилъ, но и укрѣпилъ свое самодержавіе.

Контрастъ московскихъ порядковъ XVII вѣка съ средневѣковымъ западно-европейскимъ строемъ оказывается такимъ образомъ поразительнымъ: та сила, которая восторжествовала въ Московскомъ государствѣ, была принижена въ Западной Европѣ, и наоборотъ. Но какъ ни поразителенъ этотъ контрастъ, его сила и яркость выдѣляется еще больше, если принять въ соображеніе то обстоятельство, что въ Московской Руси XV—XVI вѣковъ и даже позднѣе были налицо всѣ элементы, изъ которыхъ сложился западно-европейскій феодализмъ. Въ самомъ дѣлѣ: мы уже упоминали, что московское помѣстье почти совершенно тождественно съ западнымъ бенефиціемъ. Хорошо извѣстно также, что еще въ удѣльное время князья давали своимъ слугамъ податныя и судебныя льготы. Тогда льготы эти «были личнымъ отличіемъ, пожалованіе и продолженіе ихъ было такъ же необязательно для князя, какъ необязательна была и вызвавшая ихъ служба вольнаго слуги. Съ объединеніемъ сѣверной Руси государственная служба служилыхъ людей, сдѣлалась обязательной; тогда и поземельныя льготы, какъ ея послѣдствіе, перестали быть случайнымъ исключеніемъ, личнымъ отличіемъ, стали общимъ, нормальнымъ явленіемъ»; «какъ самая повинность службы стала политической особенностью цѣлаго класса служилыхъ землевладѣльцевъ, такъ и землевладѣльческія льготы получили значеніе сословныхъ преимуществъ служилаго класса» *). Не надо кромѣ того забывать, что если льготы на боярскія земли обязаны были своимъ происхожденіемъ пожалованію московскаго государя, то бывшіе удѣльные князья, ставъ служилыми, пользовались многими государственными правами въ своихъ бывшихъ удѣльныхъ владѣніяхъ не въ силу милости московскаго великаго князя, въ послѣдствіи царя, а по праву наслѣдованія. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ Московской Руси существовали средневѣковые до-феодалные иммунитеты и для превращенія ихъ въ иммунитеты феодальные недоставало только приобрѣтенія служилыми князьями и боярами такихъ правъ, какъ право войны, законодательства, чеканки монеты и т. п. Наконецъ, Московская Русь знала и ин-

---

*) *Ключевскій*, „Боярская дума древней Руси“, изд. 2, стр. 229.

ститутъ, совершенно соотвѣтствовавшій по своей юридической природѣ западно-европейской коммѣндаціи. Еще Соловьевъ сближалъ съ послѣдней древнерусское закладничество, свидѣтельства о которомъ нерѣдко встрѣчаются и въ удѣльное время, и въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Недавно это предположеніе Соловьева обстоятельно развито и доказано въ небольшой, но очень содержательной книжкѣ г. Павлова-Сильванскаго «Закладничество-патронатъ». Главные доводы, къ которымъ пришелъ авторъ этой работы, заключаются въ слѣдующемъ. Слово «закладень» или «закладникъ» происходитъ отъ глагола «закладываться», употребившагося въ значеніи «закрывать», «защищать»; синонимъ этого глагола—«задаваться»; отсюда закладники—лица задавшіяся, отдавшія себя подъ защиту сильнаго человѣка, «заступные люди», какъ они иногда называются въ документахъ, или, по выраженію западно русскихъ актовъ, «протекціальные люди». Грамоты какъ удѣльнаго времени, такъ и XVI и XVII вѣковъ довольно точно характеризуютъ намъ юридическую природу закладничества: закладни, отдавшіеся подъ покровительство сильнаго человѣка, «не тянутъ» уже судомъ и данью къ той власти, которой они подчинялись по мѣсту жительства раньше, потому что они являются подсудными своему патрону и ему же платятъ налоги; закладники XVII вѣка «съ промысловъ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, а живутъ всегда во льготѣ»; «въ городахъ воеводы и приказные люди на тѣхъ людей въ ихъ насильствахъ суда не даютъ, отказываютъ имъ, что имъ ихъ въ городахъ судить не указано». Все это представляетъ собою поразительную аналогію положенію средне-вѣковыхъ коммѣндатовъ. Сходство закладниковъ съ коммѣдантами усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что первые, какъ и вторые, поступали подъ защиту сильныхъ людей нерѣдко со своею землею. Правда, г. Павловъ-Сильванскій считаетъ эту послѣднюю черту особенностью закладней удѣльнаго времени и жившихъ, во всякомъ случаѣ, не позднѣе первой половины XVI вѣка, но вышеприведенныя слова одного изъ актовъ XVII вѣка о *вотчинахъ* закладниковъ указываютъ, что и тому времени не было совершенно чуждо закладничество съ землею. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что закладничество этого рода было болѣе частымъ явленіемъ до половины XVI столѣтія, чѣмъ позднѣе, и причину этого слѣдуетъ видѣть въ быстромъ исчезновеніи черныхъ земель, о которомъ у насъ уже шла рѣчь, и въ запрещеніи чернымъ крестьянамъ отчуждать свою землю не своей братѣ—крестьянамъ, а лицамъ постороннимъ, запрещеніи, отражавшемся еще въ междукняжескихъ договорахъ.

Итакъ, въ Московской Руси XVI вѣка были налицо всѣ элементы, изъ которыхъ сложился средневѣковой феодальный строй: помѣстье—бенефицій, льготы—иммунитеты и закладничество—коммѣндація. И однако эти зародыши феодализма такъ и остались въ зачаточномъ состояніи, а затѣмъ и совершенно исчезли въ нашемъ отечествѣ. Въ русской социальнo-политической жизни XVI вѣка произошелъ рѣзкій переломъ, не оставляющій мѣста дальнѣйшей аналогіи съ западными порядками. На это должны были существовать очень серьезныя причины, и изслѣдователи не мало поработали надъ вопросомъ о происхожденіи самодержавной власти московскихъ государей; указывали на выгодное положеніе Московскаго княжества, на его населенность, на вліяніе татарскаго ига, византійскихъ традицій, церковнаго авторитета, личныхъ характеровъ князей. Изучая послѣднюю борьбу московскаго боярства съ государемъ, отмѣчали въ числѣ причинъ побѣды послѣдняго его богатство, разрозненность, соперничество и сравнительную бѣдность бояръ, военныя обстоятельства, отсутствіе строго-опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ въ боярской средѣ, общую классовую рознь и проч. Всѣ эти выводы имѣютъ несомнѣнную цѣнность при объясненіи торжества самодержавной власти московскаго государя и пораженія княжеско-боярской аристократіи, но наибольшую важность для такого объясненія мы приписываемъ тѣмъ процессамъ въ развитіи сельскаго хозяйства XVI вѣка, которые нами только что изображены. Рѣшающее значеніе имѣло то обстоятельство, что въ то время, какъ окончательно поставленъ былъ вопросъ о послѣдней борьбѣ между государемъ и боярствомъ,—борьбѣ, которую Грозный царь думалъ вести посредствомъ опричнины,—хозяйственная мощь крупныхъ центральныхъ землевладѣльцевъ, бывшихъ удѣльныхъ князей и большихъ бояръ, была подорвана небывалымъ отливомъ населенія, послѣдовавшимъ подъ вліяніемъ вреднаго хозяйственнаго дѣйствія помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія. Это—во первыхъ. А во вторыхъ, необходимость единой самодержавной власти въ Россіи XVI—XVII вв. обусловливалась еще переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному съ *обширнымъ* рынкомъ: экономически—объединить страну могла только царская власть. На западѣ Европы хозяйственное развитіе шло равномернѣе и болѣе постепенно: тамъ натуральное хозяйство сначала (въ XII—XIII в.) перешло въ денежное съ *небольшимъ* рынкомъ, потому что тамъ не было удобныхъ зимнихъ путей сообщенія, позволявшихъ перевозить товары на дальнія разстоянія. Такъ экономическія условія времени окончательно опредѣлили направленіе политическаго развитія.

Но при всемъ различіи, такъ рѣзко бросающемся въ глаза при сравненіи соціально-политическаго строя Московскаго государства XVII вѣка съ западно-европейскимъ феодальнымъ порядкомъ, между тѣмъ и другимъ было и одно, хотя и неполное, сходство, заключавшееся въ положеніи низшаго класса населенія: и западные вилланы феодальной эпохи, и московскіе крестьяне XVII столѣтія были крѣпостными людьми. Хозяйственный упадокъ центральной области и Западнаго Полѣсья въ концѣ XVI вѣка оказалъ на положеніе крестьянъ такое же вліяніе, какое на Западѣ имѣло господство феодальныхъ отношеній,—онъ закрѣпилъ, утвердилъ процессъ закрѣпощенія крестьянъ, обострилъ дѣйствіе тѣхъ условій, которыя и такъ неудержимо влекли крестьянина въ крѣпостное состояніе. Извѣстно, что вопросъ о происхожденіи крѣпостнаго права до сихъ поръ вызываетъ большіе споры и разногласія. Спорятъ прежде всего о томъ, когда крѣпостное право на крестьянъ было въ первый разъ утверждено закономъ, сформулировано юридически: по мнѣнію однихъ изслѣдователей, это было сдѣлано еще въ концѣ XVI вѣка, по другому взгляду—только въ Уложеніи царя Алексѣя 1649 года. Разногласія идутъ и глубже, касаются вопроса объ условіяхъ, подготовившихъ прикрѣпленіе: одни склонны приписывать здѣсь первенствующую роль потребностямъ государственнаго хозяйства, необходимости обезпечить правильный сборъ податей и отбываніе государственныхъ повинностей путемъ прекращенія постоянныхъ крестьянскихъ переходовъ и установленія отвѣтственности землевладѣльцевъ за правильное отбываніе государственныхъ обязанностей ихъ крестьянами; по мнѣнію другихъ, государственному прикрѣпленію крестьянъ предшествовало закрѣпленіе ихъ за землевладѣльцами путемъ актовъ гражданскаго права, главнымъ образомъ, ссудныхъ записей и крестьянскихъ порядныхъ; послѣдній взглядъ опирается на слѣдующія соображенія: крестьянинъ XVI вѣка садился на землю, принадлежавшую служилому землевладѣльцу или церковному учрежденію, не имѣя своего инвентаря: рабочихъ орудій, скота и сѣмянъ. Это заставляло его прибѣгать къ ссудѣ и подмогѣ со стороны землевладѣльца. Невозможность расплатиться съ землевладѣльцемъ фактически лишала крестьянина права свободнаго перехода, которое признавалось за нимъ по закону: взявъ ссуду, крестьянинъ обязывался возвратить ее, а до возврата взаменъ уплаты процентовъ — работать на землевладѣльца; слѣдовательно, въ случаѣ, если крестьянинъ до самой смерти не могъ возвратить ссуду, онъ оказывался въ положеніи пожизненнаго крѣпостнаго, обязаннаго работой вмѣсто процентовъ по займу. Но такое же почти положеніе

занималъ, съ конца XVI вѣка, такъ называемый кабальный холопъ: онъ долженъ былъ работать на господина вмѣсто процентовъ на занятую имъ сумму, которую онъ не имѣлъ права уплачивать господину по закону: только это послѣднее обстоятельство, *юридическое* запрещеніе возврата ссуды отличало кабального холопа отъ крестьянина, не по закону, а *фактически* лишеннаго возможности расплатиться. Аналогія въ положеніи обоихъ была настолько близка, что привела къ мысли о возможности примѣнить и къ крестьянамъ идею кабального холопства. Мало-по-малу землевладѣльцы стали вносить въ порядныя грамоты со своими крестьянами условіе, которымъ крестьянинъ отказывался отъ права расплаты и ухода отъ землевладѣльца; для крестьянъ это условіе не имѣло реального значенія, ничѣмъ не ухудшило ихъ дѣйствительнаго положенія, такъ какъ расплатиться и уйти они, все равно, были не въ состояніи. Такъ, путемъ договоровъ, т.-е. актовъ гражданского права, и сложились настоящія крѣпостныя отношенія, признанныя государствомъ только въ половинѣ XVII вѣка.

Только что изложенная теорія въ главныхъ чертахъ признается теперь большею частью изслѣдователей; во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что задолженность и притомъ задолженность безнадежная, сыграла важную роль въ происхожденіи крѣпостнаго права на крестьянъ.

Но чѣмъ создались эта задолженность и ея безнадежный характеръ? Прежде всего разумѣется необходимостью селиться на землѣ служилой, монастырской или архіерейской, а необходимость эта—непосредственный результатъ того же процесса развитія помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія, который оказалъ столь роковое вліяніе на сельскохозяйственное производство. Дурное, хищническое веденіе помѣстнаго и монастырскаго земледѣльческаго хозяйства устраняло, съ другой стороны, возможность для крестьянина расплатиться съ землевладѣльцемъ и даже болѣе состоятельныхъ крестьянъ, какъ мы имѣли случай убѣдиться, низводило въ разрядъ неимущихъ и нуждающихся въ ссудѣ. Можно даже думать, что и кабальное холопство, послужившее юридическимъ прототипомъ крестьянской крѣпости, обязано своимъ развитіемъ тому же росту помѣстной и монастырской земли и связаннымъ съ этимъ ростомъ экономическимъ послѣдствіемъ, т.-е. упадку системы земледѣлія и сокращенію среднихъ размѣровъ запашки на дворъ и на рабочаго.

Остается подвести итоги, резюмировать выводы, къ которымъ привело изученіе сельскаго хозяйства Московской Руси въ XVI

вѣкъ, причинѣ, на него вліявшихъ, и социальнo-политическихъ послѣдствій, имѣ обнаруженныхъ. Процессъ развитія натуральнаго хозяйства привелъ къ торжеству помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія на большей части территоріи государства. Господство обоихъ этихъ видовъ земельного владѣнія вызвало, въ свою очередь, упадокъ земледѣлія, выразившійся въ переходѣ отъ паровой-зерновой системы полевого хозяйства къ болѣе экстенсивной переложной и въ сокращеніи размѣровъ крестьянской запашки на дворъ и земледѣльческаго рабочаго. Этотъ сельскохозяйственный упадокъ охватилъ районъ, который отличался раньше наибольшей населенностью и высшей культурой,—Центръ и Новгородско-Псковскую область, и проявился съ особенной силой по той причинѣ, что пространство страны было несоразмѣрно велико сравнительно съ ея населеніемъ, почему представлялась возможность широкаго развитія колонизаціи. Въ развитіи колонизаціи и слѣдуетъ видѣть основную причину сельскохозяйственнаго прогресса другихъ областей государства, сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ. Наряду съ этой основой, общей причиной, равномѣрно дѣйствовавшей во всѣхъ окраинныхъ областяхъ, въ каждой изъ нихъ имѣлись налицо еще спеціальныя обстоятельства, поддерживавшія поступательный ходъ развитія сельскохозяйственной промышленности и парализовавшія вредное дѣйствіе наиболѣе распространенныхъ видовъ земельного владѣнія: такими спеціальными причинами въ Степи и Прикамскомъ краѣ были хорошія климатическія и почвенныя условія, въ этихъ же областяхъ и въ сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ уѣздахъ Центра условія сельскохозяйственнаго обмѣна,—развитіе отпуска хлѣба, льна и продуктовъ скотоводства, въ Центръ и на Сѣверъ, а также отчасти и за границу,—на Сѣверѣ сохраненіе преобладающаго значенія за чернымъ землевладѣніемъ. Упадокъ земледѣльческаго производства въ основныхъ старыхъ областяхъ государства подрывалъ силы господствовавшаго здѣсь землевладѣльческаго класса,—князей и бояръ, и тѣмъ подготовилъ побѣду московскаго самодержавія, подчиненіе боярской аристократіи государю и образованіе крѣпостнаго государства, въ которомъ основой дѣленія на сословія оказалось начало обязанности. Въ этомъ же направленіи дѣйствовало образованіе денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ. Но тотъ же экономическій процессъ—разореніе крупныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ—отразился губительно и на благосостояніи крестьянства, что вызвало его задолженность землевладѣльцамъ и невозможность расплаты съ ними; въ результатѣ получилось—крѣпостное право на крестьянъ.

Развитіе экономическихъ и соціальныхъ отно- шеній въ Россіи XIX вѣка.

I.

Изъ XVIII вѣка въ XIX-й Россія перешла въ видѣ обширнаго государства, но размѣры ея территоріи, сравнительно съ таковы-ми же теперь, далеко не могутъ быть признаны поразительно-большими. Въ составъ имперіи въ началѣ XIX столѣтія не входили ни Финляндія, ни нынѣшнія губерніи Привислянскаго края, ни Кавказъ, ни Бессарабія, ни средняя Азія, ни Приамурскій край. Можно безъ преувеличенія сказать, что территорія нашего отечества увеличилась въ теченіе XIX вѣка на 25%. И замѣчательно, что этотъ территоріальный ростъ въ первой половинѣ истекшаго столѣтія далеко не отличался той быстротой, какая наблюдается послѣ 1850-хъ годовъ: на царствованія Александра I и Николая I приходится лишь приобрѣтеніе Финляндіи, части Польши, Бессарабіи и Грузіи,—все же остальное—дѣло болѣе поздняго времени. Если указанное расширеніе предѣловъ страны сопоставить съ ростомъ ея населенія, равнявшагося въ 1796 г. лишь 36 милліонамъ, въ 1851 г. доходившаго до 69 милліоновъ, а по переписи 1897 г. и финляндскимъ даннымъ 1896 г. достигшаго 130 милл., то станетъ яснымъ, какія широкія рамки были созданы въ XIX вѣкѣ для экономического развитія Россіи.

Чтобы уяснить себѣ механизмъ этого развитія, необходимо составить ясное и вѣрное представленіе объ относительномъ значеніи различныхъ отраслей народнаго производства въ хозяйственной жизни страны. Въ этомъ отношеніи такъ же, какъ и въ отношеніи расширенія территоріи и роста населенія, время около половины XIX столѣтія является критическимъ, знаменуетъ собою

известный переломъ, подготовлявшійся, конечно, исподволь, постепенно: до этого времени Россія переживала все еще первый періодъ въ развитіи денежнаго хозяйства, послѣ того начинается второй моментъ этого послѣдняго процесса. Въ самомъ дѣлѣ: стоитъ присмотрѣться къ относящимся сюда фактамъ, чтобы убѣдиться, что въ теченіе первой половины вѣка можно наблюдать лишь постепенное расширеніе круга товарнаго обращенія, которое, однако, успѣло захватить въ свои предѣлы *большую* часть единичныхъ хозяйствъ лишь къ пятидесятымъ или шестидесятымъ годамъ. Эти годы и должны, слѣдовательно, считаться исходнымъ хронологическимъ моментомъ второго періода въ развитіи денежнаго хозяйства, того періода, когда *большая* часть общества производитъ хозяйственныя блага для рынка, а не для собственнаго лишь потребленія. Выражая въ круглыхъ цифрахъ цѣнность русскаго вывоза за границу, можно сказать, что въ первые годы XIX вѣка онъ достигалъ 75 милліоновъ рублей въ годъ, въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ повысился лишь до 133 милліоновъ, во второй половинѣ тѣхъ же годовъ дошелъ уже до 230 мил., а затѣмъ пошелъ крупными шагами впередъ, такъ что въ 80-хъ и 90-хъ годахъ ежегодно вывозили уже на 630 милліоновъ рублей русскихъ товаровъ. Соответствующія цифры привоза заграничныхъ товаровъ за тѣ же хронологическіе періоды составляютъ 52, 130, 200 и 500—600 милліоновъ рублей. Важнѣйшая статья русскаго экспорта—зерновой хлѣбъ—пріобрѣла первостепенное значеніе въ русской внѣшней торговлѣ лишь съ шестидесятихъ годовъ, при чемъ за послѣднія сорокъ лѣтъ истекшаго столѣтія вывозъ хлѣба увеличился въ $4\frac{1}{2}$ раза. Невозможно даже приблизительно учесть обороты внутренней торговли за истекшее столѣтіе, и потому для характеристики роста ея, ускорившагося съ половины XIX вѣка, приходится ограничиться косвенными указаніями, далеко не полный перечень которыхъ мы и сдѣлаемъ, выбирая наиболѣе рельефныя данныя. Уже развитіе суконныхъ, ситценабивныхъ и ткацкихъ фабрикъ, хронологически опередившее ростъ другихъ отраслей русской фабрично-заводской промышленности, служить вѣрнымъ показателемъ послѣдовательныхъ и постепенныхъ успѣховъ денежнаго хозяйства: фабричное сукно, ситецъ и миткаль вслѣдствіе своей дешевизны и высокаго качества вытѣсняли изъ употребленія продукты домашняго производства,—грубыя суконныя издѣлія и полотна. Это пробивало значительную брешь въ твердынь натурального хозяйства. Далѣе: дворяне-землевладѣльцы, привыкшіе прежде удовлетворять почти всѣ свои потребности трудомъ своихъ крѣпостныхъ, тѣмъ ближе къ половинѣ XIX вѣка, тѣмъ болѣе и болѣе расширяли кругъ

предметовъ потребленія, приобретаемыхъ покупкой: сукна, ткани, ситецъ, всѣ металлическія издѣлія, усовершенствованныя земледѣльческія орудія, иностранные и южнорусскіе вина и плоды, экипажи, сбрану, мебель, чай, сахаръ, кофе,—все это стали покупать, потому что съ пониженіемъ рыночныхъ цѣнъ на эти предметы и съ ихъ качественными преимуществами надъ продуктами крѣпостного домашняго труда примѣненіе этого послѣдняго сдѣлалось невыгоднымъ. Вотъ почему хотя общее количество дворовыхъ и увеличивалось, но это увеличеніе приходилось на счетъ тѣхъ изъ нихъ, которые были заняты въ качествѣ рабочихъ въ помѣщичьихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, работавшихъ для сбыта, между тѣмъ какъ число дворовыхъ, занятыхъ въ качествѣ личной прислуги, быстро шло на убыль; они стали непронзводительнымъ классомъ, дармоѣдами, тяготившими владѣльцевъ. Но денежное хозяйство уже въ первой половинѣ XIX вѣка проникло и въ крестьянскую среду, заставило и крѣпостныхъ земледѣльцевъ считаться съ условіями рынка. Это всего ярче отражается въ ростѣ денежнаго оброка, въ совершенномъ почти вытѣсненіи имъ оброка натуральнаго: подобнаго явленія не могло бы быть безъ развитія денежнаго хозяйства, потому что безъ торговли крестьяне не могли бы добыть денегъ для своихъ оброчныхъ платежей. Это же сказывается и въ развитіи крестьянскихъ отхожихъ промысловъ. Наконецъ, какъ и въ XVIII вѣкѣ, можно наблюдать, какъ торговая и промышленная дѣятельность поднимаетъ надъ сѣрой крестьянской массой отдѣльныхъ предпріимчивыхъ и талантливыхъ людей, легко наживающихъ крупныя капиталы и выкупающихъ на волю. Типическимъ примѣромъ этого для XIX вѣка служить обогащеніе Кондратовыхъ, основавшихъ свой металлическій заводъ въ селѣ Вачѣ, Муромскаго уѣзда, въ 1831 году. Вотъ нѣкоторыя характерныя наблюденія, которыя указываютъ на ростъ денежнаго хозяйства въ первой половинѣ XIX вѣка. Ограничимся двумя-тремя фактами, характеризующими позднѣйшій переходъ ко второму періоду въ развитіи денежнаго хозяйства по даннымъ о внутренней торговлѣ; коммерческая техника постепенно преобразуется, старинная ярмарочная система падаетъ: уже съ 60-хъ годовъ наблюдается упадокъ крупныхъ оптовыхъ ярмарокъ и разложеніе ихъ на мелкіе торжки; особенной интенсивности это явленіе достигаетъ съ 80-хъ годовъ. Параллельно этому быстро растутъ акціонерныя предпріятія: въ теченіе 90-хъ годовъ число ихъ увеличилось вшестеро, соотвѣтственно возросли и вложенныя въ нихъ капиталы. Въ настоящее время въ Россіи считается до 400 тысячъ торговыхъ предпріятій съ оборотомъ болѣе 20 мил-

лиардовъ рублей въ годъ. Совершившееся на нашихъ глазахъ введеніе золотой денежной единицы и свободного размѣна кредитныхъ билетовъ на золото служить также однимъ изъ наиболѣе яркихъ признаковъ торжества денежно-хозяйственной системы въ массѣ населенія.

Обрисовавъ въ общихъ чертахъ процессъ развитія денежнаго хозяйства въ Россіи XIX вѣка, мы тѣмъ самымъ становимся на твердую почву при рѣшеніи вопроса о той перспективѣ, въ какой слѣдуетъ расположить за это время остальные отрасли народнаго производства—добывающую промышленность, сельское хозяйство и промышленность обрабатывающую. Сейчас мы отмѣтимъ вкратцѣ только ихъ относительное значеніе, оставляя пока въ сторонѣ ихъ технику и формы: о той и другихъ рѣчь впереди. Медленность развитія денежнаго хозяйства въ первой половинѣ столѣтія служить очевиднымъ признакомъ того, что въ это время взаимныя отношенія разныхъ отраслей промышленности не потерпѣли еще существенныхъ, коренныхъ измѣненій, остались въ общихъ основаніяхъ прежними. Земледѣліе продолжало еще играть доминирующую роль въ народномъ производствѣ,—по крайней мѣрѣ на большей части территоріи страны. Впрочемъ, уже въ это время намѣчается въ главныхъ чертахъ основное экономическое различіе между южной, почти исключительно земледѣльческой и средней и сѣверной неземледѣльческой Россіей, при чемъ неземледѣльческіе районы различались въ свою очередь между собою тѣмъ, что тогда какъ въ центрѣ страны все болѣе и болѣе выдвигалась на первый планъ обрабатывающая промышленность,—на сѣверѣ преобладала промышленность добывающая,—охота, рыболовство, отчасти также скотоводство. То, что въ первую половину столѣтія едва намѣчалось, оказывается рѣзко выраженнымъ во вторую его половину: обрабатывающая промышленность быстро пошла впередъ особенно въ центрѣ и на крайнемъ западѣ Россіи; земледѣліе сохранило свое значеніе по преимуществу на югѣ и распространилось въ различной степени по вновь завоеваннымъ областямъ, которыя первоначально служили ареной первобытной эксплуатаціи даровыхъ силъ природы. Изъ всѣхъ этихъ явленій заслуживаютъ особаго вниманія два—ростъ обрабатывающей промышленности и развитіе болѣе сложныхъ отраслей добывающей промышленности. Вотъ нѣсколько наблюденій, характеризующихъ оба явленія. Въ первой половинѣ XIX вѣка изъ всѣхъ фабричныхъ производствъ важнѣйшимъ было хлопчатобумажное, сильный прогрессъ котораго характеризуется тѣмъ фактомъ, что за пятьдесятъ лѣтъ количество перерабатывавшагося въ Россіи хлопка

возросло въ 16 разъ. Нѣсколько слабѣе, но все-таки довольно значительно развивалось и суконное производство: въ 1850 г. считалось уже 492 суконныхъ фабрики. Въ сороковыхъ годахъ пышнымъ цвѣтомъ распускается кустарная промышленность: къ этому именно времени относится процвѣтаніе извѣстныхъ теперь кустарныхъ центровъ — Павлова, Ворсмы, Иваново-Вознесенска, Кимръ и т. д. Несравненно быстрѣе шло развитіе обрабатывающей промышленности во второй половинѣ XIX столѣтія; можно сказать при этомъ, что оно двигалось равномерно-ускорительно по мѣрѣ приближенія къ концу вѣка: такъ техническія средства хлопчатобумажнаго производства увеличились за послѣднія 50 лѣтъ въ 20 разъ, цѣнность годового продукта въ этой отрасли промышленности доходить въ настоящее время до 430 милліоновъ рублей; годовой оборотъ шерстяного производства простирается до 150 мил. рублей; тогда какъ въ пятидесятыхъ годахъ годовая производительность въ металлической промышленности едва достигала 2 мил. руб.,—въ концѣ вѣка она равнялась уже 142 мил. руб., т. е. увеличилась въ 71 разъ. Послѣднія цифры, касающіяся обработки металловъ, указываютъ какъ разъ и на ту новую отрасль, которая, благодаря новымъ экономическимъ условіямъ — развитію денежнаго хозяйства и обрабатывающей промышленности—привилась и развилась въ сферѣ промышленности добывающей: эта отрасль — горное дѣло, сдѣлавшее гигантскіе успѣхи во второй половинѣ столѣтія; фундаментъ для такихъ успѣховъ заложенъ былъ уже отчасти и въ первой половинѣ вѣка, за которую выплавка чугуна возросла вдвое—съ 8 до 16 милліоновъ пудовъ.

II.

Таково было въ общихъ чертахъ взаимное отношеніе разныхъ отраслей народнаго производства въ Россіи XIX вѣка. Этимъ отношеніемъ, равно какъ и ростомъ населенія и расширеніемъ территоріи, опредѣляется въ своихъ основныхъ чертахъ производственная *техника*, въ которой за изучаемый періодъ наблюдаются чрезвычайно-существенныя и очень интересныя перемѣны.

Начнемъ съ техники земледѣлія. На рубежѣ XVIII и XIX столѣтій русское земледѣліе даже въ издавна заселенныхъ, старинныхъ областяхъ страны представляло собою обширное поле безраздѣльнаго, исключительнаго примѣненія трехпольной системы. При этомъ не мало было такихъ мѣстностей, гдѣ трехполье существовало еще въ крайне несовершенномъ, можно сказать

зачаточномъ видѣ: дѣло въ томъ, что настоящей, развитой трехпольной (точнѣе: паровой—зерновой) системой полевого хозяйства считается такая, когда ежегодно лишь треть годной для распашки земли остается подъ паромъ и удобряется навозомъ, а другія двѣ трети засѣваются наполовину озимью и наполовину яровымъ хлѣбомъ; но уже тогда, когда ежегодно остается безъ обработки половина всей пахотной земли, мы наблюдаемъ трехпольную систему въ зачаточномъ состояніи, потому что при такихъ условіяхъ залежь уже не долго остается безъ распашки, не можетъ возстановить свои производительныя силы естественнымъ путемъ отдыха, безъ удобренія и слѣдовательно превращается уже въ паръ. Между половиной и третью всей пахотной площади, остающейся безъ обработки, существуетъ въ дѣйствительности цѣлый рядъ послѣдовательныхъ градацій, и степенью близости размѣровъ парового поля къ одному изъ двухъ указанныхъ крайнихъ предѣловъ опредѣляется и степень развитія трехпольной системы земледѣлія. Въ началѣ XIX вѣка недоразвитое трехпольное хозяйство господствовало еще на довольно значительной территоріи. Это можно было сказать въ 20-хъ годахъ отчасти даже о такихъ губерніяхъ, какъ Калужская. Обширныя восточныя и южныя окраины Европейской Россіи и всѣ азіатскія владѣнія въ то же время и долго еще позднѣе оставались широкой ареной первобытнаго переложнаго земледѣлія. Исторія техники русскаго полевого хозяйства въ XIX вѣкѣ сводится къ изображенію процесса развитія зачаточныхъ стадій трехполя въ чистую его форму, перехода отъ переложной системы къ трехпольной и, наконецъ появленія еще болѣе интенсивной, чѣмъ трехпольная, плодосмѣнной системы земледѣлія, основанной на уничтоженіи пара, замѣнѣ его посѣвомъ утучняющимъ почву травъ (клевера, вики) и смѣнѣ зерновыхъ хлѣбовъ корнеплодами, при чемъ находятъ себѣ обширное приложеніе различные виды искусственнаго удобренія (туки, фосфориты и пр.). Уже въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ нѣкоторые дворяне—землевладельцы, какъ, напримѣръ, калужскій Полторацкій, тверскіе Шелековы и Воробьевъ, отчасти также рязанскій Семеновъ, сдѣлали смѣлыя и въ общемъ удачныя попытки привить плодосмѣну. Послѣднія 50 лѣтъ принесли, конечно, въ этомъ отношеніи гораздо болѣе крупныя успѣхи, такъ что въ настоящее время плодосмѣнная система—не рѣдкость въ такихъ областяхъ, какъ московская промышленная, центральная земледѣльческая, Бѣлоруссія, Литва, Юго-западный край, Малороссія, не говоря уже о Привислинѣ и прибалтійскихъ губерніяхъ, при чемъ замѣчательно, что она прививается не только на владѣльческихъ,

но и на крестьянскихъ земляхъ, тогда какъ раньше, до паденія крѣпостного права, ее практиковали лишь владѣльцы, эксплуатировавшіе на себя (считая въ томъ числѣ и большинство, державшееся рутины) отъ 20 до 54⁰/₁₀₀ всей пахотной земли. Параллельно распространенію болѣе интенсивныхъ системъ земледѣлія шли и другіе процессы, указывавшіе на прогрессъ техники полевого хозяйства: увеличивалась площадь запашекъ, вводились улучшенныя земледѣльческія орудія и машины, разводились такіа растенія, которыя знаменуютъ собою уже переходъ къ промышленному земледѣльческому хозяйству, рассчитанному на переработку продукта въ другой видъ съ цѣлью болѣе выгоднаго сбыта: такъ стали въ значительномъ количествѣ сѣять свекловицу. И опять-таки выступаетъ на первый планъ тотъ фактъ что съ 60-хъ годовъ всѣ эти процессы совершаются ускореннымъ темпомъ.

Переходя къ техникѣ обрабатывающей промышленности, мы должны различать городское ремесло и кустарную промышленность въ ея различныхъ видахъ отъ фабрично-заводскаго производства: оставляя пока въ сторонѣ вопросъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и борьбѣ, мы отмѣтимъ сейчасъ лишь основныя различія между ними въ техникѣ. Городское ремесло, какъ мелкое производство, доступно техническому совершенствованію въ ограниченныхъ предѣлахъ. Въ кустарномъ производствѣ надо различать три главныхъ формы—домашнюю, мелкіе кустарные промыслы, рассчитанныя на небольшой мѣстный рынокъ, и товарно-кустарное производство, имѣющее въ виду обширный сбытъ, работающее иногда даже на мировой рынокъ. Домашняя промышленность для собственнаго потребленія производителя совершенно примитивна по своей техникѣ и обречена оставаться таковой по самой своей экономической природѣ, она постепенно вымираетъ, подавляемая другими формами обрабатывающей промышленности, и въ этомъ заключается первое указаніе на техническій прогрессъ въ данной сферѣ производства въ XIX вѣкѣ. Мелкіе кустарные промыслы, экономически родственные городскому ремеслу, такъ же, какъ и послѣднее, мало податливы въ отношеніи технического прогресса. Степень этой податливости нѣсколько больше только въ товарно-кустарномъ производствѣ, но и здѣсь техника можетъ совершенствоваться лишь до тѣхъ поръ, пока возможенъ ручной трудъ и примѣненіе самыхъ простыхъ машинъ, потому что производство остается мелкимъ, а капиталистически организуется только сбытъ. Нельзя, конечно, отрицать, что техника товарно-кустарнаго производства сдѣлала крупныя успѣхи въ теченіе прошлаго столѣтія, но едва ли будетъ

ошибкой утверждение, что въ большинствѣ случаевъ въ этомъ отношеніи уже достигнутъ конечный предѣлъ и лишь въ нѣкоторыхъ производствахъ, допускающихъ развитіе личнаго эстетическаго вкуса въ производителѣ или требующихъ искусной ручной работы, открывается еще неширокая перспектива дальнѣйшаго техническаго развитія. Тамъ, гдѣ машина находитъ себя обширное поле приложенія, она неуклонно подавляетъ кустарные промыслы и выдвигаетъ на первый планъ фабричную технику. Уже въ сороковыхъ годахъ техническій уровень русскаго хлопчатобумажнаго фабричнаго производства былъ высокъ, а въ настоящее время онъ не ниже, чѣмъ въ любой изъ передовыхъ европейскихъ странъ. Крупные и быстрые успѣхи въ техникѣ другихъ фабричныхъ производствъ—плодъ болѣе поздняго времени, начиная съ 60-хъ годовъ, особенно съ 70-хъ (напр., въ шелковомъ производствѣ, сахаровареніи, шерстяномъ, стеклянномъ дѣлѣ и пр.).

Мы упоминали уже выше о постепенной утратѣ торговлей прежняго архаическаго ярмарочно-караваннаго характера, при чемъ происходила замѣна старыхъ мѣновыхъ приѣмовъ кредитными операціями, развитіемъ комиссіонерства и проч. Поэтому, чтобы закончить рѣчь о быстромъ техническомъ прогрессѣ Россіи во второй половинѣ истекшаго столѣтія, остается указать лишь на перемѣны, обнаружившіяся въ этомъ направленіи въ сферѣ добывающей промышленности. Типическими являются здѣсь измѣненія въ техникѣ горнаго дѣла и пчеловодства: примѣненіе машинъ въ горнозаводской промышленности быстро увеличилось, а пчеловодство, упавшее было, благодаря распахнѣ луговъ и истребленію лѣсовъ, снова ожило въ послѣднее время, вслѣдствіе распространенія пасѣчной системы.

III.

Состояніе промышленной техники оказываетъ могущественное вліяніе на *формы* хозяйственныхъ предпріятій. Мы становимся здѣсь лицомъ къ лицу съ важнѣйшей перемѣной въ соціальныхъ отношеніяхъ совершившейся въ XIX вѣкѣ,—съ паденіемъ крепостного права въ Россіи. Внѣшняя исторія крестьянской реформы въ Россіи, вкратцѣ говоря, сводится къ слѣдующему ряду фактовъ. Раньше всего—законодательными актами 1804 и 1819 годовъ—совершенно было освобожденіе прибалтійскихъ крестьянъ, не сопровождавшееся надѣленіемъ ихъ землею. Для великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ первая половина столѣтія ознаменовалась лишь мало-дѣйствительными мѣрами 1803 и 1842 годовъ: законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, издан-

ный въ 1803 году и разрѣшившій освобожденіе крестьянъ отдѣльными помѣщиками за деньги или даромъ, но непременно съ землей, привелъ къ уничтоженію крѣпостныхъ путь всего для 112 тысячъ душъ мужс. пола; указъ объ обязанныхъ крестьянахъ 1842 года, установившій личную свободу крестьянъ и пользованіе помѣщичьей землей на извѣстныхъ условіяхъ, отразился на судьбѣ гораздо меньшаго числа крѣпостныхъ,—всего 45 тыс. душъ мужс. пола. Если къ этому прибавить совершенно ничтожный по своимъ дѣйствіямъ законъ 8 ноября 1847 года, позволившій крѣпостнымъ выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ аукціона, и мѣры къ регулированію взаимныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ въ Западномъ краѣ, принимавшіяся правительствомъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, то мы исчерпаемъ все, что было сдѣлано въ первой половинѣ вѣка для уничтоженія крѣпостного состоянія. Значить, въ области формъ производства время до 60-хъ годовъ принесло такъ же мало новаго, по крайней мѣрѣ поскольку это выразилось въ законодательствѣ, какъ и въ отношеніи расширенія территоріи, роста населенія, значенія отдѣльных отраслей производства и хозяйственной техники. Великій освободительный актъ 19 февраля 1861 года отмѣтилъ яркимъ свѣтомъ вторую половину XIX столѣтія, внеся въ хозяйственную жизнь и соціальныя отношенія новое, широко примѣненное къ дѣйствительности начало юридической свободы личности. Мы должны теперь въ немногихъ словахъ намѣтить экономическую подкладку крестьянской реформы 19 февраля, выяснить тѣ хозяйственныя условія, отраженіемъ которыхъ она была.

Ключа для разрѣшенія вопроса слѣдуетъ искать въ развитіи хозяйственной техники и въ перемѣнахъ относительнаго значенія разныхъ отраслей производства. Прежде всего выступаютъ на видъ развитіе обрабатывающей, фабрично-заводской промышленности и подъемъ ея технического уровня. Эти процессы оказали могучее вліяніе на крѣпостныя хозяйственныя и юридическія отношенія, сильно колебля и въ конецъ разрушая ихъ. Видимымъ отраженіемъ этого была смѣна классовъ, державшихъ въ своихъ рукахъ обрабатывающую промышленность. Въ концѣ XVIII столѣтія почти всѣ фабрики были собственностью дворянъ-землевладѣльцевъ. Дворянская фабрика Екатерининскаго времени постоянно разлагается уже въ первой половинѣ XIX вѣка: въ 30-хъ годахъ дворянскія фабрики составляли всего уже только 15% общаго числа фабрикъ, а въ 40-хъ годахъ процентъ ихъ понизился до 5-ти. Помѣщичья фабрика распадалась на кустарные промыслы, изъ которыхъ въ свою очередь образовалась

крестьянская фабрика, преобладавшая въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. За этой смѣной руководившихъ фабричной промышленностью классовъ скрывается и перемѣна въ самомъ характерѣ фабричнаго труда. Въ купеческой и вотчинной—дворянской фабрикахъ XVIII вѣка и начала XIX очень видную роль играли несвободный трудъ—крѣпостныхъ крестьянъ у дворянства и такъ называемыхъ посессионныхъ крестьянъ у купечества. Петръ Великій, поощряя основаніе фабрикъ купечествомъ, вынужденъ былъ экономическими условіями времени—трудностью найти вольнонаемныхъ рабочихъ за малочисленностью свободного крестьянскаго населенія — разрѣшить фабрикантамъ не-дворянамъ покупать крестьянъ къ фабрикамъ съ обязательствомъ, чтобы они оставались навсегда приписанными къ послѣднимъ, а не оставались личной собственностью владѣльцевъ. Такіе приписанные, прикрѣпленные къ фабрикамъ, несвободные рабочіе въ послѣдствіи получили названіе посессионныхъ. Крестьяне-фабриканты могли, какъ и купцы, пользоваться трудомъ не крѣпостныхъ, а посессионныхъ рабочихъ. Но въ XIX вѣкѣ, подъ влияніемъ роста денежнаго хозяйства, вызвавшаго увеличеніе спроса на продукты обрабатывающей промышленности и принудившаго фабрикантовъ позаботиться о большей производительности фабричнаго труда и о повышеніи качества фабрикатовъ, малопроизводительный вслѣдствіе своего принудительнаго характера несвободный трудъ сталъ замѣняться болѣе плодотворнымъ вольнонаемнымъ. Фабриканты стали предпочитать свободныхъ рабочихъ, такъ что въ 1816 г. Александръ I навсегда запретилъ покупку крестьянъ къ фабрикамъ, а въ 1825 году уже 54⁰%, всѣхъ фабричныхъ рабочихъ работали по вольному найму. Съ паденіемъ дворянской фабрики, число крѣпостныхъ быстро сокращается. Въ 30-хъ годахъ фабриканты громко жалуются министру финансовъ на невыгодность посессионнаго труда. Подъ влияніемъ этого въ 1840 году былъ изданъ законъ, по которому фабриканты получили право освобождать своихъ посессионныхъ рабочихъ за деньги или бесплатно. До какой степени этотъ законъ соответствовалъ вполнѣ назрѣвшей потребности, видно изъ того, что имъ очень скоро воспользовались 103 фабрики: болѣе половины посессионныхъ фабрикъ перешли такимъ образомъ, по желанію владѣльцевъ, къ вольнонаемному труду. Итакъ, торжество крестьянской фабрики въ половинѣ XIX вѣка ознаменовалось преобладаніемъ вольнонаемнаго труда въ обрабатывающей промышленности, а это послѣднее явленіе, вызывая усиленный спросъ на свободныхъ рабочихъ, неизбѣжно выдвигало вопросъ о необходимости освободить крестьянское населеніе отъ крѣпостной зависимости. Мы видимъ, слѣ-

довательно, что развитіе денежнаго хозяйства и неизбѣжный результатъ его—ростъ фабричной промышленности съ наемнымъ свободнымъ трудомъ—подрывали крѣпостное право въ его основаніяхъ и выставляли крестьянскую реформу въ качествѣ требованія, совершенно необходимаго въ интересахъ національно-хозяйственнаго развитія Россіи. Такова первая экономическая причина паденія крѣпостнаго права въ Россіи: ее мы нашли такимъ образомъ въ процессѣ развитія обрабатывающей промышленности.

Соотвѣтствующіе выводы получаются и при изученіи процесса развитія земледѣльческаго производства. И здѣсь перемѣны въ технику—переходъ къ настоящему, развитому трехполью и зарожденіе плодосмѣны—подготовили торжество свободнаго труда надъ крѣпостнымъ. Здѣсь фактомъ первостепенной важности является то обстоятельство, что въ большей части территоріи страны къ половинѣ XIX вѣка количество барщинныхъ крестьянъ не только не увеличивается, но даже нѣсколько—иногда очень значительно—уменьшается сравнительно съ тѣмъ, что было въ XVIII столѣтіи. Такъ, на примѣръ, во Владимирской губерніи въ XVIII в. 50% помѣщичьихъ крестьянъ сидѣло на барщинѣ, а въ половинѣ XIX столѣтія процентъ барщинныхъ крестьянъ понизился до 30; въ Ярославской губ. замѣчается за тотъ же промежутокъ времени пониженіе процента издѣльнаго крестьянства съ 22 до 12,6; въ Московской—съ 64-хъ до 32-хъ; даже въ такой черноземной губерніи, какъ Курская, на барщинѣ въ половинѣ XIX в. сидѣло уже только 75,5% владѣльческихъ крестьянъ, тогда какъ въ XVIII столѣтіи издѣльныхъ крестьянъ было 92%. Правда, въ большинствѣ черноземныхъ губерній замѣчается обратное явленіе—ростъ барщины, вслѣдствіе увеличенія барской запашки, выгодной благодаря развитію хлѣбной торговли, но замѣчательно, что, несмотря на это, и въ черноземномъ районѣ совершалось общее сокращеніе крестьянскаго издѣлья, не говоря уже о средней нечерноземной Россіи, гдѣ исключеніемъ являются губерніи съ ростомъ барщины, въ большинствѣ же случаевъ, какъ мы только что видѣли, послѣдняя быстро сокращается, и доминирующаго значенія достигаетъ оброкъ. Конечно, отчасти это объясняется ростомъ обрабатывающей фабричной промышленности, такъ какъ этотъ ростъ дѣлалъ болѣе выгоднымъ для помѣщика увольненіе крестьянъ на заработки за оброкъ, нежели оставленіе ихъ на земледѣльческой барщинѣ. Но приведенныя цифры, несмотря на такую оговорку, все-таки доказываютъ, что барщина не развивалась, даже пошла на убыль; слѣдовательно, золотая пора крѣпостнаго сельскаго хозяйства безвозвратно миновала. Къ тому же черноземныя гу-

берніи давно уже пользовались и вольнонаемнымъ трудомъ. Замѣчательно, что еще въ началѣ сороковыхъ годовъ многіе дворяне-землевладѣльцы заявляли чиновникамъ министерства государственныхъ имуществъ, что считают вольнонаемный земледѣльческій трудъ болѣе выгоднымъ для себя, чѣмъ крѣпостной, и доказывали это точными цифровыми выкладками и расчетами. На первый взглядъ это кажется страннымъ: вѣдь крѣпостной трудъ — даровой, во всякомъ случаѣ опъ обходится дешевле вольнонаемнаго. Это вѣрно, но не надо забывать, что денежное сельское хозяйство, дорогія усовершенствованныя орудія, интенсивная система полеводства, затраты на искусственное удобреніе, на лучший рабочій скотъ и т. д. повышали требованія на количество продукта, дѣлали обязательнымъ увеличеніе производительности труда въ земледѣліи; между тѣмъ барщинный, подневольный трудъ отличается всегда, какъ извѣстно, чрезвычайно слабой производительностью: работая неохотно, поневолѣ, въ пользу другого, безъ всякой для себя выгоды, барщинный крестьянинъ исполняетъ свое дѣло такъ плохо, какъ только можно при надзорѣ за нимъ со стороны вотчинной администраціи; поэтому и земля подъ барской пашней не окупаетъ своимъ скуднымъ урожаемъ повышенныхъ благодаря усовершенствованіямъ расходовъ. Остается одно средство для повышенія дохода, — употребленіе вольнонаемнаго труда, а для его широкаго примѣненія необходима отмѣна крѣпостного права. Конечно, масса помѣщиковъ-рутинеровъ плохо понимала это и слѣпо противилась реформѣ въ силу своей косности и неспособности примѣниться къ новымъ условіямъ, но лучшая часть помѣстнаго дворянства хорошо сознавала потребности времени и ихъ необходимую связь съ интересами рациональнаго сельскаго хозяйства: это — помимо отмѣченныхъ выше заявленій отдѣльныхъ дворянъ 40-хъ годовъ чиновникамъ министерства государственныхъ имуществъ — доказывается еще коллективными ходатайствами дворянства въ Николаевское время объ освобожденіи крестьянъ и улучшеніи ихъ быта: таковы — проектъ тульскихъ дворянъ, совѣщанія въ Смоленской, Тверской, Рязанской, Петербургской губерніяхъ и проч.

Итакъ, вторую экономическую причину крестьянской реформы 19 февраля 1861 года можно формулировать слѣдующимъ образомъ: денежное хозяйство въ своемъ развитіи привело къ техническимъ усовершенствованіямъ въ земледѣліи, а эти усовершенствованія сдѣлали невыгоднымъ крѣпостной трудъ и вызвали его замѣну трудомъ вольнонаемнымъ; замѣна же крѣпостного труда вольнонаемнымъ и означала какъ разъ уничтоженіе крѣпостного права.

Въ конечномъ счетѣ такимъ образомъ крѣпостное право пало въслѣдствіе развитія денежнаго хозяйства въ Россіи, могуще-ственно повліявшаго на технику обрабатывающей промышленности и сельскаго хозяйства, а черезъ посредство техники и на формы производства.

IV.

Паденіе крѣпостного права повело къ перемѣнамъ въ трехъ отношеніяхъ,—во-первыхъ, въ землевладѣніи, во-вторыхъ, въ распредѣленіи и значеніи движимаго капитала, въ третьихъ, въ положеніи и правахъ труда или, что то же, личности челоуѣка. Наше изложеніе приводитъ насъ такимъ образомъ къ необходимости рассмотретьъ вторую половину поставленной въ заглавіи статьи темы: отъ изученія экономическихъ отношеній мы должны перейти къ сжатому изображенію *развитія отношеній социальныхъ*.

Землевладѣніе—это та сфера общественныхъ отношеній, которая является промежуточнымъ звеномъ, соединяющимъ экономическій бытъ съ социальнымъ строемъ: землевладѣльческіе порядки, съ одной стороны, указываютъ на характеръ господствующей хозяйственной системы, на степень преобладанія денежнаго хозяйства, съ другой — характеризуютъ юридическое отношеніе лица къ землѣ, относительное значеніе въ обществѣ двухъ принциповъ социального дѣленія, — сословнаго, основаннаго на юридическихъ признакахъ (правахъ и обязанностяхъ), и классового, исходящаго изъ признаковъ экономическихъ. Пока въ обществѣ почти безраздѣльно господствуютъ начала натурального, безобмѣннаго хозяйства, до тѣхъ поръ преобладающими формами землевладѣнія остаются несвободныя, какими въ русской исторіи были помѣстье и монастырская вотчина. Но безраздѣльное господство натурального хозяйства миновало въ Россіи уже въ половинѣ XVI вѣка, и съ тѣхъ поръ началось разрушеніе несвободныхъ землевладѣльческихъ формъ, завершившееся въ XVIII столѣтіи сліяніемъ помѣстій съ вотчинами въ одинъ видъ дворянской недвижимой собственности и секуляризацией монастырскихъ земель государствомъ. Такимъ образомъ XVIII вѣкъ завѣщаль XIX-му въ наслѣдство начало полной свободной земельной собственности. Но не слѣдуетъ думать, что это начало было въ то время безусловнымъ, что земля была вполне свободной: напротивъ, такъ какъ денежное хозяйство переживало еще только первый періодъ своего развитія, едва завершившійся въ половинѣ XIX вѣка, то и свобода земельной собственности была сильно ограничена; лица *всѣхъ* сословій могли владѣть землей лишь въ

томъ случаѣ, если она не была населена, населенной же землей имѣли право владѣть одни только дворяне: это было необходимымъ юридическимъ послѣдствіемъ крѣпостного права, такъ какъ имѣть крѣпостныхъ могли одни только лица дворянскаго сословія. Не надо кромѣ того забывать, что крѣпостные крестьяне владѣли землей лишь попущеніемъ своихъ владѣльцевъ: договоры на приобрѣтеніе ими земли обыкновенно совершались на имя дворянина-владѣльца. Крестьянская реформа 19 февраля 1861 года—этотъ видимый признакъ перехода денежнаго хозяйства во второй періодъ развитія—уничтожила указанныя стѣсненія, сдѣлавъ право полной свободной поземельной собственности достояніемъ всѣхъ сословій русскаго народа. Этимъ нанесенъ былъ смертельный ударъ одному изъ устоевъ *сословнаго* строя: право, принадлежавшее прежде исключительно *одному сословию*, сдѣлалось доступнымъ для каждаго члена русскаго общества, лишь бы у него оказались необходимыя матеріальныя средства для практическаго осуществленія этого права. Слѣдовательно, экономическій принципъ подавилъ старое сословное начало, *классъ* отодвинулъ на второй планъ *сословіе*. Описанная перемѣна отразилась и на дѣйствительномъ распредѣленіи земли: значительная доля послѣдней перешла и продолжаетъ переходить отъ дворянъ къ крестьянамъ и городскому населенію (купечеству, мѣщанству) путемъ выкупной операціи (для крестьянъ), продажи, залога и пр. (для всѣхъ сословій). Но и второй періодъ развитія денежнаго хозяйства не является еще временемъ полного и безраздѣльнаго торжества послѣдняго: оно, правда, преобладаетъ уже въ странѣ, но не захватило еще *всей* массы населенія, и тѣ, кто захваченъ денежнымъ оборотомъ, втянуты въ него очень часто не цѣликомъ, не посвящаютъ всего своего времени работѣ исключительно для сбыта, для рынка. Такое исключительное и повсемѣстное господство *товарнаго* производства—дѣло будущаго, перспектива, открывающаяся для экономическаго развитія Россіи въ XX столѣтіи, когда наступитъ третій періодъ въ развитіи денежнаго хозяйства. Поэтому и истекшее столѣтіе не передало въ наслѣдство наступающему вѣку вполне свободной земельной собственности: болѣе трети земли въ Европейской Россіи до сихъ поръ остается въ крестьянскомъ мірскомъ или общинномъ владѣніи, исключаящемъ по закону возможность свободнаго гражданскаго оборота съ мірской надѣльной землей, которая не подлежитъ отчужденію. Сила новыхъ хозяйственныхъ условій, парализуемыхъ только неполнымъ ихъ господствомъ и такими временными условіями, какъ земледѣльческій кризисъ, какъ бы возвращающій, по крайней мѣрѣ отчасти, страну къ натурально-хозяйственному быту, сказывается

однако мѣстами и на общинномъ крестьянскомъ землевладѣніи: потребность въ свободномъ оборотѣ земли заставляетъ обходить законъ и сдавать надѣлы въ долгосрочную аренду за небольшую сумму, уплачиваемую одновременно или погодно; въ сущности это—замаскированная продажа.

Уже эти случаи замаскированной продажи своихъ надѣловъ крестьянами-общинниками указываютъ на другую—кромѣ свободы земли—великую потребность, созданную, или, по крайней мѣрѣ, развитую крестьянской реформой 19 февраля,—потребность *свободы капитала*, выразившуюся въ быстрой его мобилизаціи, въ переходѣ изъ однихъ рукъ въ другія. Развитіе поземельнаго кредита, ипотеки, служить вторымъ признакомъ этой потребности. Уже въ первую половину XIX вѣка, благодаря развитію денежнаго хозяйства, повывсившаго спросъ на денежный капиталъ, дворянское землевладѣніе, въ то время господствовавшее, было обременено въ значительной мѣрѣ долговыми обязательствами, такъ что на погашеніе послѣднихъ пошла значительная доля суммы, полученной дворянствомъ въ вознагражденіе за надѣленіе земель крестьянъ при выкупной операціи. Послѣ паденія крѣпостного права задолженность русскаго частнаго землевладѣнія, параллельно развитію денежнаго хозяйства, пошла впередъ быстрыми шагами. Въ значительной мѣрѣ этотъ ростъ задолженности землевладѣнія объясняется, конечно, ликвидаціей тѣхъ хозяйствъ, которыя оказались неприспособленными къ новымъ экономическимъ условіямъ—такая коренная перемѣна, какъ уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній, не могла не отозваться болѣзненно на отсталыхъ, рутинныхъ хозяйствахъ; съ другой стороны, здѣсь повліялъ и земледѣльческій кризисъ, упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ. Но на ряду съ этимъ видную роль въ процессѣ увеличенія задолженности землевладѣнія сыграла потребность въ капиталѣ съ цѣлью усовершенствованія приемовъ земледѣльческаго производства, такъ что ростъ ипотеки не всегда указываетъ на регрессивныя явленія въ землевладѣніи и земледѣліи, но также свидѣтельствуетъ о свободномъ перемѣщеніи капиталовъ изъ однихъ рукъ въ другія съ производительными цѣлями.

Наконецъ, такіе общеизвѣстные факты, какъ развитіе кредита, банковъ, биржи, ростъ капиталовъ, сосредоточивающихся въ сберегательныхъ кассахъ, являются также свидѣтельствомъ въ пользу того общаго явленія, что денежные капиталы во второй половинѣ столѣтія стали свободнѣе и быстрѣе, чѣмъ раньше, переливаться изъ одной сферы народнаго производства въ другую, изъ рукъ одного сословія въ руки другихъ.

V.

Намъ остается дать краткій отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ и насколько увеличилась *свобода личности* во второй половинѣ XIX вѣка подъ вліяніемъ изложенныхъ выше хозяйственныхъ условій. При этомъ надо имѣть въ виду сферу *собственно-личныхъ правъ* и сферу *правъ корпоративныхъ*. Говоря вообще, и въ томъ и въ другомъ отношеніи существуютъ до сихъ поръ значительныя различія между отдѣльными сословіями русскаго народа, такъ что, во-первыхъ, нельзя говорить о полной замѣнѣ сословнаго начала классовымъ, можно лишь отмѣтить нѣкоторое усиленіе послѣдняго въ ущербъ первому; во-вторыхъ, не можетъ быть рѣчи о полномъ, неограниченномъ господствѣ начала гражданской свободы личности. Этотъ выводъ, который будетъ подтвержденъ послѣдующимъ изложеніемъ, вполне соответствуетъ отмѣченному уже выше недоразвитому состоянію денежнаго хозяйства въ Россіи XIX столѣтія.

Въ первой половинѣ XIX вѣка въ значительной мѣрѣ сохранялись еще остатки стараго крѣпостного, основаннаго не на правахъ, а на обязанностяхъ сословнаго строя, нѣкогда безраздѣльно господствовавшато въ нашемъ отечествѣ. Не говоря уже о крестьянскомъ сословіи, сохранявшемъ до самой реформы 1861 года въ главной своей массѣ крѣпостной, несвободный характеръ, лишенномъ въ сущности всякихъ личныхъ и корпоративныхъ правъ, и имѣвшемъ однѣ только обязанности, даже дворянство и городское сословіе (купечество и мѣщанство) въ юридическомъ отношеніи носили на себѣ печать далекой старины. Къ числу личныхъ правъ дворянина, торжественно провозглашенныхъ жалованной грамотой дворянству, данной Екатериною II въ 1785 году, принадлежала, напримѣръ, свобода отъ тѣлесныхъ наказаній. Это право на дѣлѣ въ теченіе не только XVIII, но и первой половины XIX в., вплоть до общаго уничтоженія тѣлесныхъ наказаній при императорѣ Александрѣ II въ 1863 году, оставалось фикціей, а тѣлесныя наказанія за уголовныя преступленія были даже прямо восстановлены для дворянъ при императорѣ Павлѣ. Затѣмъ, согласно той же жалованной грамотѣ и обычаямъ, господствовавшимъ въ XVIII столѣтіи, въ теченіе всей первой половины XIX вѣка дворянамъ запрещалась торговая дѣятельность: въ такомъ запрещеніи нельзя не видѣть очевиднаго остатка тѣхъ временъ, когда правительство само формировало отдѣльныя сословія, прибирало въ нихъ новыхъ членовъ и строго запрещало переходъ изъ одного сословія въ другое. Вторая половина истек-

шаго столѣтія и здѣсь принесла замѣну старыхъ сословныхъ и притомъ крѣпостныхъ порядковъ новымъ классовымъ и свободнымъ принципамъ. Далѣе: манифестъ Петра III 18 февраля 1762 года и жалованная грамота 1785 г. провозгласили свободу дворянства отъ обязательной службы. Великое *принципіальное* значеніе этого факта въ исторіи русскаго права не подлежитъ сомнѣнію: начало обязанности, на которомъ прежде покоился весь социальный строй, было поколеблено по отношенію къ одному сословію; въ этомъ смыслѣ освобожденіе дворянства отъ обязательной службы было предвѣстникомъ реформы 19 февраля 1861 года. Но начало обязанности въ организаціи дворянскаго сословія было поколеблено лишь *въ принципѣ*, теоретически; на практикѣ, въ дѣйствительности дворянство продолжало нести обязательную службу, только не военную, какъ прежде, а гражданскую: оно обязано было — и эта обязанность сохранилась до 1864 года — поставлять изъ своей среды чиновниковъ по судебному и полицейскому областному управленію; такъ дворянство выбирало земскаго исправника или капитана — начальника уѣздной полиціи, — и засѣдателей такихъ судебныхъ учреждений, какъ сословный дворянскій верхній земскій судъ и отчасти всесословный совѣстный судъ, вѣдавшій преступленія малолѣтнихъ и душевно-больныхъ и примирявшій тяжущихся въ гражданскихъ дѣлахъ, если они къ нему за этимъ обращались. Такимъ образомъ получалось на дѣлѣ не освобожденіе дворянства отъ обязательной службы, а простое перечисленіе этого сословія по службѣ изъ военного министерства въ министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Только великія реформы Александра II, именно земское самоуправленіе, стоящее въ связи съ нимъ и паденіемъ крѣпостного права преобразование уѣздной полиціи и, наконецъ, введеніе новыхъ судебныхъ учреждений, сняли съ дворянства не въ одной лишь теоріи, но и на практикѣ, обязанность служить государству. Однако остатки этой обязательной службы продолжаютъ существовать и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ обязанностяхъ, лежащихъ на предводителяхъ дворянства: таковы, напр., обязанности предсѣдательствовать въ земскихъ собраніяхъ, въ сѣздахъ земскихъ начальниковъ, участвовать въ губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіяхъ и т. д. Нѣтъ однако сомнѣнія, что такія обязанности близко соприкасаются по своему юридическому значенію со спеціальными сословными правами, которыя продолжаютъ составлять отличительную черту организаціи дворянскаго сословія въ Россіи и съ 1890 года даже усилены. Первымъ и главнымъ выраженіемъ сословныхъ корпоративныхъ правъ дво-

рянства служить, конечно, сословное дворянское самоуправленіе— собраніе дворянства, выбирающее предводителей и депутатов, которые являются его исполнительнымъ органомъ. Хорошо извѣстно, что дворянское самоуправленіе ведетъ свое начало отъ Екатерининской жалованной грамоты дворянству 1785 года. Изъ послѣдующихъ измѣненій этой грамоты особеннаго вниманія заслуживаетъ то, которое произведено въ 1830 году императоромъ Николаемъ I: право участія въ дворянскихъ собраніяхъ осталось съ этого времени почти исключительно за дворянами, обладающими извѣстнымъ земельнымъ цензомъ, болѣе высокимъ, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ въ этой мѣрѣ замѣтна уже тенденція смягчить сословное начало въ пользу классового: дворянскія собранія перестали быть собраніями всего сословія по уѣздамъ и губерніямъ, а сдѣлались собраніями исключительно одного лишь *помѣстнаго* дворянства, и то не всего, съ исключеніемъ особенно-мелкихъ землевладѣльцевъ. Особенно важнымъ правомъ дворянскихъ собраній является право ходатайствовать непосредственно передъ Высочайшей властью не только о мѣстныхъ и сословныхъ нуждахъ и пользахъ, но и по общегосударственнымъ вопросамъ.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года нанесло существенный ударъ специально-сословной дворянской организаціи: завѣдываніе хозяйственными дѣлами уѣзда и губерніи перешло всецѣло въ руки земства, гласные котораго выбирались не на основѣ сословнаго принципа, а на началѣ безсословности, частными землевладѣльцами (въ томъ числѣ и не дворянами), городскими и сельскими обществами. Только новое земское положеніе 1890 года усилило сословный элементъ въ земскихъ учрежденіяхъ: дворяне отдѣлены отъ другихъ сословій, составляютъ особый избирательный съѣздъ, сильнѣе представлены въ земскихъ собраніяхъ, такъ какъ выбираютъ туда наибольшее число гласныхъ, и притомъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ участвуютъ еще не по избранію въ гласные, а по должности всѣ предводители дворянства.

Не менѣе характерны,—въ смыслѣ ослабленія начала обязанности, замѣны его принципомъ права и начавшагося перехода отъ сословности къ классовому принципу,—и перемѣны, пережитыя въ теченіе XIX вѣка населеніемъ городовъ, организованнымъ грамотой Екатерины II городамъ въ 1785 году, въ городское сословіе. Намѣчая въ краткомъ изложеніи эти перемѣны, можно сказать прежде всего, что въ теченіе почти двухъ третей минувшаго столѣтія главная масса городского населенія оставалась податнымъ сословіемъ, обложеннымъ подушною податью, т. е.

начало обязанности было выражено очень резко. Но уже в то время гильдейское купечество было свободно от подушной подати, замѣненной для него гильдейскою пошлиною съ капиталовъ. Этотъ первый шагъ къ раскрѣпощенію городского населенія былъ подкрѣпленъ въ 1863 году замѣною подушной подати въ городахъ подомовымъ налогомъ. Ослабленію начала обязанности въ отношеніи къ городскимъ сословіямъ соответствовали и ростъ ихъ правъ: за купечествомъ и мѣщанствомъ уже въ началѣ XIX вѣка признавались полная гражданская правоспособность, свобода передвиженія и переселенія изъ города въ городъ, имущественныя права, свобода выбора занятій. Начало сословности—и притомъ въ смыслѣ дѣленія городского населенія на отдѣльныя сословныя группы—нашло себѣ особенно сильное выраженіе въ корпоративной организаціи горожанъ. Всѣ учрежденія, служившія органами зарождавшагося городского самоуправления, —именно собраніе городского общества, городская общая дума и городская шестигласная дума, бывшая исполнительнымъ органомъ, обязаннымъ руководиться въ своей дѣятельности тѣми началами, за которыя стояли собраніе и общая дума,—были организованы на строго-сословномъ началѣ, на особомъ представительствѣ отъ каждой изъ шести группъ городского населенія: 1) настоящихъ городскихъ обывателей, подъ которыми разумѣлись владѣвшіе домами въ городахъ дворяне и чиновники, т. е. лица, не принадлежащія къ городскому сословію; 2) гильдейскаго купечества; 3) цеховыхъ; 4) иногороднихъ и иностранныхъ гостей; 5) именитыхъ гражданъ и 6) посадскихъ, т. е. не вписанныхъ въ другіе разряды городскихъ обывателей, кормящихся промыслами, ремесломъ или работой по найму. Городская шестигласная дума, которая фактически руководила всѣмъ городскимъ хозяйствомъ, состояла, подъ предсѣдательствомъ городского головы, изъ шести гласныхъ, по одному отъ cadaго изъ указанныхъ шести разрядовъ городского населенія. На ряду съ этимъ гильдейское купечество, цеховые, иногородніе и иностранные гости и посадскіе имѣли свое особое выборное управленіе. Развитіе денежнаго хозяйства, торговли, фабричной промышленности и городскихъ ремеселъ въ XIX вѣкѣ нанесло сильный ударъ такой резко выраженной сословности. Правда, и въ настоящее время купечество и мѣщанство сохраняютъ еще особое для cadaго изъ нихъ сословное управленіе, но уже возбужденъ вопросъ о сліяніи обонихъ этихъ общественныхъ слоевъ въ одно городское сословіе. Но что особенно важно,—это перемѣны въ общемъ городскомъ самоуправленіи: вмѣсто представительства отдѣльныхъ группъ

городского населенія, стоявшихъ обособленно и лишь внѣшнимъ образомъ соприкасавшихся между собою, введено общее представительство, въ основу организаціи котораго положено не сословное, а классовое начало: по Городовому Положенію 1870 года, которое было подготовлено введеніемъ въ 1846 году особаго Положенія для городского управленія въ Петербургѣ, позднѣе примѣненнаго въ Москвѣ и Одессѣ, избирательными правами стали пользоваться домовладѣльцы, промышленники, торговцы и обладатели свидѣтельствъ—купеческихъ, промысловыхъ на мелочную торговлю и приказчицкихъ перваго разряда. Городовое положеніе 1892 года не нарушило классового принципа въ городскомъ представительствѣ, сузивъ лишь кругъ избирателей путемъ исключенія мелкихъ домовладѣльцевъ и мелкихъ торговцевъ и тѣмъ давъ окончательный перевѣсъ въ городскомъ самоуправленіи крупному капиталу.

Наибольшее количество остатковъ стариннаго крѣпостного строя наблюдается въ крестьянскомъ сословіи. Здѣсь важно не только существованіе спеціальнаго сословнаго управленія и даже волостного суда, но и сохраненіе стараго крестьянскаго мірскаго землевладѣнія, круговой поруки въ уплатѣ податей, стѣсненіе права переселенія и отлучки необходимостью разрѣшенія властей для переселенія и выдачей увольнительнаго свидѣтельства для отлучки, наконецъ строгій контроль и дискреціонная власть административныхъ органовъ—земскихъ начальниковъ. Важнѣйшимъ шагомъ впередъ къ уничтоженію остатковъ крѣпостного строя въ средѣ крестьянства послѣ реформы 19 февраля 1861 года нужно считать отмѣну въ 1882 году подушной подати.

Окидывая общимъ взглядомъ процессъ экономическаго и соціальнаго развитія Россіи въ XIX вѣкѣ, не трудно убѣдиться, что истекшее столѣтіе не представляетъ собою въ этомъ отношеніи чего-либо цѣльнаго, законченнаго — даже въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ слѣдуетъ понимать дѣленіе исторіи на періоды. Первая половина XIX вѣка почти всецѣло относится еще къ *первому періоду новой русской исторіи*, начавшемуся въ половинѣ XVI вѣка и характеризуемому въ экономическомъ отношеніи зарожденіемъ и первоначальнымъ развитіемъ денежнаго хозяйства при преобладаніи земледѣлія, а въ соціальномъ—крайнимъ развитіемъ сословности и господствомъ крѣпостного общественнаго строя, т. е. перевѣсомъ начала обязанности надъ принципомъ права. Вторая половина минувшаго столѣтія является уже исходнымъ хронологическимъ моментомъ *второго періода новой русской исторіи*, отличительными чертами котораго можно считать—въ

экономической сферѣ быстрое развитіе денежнаго хозяйства и обрабатывающей промышленности, преимущественно крупной, а въ сферѣ социальныхъ отношеній—ослабленіе сословности, значительное смягченіе начала крѣпости или обязанности и ростъ гражданской свободы личности.

Эти крупные пріобрѣтенія и успѣхи и представляютъ собою то историческое наслѣдіе, дальнѣйшее развитіе котораго завѣщано XIX-мъ вѣкомъ XX-му столѣтію.

Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи.

I.

Выдающійся русскій ученый въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій провелъ ту основную мысль, что развитіе народнаго хозяйства въ каждой странѣ опредѣляется въ конечномъ счетѣ отношеніемъ ея населенія къ территоріи, иначе—степенью плотности населенія. Я и въ мысляхъ не имѣю отрицать справедливость этого обобщенія, выставленнаго хотя и не впервые, но наиболѣе опредѣленно именно М. М. Ковалевскимъ, трудъ котораго объ «Экономическомъ ростѣ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства», какъ читатель, безъ сомнѣнія, уже догадался, я и разумѣлъ сейчасъ. Всѣ возраженія, какія дѣлались ему по этому поводу, не выдерживаютъ на мой взглядъ критики; лучшимъ опроверженіемъ ихъ и вмѣстѣ подтвержденіемъ указанной теоріи служить изслѣдованіе конкретнаго историческаго матеріала, неизбежно приводящее всякаго, кто пытается уяснить себѣ эволюцію народно-хозяйственныхъ отношеній, къ вопросу о населеніи. Итакъ, не опроверженіе этой теоріи, а ея развитіе, дополненіе и отчасти исправленіе имѣю я въ виду.

Когда тотъ или другой историкъ или экономистъ пытается опредѣлить степень плотности населенія извѣстной страны въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ, то выводы его обыкновенно поражаютъ своей шаткостью и неопредѣленностью по той простой, хотя и неустранимой, причинѣ, что статистическій матеріалъ, которымъ приходится при этомъ оперировать, отличается слишкомъ большой для рѣшенія такого, требующаго чрезвычайной точности, вопроса грубостью, не говоря уже объ его край-

ней отрывочности. Вотъ почему, читая, напримѣръ, у Тёккера ¹⁾, что поворотнымъ пунктомъ отъ примѣненія несвободнаго труда къ свободному является плотность населенія въ 60 человекъ на квадратную милю, невозможно отказаться отъ скептицизма, нельзя отогнать отъ себя сомнѣній въ справедливости такого заключенія. Но если, съ одной стороны, примѣрныя и приближенныя вычисленія являются черезчуръ гадательными и потому недостоверными, то, съ другой, никакъ нельзя удовлетвориться и одной общей, неопредѣленной формулой, что система и формы хозяйства зависятъ отъ роста населенія. Что же дѣлать? Какъ выйти изъ этого противорѣчія?

По моему мнѣнію, есть только одинъ достоверный, объективный и достаточно опредѣленный показатель роста населенія въ странѣ,—это перемѣны въ относительномъ значеніи въ народномъ хозяйствѣ отдѣльныхъ его отраслей: добывающей промышленности, сельскаго хозяйства, промышленности обрабатывающей и, наконецъ, мѣновой или торговли. Правда, такой авторитетный экономистъ, какъ Бюхеръ, настаиваетъ на томъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ народы вовсе не переживали въ своей исторіи періода исключительнаго господства добывающей промышленности—охоты, рыбной ловли, что всегда рука объ руку съ нею существовало у нихъ скотоводство и даже земледѣліе ²⁾, но дѣло не въ исключительномъ существованіи одной отрасли производства, а въ преобладаніи одной или нѣсколькихъ изъ нихъ надъ остальными, въ ихъ взаимоотношеніи.

Давно и хорошо извѣстно, что степень развитія мѣнового оборота хозяйственныхъ благъ является основнымъ признакомъ, характеризующимъ самыя крупныя перемѣны въ экономическомъ строѣ: извѣстные всѣмъ термины «мѣновое» и «натуральное» хозяйство рѣзко намѣчаютъ два крупныхъ періода экономического развитія, различаемыхъ безъ труда и не нуждающихся въ болѣе подробномъ опредѣленіи. Къ этому дѣленію Бюхеръ ³⁾ сдѣлалъ, какъ извѣстно, немаловажную поправку, внеся между двумя указанными періодами еще третій, промежуточный, періодъ такъ называемаго городскаго хозяйства, который правильнѣе было бы назвать періодомъ хозяйства съ изолированнымъ небольшимъ рынкомъ, имѣющимъ лишь мѣстное значеніе. Какое бы

¹⁾ *Tucker*, „Progress of the U. States“, стр. 111 и сл. Цитируемъ по *Roscher*. „Grundlagen der Nationalökonomie“, 21-е изданіе, Stuttgart, 1894, стр. 163.

²⁾ *K. Bücher*, „Die Wirtschaft der Naturvölker“, Dresden, 1898, стр. 8—9.

³⁾ *K. Bücher*, „Die Entstehung der Volkswirtschaft“, zweite Auflage, Tübingen, 1898, стр. 58.

изъ этихъ дѣленій мы ни приняли,—старое двойное или новое тройное,—одно ясно: грани, отдѣляющія другъ отъ друга отдѣльные періоды, служатъ въ то же время поворотными пунктами въ ростѣ населенія. Все это слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы пужаться въ какихъ-либо фактическихъ подтвержденіяхъ.

Стоитъ только присмотрѣться къ относительному значенію въ хозяйствѣ того или иного народа другихъ отраслей производства — добывающей промышленности, сельскохозяйственной и обрабатывающей, чтобы убѣдиться, что и понятія «натуральнаго», «городского», «мѣнового» хозяйства нуждаются въ дальнѣйшемъ расчлененіи: каждый изъ періодовъ, обозначаемыхъ этими терминами, не является чѣмъ то разъ навсегда даннымъ, неизмѣннымъ, постояннымъ и неподвижнымъ, а, напротивъ, представляетъ собою процессъ, различный въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, проходящій нѣсколько стадій развитія. Мы остановимся здѣсь подробнѣе на анализѣ одного лишь періода *натуральнаго* хозяйства, ограничившись лишь немногими и общими замѣчаніями относительно болѣе поздняго времени въ народно хозяйственной жизни.

Пробѣгая мысленно рядъ вѣковъ, характеризуемыхъ господствомъ натурального хозяйства, не трудно замѣтить, что самыя ранніе доступные *историческому* изученію матеріалы уполномочиваютъ насъ признать первой стадіей въ развитіи натурального хозяйства то близкое къ первобытному, до-историческому строю время, когда въ народномъ производствѣ преобладала добывающая промышленность. Источники древнѣйшаго періода русской исторіи оставили намъ въ этомъ отношеніи не мало чрезвычайно цѣнныхъ свидѣтельствъ. Наши древнѣйшія лѣтописи—до конца XII вѣка,—вообще не особенно часто касающіяся экономического быта, почти каждый разъ, какъ затрогиваютъ эту сторону народной жизни, упоминаютъ о звѣроловствѣ и бортничествѣ. Извѣстно классическое мѣсто «Начальной лѣтописи» — слова Святослава о томъ, чѣмъ богата была въ его время Русь: то были «медь, скоря (т. е. мѣха) и воскъ». Какую замѣтную роль играла охота въ княжескомъ хозяйствѣ, видно изъ заботъ Ольги объ устройствѣ ловищъ, изъ частыхъ указаній лѣтописей на то, какъ тотъ или другой князь «ловы звѣрины дѣялъ», «гна звѣри въ лѣсѣ», наконецъ, изъ такого драгоценнаго во многихъ отношеніяхъ памятника, какъ «Поученіе Владиміра Мономаха»: на-ряду со своими военными подвигами и дѣлами управленія этотъ князь ставитъ и свою охотничью удалъ и охотничьи удачи. Вообще охота была очень серьезнымъ и выгоднымъ дѣломъ: недаромъ князья въ XII вѣкѣ (см. «Ипатьевскую лѣтопись» подъ 1180 г.)

отправлялись на нее надолго, съ женами и дружиной, недаромъ подвластные племена платили князьямъ дань мѣхами. «Русская Правда», много занимающаяся огражденіемъ правъ на бобровые гоны и бортные ухажи, акты, вродѣ известной жалованной грамоты Ростислава смоленской епископіи и договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями, наконецъ иностранные писатели—Хордадбе, Масуди, Истархи, Константинъ Багрянородный и т. д.—также подтверждаютъ, что добывающая промышленность до конца XII в. была господствующей отраслью народнаго производства по крайней мѣрѣ на большей части территоріи, занятой русскими славянами. Въ сельскомъ хозяйствѣ того времени перевѣсъ также принадлежалъ той его отрасли, которая ближе подходитъ по своей экономической природѣ къ добывающей промышленности,—именно скотоводству, тогда какъ земледѣліе оставалось далеко позади: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить крайнюю дешевизну скота по «Русской Правдѣ» и многочисленныя лѣтописныя указанія на княжескія и боярскія стада, доходившія нерѣдко до нѣсколькихъ тысячъ головъ.

Наброшенная сейчасъ въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ картина вовсе не составляетъ особенности процесса развитія народнаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ: она справедлива для каждой другой страны. Известны свидѣтельства Цезаря, Помпонія Мелы, Страбона, что германцы почти не занимались земледѣліемъ, и что главными ихъ занятіями были охота и скотоводство ¹⁾. О томъ же, хотя съ меньшей яркостью, говорятъ Тацитъ и позднѣйшія варварскія Правды и грамоты ²⁾, говоримъ: «съ меньшею яркостью», потому что земледѣліе дѣлало постѣпенно усилѣхъ и лишало добывающую промышленность и скотоводство ихъ доминирующаго положенія.

Спрашивается теперь: какъ отражаются подобные хозяйственные порядки въ области формъ землевладѣнія? Мы очень дурно поставлены въ отношеніи матеріала для рѣшенія этого вопроса въ русской исторіи до конца XIV вѣка. Поэтому необходимо прибѣгнуть къ двумъ, въ настоящее время довольно общепотребительнымъ методическимъ приѣмамъ—аналогіи и заключенію отъ болѣе позднихъ наблюденій къ скрытому для насъ недостаточностью и молчаніемъ источниковъ болѣе отдаленному прошлому.

Аналогія дается изученіемъ германскихъ землевладѣльческихъ порядковъ до и послѣ завоеванія Западной Римской имперіи, а также знакомствомъ съ исторіей формъ землевладѣнія въ Сибири.

¹⁾ *Богалевскій*, „Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства“, т. I, М., 1898, стр. 33—34.

²⁾ Тамъ же, стр. 38—40.

Свидѣтельства Цезаря, Тацита, Салической, Аллеманской и Баварской Правды, нижнерейнскихъ, аллеманскихъ, наконецъ; лангобардскихъ грамотъ, правильно понятыя и истолкованныя, не оставляютъ сомнѣнiя, что поземельныя отношенiя древнихъ германцевъ складывались слѣдующимъ приблизительно образомъ: округъ, волость или село захватывало извѣстную, довольно обширную территорию, а отдѣльные дворы или семьи на время, обыкновенно на годъ, опахивали или окапывали себѣ опредѣленные участки для распашки, не подлежавшiе на время разработки займа со стороны другихъ семей. Лѣсомъ, выгономъ и всѣми другими угодьями пользовались всѣ сообща, въ мѣру потребностей. Позднѣе, съ ростомъ населенiя, съ увеличенiемъ тѣсноты и съ ослабленiемъ добывающей промышленности въ пользу земледѣлiя, развивается отчужденiе пахотныхъ участковъ отдѣльных семей, семейные раздѣлы, ограниченiя въ пользованiи непахотными участками и т. д. ¹⁾).

Эти драгоцѣнныя наблюденiя даютъ право предполагать существованiе подобныхъ же земельныхъ порядковъ и въ древнѣйшей Руси, экономическiй строй которой довольно близко подходилъ къ германскому. Такое предположенiе тѣмъ вѣроятнѣе, что то же можно наблюдать и въ исторiи формъ землевладѣнiя въ Сибири. Обычный процессъ расселенiя въ Сибири, на дѣвственныхъ почвахъ, сводится къ слѣдующему: поселившись, извѣстная группа новоселовъ—обыкновенно нѣсколько семей или цѣлая волость—захватываетъ себѣ такую обширную территорию, какая ей необходима; сѣнными и лѣсными угодьями пользуются сообща, а для пахоты каждая отдѣльная семья занимаетъ или, какъ гласитъ техническое выраженiе, «наѣзжаетъ» себѣ опредѣленный участокъ, которымъ и пользуется годъ или два съ тѣмъ, чтобы затѣмъ перейти къ другому ²⁾). Порядокъ—совершенно аналогичный древнегерманскому.

Отъ XV, XVI и слѣдующихъ вѣковъ сохранился, наконецъ, для насъ очень цѣнный и довольно обильный матеріалъ по исторiи землевладѣнiя на крайнемъ сѣверѣ Россiи. Часть этого матеріала хранится въ архивахъ, и обработка ея едва начинается ³⁾. Другая часть находилась и находится въ рукахъ мѣстнаго крестьянскаго населенiя и переходитъ иногда въ распоряженiе из-

¹⁾ Ковалевскiй, „Экономическiй ростъ Европы“, т. I, стр. 44—46 и др.

²⁾ А. А. Кауфманъ, „Крестьянская община въ Сибири по мѣстнымъ изслѣдованiямъ 1886—1892 г.“. Спб. 1897, стр. 44—52.

³⁾ Хорошее начало этой обработкѣ положено трудами П. И. Иванова: „Къ исторiи крестьянскаго землевладѣнiя на Сѣверѣ“ и „Документы Крестнаго монастыря“ въ „Трудахъ Археогр. Ком. Моск. Арх. Общ.“

слѣдователей: на такомъ матеріалѣ основана замѣчательная работа г-жи Ефименко «Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ». Въ разсматриваемое авторомъ время—въ XV, XVI вв. и позднѣе—здѣсь существовало такъ называемое долевое землевладѣніе,—вторичная форма, связанная неразрывными генетическими узами съ тѣмъ вольнымъ землепользованиѣмъ, которое наблюдается у древнихъ германцевъ и у сибирскихъ новоселовъ. Сущность долевого владѣнія заключается въ томъ, что субъектомъ его является дворъ (называемый также деревней), въ составъ котораго входитъ часто многочисленное населеніе, состоящее изъ родственниковъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ и изъ чужеродцевъ, примѣшавшихся къ нимъ путемъ покупки у членовъ этого родственнаго союза права ихъ на долю въ общей землѣ. Эти члены двора носятъ названіе «складниковъ», «сосѣдей», «сябровъ». Пахотная земля передѣляется между сябрами на время, но иногда находится еще и въ нераздѣльномъ пользованіи всего союза, причемъ отдѣльные его члены сохраняютъ возможность отчужденія права на идеальную долю, имъ принадлежащую. Позднѣе такіе складническіе союзы разлагаются, земля окончательно дѣлится между ихъ членами безъ дальнѣйшей возможности передѣла. Характерно, что нерѣдко еще и въ XVI в. нѣсколько дворовъ вмѣстѣ имѣли въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи непахотныя угодья¹⁾. Это—несомнѣнный остатокъ того болѣе древняго порядка, по которому отдѣльныя семьи наѣзжали участки для обособленнаго, временнаго пользованія лишь пахотной землей, а всѣ другія угодья были общими для всей болѣе или менѣе значительной группы семей, державшихся вмѣстѣ. Можно такимъ образомъ, отпавляясь отъ позднѣйшихъ явленій, заключать о древнѣйшихъ: нѣкогда и на Руси, очевидно, существовало болѣе обширное владѣльческое цѣлое, чѣмъ отдѣльный дворъ-семья; послѣдній входилъ въ составъ этого цѣлаго и велъ пашенное хозяйство путемъ наѣзда для себя на годъ или на два удобной земли въ потребномъ количествѣ, пользуясь вмѣстѣ съ другими семьями общимъ выгономъ, сѣнокосомъ и лѣсомъ. Затѣмъ, съ ростомъ населенія и съ увеличеніемъ хозяйственной роли земледѣлія, обширный владѣльческій союзъ разложился на отдѣльныя семьи, а потомъ разложеніе, какъ мы уже говорили, проникло и въ послѣднія, причемъ характерно и служитъ дальнѣйшимъ подтвержденіемъ нашей схемы то обстоятельство, что и переходъ отъ совмѣстнаго, складническаго хозяйства къ полному индивидуально-

¹⁾ А. Ефименко, „Изслѣдованія народной жизни“, т. I, М. 1889, стр. 207—208, 214, 218—225.

подворному владѣнію часто совершался постепенно: союзъ сябровъ дробился иногда на части не по числу отдѣльныхъ семей въ современномъ смыслѣ этого слова, а на болѣе крупныя, чѣмъ союзъ родителей и дѣтей, хозяйственные единицы.

Въ этомъ отношеніи особенно любопытна одна дѣловая грамота сольвычегодскихъ складниковъ, составленная въ 1572 году: здѣсь *семеро* складниковъ (отцовъ семействъ) дѣлятъ принадлежащую имъ землю на *четыре* части, причемъ одна изъ этихъ частей досталась въ совмѣстное владѣніе троихъ изъ нихъ, другая—двоихъ ¹⁾.

Замѣтимъ также, что складничество или сябрство существовало и въ другихъ мѣстностяхъ древней Руси: напр., въ Новгородской области ²⁾, въ Западной Руси ³⁾, въ Малороссіи ⁴⁾.

При свѣтѣ этихъ аналогій и наблюденій надъ явленіями позднѣйшаго времени получаютъ надлежащее значеніе и нѣкоторые отрывочные намеки древнѣйшихъ источниковъ, и выясняется, такимъ образомъ, до нѣкоторой степени спорный вопросъ о формахъ землевладѣнія, господствовавшихъ въ Киевской Руси. Первостепенный интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи опредѣленіе характера и значенія верви. О томъ, что такое представляла изъ себя древнерусская вервь, мы можемъ судить только по одному источнику — «Русской Правдѣ» въ ея про странной редакціи, составившейся, по всѣмъ признакамъ, въ XII вѣкѣ. Но и «Русская Правда» не даетъ полного и всесторонняго изображенія верви и заключаетъ въ себѣ только цѣнные данныя о *судебномъ* ея значеніи. Вотъ сущность этихъ данныхъ: 1) если въ предѣлахъ верви было найдено тѣло убитаго человѣка, причемъ убійца былъ неизвѣстенъ, то вервь обязана была или принять дѣятельное участіе въ слѣдствіи, въ поискахъ преступника по слѣдамъ преступленія, или, если она не желала этого, заплатить виру, т. е. поступавшую въ княжескую казну денежную пеню за убійство; 2) если убійца принадлежалъ къ верви, и преступленіе было совершено въ ссорѣ или на пиру, а не умышленно, то вервь платила также виру, распредѣляя платежъ между всѣми членами своими поровну, считая въ томъ числѣ и убійцу,

¹⁾ Грамота напечатана въ приложеніи къ книгѣ пишущаго эти строки „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.“, на стр. 494—495.

²⁾ Тамъ же, стр. 191.

³⁾ Любавскій, „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства“, М., 1893, стр. 448—449; Ефименко, „Дворичное землевладѣніе въ Южной Руси“, „Рус. Мысль“ за 1892 г., апрѣль, стр. 166 и слѣд.

⁴⁾ Лучицкий, „Сябры и сябренное землевладѣніе въ Малороссіи“, „Сѣверн. Вѣстникъ“ за 1899 г., № 1 и 2.

уплачивавшаго такимъ образомъ одинаковую съ другими сумму; на убійцѣ же одномъ лежала только обязанность уплатить родственникамъ убитаго частное вознагражденіе или такъ называемое головничество; только тогда вервь не участвовала въ платежѣ виры за убійство въ ссорѣ или на пиру, совершенное ея членомъ, когда оказывалось, что этотъ виновный въ убійствѣ членъ ея раньше въ подобномъ же случаѣ отказался отъ участія въ платежѣ по раскладѣ; 3) вервь должна была участвовать въ слѣдствіи по дѣламъ объ имущественныхъ преступленіяхъ, когда преступникъ неизвѣстенъ, а остались въ предѣлахъ вервной территоріи слѣды преступленія; если вервь въ этомъ случаѣ уклонялась отъ участія въ слѣдствіи, то была обязана уплатить пеню князю и частное вознагражденіе потерпѣвшему.

Только опираясь на эти постановленія, мы и можемъ уяснить себѣ вопросъ объ юридической природѣ вервнаго союза и разрѣшить тѣ противорѣчія, въ которыя впадаютъ между собою изслѣдователи въ этомъ отношеніи. Можно различить три основныхъ направленія во взглядахъ на вервь: одни считаютъ вервь территоріальнымъ дѣленіемъ, созданнымъ княжескою властью изъ соображеній судебно-полицейскаго характера; другіе признаютъ ее сосѣдской общиной, образовавшейся естественнымъ путемъ при колонизаціи страны; по мнѣнію третьихъ, вервь по первоначальному своему значенію была кровнымъ союзомъ и лишь потомъ къ нему примѣшались чужеродные элементы.

Изложенныя выше постановленія «Русской Правды» о судебномъ значеніи верви становятся понятными только въ томъ случаѣ, если признать кровное происхожденіе вервнаго союза. Въ самомъ дѣлѣ: если мы допустимъ, что вервь была создана княжеской администраціей со спеціальною цѣлью предупрежденія преступленій путемъ введенія круговой поруки жителей извѣстной области, то почему же въ такомъ случаѣ правительство не распространило этой мѣры на всѣ виды преступленія или хотя бы только на всѣ виды убійства? Притомъ странно, что при преступленіи менѣе серьезномъ — убійствѣ въ ссорѣ или на пиру — общество платитъ за преступника, а при умышленномъ убійствѣ оно не отвѣтственно; вѣдь это значило бы въ такомъ случаѣ, что правительство заботилось бы о предупрежденіи лишь менѣе значительныхъ преступленій, оставляя безъ вниманія серьезныя нарушенія права ¹⁾. Такъ же невозможна круговая порука и въ

---

¹⁾ Главныя изъ этихъ замѣчаній сдѣланы были впервые *Капустинимъ* въ его статьѣ „Древнерусское поручительство“ въ „Юридическомъ Сборникѣ“ Мейера, Казань, 1855, стр. 280—285.

общинѣ сосѣдской, создавшейся естественнымъ путемъ, помимо правительственнаго вліянія: чисто сосѣдская община можетъ быть соединена круговой порукой только въ томъ случаѣ, если государство наложить на нее эту повинность принудительно, изъ фискальныхъ и полицейскихъ цѣлей, а предполагать наличность такихъ цѣлей, какъ только что указано, никакъ нельзя въ данномъ случаѣ. Притомъ же для такого принудительнаго акта со стороны правительства необходима сильная государственная власть и крѣпостническія социальныя отношенія, а ни того, ни другого въ эпоху «Русской Правды» не было. Итакъ, остается признать вервь за первоначально-кровный союзъ: очевидно, члены верви считали себя нравственно-обязанными помогать другъ другу въ уплатѣ пень за менѣе важныя, случайныя преступленія именно по той причинѣ, что они когда-то были связаны между собою узами родства. Не даромъ «Русская Правда» прямо называетъ уплату виры вервью *«помощью убійцѣ»*. Что же касается до платежа виры вервью при отысканіи трупа въ ея предѣлахъ, когда убійца былъ неизвѣстенъ, и вервь не хотѣла тратить время и силы на его отысканіе, и вообще до участія верви въ производствѣ слѣдствія, то относящіяся сюда статьи «Русской Правды» несомнѣнно указываютъ, что вервь имѣла какое-то землевладѣльческое значеніе, что у нея была опредѣленная, огражденная межами, территорія.

Итакъ, уже одинъ только внимательный анализъ извѣстій «Русской Правды» о верви позволяетъ сдѣлать два важныхъ вывода: во-первыхъ, что вервь была по своему происхожденію кровнымъ союзомъ; во-вторыхъ, что она имѣла землевладѣльческое значеніе. Эти выводы блестяще подтверждаются аналогичными юридическими формами древнеславянскаго права, сближеніе которыхъ съ вервью «Русской Правды» составляетъ неотъемлемую заслугу проф. Леонтовича ¹⁾. Отъ 1400 года для насъ сохранился статутъ далматской общины Полицы, — юридическій памятникъ первостепенной важности. Въ немъ также идетъ рѣчь о верви, которая изображается какъ семейная община, притомъ древняго происхожденія: по подлинному выраженію Полицкаго статута, это учрежденіе «почело од искони». Составъ верви или вервной дружины—братья вервные или «дионики» одного села. Вервь Полицкаго статута имѣетъ разныя формы: первая изъ нихъ—вервные братья живутъ на общей «племенщинѣ» (хозяй-

¹⁾ «О значеніи верви по „Русской Правдѣ“ и Полицкому статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ»: „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1867 г., № 4, стр. 2—19.

ствѣ) безъ раздѣла ея по дворамъ и хозяевамъ, какъ семья въ тѣсномъ смыслѣ; вторая форма—они дѣлятъ между собою пахотную землю на участки, владѣя сообща лишь лѣсами и пастбищами; наконецъ, третья форма—«дионики» дѣлятъ и пахотную землю, и лѣса, не раздѣляя пастбищъ. Итакъ, полицкая вервь имѣла *землевладѣльческое* значеніе. Но она имѣла также, подобно верви «Русской Правды», и значеніе *судебное*: полицкая вервь имѣла право суда и расправы по своимъ внутреннимъ дѣламъ, члены верви отвѣчали другъ за друга во всѣхъ убыткахъ и платежахъ. Итакъ, полицкая вервь имѣетъ точки соприкосновенія съ вервью «Русской Правды». Еще характернѣе, что обѣ эти верви близки къ другому, очень распространенному среди древнихъ славянъ учрежденію,—задругѣ. Задруга была обширнымъ родственнымъ союзомъ, отвѣчала за своихъ членовъ во всякихъ преступленіяхъ: измѣнѣ, убійствѣ, если убійца скрывался; являлась истцомъ и отвѣтчикомъ. Мы видимъ здѣсь такимъ образомъ знакомый уже намъ примѣръ круговой поруки родственниковъ другъ за друга, наблюдаемъ *судебное* значеніе родственнаго союза. Имущественное, *землевладѣльческое* значеніе задруги таково же, какъ и *землевладѣльческое* значеніе верви Полицкаго статута: земля считается общей собственностью всѣхъ членовъ задруги; формы задруги двѣ: нераздѣльное пользованіе имуществомъ и равный раздѣлъ его.

Всѣ эти аналогіи въ достаточной степени доказываютъ, что въ основѣ древне-русской верви лежало начало родства, и что она имѣла нѣкоторое юридическое отношеніе къ землѣ. Отмѣтимъ еще два любопытныхъ наблюденія, подтверждающихъ этотъ выводъ: во-первыхъ, самое слово «вервь» означаетъ «родственный союзъ», такъ какъ у сербовъ до сихъ поръ есть выраженіе «врѣвникъ» — «родственникъ»; во-вторыхъ, между «Русской Правдой» и Полицкимъ статутомъ существуетъ сходство и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ наследственнаго права: Полицкій статутъ свидѣтельствуетъ, что при раздѣлѣ вервнаго имущества между вервными братьями или «диониками» старое огнище (домъ) всегда поступало младшему; «а дворъ безъ дѣла отенъ всякъ меншему сынови»,—говоритъ «Русская Правда», знающая также то нераздѣльное владѣніе братьевъ въ «дому», то раздѣлъ между ними.

Но если не можетъ быть сомнѣнія въ *землевладѣльческомъ* значеніи древне-русской верви, то та же «Русская Правда» прямо свидѣтельствуетъ, что и болѣе тѣсный, чѣмъ вервь, кровный союзъ—семья, союзъ родителей и дѣтей—имѣлъ также извѣстное юридическое отношеніе къ землѣ. Въ самомъ дѣлѣ: въ «Русской Правдѣ» идетъ между прочимъ рѣчь о наследованіи «дома», а слово «домъ» означаетъ собою въ этомъ историко-

юридическомъ памятникѣ всю семейную собственность, движимую и недвижимую; кромѣ прямыхъ указаній въ этомъ смыслѣ (см., напр., Троицкій списокъ «Русской Правды», ст. 79), въ сказанномъ убѣждаетъ еще то обстоятельство, что усадьба называется въ «Русской Правдѣ» не домомъ, а дворомъ, а движимое имущество носить наименованіе «товара». Но если вѣрно, что и вервь, и тѣсный семейный союзъ имѣли землевладѣльческое значеніе, то возникаетъ вопросъ, какъ же разграничивались права ихъ на землю, иначе: какова была юридическая природа отношеній каждаго изъ этихъ союзовъ къ землѣ. И въ этомъ отношеніи «Русская Правда» не оставляетъ насъ безъ нити, руководясь которою можно дойти до истины: *въ Правдѣ нѣтъ свободнаго оборота съ землей*,—земля, очевидно, не была еще тогда цѣнностью, обращавшейся на рынкѣ, товаромъ. Значить, ея было еще слишкомъ много, а это исключаетъ возможность освоенія ея отдѣльной семьей, указываетъ на то, что семья не имѣла правъ собственности на землю, а обладала лишь правомъ пользованія, продолжавшимся до тѣхъ поръ, пока извѣстный участокъ ея эксплуатировался, пока она его разрабатывала, производя на него «наѣздъ». Такъ передъ нашими глазами разворачивается картина тѣхъ же землевладѣльческихъ порядковъ, какіе наблюдаются, какъ было сказано выше, у древнихъ германцевъ и въ исторіи сибирскаго землевладѣнія: вервь занимала прочно и точно отмежевывала извѣстную, довольно обширную территорію, а отдѣльныя семьи періодически «наѣзжали» извѣстныя ея части и пользовались ими по произволу и въ теченіе произвольнаго срока. «Русская Правда» знаетъ и опахиваніе земли: она говоритъ о «межѣ ролейной», т. е. проведенной путемъ пахоты.

Такова господствующая форма землевладѣнія въ первый періодъ развитія натурального хозяйства, когда населеніе рѣдко и основной отраслью народнаго производства является добывающая промышленность. Исслѣдователи сибирскаго землевладѣнія удачно обозначаютъ эту форму земельного владѣнія терминомъ «вольное землепользованіе».

II.

Итакъ, вольное землепользованіе было *господствующей* формой отношенія лица или, точнѣе, группы лицъ къ землѣ въ первый періодъ русской исторіи, до конца XII вѣка. Это однако вовсе не значитъ, что оно было *единственной* землевладѣльческой формой. Нѣтъ, на-ряду съ нимъ зарождались и медленно развивались и другіе виды земельного владѣнія, и на то были свои серьезныя экономическія причины.

Въ нашихъ источникахъ совершенно не сохранилось извѣстій о существованіи частной, личной земельной собственности до призванія князей. Напротивъ, уцѣлѣли несомнѣнные слѣды семейнаго и вервнаго землевладѣнія, бывшаго въ то время дѣйствительно единственными существовавшимъ на Руси видомъ юридическаго отношенія къ землѣ. Въ этомъ именно смыслѣ надо понимать извѣстіе «Начальной лѣтописи» о полянахъ: «живяху каждо своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ». Родъ здѣсь, очевидно, вервь. Въ видѣ иллюстраціи къ приведеннымъ словамъ лѣтописи приводитъ извѣстный разсказъ о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди: они вмѣстѣ со своими семьями, очевидно, и составляли «родъ» или вервь, и владѣли совмѣстно землею ¹⁾.

Но со времени появленія князей въ русской землѣ къ древнимъ чисто-вервнымъ землевладѣльческимъ порядкамъ примѣшиваются новыя формы, постепенно и медленно проникая въ жизнь. Прежде всего появилось *княжеское* землевладѣніе. Первые слѣды его становятся замѣтны уже въ X вѣкѣ, когда Ольга устроила по всей землѣ свои «мѣста» и «села», «ловища» (мѣста лова звѣрей) и «перевѣсища» (мѣста, гдѣ устраивались силки для ловли птицъ). У той же княгини упоминается и село Ольжичи. Къ XII вѣку княжескія села сдѣлались уже вполне распространеннымъ явленіемъ, встрѣчались нерѣдко: недаромъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи» придаетъ такое важное значеніе домашнему хозяйству; въ разсказахъ о княжескихъ междоусобицахъ постоянно мелькаютъ указанія на разореніе княжескихъ сель. На-ряду съ этимъ въ томъ же XII столѣтіи сплошь и рядомъ можно встрѣтить извѣстія о разграбленіи сель *боярскихъ* (см., напр., «Ипатьевскую лѣт.» подъ 6654 и 6658 годами). Первые признаки боярскаго землевладѣнія относятся еще къ XI вѣку: оно, очевидно, возникло вслѣдъ за княжескимъ. Наконецъ, въ томъ же XI столѣтіи возникло еще и *монастырское* землевладѣніе: въ разсказѣ о Печерскомъ монастырѣ говорится о пожалованіи ему Изяславомъ горы, а подъ 1096 годомъ находимъ извѣстіе о дачѣ какимъ-то Ефремомъ сель въ монастырь. Такъ сразу намѣтились и два источника, изъ которыхъ главнымъ образомъ и впослѣдствіи пополнялись монастырскія вотчины: княжеское пожалованіе и вкладъ частныхъ лицъ.

Отмѣченныя сейчасъ перемѣны въ землевладѣльческомъ правѣ не ограничивались только тѣмъ, что появились новыя субъекты владѣнія—физическія и юридическія *лица*, а не верви и семьи

¹⁾ „Полное собраніе русскихъ лѣтописей“, т. I, стр. 4.

только, какъ было раньше; можно догадываться, что и самая природа поземельнаго права потерпѣла измѣненія. Намъ уже извѣстна та крайняя неопредѣленность и непрочность юридическаго отношенія семьи къ землѣ, которая господствовала при вольномъ землепользованіи. Землевладѣніе князей, бояръ и монастырей отличается уже несравненно большею прочностью и опредѣленностью. Здѣсь впервые въ русской исторіи проявилась идея полной собственности на землю, притомъ собственности личной. Зарожденіе этой идеи одинъ изслѣдователь справедливо объясняетъ тѣмъ, что земля занималась обыкновенно сильнымъ человѣкомъ посредствомъ поселенія на ней холоповъ, несвободныхъ людей, челяди; отсюда и строился такой выводъ: такъ какъ на землѣ сидятъ мои люди, то, значить, и самая земля принадлежитъ мнѣ. Но объясняя процессъ возникновенія идеи частной, личной собственности на землю въ Россіи, мы не разрѣшаемъ еще вопроса о реальныхъ причинахъ появленія такой собственности. Причины эти кроются въ хозяйственныхъ условіяхъ эпохи.

При несомнѣнномъ господствѣ добывающей промышленности въ Кіевской Руси играла нѣкоторую роль также и внѣшняя торговля. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны факты, указывающіе на оживленные торговые сношенія Кіевской Руси съ арабами и хозарами и особенно съ Византіей. Яркими свидѣтелями торговли съ арабами и хозарами являются извѣстія арабскихъ купцовъ, посѣщавшихъ Русь, и открываемые до сихъ поръ въ южной Россіи клады, состоящія изъ серебряныхъ арабскихъ монетъ, такъ называемыхъ диргемовъ. О мѣновыхъ сношеніяхъ съ Византіей говорятъ знаменитые, уцѣлѣвшіе до нашего времени, въ «Начальной лѣтописи» договоры Олега и Игоря съ греками, прямые лѣтописныя извѣстія и, наконецъ, замѣчательный разсказъ византійскаго императора Константина Багрянороднаго въ его сочиненіи «Объ управленіи имперіей». Этотъ послѣдній источникъ, рисуя живую картину снаряженія и отправленія въ Византію русскихъ торговыхъ каравановъ, имѣетъ для насъ особенную цѣнность, такъ какъ предостерегаетъ отъ преувеличенныхъ представлений о значеніи внѣшней торговли въ экономической жизни Кіевской Руси. Съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ,—разсказываетъ Константинъ Багрянородный,—Русь, т. е. князь съ его дружиной, отправляется изъ Кіева по подвластнымъ ей славянскимъ племенамъ за сборомъ дани, рѣдко состоявшей изъ денежныхъ платежей, а слагавшейся по преимуществу изъ натуральныхъ продуктовъ, какими особенно изобиловала страна: мѣховъ, меду и воску. Вся зима проходила въ этомъ трудномъ, подчасъ и опасномъ путешествіи. Весной князь съ дружиной возвраща-

лись въ Кіевъ съ собранною данью. Къ этому времени приготовлялись лодки, которыя оснащивались, нагружались всѣмъ тѣмъ, что было собрано въ видѣ дани, и затѣмъ обширный торговый караванъ вооруженныхъ купцовъ спускался Днѣпромъ и Чернымъ моремъ въ Византію, всегда готовый отразить нападеніе дикихъ степныхъ хищниковъ, кочевавшихъ въ нижнемъ теченіи Днѣпра,—печенѣговъ, впослѣдствіи половцевъ. Этотъ превосходный разсказъ, составленный со словъ очевидцевъ и современниковъ, мѣстныхъ кіевскихъ жителей, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, что внѣшняя торговля того времени характеризовалась двумя отличительными и имѣющими первостепенную важность чертами: во-первыхъ, торговая дѣятельность была занятіемъ исключительно однихъ общественныхъ верховъ,—князя, дружины и болѣе или менѣе состоятельныхъ горожанъ,—масса же населенія не принимала въ ней никакого участія; во-вторыхъ, внѣшняя торговля въ дѣйствительности не затрогивала и настоятельныхъ, насущныхъ, необходимо требовавшихъ удовлетворенія потребностей даже этихъ руководящихъ ею высшихъ классовъ населенія: все необходимое они получали натурой, отправляя на внѣшній рынокъ лишь избытки и вымѣнивая тамъ только предметы роскоши: шелковыя ткани, вина, дорогое оружіе. Въ сущности мы наблюдаемъ здѣсь не торгово-промышленный круговоротъ, а отчужденіе продуктовъ, доставшихся даромъ, безъ затраты капитала, безъ предпринимательскихъ трудовъ и безъ торговой эксплуатаціи производителей хозяйственныхъ благъ. Слѣдовательно, глубины народнаго хозяйства остались нетронутыми внѣшней торговлей, по существу это хозяйство было чисто натуральнымъ.

Отсюда однако не слѣдуетъ, что внѣшняя торговля не оказала вліянія на имущественное право. Въ кіевскій періодъ русской исторіи имѣло мѣсто явленіе, съ необыкновенной глубиной и провицательностью изображенное Марксомъ: въ натурально-хозяйственныя отношенія, не разрушая ихъ, проникъ сильной струей капиталъ, сосредоточившійся въ немногихъ рукахъ и рѣзко отдѣлившій его обладателей отъ остальной массы общества. Этотъ капиталъ и создалъ тѣ виды полной частной поземельной собственности, которые только что были отмѣчены. Капиталъ далъ возможность занять прочно и хорошо эксплуатировать болѣе или менѣе обширныя земли посредствомъ приложенія несвободнаго и полусвободнаго труда, такъ какъ только капиталисты имѣли средства покупать въ значительномъ количествѣ рабовъ и ссужать деньги съ обязательствомъ отработать долгъ съ процентами: такіа ссуды приводили къ развитію полусвободнаго класса, такъ назы-

ваемых «закуповъ», трудъ которыхъ, на-ряду съ трудомъ холоповъ, имѣлъ очень существенное значеніе въ процессъ развитія боярскаго землевладѣнія.

III.

Изложенныя хозяйственныя условія и землевладѣльческія формы, характерныя для перваго періода русской исторіи, до конца XII вѣка, послужили основой для дальнѣйшаго развитія нашего отечества въ экономическомъ и поземельномъ отношеніяхъ. Вотъ почему нельзя согласиться съ тѣми новѣйшими изслѣдователями, которые смотрятъ на кievскій періодъ какъ на процессъ законченный, самодовлѣющій, стоящій внѣ непосредственной связи съ послѣдующими явленіями.

Наиболѣе послѣдовательно кievскія традиціи были восприняты и развиты въ сѣверо-западномъ углу страны, въ области Великаго Новгорода и Пскова. Какъ въ Кievской Руси земледѣліе играло второстепенную роль въ народномъ производствѣ, такъ оно не было важнымъ элементомъ и въ хозяйственной жизни Новгородско-Псковскаго края: населенію здѣсь сплошь и рядомъ не хватало своего хлѣба, и всегда чувствовалась поэтому нужда въ привозномъ зернѣ. Болѣе, чѣмъ производство хлѣба, была развита культура техническихъ растений—льна и конопли, сбывавшихся въ сыромъ, отчасти и обработанномъ видѣ за границу и служившихъ также для собственныхъ потребностей производителей. Въ тотъ же второй, удѣльный періодъ русской исторіи, о которомъ у насъ идетъ сейчасъ рѣчь, и который охватываетъ XIII, XIV, XV и даже первую половину XVI вѣка, въ области Новгорода и Пскова продолжали имѣть важное значеніе добывающая промышленность и скотоводство, господствовавшія, какъ мы знаемъ, въ Кievской Руси. Статьи о птичьей и звѣриной охотѣ занимаютъ видное мѣсто въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями. Тѣ же грамоты, а также такіе источники, какъ лѣтописи (см., напр., подъ 1353 г. Новгородскую I лѣтопись), житія святыхъ (напр., житіе Антонія Римлянина) и сохранившіяся отъ конца XV вѣка новгородскія писцовыя книги, свидѣтельствуютъ о важной роли рыболовства въ хозяйственной жизни края. О пчеловодствѣ говорить Псковская судная грамота. Имѣемъ также извѣстія о солевареніи въ Старой Руссѣ и добываніи желѣза въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вотской пятины, занимавшей часть Финляндіи, нынѣшнія Петербургскую и отчасти Новгородскую губерніи. Обиліе пастбищъ и сѣнокосовъ, засви-

дѣлствовавшее писцовыми книгами, открывало въ свою очередь возможность разведенія скота въ значительномъ количествѣ.

Восприимавъ отъ Кіевской Руси основную черту экономического быта, опредѣлявшую хозяйственную дѣятельность народной массы, Новгородскій край XIII—XV вѣковъ унаслѣдовалъ отъ того же историческаго періода и развилъ въ очень значительныхъ размѣрахъ и ту отрасль промышленности, которая питала и усиливала высшіе слои общества, внѣшнюю торговлю. Новгородскія и псковскія лѣтописи пестрятъ извѣстіями о мѣновыхъ сношеніяхъ новгородцевъ и псковичей съ центромъ Россіи, съ одной стороны, и съ Западной Европой, преимущественно съ городами Ганзейскаго союза, съ другой. О томъ же ясно свидѣлствуютъ торговые договоры Новгорода съ нѣмцами, договорныя грамоты великихъ князей съ этою вольной городской общиной, донесенія нѣмецкаго купечества, дошедшія до насъ и изданныя въ 10-ти томахъ подъ названіемъ «Liv-Cur-und-Estländisches Urkundenbuch», извѣстія иностранцевъ, посѣщавшихъ Новгородъ, подобно французу Ляннуа, наконецъ, народныя сказанія, былины и пѣсни, въ родѣ извѣстной былины о Садкѣ—богатомъ гостѣ или того древняго новгородскаго сказанія, которое ведетъ рѣчь о добромъ молодцѣ, задавшемся «къ купцу купцу богатому, ко боярину». Насколько Новгородъ превосходилъ по своему торговому значенію другіе русскіе города того времени, можно усмотрѣть изъ одного лѣтописнаго извѣстія, наглядно показывающаго это: подъ 1216 г. въ лѣтописи упоминается о пріѣздѣ въ Переяславъ-Залѣсскій (нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи) новгородскихъ и смоленскихъ купцовъ: тогда какъ послѣднихъ, т. е. смоленскихъ, было всего 15, число первыхъ, пріѣхавшихъ изъ Новгорода, простиралось до 150-ти. Новгородская торговля отличалась весьма важными особенностями, которыя необходимо отмѣтить: прежде всего она опиралась не на мѣстное производство, изъ продуктовъ котораго только ленъ и конопля да отчасти еще продукты скотоводства—кожи, сало, масло, мясо, щетина, шерсть—отпускались за границу, а на богатства другихъ мѣстностей; другими словами, новгородская торговля была перевозочной, транспортной: закупая въ центральной Россіи и забирая въ видѣ дани на сѣверѣ мѣха, медъ, воскъ, хлѣбъ, ленъ, коноплю, продукты скотоводства, новгородцы промѣнивали ихъ на заграничные товары: шелковыя и шерстяныя ткани, сукна, оружіе, металлическія издѣлія, вина и пр. Вторая характеристическая черта, отличавшая торговлю Новгорода и Пскова отъ древнѣйшей кіевской, заключается въ томъ, что въ этихъ вольныхъ городахъ для веденія торговыхъ операцій не-

обходимы были уже предпринимательскіе труды, извѣстная коммерческая техника и значительный капиталъ, такъ какъ не данъ уже, не даромъ достигающіеся продукты служили главнымъ источникомъ товаровъ, предназначенныхъ для заграничнаго вывоза: эти товары необходимо было купить, добыть путемъ торговой эксплуатаціи ихъ производителей. Вотъ почему торговля и денежный капиталъ имѣли несравненно большее значеніе въ жизни вольныхъ городовъ удѣльнаго времени, чѣмъ въ Кіевской Руси, и хотя народное хозяйство въ Новгородско-Псковскомъ краѣ продолжало оставаться натуральнымъ, лучшимъ доказательствомъ чего служить господство натуральныхъ владѣльческихъ поборовъ, засвидѣтельствованное еще писцовыми книгами конца XV вѣка, но сила капитала въ очень значительной мѣрѣ проявилась въ сферѣ землевладѣльческаго права.

Важнѣйшимъ источникомъ для изученія новгородскаго землевладѣнія являются, несомнѣнно, писцовыя книги конца XV вѣка, но свѣдѣнія, почерпаемыя изъ нихъ, имѣютъ одинъ существенный недостатокъ: ими характеризуется только заключительный моментъ длиннаго историческаго процесса, освѣщаются формы землевладѣнія, какъ онѣ существовали наканунѣ паденія новгородской вольности, а самый ходъ ихъ развитія не изображается. Тѣмъ не менѣе важно и то, что конечный пунктъ исторіи землевладѣнія въ Новгородскомъ краѣ для насъ ясенъ: изъ писцовыхъ книгъ видно, что главная масса земель сосредоточивалась здѣсь въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ—бояръ; что другимъ крупнымъ землевладѣльцемъ была церковь, главнымъ образомъ новгородскій архіепископъ и монастыри; что же касается до землевладѣнія городского чернаго населенія, своеземцевъ и купцовъ, то оно своими размѣрами значительно уступало боярскому и церковному, а самостоятельнаго крестьянскаго землевладѣнія уже совершенно не было. Какъ совершалось обезземеленіе новгородскихъ крестьянъ или «смердовъ», этого мы въ подробностяхъ не знаемъ, но по уцѣлѣвшимъ поземельнымъ актамъ XIII, XIV и XV вѣковъ, равно какъ и по отрывочнымъ намекамъ другихъ источниковъ, можемъ объ этомъ догадываться. Такія грамоты, какъ вкладная Варлаама Хутынскаго или завѣщаніе Антонія Римлянина, указываютъ, что монастыри пріобрѣтали свои владѣнія отъ лицъ разнаго общественнаго положенія прежде всего путемъ даренія: при жизни дарителя—посредствомъ вклада, или по его смерти—посредствомъ духовной грамоты. Это вполне понятно въ обществѣ, которое, несмотря на скопленіе нѣкоторыми его членами значительныхъ капиталовъ, жило все-таки по преимуществу при натуральномъ хозяйствѣ: земля оставалась наи-

болѣе значительной и самой распространенной цѣнностью, такъ что естественно и являлась наиболѣе удобнымъ средствомъ стяжать себѣ молитвы монашествующей братіи для достиженія царства небеснаго. На-ряду съ этимъ монастыри, разумѣется, пріобрѣтали земли и посредствомъ покупки и пріема въ залогъ, тѣмъ болѣе, что кредитныя операціи, по всѣмъ признакамъ, достигли въ Новгородѣ значительнаго развитія. Все сказанное о монастырскомъ землевладѣніи одинаково примѣнимо и къ землевладѣнію владыки или архіепископа новгородскаго. Что касается до громаднѣхъ вотчинъ новгородскихъ бояръ, то покупка и пріемъ въ залогъ, несомнѣнно, также были важнымъ средствомъ сосредоточенія въ боярскихъ рукахъ большихъ земельныхъ богатствъ: это видно изъ новгородскихъ купчихъ и закладныхъ XIV и XV вѣковъ и также изъ намековъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями, свидѣтельствующихъ, что «покупка сель» была обычнымъ въ то время явленіемъ. Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что новгородское боярство было наиболѣе богатымъ денежнымъ капиталомъ классомъ общества; оно пріобрѣтало этотъ капиталъ различными способами: сначала торговлей, какъ свидѣтельствуешь сказаніе о добромъ молодцѣ, задавшемся «къ купцу купцу богатому, ко боярину»; потомъ, когда въ XII еще вѣкѣ уставомъ о торговомъ судѣ новгородскаго князя Всеволода бояре были отодвинуты въ этомъ отношеніи на второй планъ купеческимъ классомъ, особенно высшимъ его слоемъ, такъ называемыми «житыми людьми», боярство стало заниматься банкирской дѣятельностью, ссужать торговый классъ деньгами за проценты. Сохранилось преданіе о такомъ банкирѣ Щилѣ, который былъ посадникомъ, т. е. бояриномъ, потому что посадники всегда выбирались только изъ бояръ; имѣемъ и лѣтописное извѣстіе отъ самаго начала XIII вѣка—о разграбленіи дома посадника Дмитра Мирошкинича, при чемъ народомъ были найдены «доски», на которыхъ «безъ числа» были записаны денежные суммы, разданныя Дмитромъ въ долгъ разнымъ лицамъ. Наконецъ, и политическая дѣятельность бояръ, занятіе ими должностей посадника, тысяцкаго, сотскихъ, кончанскихъ и уличанскихъ старостъ увеличивали ихъ денежные средства: помимо судебныхъ доходовъ этимъ должностнымъ лицамъ поступалъ особый поборъ съ крестьянъ, называвшійся «поральемъ посадничимъ и тысяцкаго». Сосредоточивая въ своихъ рукахъ столь значительные денежные капиталы, бояре естественно употребляли большую часть ихъ на пріобрѣтеніе земли, тѣмъ болѣе, что это еще болѣе увеличивало ихъ политическій вѣсъ и вліяніе, позволяя подчинить себѣ все сельское населеніе. Но помимо покупки и пріема въ залогъ су-

ществовалъ еще способъ приобрѣтенія земли, несомнѣнно при-
мѣнявшійся въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ новго-
родскими боярами: это—пріемъ свободныхъ людей, владѣвшихъ
землею, въ закладни. Недаромъ въ договорныхъ грамотахъ Нов-
города съ князьями, съ цѣлью преградить князьямъ возможность
обогатиться землею въ Новгородскомъ краѣ, постоянно запре-
щается князьямъ держать гдѣ бы то ни было закладней. Что та-
кое закладни или закладники,—это превосходно выяснено въ ра-
ботѣ г. Павлова-Сильванскаго «Закладничество—патронатъ»: за-
кладни—это то же, что коммендаты въ средневѣковыхъ государ-
ствахъ Западной Европы; это лица, отдававшіяся подъ покрови-
тельство какого-либо сильнаго человѣка, подчинявшіяся ему со
своими землями въ податномъ и финансовомъ отношеніяхъ и
изъятыя поэтому изъ вѣдомства общихъ властей.

Такъ крестьянство было обезземелено въ пользу владыки, мо-
настырей и бояръ, завладѣвшихъ главною массою земель въ краѣ.
Въ рукахъ купцовъ и земцевъ или своеземцевъ осталось сравни-
тельно мало владѣній: купцы отвлекались отъ земли торговлей,
а земцы были недостаточно сильны экономически, чтобы проти-
водѣйствовать росту крупной боярской и церковной вотчины.
Но въ землевладѣніи своеземцевъ сохранилось наибольшее коли-
чество архаическихъ чертъ, бросающихъ свѣтъ на болѣе древ-
нія поземельныя отношенія,—тѣ именно, которыя засвидѣтельство-
ваны, какъ увидимъ, и Псковской судной грамотой: своеземцы въ
ихъ отношенія къ землѣ являются очень часто сябрами, совла-
дѣльцами; иногда одной деревней владѣть нѣсколько человѣкъ,
при чемъ доля каждого различна, мѣняется въ зависимости отъ
его отношенія къ родоначальнику, положившему основаніе де-
ревнѣ, или къ лицу, купившему извѣстную долю деревни и пе-
редавшему ее по наслѣдству. Предположимъ, на примѣръ, что ка-
кой-либо своеземецъ, владѣя деревней одинъ, имѣлъ двухъ сыно-
вей; каждому досталось по половинѣ деревни; но у одного изъ
нихъ былъ одинъ сынъ, у другого двое: очевидно, на долю перваго
придется $\frac{1}{2}$ деревни, а на долю каждого изъ двухъ послѣднихъ
лишь по $\frac{1}{4}$ деревни. Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ дробленіе
шло дальше, что усложнялось еще отчужденіемъ участковъ въ руки
чужеродцевъ. Этимъ послѣднимъ, очевидно, объясняется и та
черезполосица въ землевладѣніи, которая поражаетъ всякаго при-
чтенія псковскихъ писцовыхъ книгъ конца XVI вѣка: въ по-
мѣстьяхъ часто $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$ имѣнія оказывается принадлежащей
церкви или монастырю. Очевидно, еще въ то время, когда по-
мѣстная система не утвердилась въ Псковской области, а господ-
ствовала полная собственность на землю на сябринахъ правъ,

отдѣльные сябры путемъ дара, завѣщанія, залога или продажи передавали свои доли въ собственность церковныхъ учреждений. Итакъ, въ землевладѣніи своеземцевъ сохранились сябринныя отношенія, представляющія собою вторичную форму отношенія лица къ землѣ при господствѣ добывающей промышленности. Первичной формой, какъ мы знаемъ, было вольное землепользованіе, существо вавшее до тѣхъ поръ, пока населеніе было чрезвычайно рѣдкимъ. Съ ростомъ населенія увеличилась потребность въ землѣ. Поэтому отдѣльные семьи стали прочнѣе осѣдаты на занятомъ участкѣ, размежевались между собою, а затѣмъ появился и торговый оборотъ съ землей: землю стали покупать и продавать. Первоначально члены семейнаго союза не могли отчуждать принадлежащей каждому доли безъ согласія всѣхъ, но потомъ это условіе выродилось въ право выкупа, все болѣе и болѣе слабѣвшее въ свою очередь, такъ что въ самую замѣшались и чужеродные элементы, владѣвшіе сообща съ ея членами землею. Хозяйство—и даже пахотное—велось сначала всей семьей нераздѣльно, но затѣмъ постепенно стали разверстываться поля, предназначенныя для земледѣльческой культуры, далѣе сѣнокосы, потомъ луга, выгоны, лѣса и другія угодья. Раздѣлъ не всегда былъ окончательнымъ: иногда онъ носилъ лишь временный характеръ, предполагавшій періодическіе передѣлы, часто и осуществлявшіеся; въ послѣдствіи такіе передѣлы обыкновенно уничтожались, раздѣлъ дѣлался окончательнымъ, и совершался такимъ образомъ переходъ къ подворно-наслѣдственному землевладѣнію. Этотъ окончательный результатъ—полный раздѣлъ между сябрами и самостоятельное веденіе хозяйства каждымъ изъ нихъ—констатированъ новгородскими писцовыми книгами конца XV вѣка въ тѣхъ ихъ частяхъ, въ которыхъ говорится о землевладѣніи земцевъ. Что же касается до всѣхъ намѣченныхъ сейчасъ подробностей процесса перехода отъ вольной формы землепользованія къ сябринному землевладѣнію и отъ сябриннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному, то источники исторіи Новгорода и Пскова не даютъ возможности съ ними ознакомиться, такъ что наше изображеніе опирается на изученіе матеріала по сѣверному и сибирскому землевладѣнію, изложенному въ работахъ г-жи Ефименко и г. Кауфмана. Только одинъ источникъ оправдываетъ возможность такой аналогіи,—это Псковская судная грамота, неопровержимо доказывающая, что среди крестьянскаго населенія областей древне-рускихъ вольныхъ городовъ въ XIII—XV вѣкахъ господствовало именно сябринное землевладѣніе: 106 статья этого юридическаго сборника прямо говорить о земляхъ и бортяхъ, которыми владѣютъ «многіе сябры», при чемъ связь между сябрами признается

столь тѣсной, что въ тяжбѣ о землѣ за всѣхъ сябровъ долженъ присягать лишь одинъ изъ нихъ.

Итакъ, ростъ населенія при сохранявшемся, не смотря на успѣхи земледѣлія, господствѣ добывающей промышленности, превратилъ въ области Новгорода и Пскова вольное землепользованіе въ землевладѣніе складниковъ, сябровъ или сосѣдей; все усиливавшійся приливъ денежныхъ капиталовъ, сосредоточивавшихся притомъ въ высшемъ слоѣ населенія и не превратившихъ натуральное хозяйство въ денежное, создалъ крупную боярскую вотчину; наконецъ, общія экономическія условія системы натурального хозяйства повели къ развитію землевладѣнія церковныхъ учреждений. Таковы были формы землевладѣнія въ вольныхъ городскихъ общинахъ древней Руси и въ такой связи стояли эти формы съ хозяйственными условіями времени.

IV.

Мы должны теперь перейти къ изображенію формъ землевладѣнія въ сѣверной и центральной Россіи въ удѣльное время. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ началѣ этого періода и на сѣверѣ, и въ области Волги и Оки преобладающимъ было землевладѣніе крестьянское, и—по крайней мѣрѣ по отношенію къ сѣверу—доказано, что крестьяне владѣли землею на сябринномъ правѣ. Это вполне понятно, такъ какъ господствующей отраслью производства все еще оставалась добывающая промышленность, хотя ей все болѣе и болѣе приходилось уступать передъ развивающимся и распространяющимся земледѣліемъ. Но въ предшествующемъ изложеніи мы достаточно останавливались на юридическихъ признакахъ, характеризующихъ землевладѣніе сѣверныхъ складниковъ, сябровъ или сосѣдей, почему и отмѣтимъ здѣсь, въ дополненіе къ сказанному, что, во-первыхъ, на сѣверѣ позднѣе, чѣмъ въ Новгородскомъ краѣ, сохранились нѣкоторыя очень древнія черты складничества, и, во-вторыхъ, новѣйшій, недавно открытый источникъ, такъ называемый Судебникъ царя Θεодора Іоанновича, вполне подтверждаетъ выводы изслѣдователей о юридической природѣ складническихъ союзовъ. Выше было уже замѣчено, что первоначально складники вели хозяйство нераздѣльно, что даже и пашня пахалась сообща, и потомъ уже производился раздѣлъ продукта. Въ области Новгорода и Пскова эти отношенія исчезли, повидимому, давно,—въ XIII или XIV вѣкахъ. Не то было на сѣверѣ: здѣсь

еще во второй половинѣ XVI вѣка сплошь и рядомъ встрѣчается совмѣстная эксплуатація пахотной земли всѣми складниками нераздѣльно: въ актахъ Двинскаго, Устюжскаго и Сольвычегодскаго уѣздовъ очень нерѣдки прямые указанія въ этомъ смыслѣ ¹⁾. Такая архаичность сохранившихся на сѣверѣ даже въ столь позднее время, какъ XVI в., отношеній не должна возбуждать наше удивленіе: и въ хозяйственномъ отношеніи сѣверъ являлся отсталой областью, какою онъ остается въ значительной мѣрѣ и теперь.

Законодательный проектъ 1589 года—Судебникъ царя Феодора Иоанновича—содержитъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ статей о складникахъ. Сюда относятся статьи 159, 160, 162, 174 и 225. Последняя изъ этихъ статей замѣчательна, впрочемъ, лишь тѣмъ, что подтверждаетъ тожество понятій «сосѣдъ» и «складникъ», но первыя четыре характеризуютъ и поземельныя отношенія складниковъ. 159-я статья Судебника важна прежде всего въ томъ отношеніи, что констатируетъ господство передѣловъ въ складническомъ землевладѣніи конца XVI вѣка; только что было указано, что мѣстами сохранилась и болѣе древняя форма—полная нераздѣльность въ веденіи хозяйства, но, очевидно, это было уже не типично и, для этого времени, являлось исключеніемъ; повидимому, и окончательный раздѣлъ между складниками практиковался еще рѣдко. Та же статья убѣждаетъ, что передѣлъ распространялся обыкновенно на всѣ угодья—поля, наволоки, вообще «всякія земли и угодья», пожни и путики. Третье любопытное указаніе 159-й статьи относится къ основному условію, при которомъ производили передѣлъ: для его осуществленія необходимо было появленіе въ деревнѣ новаго жильца-складника и заявленіе съ его стороны требованія «землю делити». Наконецъ, отмѣчены и основанія передѣла,—онъ долженъ производиться «по купчимъ», т. е. на основаніи тѣхъ актовъ, которые санкціонировали владѣльческія права каждого изъ складниковъ на извѣстную долю общей земли ²⁾. 160-я статья ³⁾

¹⁾ См. нашу книгу «Сельское хозяйство Московск. Руси въ XVI вѣкѣ», стр. 166—167.

²⁾ Вотъ текстъ интересной для насъ части 159 статьи: «А приедеть въ деревню новои жилецъ и захочеть землю делити во вьсу землю,—и деревню нъ поляхъ, наволокахъ (издатель печатаетъ „на волокахъ“, но, очевидно, надо читать оба слова за одно) і во всякихъ земляхъ и угодья делити, земля и пожни и угодья и путики поытно, по купчимъ“. „Судебникъ ц. Феод. Иоан.“, М., 1900, стр. 42.

³⁾ «А кои складникъ захочеть на новое место дворъ ставить или иную хоромину, и ему поставить отъ далнихъ хороминъ въ любомъ месте, где захочеть, хотя на хмельникъ. А отдать ему землю въ любомъ месте, гдѣ другой полюбитъ. А на какову землю наставитце дворомъ или храниною, такова земля и отдать, а свѣрьхъ того по любье». Тамъ же.

отмѣчаетъ право каждаго складника свободно выбирать себѣ изъ общей земли мѣсто для двора при томъ лишь ограниченіи, что если онъ для этого возьметъ землю изъ участка, которымъ пользуется другой складникъ, то обязанъ дать ему соотвѣтствующее вознагражденіе изъ своего участка. Эта свобода выбора мѣста для двора изъ всей земли служить доказательствомъ крѣпости складническаго союза, живо сознававшего себя единымъ цѣлымъ, и приводитъ снова на память тѣ случаи, когда всѣ складники ведутъ хозяйство нераздѣльно: очевидно, отмѣченный 160-ю статьей порядокъ является остаткомъ болѣе близкихъ древнѣйшихъ отношеній между складниками. Впрочемъ, 162-я ст. вносить еще одно ограничивающее условіе: при-усадебную землю другого складника можно было занимать подъ постройки лишь въ томъ случаѣ, если владѣлецъ самъ не воздвигалъ здѣсь никакой хозяйственной постройки ¹⁾. Наконецъ, въ статьѣ 174-й содержится постановленіе, въ силу котораго никто изъ складниковъ безъ раздѣла съ другими не имѣетъ права распахивать «молоди», т. е. прежнія пашни, обращенныя въ перелогъ и поросшія мелкимъ молодымъ лѣсомъ ²⁾.

И здѣсь, слѣдовательно, тѣсная связь и взаимная зависимость членовъ складническаго союза выступаетъ весьма выпукло.

Итакъ, нѣтъ сомнѣній, что крестьянское землевладѣніе на сѣверѣ въ удѣльное время и даже гораздо позднѣе было складническимъ, сябриннымъ или сосѣдскимъ, что соотвѣтствовало и господству въ этой области добывающей промышленности при сохраненіи натуральной системы хозяйства.

Но помимо перехода отъ вольнаго землепользованія къ складническому владѣнію, на сѣверѣ въ удѣльное время произошла еще одна перемѣна въ землевладѣльческомъ правѣ, перемѣна, правда, поверхностная, случайная и отчасти временная, но тѣмъ не менѣе заслуживающая того, чтобы быть отмѣченной: мы разумѣемъ образованіе во многихъ мѣстахъ сѣвернаго края крупныхъ вотчинъ новгородскихъ бояръ и владыки, или архіепископа новгородскаго. Эта перемѣна была поверхностной, потому что она не повела къ коренной перестройкѣ крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ: бояре и владыка пріобрѣли лишь высшее

¹⁾ „А складникъ у складника въ одной деревне наставитце хароминоу на подворную землю, и ему земля очистити, снести харомина, толко другому на то место что ставити. А будетъ ничево на то мѣсто, и ему земля противу того взяти въ любомъ мѣсте“. Тамъ же.

²⁾ „А у которыхъ селъ и деревенъ есть молоди, и техъ молодежи прежнихъ выпашенъ и техъ лѣсовъ складниками межъ собою безъ делу и безъ жеребья ни сетчи, ни пахати“ и т. д. Тамъ же, стр. 45.

право на землю, подобное праву удѣльныхъ князей на всю территорию ихъ княжества или такъ называемому *dominium directum* или *emipens* феодальныхъ сюзереновъ; по существу это было право, близкое къ праву государства на его территорию, хотя, конечно, съ большей примѣсью гражданско-правовыхъ элементовъ; подъ покровомъ этого высшаго права собственности на землю въ боярскихъ и владычныхъ вотчинахъ съвера продолжали господствовать складническое крестьянское землевладѣніе и свободный оборотъ земли между крестьянами, прекращенный постепенно и въ черныхъ, и во владѣльческихъ земляхъ лишь гораздо позднѣе,—въ XVII вѣкѣ ¹⁾). Но появленіе боярской вотчины на сѣверѣ было явленіемъ не только поверхностнымъ, но и случайнымъ въ томъ смыслѣ, что она была создана не мѣстными экономическими условіями, а хозяйственными особенностями Новгородскаго края: только пріобрѣтеніе капиталовъ путемъ новгородской торговли доставило боярамъ необходимыя для покупки и заселенія земель средства. Наконецъ, временнымъ надо признать развитіе боярской и архіепископской вотчины на сѣверѣ по той причинѣ, что съ паденіемъ новгородской вольности въ концѣ XV вѣка эта вотчина была вырвана съ корнемъ московскими государями и замѣнена такъ называемымъ чернымъ землевладѣніемъ, субъектомъ котораго является государство. Фактически перемѣна тутъ сводилась къ тому, кому должны были платить оброкъ крестьяне: раньше они его платили боярамъ и владыкѣ, съ конца XV вѣка стали платить московскому государю. Право свободного отчужденія и всѣ складнические порядки отъ этого нисколько не пострадали и оставались нетронутыми до половины XVII вѣка.

V.

Въ собственно сѣверо-восточной Руси, въ области Волги и Оки съ ихъ притоками, въ началѣ удѣльнаго періода, когда добывающая промышленность и здѣсь еще подавляла собою всѣ другія отрасли народнаго производства, мы въ правѣ предполагать также господство крестьянскаго складническаго владѣнія земель. Лучшимъ доказательствомъ справедливости такого предположенія, кромѣ параллельныхъ явленій въ другихъ областяхъ

¹⁾ См. „Полное собр. законовъ Рос. Имперіи“, № 10; *Ивановъ*, „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ“ въ „Трудахъ Археологич. Комиссіи Моск. Археологич. Общества“, т. I, вып. 5-й, столб. 420—430; ср. тамъ же, ст. 525—526.

страны, служить то обстоятельство, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и позднѣе добывающая промышленность продолжала играть первенствующую роль въ экономической жизни, сябринное владѣніе сохранилось вплоть и при томъ въ видѣ нераздѣльнаго веденія хозяйства, при дѣлежѣ лишь продукта. Такъ было, напримѣръ, еще въ XVI в. въ Сольгалицкомъ уѣздѣ, гдѣ основной отраслью народнаго производства продолжало быть издревле заведенное солевареніе. До насъ дошелъ рядъ любопытныхъ актовъ о сябринномъ владѣніи варницами и соляными колодезьями. Вотъ любопытный образецъ, относящійся къ 1577—78 г. и взятый наудачу изъ множества ему подобныхъ: «Я, Иванъ Петровъ сынъ Мичуринъ, съ сыномъ Ѳеодоромъ дали въ Троицкій-Сергіевъ монастырь четверть варницы у Соли-Галицкой на посадѣ съ прѣномъ ¹⁾ и со всякой варничной порядою ²⁾, да разсолъ въ Карабкинскомъ колодезѣ половину получетверти колодезя ³⁾. А въ шабрахъ варница съ Осипомъ Киселевскимъ да съ Ѳеодоромъ Рыловымъ, а колодезь въ шабрахъ съ Осипомъ же, да съ Ѳеодоромъ, да съ Дурашемъ Успенскимъ, да съ Иваномъ Семеновымъ и съ иными товарищами» ⁴⁾. Въ числѣ разныхъ предметовъ, обозначаемыхъ общимъ именемъ «варничной поряды или порядни», значится часто и земля, при чемъ иногда прямо указывается, что она «съ шабры не въ дѣлу» ⁵⁾. Заслуживаетъ также упоминанія и то обстоятельство, что въ центральной Россіи даже въ XVII вѣкѣ были сосѣди или сябры только въ городахъ и слободахъ съ городскимъ характеромъ: такъ было, напр., въ Калугѣ, по свидѣтельству переписной книги 1645—47 гг. ⁶⁾, затѣмъ въ то же время въ Суздаль ⁷⁾ и въ Рѣшетской слободѣ Суздальскаго уѣзда ⁸⁾ и т. д. Надо думать, что и въ центральныхъ уѣздахъ, какъ и на сѣверѣ и въ Новгородско-Псковскомъ краѣ, совершался извѣстный уже намъ процессъ разложенія складническаго землевладѣнія, но теченіе этого процесса здѣсь было ускорено важной переменой въ народнохозяйственной жизни, переменной, замѣтной уже въ XIV вѣкѣ: въ то время, какъ въ другихъ областяхъ страны господствовала еще добывающая про-

¹⁾ Прѣвъ—сковрода, употреблявшаяся при солевареніи.

²⁾ Т. е. со всѣми принадлежностями для солеваренія.

³⁾ Т. е. $\frac{1}{16}$ колодезя.

⁴⁾ Моск.-Арх. Мин. Юстиціи, грамоты коллегіи экономіи, Сольгалицкій уѣздъ, № 3.376.

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., грамоты коллегіи экономіи, Сольгалицкій уѣздъ, 3.380, 3.386, 3.391 и т. д.

⁶⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., писцовыя книги, кн. 162, листы 2, 4, 43 и об.

⁷⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 465, лл. 67 об., 71.

⁸⁾ Тамъ же, л. 87.

мышленность, на Волгѣ и Окѣ на первый планъ выдвинулось земледѣліе. Это первостепенное значеніе земледѣльческой промышленности явственно выступаетъ въ частныхъ актахъ ¹⁾, въ судныхъ спискахъ или протоколахъ судебного разбирательства по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ ²⁾, въ житіяхъ святыхъ, каково, напр., житіе св. Сергія Радонежскаго, наконецъ, въ такомъ любопытномъ памятникѣ, какимъ является уставная грамота митрополита Кипріяна, относящаяся къ концу XIV вѣка и опредѣляющая повинности крестьянъ, жившихъ на земляхъ митрополичьихъ монастырей: пахота, посѣвъ, жатва, молотба—вотъ главныя занятія крестьянъ по этому акту. Въ теченіе XV вѣка земледѣліе сдѣлало, конечно, еще большіе успѣхи, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, по писцовымъ книгамъ XVI столѣтія, мы наблюдаемъ въ большей части центральныхъ уѣздовъ прочно установившуюся паровую - зерновую систему съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ и примѣненіемъ навознаго удобрения.

Экономическая природа новой достигшей господства отрасли промышленности опредѣлила тѣ существенныя перемѣны, которыя совершились въ землевладѣльческомъ правѣ. Земледѣліе требуетъ довольно значительной, сравнительно съ добывающей промышленностью затраты капитала. Первобытный звѣроловъ, рыболовъ или пчеловодъ почти совершенно не нуждаются въ капиталѣ для своихъ производительныхъ цѣлей: нетрудно и недорого устроить тенета для звѣря, обзавестись рогатиной, сплести сѣти для рыбы; чтобы собрать воскъ и меду, стоитъ только найти въ лѣсу дуплистое дерево и сдѣлать въ немъ нехитрыя приспособленія для пчелъ или даже просто отыскать дерево, гдѣ пчелы уже живутъ. Не то въ земледѣліи: при занятіи имъ въ лѣсной странѣ необходимо выжечь лѣсъ, выкорчевать пни, распахать новъ, засѣять ее, переборонить поле, сжать и вымолотить хлѣбъ, смолотъ зерно. Всѣ эти операціи требуютъ значительной затраты времени, слѣдовательно предполагаютъ уже у земледѣльца наличность извѣстнаго потребительнаго запаса; кромѣ того операціи эти настолько сложны, что вызываютъ употребленіе земледѣльческихъ орудій — плуга, сохи, бороны, косы или серпа, цѣпа и т. д.; если къ этому прибавить необходимость сѣмянъ для посѣва, рабочаго скота и хозяйственныхъ построекъ,

---

¹⁾ Большинство изъ нихъ хранится въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи и описано Мейчикомъ въ IV книгѣ „Описанія документовъ и бумагъ архива“.

²⁾ Много издано въ „Актахъ, относящихся до гражданской расправы древней Россіи“ Оедотова-Чеховскаго.

то станетъ понятной настоящая нужда земледѣльца въ капиталѣ. Между тѣмъ въ центральной Руси въ удѣльное время капиталъ былъ несравненно менѣе распространенъ въ массѣ населенія, чѣмъ это было даже въ области Новгорода и Пскова. Отдѣльная крестьянская семья сплошь и рядомъ не обладала поэтому достаточными для успѣшнаго веденія земледѣльческаго хозяйства средствами, а это заставляло ее нерѣдко отказываться отъ земли за ссуду инвентаремъ, получаемую отъ лицъ, болѣе состоятельныхъ, или садиться на землю, принадлежащую этимъ состоятельнымъ лицамъ. Экономически сильными, капиталистами были въ то время прежде всего князья, великіе и удѣльные, затѣмъ архіерейскія каѳедры, по преимуществу митрополичья, монастыри и, наконецъ, бояре. Въ рукахъ этихъ физическихъ и юридическихъ лицъ и сосредоточилась постепенно главная масса земельного богатства страны, произошло такъ называемое «окняженіе» и «обояреніе» земли, такъ что даже черная или тяглая земля, т.-е. собственно крестьянская, стала считаться княжеской. Это была очень важная перемѣна въ землевладѣльческомъ правѣ: сущность ея сводится къ тому, что не только владѣльческія, монастырскія, архіерейскія, но и черныя земли не могли быть отчуждаемы крестьянами, что крестьяне потеряли право свободнаго распоряженія землей, составлявшее такой отличительный признакъ складническаго землевладѣнія. Чтобы убѣдиться въ томъ, что черныя крестьяне центральной Руси въ XIII—XVI вѣкахъ уже не могли дарить, завѣщать, продавать и закладывать свои земли, стоитъ только обратить вниманіе на исторію монастырскаго землевладѣнія на сѣверѣ, гдѣ черное крестьянство, какъ мы знаемъ, сохранило право отчужденія земли, на которой оно сидѣло: тогда какъ на сѣверѣ мы постоянно встрѣчаемъ вклады, завѣщанія, продажу и залогъ земли крестьянами въ монастыри,—этого *ни разу* не встрѣчается въ исторіи монастырскихъ вотчинъ центра¹⁾; объяснить это нельзя иначе, какъ тѣмъ, что право отчужденія земли давно, въ началѣ удѣльнаго времени, было здѣсь потеряно черными крестьянами.

Но перемѣны въ землевладѣльческомъ правѣ не ограничились правоограниченіемъ крестьянъ, ихъ обезземеленіемъ и образованіемъ крупнаго землевладѣнія князей, церковныхъ учреждений и бояръ. Дѣло въ томъ, что сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ былъ чрезвычайно слабо развитъ, находился въ зачаточномъ состояніи; натуральное хозяйство оставалось еще не-

¹⁾ Исторія монастырскихъ вотчинъ сѣвера и центра извѣстна по документамъ во всѣхъ подробностяхъ; она изложена нами въ „Сельскомъ хозяйствѣ Моск. Руси въ XVI в.“ на стр. 377—398 и 402—429.

поколебленнымъ. Вотъ почему, несмотря на господство крупнаго *землевладѣнія*, нельзя было вести крупное земледѣльческое хозяйство, такъ какъ для крупнаго хозяйства необходимъ обширный и свободный рынокъ, а такого рынка нѣтъ и быть не можетъ при системѣ натурального хозяйства. Притомъ вотчины были слишкомъ обширны, чтобы можно было устроить управленіе ими на началѣ централизаціи. Отсюда возникаетъ потребность въ раздачѣ крупныхъ имѣній по частямъ посредникамъ, третьимъ лицамъ, которыя занимали бы промежуточное положеніе между крестьянами, съ одной стороны, и крупными землевладѣльцами — съ другой. И вотъ прежде всего князь удѣльнаго періода начинаетъ раздавать свои земли *во временное и условное владѣніе* сначала своимъ несвободнымъ слугамъ, необходимымъ ему въ его хозяйствѣ въ качествѣ приказчиковъ или «тіуновъ», какъ тогда выражались. Это удобно и для этихъ слугъ, создавая имъ въ известной степени обезпеченное существованіе, и для князя, такъ какъ даетъ ему возможность вознаграждать своихъ слугъ за трудъ земель, не теряя послѣдней, потому что ее всегда можно взять обратно, и не затрачивая дорогого въ то время денежнаго капитала. Такъ въ сферѣ княжескаго дворцоваго землевладѣнія и хозяйства зародилась и воплотилась въ дѣйствительности идея *помѣстья*, т.-е. временнаго владѣнія землей подъ условіемъ службы и съ правомъ того, кто пожаловалъ землю, отобрать ее у временнаго владѣльца или помѣщика. Слѣды помѣстья на княжеской землѣ наблюдаются впервые, по нашимъ источникамъ, въ завѣщаніи великаго князя Ивана Калиты, составленномъ въ 1328 году. Но помѣстная система настолько органически связана съ системой натурального хозяйства, что стала естественно и неудержимо расти и распространяться не на однихъ несвободныхъ хозяйственныхъ слугъ князя, но также и на его свободныхъ военныхъ слугъ, т.-е. бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ. Мало того: и архіереи, и монастыри, и даже отдѣльныя лица служилаго класса, обладавшія обширными землями, стали раздавать значительную часть своихъ владѣній въ помѣстное владѣніе. Это можно наблюдать въ XIV, XV и XVI вѣкахъ на земляхъ митрополита московскаго, въ послѣдствіи патріарха ¹⁾, у архіереевъ, въ родѣ архіепископовъ новгородскаго и рязанскаго ²⁾, и у бояръ и другихъ служилыхъ людей по тверской писцовой книгѣ первой половины XVI вѣка ³⁾. Въ 1593 г. въ вотчинахъ Троицкаго-Сергіева монастыря въ Московскомъ

¹⁾ „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“, стр. 461.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Лаппо, „Тверской уѣздъ въ XVI в.“, М., 1893, стр. 228.

уѣздѣ болѣе 80-ти поселеній было роздано разнымъ лицамъ во временное и условное владѣніе ¹⁾ и т. д.

На-ряду съ помѣстьемъ господство земледѣлія повело къ распространенію еще одного типичнаго для этого историческаго періода вида земельного владѣнія,—монастырской вотчины. Мы уже видѣли, что одной изъ главныхъ причинъ роста монастырскихъ земель было то обстоятельство, что монастыри принадлежали къ числу крупныхъ капиталистовъ. Другая причина также была отмѣчена выше, при изученіи землевладѣнія въ Новгородскомъ краѣ: она заключалась въ томъ, что при натуральномъ хозяйствѣ земля была почти единственной значительной цѣнностью, почему ея по преимуществу и можно было дѣлать вклады въ монастыри.

Постепенно, по мѣрѣ развитія земледѣлія, при сохраненіи системы натурального хозяйства, большая часть территоріи государства перешла въ помѣстное и монастырское владѣніе. Въ XVI вѣкѣ было не мало уѣздовъ, въ которыхъ почти вся земля сплошь была монастырская или помѣстная, и безъ преувеличенія можно сказать, что не было ни одного уѣзда (кромѣ сѣверныхъ), въ которомъ помѣстья и монастырскія земли не занимали бы большей части территоріи. Писцовыя книги не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшихъ сомнѣній. По нимъ видно, напримѣръ, что въ новгородскихъ пятинахъ отъ 75 до 94% всей территоріи находилось въ помѣстномъ владѣніи; въ Казанскомъ уѣздѣ помѣстья занимали 65% всей площади, въ Коломенскомъ 59%, въ Вяземскомъ 97, а въ Московскомъ хотя подъ помѣстьями значилось 34% всей территоріи уѣзда, но 35% приходилось на монастырскія вотчины, такъ что на долю всѣхъ другихъ видовъ земельного владѣнія оставалось гораздо менѣе трети всей площади.

Въ началѣ нашей статьи, когда рѣчь шла о древнѣйшихъ землевладѣльческихъ формахъ въ ихъ связи съ хозяйственнымъ строемъ, было указано, что въ этихъ отношеніяхъ Россія не представляетъ исключенія изъ общаго правила, что и другимъ странамъ свойственны тѣ же формы и отношенія. Это же надо сказать и о вторичныхъ и третичныхъ формахъ землевладѣнія, появляющихся при развитіи натурального хозяйства: о складничествѣ (вторичная форма) и о помѣстьѣ и монастырской вотчинѣ (третичныя формы). Это и понятно: если землевладѣльческое право въ своихъ существенныхъ чертахъ опредѣляется экономической природой господствующей отрасли народнаго про-

---

¹⁾ „Сельское хоз. М. Руси въ XVI в.“, стр. 144.

изводства, то развитіе юридическихъ отношеній лица къ землѣ должно быть вездѣ въ извѣстной мѣрѣ одинаково, потому что вездѣ смѣна господствующихъ отраслей производства совершается приблизительно въ одинаковомъ порядкѣ, что, въ свою очередь, зависитъ отъ постепеннаго увеличенія народонаселенія. То вольное землепользованіе, которое наблюдалось въ древнѣйшую эпоху у германцевъ, превратилось потомъ въ дворовое, т.-е. въ то же складническое или сябринное: всѣ эти *consorteriae, fagrae, vicini* и т. д., съ которыми приходится постоянно встрѣчаться при чтеніи варварскихъ Правдъ, грамотъ и формулъ,—не что иное, какъ группы русскихъ сябровъ или сосѣдей¹⁾. Во Франціи парсоннеріи, вполне соответствовавшія нашимъ складническимъ союзамъ, уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи областяхъ даже въ XVIII вѣкѣ²⁾. Сябры съ совершенно тѣмъ же значеніемъ, какъ у насъ на сѣверѣ, встрѣчаются, наконецъ, въ Литовской Руси³⁾. Что касается до помѣстья, то, благодаря работамъ ряда изслѣдователей, въ настоящее время не можетъ быть сомнѣнія, что ему соответствовали въ разныхъ европейскихъ и внѣевропейскихъ странахъ совершенно параллельныя формы землевладѣнія, ничѣмъ не отличавшіяся отъ него по своей юридической природѣ: таковы бенефиціи на западѣ Европы, икта — въ мусульманскихъ странахъ, стратіотское имѣніе—въ Византіи; подобныя же землевладѣльческія формы существовали въ Индіи и въ древне-американскихъ государствахъ.

Итакъ, на зарѣ исторіи, въ первую стадію развитія натурального хозяйства, когда населеніе чрезвычайно рѣдко и главной отраслью народнаго производства является добывающая промышленность, всюду господствуетъ вольное землепользованіе. Вторая стадія въ развитіи натурального хозяйства, отличающаяся начавшейся борьбой земледѣлія съ добывающей промышленностью, отмѣчена преобладаніемъ складническаго или сябриннаго землевладѣнія, при чемъ тамъ, гдѣ социальныя верхи успѣваютъ сосредоточить въ своихъ рукахъ болѣе или менѣе значительный капиталъ, видную роль начинаетъ играть крупное частное землевладѣніе. Наконецъ, съ побѣдой земледѣлія наступаетъ третья и послѣдняя стадія развитія натурального хозяйства; типическими

¹⁾ Ковалевскій, „Экономич. ростъ Европы“, т. I, стр. 39, 40.

²⁾ Картьель, „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“, М., 1879, стр. 145, 146.

³⁾ Любавскій, „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго госуд.“, стр. 448—449.

для этой стадіи формами землевладѣнія надо считать помѣстье и монастырскую вотчину.

Процессъ развитія натурального хозяйства въ Россіи заканчивается въ половинѣ XVI вѣка, и съ этого времени начинается упадокъ натурально-хозяйственной системы и постепенная замѣна ея зародившимся денежнымъ хозяйствомъ. Изъ сказаннаго видно, что исторія русскаго народнаго хозяйства и русскихъ формъ землевладѣнія въ эпоху господства натурально-хозяйственной системы во многомъ соотвѣтствовала тѣмъ же процессамъ въ другихъ странахъ. Гораздо существеннѣе были особенности, обнаружившіяся въ исторіи русскаго землевладѣнія, какъ и въ исторіи экономическаго быта, со времени зарожденія денежнаго хозяйства въ нашемъ отечествѣ. Но разсмотрѣнію этого вопроса должна быть посвящена особая статья.

Денежное хозяйство и формы землевладѣнія въ новой Россіи.

I.

Не такъ еще давно въ русской исторической литературѣ принято было начинать *новую* русскую исторію реформой Петра Великаго, началомъ XVIII вѣка. Въ глазахъ крайнихъ западниковъ Россія до этого времени даже и не жила историческою жизнью, а только подготовлялась къ тому, чтобы благодаря генію Петра сдѣлаться европейской державой. Оспаривать этотъ взглядъ теперь значило бы ломиться въ открытую дверь, — все равно, что оспаривать противоположное мнѣніе славянофильской школы, видѣвшей въ Петровской реформѣ и послѣдующей исторіи лишь печальное уклоненіе отъ коренныхъ началъ національно-русской жизни, выразившихся въ древнерусской исторіи и представлявшихъ крайнимъ славянофиламъ кладеземъ всяческой премудрости и выраженіемъ необычайнаго своеобразія. Не то, чтобы отголоски обоихъ сейчасъ намѣченныхъ воззрѣній исчезли безъ слѣда: они пробиваются нерѣдко и теперь; но все таки это — случайныя переживанія, не болѣе. Послѣ того, какъ миновалъ пароксизмъ беспощадной борьбы славянофиловъ съ западниками, наступилъ періодъ синтеза противоположныхъ историческихъ теорій: изъ нихъ скоро выдѣлилось здоровое зерно, заключавшееся въ томъ что реформу Петра Великаго перестали признавать рѣзкимъ перерывомъ, а, напротивъ, стали связывать ее множествомъ генетическихъ нитей съ историческимъ прошлымъ. Съ тѣхъ поръ началомъ новой русской исторіи стали признавать XVII вѣкъ, эпоху подготовки преобразованій, отерывшуюся великимъ социальнымъ броженіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ смутнаго времени. Такой взглядъ на начало новой Россіи господствуетъ въ настоящее время. Между тѣмъ, едва ли и его можно признать

въ достаточной мѣрѣ основательнымъ. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что каждое дѣленіе исторіи народа на періоды носить на себѣ печать условности и относительности по той простой, хотя и неустранимой, причинѣ, что развитіе общества никогда не останавливается и не прерывается, что никогда не бываетъ переломовъ, которые можно было бы отнести къ определенной и совершенно безспорной хронологической датѣ; но при всемъ томъ, если положить въ основу всего построения русской исторіи развитіе народнаго хозяйства, этотъ наиболѣе простой и наименѣе подлежащій дальнѣйшему анализу социальный процессъ, то придется признать неподходящей общепринятую теперь хронологическую грань, отдѣляющую древнюю Россію отъ новой. Не смотря на смуту, въ началѣ XVII вѣка въ русскомъ народномъ хозяйствѣ не совершилось ничего новаго сравнительно съ непосредственно-предшествовавшимъ временемъ, именно со второй половиной XVI столѣтія. *Зато въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка обнаруживаются действительно новыя явленія, ясно обрисовываются признаки зарожденія денежнаго хозяйства.* Но прежде чѣмъ перейти къ изученію этихъ признаковъ, ставящихъ внѣ всякаго сомнѣнія то положеніе, что началомъ новой русской исторіи надо считать именно вторую половину XVI вѣка, мы должны сдѣлать небольшое отступленіе въ область экономической терминологіи.

Что такое денежное хозяйство? Въ строгомъ смыслѣ слова это—такое хозяйство, когда *каждый* отдѣльный производитель въ странѣ вовлеченъ въ торговый оборотъ, когда каждый съ продуктомъ своего труда является на рынокъ, отчуждаетъ этотъ продуктъ въ видѣ товара, т. е. превращаетъ его въ деньги, съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь эти деньги посредствомъ той же операциі товарнаго обмѣна превратить въ предметы собственнаго потребленія.

Если понимать денежное хозяйство въ такомъ строгомъ, исключительномъ смыслѣ, то придется согласиться съ авторами извѣстной книги «О вліяніи урожаявъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства», что наше отечество до сихъ поръ еще является страной по преимуществу натурального хозяйства: вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что товарное обращеніе захватило еще далеко *не всѣхъ* производителей Россіи и многихъ изъ тѣхъ, кто даже подвергся этой участи, захватило *не цѣликомъ*, не заставило ихъ работать *всесильно* для рынка. Но какъ же быть? Вѣдь для всякаго ясно, что въ хозяйственномъ отношеніи Россія конца XIX вѣка—совершенно не то, чѣмъ она была 400 лѣтъ тому назадъ, когда дѣйствительно, какъ мы знаемъ, господ-

ствовало натуральное хозяйство со всеми его необходимыми последствиями в области форм землевладения. Соединить эти столь различные эпохи значить, очевидно, слить в одно целое совершенно разнородные явления, следовательно — отказать от их исторического истолкования. Очевидно, строгое определение денежного хозяйства применимо без ограничений только к заключительной стадии развития денежно-хозяйственной системы. Чтобы тот же термин можно было применить к другим стадиям этого эволюционного процесса, надо придать ему известную растяжимость, эластичность. *Денежным* с этой точки зрения надо признать не только такое хозяйство, при котором все производители превращают целиком весь свой продукт в товар, но и такое, когда товарное обращение начинает проникать в глубины народной жизни, когда оно захватывает уже не одни высшие классы, а отчасти и низшие, при чем смотря по степени распространенности товарного обращения можно различить три главных стадии в развитии денежного хозяйства: первую, когда оно только еще зарождается и существует рядом с преобладающим по прежнему натуральным хозяйством; вторую, когда денежное хозяйство, развившись, становится выше натурального, подавляет его, не уничтожив еще вполне; третью, характеризующуюся полным исчезновением натурального хозяйства и безраздельным господством хозяйства денежного. Россия еще не дожила до последней, третьей стадии. Первая стадия завершилась в истории нашего отечества приблизительно в половине XIX века, начавшись, как сейчас будет доказано, в половине XVI столетия. Ея конечным хронологическим предлогом вообще удобно считать крестьянскую реформу 19 февраля 1861 года. Вторая стадия развития денежного хозяйства в России начинается освобождением крестьян и длится до настоящего момента.

II.

Доказательства того, что вторая половина XVI века была временем зарождения денежного хозяйства, делавшего первые робкие шаги вперед в течение всего XVII столетия, — довольно многочисленны и разнообразны. Прежде всего у нас нет недостатка в прямых свидетельствах об оживлении в это время внешних и внутренних торговых сношений. Известно, какую исключительную роль во внешней торговле удельной Руси играл Великий Новгород, как монополизировало эту торговлю в своих руках новгородское купечество: торговые сношения с

Западомъ Европы совершались въ то время почти только черезъ Новгородъ и лишь при посредствѣ новгородскихъ купцовъ. Съ паденіемъ новгородской самостоятельности при Иванѣ III торговое значеніе Новгорода сильно пошатнулось, хотя и далеко не исчезло. Гораздо сильнѣе былъ другой ударъ, нанесенный этому торговому центру нѣсколько десятилѣтій спустя, въ половинѣ XVI вѣка: въ это время на отдаленномъ бѣломорскомъ сѣверѣ завязались мѣновыя и политическія сношенія съ народомъ, экономическая мощь котораго стала развертываться какъ разъ тогда, когда поколебалась сила Ганзейскаго союза, этого виднѣйшаго торговаго контрагента новгородцевъ: въ 1553 году капитанъ англійскаго корабля, случайно занесеннаго бурей въ Бѣлое море, Ричардъ Ченслеръ, высадившись на русскомъ берегу, пріѣхалъ въ Москву, былъ ласково принятъ Иваномъ Грознымъ и заключилъ первый торговый договоръ между Англіей и Московскимъ государствомъ. Такъ, на сѣверѣ, въ Холмогорахъ, а потомъ въ Архангельскѣ и другихъ городахъ, лежавшихъ по пути къ Москвѣ, образовались новые рынки для внѣшней торговли, не уступавшіе Новгороду, скоро даже превзошедшіе его по своему значенію. Можно наблюдать довольно сильное торговое оживленіе цѣлаго ряда городовъ лежавшихъ на дорогѣ съ сѣвера въ центръ, особенно Вологды, Ярославля и самой столицы государства—Москвы. Чтобы убѣдиться въ этомъ и не сомнѣваться въ непрерывномъ почти ростѣ внѣшней торговли Московскаго государства со второй половины XVI до конца XVII вѣка, стоитъ открыть сочиненія англичанъ, посѣщавшихъ Московскую Русь,—Ченслера, Климента Адамса, Дженкинсона, Флетчера,—познакомиться съ сочиненіемъ о Россіи при царѣ Алексѣѣ, написаннымъ подъячимъ Посольскаго приказа Григоріемъ Котошихинымъ, перелистать такіе важные памятники законодательной дѣятельности московскаго правительства, какъ изданная въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка жалованная грамота гостямъ, т. е. крупнымъ заграничнымъ торговцамъ, Уложеніе 1649 года или такъ называемый Новоторговый уставъ, изданный въ 1667 году и предоставившій крупному купечеству и сборъ пошлинъ съ заграничныхъ и вывозимыхъ за границу товаровъ, и торговый судъ. Но особенно драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ о развитіи внѣшней торговли въ центрѣ и въ сѣверныхъ городахъ является, такъ называемая, Торговая книга, служившая руководствомъ для правильнаго веденія торговли съ англичанами и замѣнявшая до извѣстной степени современные биржевые бюллетени о цѣнахъ на разные товары, обращающіеся на международномъ рынкѣ. Въ Торговой книгѣ содержались свѣдѣнія о заграничныхъ и русскихъ цѣнахъ и стоимости провоза

цѣлаго ряда разныхъ продуктовъ, закупавшихся скупщиками изъ богатаго купечества на московскомъ рынкѣ въ очень значительномъ количествѣ и доставлявшихся по Бѣлому морю для сбыта за границу.

Уже это оживленіе *внутренней* торговли и расширеніе охватываемаго ею района, содѣйствовавшія образованію и развитію нѣсколькихъ новыхъ крупныхъ торговыхъ центровъ, не могли не сказаться на общемъ строѣ экономической жизни Московскаго государства во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ. Коренные устои натурального, безобмѣннаго хозяйства начали подгнивать и колебаться подъ вліяніемъ роста заграничной торговли. Но у насъ нѣтъ недостатка и въ указаніяхъ на значительное оживленіе внутренняго обмѣна, и опять-таки замѣчательно, что такіа указанія начинаются со второй половины XVI вѣка, что служить очевиднымъ признакомъ зарожденія денежнаго хозяйства въ странѣ именно около этого времени. Съ этого именно хронологическаго термина въ писцовыхъ книгахъ и актахъ начинаютъ постоянно мелькать описанія отдѣльныхъ торжковъ, мѣстныхъ рынковъ и ярмарокъ, иногда охватывавшихъ своими торговыми оборотами значительную территорію. Уже на сѣверѣ въ концѣ XVI вѣка Вологда, Тотма и Устюгъ были очень важными хлѣбными рынками. Рязанская область снабжала хлѣбомъ нижнее Поволжье, съ одной стороны, и Москву, съ другой. То же приходится повторить о Ярославлѣ и Нижнемъ-Новгородѣ съ ихъ уѣздами. Цѣлая сѣть торговыхъ дорогъ по всѣмъ направленіямъ покрывала страну. Она достигла особенной густоты въ центрѣ: достаточно сказать, что такихъ большихъ дорогъ, проложенныхъ къ столицѣ государства, было не менѣе семи: по крайней мѣрѣ двѣ—ярославская и углицкая—вели на сѣверъ, къ Вологдѣ, Бѣлозерску и Холмогорамъ; на сѣверо-западъ шла торговая дорога изъ Москвы въ Тверь, Вышній-Волочекъ и Новгородъ; существовала также дорога на востокъ къ Нижнему; но наибольшее количество путей вело на югъ, въ плодородные степные уѣзды: здѣсь шла дорога на Серпуховъ и Боровскъ, сближавшая столицу съ заоцкими городами; другая дорога направлялась на Тулу и далѣе къ югу, въ Сѣверскую землю и Польшу; наконецъ, третья южная дорога прошла на Коломну и Рязань по Москвѣ-рѣкѣ и Окѣ. По словамъ англичанъ, изъ одного Ярославскаго края ежедневно по дорогѣ въ Москву проѣзжало по 700—800 возовъ съ зерномъ, предназначеннымъ для продажи. Мы имѣемъ, наконецъ, рядъ указаній на существованіе во второй половинѣ XVI вѣка обширныхъ и чрезвычайно-оживленныхъ ярмарокъ въ Старомъ Холопѣ городѣ на Мологѣ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, Балахнѣ,

знаемъ о конныхъ погайскихъ ярмаркахъ въ Москвѣ и Казани, о зарождающейся Макарьевской ярмаркѣ, двухнедѣльной Петровской ярмаркѣ въ пригородѣ Пскова Островѣ, куда съѣзжались купцы изъ Москвы, Новгорода, Пскова, Литвы и Ливоніи, и пр., и пр. Мы указываемъ здѣсь, конечно, только на болѣе яркіе примѣры, не рѣшаясь утомлять вниманіе читателя подробнымъ перечнемъ того обильнаго запаса фактовъ, который находится въ нашемъ распоряженіи. Сказаннаго, однако, достаточно, чтобы внушить убѣжденіе въ многочисленности и разнообразіи прямыхъ свидѣтельствъ источниковъ объ оживленіи торговаго оборота въ Московскомъ государствѣ второй половины XVI вѣка. Таково первое доказательство зарожденія денежнаго хозяйства въ Россіи въ это время.

Второе доказательство—иного рода: оно заключается въ наблюденіяхъ за характеромъ владѣльческаго оброка съ крестьянъ. Во второй половинѣ XVI вѣка легко замѣтить ростъ денежнаго оброка на счетъ натурального: тогда какъ до этого времени въ Вотской пятинѣ Великаго Новгорода только 6—9% всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ платили оброкъ деньгами, въ 1568 г. процентъ такихъ хозяйствъ повышается до 16-ти, а въ 1581 году черная волость знала здѣсь только одинъ денежный оброкъ; въ Бѣжецкой пятинѣ уже въ 1545 году болѣе 26% всѣхъ крестьянъ сидѣли на оброкѣ деньгами, а въ Обонежской въ 1565 году такихъ крестьянъ было даже около 76%; наконецъ, во всѣхъ вотчинахъ Троицкаго-Сергіева монастыря, расположенныхъ въ центральныхъ уѣздахъ, въ послѣднее десятилѣтіе XVI вѣка совсѣмъ уже не существовало натурального оброка, а всѣ монастырскіе крестьяне, сидѣвшіе на оброкѣ, вносили послѣдній деньгами. Совершенно понятно важное значеніе этихъ наблюденій: денежный оброкъ былъ бы немислимъ, если бы не зародилось денежное хозяйство, такъ какъ безъ торговаго оборота продуктовъ сельской промышленности крестьяне не были бы въ состояніи пріобрѣсти необходимую для уплаты, оброка денежную сумму.

На томъ же основаніи переходъ натуральныхъ государственныхъ повинностей въ денежные налоги, ясно обозначившійся какъ разъ съ половины XVI вѣка, слѣдуетъ считать третьимъ доказательствомъ зарожденія денежнаго народнаго хозяйства. Фактъ такой серьезной перемѣны въ финансовой системѣ не подлежитъ сомнѣнію, хорошо обоснованъ въ новѣйшей литературѣ по исторіи русскаго государственнаго хозяйства и представляется въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ первой половинѣ XVI вѣка на землѣ лежали слѣдующія государственныя финансовыя обязанности: 1) населеніе платило казначеевы, дьячьи и

подъяческія пошліны; это былъ уже тогда денежный налогъ, хотя и незначительный по размѣрамъ; 2) кормъ намѣстниковъ и воло-стелей, обыкновенно поступавшій натурой, въ видѣ разнаго рода припасовъ; 3) дань; 4) ямскія деньги, сдѣлавшіяся, какъ и дань, денежной податью, но не исключавшія и особой натуральной ямской повинности; сверхъ того возникли еще: 5) полонянничныя деньги, не превратившіяся пока въ регулярную подать и собиравшіяся въ различныхъ размѣрахъ въ отдѣльные годы, смотря по количеству выкупаемыхъ изъ Крыма и Казани русскихъ «полоняниковъ» или плѣнныхъ; 6) натуральныя военныя повинности—посошная и городовое дѣло, т. е. починка и постройка укрѣпленій. Во второй половинѣ XVI вѣка—съ 1551 года—въ податную систему внесены были важныя измѣненія: во-первыхъ, введены были новыя военныя денежные налоги—пищальныя и ямчужныя деньги, предназначенныя на приобрѣтеніе и выдѣлку пищалей или ружей и пушекъ, и ямчуги, т. е. селитры и пороха; затѣмъ налоги за городовое и засѣчное дѣло, т. е. за починку и постройку укрѣпленій и «засѣкъ», или заставъ, образованныхъ посредствомъ вырубки лѣса и свалки его въ кучи, мѣшавшія проходу и проѣзду и укрывавшія за собой сторожевыя военныя посты; во-вторыхъ, полонянничныя деньги превращены были въ регулярную подать; наконецъ, въ-третьихъ, старыя натуральныя повинности—посошное и городовое дѣло—стали также переводиться кое-гдѣ временами на деньги. Если къ этому прибавить, что кормъ тѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще переводился на деньги, что съ введеніемъ земскихъ учрежденій царя Ивана Грознаго онъ былъ замѣненъ денежной суммой, вносимой въ опредѣленные сроки въ государеву казну общиной, получившей земское самоуправленіе, что, наконецъ, къ концу XVI вѣка оклады прямыхъ денежныхъ податей возросли въ $3\frac{1}{2}$ раза сравнительно съ половиной столѣтія ¹⁾, то станетъ очевиднымъ, какимъ важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу зарожденія денежнаго хозяйства въ Московской Руси является исторія государственнаго хозяйства и въ частности прямого обложенія.

Наконецъ, существуетъ еще и четвертое, не менѣе, если не болѣе, серьезное доказательство описываемой экономической перемѣны: именно—измѣненіе цѣнности денегъ. Оживленное товарное обращеніе, проникающее въ народныя массы, всегда увеличиваетъ количество денегъ въ странѣ, а съ увеличеніемъ количества денегъ цѣнность послѣднихъ уменьшается. Въ этомъ отношеніи XVI вѣкъ принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ эпохамъ русской

¹⁾ Объ этомъ повышеніи податныхъ окладовъ см. нашу книгу „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“, стр. 234.

исторіи. Изученіе стоимости русскаго рубля того времени по хлѣбнымъ цѣнамъ приводитъ къ убѣжденію въ быстромъ и неуклонномъ ея пониженіи: тогда какъ въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI рубль стоилъ на наши деньги приблизительно 94 рубля, — въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVI столѣтія цѣнность его понизилась уже до 75 рублей на наши деньги, а во второй половинѣ того же вѣка даже только до 25 рублей ¹⁾. Такое быстрое удешевленіе денегъ рѣзко подчеркиваетъ совершившійся въ значительныхъ кругахъ населенія переходъ къ денежному хозяйству.

Итакъ предшествующее изложеніе ставитъ внѣ сомнѣнія тотъ фактъ первостепенной важности, что *вторая половина XVI вѣка — время зарожденія денежнаго хозяйства въ Россіи*. Но, выставляя это положеніе, мы должны сдѣлать одну совершенно необходимую оговорку: зарожденіе денежнаго хозяйства въ Россіи очень существенно отличается отъ соотвѣтственнаго процесса въ экономической жизни Западной Европы. Дѣло не въ томъ одномъ, что въ Россіи описанная перемѣна совершилась гораздо позднѣе, чѣмъ въ западно-европейскихъ странахъ, которыя уже отчасти въ XII и во всякомъ случаѣ въ XIII вѣкѣ знакомятся съ зачатками денежнаго хозяйства; гораздо болѣе замѣчательно, что самый экономическій типъ русскаго зарождающагося въ XVI вѣкѣ денежнаго хозяйства существенно отличался отъ типа западно-европейскаго денежнаго хозяйства XIII столѣтія. Превосходная схема экономического развитія странъ Западной Европы выведена изъ наблюдений надъ соотвѣтствующими фактами остроумнымъ и проницательнымъ нѣмецкимъ экономистомъ Карломъ Бюхеромъ въ его извѣстной книгѣ «Происхожденіе народнаго хозяйства». Бюхеръ ²⁾ ставитъ, какъ извѣстно, въ промежутокъ между періодомъ домашняго, безобмѣннаго хозяйства и періодомъ хозяйства народнаго, денежнаго, рассчитаннаго на обширный, даже міровой рынокъ, еще третій періодъ — городского хозяйства, имѣющаго въ виду узкій мѣстный рынокъ, съ ограниченнымъ кругомъ производителей и потребителей, котящихся въ городѣ и его окрестностяхъ на 10—15 верстъ во всѣ стороны. Каждый изъ такихъ изолированныхъ, обособленныхъ рынковъ, на которые раздробились съ XIII вѣка западно-европейскія страны, представлялъ изъ себя совершенно самостоятельное хозяйственное цѣлое, стоявшее внѣ какой

¹⁾ О цѣнности денегъ въ XVI в. см. „Сельск. хоз. Моск. Руси въ XVI в.“, стр. 202—210, 218. Одинъ изъ критиковъ нашей книги указывалъ, что слѣдовало сравнивать цѣны на хлѣбъ XVI вѣка не съ хлѣбными цѣнами 1882 г., а со средними цѣнами за рядъ годовъ. Мы произвели такое вычисленіе, и результаты его мало разнились съ раньше полученными нами выводами.

²⁾ „Die Entstehung der Volkswirtschaft“, 2-е изданіе, стр. 58, 88—106.

бы то ни было экономической связи съ другими подобными ему рынками. Отсюда вытекали и важныя послѣдствія въ сферѣ юридической: главнѣйшимъ изъ нихъ было прикрѣпленіе крестьянъ *къ землѣ*, а не къ личности землевладѣльца, потерявшаго съ XIII вѣка право отлучать ихъ отъ земли, т. е. продавать, закладывать, дарить, завѣщать ихъ безъ земли и переводить съ одного земельного участка на другой. Причина такой формы крестьянской крѣпости понятна: при узкомъ рынкѣ всякое колебаніе въ числѣ наличныхъ производителей и потребителей нарушаетъ установившееся равновѣсіе, способно произвести цѣлый переворотъ, болѣзненную катастрофу. Этимъ обстоятельствомъ объясняется и строгая цеховая регламентація городского ремесла. Само собою разумѣется, и Россія не была чужда изолированности рынковъ, но она, подобно многимъ другимъ явленіямъ, достигшимъ полного развитія на западѣ Европы и оставшимся лишь въ зародышѣ у насъ, не имѣла общаго значенія и не выразилась въ столь рѣзкихъ формахъ, какъ на Западѣ. Равнинность страны, обиліе рѣкъ и, главное, продолжительность снѣгового покрова создавали сравнительно-удобные пути сообщенія, которыми сглаживались мѣстные различія и ослаблялась хозяйственная изолированность отдѣльныхъ областей: зимой, по англійскимъ извѣстіямъ, товары могли быть доставлены на громадное разстояніе отъ Архангельска до Москвы всего въ какихъ-нибудь 14 дней. Такимъ образомъ, *русское денежное хозяйство, зародившееся во второй половинѣ XVI вѣка, отличалось тою особенностью, что оно было не городскимъ, а народнымъ, или, по крайней мѣрѣ, каждый рынокъ охватывалъ очень значительный районъ*: такъ, экономическое вліяніе московскаго рынка простиралось на 500 верстъ отъ столицы; для другихъ крупныхъ рынковъ мы въ правѣ предполагать хозяйственную территорию, по крайней мѣрѣ, верстъ въ 300 во всѣ стороны ¹⁾).

Землевладѣніе въ своихъ формахъ въ XVII вѣкѣ испытало на себѣ силу новыхъ экономическихъ условій,—прежде всего зарожденія денежнаго хозяйства.

III.

Извѣстно, что въ XVI вѣкѣ господствующими формами землевладѣнія въ Московской Руси, кромѣ Сѣвернаго края, были служилое помѣстье и монастырская вотчина ²⁾. Юридическая природа

¹⁾ „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“, стр. 288.

²⁾ См. нашу статью „Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи“: выше, стр. 130.

обѣихъ этихъ формъ земельного владѣнія отличается однимъ общимъ существеннымъ признакомъ: и помѣстье и монастырская вотчина—неотчуждаемы: первое—вслѣдствіе условности и временности владѣнія, вторая—въ силу каноническаго правила о вѣчности и нерушимости церковнаго имущества, о его неприкосновенности; правило это, какъ извѣстно, принято было за основу имущественныхъ правъ церковныхъ учрежденій Стоглавомъ. Неотчуждаемость помѣстья и монастырской земли стоитъ къ прямомъ противорѣчій съ зарождающимся денежнымъ хозяйствомъ, потому что денежное хозяйство, даже и въ зачаточномъ состояніи, требуетъ нѣкоторой, хотя бы очень ограниченной, свободы гражданскаго оборота земли: при новыхъ рыночныхъ условіяхъ настоятельно-необходима возможность обращенія недвижимости въ денежный капиталъ и наоборотъ — денежнаго капитала въ недвижимость, а также необходимъ и переходъ земли изъ рукъ въ руки. И вотъ, отчасти уже во второй половинѣ XVI вѣка и особенно въ XVII столѣтіи,—наблюдаются серьезныя перемѣны въ относительномъ значеніи и даже юридической природѣ помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія: 11 мая 1551 года состоялся соборный приговоръ, которымъ былъ запрещенъ вкладъ земли въ монастыри безъ доклада государю, т.-е. безъ утвержденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ со стороны высшаго правительства; при этомъ за нарушеніе вновь установленнаго запрещенія въ приговоръ включена была угроза конфискаціи земли въ пользу казны; въ 1572 году запрещеніе принимать влады земель было выражено еще въ болѣе категорической формѣ по отношенію къ богатымъ монастырямъ; что же касается небольшихъ и бѣдныхъ монастырей, то непремѣннымъ условіемъ пріобрѣтенія ими земельныхъ имуществъ по прежнему оставался докладъ государю; въ 1581 году и бѣдные монастыри лишены были безусловно права принимать вклады земель. Впрочемъ, на дѣлѣ монастыри получали вкладныя вотчины и послѣ изложенныхъ законодательныхъ мѣръ, но лишь до выкупа ихъ родственниками вкладчика или государемъ. Уложеніе 1649 года окончательно запретило пріемъ земельныхъ вкладовъ монастырями. Параллельно такому юридическому ограниченію монастырскаго землевладѣнія шло фактическое сокращеніе его размѣровъ, медленное и постепенное, но тѣмъ не менѣе неуклонное и постоянное. Довольно многочисленныя свидѣтельства писцовыхъ книгъ конца XVI вѣка убѣждаютъ въ томъ, что неотчуждаемость монастырскихъ земель, возведенная въ принципъ Стоглавомъ, часто обращалась въ юридическую фикцію: подъ давленіемъ новыхъ экономическихъ условій, главнымъ образомъ за-

рождающагося денежнаго хозяйства, монастырскія власти нерѣдко прибѣгали къ залогу вотчинъ, превращая недвижимость въ столь необходимый при новой хозяйственной системѣ денежный капиталъ. Извѣстно, что залогъ въ древней Руси былъ въ большинствѣ случаевъ реальнымъ договоромъ, т.-е. сопровождался немедленной и обязательной при полученіи ссуды передачей закладываемаго недвижимаго имущества залогопринимателю: такъ часть монастырской земли переходила въ руки /свѣтскихъ лицъ, совершалась мобилизація церковной поземельной собственности, усложнявшаяся притомъ еще вмѣшательствомъ правительственной власти, которая, признавая незаконнымъ отчужденіе церковной земли, не возвращала однако послѣднюю церкви, а конфисковала въ пользу государства и раздавала въ помѣстья, такъ что возвратъ заложенной монастырями земли въ монастырскую собственность окончательно пресѣкался. Вотъ нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ описанный процессъ, до сихъ поръ не отмѣченный еще въ исторической литературѣ, но имѣвшій очень важное значеніе въ качествѣ симптома совершавшихся хозяйственныхъ перемѣнъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ XVI вѣка въ Бѣжецкой пятинѣ Великаго Новгорода была цѣлая «волостка Соружа въ Облутнѣ», состоящая изъ 30-ти деревень и включавшая въ себѣ до 775 десятинъ пахотной земли во всѣхъ трехъ поляхъ; эта волостка прежде принадлежала Спасскому Нередицкому монастырю, потомъ монастырскія власти заложили ее нѣкому Михаилу Петрову, а въ 1581 году, она, «по государеву наказу», была роздана по частямъ въ помѣстья¹⁾. Въ то же время въ Обонежской пятинѣ князь Путятинъ получилъ помѣстье изъ земель, принадлежавшихъ нѣкогда Павлову монастырю и бывшихъ затѣмъ въ закладѣ за дьякомъ Меншикомъ Дурбеновымъ, а Козодавлеву досталась въ помѣстное владѣніе земля, отписанная на государя (т.-е. конфискованная) у Василя Хлопова, получившаго ее въ свою очередь въ залогъ отъ Аркажа монастыря²⁾. Мало того: нерѣдко въ XVII вѣкѣ монастыри прямо продавали свои земли служилымъ людямъ: такъ Троицкій-Сергіевъ монастырь въ 1627 году продалъ князю А. Ю. Сицкому пустошь Клобукову въ Дмитровскомъ уѣздѣ³⁾; въ 1624 году тотъ же монастырь продалъ подъячему Овдокимову свою вотчину въ Шацкомъ уѣздѣ, село Гавриловское⁴⁾ и т. д.

¹⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 962, лл. 765—769 об.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 965, лл. 12 и 76 об.

³⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., книга записная вотчинная Помѣстнаго приказа 5969—1, л. 561.

⁴⁾ Тамъ же, л. 121.

Юридическая природа помѣстнаго землевладѣнія существенно измѣнилась въ XVII вѣкѣ сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Взаимныя отношенія между двумя видами служилого землевладѣнія—помѣстьемъ и вотчиной—въ XVI вѣкѣ могутъ быть характеризованы слѣдующимъ образомъ: подъ вліяніемъ развитія временнаго и условнаго владѣнія землей, помѣстья, исключающаго право распоряженія и предполагающаго обязанность службы, вотчина, прежде полная и безусловная собственность съ правами распоряженія и безъ лежащей на землевладѣльцѣ обязанности военной службы, за единственнымъ исключеніемъ повинности «городной осады», т.-е. защиты того города, въ уѣздѣ котораго находилось имѣніе, становится мало-по-малу условнымъ владѣніемъ, несущимъ службу, обязывающимъ этою послѣднею самого владѣльца лично; вмѣстѣ съ тѣмъ и права распоряженія нѣкоторыми видами вотчинъ стѣсняются: *пожалованныя* вотчины разрѣшается передавать законнымъ наслѣдникамъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ жалованной грамотѣ точно обозначено, что вотчина пожалована не одному только данному лицу, но и его потомству. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ XVI вѣкѣ вотчина приближалась къ помѣстью, приобретала нѣкоторыя характеристическія черты послѣдняго, что вполне естественно при господствѣ натурального хозяйства въ послѣдней стадіи его развитія, когда преобладаетъ земледѣліе. Но съ зарожденіемъ денежнаго хозяйства картина мѣняется: въ XVII вѣкѣ помѣстье начинаетъ приближаться къ типу служилой вотчины, усваиваетъ нѣкоторые ея признаки. Это хорошо выяснено въ русской историко-юридической литературѣ¹⁾ и потому остается только повторить тѣ выводы, какіе въ этомъ отношеніи сдѣланы. Во второй половинѣ XVII вѣка помѣщики получили довольно обширныя права распоряженія помѣстной землей,—права, прежде или совершенно имъ не принадлежавшія, или существовавшія только въ зародышѣ: помѣщикъ могъ, во-первыхъ, промѣнять свою помѣстную землю на другую, во-вторыхъ, сдать свое помѣстье другимъ лицамъ, назначить помѣстье въ приданое за своими дочерьми и вообще родственниками. Право мѣны помѣстной земли было расширено до того, что позволялось мѣнять помѣстья на вотчины, такъ что земля, бывшая прежде помѣстной, превращалась въ вотчинную со всѣми юридическими послѣдствіями этого, и, наоборотъ, бывшая вотчина становилась помѣстьемъ. Понятно, что при такихъ усло-

¹⁾ См. особенно *Неволинъ*, „Полное собраніе сочиненій“, т. IV; Спб., 1857, стр. 212 и слѣд.

віяхъ исчезало весьма важное препятствіе къ свободному обороту земли, столь необходимому при денежномъ хозяйствѣ. Сдача помѣстій очень часто обращалась въ продажу ихъ, такъ какъ сопровождалась сплошь и рядомъ денежнымъ платежемъ. Подъ конецъ вѣка это было прямо признано закономъ за нормальное. Въ 1678 году дозволено было даже обращать помѣстья на удовлетвореніе имущественныхъ исковъ, слѣдовательно—по крайней мѣрѣ косвенно—признано было право помѣщиковъ закладывать помѣстную землю. Не надо, наконецъ, забывать, что помѣщикъ всегда могъ сдать свое помѣстье въ аренду за деньги, чѣмъ также парализовалось въ извѣстной мѣрѣ запрещеніе отчуждать помѣстную землю: такая сдача помѣстій въ денежную аренду довольно часто практиковалась еще въ концѣ XVI вѣка, вопреки распоряженіямъ правительства, строго возбранявшаго подобный способъ хозяйственной эксплуатаціи помѣстной земли ¹⁾.

Такъ зарождающееся денежное хозяйство повліяло на самую природу помѣстнаго землевладѣнія. Та же причина повела къ сокращенію размѣровъ помѣстной земли посредствомъ обильнаго и входившаго все болѣе въ обычай пожалованія помѣстій въ вотчину въ награду за службу и заслуги. Въ царствованіе перваго царя новой династіи, Михаила Феодоровича, много помѣстной земли было роздано на вотчинномъ правѣ служилымъ людямъ въ награду за участіе въ защитѣ столицы государства въ смутное время отъ нападеній Тушинскаго вора—это, такъ называемое, «осадное сидѣнье при царѣ Василии» (Шуйскомъ)—и во время похода на Москву Владислава—«осадное сидѣнье королевичева приходу». Позднѣе въ XVII вѣкѣ ни одинъ удачный походъ не обходился безъ обращенія части помѣстной земли въ вотчину его участниковъ. Установилась и обычная норма такого пожалованія: обыкновенно въ награду за службу съ каждыхъ 100 четвертей (=50 десятинъ) помѣстнаго оклада 20 четвертей (=10 десятинъ) обращались въ вотчинное владѣніе. Неудивительно поэтому, что въ XVII вѣкѣ,—и при томъ чѣмъ ближе къ концу столѣтія, тѣмъ рѣзче и сильнѣе, размѣры помѣстной земли сокращаются, и абсолютно и относительно, и на ея счетъ увеличивается вотчинное землевладѣніе служилыхъ людей. Вотъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Въ Тульскомъ уѣздѣ конца XVI вѣка всего какихъ-нибудь 1,500 десятинъ пахотной земли находилось въ вотчинномъ владѣніи, что составляло всего 2% распахиваемой площади уѣзда, тогда какъ помѣстья занимали

¹⁾ „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“, стр. 458—459.

около 76,000 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, или почти 92% ¹⁾; по писцовой книгѣ 1628 года, вотчины заключали въ себѣ уже около 14,000 десятинъ пахотной земли, т. е. увеличились абсолютно въ 9 разъ; чрезвычайно быстро шель ростъ и относительныхъ размѣровъ вотчиннаго владѣнія, такъ какъ оно составляло въ то время уже около 17% всей площади уѣзда; на долю помѣстій приходилось 64,000 десятинъ изъ 77% уѣздной территории ²⁾ (остальная земля въ XVI и XVII вв. была занята монастырскими и церковными владѣніями). Въ Казанскомъ уѣздѣ въ 50-хъ годахъ XVI столѣтія совсѣмъ не было служилыхъ вотчинъ ³⁾, а около ста лѣтъ спустя онѣ являлись очень виднымъ элементомъ въ составѣ земельного владѣнія ⁴⁾. Въ Рязскомъ уѣздѣ, наконецъ, въ 1624—26 гг. вотчинное землевладѣніе очень немногимъ уступало по размѣрамъ помѣстному: тогда какъ на первое приходилось до 25 тысячъ десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, второе занимало 26 тысячъ десятинъ ⁵⁾.

Итакъ важная экономическая перемѣна, начало которой становится замѣтнымъ во второй половинѣ XVI вѣка,—именно зарожденіе денежнаго хозяйства,—оказала могущественное вліяніе на формы землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка: господствовавшія прежде неподвижныя, исключавшія право распоряженія формы земельного владѣнія—служилое помѣстье и монастырская вотчина—поколебались въ своихъ основахъ, стали постепенно мѣнять свою юридическую природу, приспособляясь къ новымъ условіямъ, повелительно предписавшимъ свободный гражданскій оборотъ земли; вмѣстѣ съ тѣмъ и размѣры монастырскаго и въ особенности помѣстнаго землевладѣнія начали сокращаться въ пользу служилой вотчины, не исключавшей права распоряженія и, слѣдовательно, соответствовавшей экономическимъ условіямъ наступившаго новаго періода—денежнаго хозяйства.

IV.

Прежде чѣмъ перейти къ изученію второго ряда послѣдствій зарождающагося денежнаго хозяйства, въ свою очередь повліявшихъ на формы землевладѣнія, мы должны прослѣдить вкратцѣ дальнѣйшую судьбу помѣстнаго и монастырскаго владѣнія, свя-

¹⁾ Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 371.

²⁾ Шенкина, „Тульскій уѣздъ въ XVII в.“, М., 1892, стр. 92 и 93.

³⁾ „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“, стр. 373.

⁴⁾ Перетятковичъ, „Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в.“, Одесса, 1882, стр. 60, 140 и др.

⁵⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., писц. кн. 425, л. 763 об.

завъ ее генетическими узами съ развивавшимся въ XVIII вѣкѣ денежнымъ хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, что и это развитіе денежнаго хозяйства далеко небезразлично для изслѣдователя только что упомянутыхъ другихъ, вторичныхъ явленій въ сферѣ формъ хозяйства и земельного владѣнія,—тѣхъ явленій, рѣчь о которыхъ пойдетъ ниже.

Развитіе денежнаго хозяйства въ Россіи XVIII столѣтія не подлежитъ сомнѣнію. Вотъ нѣсколько взятыхъ на выборъ иллюстрацій этого процесса. Прежде всего русскій рубль XVIII столѣтія значительно понизился въ цѣнѣ сравнительно съ рублемъ XVII вѣка: тогда какъ послѣдній стоилъ на наши деньги отъ 12 до 17 рублей, первый до 50-хъ годовъ равнялся всего 9-ти или 10-ти современнымъ рублямъ ¹⁾, а во второй половинѣ XVIII вѣка пониженіе цѣнности денегъ, разумѣется, продолжалось. Затѣмъ ростъ обрабатывающей промышленности—фабричной и кустарной, столь замѣтный въ XVIII столѣтіи, принадлежитъ также къ числу очевидныхъ признаковъ развитія денежнаго хозяйства, такъ какъ указываетъ на постепенно-увеличивавшееся раздѣленіе труда, слѣдовательно и на расширеніе товарнаго производства, рассчитаннаго на сбытъ, а не на собственное потребленіе производителей. Въ концѣ царствованія Петра Великаго во всемъ государствѣ было 233 фабрики; спустя менѣе сорока лѣтъ—въ 1762 году ихъ считалось уже 984, а еще черезъ 34 года, въ 1796 году, общее число фабрикъ доходило уже до 3,161. Всего болѣе развивались, какъ извѣстно, сначала суконныя, потомъ ситценабивныя и ткацкія фабрики. Уже это обстоятельство служитъ вѣрнымъ показателемъ успѣховъ денежнаго хозяйства: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь фабричныя сукно, ситецъ и миткаль вслѣдствіе своей дешевизны вытѣсняли изъ потребленія продукты домашняго производства,—грубыя суконныя издѣлія и полотна. При императрицѣ Екатеринѣ II начало сильно развиваться и кустарное производство. Бюхеръ въ своей книгѣ «Происхожденіе народнаго хозяйства» различаетъ, какъ извѣстно, кромѣ фабрично-заводской промышленности, при которой крупные предприниматели—капиталисты берутъ въ свои руки и производство и сбытъ продуктовъ, еще слѣдующіе четыре вида обрабатывающей промышленности: 1) домашнее производство для домашняго потребленія производящей семьи, при полномъ отсутствіи обмѣна; 2) наемно-кустарное производство: рабочій получаетъ матеріалъ отъ заказчика и обрабатываетъ его за опредѣленную плату—часто натурой—на дому у заказчика или у себя; 3) ремесло или мел-

¹⁾ *Елючевскій*, „Русскій рубль XVI—XVIII вв.“, М. 1884, стр. 12.

кое кустарное производство: рабочий производить на заказъ для опредѣленнаго потребителя; иногда онъ открываетъ и специальную небольшую лавку для случайныхъ покупателей, кругъ которыхъ невеликъ, такъ что производство рассчитано при этомъ на небольшой, узкій мѣстный рынокъ; 4) товарно-кустарное производство: кустарь производить продукты на обширный рынокъ, иногда даже заграничный, но сбываетъ онъ ихъ потребителямъ не самъ, а черезъ посредство капиталиста-скупщика, такъ что сбытъ товаровъ организуется уже капиталистически. Домашнее, наемно-кустарное и мелкое кустарное производство или ремесло существовали еще въ Кіевской и удѣльной Руси, не говоря уже о Руси Московской; они продолжали существовать и въ XVIII вѣкѣ.

Что касается до товарно-кустарнаго производства, то зародыши его становятся замѣтны лишь въ XVI в. и начинаютъ развиваться въ XVII столѣтіи. Уже тогда извѣстны были и даже сбывались за-границу деревянныя издѣлія Владимірскаго, Калужскаго, Гороховецкаго, Семеновскаго и Корельскаго уѣздовъ, семеновскія рукавицы и овчинныя шубы, валяная обувь, шляпы и полотно, выдѣлывавшіяся въ Лысковѣ, Ярославлѣ, Костромѣ и Архангельскѣ. Развившееся въ царствованіе Екатерины II товарно-кустарное производство возникло главнымъ образомъ изъ трехъ источниковъ: во-первыхъ, оно было дальнѣйшей стадіей развитія первобытныхъ видовъ обрабатывающей промышленности (домашняго, наемно-кустарнаго и мелкаго кустарнаго производствъ); во-вторыхъ, оно явилось результатомъ прогрессивной эволюціи тѣхъ зачатковъ товарно-кустарной производительности, которые существовали раньше; въ-третьихъ,—это новый, еще не отмѣченный выше источникъ—товарно-кустарное производство Екатерининскаго времени во многихъ своихъ отрасляхъ представляетъ собою слѣдствіе разложенія нѣкоторыхъ фабрикъ XVIII вѣка: фабричныя рабочіе разносили по деревнямъ извѣстные приемы того или другого производства, которымъ они научились на фабрикѣ; образовавшіеся такимъ образомъ кустари убивали своей конкуренціей фабрику, что было нетрудно, потому что фабрика XVIII вѣка была собственно не фабрикой, а мануфактурой, т. е. работа на ней производилась не при помощи машинъ, а руками, такъ что техническіе приемы кустарей были не ниже фабричныхъ. Были и другіе, второстепенные источники товарно-кустарнаго производства XVIII вѣка: иногда помѣщики культивировали въ средѣ своихъ крестьянъ тѣ или другія отрасли обрабатывающей промышленности, выписывая изъ-за границы мастеровъ для обученія крестьянъ или отправляя послѣднихъ на

выучку къ городскимъ ремесленникамъ. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ пряжа и тканье льна, деревянные и желѣзные издѣлія, скорняжный, сыромятный, кожевенный промыслы достигли расцвѣта именно во второй половинѣ XVIII вѣка. Тогда же сложилось большинство извѣстныхъ теперь центровъ товарно-кустарной промышленности, какъ Павлово, Иваново-Вознесенскъ, Кимры и т. д. Параллельно всѣмъ этимъ явленіямъ торговый оборотъ сталъ захватывать все большія массы крестьянскаго населенія, откуда произошло развитіе денежнаго крестьянскаго оброка въ ущербъ натуральному, и выдѣленіе изъ крестьянской массы отдѣльныхъ богачей, скоро ставшихъ крупными фабрикантами, какъ, напримѣръ, Морозовыхъ и фабрикантовъ села Иванова ¹⁾.

Изложенные факты убѣдительно свидѣтельствуютъ о развитіи внутренней торговли. Что касается до внѣшней торговли, то ея расширеніе также не подлежитъ сомнѣнію уже по той причинѣ, что въ теченіе изучаемаго періода открывается цѣлый рядъ портовъ для внѣшняго вывоза: достаточно указать только на важнѣйшіе изъ нихъ, какъ Петербургъ, Рига, Ревель, Нарва, Одесса, Таганрогъ, чтобы понять, какъ оживились мѣновыя сношенія съ заграничными рынками.

Развитіе денежнаго хозяйства въ Россіи XVIII вѣка разбило цѣпи, связывавшія значительную часть земельнаго богатства страны, оплавившія эту часть совершенно недоступной для быстрой и ничѣмъ не стѣсняемой мобилизаціи. Знаменитымъ указомъ о единомаслѣдіи, изданнымъ въ 1714 г., Петръ Великій юридически формулировалъ то фактически уже сложившееся сближеніе служилыхъ помѣстій съ вотчинами, о которомъ мы говорили выше: и помѣстья и вотчины слились теперь въ общемъ понятіи дворянской недвижимой собственности, подлежащей уже свободному въ предѣлахъ закона отчужденію. Правда, этотъ указъ обязалъ дворянъ-землевладѣльцевъ передавать всю свою землю только одному изъ своихъ сыновей, т. е. установилъ единомаслѣдіе, но и это послѣднее ограниченіе скоро исчезло: при императрицѣ Аннѣ 1731 обязательное единомаслѣдіе было уничтожено. Идея

---

¹⁾ См. о развитіи обрабатывающей промышленности въ XVIII вѣкѣ слѣдующія работы: *Борсакъ*, „О формахъ промышленности“; *Туланъ-Барановскій*, „Русская фабрика“, т. I, и „Историческая роль капитала въ развитіи нашей кустарной промышленности“ („Новое Слово“, апрѣль 1897 г.); *Струве*, „Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности“ („Міръ Божій“, апрѣль, 1898 г.); и „Научная исторія русской крупной промышленности“ („Научное Обзорніе“, іюнь 1898 г.); *Макотинъ*, „Попытка общей исторіи русской фабрики“ („Русское Богатство“, январь, 1899 г.) и др.

же полной неотчуждаемости дворянской земли не была осуществлена въ указѣ 1714 г., такъ какъ онъ разрѣшилъ въ случаѣ необходимости продажу земли ¹⁾. Съ тѣхъ поръ дворянскія населенныя имѣнія—съ нѣкоторыми лишь ограниченіями для родовыхъ—сдѣлались предметомъ свободнаго гражданскаго оборота между дворянами; что же касается ненаселенныхъ земель, то онѣ могли свободно приобрѣтаться и отчуждаться лицами всѣхъ состояній. Такъ исчезла господствовавшая прежде помѣстная система. Въ 1764 г. Екатерина II подвергла секуляризациі архіерейскія и монастырскія земли, передавъ ихъ въ вѣдѣніе особаго учрежденія, такъ называемой коллегіи экономіи. вмѣстѣ съ этимъ прекратила свое существованіе вторая несвободная форма земельной собственности, не соотвѣтствовавшая болѣе новымъ экономическимъ условіямъ.

V.

Зародившееся во второй половинѣ XVI вѣка денежное хозяйство сопровождалось послѣдствіями второго порядка, обнаружившимися въ сферѣ социальныхъ отношеній и черезъ посредство этихъ отношеній отразившимися на поземельныхъ порядкахъ: мы говоримъ объ образованіи крѣпостного права на крестьянъ.

Вопросъ о происхожденіи крестьянскаго прикрѣпленія принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу спорныхъ, раздѣляющихъ изслѣдователей на два главныхъ лагеря. Здѣсь не мѣсто излагать доводы обѣихъ сторонъ и вдаваться въ подробный критическій разборъ этихъ доводовъ. Замѣтимъ лишь, что центръ тяжести спора лежитъ въ двухъ вопросахъ: 1) о томъ, когда и какъ было установлено *юридически* крѣпостное право на крестьянъ: одни думаютъ, что оно было установлено закономъ въ концѣ XVI вѣка; по мнѣнію другихъ, съ конца XVI вѣка и въ началѣ XVII крѣпостное право постепенно утверждалось путемъ частныхъ, гражданскихъ договоровъ крестьянъ съ землевладѣльцами, а закономъ оно было сформулировано впервые только въ Уложеніи 1649 года; 2) въ вопросѣ о томъ, каковы были ближайшія причины прикрѣпленія; по мнѣнію изслѣдователей одной школы, онѣ коренились въ государственныхъ условіяхъ, въ потребности правильно организовать сборъ податей; по взгляду изслѣдователей другого направленія, причина лежала въ условіяхъ народно-хозяйствен-

---

¹⁾ См. пунктъ 12-й этого указа: „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, № 2789.

ныхъ,—по преимуществу, въ задолженности крестьянъ землевладельцамъ. Такъ какъ доводы перваго направленія заключаются въ ссылкахъ на указы конца XVI и начала XVII вѣка, говорящіе о срокахъ давности для исковъ о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, такъ какъ даже эти указы имѣютъ въ виду не прикрѣпленіе всѣхъ крестьянъ, а только судебное преслѣдованіе тѣхъ крестьянъ, которые бѣжали отъ землевладельцевъ безъ уплаты имъ долговъ и такъ какъ кромѣ того предполагаемаго указа конца XVI вѣка о прикрѣпленіи крестьянъ совершенно нѣтъ, то мы считаемъ себя въ правѣ примкнуть ко второму взгляду, виднѣйшими представителями котораго въ наше время являются профессора Ключевскій и Дьяконовъ. Г. Дьяконовъ убѣдительно показалъ, какъ постепенно и медленно складывались традиціи крестьянской крѣпости¹⁾, но для насъ въ данномъ случаѣ важное значеніе имѣетъ изображеніе тѣхъ конкретныхъ условій, благодаря которымъ уже въ концѣ XVI вѣка стала туго затягиваться узелъ крѣпостной неволи. Эти конкретныя условія выяснены проф. Ключевскимъ, и намъ остается только, изложивъ ихъ вкратцѣ, связать частныя явленія съ общими хозяйственными условіями времени, чего до сихъ поръ въ литературѣ сдѣлано не было.

Садясь на чужую землю по особому всякій разъ договору съ землевладельцемъ, крестьянинъ почти всегда получалъ отъ владѣльца имѣнія ссуду или подмогу; ссуда выдавалась деньгами для хозяйственнаго обзаведенія или зерномъ—для посѣва и пропитанія. Какъ велика была задолженность крестьянъ, видно изъ того, что изъ крестьянъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря въ концѣ XVI в. 70% были обременены долгами монастырю и только 30% обошлись безъ ссуды. Уходя отъ одного землевладельца къ другому, свободный крестьянинъ-арендаторъ чужой земли долженъ былъ расплатиться, возвратитъ ссуду и сверхъ того заплатить еще «пожилое»—опредѣленную въ законѣ сумму денегъ за пользованіе дворомъ и хозяйственными строеніями, въ немъ находящимися. Но русскій крестьянинъ конца XVI вѣка въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ былъ маломощнымъ, не могъ самъ расплатиться съ землевладельцемъ. За него платилъ тотъ землевладѣлецъ, къ которому онъ переходилъ. Въ то время очень многіе землевладѣльцы чувствовали потребность въ рабочихъ рукахъ для обработки своихъ земель, и потому занимались

¹⁾ См. его: „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ“.

²⁾ „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи“, „Русская Мысль“. 1885 г., №№ 8 и 10.

подыскиваніемъ крестьянъ, готовыхъ перейти къ нимъ съ чужой земли, расплачивались съ кредиторами этихъ крестьянъ и вывозили ихъ за себя. Отъ этого, конечно, положеніе крестьянина по существу не измѣнялось: онъ мѣнялъ только одного кредитора на другого. Правительство въ интересахъ порядка съ конца XVI вѣка стало запрещать такой вывозъ крестьянъ, особенно ограждая интересы мелкихъ, небогатыхъ землевладѣльцевъ отъ посягательствъ со стороны людей богатыхъ. Такимъ образомъ, не будучи въ состояніи уплатить свои долги землевладѣльцамъ, крестьяне именно по этой причинѣ фактически не пользовались правомъ перехода, признававшимся за ними по закону. Для полного прикрѣпленія недоставало только одного: упрочить въ обществѣ мысль, что долгъ дѣлаетъ крестьянъ крѣпостными. Этому упроченію мысли о крѣпостномъ состояніи задолжавшихъ крестьянъ содѣйствовало развитіе въ XVI вѣкѣ особаго состоянія несвободныхъ людей, извѣстнаго подъ названіемъ кабальнаго холопства. Кабальнымъ назывался человекъ, занявшій у кого-либо извѣстную денежную сумму и обязавшійся служить на дворѣ кредитора и работать на него за проценты до уплаты долга. Первоначально кабальные люди не считались холопами. Но въ концѣ XVI вѣка въ ихъ положеніи произошла важная перемѣна: были изданы два указа, по которымъ кабальные люди получали свободу со смертью господина, но зато потеряли право уплачивать долгъ при жизни кредитора и, слѣдовательно, не могли по своей волѣ прекратить зависимость. Такимъ образомъ, заемъ дѣлалъ кабальныхъ людей холопами, крѣпостными людьми. Такъ какъ кабальное холопство и крестьянская аренда съ помощью имѣли одинъ общій признакъ,—зависимость лица, вслѣдствіе займа, отъ землевладѣльца,—то землевладѣльцы, наблюдая фактическую невозможность для крестьянина заплатить долгъ, соотвѣтствующую потерѣ кабальными людьми права такой же уплаты долга по закону, стали юридически сближать крестьянъ съ кабальными холопами: въ договоры съ крестьянами начали вносить условіе, которымъ крестьянинъ обязывался не уходить отъ землевладѣльца, жить за нимъ безвыходно. Такъ произошло крѣпостное право на крестьянъ, выразившееся сначала не въ законѣ, а въ частныхъ договорахъ. Оно было создано, значить, слѣдующими тремя конкретными условіями: 1) нуждою крестьянъ въ ссудѣ для хозяйственнаго обзаведенія, соединенною съ невозможностью расплатиться; 2) потребностью землевладѣльцевъ въ постоянномъ, осѣдломъ рабочемъ контингентѣ; 3) воздѣйствіемъ кабальнаго холопства.

Спрашивается теперь: въ какой же связи находились эти

конкретныя явленія съ *общими* условіями изучаемаго момента исторіи русскаго народнаго хозяйства?

Извѣстно, чѣмъ была создана нужда крестьянъ въ ссудѣ для хозяйственнаго обзаведенія: она была результатомъ перехода отъ добывающей промышленности къ земледѣлію, такъ какъ земледѣліе по своей экономической природѣ требуетъ приложенія значительнаго капитала, необходимаго для пріобрѣтенія орудій, построекъ, рабочаго скота и отсутствующаго у крестьянина, прежде занимавшагося добывающей промышленностью ¹⁾. Подъ вліяніемъ господства земледѣлія, при сохраненіи натурального хозяйства, сложились и развились служилое помѣстье и монастырская вотчина, подавившая своей массой другія формы земельного владѣнія, а это господство помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія, державшагося прочно въ XVI вѣкѣ и лишь нѣсколько уменьшившееся, какъ было нами выше доказано, въ XVII столѣтіи, привело не къ обогащенію крестьянъ, не къ скопленію въ ихъ рукахъ капиталовъ, а, напротивъ, къ разоренію крестьянскаго населенія. Дѣло въ томъ, что помѣстье, по своей юридической природѣ, было явленіемъ непрочнымъ, которое всегда могло быть отнято высшимъ собственникомъ, государемъ, и потому помѣщику не было разсчета относиться къ землѣ бережливо; напротивъ, въ его интересѣ было использовать возможно скорѣе и въ полной мѣрѣ всѣ производительные ресурсы имѣнія, потомъ бросить его и выпросить себѣ другое. Что касается монастырскаго хозяйства, то оно страдало отъ чрезвычайной обширности и разбросанности монастырскихъ имѣній, исключавшей возможность правильнаго и постояннаго надзора за приказчиками и контроля ихъ дѣйствій и приводившей къ тому, что много монастырской земли раздавалось за вкладъ, за службу монастырю свѣтскимъ лицамъ во временное и условное владѣніе, подобное помѣстному и потому сопровождавшееся такими же невыгодными хозяйственными послѣдствіями, какъ и помѣстье ²⁾. Такимъ образомъ, и съ переходомъ къ земледѣлію крестьянинъ продолжаетъ нуждаться въ ссудѣ и, разоряемый хищническими пріемами хозяйства на помѣстной и монастырской землѣ, сплошь и рядомъ оказывался безнадежнымъ должникомъ, не былъ въ состояніи возвратить ссуду. Зарожденіе денежнаго хозяйства, какъ явленіе совершенно новое, потрясшее весь хозяйственный

---

¹⁾ См. нашу статью „Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи“, выше стр. 127.

²⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ „Сельскомъ хозяйствѣ М. Руси въ XVI в.“ и выше въ нашей статьѣ на эту тему.

организмъ страны до основанія, болѣзненно отзывалось на экономическомъ благосостояніи крестьянства и еще туже завязывало узелъ безнадежной задолженности. Такимъ образомъ, нужда крестьянъ въ подмогъ и невозможность для нихъ расплатиться сводятся къ двумъ болѣе общимъ экономическимъ условіямъ конца XVI вѣка: истощенію земледѣлія, со вѣтми его необходимыми послѣдствіями въ области формъ землевладѣнія и техники полевого хозяйства, и зарожденію денежнаго хозяйства. Такимъ же послѣдствіемъ перехода къ земледѣлію является, въ концѣ концовъ, и настоящая, острая потребность землевладѣльцевъ XVI вѣка въ постоянномъ рабочемъ контингентѣ: когда, подъ влияніемъ земледѣлія, восторжествовали помѣстье и монастырская вотчина, то разорительные приемы помѣстного и монастырскаго хозяйства вызвали усиленный отливъ населенія изъ центра къ окраинамъ¹⁾, а это принудило землевладѣльцевъ употребить всѣ усилія для закрѣпленія за собой необходимыхъ имъ земледѣльческихъ рабочихъ. Потребность въ рабочей силѣ обострилась еще и благодаря зарожденію денежнаго хозяйства: какъ только денежное хозяйство зародилось, на рынкѣ появился спросъ на продажный хлѣбъ и другіе продукты земледѣлія, особенно на ленъ и коноплю. Поэтому землевладѣльцы живо почувствовали потребность въ расширеніи собственной барской пашины; этой потребности они удовлетворили прежде всего тѣмъ, что посадили на паашню своихъ несвободныхъ слугъ, холоповъ: къ концу XVI вѣка холопы на паашнѣ нерѣдко составляли 12, 15, 20 и болѣе процентовъ земледѣльческаго населенія. Въ числѣ такихъ холоповъ были и кабальные люди, количество которыхъ увеличилось какъ разъ къ тому времени, параллельно чему окончательно опредѣлилась въ законодательствѣ и юридическая природа кабальнаго холопства. Наконецъ, соотвѣтственно описаннымъ хозяйственнымъ условіямъ, стала развиваться къ концу XVI вѣка и крестьянская барщина; на примѣръ, въ имѣніяхъ Троицкаго-Сергіева монастыря, описанныхъ въ 1590-хъ годахъ, нерѣдко половина, даже двѣ трети крестьянъ были обязаны барщиной.

Итакъ, говоря вообще, крѣпостное право на крестьянъ, фактически сложившееся во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка, юридически закрѣпленное сначала договорами (порядными) крестьянъ съ землевладѣльцами, а потомъ Уложеніемъ 1649 года, и затѣмъ тяготѣвшее надъ Россіей еще болѣе 200 лѣтъ, образовалось подъ влияніемъ двухъ основныхъ

---

¹⁾ „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“, стр. 291—361.

общихъ экономическихъ причинъ: господства земледѣлія и зарожденія денежнаго хозяйства. *Крѣпостное право — естественный продуктъ первой стадіи развитія денежнаго хозяйства, когда почти всецѣло господствуетъ далеко еще не интенсивное земледѣліе.*

Но юридическая природа крѣпостныхъ отношеній крестьянина къ землевладѣльцу въ нашемъ отечествѣ существенно отличалась отъ природы крѣпости западно-европейскихъ виллановъ, какъ она сложилась въ XIII вѣкѣ, при зарожденіи денежнаго хозяйства на Западѣ. Западно-европейскій вилланъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, былъ крѣпокъ *земль* вслѣдствіе господства *городского* денежнаго хозяйства, рассчитаннаго на мѣстный небольшой рынокъ. Русскій крестьянинъ былъ прикрѣпленъ *къ личности землевладѣльца*, потому что зародившееся въ Московской Руси съ половины XVI вѣка денежное хозяйство отличалось несравненно большею, чѣмъ на Западѣ, обширностью рынковъ для сбыта продуктовъ, обширный же рынокъ всегда требуетъ свободы передвиженія рабочей силы по волѣ ея владѣльца. Доказательства личнаго прикрѣпленія крестьянъ въ Россіи многочисленны. Они сводятся къ тому, что въ эпоху развитія крѣпостныхъ отношеній землевладѣльцамъ принадлежали слѣдующія права: право переводить крестьянъ въ дворовые и, наоборотъ, дворовыхъ людей на пашню, право переселять крестьянъ порознь или цѣлыми селеніями съ однѣхъ земель на другія и, наконецъ, право продавать и закладывать крѣпостныхъ людей по одиночкѣ и безъ земли ¹⁾. Ограничимся указаніемъ на немногіе конкретные примѣры, подтверждающіе справедливость этого заключенія и для XVII вѣка. Отъ 1675 года до насъ дошла «память» ²⁾ изъ Холопья приказа къ Помѣстный, изъ которой видно, что крестьяне въ это время уже были предметомъ гражданскихъ сдѣлокъ между владѣльцами: ихъ уже продавали и мѣняли отдѣльно отъ земли. Въ томъ же году, по просьбѣ боярина Матвѣева, ему дозволено было записать за собою крестьянъ по сдѣлочнымъ записямъ безъ земли въ Помѣстномъ приказѣ ³⁾. Памятники статистики народонаселенія, — переписныя книги, составленныя, какъ извѣстно, въ 40-хъ и 70-хъ годахъ XVII вѣка, переполнены примѣрами такого же свободнаго отчужденія крестьянъ безъ земли и перевода ихъ съ одного земельного участка на

¹⁾ *Ключевскій*, „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи, „Русская Мысль“ за 1885 г., № 8, стр. 7.

²⁾ Такъ назывались бумаги, какими сносились между собою центральныя учрежденія Московскаго государства, — указы.

³⁾ *Бяляевъ*, „Крестьяне на Руси“. М., 1860 г., стр. 164—165.

другой ¹⁾. Наконецъ, много указаній въ этомъ же смыслѣ можно найти въ такъ называемыхъ отказныхъ книгахъ, которыя велись въ Помѣстномъ приказѣ, центральномъ учрежденіи, вѣдавшемъ землевладѣніе, и содержали въ себѣ записи о вводѣ во владѣніе земель тѣхъ или другихъ служилыхъ людей, получавшихъ имѣнія по наслѣдству, пожалованію или покупкѣ ²⁾.

VI.

Образовавшееся вслѣдствіе господства земледѣлія и зарожденія денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ крѣпостное право на крестьянъ вызвало къ жизни новыя формы крестьянскаго землепользованія, превратившія послѣ освобожденія крестьянъ въ крестьянское мірское или общинное землевладѣніе, которое, какъ извѣстно, сохранилось до нашихъ дней въ Вѣликороссіи. Таково дальнѣйшее положеніе, которое мы должны доказать.

Съ легкой руки Хомякова и нѣмецкаго путешественника барона Гакстгаузена, посѣтившаго наше отечество въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ XIX столѣтія, славянофилы провозгласили мірское землевладѣніе исконной русской формой отношенія земледѣльца къ землѣ и видѣли въ немъ отраженіе того мистическаго славянскаго «общиннаго духа», который приводилъ ихъ въ такое трогательное, хотя съ нашей точки зрѣнія и нѣсколько комичное, умиленіе. Новѣйшія изслѣдованія показали, однако, что въ древней Руси не было ни малѣйшихъ слѣдовъ современной крестьянской земельной общины. Слѣдовательно, убѣжденіе славянофиловъ въ исконности общиннаго землевладѣнія въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ сейчасъ, отпадаетъ само собою. Честь перваго опроверженія славянофильскихъ взглядовъ на исторію земельной общины принадлежитъ одному изъ самыхъ выдающихся и наиболѣе разностороннихъ русскихъ ученыхъ, Б. Н. Чичерину. Показавъ, на основаніи всего имѣвшагося въ обращеніи болѣе сорока лѣтъ тому назадъ печатнаго матеріала, всю неосновательность славянофильской теоріи, г. Чичеринъ выставилъ положеніе, по которому періодическіе передѣлы съ цѣлью земельного поравненія и неотчуждаемость крестьянскихъ участковъ—эти наиболѣе характеристическія черты земельной общины нашего

¹⁾ См. *Замысловскій*, примѣчанія къ изданнымъ имъ въ „Иѣтописяхъ званій Археографической комиссіи“, вып. VIII, отрывкамъ изъ переписныхъ книгъ.

²⁾ Отказныя книги не изданы и были предметомъ нашего изученія въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи.

времени—произошли вслѣдствіе прикрѣпленія крестьянъ и введенія подушной подати. Б. Н. Чичеринъ попытался затѣмъ изобразить въ конкретныхъ фактахъ происхожденіе передѣловъ на черныхъ земляхъ сѣвера Россіи и установить, что передѣлы были введены здѣсь межевыми инструкціями 1754 и 1766 годовъ, т. е. распоряженіями правительства ¹⁾. Нѣсколько десятилѣтій спустя г-жа Ефименко, давъ яркое и совершенно новое изображеніе формы крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ, извѣстной подъ именемъ землевладѣнія долевого, складническаго, сябриннаго или сосѣдскаго ²⁾, констатировала въ изслѣдованной ею области въ XVIII вѣкѣ полное разложеніе сябриннаго владѣнія и обращеніе его въ подворно-участковое и затѣмъ показала, что, хотя межевыя инструкціи второй половины XVIII вѣка были первыми рѣшительными шагами къ утвержденію періодическихъ передѣловъ земли на сѣверѣ, но эта цѣль была достигнута здѣсь только въ 30-хъ годахъ XIX вѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ, не отрицая прямого воздѣйствія правительства на образованіе передѣловъ, г-жа Ефименко высказала мысль о возможности и даже необходимости ихъ утвержденія и безъ правительственнаго вмѣшательства; эта мысль и основывается на томъ соображеніи, что для превращенія сябриннаго землевладѣнія въ общинное стоило только лишить крестьянъ права распоряженія (продажи, залога, завѣщанія) принадлежащими имъ долями сябринной земли, что, по мнѣнію г-жи Ефименко, и сдѣлали всѣ землевладѣльцы въ древней Руси; что касается идеи передѣла, то она не была новостью, такъ какъ передѣлы существовали и при сябринномъ землевладѣніи ³⁾. На нашъ взглядъ, несмотря на нѣкоторое несогласіе наше съ г-жей Ефименко въ этомъ пунктѣ (о чемъ ниже), ея мнѣніе представляетъ собою значительный шагъ впередъ сравнительно съ мнѣніемъ г. Чичерина: г. Чичеринъ съ особеннымъ удареніемъ говоритъ о роли *правительства* въ установленіи общинныхъ поземельныхъ порядковъ, тогда какъ г-жа Ефименко справедливо отмѣчаетъ вліяніе *владельцевъ*; едва ли только можно выводить современные мірскіе передѣлы земли изъ древнихъ сябринныхъ: при послѣднихъ имѣлась въ виду опредѣленная, неизмѣнная доля земли, независимая отъ количественнаго состава

¹⁾ Чичеринъ, „Опыты по исторіи русскаго права“, М., 1858 г., стр. 44—45, 46, 53—54.

²⁾ См. объ этомъ землевладѣніи въ нашей статьѣ „Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи“, выше въ этой же книгѣ.

³⁾ Ефименко, „Изслѣдованія народной жизни“, т. I, М., 1884 г., стр. 293—294, 324—347.

земли, тогда как мірскіе передѣлы отличаются уравнительнымъ характеромъ, сообразно рабочей и платежной способности отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ. Послѣ г-жи Ефименко о происхожденіи общинно-уравнительнаго землепользованія стали говорить изслѣдователи сибирскаго землевладѣнія. Главный выводъ, къ которому они пришли, изучая порядки крестьянскаго пользованія государственной землей въ Сибири, заключается въ томъ, что отъ сябриннаго владѣнія къ общинно-уравнильному сибирскіе крестьяне перешли вслѣдствіе двухъ причинъ: 1) подушной подати, предполагавшей разверстку платежей по душамъ рабочаго возраста; 2) земельнаго утѣсненія, вслѣдствіе котораго бѣдные лишены были возможности исправно уплачивать подушную подать и потому потребовали передѣла ¹⁾. Это заключеніе въ послѣднее время принято было и г. Качоровскимъ, который лишь нѣсколько измѣнилъ перспективу, въ какой располагаются два указанныхъ вліянія: по его мнѣнію, уравнительные передѣлы—слѣдствіе, главнымъ образомъ, «внутри-общинной борьбы за землю, вызываемой сокращеніемъ ея (т. е. земли) размѣровъ»; что же касается фискально-политической причины (т. е. подушной подати), то она была только *однимъ* изъ условій развитія передѣловъ ²⁾. Кромѣ того, г. Качоровскій отмѣчаетъ еще одну причину изучаемаго нами процесса, заключающуюся въ перемѣнѣ техники земледѣльческаго хозяйства, въ переходѣ къ трехполью, при которомъ необходимъ общій правильный сѣвооборотъ съ пастбой скота на поляхъ ³⁾. Этимъ собственно закончилась *теоретическая* разработка вопроса о происхожденіи мірскаго землевладѣнія: послѣднія работы гг. В. В. ⁴⁾ и В. Семевскаго ⁵⁾ не вносятъ ничего новаго въ теоретическомъ отношеніи и только разъясняютъ и обставляютъ фактическими данными положеніе, что передѣлы, осуществившіеся у сѣверныхъ крестьянъ въ XIX вѣкѣ, были подготовлены въ значительной мѣрѣ ходатайствами самихъ крестьянъ, вызванными въ свою очередь хозяйственными условіями—по преимуществу недостаточнымъ земельнымъ обезпеченіемъ большинства крестьянства.

Въ предшествовавшемъ обзорѣ мы не имѣли въ виду представить библиографическій обзоръ литературы объ исторіи кре-

¹⁾ См. сводную работу г. А. Кауфмана, „Крестьянская община въ Сибири“, Спб., 1897 г., стр. 64—66.

²⁾ Качоровскій, „Русская община“, т. I, Спб., 1900 г., стр. 238—239.

³⁾ Тамъ же, стр. 225.

⁴⁾ См. его статьи въ „Русской Мысли“, особенно за 1897 г., №№ 11 и 12 („Начало передѣловъ земли на сѣверѣ Россіи“).

⁵⁾ „Очерки изъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи въ XVIII в.“, въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1901 г., №№ 1 и 2.

стьянской поземельной общины въ Россіи; наша цѣль заключалась лишь въ томъ, чтобы указать типическія, оригинальныя въ этой литературѣ явленія, игравшія роль поворотныхъ пунктовъ въ разработкѣ вопроса. Изъ сказаннаго видно, что новѣйшее теченіе въ литературѣ этого вопроса имѣетъ тенденцію объяснить происхожденіе уравнительно-душевого владѣнія внѣ непосредственнаго вліянія крѣпостного права, а главнымъ образомъ—если не исключительно—изъ увеличивавшейся земельной тѣсноты. Едва ли, однако, можно признать вѣрнымъ такой взглядъ. Нельзя объяснить переходъ къ уравнительно-душевому владѣнію изъ одного лишь утѣсненія, являющагося неизбѣжнымъ послѣдствіемъ роста населенія и влекущаго за собою переходъ къ трехполью; это невозможно по той причинѣ, что необходимая для трехполья плотность населенія была достигнута въ области Оки и верхней Волги, а равно и въ Новгородской области, уже въ XVI вѣкѣ, такъ что уже тогда названныя области знали трехпольную систему земледѣлія ¹⁾, и однако мірскаго или общиннаго землевладѣнія въ современномъ смыслѣ слова въ то время совершенно не было. Съ другой стороны, нельзя, конечно, объяснить изучаемый процессъ однимъ только правительственнымъ воздѣйствіемъ или фискально-политическимъ вліяніемъ: вѣдь достаточно извѣстно, что Малороссія не знала и не знаетъ общиннаго землевладѣнія и въ то же время подлежала подушной подати; притомъ же подушная подать лежала и на сибирскихъ крестьянахъ, и однако у нихъ долго не было уравнительно-душевого землепользованія. Но само собой разумѣется, что въ виду изложенныхъ соображеній не подлежитъ сомнѣнію ни вліяніе земельной тѣсноты, ни воздѣйствіе подушной подати; необходимо только признать, во-первыхъ, совокупность дѣйствія этихъ двухъ факторовъ какъ единственно—достаточное объясненіе образованія современнаго мірскаго землевладѣнія; во-вторыхъ, надо расширить содержаніе второго фактора: подушная подать являлась вѣдь только частью одного цѣлаго—крѣпостного хозяйства; можно даже замѣтить, что не государственная подать въ собственномъ смыслѣ слова, а причитавшійся къ подушнымъ оброчный сборъ съ черныхъ (потомъ государственныхъ) крестьянъ, превосходившій впослѣдствіи размѣрами собственно-государственную подать, послужилъ главнымъ мотивомъ, вызвавшимъ энергичное содѣйствіе правительства введенію уравнительныхъ передѣловъ земли. Не надо забывать также, что на государственныхъ земляхъ, какъ было выше указано, передѣлы были позднимъ явленіемъ, утвер-

¹⁾ Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 60—70, 104—109.

дившимся лишь въ XIX вѣкѣ, тогда какъ во владѣльческихъ имѣніяхъ то же явленіе можно наблюдать, какъ распространенное, уже въ XVIII столѣтіи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, вторымъ равноправнымъ съ первымъ факторомъ образованія мірскаго землевладѣнія нужно считать крѣпостное право на крестьянъ, происхожденіе котораго изъ общихъ экономическихъ условій времени было выяснено въ предыдущей главѣ.

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о Малороссіи. Цѣлымъ рядомъ изслѣдованій установленъ въ настоящее время съ несомнѣнностью тотъ фактъ, что въ XVIII вѣкѣ въ Малороссіи господствовало то самое сябринное или «дворишное» (какъ иногда оно здѣсь называлось) землевладѣніе, которое наблюдается въ Великороссіи въ началѣ удѣльнаго періода и на сѣверѣ въ XVI вѣкѣ и даже позднѣе ¹⁾. Между тѣмъ, закономъ 3 мая 1783 года крѣпостное право было распространено и на Малороссію, такъ что болѣе милліона такъ называемыхъ «посполитыхъ» крестьянъ, пользовавшихся прежде свободой перехода, сдѣлались крѣпостными. Любопытно вмѣстѣ съ тѣмъ, что несмотря на утвержденіе крѣпостнаго права, въ Малороссіи не появилось въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ общинныхъ, мірскихъ земель, періодически передѣлявшихся по душамъ. Спрашивается: какъ же, при свѣтѣ полученныхъ выше общихъ выводовъ, можно объяснить, съ одной стороны, образованіе крѣпостнаго права въ Малороссіи, съ другой—отсутствіе общиннаго землевладѣнія? Отвѣтъ на первый вопросъ заключается въ томъ, что въ Малороссіи, подвергшейся экономическому вліянію Великой Россіи, уже въ XVIII вѣкѣ сдѣлало значительные шаги впередъ по пути развитія денежное хозяйство ²⁾, землевладѣльцы поэтому были заинтересованы въ увеличеніи своей барской запашки и барщины и, не имѣя достаточныхъ денежныхъ средствъ для эксплуатаціи вольнонаемнаго труда, нуждались въ крѣпостныхъ земледѣльческихъ рабочихъ. Что же касается второго вопроса, то намъ уже приходилось освѣщать его выше, и мы видѣли, что основной причиной отсутствія мірскаго землевладѣнія въ Малороссіи служило то обстоятельство, что,

¹⁾ См. *Ефименко*, «Дворишное землевладѣніе въ южной Руси» («Русск. Мысль», за 1891 г.); *Луцкій*, «Сябринное землевладѣніе въ Малороссіи» («Сѣв. Вѣстникъ» за 1889 г., №№ 1 и 2); *Филимоновъ*, «Румянцевская генеральная опись Суражскаго уѣзда», *Филимоновъ*, «Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія», вып. II, Пермь, 1895; *Лазаревскій*, «Описаніе старой Малороссіи» и пр.

²⁾ См. объ этомъ, напр., изслѣдованіе *И. Аксакова* о малороссійскихъ ярмаркахъ.

хотя и былъ налицо одинъ элементъ, необходимый для установленія уравнительно-душевыхъ передѣловъ—крѣпостное право,—но въ XVIII вѣкѣ не было еще другого элемента,—земельной тѣсноты: слабо заселенная территорія, изобилующая притомъ плодородной почвой, исключала необходимость круговой поруки, обязательнаго сѣвооборота, быстрого торжества болѣе интенсивныхъ стадій въ развитіи трехполья и т. д. А когда въ XIX в. населеніе выросло, и тѣснота обнаружилась, развившееся денежное хозяйство помѣшало наложенію новыхъ стѣсненій. Притомъ же было уже поздно: скоро пробилъ послѣдній часъ крѣпостной неволи.

VII.

Остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ вліяніи, какое оказала на формы землевладѣнія въ Россіи та реформа, которою начинается новѣйшая русская исторія,—освобожденіе крестьянъ, узаконенное Положеніемъ 19 февраля 1861 года. Крестьянская реформа, сама бывшая слѣдствіемъ и вмѣстѣ признакомъ перехода денежнаго хозяйства во вторую стадію его развитія, когда большая часть населенія втягивается въ торговый оборотъ, когда на ряду съ земледѣліемъ занимаетъ видное и самостоятельное положеніе обрабатывающая, въ особенности фабрично-заводская промышленность, повела вмѣстѣ съ тѣмъ къ скорѣйшему развитію денежно-хозяйственной системы. Эта система во второй стадіи своего развитія еще больше, чѣмъ въ первой, требуетъ освобожденія земли, свободнаго перехода ея изъ рукъ въ руки и возможности постояннаго и безпрепятственнаго обращенія недвижимости въ денежный капиталъ. Вотъ почему актомъ 19 февраля 1861 года нанесенъ былъ сильнѣйшій ударъ господствовавшему въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка принципу *сословной* поземельной собственности, согласно которому населенной землей могли владѣть только одни дворяне. *Полная безусловная и безусловная земельная собственность—вотъ важнѣйшее въ области формъ землевладѣнія приобритеніе новѣйшей Россіи.* Но какъ бы радикальна ни была реформа, она всегда носитъ на себѣ печать историческаго прошлаго, потому что прошлое не цѣликомъ исчезаетъ изъ жизни, а живетъ въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ остатковъ въ отсталыхъ мѣстностяхъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Поэтому и у насъ сохранилось въ сильной степени мірское землевладѣніе, этотъ историческій обломокъ крѣпостной эпохи. Нѣтъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ частяхъ страны оно соотвѣтствуетъ еще мѣстнымъ экономическимъ условіямъ и потому должно сохраниться еще долго.

Но проявляются уже довольно ясные признаки разложения крестьянского мирского землевладѣнія на большей части территории, имѣ охватываемой, и притомъ, какъ сейчасъ будетъ разъяснено, эти признаки сказываются даже въ фактахъ, толкуемыхъ нѣкоторыми изслѣдователями въ смыслѣ, благопріятномъ для земельной общины. Извѣстно, что изданъ законъ объ уничтоженіи круговой поруки въ уплатѣ податей: этимъ прекращается существованіе одного изъ важнѣйшихъ обломковъ крѣпостного строя, и вмѣстѣ уничтожается одна изъ опоръ общиннаго землевладѣнія. Извѣстенъ далѣе и даже отмѣченъ отчасти въ литературѣ ¹⁾ начинающійся въ крестьянской массѣ процессъ дифференціаціи, — выдѣленіе трехъ слоевъ крестьянства 1) высшаго, болѣе богатаго; 2) среднего по достатку, и 3) деревенскаго пролетаріата. Послѣдній, не имѣя права продать общинную землю, замѣняетъ эту продажу сдачей своихъ надѣловъ въ долгосрочную аренду за ничтожную плату богатымъ крестьянамъ, а самъ направляется на фабрику, въ городъ или въ помѣщичью экономію для работы по найму; что касается среднего крестьянскаго слоя, то онъ ищетъ спасенія въ переселеніи. Такъ, на дѣлѣ масса мирской земли мѣстами сосредоточивается въ рукахъ богатаго крестьянства, и община такимъ образомъ колеблется. Но едва ли не еще болѣе грознымъ признакомъ будущаго паденія крестьянскаго мирского землевладѣнія является, съ нашей точки зрѣнія, замѣчающійся въ послѣднее время процессъ технического улучшенія крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, считаемый — по нашему мнѣнію, ошибочно — нѣкоторыми изслѣдователями ²⁾ признакомъ растяжимости, эластичности, живучести земельной общины. Несомнѣнно, что въ центральныхъ губерніяхъ многіе крестьяне, оставаясь при формѣ мирского землевладѣнія съ передѣлами и черезполосицей, заводятъ плодосмѣну ³⁾. *Но не надо упускать изъ виду, что это плодосмѣнъ первоначальный, не интенсивный, не многопольный, а лишь трехпольный. И многопольный плодосмѣнъ не можетъ даже и существовать при мирскомъ землевладѣніи, потому что каждую полосу въ каждомъ кону пришлось бы въ такомъ случаѣ разбить на такіа карликовыя поля, на которыхъ негдѣ было бы даже и повернуться. Очевидно, при переходѣ къ настоящему многополью, неизбѣжномъ въ болѣе или менѣе*

¹⁾ См. напр., *Гурвичъ*. „Экономическое положеніе русской деревни“.

²⁾ См. напр. статью *П. Б. Струве* о книгѣ г. Бажаева въ „Научномъ Обзорѣніи“ за 1901 г., ноябрь.

³⁾ *Бажаевъ*, „Крестьянское травопольное хозяйство“.

отдаленномъ будущемъ, разъ заведенъ плодосмѣнъ,—должны существеннымъ образомъ измѣниться и порядки мірскаго землевладѣнія, тѣ его особенности, которыя его отличаютъ отъ другихъ формъ владѣнія землей.

Мы должны теперь вкратцѣ разсмотрѣть тѣ важныя заключенія, къ которымъ приводить предшествующее изложеніе.

Основнымъ элементомъ всего хозяйственнаго развитія новой, какъ и древней, Россіи оставался *ростъ населенія*. Непосредственными проявленіями этого роста населенія были постепенное *распространеніе земледѣлія* на всю почти территорію страны и зарожденіе и медленное *развитіе денежнаго хозяйства*, рассчитаннаго притомъ на болѣе или менѣе обширный рынокъ. Подъ вліяніемъ господства земледѣлія и развитія денежнаго хозяйства обнаружались два параллельныхъ ряда послѣдствій въ области формъ землевладѣнія и организаціи народнаго труда. Первый рядъ состоитъ въ *смѣнѣ несвободныхъ формъ земельнаго владѣнія*—служилаго помѣстья и монастырской вотчины—*полусвободными*, дворянскою недвижимою собственностью и государственнымъ землевладѣніемъ. Второй рядъ послѣдствій основныхъ хозяйственныхъ явленій времени съ половины XIX вѣка слагается, во-первыхъ, изъ *крѣпостнаго права на крестьянъ*, усвоившаго при этомъ характеръ личной, а не поземельной крѣпости; во-вторыхъ, изъ *мірскаго общиннаго или уравнительно-душевого крестьянскаго землепользованія*. Наконецъ, съ половины XIX вѣка денежное хозяйство въ Россіи вступило во вторую стадію своего развитія, что повело, съ одной стороны, къ паденію *крѣпостнаго права*, съ другой, къ *торжеству свободной, безсословной земельной собственности и началу разложенія мірскаго землевладѣнія*. Такова въ самомъ сжатомъ изложеніи основная схема нашей статьи.

Сопоставляя эту схему съ процессомъ развитія народнаго хозяйства и формъ землевладѣнія въ западноевропейскихъ странахъ при зарожденіи и первоначальномъ развитіи тамъ денежнаго хозяйства, мы неоднократно убѣждались въ томъ, что въ изучаемый періодъ между востокомъ и западомъ Европы наблюдается гораздо большее различіе, чѣмъ то было въ періодъ господства натуральнаго хозяйства. Причины этого различія заключаются, во-первыхъ, въ непомѣрной обширности восточно-европейской равнины—обширности, позволившей крестьянству отхлынуть на окраины въ критическую эпоху борьбы боярства съ государемъ, что повело къ ослабленію боярства и къ крѣпостной организаціи служилаго землевладѣнія, въ противоположность западному феодальному владѣнію; во-вторыхъ, въ

сравнительномъ удобствѣ въ Россіи путей сообщенія—многочисленныхъ судоходныхъ рѣкъ и, главное, долго держащагося саннаго пути,—создавшихъ возможность производства на болѣе или менѣе обширный рынокъ, вслѣдствіе чего и необходимо было прикрѣпленіе крестьянъ къ личности землевладѣльца и образованіе мірскаго землепользованія. Теперь ясно, въ чемъ состоятъ необходимыя поправки въ теоріи М. М. Ковалевскаго о перво-степенномъ значеніи роста населенія въ процессѣ экономическаго развитія той или другой страны: не отрицая этого перво-степеннаго значенія роста населенія, мы думаемъ однако, что многія важныя особенности хозяйственнаго развитія отдѣльныхъ странъ необъяснимы безъ вниманія къ нѣкоторымъ условіямъ природы той или другой страны. Важными съ указанной точки зрѣнія условіями внѣшней природы являются не почвенныя особенности той или другой области, а рельефъ страны, ея орошеніе, климатъ, обуславливающий степень продолжительности снѣгового покрова, и степень обширности территоріи. Мы согласны, что эти естественные факторы сами по себѣ не въ силахъ ничего создать, что они только отклоняютъ въ ту или другую сторону результатъ дѣйствія другихъ факторовъ, роста населенія и хозяйственныхъ явленій, съ нимъ непосредственно связанныхъ, что росту населенія и хозяйственнымъ явленіямъ принадлежитъ именно *дѣятельная, творческая* роль въ историческомъ процессѣ; но игнорировать вліяніе внѣшней природы все-таки нельзя.

Психологія характера и соціологія.

СТАТІЯ ПЕРВАЯ.

Психологическая школа въ соціологiи.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ Бокль въ своей знаменитой «Исторiи цивилизаціи въ Англіи» отмѣтилъ поразившее его противорѣчіе между количествомъ труда, затраченнаго на изученіе исторiи, и результатами этого труда: ни одна наука не имѣетъ такой обширной литературы, какъ исторiя, и между тѣмъ эта послѣдняя чуть ли не самая отсталая изъ всѣхъ наукъ, по мнѣнію Бокля. За то время, которое протекло съ появленія книги Бокля, историческая литература, конечно, еще болѣе возрасла количественно; спрашивается: соотвѣтствовало ли этому ея качественное улучшение, какъ далеко ушла исторiя по желанному пути приближенія къ идеалу точной науки и въ какомъ направленiи пойдетъ дальше? Употребляя старое слово «исторiя», Бокль имѣетъ въ виду собственно не одну только эту, выражаясь въ терминахъ Спенсера, конкретную науку о прошлой жизни человѣческихъ обществъ, но также и абстрактную науку объ обществѣ, вообще, то, что Контомъ названо соціологiей. Поэтому для разрѣшенія вопроса о современныхъ направленiяхъ въ исторiи и ихъ вѣроятной будущности важны не столько спеціальныя приобрѣтенія исторической науки, сколько тѣ соціологические выводы, къ которымъ она теперь приводитъ, и тѣ соціологические принципы, которые принимаются въ основу историческихъ изслѣдованiй; а эти выводы и принципы стоятъ въ свою очередь въ тѣсной связи со спеціальной соціологической литературой, обойти которую такимъ образомъ совершенно невозможно. Тео-

ретическая важность соціологическихъ основъ исторіи усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ неизбежно вліяютъ и на жизнь и на практическую дѣятельность; понятіе о томъ, подѣ какими основными вліяніями слагается жизнь человѣчества, неизбежно отражается на выработкѣ общественныхъ идеаловъ и выборѣ средствъ, какими эти идеалы могутъ быть осуществлены въ дѣйствительности.

Какъ понимается теперь *предметъ* историческаго изученія, иначе, что собственно изучаетъ исторія? Вотъ основной вопросъ, и надо сознаться, что онѣ не всегда и не всѣми разрѣшается одинаково. Пожалуй, всѣ еще согласятся, что исторія изучаетъ «общественныя явленія», но при разясненіи смысла и содержанія этого понятія начинаются уже разногласія. Въ трудахъ г. Карѣва, Лакомба, даже Лампрехта понятіе «общественное явленіе» двѣтся и расширяется далеко за предѣлы своего естественнаго смысла. Проф. Карѣвъ въ своемъ сочиненіи «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи» признаетъ два разряда явленій, подлежащихъ историческому изученію, явленія прагматическія (дѣянія лицъ) и явленія культурныя. Подобное же различіе подмѣчаетъ Лакомбъ («Объ исторіи какъ наукѣ»), говорящій о «событіяхъ» (événements) и «учрежденіяхъ» (institutions) и, наконецъ, Лампрехтъ, по мнѣнію котораго слѣдуетъ также строго различать два ряда изучаемыхъ исторіей фактовъ: одинъ рядъ входитъ въ понятіе «исторія лицъ» (Personengeschichte), другой составляетъ содержаніе «исторія состояній» (Geschichte der Zustände). Нельзя не признать, что это отдѣленіе прагматической исторіи отъ культурной способно внести только путаницу въ умы, нисколько не разясняя дѣла. Отдѣльное событіе, взятое внѣ связи съ другими, ему подобными, тѣмъ болѣе поступокъ лица, не можетъ быть предметомъ историческаго изученія: событіе тогда только приобретаетъ интересъ для историка, когда сближается съ другими звеньями цѣпи, въ составъ которой входитъ; другими словами: исторія есть всегда наука о «культурныхъ явленіяхъ», «учрежденіяхъ», «состояніяхъ», а вовсе не объ отрывочныхъ событіяхъ или личныхъ поступкахъ; такъ называемая «исторія лицъ» интересна для психолога и біографа, но для историка имѣетъ смыслъ только въ мѣру своей связи съ «исторіей состояній»; отдѣльныя событія имѣютъ научное историческое значеніе лишь постольку, поскольку они служатъ проявленіемъ извѣстнаго историческаго процесса. Мысль отдѣлить прагматическія явленія отъ культурныхъ не что иное, какъ простой осадокъ юношескихъ впечатлѣній отъ преподаванія исторіи въ средней

школъ: вмѣсто исторіи тамъ сплошь и рядомъ даютъ груду разрозненныхъ событій; они безпорядочно укладываются въ свѣжей памяти, а затѣмъ, когда спеціалистъ-историкъ или просто образованный человѣкъ займется дѣйствительной исторической наукой, даже у него не можетъ изгладиться изъ памяти та мнимая противоположность между прагматическимъ и культурнымъ фактомъ, которая искусственно создана была системой или, вѣрнѣе, безсистемностью гимназическаго обученія. Немыслимость такой противоположности всего проще можно обнаружить слѣдующимъ образомъ: возьмемъ какое-нибудь историческое культурное явленіе, напримѣръ, древнерусскую Боярскую Думу; для историка Дума интересна съ точки зрѣнія того, каковы были въ разные времена ея составъ и вѣдомство, ея вліяніе на ходъ правительственныхъ дѣлъ, какимъ воздѣйствіямъ со стороны общественной среды подвергалось это учрежденіе и т. п.; чтобы изучить все это, историкъ наблюдаетъ множество отдѣльныхъ прагматическихъ фактовъ и ставитъ ихъ въ связь; только черезъ посредство этихъ послѣднихъ можно изучить и самый интересующій историка культурный фактъ, самое учрежденіе; уничтожьте прагматическіе факты, не будетъ и культурнаго. Почему? Очевидно, потому, что одни отъ другого неотдѣлимы. Совершенно правильной, такимъ образомъ, является точка зрѣнія Бурдо («Исторія и историки»), по мнѣнію котораго научному изученію подлежатъ не «событія», а, какъ онъ выражается, «функціи» (*fonctions*), т.-е., по терминологіи г. Карѣва, явленія культурныя, а не прагматическія. И справедливость требуетъ признать, что на практикѣ, въ своей ученой работѣ историки въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ слѣдуютъ этой вполнѣ правильной точкѣ зрѣнія. Давно миновали времена простого историческаго разсказа, и въ этомъ немадоважный научный успѣхъ.

Итакъ, предметъ исторіи — историческій процессъ, связанная цѣль фактовъ. Но на чемъ же основывается эта связь? Въ теченіи очень долгаго времени краеугольнымъ камнемъ исторической философіи и науки служила исключительно *причинная* связь явленій. Понятіе о причинѣ, съ метафизической точки зрѣнія, представляетъ, какъ извѣстно, непреодолимые трудности: одно явленіе можетъ производиться другимъ только въ томъ случаѣ, если это послѣднее уже заключаетъ въ себѣ первое, т.-е. тождественно съ нимъ по природѣ; такимъ образомъ, съ метафизической точки зрѣнія, причина и слѣдствіе какъ бы сливаются, представляютъ неразличимое цѣлое, а это ведетъ къ смутности и спутанности мысли. Съ положительной точки зрѣнія, которая хорошо выяснена Миллемъ въ его «Системѣ ло-

тики», причинность сводится только къ неизбѣжной и необходимой послѣдовательности двухъ явленій. Становясь на эту почву, изслѣдователи выдвигали въ качествѣ основной причины тотъ или другой элементъ общежитія, и имъ помогли въ этомъ социологи и отчасти естествоиспытатели. Чистая теорія причинности въ примѣненіи къ исторіи выразилась въ двухъ направленіяхъ: одно можно назвать историко-географическимъ, другое—индивидуалистическимъ. Общественное вліяніе внѣшней природы было указано еще въ XVII вѣкѣ Боденомъ, говорившимъ о воздѣйствіи климата на общественную жизнь человѣчества. Но съ особенной силой принялись настаивать на этомъ вліяніи уже въ истекающемъ столѣтіи, съ развитіемъ физической географіи въ трудахъ Риттера и Гумбольдта. Эти изслѣдователи положили начало такъ называемой антропогеографіи, т.-е. изученію вліянія природы на человѣка. Какъ и всякая новая идея, эта теорія пріобрѣла себѣ горячихъ приверженцевъ, слишкомъ преувеличившихъ ея значеніе: всю исторію человѣчества и отдѣльныхъ народовъ стали разсматривать, какъ результатъ дѣйствія одного только естественнаго фактора, одной внѣшней природы. «Дайте мнѣ карту страны, ея очертанія, ея воды, ея вѣтры и всю ея физическую географію, дайте мнѣ ея естественныя произведенія, ея флору, ея геологію и проч., и я берусь сказать вамъ а ргіогі, каковъ будетъ человѣкъ въ этой странѣ, и какова роль ея въ исторіи». Въ этихъ словахъ Кузена какъ нельзя ярче выражены всѣ преувеличенія разсматриваемой теоріи. И русская ученая литература не осталась чужда вліянію такого взгляда: еще недавно Левъ Мечниковъ («Цивилизація и великія историческія рѣки») объяснялъ происхожденіе всѣхъ древнихъ цивилизацій вліяніемъ рѣкъ — Нила въ Египтѣ, Тигра и Евфрата въ Ассиріи и Вавилоніи, Инда и Ганга въ Индіи и пр., а Соловьевъ открылъ свой извѣстный трудъ объ исторіи Россіи главой о «природѣ русской государственной области и ея вліяніи на исторію». При желаніи, можно легко увеличить число подобныхъ примѣровъ.

Однако въ настоящее время едва ли найдется кто-либо, кто сталъ бы всю исторію строить на основѣ одного только естественнаго фактора. И въ самомъ дѣлѣ: самое большее, что даетъ природа, это такія естественныя условія, которыя дѣлаютъ болѣе легкимъ то, а не другое направленіе общественнаго развитія: она не обуславливаетъ *съ необходимостью* этого направленія, а только создаетъ извѣстную *возможность*, осуществленіе которой въ дѣйствительности зависитъ отъ другихъ условій. Ограничимся однимъ примѣромъ: Соловьевъ справедливо указалъ, что

однообразіе и равнинность Восточной Европы дѣлали возможнымъ и весьма вѣроятнымъ соединеніе ея въ одинъ государственный организмъ; но можно ли считать эти условія единственными факторами, создавшими политическое тѣло Россіи? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ напрашивается самъ собою, если припомнить, какой длинный процессъ объединительной работы совершился въ исторіи нашего отечества. Если бы внѣшняя природа страны была единственнымъ необходимымъ условіемъ ея политической цѣльности, наша равнина всегда представляла бы изъ себя единое государство: мы между тѣмъ знаемъ, что, не говоря о временахъ болѣе раннихъ, еще въ прошломъ вѣкѣ на этой равнинѣ существовали другіе политическіе организмы: Польша, Крымъ, Курляндія, Финляндія.

Къ тому же, для правильнаго пониманія значенія естественнаго фактора надо замѣтить, что его сила, напряженность его дѣйствія уменьшается съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличенія господства человѣка надъ природой. Въ XVIII вѣкѣ вѣрили въ зависимость формы правленія отъ пространства страны, такой взглядъ встрѣчаемъ, напримѣръ, у Монтескье. Это однако же простое отраженіе недостаточности техническихъ успѣховъ въ прошломъ столѣтіи. Мы, обладающіе желѣзными дорогами, пароходствомъ, телеграфомъ и телефономъ, знаемъ, что теперь почти нѣтъ пространства. Даже въ такой, казалось бы, близко соприкасающейся съ природой области, какъ хозяйственный бытъ, замѣчается то же постепенное ослабленіе естественнаго вліянія: Германія XVIII вѣка совершенно не походила въ промышленномъ отношеніи на современную ей Англію; въ наши дни первая, несмотря на всѣ свои природныя отличія отъ второй, является почти такой же представительницей крупнаго фабричнаго хозяйства.

Такимъ образомъ, причинное воздѣйствіе природы на общественную жизнь имѣетъ второстепенное значеніе и съ теченіемъ времени постепенно ослабѣваетъ.

Сущность индивидуалистическаго направленія въ объясненіи исторической причинности заключается въ признаніи высокой роли личности въ исторіи. Это—старое явленіе. Личность ставилась на первый планъ, болѣе того—заполняла всю историческую картину съ тѣхъ поръ, какъ явилось историческое повѣствованіе, даже гораздо раньше—въ то время, какъ зарождались въ глубинѣ народнаго сознанія и народной фантазіи сказаніе, былина, сага. И это ученіе часто и теперь даже не теряетъ первобытной, наивной формы. Исторію человѣчества все еще очень часто превращаютъ въ исторію государей и великихъ лю-

дей: эти «великаны», по выражению Карлейля, давшего наиболѣе яркій образецъ увлеченія крайнимъ индивидуализмомъ, какъ будто творять все въ исторіи, нисколько не зависятъ отъ окружающихъ условій и вовсе не являются типическими выразителями потребностей времени, а напротивъ, сами создаютъ эти потребности. Приведемъ два-три примѣра: Устряловъ въ своей «Исторіи Петра Великаго» склоненъ былъ объяснять всѣ реформы начала прошлаго столѣтія только геніемъ преобразователя и вырылъ этимъ пропасть между Русью древней и новой Россіей; въ наши дни г. Шильдеръ, авторъ двухъ работъ объ императорѣ Александрѣ I, очень интересныхъ и живыхъ, благодаря богатому матеріалу, которымъ онъ пользовался, склоненъ до крайности преувеличивать личное вліяніе Александра I на ходъ современныхъ ему историческихъ событій. Между тѣмъ достаточно извѣстно—и разскажъ г. Шильдера въ тѣхъ частяхъ, гдѣ передаются факты, только подтверждаетъ это,—что, напримѣръ, во внѣшней политикѣ результаты опредѣлялись все время не личными планами императора и его совѣтниковъ, а традиціонными задачами русской внѣшней политики—стремленіемъ къ національному объединенію и къ расширенію территории до естественныхъ предѣловъ равнины,—а также и условіями обще-европейскими, особенно въ концѣ царствованія, когда европейская реакція сдѣлала Александра своимъ послушнымъ орудіемъ. Последнимъ убѣжищемъ теоріи о важности исторической роли личности является извѣстное уже намъ дѣленіе историческихъ явленій на прагматическія и культурныя: въ первыхъ личность играетъ будто бы важную роль, во-вторыхъ, этого нѣтъ; но мы уже видѣли, что самое отдѣленіе прагматическихъ явленій отъ культурныхъ не выдерживаетъ критики. Нѣтъ сомнѣнія, что признаніе всеопредѣляющей и даже просто важной роли личности въ исторіи,—личности, отдѣльно взятой, героя, — ведетъ къ безнадежному выводу о невозможности исторіи, какъ точной до извѣстной хотя бы степени науки, и къ совершенной немыслимости построенія социологіи: вѣдь появленіе на свѣтъ той или другой личности и ея дальнѣйшая судьба есть нѣчто такое случайное, что научно объяснить необходимость этого появленія невозможно, не впадая въ фатализмъ, а фатализмъ и случайность—двѣ крайности, которыя дѣлаютъ одинаково невозможной плодотворную научную работу. Нельзя не согласиться, что *историческій* результатъ дѣятельности личности, *взятой изолированно*, ничтоженъ и безъ вреда для дѣла можетъ не идти въ счетъ.

Такой взглядъ на незначительность личнаго вліянія суще-

ствуешь не со вчерашняго дня, онъ возникъ или, по крайней мѣрѣ, сталъ замѣтнымъ послѣ французской революціи. Подъ вліяніемъ неудачъ, понесенныхъ на практикѣ демократической и либеральной политической идеологіей прошлаго вѣка, разочаровались въ возможности перестроить общество по шаблону, составляющему продуктъ головной работы философа-утописта, убѣдились, что историческое прошлое создаетъ ту среду, въ которой преломляются личныя стремленія и выходятъ на историческую арену въ новомъ, неузнаваемомъ видѣ, томъ именно, который соответствуетъ потребностямъ данного историческаго момента и кореннымъ устоямъ жизни известнаго народа. Это ведетъ къ теоріи безличнаго развитія, самопроизвольной эволюціи общественныхъ явленій: личность—даже самая гениальная—даетъ только толчекъ, создаетъ механическое движеніе, направленіе и смыслъ котораго зависитъ не отъ ея воли, а опредѣляются историческими условіями прошедшаго и вытекающими изъ нихъ потребностями настоящаго момента. Эта эволюціонная теорія въ примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ нашла себѣ прежде всего выраженіе въ ученіи такъ называемой исторической школы юристовъ, основателемъ которой былъ Савиньи; по мнѣнію Савиньи и его послѣдователей, право творится не личностью, а «народнымъ духомъ», подъ которымъ они разумѣли всю совокупность историческихъ явленій въ жизни народа. Другими словами, развитіе права есть самопроизвольная эволюція традиціи. На помощь этому ученію скоро пришли двѣ вліятельнѣйшія доктрины нашего вѣка — гегеліанство и дарвинизмъ. Эволюціонный принципъ одинаково свойственъ и тому, и другому: онъ выражается и въ ученіи Гегеля объ исторіи, какъ процессъ постепеннаго приведенія абсолютнаго духа къ самопознанію, и въ теоріи Дарвина о борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ какъ основахъ органической эволюціи. Впрочемъ совершенно независимо отъ этихъ двухъ доктринъ эволюціонный принципъ въ общественныхъ науки былъ проведенъ основателемъ позитивизма Контомъ: послѣдній употребляетъ и самый терминъ «самопроизвольное развитіе» (*évolution spontanée*), а его теорія процесса, проходящаго три стадіи: теологическую, метафизическую и положительную — есть чистый типъ эволюціонной формы.

Такимъ образомъ, эволюціонный принципъ проникъ въ общественныя науки и въ частности въ исторію подъ вліяніемъ новыхъ идей и теченій въ области философской мысли, въ наукѣ права и въ естествознаніи. И въ самомъ дѣлѣ: если, наблюдая за жизнью растенія и животнаго, мы замѣчаемъ, что она про-

ходить известный рядъ фазисовъ въ неизбежной и необходимой послѣдовательности, что, напримѣръ, плоды не могутъ явиться раньше листьевъ, то какое же право имѣемъ мы отрицать, что общественныя явленія также въ значительной мѣрѣ развиваются въ силу присущихъ имъ внутреннихъ свойствъ? Понятно поэтому, что эволюціонное начало приобрѣло себѣ права гражданства въ социологіи. Даже болѣе того: до сихъ поръ появляются книги, отрицающія всякую причинность въ явленіяхъ общественной жизни, и принимающія только одну эволюціонную связь; такова, напримѣръ, упомянутая выше книга Бурдо «Исторія и историки»; по мнѣнію автора ея, задача науки исчерпывается опредѣленіемъ необходимаго порядка фазисовъ, который прошли и должны пройти въ своемъ развитіи учрежденія, искусства, науки и пр. Но самымъ яркимъ примѣромъ чисто-эволюціонной социологической теоріи можетъ служить такъ называемая органическая школа въ социологіи. Ея основатель и наиболѣе талантливый представитель—Спенсеръ. Исходя изъ положенія, что общество есть организмъ, Спенсеръ вполне и послѣдовательно прилагаетъ къ явленіямъ общежитія свою формулу эволюціоннаго процесса, составляющую основу всей его синтетической философіи и примѣненную имъ еще раньше къ явленіямъ біологическимъ: если общество—организмъ, то, значить, и законы его развитія не отличаются отъ законовъ развитія органической жизни: и здѣсь и тамъ мы одинаково должны встрѣтиться съ тѣмъ же переходомъ отъ простаго къ сложному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, однимъ словомъ, съ процессомъ дифференціалціи отдѣльныхъ частей на ряду съ интеграціей цѣлаго: общество становится стройнѣе и сплоченнѣе, солидарнѣе, сказали бы мы, если бы это слово не приняло нѣсколько иного значенія,—по мѣрѣ увеличенія различій между отдѣльными его членами, вслѣдствіе успѣховъ общественнаго раздѣленія труда. Аналогія съ біологическимъ организмомъ, очевидно, понадобилась Спенсеру именно для того, чтобы связать одной всеобъемлющей формулой всѣ науки, входящія въ составъ его философской системы. Нѣкоторые послѣдователи Спенсера пошли еще дальше учителя и занялись остроумной, но уже совершенно—безцѣльной игрой сравненій: въ общественномъ организмѣ стали отыскивать тѣ же части, какія свойственны организму животному: голову, руки, ноги и пр. Не такъ давно появившаяся книжка Вормса «Общественный организмъ» представляетъ образецъ подобнаго рода злоупотребленія аналогіями; впрочемъ Вормсъ и нѣкоторые другіе ему подобные социологи имѣютъ здѣсь и одного русскаго предшественника, Стронина, автора двухъ книгъ «Исторія и методъ» и «Политика какъ наука».

Органическая школа въ социологіи несомнѣнно содѣйствовала большому укрѣпленію эволюціоннаго принципа въ исторіи, но нельзя признать значительнымъ ея непосредственное вліяніе на историческую науку. Во всякомъ случаѣ историки совершенно правильно отвергли исключительное господство эволюціонной связи въ общественныхъ явленіяхъ и на ряду съ этой связью признали и существованіе зависимости причинной.

Если мы на нѣсколькихъ типическихъ примѣрахъ попробуемъ присмотрѣться къ техникѣ современной исторической работы, то легко замѣтимъ это постоянное стремленіе историковъ соединить причинную связь съ эволюціонной. Принимаясь за изученіе какого-либо историческаго вопроса, современный изслѣдователь старательно подбираетъ прежде всего извѣстные историческіе antecedentes изучаемаго явленія, тѣ факты въ прошломъ, которые содержатъ это послѣднее явленіе въ зародышѣ, сходны съ нимъ, представляютъ въ зачаточномъ состояніи тотъ процессъ, который яснѣе выразился въ послѣдствіи. Такъ проводится непрерывная нить между рядомъ эпохъ, устанавливается процессъ развитія, эволюціонная связь. На ряду съ этимъ обращаютъ вниманіе на сосѣдніе процессы, совершающіеся параллельно изучаемому; подъ ихъ вліяніемъ изучаемый процессъ можетъ отклониться въ ту или другую сторону: это будетъ уже причинная зависимость. Возьмемъ, на примѣръ, такой многими изслѣдуемый теперь вопросъ, какъ происхожденіе феодальныхъ отношеній въ средне-вѣковой Европѣ. Какіе приемы употребляютъ лучшіе современные историки для его разрѣшенія? Сущность феодализма въ *сословной* сферѣ заключается, какъ извѣстно, въ несвободномъ состояніи главной массы населенія—крестьянства: юридически вся *собственность* крестьянина («виллана») принадлежала сеньеру; на *личность* первого второй также имѣлъ право: на примѣръ регулировалъ брачные союзы между крестьянами и пр.; цѣлый рядъ повинностей и оброковъ лежалъ на крестьянахъ въ силу ихъ феодальнаго подчиненія сеньеру. Такъ было тогда, когда феодализмъ былъ уже въ развитомъ состояніи. Историки и стараются прослѣдить корни этого явленія или, точнѣе, комплекса явленій,—въ прошедшемъ, начиная съ ранняго средне-вѣковья или даже съ римской имперіи. Такъ, на примѣръ, авторитетный изслѣдователь феодализаціи въ Англіи, проф. Виноградовъ слѣдитъ за двумя параллельными процессами, совершавшимися въ Англіи сначала въ IX и X—XI вѣкахъ: первый процессъ—постепенное паденіе класса свободныхъ, второй—возвышеніе аристократіи; затѣмъ развитіе тѣхъ же явленій наблюдается въ XII в.: число свободныхъ все уменьшается, они лишаются земли, бѣд-

нѣють, подчиняются въ судебномъ отношеніи аристократіи, отдаются подъ патронатъ сильныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ; въ результатѣ получается внушительная и богатая фактами картина непрерывной эволюціи сословныхъ феодальныхъ отношеній. И какого бы направленія ни держался изслѣдователь въ рѣшеніи историческихъ проблемъ,—его методъ одинаковъ съ приемами его противниковъ. Между изслѣдователями, занимающимися исторіей феодализма, существуютъ два крайнихъ направленія,—одни возводятъ феодальный порядокъ почти во всѣхъ его частностяхъ къ германцамъ,—это такъ называемые «германисты»; другіе главное вліяніе приписываютъ римскому элементу: это «романисты». Несмотря на діаметральную противоположность взглядовъ, и тѣ и другіе одинаково стараются прослѣдить эволюціонную связь интересующихъ ихъ явленій съ германскимъ бытомъ или римскими учрежденіями. Вотъ, напримѣръ, какъ смотритъ на дѣло «романистъ», Фюстель-де-Куланжъ, изучая происхожденіе феодальнаго землевладѣнія: онъ изслѣдуетъ римскіе поземельные порядки и старается доказать, что они сохранились почти неизмѣнными и въ средніе вѣка, что *условная* поземельная собственность, обязанная службой и продолжающаяся только до смерти владѣльца, не имѣющаго правъ распоряженія землей, существовала еще во времена римской имперіи и вошла главнымъ элементомъ въ землевладѣльческое право феодальной эпохи. Техника работы та же, какую мы видѣли у проф. Виноградова, вовсе не принадлежащаго къ «романистамъ». Чтобы не утомлять вниманіе читателя, ограничимся еще однимъ только примѣромъ, относящимся къ очень недавнему времени: возьмемъ сочиненіе г. Милюкова «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка» и посмотримъ, какъ авторъ объясняетъ происхожденіе Петровскихъ губерній. Представляя себѣ губернію того времени военно-финансовой единицей, во главѣ которой поставлено лицо съ властью, соотвѣтствовавшей компетенціи стараго центрального московскаго приказа, авторъ находитъ ей историческій антецедентъ въ провинціальномъ «разрядѣ» XVII в.: «разряды» имѣли такую же территоріальную непрерывность, какъ и губерніи, и чтобы превратиться въ послѣднія, этимъ старымъ военнымъ округамъ необходимо было получить только финансовую компетенцію и мѣстный органъ съ значеніемъ стараго приказа; первое, по наблюденіямъ г. Милюкова, осуществилось въ значительной мѣрѣ уже въ XVII вѣкѣ: уже тогда финансовая компетенція была въ рукахъ начальниковъ мѣстныхъ разрядовъ, поскольку это необходимо было для содержанія войска; во время военныхъ дѣйствій финансовыя полномочія разряднаго воеводы

расширялись еще болѣе, а въ нѣкоторыхъ разрядахъ воеводы всегда обладали обширной финансовой компетенціей. Съ другой стороны, готовилось и перенесеніе центральныхъ учреждений (приказовъ) въ провинцію: въ нѣсколькихъ главныхъ городахъ приказныя избы были переименованы въ приказныя палаты, что, по мнѣнію г. Милюкова, готовило эти города къ роли губернскихъ центровъ; кромѣ того къ концу XVII в. начальники многихъ приказовъ сдѣлались самостоятельными областными начальниками, путемъ приписки къ подвѣдомственнымъ имъ приказамъ финансовыхъ округовъ. Таковъ эволюціонный процессъ, способствовавшій появленію Петровскихъ губерній. Г. Милюковъ указываетъ кромѣ того и тѣ причины, благодаря которымъ совершилось окончательное превращеніе разрядовъ въ губерніи: причины эти—военныя событія начала XVIII вѣка, необходимость созданія флота и нашествіе Карла XII. Итакъ, по мнѣнію г. Милюкова, первыя русскія губерніи явились результатомъ взаимодействія двухъ силъ: естественнаго роста военныхъ округовъ второй половины XVII вѣка—провинциальныхъ разрядовъ и великой сѣверной войны.

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы уяснить технику современной исторической работы. Они важны еще въ одномъ отношеніи: изъ нихъ видно, какими эволюціонными процессами по преимуществу заняты современные историки. Наблюдая пеструю массу историческихъ фактовъ и разбираясь въ ней, можно классифицировать факты, распредѣлить ихъ на нѣсколько большихъ группъ; мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что такихъ группъ теперь считается пять: естественные факты или явленія внѣшней природы составляютъ одну группу, экономическія явленія—другую, третья заключаетъ въ себѣ факты социальныя, четвертая—политическія, наконецъ, къ пятой принадлежатъ психологическія явленія. Разсмотрѣнные нами только что типическія примѣры убѣждаютъ насъ, что современная исторія изучаетъ по преимуществу, если не исключительно, явленія экономического, социального и политическаго порядковъ. При желаніи, это можно бы подтвердить и рядомъ другихъ фактовъ и наблюденій.

Историки обыкновенно стремятся установить *взаимодѣйствіе* разныхъ группъ изучаемыхъ ими явленій, не выдвигая ни одной группы какъ основной,—по крайней мѣрѣ большинство въ теоріи не отдаетъ преимущества какой бы то ни было изъ нихъ, хотя на практикѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣло сводится всегда къ преобладанію одного какого-нибудь порядка явленій. Человѣческій умъ неудержимо стремится къ обобщенію, къ сведенію всего

на одно начало, и потому понятно, что, на ряду съ подобными опытами въ области отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ, появляются и общія теоретическія ученія, имѣющія цѣлью обосновать историческій монизмъ, объяснить всю исторію изъ одного принципа, указать между отдѣльными эволюціонными историческими процессами одинъ основной, сильнѣе всѣхъ и даже исключительно воздѣйствующій причинно на всѣ остальные процессы. Наиболѣе популярнымъ изъ такихъ ученій является такъ называемый экономическій или діалектический матеріализмъ иначе—марксизмъ. Экономическій матеріализмъ, основанный Марксомъ, находится въ періодъ развитія, не представляетъ еще пока цѣльной и законченной системы; поэтому между его приверженцами существуютъ немаловажныя разногласія: по мысли Маркса и Энгельса, основной причинный элементъ историческаго процесса есть экономическій бытъ, именно организація производства; большинство марксистовъ принимаютъ эту мысль, признавая производственные отношенія за главную опредѣляющую историческую силу во всѣ эпохи; такое воззрѣніе можно встрѣтить, напримѣръ, у Каутскаго, Штаммлера, изъ русскихъ—у гг. Струве и Бельтова. Нѣтъ сомнѣнія, что марксизмъ долженъ еще развиваться въ будущемъ, и что практическіе результаты этого ученія для исторической науки не исчерпываются указаніемъ на исключительную важность экономическихъ явленій въ историческомъ процессѣ: у марксизма есть одна еще сторона, подкрѣпляющая свѣжую струю въ пониманіи *психологическаго* процесса, происходящаго въ исторіи: исторически важной марксисты признаютъ не психологію отдѣльнаго лица, равно какъ и не психологію «человѣка вообще», а психологію соціальной группы, члены которой связаны между собою одинаковыми хозяйственными интересами. На такую же необходимость изученія соціальныхъ группъ, хотя впрочемъ покоящихся не на экономическомъ базисѣ, еще раньше указалъ Гумпловичъ («Основанія соціологіи» и др. соч.).

Эти психологическіе выводы Гумпловича и экономическихъ матеріалистовъ приводятъ насъ къ наблюденіямъ надъ другимъ важнымъ теченіемъ въ сторону историческаго и соціологическаго монизма: существуетъ цѣлый рядъ соціологовъ и историковъ, признающихъ главнымъ причиннымъ элементомъ въ жизни общества психологическій процессъ; они высказываютъ ту мысль, что исторія есть въ сущности психологическая задача, какъ физика—задача механическая. Этотъ взглядъ прямо и рѣшительно выраженъ Тэномъ въ предисловіи къ его «Исторіи англійской литературы»; недавно у Тэна въ этомъ вопросѣ оказался цѣлый рядъ послѣдователей: Лакомбъ («Объ исторіи какъ наукѣ»), Уордъ («Динамическая соціологія», «Психическіе факторы цивилизаціи»),

Лебонъ («Психологическіе законы и эволюція народовъ»), Гиддингсъ («Основанія соціологій»), Лампрехтъ («Старое и новое направле- ніе въ исторіи»), Вейзенгрюнъ. Лакомбъ и Уордъ выдвигаютъ въ пользу защищаемаго ими воззрѣнія аргументъ, заслужи- вающій того, чтобы быть отмѣченнымъ: они ссылаются на поло- женіе соціологій въ іерархіи абстрактныхъ наукъ, установленной Контомъ и Миллемъ. Извѣстно, что Конту принадлежитъ плодо- творнѣйшая классификація наукъ, одно изъ величайшихъ фило- софскихъ пріобрѣтеній XIX вѣка; въ основу ея положены прин- ципы убывающей общности изучаемыхъ явленій и возрастающей ихъ сложности: самыя общія и самыя простыя явленія,—именно явленія движенія,—изучаются въ астрономіи; эту науку Контъ и поставилъ первой въ своей классификаціи; соціологія, какъ наука о наименѣе общихъ и наиболѣе сложныхъ явленіяхъ, зани- маетъ послѣднее мѣсто въ іерархіи наукъ; въ промежуткѣ между астрономіей и соціологіей Контъ поставилъ физику, химію и фи- зіологію. Въ этой системѣ не нашла себѣ мѣста психологія, по- тому что основатель положительной философіи сливалъ эту науку съ фізіологіей. Въ настоящее время никто, не исключая и сто- ронниковъ экспериментальной психологій, не отрицаетъ права науки о духѣ на самостоятельное положеніе. Это право нашло себѣ блестящаго защитника въ лицѣ Джона-Стюарта Милля, который и внесъ въ классификацію Конта единственную поправку, въ какой она нуждалась: между фізіологіей и соціологіей поста- вилъ психологію. Изложенная классификація наукъ занимаетъ центральное мѣсто въ философской системѣ позитивизма, Контъ дѣлаетъ изъ нея цѣлый рядъ важныхъ выводовъ, изъ которыхъ для насъ важнѣе всего теперь одинъ: согласно принципу, на которомъ построена классификація, явленія, изучаемыя каждой наукой, слагаются изъ совокупнаго дѣйствія явленій, рассматри- ваемыхъ всѣми науками, предшествующими ей іерархически, при чемъ наибольшій матеріалъ для разьясненія возникающихъ вопросовъ даютъ выводы *ближайшей* высшей науки. Такимъ об- разомъ, соціологическія явленія должны объясняться суммой всѣхъ другихъ фактовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію, но главнымъ образомъ тутъ имѣютъ значеніе явленія психологи- ческія, такъ какъ психологія—наука, занимающая ближайшее высшее мѣсто въ классификаціи. На эти соображенія и опираются Лакомбъ и Уордъ, когда говорятъ объ исключительной важности психологическаго элемента въ исторіи.

Перечисленные выше изслѣдователи и нѣкоторые другіе, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, пытаются построить психологію ис-

торического процесса, при чемъ можно различить два главныхъ типа такихъ построений: одни остаются на чисто-отвлеченной точкѣ зрѣнія, въ основу своей теоріи полагаютъ идею «человѣка вообще», абстрактнаго, типическаго человѣка, другіе, не отрицая вліянія общечеловѣческихъ духовныхъ свойствъ на процессъ развитія общественныхъ явленій, выдвигаютъ на первый планъ психическія различія между людьми. Необходимо познакомиться ближе и обстоятельнѣе съ взглядами важнѣйшихъ представителей того и другого направленія.

При построении отвлеченной, общечеловѣческой психологіи историческаго процесса, основной подлежащій изученію вопросъ заключается въ томъ, въ какихъ именно психическихъ силахъ надо искать двигателей явленій общезитія? Характерно, что рѣдко такимъ двигателемъ считаютъ непосредственно волю: такъ Лебонъ («Психологическіе законы и эволюція народовъ»), повидимому, считаетъ главной чертой народнаго духа, опредѣляющей, по его теоріи, національныя учрежденія и нравы, — народную волю, степень энергіи извѣстной націи: чѣмъ выше народъ, тѣмъ онъ энергичнѣе, выдержаннѣе. Нетрудно однако замѣтить, что анализъ Лебона слишкомъ элементаренъ: энергія, воля, даже отдѣльное дѣйствіе есть послѣднее звено въ цѣпи психологическихъ причинъ и слѣдствій, такъ что всякое психологическое изслѣдованіе должно идти дальше и глубже, къ элементамъ дѣйствія, къ источникамъ, отъ которыхъ зависятъ волевые акты. Это же замѣчаніе приходится сдѣлать и по поводу теоріи Гиддингса, который также волевымъ процессамъ приписываетъ первостепенную общественную важность; психологическія основы общества, съ точки зрѣнія Гиддингса, — пониманіе, симпатія и интересъ, являющіеся результатомъ «сознанія рода», т.-е. признанія другихъ существъ принадлежащими къ одному съ нами роду; съ развитіемъ сознанія рода, общественная дѣятельность, вначалѣ безсвязная, становится связнѣе и обдуманнѣе. И у Лебона и у Гиддингса психологическій элементъ въ исторіи понимается вообще довольно узко и односторонне: въ смыслѣ *сознательнаго волевого* акта. Односторонность и ошибочность такой точки зрѣнія хорошо понята нѣсколькими талантливыми изслѣдователями, какъ Фуллье, Киддъ, Уордъ, Тардъ. Первымъ очень хорошо выяснена та вѣрная мысль, что всякая идея, разъ она сдѣлается достояніемъ человѣческаго ума, есть непремѣнно сила; идея всегда одина съ дѣйствіемъ и неотдѣлима отъ него; въ самомъ дѣлѣ: сущность мыслительнаго акта заключается въ различіи, въ томъ, что мы разбираемся въ полученныхъ впечат-

тлѣніяхъ, отличаемо одни изъ нихъ отъ другихъ и различаемо ихъ элементы; различіе ведетъ къ ощущенію пріятнаго или непріятнаго; а отсюда возникаетъ и дѣйствіе, которое бываетъ двухъ родовъ—положительное, «акція», и отрицательное «реакція», смотря по природѣ возбуждаемаго различіемъ ощущенія: если ощущеніе было пріятно, мы стараемся его продлить, т.-е. дѣйствуемо въ положительномъ смыслѣ; въ противномъ случаѣ, т.-е. при непріятномъ ощущеніи, мы стремимся къ противодѣйствію, реагируемо (см. А. Фуллье «Психологія идей-силъ»). Понятно, что при такой постановкѣ вопроса изученіе запаса и распространенія идей въ обществѣ приобретаетъ особенный интересъ. Другіе названные изслѣдователи занимаются выясненіемъ общественнаго вліянія чувствъ, эмоцій. Слабѣ всего работа Кидда «Соціальная эволюція». По его мнѣнію, общественная эволюція зависитъ вовсе не отъ развитія ума, а отъ развитія альтруистическихъ чувствъ, постепенно уничтожающихъ соціальныя, расовыя и иныя перегородки и проводящихъ начало всеобщаго равенства; альтруистическія чувства—думаетъ Киддъ—не оправдываются разумомъ, который будто бы внушаетъ человѣку только чувства эгоистическія; единственнымъ основаніемъ альтруизма является, по Кидду, религія. Все это построеніе имѣетъ очень существенныя недостатки: несправедливо отрицается общественное вліяніе дѣятельности ума и слишкомъ односторонне понимается то направленіе, какое придается эмоціо-нальной жизни интеллектомъ; слишкомъ узко обоснованъ и альтруизмъ—на однихъ только религіозныхъ воззрѣніяхъ; наконецъ вліяніе чувствъ на общественную эволюцію проявляется, вопреки Кидду, далеко не въ однихъ моральныхъ чувствахъ, но также и черезъ посредство эмоцій другихъ порядковъ. Немногомъ дальше Кидда пошелъ Уордъ. Онъ различаетъ, правда, два психическихъ фактора цивилизаціи: субъективный—чувство и объективный—разумъ или интуитивную способность, но разумъ онъ считаетъ только направляющей, а не двигающей силой и, ожидая отъ него въ будущемъ большаго вліянія, все-таки истинной соціальной силой признаетъ только чувство. Уорду, очевидно, чуждо въ высшей степени плодотворное понятіе идеи-силы, съ какимъ мы встрѣтились у Фуллье. Гораздо замѣчательнѣе книгъ Кидда и Уорда работы Тарда «Законы подражанія» и «Соціальная логика». По теоріи этого изслѣдователя, общество есть подражаніе, при чемъ психологическая сущность подражанія близка къ сомнамбулизму: какъ и люди, подвергшіеся гипнотическому внушенію, мы всѣ имѣемо внушенныя идеи, только считая ихъ само-

стоятельными; въ связи съ этимъ объясняются и соціальныя перемѣны или «инноваци», являющіяся на первый взглядъ плодомъ личной инициативы; всякая инновация есть въ сущности не что иное, какъ встрѣча и взаимодействіе двухъ подражаній, существовавшихъ раньше раздѣльно; общественный прогрессъ является слѣдствіемъ двухъ основныхъ причинъ: первая изъ нихъ та, что всѣ хорошія свойства заразительнѣе дурныхъ, вторая можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: хотѣніе, подкрѣпляемое чувствомъ и убѣжденностью, изъ всѣхъ психическихъ состояній обладаетъ наибольшею заразительностью. Общественный строй въ значительной степени основывается на системахъ или аккордахъ чувствъ; чѣмъ устойчивѣе эти системы, тѣмъ прочнѣе и строй общества; такъ какъ системы симпатическихъ чувствъ отличаются большею связностью, нежели системы чувствъ антипатіи, то и общество, въ основу котораго положены аккорды симпатическихъ эмоций, достигаетъ значительной устойчивости. Эта теорія Тарда важна во многихъ отношеніяхъ: помимо того, что въ ней указано надлежащее и вѣрное мѣсто соціальной роли чувствъ, здѣсь также правильно отмѣчены и различія между разными чувствами въ степени ихъ связности и заразительности; наконецъ, подобно тому, какъ Фуллеръ указалъ на органическую, необходимую связь между сознательными духовными процессами и дѣйствіемъ, Тардъ чрезвычайно удачно подчеркнул вліяніе безсознательнаго подражанія на явленія общественной жизни. Въ сущности для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе о приобрѣтеніяхъ, достигнутыхъ теоріей отвлеченнаго психологическаго обоснованія историческаго процесса, достаточно прочитать только книги Фуллеръ и Тарда; все остальное имѣетъ второстепенное значеніе и мало оправдываетъ возбуждаемыя надежды и ожиданія. Изъ представленнаго сейчасъ краткаго обзора видно, что точка зрѣнія отвлеченной психологіи, имѣющей въ виду только «человѣка вообще», не можетъ удовлетворительно разрѣшить задачу психологическаго объясненія общественной жизни. Цѣнность абстрактно-психологическихъ объясненій совершенно соответствуетъ соціологической цѣнности всякаго *общаго* психологическаго изслѣдованія: въ обоихъ случаяхъ — и въ общемъ изслѣдованіи и при абстрактно-психологическомъ объясненіи — намѣчаются только тѣ направленія, въ какихъ нужно искать психическихъ факторовъ цивилизаціи. Сумма и сочетанія идей и чувствъ — вотъ эти направленія, какъ убѣдительно свидѣлствуютъ труды Тарда и Фуллеръ.

Совершенно понятно, такимъ образомъ, что не всѣ удовле-

творяются отвлеченной постановкой вопроса, — у нѣкоторыхъ замѣтно стремленіе прибѣгнуть къ болѣе точному и, такъ сказать, конкретному психологическому анализу общественныхъ явленій, только замѣчательно, что попытки въ этомъ направленіи какъ будто чуждаются результатовъ отвлеченнаго анализа и не всегда стоятъ близко къ выводамъ современной психологіи, вслѣдствіе чего неизбѣжны ошибки и, главное, произволъ въ приѣмахъ работы и выводахъ изъ нея. Мы уже видѣли, что Гумпловичъ и марксисты настаиваютъ на изученіи психологіи не «человѣка вообще» и не отдѣльной человѣческой личности, а социальной группы. Лакомбъ сначала пытается объяснить исторію изъ самыхъ общихъ, свойственныхъ «человѣку вообще» психическихъ мотивовъ, которыхъ и насчитываетъ до шести: мотивъ экономическій, затѣмъ половой, симпатическій, мотивъ чести, художественный и, наконецъ, научный; каждому изъ этихъ мотивовъ соотвѣтствуетъ, по мнѣнію Лакомба, особый родъ учреждений, такъ что можно различить шесть родовъ учреждений: экономическія, семейственныя, нравственныя и юридическія, свѣтскія, политическія, художественныя и литературныя, научныя. Но на ряду съ «человѣкомъ вообще» Лакомбъ уже считаетъ необходимымъ изученіе человѣка извѣстнаго времени или человѣка историческаго (*homme temporaire ou historique*): въ немъ надо изучать извѣстную степень его цивилизаціи, т.-е. богатства, нравственности и умственнаго развитія, и особенности его учреждений. Но, говоря вообще, книга Лакомба мало удовлетворяетъ читателя: его соображенія объ общихъ психическихъ мотивахъ — не имѣющій никакого значенія трюизмъ, наглядно показывающій неудовлетворительность отвлеченной точки зрѣнія при изученіи психологическаго элемента въ исторіи; все прочее — не изслѣдованіе и даже не программа будущихъ изслѣдованій, а только намекъ на путь, по которому они пойдутъ.

Мы должны теперь остановиться на самомъ блестящемъ и талантливомъ представителѣ психологическаго объясненія исторіи, — Тэнѣ. О немъ такъ много писано и говорено, что, несомнѣнно, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны приемы и результаты его работы. Въ русской литературѣ есть двѣ очень любопытныя статьи о Тэнѣ — діаметрально - противоположнаго направленія: одна принадлежитъ г. Герье («Ипполитъ Тэнъ въ исторіи якобинцевъ» въ «Вѣстникѣ Европы» за 1894 годъ; ср. его же «Демократическій цезаризмъ во Франціи» въ томъ же журналѣ за 1895 г.) и отличается, можно сказать, панегирическимъ характеромъ, другая написана г. Ивановымъ («Тэнъ» въ «Рус-

скомъ Богатствѣ» за 1896 годъ) и представляет собою попытку совершенно развѣнчать Тэна. При наличности такихъ противоположныхъ взглядовъ нелишнимъ будетъ напомнить вкратцѣ о методѣ Тэна и возможно безпристрастнѣе рѣшить вопросъ, что внесено въ науку этимъ выдающимся изслѣдователемъ. Принимаясь за характеристику какого-либо лица или типа, Тэнъ разлагаетъ прежде всего личность на отдѣльныя ея элементы, поступки и впечатлѣнія, и накопляетъ такихъ мелкихъ наблюдений возможно-большее количество; въ результатѣ этой подготовительной работы является, по выраженію Тэна, «нить событій» (*une file d'événements*), при чемъ и сложные «событія» Тэнъ старается разложить на простѣйшіе факты. Полученный, такимъ образомъ, рядъ фактовъ соединяется въ «естественныя группы», принципъ составленія которыхъ не ясенъ, точнѣе одинаго принципа у Тэна тутъ нѣтъ, и надо согласиться съ г. Ивановымъ, что здѣсь у Тэна дѣло сводится къ дедукціи изъ заранѣе принятой мысли, такъ что это несомнѣнно самый слабый пунктъ всей методологической теоріи историка-психолога: нельзя вводить въ методическіе приемы элементъ случайности и произвола. Въ естественной группѣ фактовъ Тэнъ подмѣчаетъ затѣмъ господствующій фактъ, который и принимаетъ за ихъ причину. Путемъ послѣдовательнаго обобщенія выводовъ, полученныхъ, такимъ образомъ, для ряда естественныхъ группъ фактовъ, изслѣдователь формулируетъ творческій законъ цѣлаго, опредѣляетъ господствующую въ данной личности или данномъ типѣ способность (*faculté-maitresse*). На этой господствующей способности и строится характеристика лица или типа, а слѣдовательно и извѣстнаго историческаго момента, выразителемъ котораго является, по мнѣнію Тэна, тотъ или другой типъ. Но дѣло въ томъ, что и въ свое опредѣленіе господствующей способности Тэнъ вноситъ также элементъ произвола: по справедливому замѣчанію г. Иванова, «ораторскій талантъ», напримѣръ, опредѣляется самимъ Тэномъ иначе по поводу Ливія, чѣмъ по поводу Кузена или Маколея.

Итакъ, повидимому, изъ двухъ русскихъ критиковъ знаменитаго французскаго ученаго ближе къ истинѣ стоитъ г. Ивановъ: методъ Тэна, при всей видимой стройности и положительности, имѣетъ нѣкоторыя особенности, лишающія его научнаго значенія. Казалось бы, на этомъ и надо кончить: если средства такъ ненадежны,—и результаты не могутъ оправдать ожиданій. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ чрезвычайно любопытнымъ явленіемъ: даже убѣдившись въ ненаучности метода, читатель,

знакомясь съ блестящими характеристиками Тэна въ его «Ливіи», «Чтеніяхъ объ искусствѣ», «Исторіи англійской литературы», «Происхожденіи современной Франціи», невольно поддается ихъ обаянію; тому, кто читалъ характеристики древнихъ грековъ, Ливія, Маколея, Наполеона, пуританъ, якобинцевъ, — ясно, что въ нихъ есть элементы истины, заставляющіе насъ предчувствовать, провидѣть ее, если не познать вполне. Революціонный духъ XVIII вѣка Тэнъ, напримѣръ, характеризуетъ какъ соединеніе научнаго духа съ «классическимъ», т.-е. какъ комбинацію взгляда на человѣка и человѣческое общество съ точки зрѣнія чисто-научной—общество и человѣкъ—продукты природы—съ привычкой «отвлеченнаго резонирования», абсолютнаго разрѣшенія всѣхъ научныхъ и практическихъ вопросовъ безъ всякаго вниманія къ конкретнымъ условіямъ дѣйствительности, къ традиціямъ. Отъ этого объясненія одинъ только шагъ до психологическаго опредѣленія якобинизма: отвлеченное резонерство было тѣмъ сильнѣе развито у якобинцевъ, что ихъ умъ мало воспринималъ умственной пищи вслѣдствіе деспотическихъ условій стараго порядка во Франціи, старавшагося побороть всякую умственную и политическую самостоятельность: идея, попавшая въ пустую голову, естественно принимаетъ уродливыя размѣры, заполняетъ эту голову цѣликомъ, не встрѣчая себѣ противовѣса въ ранѣе приобрѣтенномъ идейномъ запасѣ. Нельзя сказать, чтобы въ основѣ этой характеристики и другихъ, ей подобныхъ, не лежала обширная эрудиція, глубокое, спеціальное изученіе, но изображеніе все таки остается лишь художественнымъ: рисуются яркія картины, заставляющія предчувствовать истину. Поэтому хотя критика Тэновскаго метода у г. Иванова во многомъ вѣрна,—онъ все таки не правъ въ томъ, что не признаетъ Тэна художникомъ; художественныя достоинства сочиненій Тэна именно и придаютъ имъ ту цѣнность, которая отмѣчена г. Герье, только напрасно послѣдній считаетъ методъ Тэна строго-научнымъ.

Тэнъ не одинокъ въ своихъ попыткахъ объясненія историческаго процесса путемъ характеристики психическихъ типовъ. Время отъ времени — иногда и подъ прямымъ его вліяніемъ — появляются историческія работы подобнаго же направленія: для примѣра укажемъ на вышедшую въ прошломъ году въ Парижѣ книгу Валишевскаго о Петрѣ Великомъ, на извѣстный трудъ Шахова «Гете и его время» и блестящій очеркъ г. Ключевскаго «Евгеній Онѣгинъ и его предки» («Русская Мысль» за 1886 г.). Всѣ эти сочиненія оставляютъ также рядъ яркихъ впечатлѣній,

картинъ, образовъ: въ основѣ ихъ лежитъ научное изученіе, но результатъ его—художественная картина.

Очевидно, что это несоотвѣтствіе результатовъ поставленнымъ задачамъ происходитъ именно изъ несовершенства метода: въ немъ и надо сдѣлать извѣстныя поправки.

И психологическая школа въ социологіи, и марксизмъ даютъ намъ основанія для такихъ поправокъ. Марксизмъ учитъ, что психологія извѣстной общественной группы опредѣляется ея классовымъ положеніемъ, и приложеніе этого принципа къ изученію конкретной дѣйствительности давало и даетъ до сихъ поръ блестящіе результаты. Но для полноты пониманія дѣла не надо забывать, что внутри этихъ классовыхъ группъ происходитъ мало-по-малу психическая дифференціація (подъ вліяніемъ реальныхъ, въ конечномъ счетѣ всегда хозяйственныхъ) условій, и для изученія этой дифференціаціи необходимо пользоваться психологическимъ методомъ. Въ результатъ ея получается психическое перерожденіе класса съ переходомъ его въ другую историческую эпоху: содержаніе классовой психологіи мѣняется съ переходомъ въ новый періодъ, къ новымъ условіямъ реальной жизни. Если раньше люди руководились, напр., грубыми инстинктами стяжанія и страха, то потомъ ихъ потомки по классовому положенію начинаютъ дѣйствовать подъ вліяніемъ властолюбія и жажды неизвѣданныхъ впечатлѣній. Классовая психологія является, такимъ образомъ, также эволюціоннымъ понятіемъ.

Предлагаемые ниже очерки психологіи характера не рѣшаютъ указанной сейчасъ проблемы во всей полнотѣ: это будетъ сдѣлано авторомъ въ особомъ большомъ историко-социологическомъ трудѣ ¹⁾. Цѣль очерковъ психологіи характера—намѣтить основные приемы изслѣдованія социальной психологіи и установить основные психологическіе типы, образующіеся постепенно внутри классовыхъ группъ.

---

¹⁾ См. начавшій уже выходить въ свѣтъ „Обзоръ русской исторіи съ социологической точки зрѣнія“.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Этические и эстетические характеры.

I.

Джонъ Стюартъ Милль въ своей «Системѣ логики» впервые ясно и опредѣленно выставилъ въ качествѣ очередной задачи психологической науки разработку этологіи или ученія о характерѣ. И въ самомъ дѣлѣ: общая, абстрактная психологія имѣетъ дѣло съ *человѣкомъ вообще*, съ отвлеченной человѣческой личностью, воплощающей въ себѣ духовныя свойства, въ одинаковой мѣрѣ присущія всѣмъ людямъ. Между тѣмъ всѣ мы въ практической жизни непрерывно убѣждаемся въ удивительномъ разнообразіи духовнаго склада отдѣльныхъ лицъ, съ которыми встрѣчаемся. Безъ преувеличенія можно сказать, что нѣтъ двухъ человѣкъ, психическая природа которыхъ была бы совершенно одинакова, хотя бы то были даже и близкіе родственники, выросшіе и воспитанные притомъ въ одной и той же средѣ. При всей многочисленности и сложности индивидуальныхъ психическихъ отличій, едва ли можетъ существовать однако сомнѣніе въ возможности подмѣтить въ этихъ отличіяхъ пункты сходства, свести индивидуальное многообразіе къ нѣсколькимъ болѣе крупнымъ категоріямъ, разгруппировать отдѣльныя лица по ихъ типическимъ признакамъ, другими словами, отвлекая общія духовныя свойства, отличающія извѣстную группу людей, объединить эту группу въ одно цѣлое, въ типъ или характеръ. Въ этомъ и заключается основная задача этологіи. Этологія служитъ такимъ образомъ соединительнымъ звеномъ между психологіей и конкретной дѣйствительностью. Отношеніе этологіи къ психологіи приблизительно таково же, каково отношеніе исторіи къ социологіи: и исторія и этологія даютъ эмпирическія обобщенія явленій дѣйствительной жизни, а социологія и психологія дѣлаютъ уже абстрактные, раціональные выводы, опираясь на конкретный матеріалъ, обработанный исторіей и этологіей. Отсюда ясно, что, подобно тому, какъ социологія не можетъ обойтись безъ исторіи, — и психологія невозможна безъ надлежащей разработки этологіи. Несомнѣнно также, что правильное разрѣшеніе основныхъ этологическихъ проблемъ способно принести громадную пользу общественнымъ наукамъ, т. е. тѣмъ же исторіи и социологіи. Въ самомъ дѣлѣ: представимъ себѣ, что намъ уда-

лось выработать классификацію психическихъ типовъ или характеровъ; руководясь ею, мы могли бы, пользуясь историческими данными, установить для каждого народа въ каждый періодъ его исторической жизни извѣстное соотношеніе различныхъ типовъ или характеровъ, въ то время существовавшихъ; быть можетъ, намъ удалось бы тогда изобразить эволюцію типовъ, установить ея законы, подобно тому, какъ современная наука до извѣстной степени опредѣлила законы эволюціи хозяйственныхъ формъ, словесныхъ связей, политическихъ отношеній. Нетрудно представить себѣ, какіе громадныя научныя результаты дала бы такая ученая работа: не говоря о многомъ другомъ, достаточно замѣтить, что послѣ нея получилъ бы правильное освѣщеніе коренной социологической вопросъ—о взаимныхъ отношеніяхъ и значеніи отдѣльныхъ факторовъ общественной жизни.

Совершенно понятно поэтому, что призывъ Милля къ построенію этологии не остался безъ отклика. Не имѣя даже въ виду полнаго перечня существующихъ въ настоящее время этологическихъ трудовъ, можно все-таки указать на цѣлый рядъ изслѣдователей, занимавшихся и занимающихся психологіей характера: таковы, напримѣръ, Бэнъ, Пере, Поланъ, Рибо, Фуллеръ, Кейра или даже у насъ гг. Лесгафтъ, Дриль, Викторовъ. Въ ихъ работахъ, какъ и въ трудахъ другихъ ученыхъ, можно найти много блестящихъ мыслей, тонкихъ психологическихъ замѣчаній, даже интересныхъ попытокъ охватить вопросъ въ цѣломъ и теперь же окончательно разрѣшить его. Всякій, кто знакомъ съ этой во всякомъ случаѣ поучительной литературой, долженъ, однако, признаться, что попытки общаго рѣшенія вопроса такъ и остаются пока попытками да и, какъ это съ перваго взгляда очевидно, надолго еще обречены на неудачу. Безъ кропотливыхъ наблюденій и даже опытовъ въ умножающихся въ настоящее время психологическихъ лабораторіяхъ невозможны общіе выводы, сколько-нибудь обоснованные, а не висящіе въ воздухѣ. Большинство изслѣдователей, работая въ области этологии, отправляется въ своихъ разсужденіяхъ отъ какого-либо одного заранее выбраннаго психологическаго принципа и съ этой довольно произвольной точки зрѣнія классифицируетъ характеры. Такъ, напримѣръ, Бэнъ, Фуллеръ и Кейра берутъ за основу извѣстное дѣленіе психическихъ явленій на умъ, чувство и волю и различаютъ три основныхъ типа—умственный, эмоціональный и волевой; Поланъ исходитъ въ своихъ построеніяхъ изъ явленій умственной жизни, изъ законовъ ассоціаціи; у Рибо первую роль играетъ чувствованіе, и т. д. Но, кажется, правильнѣе было бы отказаться отъ такихъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія и поискать

руководящихъ—при классификаціи характеровъ—нитей въ самой дѣйствительности, не стараясь при этомъ сразу охватить весь вопросъ и дать на него исчерпывающій отвѣтъ, избравъ монографическій способъ изслѣдованія. Слабую попытку подойти къ вопросу именно съ этой стороны—детальнаго изученія дѣйствительности—и представляетъ собою настоящая статья.

Но вѣдь дѣйствительность безконечно разнообразна и необъятна; притомъ кругъ наблюденій отдѣльнаго лица случаенъ и ограниченъ; наконецъ,—и это главное—вѣрность наблюденій ничѣмъ не гарантирована и недоступна повѣркѣ. Какъ же быть? Намъ кажется, что есть прекрасное средство избѣжать всѣхъ этихъ неудобствъ и затрудненій. Есть люди, которые много наблюдаютъ и наблюдаютъ, по общему признанію, точно и вѣрно; обладая способностью отмѣтить характерное и важное въ данномъ обществѣ: эти люди—великіе художники слова, романисты. Наблюденія талантливаго романиста всегда будутъ служить надежной опорой для этологическихъ выводовъ. Ихъ мы и примемъ за основаніе нашей работы, при чемъ предупредимъ читателя, что предлагаемый опытъ изслѣдованія этическихъ и эстетическихъ характеровъ вовсе не исключаетъ существованія множества другихъ психическихъ типовъ, что этическіе и эстетическіе характеры—не единственныя категоріи, къ которымъ должно быть сведено все сложное многообразіе индивидуальныхъ характеровъ. Несомнѣнно, однако, что обѣ указанныя категоріи очень важны, что въ общественной и частной жизни нерѣдко приходится имѣть дѣло съ людьми, для которыхъ вопросъ долга, совѣсти, идеала имѣетъ совершенно исключительное, первостепенное, даже подавляющее значеніе, и съ другой стороны встрѣчаются люди, всецѣло преданные красотѣ, не по убѣжденію, а по внутреннему, присущему имъ отъ рожденія влеченію. Достаточно назвать графа Л. Н. Толстого, съ одной стороны, и Джона Рескина—съ другой, чтобы уничтожить всякое сомнѣніе въ реальности этическихъ и эстетическихъ характеровъ.

Чтобы закончить предварительныя замѣчанія, остается только добавить, что основная задача этологической классификаціи и описанія того или другого характера заключается не только въ томъ, чтобы подмѣтить главную характеристическую черту типа, но и въ томъ также, чтобы изъ этой главной черты вывести, объяснить всѣ остальные. Эту послѣднюю цѣль мало и рѣдко, во всякомъ случаѣ недостаточно часто принимаютъ во вниманіе при этологическихъ изслѣдованіяхъ.

II.

Читатель, конечно, не удивится, если первымъ образцомъ этического характера мы выберемъ безсмертнаго героя Сервантеса,—донъ-Кихота. Достаточно назвать это имя, чтобы каждый согласился, что основная черта героя, его носившаго,—это *чувство долга*, нравственной обязанности, то самое чувство, которое, несмотря на весь комизмъ Рыцаря Печальнаго Образа, дѣлаетъ его личность столь трогательною и привлекательною. Въдѣ вся жизнь донъ-Кихота была хотя и безтолковымъ, непрактичнымъ, смѣшнымъ, но чистымъ по источнику и постояннымъ нравственнымъ подвигомъ. Всѣ его приключенія и тревоги вытекали изъ живой, присущей его натурѣ потребности исполнить то, что онъ считалъ своимъ долгомъ, изъ потребности дѣятельнаго добра, неукротимой и всеподчиняющей. Будучи носителемъ нравственнаго идеала и дѣятельно осуществляя его по мѣрѣ силъ и способностей, донъ-Кихотъ именно по этой причинѣ отличался сильно развитыми этическими чувствами разныхъ порядковъ. Посмотрите, напримѣръ, какой нравственный, цѣломудренный характеръ носитъ его любовь къ женщинѣ; ошибочно было бы считать донъ-Кихота безстрастнымъ, холоднымъ человѣкомъ, чуждымъ страстей, но, несмотря на это, его колебанія въ минуту искушенія непродолжительны, ничто не можетъ заставить его измѣнить его дамѣ Дульцинеѣ. Его любовь связана неразрывными узами съ его нравственнымъ идеаломъ, освящаетъ его и имъ освящается: во имя Дульцинеи онъ чувствуетъ себя обязаннымъ совершать свои подвиги, а вѣрность и преданность Дульцинеѣ непосредственно вытекаетъ изъ необходимости приближаться къ идеалу съ чистыми руками. Также тѣсно переплетается въ душѣ нашего рыцаря съ возвышеннымъ нравственнымъ идеаломъ и другое этическое чувство—дружба: донъ-Кихотъ—олицетворенная доброжелательность и дружелюбіе, горячо и искренно привязывается ко всѣмъ, съ кѣмъ сводитъ его судьба, болѣе всего къ своему неразлучному оруженосцу Санчо-Пансѣ, несмотря на то, что послѣдній—совершенный его нравственный антиподъ: онъ называетъ Пансу «другомъ», «братомъ», изливаетъ на него всѣ доступныя для него милости и благодѣянія, болѣе его несчастіями и живетъ его радостью. Но любящее сердце донъ-Кихота расширяется далеко за предѣлы того круга, который составляютъ люди къ нему близкіе, и доброжелательныя чувства его распространяются на всѣхъ людей, на всѣхъ униженныхъ и страдающихъ; и его состраданіе не носитъ пассивнаго характера, напротивъ—оно всегда

дѣлательно, какъ и любовь и дружба: достаточно вспомнить его помощь мальчику, котораго за его проступокъ билъ крестьянинъ, его готовность принести пользу Доротеѣ и т. д.

Такимъ же непосредственнымъ отраженіемъ нравственныхъ запросовъ, волнующихъ донъ-Кихота, являются его *общественныя* чувства. Въ область политическихъ отношеній и общественныхъ связей донъ-Кихоть вноситъ абсолютныя нравственныя начала, не считаясь съ дѣйствительностью и не задаваясь вопросомъ объ осуществимости своихъ цѣлей; онъ—чистый утопистъ, беспочвенный политическій мечтатель: нисколько не смущаясь и не сомнѣваясь, увѣряетъ онъ, что «самую сильную надобность міръ ощущаетъ въ странствующихъ рыцаряхъ», въ рыцарствѣ видитъ единственное, исключительное средство утвердить социальную справедливость, подобно всѣмъ утопистамъ не нахвалится первобытными временами, идеализируя ихъ, представляя ихъ себѣ періодомъ полного равенства, отсутствія собственности, періодомъ близости къ природѣ, справедливости. Идеализація далекаго прошлаго и увлеченіе отжившими общественными формами и средствами идутъ здѣсь такимъ образомъ рука объ руку съ крайнимъ отрицаніемъ современнаго героя социального строя. Трудно характеризовать политическія чувства донъ-Кихота иначе, какъ назвавъ ихъ реакціоннымъ радикализмомъ.

Тотъ, кто въ своей жизни ставитъ на первый планъ осуществленіе нравственнаго идеала,—всегда рано или поздно почувствуетъ потребность въ *религіозной* санкціи. Онъ не будетъ углубляться въ метафизическую сторону религіи, въ догматику, но этическая ея сторона привлекаетъ и волнуетъ его, вѣра въ Бога, какъ Высшее Существо, которая блюдетъ мировой нравственный порядокъ, составляетъ для такого человѣка насущную потребность. И донъ-Кихоть съ глубокимъ спокойствіемъ, съ несокрушимой увѣренностью и съ искренней простотой глубокаго религіознаго чувства говоритъ Санчо-Пансѣ, что Богъ выручитъ изъ всякихъ несчастій.

Итакъ, наиболѣе сложныя чувства—этическія, общественныя и религіозныя—отличаются у донъ-Кихота сильнымъ развитіемъ, значительной напряженностью. Этого нельзя сказать о другихъ порядкахъ эмоціональной жизни—о чувствахъ *эгоистическихъ* и *эстетическихъ*. Сравнительная слабость эгоистическихъ и эстетическихъ чувствъ совершенно понятна при господствѣ чувствъ нравственныхъ: постоянно имѣя предъ своимъ умственнымъ взоромъ нравственный идеалъ, дѣлательно осуществляя его, заботясь о другихъ, этической человѣкъ забываетъ о себѣ и не замѣчаетъ красоты, заслоняемой отъ него присущимъ ему, всецѣло погло-

щающимъ его, понятіемъ добра. Матеріальныя блага и утонченныя физическія наслажденія не имѣютъ въ его глазахъ никакой цѣнности. Для донъ-Кихота деньги—ничто, онъ щедро по своимъ средствамъ одаряетъ Санчо-Пансу, со всякимъ готовъ подѣлиться своимъ достояніемъ. Едва ли найдется кто-либо непритязательнѣе донъ-Кихота: ужинъ его на постояломъ дворѣ во время перваго выѣзда состоялъ изъ сушеной рыбы и чернаго хлѣба; лукъ, сыръ и черныи хлѣбъ были обычной пищей рыцаря и его оруженосца; рыцари, по словамъ донъ-Кихота, «когда ѣдятъ, то довольствуются тѣмъ, что найдутъ подъ рукой». Страхъ во всѣхъ его видахъ былъ совершенно чуждъ донъ-Кихоту: напрасно мы стали бы искать у него какихъ-либо проявленій страха смерти, склонности предчувствовать несчастія, суевѣрнаго страха, наконецъ, простой трусости передъ опасностью или силой. Достаточно припомнить такіе факты, какъ его одиночная борьба съ погонщиками муловъ, дотронувшимися до его оружія, съ мельницами-великанами, съ 20-ю янгвэзцами, нападеніе на конвойныхъ, сопровождавшихъ каторжниковъ и т. д. и т. д.,—чтобы убѣдиться въ безразсудной храбрости рыцаря Печальнаго образа. Тѣсно связанную между собою группу представляютъ, по своей психологической природѣ, такіа чувства, какъ склонность къ гнѣву, самоуваженіе и честолюбіе. Всѣ они сильнѣе развиты у донъ-Кихота, чѣмъ низшія эгоистическія чувства. Уже неукротимая вспыльчивость и страстность его вызываютъ нѣкоторую напряженность высшихъ эгоистическихъ чувствъ. И въ самомъ дѣлѣ: гнѣвъ донъ-Кихота нетрудно возбудить: онъ разсердился на женщинъ, смѣявшихся надъ нимъ въ началѣ его перваго путешествія, побилъ Пансу за порицаніе имъ Дульцинемъ, разгнѣвался на лиценціата, когда тотъ сталъ порицать его за освобожденіе каторжниковъ. Но уже въ этихъ случаяхъ, какъ и въ другихъ, имъ подобныхъ, замѣтенъ особый оттѣнокъ въ его чувствѣ гнѣва: въ немъ преобладаетъ не эгоистическій, а этический элементъ, это не столько личное раздраженіе, сколько справедливое негодованіе по поводу униженія нравственнаго идеала, недостойной насмѣшки надъ послѣднимъ и его проявленіями. На эту же этическую основу опирается и самоуваженіе донъ-Кихота: онъ считаетъ себя могучимъ именно потому, что онъ носитель нравственнаго идеала; поэтому онъ увѣренъ, что всегда найдетъ и накажетъ крестьянина, который билъ мальчика, и что тотъ его боится. Воображаемый блескъ своей личности донъ-Кихотъ переноситъ и на своего оруженосца: на ужинѣ у пастуховъ онъ усаживаетъ его съ собою; и когда тотъ все-таки отказывается, сентенціозно замѣчаетъ: «Богъ возноситъ смиряющагося». Нако-

нецъ, слабость эстетическихъ чувствъ донъ-Кихота видна какъ изъ того, что нигдѣ не видно у него стремленія получить какое-либо художественное впечатлѣніе, такъ и изъ того, что онъ увлекался въ области изящной литературы единственно рыцарскими романами: очевидно, и здѣсь интересъ, руководившій героемъ Сервантеса, опирался не на чувство красоты, а на этическое чувство, его занимала не художественная сторона этихъ романовъ, вообще ничтожная, а ихъ содержаніе, отвѣчавшее стремленію донъ-Кихота къ рыцарскимъ подвигамъ. Тенденціозность — вотъ что цѣнилъ донъ-Кихотъ въ поэзіи.

Въ совершенной гармоніи съ господствующимъ чувствомъ находились у донъ-Кихота и умственные свойства. Основнымъ свойствомъ ума является то, что Вундтъ называетъ «активной апперцепціей», общее направленіе ума, степень его широты и восприимчивости къ тѣмъ или инымъ идеямъ. Вообще говоря, можно раздѣлить всѣ умы въ этомъ отношеніи на два разряда: умы субъективные и умы объективные. Первые вращаются въ узкой сферѣ идей, свойственныхъ мыслящему субъекту или лицамъ, психологически — родственнымъ ему; вторые отличаются способностью понимать какъ нельзя болѣе точно все сложное разнообразіе чужихъ, даже прямо противоположныхъ умственныхъ движеній и чувствъ. И тѣ и другіе умы, не смотря на различіе въ широтѣ, могутъ быть и глубокими, и, наоборотъ, мелкими, ограниченными, но это — уже количественное, а не качественное различіе, имѣющее значеніе въ характеристикѣ личности, а не въ изображеніи типа. Умъ донъ-Кихота былъ чисто-субъективный; внѣ обычнаго круга идей донъ-Кихотъ впадалъ постоянно въ грубныя ошибки и недоразумѣнія, онъ не понималъ умовъ другого склада. Этотъ субъективизмъ естественно вытекаетъ изъ господства стремленія къ нравственному идеалу надъ всѣми другими сторонами душевной природы донъ-Кихота: всѣ умственные силы его были поглощены этическими запросами опредѣленнаго характера, подавлялись ими. Но будучи генетически связанъ съ основнымъ психическимъ свойствомъ донъ-Кихота, его умственный субъективизмъ въ свою очередь неизбежно опредѣлялъ собою и всѣ остальные особенности ума. «Я болѣе склоненъ носить оружіе, чѣмъ заниматься науками», говоритъ донъ-Кихотъ, и это равнодушіе къ теоретическому знанію находитъ себѣ соотвѣтствіе въ полной философской индифферентности рыцаря Печального Образа. Его умъ занятъ исключительно практическими нравственными задачами; тенденціозная наука, практическое знаніе, служащее его нравственному идеалу, еще могли бы заинтересовать его, но отвлеченная научная или философская теорія — ни въ какомъ случаѣ.

Чтобы заключить краткую характеристику типа донъ-Кихота, остается указать лишь на его *волю*, констатировать фактъ необыкновенной, крайней рѣшительности его дѣйствій, полного отсутствія разлада, конфликта между чувствомъ и умомъ; парализъ воли—явленіе невозможное для донъ-Кихота, что опять-таки объясняется цѣльностью его характера, подавляющей силой нравственного чувства. Едва ли нужно доказывать фактами эту рѣшительность донъ-Кихота: для этого пришлось бы переписать всѣ два тома, описывающіе его жизнь. Къ тому же въ русской литературѣ есть превосходная статья, трактующая какъ разъ объ этой сторонѣ характера рыцаря Печального Образа: мы разумѣемъ блестящій очеркъ Тургенева «Гамлетъ и донъ-Кихотъ».

III.

Всякому хорошо извѣстно, что художественное произведеніе отличается отъ научнаго труда тѣмъ, что цѣль перваго конкретное изображеніе дѣйствительности, тогда какъ задача втораго—абстракція, выводъ общихъ отвлеченныхъ идей, воплощенныхъ въ реальной жизни. Для ученаго всѣмъ является идея, для художника—образъ. Первый обезличиваетъ дѣйствительность, объясняетъ ее, сводя частности на общее, второй, напротивъ, индивидуализируетъ ее и, хотя и изображаетъ общее, но именно при посредствѣ частныхъ. Вотъ почему художественные типы—не ходячія общія идеи, а изображенія живыхъ личностей, съ ихъ индивидуальными особенностями, съ ихъ плотью и кровью. Такимъ образомъ, подвергая художественные типы научному анализу, мы должны быть особенно осторожными въ томъ отношеніи, чтобы не принять этихъ индивидуальныхъ особенностей за общіе типическіе признаки. Отсюда вытекаетъ необходимость не ограничиваться изученіемъ *одного* художественнаго типа опредѣленной категоріи, а взять *нѣсколько* однородныхъ изображеній.

Во всемірной литературѣ нѣтъ недостатка въ превосходныхъ художественныхъ изображеніяхъ этическихъ характеровъ. Особенно много ихъ въ нашей родной литературѣ. Прежде всего, не задумываясь и не колеблясь, можно поставить наряду съ образомъ донъ-Кихота и по психологической природѣ, и по художественной высотѣ работы типъ Константина Левина изъ романа гр. Л. Н. Толстого «Анна Каренина»; затѣмъ сюда же слѣдуетъ отнести Алексѣя Карамазова изъ извѣстнаго романа Достоевскаго и, наконецъ, въ значительной, во всякомъ случаѣ,

мѣръ героя Тургеневскихъ «Отцовъ и дѣтей», — Базарова. По-
пытаемся изобразить общія черты всѣхъ этихъ характеровъ.
Никто не удивится, конечно, что мы ставимъ на одну доску Ле-
вина и Алешу Карамазова и обоихъ признаемъ этическими ти-
пами. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь первостепенное значеніе нравствен-
наго идеала для Левина не подлежитъ сомнѣнію. Всегда и вездѣ
нравственные запросы и интересы первенствовали у него надъ
всѣми другими: обѣдая въ ресторанѣ съ Облонскимъ, Левинъ
«боялся запачкать то, что переполняло его душу»; «онъ всегда
чувствовалъ несправедливость своего избытка въ сравненіи съ
бѣдностью народа», постоянно мечталъ о «трудовой, чистой и
общей, прелестной жизни», ему всегда было свойственно «не-
оставляющее его желаніе быть лучше». А Алеша Карамазовъ?
Въ чемъ заключалось его основное свойство, своего рода Тэнов-
ская faculté-maitresse (господствующая способность)? «Былъ онъ
просто ранній человѣколюбецъ, и если ударился на монастыр-
скую дорогу, то потому только, что въ то время она одна по-
разила его и представила ему, такъ сказать, идеаль исхода
равнявшейся изъ мрака людской злобы къ свѣту любви души его»;
«онъ былъ юноша... честный по природѣ своей, требующій
правды, ищущій ея и вѣрующій въ нее, а увѣровавъ, требую-
щій немедленнаго участія въ ней всею силой души своей, тре-
бующій скораго подвига, съ непремѣннымъ желаніемъ хотя бы
всѣмъ пожертвовать для этого подвига, даже жизнью». Но если
никто не будетъ спорить съ нами, когда мы причислимъ Левина
и Алексѣя Карамазова къ этическимъ характерамъ, то сопоста-
вленіе съ ними Базарова можетъ вызвать у поверхностнаго на-
блюдателя протестъ или по крайней мѣрѣ сомнѣніе. Мы ду-
маемъ однако, что различіе между Базаровымъ и названными
типами чисто-индивидуальное, и что по существу своему База-
ровъ не менѣе этический человѣкъ, чѣмъ донъ-Кихоть, Левинъ
или Карамазовъ. Что составляетъ смыслъ жизни для Базарова?
Несомнѣнно, отрицаніе, — отрицаніе всѣхъ условностей, устарѣ-
вшихъ, по его убѣжденію, узъ, обветшалыхъ понятій. Это своего
рода нравственный идеаль, сводящійся къ торжеству простоты,
искренности, здраваго смысла, разумности, — однимъ словомъ,
это идеаль «мыслящаго реалиста»: не даромъ тотъ, кому при-
надлежитъ честь изобрѣтенія этого послѣдняго термина, — Пи-
саревъ, — такъ восхищался героемъ Тургеневского романа. Въ
честности Базарова, въ совершенной искренности его убѣжде-
ній и во всегдашней готовности запечатлѣть эту искренность
дѣйствіемъ, активнымъ осуществленіемъ своего своеобразнаго
идеала, навѣрное, никто не будетъ сомнѣваться. А если все это

вѣрно, то какъ же не причислить Базарова къ этическимъ характерамъ?

Дальнѣйшій анализъ только оправдываетъ сопоставленіе его съ Левинымъ и Карамазовымъ. У всѣхъ троихъ этическія чувства являются наиболѣе развитой стороной ихъ психической природы. Всѣхъ ихъ объединяетъ прежде всего любовь къ дѣтямъ: какъ любилъ дѣтей Левинъ, и какой искренней привязанностью съ ихъ стороны онъ пользовался, — это лучше всего видно изъ его игръ въ деревнѣ съ дѣтьми Облонскихъ; отношенія Алеши Карамазова къ дѣтямъ дали возможность Достоевскому написать нѣсколько чрезвычайно трогательныхъ главъ; наконецъ, Базаровъ живо сошелся съ крестьянскими ребятами, водившими его ловить лягушекъ; Митя, маленькій сынъ Николая Петровича Кирсанова, сразу, безъ всякой боязни пошелъ къ нему на руки: дѣти всегда чувствуютъ расположеніе къ тѣмъ, кто ихъ любитъ. Не менѣе важное значеніе въ жизни всѣхъ троихъ имѣло чувство искренней привязанности къ родителямъ. Для Левина воспоминаніе о рано потерянной матери «было священнымъ». Алексѣй Карамазовъ, оставшись послѣ матери 3-хъ лѣтъ, запомнилъ однако ее и искренно любилъ отца. Когда Аркадій Кирсановъ, познакомившись съ родителями Базарова, спросилъ послѣдняго: «ты ихъ любишь, Евгений?» тотъ просто, но сильно отвѣчалъ: «люблю, Аркадій», а позднѣе, въ разговорѣ съ Одинцовой, замѣтилъ о своихъ отцѣ и матери: «такихъ людей, какъ они, въ вашемъ большомъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыскать». Чувство дружбы было въ одинаковой мѣрѣ свойственно и Левину, и Карамазову, и Базарову. У Левина было много людей, къ которымъ онъ былъ искренно расположенъ: извѣстна его дружба съ Щербацкимъ, Стивой Облонскимъ, Свѣжскимъ и др. Относительно Алеши Карамазова достаточно напомнить о его глубокой привязанности къ старцу Зосимѣ. Базаровъ былъ не на словахъ только друженъ съ Аркадіемъ Кирсановымъ, и когда пріѣхалъ въ имѣніе его отца, то всѣ въ домѣ очень скоро привыкли и привязались къ нему. Чтобы закончить рѣчь объ этическихъ чувствахъ, остается сказать о главномъ изъ нихъ, — любви. Любовь, конечно, очень сложное и разнообразное, мѣняющееся сообразно натурѣ человека, чувство, почему нельзя не признать характернымъ взаимную психологическую близость всѣхъ трехъ разбираемыхъ типовъ въ отношеніи любви. Начать съ того, что страстность — отличительная черта всѣхъ ихъ, что фیزیологическій элементъ любви у нихъ сильно развитъ. «Базаровъ былъ великій охотникъ до женщинъ и до женской красоты». Во время объясненія съ

Одинцовой «страсть въ немъ билась, сильная и тяжелая страсть, похожая на злобу и, быть можетъ, сродни ей». «Дикая, изступленная стыдливость и цѣломудренность» Алексѣя Карамазова — признакъ необыкновенно-страстной натуры: не даромъ, выслушавъ разсказъ развратника, брата своего Дмитрія, онъ покраснѣлъ и сказалъ: «я то же самое, что и ты». Мечты о семейной жизни, неудержимые порывы къ ней у Левина имѣютъ своимъ источникомъ между прочимъ и напряженный физиологическій инстинктъ. Но его любовь — не голая чувственность, въ ней силенъ духовный, этический элементъ: «только одни на свѣтѣ были эти глаза, только одно на свѣтѣ существо, способное сосредоточить для него весь свѣтъ и смыслъ жизни». То же самое надо сказать и о Базаровѣ: не безъ причины обычное, презрительное выраженіе — «романтизмъ, чепуха» застыло у него на губахъ, когда онъ полюбилъ Одинцову; духовное богатство его чувства выразилось съ особенной силой во время послѣдняго, предсмертнаго свиданія съ ней. Въ жизни Алексѣя Карамазова, поскольку она изображена въ романѣ Достоевскаго, еще не наступилъ моментъ настоящаго увлеченія, оно наблюдается только въ зародышѣ, въ его отношеніяхъ къ Лизе, но едва ли кто-либо будетъ сомнѣваться, что въ его чувствѣ этическая, духовная сторона должна быть сильно развита.

Мы видѣли, какимъ утопистомъ былъ въ своихъ общественныхъ чувствахъ и политическихъ убѣжденіяхъ донъ-Кихоть, мечтавшій перестроить міръ при помощи странствующихъ рыцарей. Въ сущности, какъ было уже замѣчено, общественныя чувства донъ-Кихота отличались не социальнымъ, а этическимъ характеромъ. Безусловный этический характеръ общественныхъ чувствъ ведетъ въ сущности къ отсутствію политическихъ убѣжденій, къ невозможности иного отношенія къ существующему социальному строю, кромѣ отрицательнаго, къ утопіи, потому что этическія требованія въ чистомъ своемъ видѣ — абсолютны и не считаются съ обстоятельствами, не терпятъ поправокъ и ограниченій. Вотъ почему у Алексѣя Карамазова совсѣмъ нѣтъ политическихъ взглядовъ, и онъ вмѣстѣ съ Базаровымъ могъ бы сказать: «аристократизмъ, либерализмъ, прогрессъ, принципы, — подумаешь, сколько иностранныхъ и... бесполезныхъ словъ! Русскому человѣку они даромъ не нужны». И Левинъ, презиравшій земство, не признававшій смысла во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, въ сущности не далеко ушелъ отъ того же Базарова, рѣзко и категорически заявлявшаго: «мы отрицаемъ все». Голое и огульное отрицаніе — вотъ обычный результатъ преобладанія этического элемента въ общественныхъ

чувствахъ. И въ тѣхъ случаяхъ, когда люди этического склада пытаются создать что-либо положительное въ сферѣ социальныхъ отношеній, — получается нѣчто уродливое и неосуществимое, разрушающееся, какъ карточный домикъ, отъ перваго грубаго соприкосновенія съ дѣйствительностью. Припомните социальные мечтанія Левина и ихъ судьбу: онъ задумалъ преобразовать хозяйство, сдѣлавъ рабочихъ пайщиками, но ничего изъ этого не вышло; онъ былъ убѣжденъ, что его сочиненіе о сельскомъ хозяйствѣ «должно было не только произвести переворотъ въ политической экономіи, но совершенно уничтожить эту науку и положить начало новой наукѣ — объ отношеніяхъ народа къ землѣ»; нужно ли прибавлять, что и эти планы уничтоженія политической экономіи кончились неудачей?

Далѣе, отличительной чертой этическихъ характеровъ слѣдуетъ признать религіозность, живую потребность вѣры въ метафизическихъ умствованій, а по преимуществу опять-таки на нравственной основѣ. Левинъ кончаетъ вѣрой, Карамазовъ «поразили убѣжденіемъ, что безсмертіе и Богъ существуютъ» и умилялся молитвами, а Базаровъ, хотя по обычному, вульгарному представленію является и въ религіозной сферѣ отрицателемъ, — но въ немъ живетъ искреннее преклоненіе передъ природой, естественностью, матеріей, онъ не позитивистъ, а вѣрующій догматикъ, въ сущности онъ признаетъ существованіе высшей силы и даетъ лишь ей особое названіе «природа». Пусть это не ортодоксальная вѣра, но все-таки это-вѣра.

Достаточно припомнить сцену обѣда Левина съ Облонскимъ въ ресторанѣ, чтобы ярко намѣтить одну изъ отличительныхъ чертъ Левина — его неприхотливость: онъ не любитъ и не ищетъ тонкихъ гастрономическихъ и вообще физическихъ наслажденій, для него они второстепенны: «мнѣ лучше всего щи и каша», замѣчаетъ онъ въ отвѣтъ на гастрономическіе планы Облонскаго; «Левинъ ѣлъ и устрицы, хотя бѣлый хлѣбъ съ сыромъ былъ ему пріятнѣе». Такъ же мало прихотливы и Карамазовъ и Базаровъ. Всѣ трое, подобно донъ-Кихоту, совсѣмъ недоступны такому эгоистическому чувству, какъ страхъ: Базаровъ, напримеръ, нимало не теряется передъ неожиданной дуэлью съ Павломъ Кирсановымъ; Алексѣй Карамазовъ «никогда и никого не боялся», смѣлость Левина не подлежитъ сомнѣнію. Безсребреничество, равнодушіе къ деньгамъ, полное отсутствіе корыстолюбія — объединяло всѣ три разбираемые характера. Карамазовъ «никогда не заботился, на чьи средства живетъ»; «попади вдругъ хотя бы даже цѣлый капиталъ, онъ не затруднится отдать его по первому даже спросу»; «онъ какъ бы вовсе не зналъ цѣны

деньгамъ». Едва ли кто-нибудь станетъ спорить, что въ извѣстной мѣрѣ то же можно сказать и о Базаровѣ съ Левинымъ. Всѣ три разбираемыхъ лица не чужды были чувства собственнаго достоинства и не лишены честолюбія, но этический отгѣнокъ былъ очень силенъ въ этихъ чувствахъ: извѣстныя нравственныя задачи были основой ихъ самоуваженія. Всего ярче, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и всего грубѣе, это выражается въ самоуверенности и развязности Базарова, проистекающихъ изъ твердаго его убѣжденія, что онъ обрѣлъ истинный житейскій маякъ: «всякій человѣкъ самъ себя воспитать долженъ», говоритъ Базаровъ «а что касается до времени, отчего я отъ него зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависить отъ меня». Левинъ и особенно Карамазовъ выразились бы мягче, но отъ этого существо дѣла не измѣнилось бы.

Такой же и даже большей слабостью и примѣсью этического элемента отличаются эстетическія чувства Левина, Базарова и Алексѣя Карамазова. Последняго не интересовало ни одно искусство; это же, хотя, быть можетъ, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, слѣдуетъ сказать о первомъ, а что касается до второго, то хорошо извѣстны его рѣзкіе отзывы объ искусствѣ: «романтизмъ, чепуха, гниль, художество!» «порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта»; «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ»; «пора бросить эту ерунду», потому что «природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ». Эта *этическая* мотивировка отрицательнаго отношенія къ искусству какъ нельзя болѣе характерна.

Преобладаніе этического начала въ психической природѣ человѣка ведетъ къ крайнему умственному субъективизму, къ односторонности ума. Левинъ пріѣзжалъ въ Москву «большею частью съ совершенно-новымъ, неожиданнымъ взглядомъ на вещи», смотрѣлъ на все сквозь призму своихъ исключительныхъ воззрѣній и клеймилъ презрѣніемъ то, что нельзя было подъ нихъ подвести. Такое же пренебреженіе къ чужимъ взглядамъ замѣтно у Базарова. Умственная прямолинейность, безпощадное доктринерство своего рода, безусловность мысли—отличительная черта этическихъ характеровъ. Такіе характеры не чужды интереса къ наукѣ и философіи, но лишь постольку, поскольку наука и философія связаны съ ихъ нравственными идеалами. Почему Базаровъ интересуется и дѣятельно занимается естествознаніемъ? Потому что, по его мнѣнію, оно оправдываетъ его отрицаніе въ практической жизни. Къ метафизикѣ онъ питаетъ недвѣдучее презрѣніе: по его словамъ, «наука *вообще* не существуетъ вовсе», а существуютъ только отдѣльныя науки. У Ле-

вина какъ будто больше интереса къ философіи, но опять-таки не метафизическія тонкости его занимаютъ, а первостепенныя съ нравственной точки зрѣнія «вопросы о значеніи жизни и смерти». Такимъ же нравственнымъ мѣриломъ опредѣлялось и отношеніе Левина къ наукѣ: занятіе книгой казалось ему второстепеннымъ сравнительно съ жизнью; онъ не понимаетъ, почему Свѣжскій интересуется вопросомъ о паденіи Польши, и ждетъ практическаго вывода, спрашивая: «Ну, такъ что же?» Слушая теоретическій разговоръ Кознышева съ профессоромъ, онъ пришелъ къ выводу, что «они, подойдя къ самому главному, опять отходятъ», и не сталъ въ концѣ концовъ ихъ слушать.

И господство всеподавляющаго этического элемента, и субъективизмъ ума въ высшей степени способствуютъ рѣшительности дѣйствія, большой волевой энергіи человѣка, уничтожаютъ всякія колебанія. Базаровъ умѣлъ твердо и рѣзко принимать рѣшенія въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ и выполнять ихъ безъ колебаній: припомнимъ, напримѣръ, его отъѣздъ отъ Одинцовой послѣ объясненія. По словамъ Левина, «съ собой сдѣлать все возможно»; онъ быстро и безповоротно мѣняетъ свое отношеніе къ тѣмъ или инымъ житейскимъ условіямъ, разъ они его не удовлетворяютъ: бросаетъ земство, напримѣръ, разочаровавшись въ немъ. А мягкій Алеша Карамазовъ вдругъ становится настойчивымъ и умѣетъ повліять на другихъ въ такихъ обстоятельствахъ, когда другіе теряются: «Не сердитесь на брата! перестаньте его обижать», вдругъ настойчиво произнесъ Алеша, когда отецъ его, Ѳедоръ Павловичъ, пьяный началъ придирается къ своему сыну, Ивану. Когда Дмитрій Карамазовъ ворвался въ домъ и сталъ бить пьянаго отца, — «Дмитрій, иди отсюда вонъ сейчасъ! властно вскрикнулъ Алеша».

Теперь, анализируя четыре замѣчательныхъ изображенія этическихъ характеровъ, принадлежація перу столь первостепенныхъ писателей-художниковъ, какъ Сервантесъ, Достоевскій, Толстой и Тургеневъ, мы можемъ—уже безъ опасенія впасть въ ошибку—сдѣлать общіе выводы о томъ, что слѣдуетъ считать типическими чертами этическихъ индивидуальностей?

Несомнѣнно, основной чертой является преобладающее значеніе нравственнаго чувства, непреоборимая потребность выработать нравственный идеалъ, который могъ бы быть надежнымъ руководителемъ человѣка въ жизни. Эта черта проникаетъ и питаетъ собою не только всю эмоціональную сторону психической природы этическихъ характеровъ, но и дѣятельность ума, и волю. Вотъ почему воля отличается крайней напряженностью

и энергіей, какъ и всѣ этическія чувства, тогда какъ чувства эгоистическія и особенно эстетическія, если выдѣлить изъ нихъ этический элементъ, поражаютъ своей слабостью. Этимъ же господствомъ этического элемента объясняется и односторонность, субъективизмъ ума, пренебрегающаго отвлеченными теоретическими построениями внѣ ихъ непосредственной связи съ практической дѣйствительностью и нравственными запросами. Наконецъ, общественныя и религіозныя чувства отличаются также рѣзко-выраженной этической окраской.

IV.

Переходимъ ко второй части нашей задачи, — къ изученію *эстетическихъ* характеровъ.

Несомнѣнно, однимъ изъ лучшихъ изображеній такихъ типовъ является характеръ Райскаго въ романѣ Гончарова «Обрывъ». Его мы и разберемъ сначала и посредствомъ этого разбора намѣтимъ основныя черты психической природы эстетическихъ индивидуальностей, чтобы затѣмъ, взявъ еще нѣсколько сходныхъ характеровъ, произвести повѣрку сдѣланныхъ наблюдений и придти къ окончательному заключенію.

Что Райскій—художественная натура, что эстетическія впечатлѣнія составляютъ главное содержаніе его жизни — это едва ли стоитъ доказывать сколько-нибудь обстоятельно: до такой степени это очевидно и всѣмъ извѣстно. Ограничимся поэтому лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями. «Музыку онъ любилъ до опьяненія», самъ занимался ею; еще въ дѣтствѣ онъ умѣлъ художественно изображать воображаемыя страны, зачитывался Тассомъ, Оссіаномъ, Гомеромъ, Вольтеромъ, Боккачіо, самъ писалъ романъ и стихотворенія. Будучи ученикомъ, Райскій хорошо и съ увлеченіемъ рисовалъ и позднѣе не оставилъ этого искусства: писалъ портреты горничныхъ, кучера, деревенскихъ мужиковъ, Марейники, Вѣры, бабушки.

Два *эгоистическихъ* чувства—склонность къ грубымъ физическимъ ощущеніямъ и корыстолюбіе — были совершенно чужды Райскому. Комфортъ былъ ему, конечно, нуженъ и притомъ въ большей степени, чѣмъ любому человѣку съ этическимъ складомъ души, но наслажденія вкусовыми ощущеніями или грубая, ничѣмъ не прикрытая, чувственность претили ему. Точно также онъ былъ вполне равнодушенъ къ своимъ хозяйству, деньгамъ, бабушкинымъ отчетамъ и вѣдомостямъ по управленію имѣніемъ, хочетъ даромъ отпустить мужиковъ на волю, все подарить Вѣрѣ и Марейникѣ, даетъ Марку Волохову деньги взаймы безъ всякой

надежды получить ихъ обратно. Все это совершенно понятно въ эстетической, художественной натурѣ: въ грубыхъ чувственныхъ удовольствіяхъ и въ скупости и жадности нѣтъ совершенно элемента красоты, почему эстетическій характеръ мало имъ доступенъ, точнѣе — безразлично отъ нихъ отстраняется; не безнравственность, а безобразіе этихъ свойствъ и ихъ проявленій отталкиваетъ такого человѣка отъ нихъ. Но тотъ же перевѣсъ эстетическаго чувства обуславливалъ сильное развитіе другихъ, высшихъ и болѣе сложныхъ, включающихъ въ себѣ элементъ красоты, эгоистическихъ чувствъ. Самоуваженіе (самолюбіе) и честолюбіе принадлежали къ числу отличительныхъ чертъ Райскаго: въ школѣ онъ училъ блестяще уроки, если было задѣто его самолюбіе; гордился своими легкими успѣхами въ рисованіи; шатался отъ упоенія при похвалахъ профессора его стихамъ. Еще сильнѣе выражена была у Райскаго неудержимая потребность въ разнообразіи впечатлѣній: чуть, бывало, отдастся онъ извѣстному впечатлѣнію, какъ вскорѣ оказывалось, что «лучъ померкъ, краски пропали, форма износилась, и онъ бросалъ и искалъ жадными глазами другого явленія, другого чувства, зрѣлища, и если не было, — скучалъ». Фантазія его постоянно «била лихорадкой какого-нибудь встрѣчнаго ощущенія, мгновеннаго впечатлѣнія»; ему вѣчно нужны были «чадъ, шумъ, студіи художниковъ, обѣды и ужины». Такъ эгоистическія чувства, доступныя эстетической окраскѣ, отличались у Райскаго болѣе напряженностью, чѣмъ у характеровъ, подобныхъ донъ-Кихоту.

За то *этическія* чувства Райскаго поражали своей слабостью или отличались чрезвычайно-сильной примѣсью эстетическаго элемента, — настолько сильной, что эта примѣсь заслоняла и подавляла основной ихъ характеръ. Напрасно мы стали бы искать у Райскаго тоски по нравственному идеалу, мучительной работы надъ вопросомъ о томъ, какъ надо жить. Чувство дружбы не было сильно и имѣло эстетическій характеръ: «симпатіи его такъ часто мѣнялись, что у него не было ни постоянныхъ друзей, ни враговъ»; на дружбу и вражду «онъ какъ будто смотрѣлъ со стороны и наслаждался, видя и себя, и другого, и всю картину передъ собой». Также мало значили для него и семейныя привязанности, которыя, подобно дружбѣ, не имѣли у него активнаго характера, а отличались отгѣнкомъ диллетантизма, артистичности, красоты: Райскій любилъ бабушку, но не дѣйствительной любовью: писалъ ей рѣдко и мало, почти не посѣщалъ ее и т. д., онъ жалѣлъ Наташу, оплакивалъ ее несчастную жизнь и смерть, но скучалъ съ ней и обманывалъ ее и на смѣху.

острой душевной боли послѣ ея смерти вскорѣ «въ головѣ только осталась вибрація воздуха отъ свѣчъ, тихое гнѣіе, расплывшееся отъ слезъ лицо тетки и безмолвный, судорожный плачь подруги», однимъ словомъ,—уцѣлѣлъ лишь художественный образъ. А какъ характерно отношеніе Райскаго къ Вѣрѣ и Марейнкѣ: послѣдняя скоро перестала его интересоваться, а къ первой, вмѣсто родственной привязанности и дружбы, онъ сразу воспылалъ любовью и опять-таки не дѣятельной любовью, а такой, къ которой вполне примѣнимы его собственныя слова: «мы тамъ, въ кучѣ, стряпаемъ свою жизнь и страсти, какъ повара тонкія блюда». Въ любовныхъ увлеченіяхъ Райскаго гораздо меньше чувственныхъ элементовъ (не говоря уже объ этическихъ), чѣмъ элементовъ эстетическихъ. Бѣловодова нравилась ему соединеніемъ безупречной красоты съ холодною. Онъ былъ неудовлетворенъ любовью Наташи, въ ней видѣлось ему «зерно скуки», потому что онъ «мечталъ о страсти, о ея безконечно-разнообразныхъ видахъ, о всѣхъ сверкающихъ молніяхъ». Ему было необходимо, чтобы въ глазахъ любимой женщины блестѣлъ «таинственный лучъ затаеннаго, сдержаннаго упоенія». Эти тонкости, отбѣнки, переливы, варіаціи, вообще эстетика чувства имѣли для Райскаго несравненно большее значеніе, чѣмъ самое чувство.

Врожденное чувство красоты, артистическія наклонности исключаютъ возможность рѣзкаго отрицанія существующаго общественнаго строя, съ одной стороны, и реакціонныхъ порывовъ и возжелѣній, съ другой: и то и другое не гармонично и не красиво, уродливо и грубо. Скептический консерватизмъ — вотъ какъ всего лучше слѣдуетъ опредѣлить общественныя чувства эстетической натуры. Райскій «открыто заявлялъ, что, вѣря въ прогрессъ, даже досадуя на его «черепашій» шагъ, самъ онъ не смѣшилъ укладывать себя всего въ какое-нибудь едва обозначившееся десятилѣтіе, дешево отрекаясь и отъ завѣщанныхъ исторіею, добытыхъ наукой и еще болѣе отъ выработанныхъ собственной жизнью убѣжденій, наблюденій и опытовъ, въ виду едва занявшейся зари quasi-новыхъ идей». «Онъ терпѣливо шелъ за вѣкомъ». По его мнѣнію, «подъ старыми, заученными правилами таился здравый смыслъ и житейская мудрость».

Чтобы выйти изъ сферы эмоцій, остается только указать, что эстетическій дилетантизмъ приводилъ Райскаго и къ *религіозному* индифферентизму.

Основное свойство натуры, подобныхъ Райскому, сказывается, конечно, въ сильной степени и въ сферѣ *ума*. Пушкинъ въ

известномъ своемъ стихотвореніи сравниваетъ поэта съ эхомъ. Въ этомъ сравненіи справедливо не только то, что художественныя натуры отличаются разносторонней впечатлительностью: здѣсь отражается также главное свойство *ума* индивидуальностей эстетическаго типа, именно разносторонность, объективность ума. Красота въ своихъ проявленіяхъ безконечно-разнообразна, почему и полное ея пониманіе требуетъ непремѣнно умственного объективизма, терпимости къ чужимъ взглядамъ и пониманіямъ ихъ. Это качество было въ достаточной мѣрѣ свойственно Райскому: оно позволяло ему терпимо относиться къ Волохову, напримѣръ, и вообще расширяло сферу его интересовъ и наблюденій, къ сожалѣнію не углубляя ихъ. Эта поверхностность, неустойчивость, недостатокъ выдержки составляетъ вторую — послѣ разносторонности — отличительную черту умственной природы Райскаго. Въ наукѣ онъ «схватывалъ тѣнь, верхушку истины», «узнавать ему было скучно, онъ отталкивалъ наскучившій предметъ прочь». Этимъ объясняется и философскій скептицизмъ Райскаго: онъ интересовался философіей, — читалъ, напримѣръ, Спинозу, — но это былъ опять-таки не активный интересъ, а художественный: философія не осмыслила для него никакого нравственнаго идеала, не вдохновила его ни для какой опредѣленной дѣятельности. Самый выборъ Спинозы для чтенія характеренъ: онъ указываетъ на преобладаніе метафизическаго интереса надъ этическимъ.

Параличъ *воли* у Райскаго, его полная неспособность къ дѣйствию не разъ уже была отмѣчена въ предшествующемъ изложеніи и представляетъ собою совершенно несомнѣнную для каждаго черту его характера: не даромъ всѣ его замыслы и предпріятія сводятся къ нулю: начатый романъ не удается, картины не оканчиваются; напрасно нѣсколько разъ Райскій собирается уѣхать отъ бабушки, — онъ не въ состояніи выполнить это намѣреніе; онъ готовится спасти счастье Козлова и поступаетъ какъ разъ наперекоръ своимъ цѣлямъ; онъ не въ силахъ отказать Полинѣ Карповнѣ въ ея просьбѣ написать ея портретъ и т. д. и т. д. И здѣсь эстетическое чувство и объективизмъ ума неизбежно ведутъ къ борьбѣ слишкомъ многочисленныхъ и различныхъ мотивовъ и тѣмъ уничтожаютъ возможность дѣйствія.

V.

Другими представителями эстетическаго типа мы выбираемъ героевъ известнаго очень талантливаго польскаго романиста Санкевича, — Петронія (изъ романа «*Quo vadis?*») и Леона Пло-

шовскаго («Безъ догмата»), а также Тургеневскаго Рудина. Относительно Плошовскаго и Рудина необходимо сдѣлать однако существенную оговорку: оба эти характера не чисто эстетическіе, а съ примѣсью другихъ признаковъ, немногимъ уступающихъ по силѣ эстетическому чувству: у Плошовскаго такой важной примѣсью является значительная напряженность нравственныхъ чувствъ, у Рудина — сила анализа, сближающая его съ Гамлетомъ, типомъ вовсе не эстетическимъ, а аналитическимъ. Но не смотря на эту оговорку, мы думаемъ, что указанные въ ней примѣсы имѣютъ скорѣе индивидуальное, чѣмъ типическое значеніе, и психологическая природа Плошовскаго и Рудина, не говоря уже о Петроніи, въ существенныхъ чертахъ тождественна съ характеромъ Райскаго.

Какое важное, опредѣляющее значеніе имѣло *чувство красоты* въ жизни Петроніи,—это видно прежде всего изъ его увлеченія поэзіей: онъ цитируетъ наизусть Гомера, читаетъ Вергілія, Теокрита, самъ пишетъ—припомнимъ его «Сатириконъ»,—прямо заявляетъ, наконецъ: «люблю поэзію». Пластическая красота также неудержимо привлекаетъ Петронію: его домъ украшенъ превосходными статуями и картинами, онъ любитъ вазы и геммы, особенно восхищается имѣющимся у него прекраснымъ сосудомъ; при видѣ Лигіи «въ немъ проснулся художникъ и поклонникъ красоты, онъ почувствовалъ, что подъ статуей этой дѣвушки можно было бы подписать «вечна». Не менѣе сильны были эстетическіе интересы Плошовскаго: онъ съ удовольствіемъ слушаетъ игру талантливой піанистки Клары Гильстъ, уподобляя ее Рафаэлевской св. Цециліи, понимаетъ Бетховена, Моцарта и Мендельсона; читаетъ съ миссисъ Дэвисъ «Божественную Комедію» Данте и одинъ — лучшіе французскіе романы, причемъ восхищается ихъ техникой. Однимъ словомъ, Клара Гильстъ вполне права, когда говоритъ Плошовскому: «Вы тоже артистъ. Можно не играть, не рисовать и быть артистомъ въ душѣ». Такимъ же артистомъ въ душѣ былъ Рудинъ: онъ читалъ Натальѣ «Гетевского Фауста, Гоффмана, Новалиса», «былъ весь погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій міръ»; Рудинъ просилъ Пандалевскаго сыграть «Erlkönig» Шуберта: «съ первымъ звукомъ лицо его приняло прекрасное выраженіе»; потомъ «онъ все заставлялъ Пандалевскаго играть изъ Бетховена».

Петронію, Плошовскому и Рудину, какъ и Райскому, въ силу ихъ эстетической природы, чужды низменныя эгоистическія чувства—склонность къ грубымъ ощущеніямъ и жажда пріобрѣтенія, любовь къ деньгамъ. Петроній былъ щедръ и любилъ только

утонченныя наслажденія. Тоже самое надо повторить о Плошовскомъ. Наталья права, когда говоритъ Рудину: «вы не въ состояннн дѣйствовать изъ расчета». Но, конечно, всѣ они далеко не аскеты, что всего лучше выражено Петроніемъ въ его словахъ Виницію: «благодѣтельно то, что даетъ людямъ счастье, т. е. красоту, любовь и силу». Тотъ же Петроній «былъ человѣкомъ отважнымъ и смерти не боялся», потому что страхъ смерти совершенно не вяжется съ господствомъ эстетическихъ чувствъ: онъ—этотъ страхъ—безобразенъ, не красивъ, пошлъ. Столь же не эстетиченъ и гнѣвъ: вотъ почему Рудинъ отличался «спокойствіемъ и изящной утилитивостью» и возразилъ разъ Пигасову «съ невольнымъ, но тотчасъ сдержаннымъ нетерпѣніемъ». Когда Петроній былъ раздраженъ, «на лицѣ его не было гнѣва, только въ глазахъ мелькнулъ блѣдный отблескъ отваги и энергіи». Другое дѣло—самоуваженіе и честолюбіе: эти эгоистическія чувства высоко развиты у эстетическихъ натуръ, потому что они—красивы и создаютъ человѣку красивое положеніе: Петроній любилъ вспоминать о своемъ справедливомъ управленіи Вириніей: «оно служило доказательствомъ, чѣмъ бы онъ сумѣлъ и могъ быть, если бы ему это нравилось». Плошовскій записываетъ въ свой дневникъ: «я искренно убѣжденъ, что могъ бы быть чѣмъ-нибудь безконечно болѣе крупнымъ, чѣмъ теперь», и сознается Снятыньскому, что любить похвалы своимъ способностямъ, что онъ «лестать его самолюбію». Рудинъ вдохновлялся «общимъ сочувствіемъ и вниманіемъ», говорилъ «мягко и ласково, какъ путешествующій принцъ»; «въ немъ было много добродушія, того особеннаго добродушія, которымъ исполнены люди, привыкшіе себя чувствовать выше другихъ». Есть доля правды въ слѣдующемъ преувеличенномъ замѣчаніи желчнаго неудачника Пигасова о Рудинѣ: «скажетъ я и съ умиленіемъ остановится... я, молъ, я». И Плошовскій и Рудинъ, наконецъ, всю жизнь свою стремились къ разнообразію впечатлѣній; это еще въ большей степени примѣнимо къ Петронію: его опасная игра съ Нерономъ доставляла ему своеобразное наслажденіе; онъ самъ замѣчаетъ: «для меня неувѣренность составляетъ прелесть жизни».

«Мы здѣсь давно утратили сознаніе того, что достойно и что недостойно, и мнѣ самому кажется, что такъ и есть на самомъ дѣлѣ, что разницы никакой не существуетъ». «Правда живетъ гдѣ-то такъ высоко, что даже сами боги не могутъ ее видѣть на вершинѣ Олимпа». Эти слова Петронія какъ нельзя лучше характеризуютъ его нравственный индифферентизмъ, слабость его *этическихъ чувствъ*. Единственнымъ основаніемъ нравственности онъ признаетъ красоту: «порокъ отвратителенъ, а добродѣтель

прекрасна. Ergo, истинный эстетикъ въ силу этого и добродѣтельный человѣкъ». При такихъ условіяхъ, конечно, не можетъ имѣть первостепенное значеніе вопросъ о нравственномъ житейскомъ идеалѣ, о томъ, «какъ жить свято». Вотъ почему и Плошовскій не признаетъ «искусственныхъ этическихъ доктринъ» и считаетъ понятіе о долгѣ второстепеннымъ, хотя, впрочемъ, для него оно все же важнѣе, чѣмъ для Петронія. Исканіе житейской правды мы напрасно стали бы стараться подмѣтить и въ Рудинѣ. Эстетической окраской отличались поэтому и другія этическія чувства Петронія, Плошовскаго и Рудина, — дружба, состраданіе къ другимъ людямъ и любовь. Такъ, Петроній питалъ къ Виницію «нѣкоторую слабость, граничащую съ привязанностью, потому что Маркъ (Виницій) былъ красивый и атлетически-сложенный молодой человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ развратѣ умѣлъ сохранять извѣстную эстетическую мѣру». Эстетическое чувство Петронія оскорблялось казнями Нерона. Въ любви Петронія привлекаютъ тонкія ощущенія, эстетическія впечатлѣнія, красота, онъ не упивается этимъ чувствомъ, но смакуетъ его. Этимъ объясняются и его приключенія съ Хризотемидой, и увлеченіе «дѣвочкой изъ Колхиды» въ Гераклеѣ, и любовь къ Эвникѣ. «Любить еще недостаточно», пишетъ онъ Виницію, «надо умѣть любить и надо сумѣть научить любви», онъ «наслажденіе обращаетъ въ изящное искусство». И въ дружбѣ Плошовскаго съ Снятыньскимъ, на примѣръ, чувствуется тотъ же эстетическій холодокъ. Плошовскій, правда, не лишенъ родственныхъ чувствъ, любить отца, на примѣръ, — но чувствуетъ какое-то разочарованіе, когда, готовый послѣ извѣстія о болѣзни увидѣть его мертвымъ, застаётъ живымъ и почти здоровымъ: «я такъ набилъ себѣ голову мрачными картинами», записываетъ онъ въ свой дневникъ, «—мнѣ представлялся отецъ въ гробу, среди свѣчъ, рисовался я самъ, стоящій на колѣняхъ у его гроба, — что мнѣ какъ будто стало жаль своего напраснаго сожалѣнія». А многимъ ли отличалось чувство любви у Плошовскаго отъ такого же чувства у Петронія? Плошовскаго привлекали «женщины изящныя, съ тонко настроенными нервами, алчущія новыхъ впечатлѣній и почти лишенныя всякихъ идеаловъ». Припомнимъ его чувственно-эстетическое увлеченіе миссисъ Дэвисъ. Та же жажда эстетическихъ оттѣнковъ, мелочныхъ переливовъ и эпикурейскихъ ощущеній ярко выступаетъ и въ болѣе серьезномъ чувствѣ Плошовскаго къ Анелькѣ. Вотъ какъ объясняетъ онъ причины своей медлительности, причины того, что онъ не произнесъ рѣшительнаго слова: «я не хочу, чтобы у меня что нибудь пропало изъ этихъ волненій, изъ этихъ впечатлѣній, изъ этого очарованія, кото-

рымъ полны недоговоренныя слова, вопросительныя взгляды, ожиданіе»; «я слегка эпикуреецъ въ дѣлѣ чувства»; «я черезчуръ дорожилъ этими головокружительными покатостями, этимъ созерцаніемъ огромной тяжести, висящей на тонкой нити и готовой каждую минуту оборваться, этимъ сердцемъ, которое трепетало чуть не на моей ладони, — мнѣ не хотѣлось кончать сразу». Если дружба Плошовскаго съ Снятыньскимъ не отличалась особенною горячностью, то отношенія Рудина къ своимъ друзьямъ, — Муффелю, князьку, даже Лежневу, — были еще холоднѣе. Къ боготворившей его матери Рудинъ относился почти совершенно равнодушно: только разъ пріѣхалъ къ ней на 10 дней, чрезвычайно рѣдко писалъ. Наконецъ, «Рудинъ не въ состояніи былъ сказать навѣрное, любить ли онъ Наталью, страдаетъ ли онъ, будетъ ли страдать, разставшись съ нею». Чувство любви прекрасно; только поэтому оно и захватываетъ Рудина: это не порывистая страсть, а эстетическое наслажденіе.

Итакъ этическія чувства у этическихъ характеровъ отличаются слабостью и сильной примѣсью чувства красоты. Столь же слабы и ихъ чувства *общественныя* и *религіозныя*. Петроній — совершенный индифферентистъ въ политикѣ и, какъ всѣ индифферентисты, въ сущности желаетъ сохраненія существующаго порядка и питаетъ отвращеніе къ демократіи, такъ какъ презираетъ толпу съ художественной и эстетической точки зрѣнія. «Я консерваторъ», пишетъ Плошовскій, но «это далеко отъ воззрѣнія на застой, какъ на догматъ», «я настолько цивилизованный человѣкъ, чтобы не стать безусловно на сторонѣ аристократіи или демократіи»; «сознаніе общественныхъ обязанностей — очень хорошая вещь, только, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ его». Нѣтъ его въ сущности и у Рудина: если онъ громко говоритъ объ этихъ обязанностяхъ, если онъ учительствуетъ, хлопочетъ объ обращеніи рѣки въ судоходную, наконецъ умираетъ на баррикадѣ, то не столько въ силу убѣжденія, сколько подъ вліяніемъ того, что все это прекрасно, красиво, отвѣчаетъ эстетическому вкусу. Религіозныя вопросы совсѣмъ не занимали Рудина; не было вѣры и у Плошовскаго: «я не знаю» — вотъ все, что онъ могъ сказать въ этомъ отношеніи. Петроній дѣлаетъ насмѣшливыя замѣчанія о Кипридѣ, Аскленіи, жертвахъ; «боги стали только реторическими фигурами», замѣчаетъ онъ, «цезарь не вѣритъ въ боговъ, и онъ правъ».

Объективизмъ, большая склонность къ теоретическому знанію и къ философской метафизикѣ, перерождающейся перѣдко въ скептицизмъ, — вотъ отличительныя *умственные* свойства такихъ характеровъ, какъ Рудинъ, Плошовскій и Петроній. Рудинъ въ

спорѣ съ Пигасовымъ защищать системы и общіе взгляды, весь былъ погруженъ въ германскій философскій міръ и, по словамъ Лежнева, умъ имѣлъ «систематическій»: «читалъ онъ философскія книги, и голова у него такъ была устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы. Умственный объективизмъ Плошовскаго дошелъ до того, что у него сложилось «почтительное отношеніе ко всякимъ мнѣніямъ»; онъ самъ говоритъ о себѣ: «я умѣю тонко понимать, я не издаю павлиньяго крика, если услышу что-нибудь противное моему мнѣнію». Онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ свидѣтельствуетъ о своихъ теоретическихъ — научныхъ и философскихъ — интересахъ: «я иду наряду съ умственнымъ движеніемъ своего вѣка». Въ философіи Плошовскій скептикъ, скептицизмомъ онъ «пропитанъ какъ губка влагою». Наконецъ, и умъ Петронія лишенъ узости и односторонности, отличается объективизмомъ; не даромъ онъ говоритъ: «я всегда буду измѣнять мнѣнія, если найду это справедливымъ». Онъ интересуется философіей и наукой, любитъ книги, читаетъ Сенеку, замѣчаетъ, что «когда попадешь въ книжную лавку, всегда любопытно посмотреть и то и это». Философскій скептицизмъ Петронія ярко и опредѣленно выраженъ въ цѣломъ рядѣ его замѣчаній, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующія, напримѣръ: «глупость, какъ говоритъ Пирронъ, ничѣмъ не хуже мудрости и ни въ чемъ отъ нея не отличается»; «свѣтъ стоитъ на обманѣ, а жизнь — заблужденіе; душа — это тоже заблужденіе»; «теперь я говорю себѣ вотъ что: наполни жизнь счастьемъ, какъ кубокъ самымъ лучшимъ виномъ, какое только породила земля, и пей, пока не омертвѣетъ твоя рука и не поблѣднѣютъ твои уста. Что будетъ дальше, — объ этомъ я не забочусь. Вотъ моя новѣйшая философія».

Остается отмѣтить теперь въ разбираемыхъ типахъ ту-же *слабовольность*, какою отличается, какъ мы видѣли, Райскій, типичнѣйшій представитель эстетическаго характера. Относительно Петронія достаточно характерной является только что цитированная послѣдняя фраза. Можно бы намѣтить и другіе примѣры недостаточной его энергіи: его политическій индифферентизмъ, полное нежеланіе употребить сколько-нибудь энергичное усиліе для униженія и гибели такого человѣка, какъ Тигеллинъ и т. д. Плошовскій въ своемъ дневникѣ признаетъ за собой полную неспособность «умѣть хотѣть», «болѣзнь воли», «l'improductivité slave». Самоанализъ и самокритика парализуютъ у него всякое

дѣйствіе: онъ «теряетъ всякую рѣшительность», въ критическія минуты его охватываетъ «страхъ передъ тою щеколдой, которая можетъ опуститься». Извѣстно, наконецъ, что Рудинъ вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, разливался моремъ словъ и жаловался на обстоятельства и недостатокъ сочувствія: обычный способъ самооправданія, примѣняемый безвольными людьми. «Быть полезнымъ... легко сказать!» замѣчаетъ Рудинъ: «если бы даже и было во мнѣ твердое убѣжденіе,—какъ я могу быть полезнымъ? если бы я даже вѣрилъ въ свои силы,—гдѣ найти искреннія, сочувствующія души?» «я не долженъ растрачивать свои силы на одну болтовню, пустую, бесполезную болтовню, на одни слова... И слова его полились рѣкою». Придя на свиданіе съ Натальей къ пруду, Рудинъ «смущается духомъ» и совершенно теряется, когда Наталья говоритъ ему, что мать ея противъ ея брака съ нимъ. «Что намъ дѣлать?»—возразилъ Рудинъ:—«разумѣется, покориться». Наталья права, когда говоритъ Рудину: «вы теперь трусили,» и называетъ его малодушнымъ человѣкомъ. У самого Рудина вырывается потомъ правдивое признаніе: «какъ я былъ жалокъ и ничтоженъ передъ ней!» Одно только могло подвигнуть Рудина на рѣшительный въ извѣстной мѣрѣ поступокъ: эстетичность, такъ сказать, извѣстнаго образа дѣйствій, красивая внѣшность ихъ: такъ, изъ чисто-эстетическихъ побужденій Рудинъ поѣхалъ къ Волынцеву и сказалъ ему, что любить Наталью и пользуется ея взаимностью.

VI.

Если сдѣлать теперь общій выводъ объ отличительныхъ чертахъ эстетическихъ характеровъ, то придется формулировать его слѣдующимъ образомъ: эстетическіе характеры въ области *чувства* отличаются крайнимъ развитіемъ эстетическаго вкуса, довольно-значительной напряженностью эгоистическихъ чувствъ, особенно высшихъ, и слабостью чувствъ этическихъ, общественныхъ и религіозныхъ; въ области *ума* главная черта эстетическихъ характеровъ—объективизмъ и въ связи съ этимъ большой интересъ къ теоретическимъ научнымъ и философскимъ вопросамъ; наконецъ, *воля* индивидовъ съ эстетическимъ складомъ души поражаетъ своей слабостью.

Во многихъ отношеніяхъ такимъ образомъ эстетическіе характеры являются противоположностью этическимъ. Можно даже выразиться еще рѣзче: между тѣми и другими трудно отыскать сходство. Гдѣ тѣ и другіе характеры ближе всего между собою, —это въ области эгоистическихъ чувствъ, хотя и здѣсь сходство,

довольно отдаленное, ограничивается лишь низшими эгоистическими чувствами, чуждыми, хотя и по разным причинам, и эстетикам и лицам этического типа. Можно, пожалуй, еще прибавить, что нравственные чувства эстетиков, не смотря на свою относительную слабость, не представляют все-таки контраста нравственным чувствам этических характеров и — по крайней мере — практически, в действительной жизни — люди обоих типов могут часто идти друг с другом некоторое время рука об руку. Но это и все, что можно найти — при самом внимательном сравнении — сходного между этическими и эстетическими характерами, если мы будем оставаться в сфере исключительно психологической или этологической.

Есть, однако, другая сторона вопроса, представляющая для нас первостепенную важность. Изучение характеров может и должно иметь значение не только и даже, может быть, не столько для психологии, сколько для социологии. Конечно, надлежащие социологические выводы возможны лишь тогда, когда мы будем обладать полной классификацией и точным научным описанием *всех* характеров в их типических чертах: тогда только можно будет поставить в связь и процесс этологического или психологического развития общества с другими эволюционными социальными процессами. Но и при изучении отдельных типов возможны и необходимы некоторые частные замечания социологического характера. Важно поставить вопрос, какое социальное значение имеют люди того или иного склада? Поскольку они способны сознательно и бессознательно воздействовать на процесс общественного развития? На первый взгляд в этом отношении этические и эстетические характеры непримиримы до противоположности. В самом деле: тогда как первые обыкновенно доходят до крайности в отрицании существующих общественных порядков, вторые являются охранителями наличного строя. Первые — фанатичны и нетерпимы, вторые в политической сфере холодны, спокойны и нерешительны. Тем не менее они не так далеки друг от друга, как это кажется на первый взгляд: дело в том, что относясь *сознательно* совершенно различно к политическому и общественному строю, они *бессознательно* одинаково мало на него воздействуют. Конечно, никакая сила в обществе, как и в природе, не пропадает даром, всему найдется точка приложения, все имеет свои определенные результаты, но вопрос о степени значительности этих результатов не лишен важности, и в данном случае они должны быть признаны минимальными. Дело в том, что, перенося в область политических понятий свою абсолют-

ную нравственную мѣрку, люди этического типа такъ же отрицательно относятся къ существующимъ политическимъ партиямъ и социальнымъ интересамъ: такъ же мало занимаются практическими средствами, приемами и подробностями борьбы, какъ и эстетики съ ихъ политическимъ скептицизмомъ. Это дѣлаетъ тѣхъ и другихъ одинокими, изолированными и парализуетъ ихъ усилія. Самое большое, что выпадаетъ на долю этическихъ характеровъ въ сферѣ социальной жизни, это горячее, хотя и безпочвенное новаторство, рѣзкая критика существующаго. Эстетики могутъ рассчитывать въ общественной жизни лишь на роль примирителей и умѣряющихъ крайности дѣятелей. Рѣже и гораздо менѣе рѣзко, чѣмъ этическіе характеры, они выступаютъ съ новыми идеями, и то идеи эти обыкновенно слышатся общи и отвлеченны, чтобы подвинуть непосредственно на дѣйствіе и на борьбу. Слабость социального значенія эстетическихъ и этическихъ характеровъ является такимъ образомъ новой чертой, сближающей между собою оба типа.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Этический индивидуализмъ.

(По поводу книги „Дневникъ Лассалля“).

I.

Мы выяснили методологическіе приемы изслѣдованія психологическаго характера и социологическое значеніе результатовъ работы въ этой важной, но мало разработанной сферѣ научнаго знанія. При этомъ былъ разобранъ вопросъ объ этическихъ и эстетическихъ характерахъ, во многомъ различныхъ между собою, хотя и не діаметрально-противоположныхъ. Теперь мы намѣрены въ предлагаемой статьѣ дать изображеніе характера человѣка, сыгравшаго видную роль въ исторіи Германіи XIX вѣка, Фердинанда Лассалля. Матеріаломъ для такого изображенія служить только-что появившійся въ русскомъ переводѣ дневникъ Лассалля ¹⁾.

¹⁾ Ф. Лассалль. Дневникъ. Изданіе Б. Н. Звонарева, переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 1 р. Спб. 1901.

Фердинандъ Лассаль родился въ 1825 году. Его дневникъ писанъ въ 1840—1841 годахъ, т. е. тогда, когда автору дневника было всего 15—16 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, познакомившись съ дневникомъ пятнадцатилѣтняго юноши, можно составить себѣ очень ясное и вѣрное понятіе о характерѣ Лассалья даже и за то время, когда онъ возмужалъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію предисловія къ дневнику, Лассаль «тотъ же и въ 1864 и въ 1840 годахъ» (стр. 64). Дневникъ отличается безусловной правдивостью и достовѣрностью, лишенъ жи и рисовки, потому что совершенно не предназначался авторомъ для печати или вообще для другихъ лицъ.

Психологическая характеристика Лассалья, представляя громадный историческій интересъ, такъ какъ Лассаль былъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, важна еще въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ послѣднее время въ публицистикѣ раздаются призывы къ «несгибаемому идеализму» Лассалья¹⁾, такъ что въ высшей степени любопытно присмотрѣться къ психологической подкладкѣ этого идеализма, какъ бы мы ни относились къ теоретическимъ взглядамъ и практическимъ убѣжденіямъ самого Лассалья и его новѣйшихъ послѣдователей; во-вторыхъ, Лассаль, какъ мы постараемся показать ниже, представляетъ собою не такой простой типъ, какими были разобранные нами въ свое время этическіе и эстетическіе характеры, а типъ сложный, переходный отъ этическаго къ индивидуалистическому, съ почти равнымъ значеніемъ этическаго и индивидуалистическаго элементовъ. Такимъ образомъ, изображеніе характера Лассалья является удобной переходной ступенью отъ представленной нами раньше характеристики чисто-этическихъ типовъ къ характеристикѣ типа чистыхъ индивидуалистовъ, которой мы намѣрены заняться въ ближайшемъ будущемъ, и которая имѣетъ громадное историческое и общественное значеніе, такъ какъ въ процессѣ историческаго развитія индивидуалистическіе характеры—въ всякаго сомнѣнія—приобрѣтаютъ все болѣе и болѣе господствующее положеніе.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ еще одно обстоятельство: въ статьѣ объ этическихъ и эстетическихъ характерахъ мы опирались исключительно на матеріалъ, почерпнутый изъ *художественной литературы*,—изъ произведеній Сервантеса, Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Сенкевича; сейчасъ мы будемъ имѣть дѣло не съ художественнымъ изображеніемъ типа, а съ живымъ человекомъ, дѣйствовавшимъ на глазахъ цѣлаго поколѣнія.

¹⁾ См. статью П. Б. Струве „Ф. Лассаль“ въ журналѣ „Міръ Божій“ за 1900 годъ, № 12.

Игнорировать одинъ изъ этихъ двухъ источниковъ значило бы произвольно сужать поле своихъ наблюдений, и трудно сказать, который изъ этихъ источниковъ важнѣе.

Чтобы закончить предварительныя замѣчанія, остается опредѣлить основную черту тѣхъ характеровъ, которые мы называемъ *индивидуалистическими*. Индивидуалистъ — это такой человѣкъ, который ставитъ свое я, свои интересы и потребности выше всего на свѣтѣ, у котораго сильно развиты и господствуютъ надъ другими эмоціями чувства эгоистическія. Мы избѣгаемъ, однако, называть такой характеръ эгоистическимъ потому, что съ этимъ словомъ ассоціировалось представленіе о полной душевной сухости, холодности и разсудочномъ человѣконенавистничествѣ, что далеко не характерно для индивидуалиста. Съ другой стороны, считаемъ неудобнымъ и новоизобрѣтенное слово «эготистъ», такъ какъ оно чересчуръ манерно и отличается излишнимъ декадентскимъ пошибомъ.

II.

Первый и главный выводъ, какой получается при изученіи характера Лассалья, по его дневнику, состоитъ въ томъ, что индивидуалистическій элементъ въ его психической природѣ, его *эгоистическія чувства* отличаются сильнымъ развитіемъ, большой напряженностью. Многочисленные отрывки изъ дневника ставятъ это обстоятельство внѣ всякаго сомнѣнія. Начнемъ съ указанія на сильное и важное значеніе для Лассалья тѣхъ *ощущеній*, которыя служатъ элементами эгоистическихъ, отчасти также и иныхъ чувствъ: мы говоримъ о склонностяхъ къ вкусовымъ ощущеніямъ и о чувственности. Страницы «Дневника» пестрятъ примѣрами того, какъ сильно увлекался его авторъ посѣщеніемъ кондитерскихъ и кафе; въ этомъ отношеніи излишними являются даже ссылки на отдѣльныя мѣста. Отмѣтимъ только откровенное признаніе 15-лѣтняго юноши, записанное имъ 9 января 1840 года: «ѣсть устрицы не такъ ужъ грѣшно. Отецъ называетъ такую жизнь распутной, а я имѣлъ пристрастіе къ такой распутной жизни» (стр. 54). На тѣхъ страницахъ «Дневника», гдѣ рѣчь заходитъ о женщинахъ, ясно проглядываетъ въ авторѣ будущій страстный любитель послѣднихъ, человѣкъ очень склонный къ чувственнымъ ощущеніямъ: достаточно указать на рассказы объ ухаживаньи за г-жей X. (стр. 114) и объ увлеченіи m-me N (стр. 48—51); чтобы убѣдить въ этомъ всякаго; природныя инстинкты Лассалья сказываются особенно ярко въ этомъ послѣднемъ

случаѣ: онъ съ восторгомъ описываетъ м-ше N въ костюмѣ невѣсты, какою онъ ее видѣлъ (стр. 50), и даетъ своему знакомому, Шиффу, продиктованный, очевидно, полусознаннымъ инстинктомъ совѣтъ «взять приступомъ эту крѣпость» (стр. 48), т. е. смѣлѣе ухаживать за г-жей N.

Мостомъ отъ элементарныхъ ощущеній къ эгоистическимъ чувствамъ въ собственномъ смыслѣ слова является *склонность къ разнообразію впечатлѣній*. Лассаль былъ зараженъ этою склонностью въ весьма высокой степени. На это указываетъ уже тотъ мотивъ, который вызвалъ самое появленіе дневника: мотивъ этотъ — «мысль о томъ удовольствіи, которое получается черезъ нѣсколько лѣтъ при чтеніи своего дневника, вызывающемъ въ воспоминаніи все, чѣмъ прежде наслаждался и что выстрадалъ» (стр. 43). То же сильное стремленіе къ разнообразію впечатлѣній видно, напримѣръ, изъ такой записи: «я не переживалъ еще такихъ счастливыхъ дней, какъ въ Берлинѣ. Я переходилъ отъ удовольствія къ удовольствію, изъ одного театра въ другой» (стр. 162). Здѣсь понятіе «счастье» прямо отождествляется со смѣной разнообразныхъ впечатлѣній.

То эгоистическое чувство, которое, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ признать центральнымъ, главнымъ, характернымъ для индивидуалистическаго типа, именно *чувство самоуваженія, соединяемое съ любовью къ одобренію (честолюбіемъ)*, отличалось у Лассалья чрезвычайно высокой степенью развитія. Онъ постоянно любитъ собою, съ особеннымъ удовольствіемъ записываетъ полученные имъ похвалы, надѣляетъ свою личность необыкновенными талантами, считаетъ себя неизмѣримо выше окружающихъ. 2-го января 1840 г. Лассаль записываетъ: «до сихъ поръ я еще не блисталъ» (стр. 49)—и тѣмъ даетъ понять, что время блеска скоро наступитъ, по его убѣжденію. Оно и наступило въ тотъ же вечеръ: «я въ этотъ вечеръ тоже хорошо говорилъ», читаемъ въ дневникѣ ниже, а затѣмъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ авторъ заноситъ на страницы своего дневника похвалы д-ра Шиффа его остроумію (стр. 43) и отзывъ о себѣ одного знакомаго: «вы прекрасный и остроумный малый не по лѣтамъ» (стр. 102). Лассаль въ совершенномъ восторгѣ отъ словъ Борхерта, который признавалъ его «геніальнымъ» и «необыкновеннымъ мальчикомъ» (стр. 122). Совершенно понятно, что, при такомъ взглядѣ на свою личность, Лассаль смотрѣлъ свысока, съ пренебреженіемъ, даже съ презрѣніемъ на другихъ людей, по крайней мѣрѣ на большинство ихъ. Онъ прямо заявляетъ: «мои товарищи по школѣ уступаютъ мнѣ въ способностяхъ, пониманіи, геніи, силѣ сужденія и умѣ» (стр. 106), а объ одномъ прикащикѣ своего отца отзы-

вается въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: «осель! точно онъ могъ смотрѣть на меня свысока, будь онъ хотъ въ три раза больше» (стр. 74).

Въ связи съ такимъ высоко-развитымъ чувствомъ самоуваженія стоитъ легкая и сильная возбудимость Лассала, необходимая склонность его къ крайнимъ проявленіямъ неукротимаго *чувства мнѣя*. Вотъ какъ онъ описываетъ свой гнѣвъ на сестру: «кля яростью, я бросился на колѣни, заломилъ, какъ сумасшедшій, свои руки и закричалъ съ такой силой, что мой голосъ охрипъ: «Боже, сдѣлай такъ, чтобы я не забылъ никогда этого часа! Змѣя, заливающаяся крокодиловыми слезами! ты пожалѣешь объ этомъ часѣ. Клянусь Богомъ! буду ли я жить 50 лѣтъ или 100, я не забуду этого до смертнаго часа. Не забудешь и ты». Отъ этого порыва сильной ярости я совершенно обезсиль» (стр. 59). Находя, что учитель Тширнеръ несправедливъ къ нему, Лассаль записываетъ: «меня охватила неудержимая злоба», «въ этотъ моментъ я готовъ былъ выпить всю кровь изъ Тширнера» (стр. 79). Разсердившись на отца за побой, Лассаль едва не утопился (стр. 80).

Только два эгоистическихъ чувства,—*чувство страха* во всѣхъ его разновидностяхъ и *корыстолюбіе*—были чужды Лассалу. Смѣлость, даже дерзость его ясно обрисовываются уже многими изъ вышеприведенныхъ цитатъ; каждая страница дневника подтверждаетъ, что авторъ его не былъ трусомъ или даже сколько-нибудь робкимъ человѣкомъ. Правда, денежный вопросъ, какъ видно изъ дневника, игралъ видную роль въ жизни юноши-Лассала, но во всемъ, что говорится о деньгахъ, мы тщетно стали бы искать хотя бы малѣйшихъ слѣдовъ корыстолюбія: деньги Лассалу были нужны не сами по себѣ, но ради удовольствій, ими доставляемыхъ. Отсутствие корыстолюбія и чувства страха также характерны для личности, отличающейся—вполнѣ или отчасти—индивидуалистическимъ складомъ: эти низменные, унижающіе человѣческую личность эгоистическія чувства уместны въ эгоистѣ, но въ индивидуалистѣ, всегда гордомъ и преисполненномъ самоуваженія; они не могутъ найти мѣста.

III.

Но на ряду съ индивидуалистическимъ элементомъ, столь рѣзко выраженнымъ въ характерѣ Лассала, большимъ значеніемъ отличался въ его психической природѣ элементъ этический. Уступая, быть можетъ, до нѣкоторой степени по силѣ напряженности эго-

истинскими чувствами, *этические чувства* Лассала въ то же время, несомненно, подавляли своей силой, далеко оставляли за собой остальные эмоции, игравши уже совершенно второстепенную роль.

Первый и несомненный признак этической натуры—это живая и неутомимая *потребность въ нравственномъ житейскомъ идеалѣ* и его осуществленіи. Въ этомъ отношеніи молодой Лассаль—достаточно типиченъ: для него очень цѣнны «святыя интересы человѣчества» (стр. 261), онъ жаждетъ дѣятельности для ихъ осуществленія (стр. 262), съ одушевленіемъ замѣчаетъ: «Богъ далъ мнѣ силы, которыя—я чувствую это—дѣлаютъ меня способнымъ къ борьбѣ» (стр. 263). Характерны самые мотивы, руководившіе Лассалемъ, когда онъ рѣшилъ вести свой дневникъ: «если я поступилъ несправедливо, то не буду ли я краснѣть, записывая это? и не буду ли я еще больше краснѣть, читая объ этомъ впоследствии?» (стр. 43). Эти слова достаточно ясно показываютъ, какое видное мѣсто занимали въ психической организаціи Лассала этические чувства.

Переходя къ другимъ нравственнымъ эмоціямъ, необходимо отмѣтить прежде всего очень сильную, даже страстную *любовь* Лассала *къ родителямъ*, особенно къ отцу. 1 января 1840 г. онъ записываетъ: «я былъ тронутъ добротой отца» (стр. 46). Подъ 4 января читаемъ: «мои добрые родители меня очень любятъ» (стр. 52). «Мой отецъ такой любящій, такой нѣжный, какъ немногіе изъ отцовъ» (стр. 62), пишетъ Лассаль дальше. Еще болѣе горячія проявленія сыновней любви попадаются вслѣдъ затѣмъ: «я люблю моего отца до экстаза.... и съ радостью отдалъ бы за него жизнь» (стр. 63—64): «существуетъ ли на свѣтѣ еще такая мать? спрашиваю я» (стр. 96). Понятно, послѣ всего этого, какъ тяжело было Лассалю прощаться съ родными при отъѣздѣ изъ Бреслава въ Лейпцигъ (стр. 161).

Чувство *дружбы* было свойственно Лассалю не менѣе, чѣмъ любовь къ родителямъ: друга своего, Исидора, онъ любилъ «больше всѣхъ изъ своихъ знакомыхъ» (стр. 52); онъ въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ: «отрадное чувство имѣть друга, который можетъ понять тебя» (стр. 169). Гдѣ бы ни жилъ юноша-Лассаль, вездѣ онъ быстро сближается съ другими и сильно привязывается къ своимъ друзьямъ: припомнимъ, напримѣръ, его дружбу съ Цандеромъ и Беккеромъ въ Лейпцигѣ. Такая общительность, привязчивость, такое живое стремленіе къ духовному сближенію съ другими,—несомненно, одна изъ отличительныхъ чертъ натуры, въ психическомъ содержаніи которой этические элементы играютъ видную роль.

Этический человек всегда сострадателен, чувствует *жалость* къ людям совершенно ему чужимъ и даже неизвѣстнымъ. Чтобы убѣдиться, что это чувство состраданія къ чужому горю было нечуждо Лассалю, стоитъ только прочесть описаніе его впечатлѣній при видѣ горя вдовы умершаго Баршала, во время погребенія послѣдняго (стр. 84—85).

Лассаль въ 1840—41 годахъ былъ, конечно, еще слишкомъ молодъ, чтобы понимать настоящее чувство любви. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ отношеніи его дневникъ даетъ хотя не обильный, но очень любопытный матеріалъ. Мы видѣли выше, что страстность Лассалья въ достаточной степени выразилась въ его дневникѣ: эта черта—типична не только для индивидуалистическихъ, но и для этическихъ характеровъ, какъ то было въ свое время нами показано ¹⁾. Но при всей страстности Лассалья въ любви его ясно выступаетъ нравственный элементъ: «мнѣ кажется», читаемъ въ дневникѣ, «я ни за что не пошелъ бы къ продажной женщинѣ, я долженъ восхищаться красотой женщины, долженъ любить ее или, по крайней мѣрѣ, вообразить, что люблю. Я могу желать обладать только опредѣленной женщиной, а не слѣдовать грубому животному инстинкту» (стр. 204).

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно для доказательства того положенія, что этический элементъ въ психической природѣ Лассалья лишь немногимъ уступалъ по своей силѣ элементу индивидуалистическому.

IV.

Анализъ *эстетическихъ* чувствъ у этическихъ натуръ, произведенный нами въ статьѣ «Этические и эстетическіе характеры», показалъ, какъ слабо чувство красоты у людей этического склада, насколько красота затемняется передъ ихъ духовнымъ взоромъ добромъ. Индивидуалисту эстетическія эмоціи свойственны, несомнѣнно, въ большей степени, и чувство красоты доступно въ большей чистотѣ, чѣмъ этическому характеру. Но и индивидуалистъ къ своимъ эстетическимъ восторгамъ примѣшиваетъ чуждые эстетикѣ элементы: онъ ищетъ въ произведеніяхъ искусства преимущественно того, что родственно *его* натурѣ, собственное я для него всегда на первомъ планѣ, и потому больше всего его восхищаетъ выраженіе въ искусствѣ чувства разнообразія, смѣлости, силы, энергіи. Изучая эстетическія чувства Лассалья по его дневнику, легко убѣдиться, что двойственность его натуры нало-

---

¹⁾ См. выше „Этические и эстетическіе характеры“.

жила на нихъ очень яркій отпечатокъ: Лассаль—болѣе эстетикъ, чѣмъ человѣкъ этического типа, но характеръ его чувства красоты — близокъ къ индивидуалистическому. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что живопись, скульптура, архитектура и музыка имѣли въ глазахъ Лассалья меньше значенія, чѣмъ поэзія и драматическое искусство: сила этического элемента и индивидуалистическихъ чувствъ — вотъ тотъ двигатель, который располагалъ различныя искусства въ такой перспективѣ. Во всемъ дневникѣ мы тщетно стали бы искать восторговъ передъ картинами, статуями, или зданіями. О музыкѣ встрѣчаемъ только одно замѣчаніе, правда восторженное, но въ то же время не свидѣтельствующее объ особенномъ развитіи музыкальнаго вкуса у автора. За то драматическій театръ Лассаль посѣщаль весьма часто и съ большимъ увлеченіемъ: въ Берлинѣ онъ «переходилъ изъ одного театра въ другой» (стр. 162); въ Лейпцигѣ 27 іюня 1840 года ему «очень хотѣлось пойти въ театръ» (стр. 176), а 28 это желаніе уже осуществилось (стр. 177); 12 іюля Лассаль смотрѣлъ въ театрѣ «Гамлета» (стр. 183), а 19 — «Фіеско» (стр. 184); 9 августа онъ присутствовалъ на представленіи Шиллеровской мелодрамы «Коварство и любовь» (стр. 190). 10 ноября видѣлъ на сценѣ «Разбойниковъ» (стр. 205). Вкусы и наклонности автора ярко выступаютъ уже при одномъ только перечнѣ пьесъ, которыми онъ увлекался. Еще болѣе привлекала вниманіе Лассалья изящная литература поэзія: онъ читаетъ романъ Гёте «Wahlverwandschaften» (стр. 163), его драму «Clavigo» (стр. 164), увлекается Байрономъ (стр. 213), но особенно замѣчательно его отношеніе къ Лессингову «Натану Мудрому», къ «Вильгельму Мейстеру» Гёте и къ произведеніямъ Гейне: «Натана» молодой Лассаль прочелъ «100 разъ» и—что особенно любопытно—потому, что Лессингъ «мастерски защищаетъ мой народъ» (т. е. евреевъ); читая Вильгельма Мейстера, Лассаль интересуется тѣми чертами характера героя, которыя дѣлаютъ послѣдняго психически родственнымъ читателю (стр. 188); наконецъ, стихи Гейне его «глубоко волнуютъ» (стр. 172) и вызываютъ у него слѣдующій восторженный диамантъ, въ которомъ много вѣрнаго, но много и индивидуалистическихъ элементовъ, чуждыхъ чистой эстетикѣ: «я люблю этого Гейне, онъ — мое второе я. Какія смѣлыя идеи и какая сокрушающая сила языка! Онъ умѣетъ нашептывать вамъ такъ же нѣжно, какъ зефиръ, цѣлующій розу; онъ умѣетъ пламенно и горячо изображать любовь; онъ вызываетъ въ васъ и сильную страсть, и нѣжную грусть, и необузданный гнѣвъ. Къ его услугамъ всѣ чувства и настроенія. Его иронія такъ убійственна и мѣтка!» (стр. 198—199). Если, наконецъ, къ сказан-

ному прибавить, что Лессингъ читалъ еще Виланда (стр. 125); Ауэрбаха (стр. 128), Мольера (стр. 131) и восхищался Илиадою и поэтами Эллады (стр. 127), то будетъ ясно, что любовь къ изящной литературѣ господствовала у Лассали надъ другими эстетическими чувствами, хотя, какъ сказано было выше, чистой эстетики и здѣсь было мало.

Чтобы закончить анализъ эмоциональной стороны духовной природы Лассали, намъ остается характеризовать его *чувства религиозныя и общественныя*. Религія имѣла въ глазахъ молодого Лассали большую важность: 1 января 1840 г. онъ не могъ итти играть на бильярдъ, «потому что во время богослуженія это запрещается» (стр. 44); благоговѣйная молитва Богу доставляла Лассали большое утѣшеніе и успокоеніе (стр. 132); онъ восхищается проповѣдью Гейгера и испытываетъ отъ нея глубокое впечатлѣніе (стр. 98—99); но что особенно характерно, — это общее отношеніе Лассали къ двумъ сторонамъ религіи, метафизической и этической: будучи противникомъ атеизма и выражая свою преданность іудейской религіи, Лассаль въ то же время рѣзко высказывается противъ обрядной стороны (стр. 86). Здѣсь, какъ и вообще въ религиозныхъ чувствахъ Лассали, виденъ человѣкъ, психикѣ котораго были нечужды этическіе элементы. Но замѣтна также и индивидуалистическая примѣсь: отвращеніе къ внѣшнему принужденію и склонность къ свободѣ мысли, проявившаяся съ особенной силой въ восхищеніи идеями такого новатора въ іудействѣ, какимъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ Гейгеръ.

Наконѣцъ, въ *общественныхъ чувствахъ* Лассали въ его молодые годы, такъ же, какъ и въ зрѣлые, — отвлеченный этическій идеализмъ, выпрепннн мечтанія соединялись съ страстнымъ индивидуализмомъ, съ сознаніемъ правъ человѣческой личности, жаждой ея господства въ общественныхъ отношеніяхъ и вѣрой въ личный успѣхъ и свою блестящую будущность въ сферѣ политической. Все это ясно изъ слѣдующихъ цитатъ. Ничто такъ не оскорбляетъ Лассали, какъ пренебрежительное отношеніе къ евреямъ; чтобы добиться уваженія къ нимъ, онъ готовъ «пожертвовать живнью», итти на эшафотъ (стр. 86); онъ ужасается положеніемъ евреевъ въ Дамаскѣ, приходитъ отъ этого въ ярость, считаетъ необходимымъ возстаніе (стр. 164). Читая книгу Эльснера «Знаменитые дни въ жизни Наполеона», Лассаль восхищается негодованіемъ автора противъ «деспотіи тирановъ» и его «любовью къ свободѣ» (стр. 179). Очень характерны такіа замѣтки въ дневникѣ: «родись я принцемъ или княземъ, я былъ бы и душой и тѣломъ аристократъ, но такъ какъ я сынъ простого

бюргера, то буду въ свое время демократомъ» (стр. 184); «я читалъ письма Берне; они мнѣ очень понравились. Если посмотреть на эту тюрьму—Германію, какъ въ ней попираются ногами человѣческія права, сердце сжимается при видѣ глупости этихъ людей» (стр. 185); «я хочу провозгласить свободу народамъ, хотя бы мнѣ пришлось погибнуть въ этой попыткѣ» (стр. 193); «я хочу выступить передъ германскимъ народомъ и передъ всѣми другими и пламенными рѣчами призвать ихъ на борьбу за свободу» (стр. 195).

V.

Есть умы, которые отзываются только на явленія, родственныя натурѣ мыслящаго субъекта, и слабо реагируютъ на такія впечатлѣнія, которыя не укладываются въ рамки психической индивидуальности этого субъекта. Люди, обладающіе такими умами, понимаютъ, по преимуществу, лишь тѣ душевныя движенія, къ которымъ склонны сами, и доступны лишь для тѣхъ интересовъ, которые имъ самимъ свойственны. Въ статьѣ «Этическіе и эстетическіе характеры» мы видѣли, что такой умственный субъективизмъ составляетъ отличительную черту людей чисто-этического типа: какъ бы ни былъ глубокъ и какой бы широтой ни отличался ихъ умъ, они не въ состояніи обнять объективнымъ умственнымъ взоромъ окружающее именно въ силу того, что волей или неволей смотрятъ на все сквозь призму господствующихъ въ ихъ природѣ нравственныхъ чувствъ. Отсюда получаются и недостаточное пониманіе другихъ людей и чужихъ душевныхъ движеній, и недостатокъ наблюдательности. Лассаль, какъ показалъ намъ предшествующій анализъ, не принадлежалъ къ числу чисто-этическихъ натуръ; напротивъ: этический элементъ у него въ значительной мѣрѣ заслонялся индивидуалистическимъ. Уже это обстоятельство должно а priori внушить мысль, что умъ Лассалья былъ болѣе объективенъ и отличался большей наблюдательностью, чѣмъ умъ людей этического склада. Знакомство съ дневникомъ только подтверждаетъ это апіорное предположеніе: такъ Лассаль очень тонко и объективно анализируетъ мотивы запрещенія ему отцомъ игры на билліардѣ (стр. 46), вѣрно и прекрасно характеризуетъ прикащика Л. (стр. 74), тонко и мѣтко указываетъ: «у Фредерики (сестры Лассалья) такой характеръ, что открытое сопротивленіе только укрѣпляетъ ее въ ея мнѣніи» (стр. 83). Нельзя однакоже отрицать, что въ умственномъ складѣ Лассалья были нѣкоторые этическіе элементы: это обнаруживается, между прочимъ, въ его отношеніи къ теоретическому знанію и къ знанію прикладному.

Онъ не признавалъ чистой науки какъ таковой и ждалъ отъ теоріи отвѣтовъ на практическіе запросы, но подъ практической стороной дѣла онъ разумѣлъ не ремесло и не разныя узкоприкладныя свѣдѣнія, а общіе выводы, необходимые для примѣненія научныхъ построеній къ общественной жизни. Это лучше всего удостоверяется его заявленіемъ отцу, послѣ жизни въ Лейпцигѣ, что онъ хочетъ изучать исторію, а не медицину и юриспруденцію, такъ какъ «врачъ и адвокатъ — купцы, торгующіе своими знаніями», а исторія «связана съ самыми святыми интересами человѣчества» (стр. 261). Рѣшительность *воли*, непреклонность цѣлей и энергія въ ихъ достиженіи — вотъ черта, всего болѣе роднящая индивидуалистовъ съ людьми этического типа: она — естественное слѣдствіе того, что у тѣхъ и другихъ энергія направлена въ одну опредѣленную сторону, и потому не можетъ быть сомнѣній и колебаній. Лассаль этический индивидуалистъ, въ его духовной природѣ нравственный элементъ по своей силѣ слѣдуетъ сейчасъ же послѣ индивидуалистическаго, лишь нѣсколько ему уступающа; вотъ почему колебанія и сомнѣнія могли обуревать Лассалья лишь при столкновеніи этихъ двухъ господствующихъ въ немъ мотивовъ, въ остальныхъ же случаяхъ непреклонность рѣшенія и энергія въ его осуществленіи была сильнѣйшимъ образомъ обезпечена. Не даромъ Лассаль самъ говорилъ про себя: «я не отличаюсь нерѣшительностью» (стр. 94), и каждая страница его превосходнаго дневника убѣдительно свидѣтельствуетъ въ пользу этого горделиваго заявленія.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Индивидуалистическіе и эгоистическіе характеры.

I.

Велики и безконечно-разнообразны различія въ психическомъ складѣ отдѣльныхъ людей, въ ихъ характерѣ. Даже тогда, когда мы пытаемся свести индивидуальное многообразіе къ нѣсколькимъ болѣе крупнымъ категоріямъ, соединить отдѣльныя личности, сходныя между собою по психическимъ свойствамъ, въ группы, типы или общіе характеры, — даже и въ этомъ случаѣ обнаруживаются не только однѣ рѣзкія противоположности, но и переходные характеры, сближающіе одну крайность съ другою, сложные типы.

Извѣстно, что есть люди, основною чертой душевнаго склада которыхъ является неутомимая потребность выработки себѣ нравственнаго идеала и практическаго осуществленія этого идеала въ дѣйствительности, такъ что всѣ другія ихъ психическія свойства служатъ производными отъ этой основной черты. Такихъ людей нужно назвать *этическими* характерами, потому что этическія или нравственныя чувства господствуютъ въ ихъ внутреннемъ мірѣ надъ всѣми другими проявленіями ихъ эмоциональной, умственной и волевой жизни. Можно также встрѣтить людей, всецѣло преданныхъ непосредственному чувству красоты, эстетическимъ эмоціямъ, опять-таки безраздѣльно подчиняющимъ себѣ всю ихъ духовную природу. Это—*эстетическіе* характеры. Существуютъ далѣе такіе люди, которые ставятъ свое я, свои интересы и потребности выше всего на свѣтѣ, у которыхъ сильно развиты и господствуютъ надъ другими эмоціями чувства эгоистическія. Надо однако замѣтить, что, въ противоположность простотѣ и цѣльности этическихъ и эстетическихъ характеровъ, людей съ преобладаніемъ эгоистическихъ чувствъ нельзя подводить всѣхъ подъ одну категорію, нельзя всѣхъ сводить въ одинъ типъ: существуетъ два очень важныхъ оттънка. Можно стоять за свои интересы во что бы то ни стало, ставить ихъ выше всего, выдвигать свое я на первый планъ, съ безпощадною смѣлостью устранять всѣ встречающіяся на пути препятствія — и вмѣстѣ съ тѣмъ относиться къ людямъ доброжелательно: можно, однимъ словомъ, руководиться правиломъ—«живи и жить давай другимъ»; это будетъ одинъ оттънокъ. Но есть личности, которыя, будучи насквозь проникнуты эгоистическими чувствами, вмѣстѣ съ тѣмъ относятся недоброжелательно къ другимъ, хотя бы несчастіе послѣднихъ и не принесло имъ никакой выгоды. Такое человѣконенавистничество есть психическое свойство, кладущее рѣзкую разграничительную грань между людьми, которымъ оно свойственно, и людьми, лишенными его, хотя и ставящими всего выше свою собственную личность. Такимъ образомъ является другой оттънокъ. Характеры перваго оттънка, такъ сказать доброжелательныхъ эгоистовъ, мы будемъ называть индивидуалистическими, людямъ втораго оттънка удобнѣе всего усвоить названіе эгоистическихъ характеровъ. Въ послѣдующемъ изложеніи мы постараемся изслѣдовать психическій складъ лицъ индивидуалистическаго и эгоистическаго характера, руководясь тѣми же принципами, которые были положены нами въ основу другихъ нашихъ статей, посвященныхъ психологіи характера: принципы эти сводятся къ опредѣленію основной черты характера и объясненію изъ нея всѣхъ другихъ психическихъ

свойствъ. Матеріалъ намъ доставятъ, какъ и при характеристикѣ этическихъ и эстетическихъ типовъ, гениальные и талантливые беллетристы своими произведеніями, при всей конкретности изображенія всегда заключающими въ себѣ типическіе, общіе образы, характеризующіе въ сущности не отдѣльное лицо, а цѣлую группу лицъ одинаковаго психическаго склада.

II.

Однимъ изъ самыхъ великихъ созданій литературно-художественнаго гения графа Л. Н. Толстого является, несомнѣнно, характеръ Вронскаго въ вѣчно-юномъ, не старѣющемъ, преисполненномъ истинно-общечеловѣческихъ и вмѣстѣ несомнѣнно-русскихъ мотивовъ и типовъ романъ «Анна Каренина». Вронскій—блестящій образецъ индивидуалистическаго характера.

Каждому извѣстно, какою колоссальною силою отличались *эгоистическія чувства* Вронскаго. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе своею крайнею напряженностью необыкновенно-развитое чувство самоуваженія, довѣрія къ своимъ способностямъ и свойствамъ, спокойной, твердой, совершенно-непоколебимой самоувѣренности. Говоря, напр., о неудачѣ въ любви, Вронскій цѣнитъ прежде всего личное достоинство человѣка, его униженіе считаетъ большимъ несчастіемъ, чѣмъ самую неудачу: «да, это тяжелое положеніе!» замѣчаетъ онъ: «отъ этого-то большинство и предпочитаетъ знаться съ Кларами. Тамъ неудача доказываетъ только, что у тебя не достало денегъ, а здѣсь—твое достоинство на вѣсахъ». Во время перѣзда изъ Москвы въ Петербургъ въ одномъ поѣздѣ съ Анной Вронскій «казался гордъ и самодовлѣющъ. Онъ смотрѣлъ на людей, какъ на вещи»; «Вронскій чувствовалъ себя царемъ не потому, чтобы онъ вѣрилъ, что произведетъ впечатлѣніе на Анну,—онъ еще не вѣрилъ этому,—но потому, что впечатлѣніе, которое она произвела на него, давало ему счастье и гордость». Эта удивительно-тонко подмѣченная черта особенно характерна для человѣка индивидуалистическаго типа: ни въ чемъ, можетъ быть, такъ сильно не проявляется самоуваженіе, какъ въ гордости собственными чувствами, которыя для индивидуалиста — высоки и прекрасны именно потому, что они принадлежатъ ему. Понятно, что при такомъ душевномъ состояніи на другихъ, особенно на людей, стоящихъ у него на дорогѣ, Вронскій смотрѣлъ сверху внизъ, съ пренебреженіемъ и даже съ чувствомъ гадливости: увидѣвъ на вокзалѣ Каренина, встрѣчавшаго Анну, онъ «испыталъ непріятное чувство, подобное тому, какое испыталъ бы че-

ловѣкъ, мучимый жаждою, добравшійся до источника и находящій въ этомъ источникѣ собаку, овцу или свинью, которая и выпила и возмutilа воду». Въ каждый свой поступокъ Вронскій вносилъ это чувство самоуваженія, всегда подчинялся ему въ своемъ образѣ дѣйствій: «Вронскій былъ человекъ, ненавидѣвшій безпорядокъ. Еще смолоду, бывши въ корпусѣ, онъ испыталь униженіе отказа, когда онъ, запутавшись, попросилъ займы денегъ, и съ тѣхъ поръ онъ ни разу не ставилъ себя въ такое положеніе»; онъ «не безъ внутренней гордости и не безъ основанія думалъ, что всякій другой давно бы запутался и принужденъ былъ бы поступать нехорошо, если бы находился въ такихъ же трудныхъ условіяхъ». Изъ стыда передъ униженіемъ Вронскій рѣшается на самоубійство. Даже физическую свою природу онъ любилъ и гордился ею: «онъ и прежде часто испытывалъ радостное сознаніе своего тѣла, но никогда онъ такъ не любилъ себя, своего тѣла, какъ теперь».

Это всепоглощающее чувство самоуваженія — характернѣйшая, главная черта Вронскаго. Всѣ остальные особенности его психической организаціи объясняются ею и изъ нея выводятся. Отсюда происходило, напр., честолюбіе Вронскаго: «честолюбіе была старинная мечта его юности, которая была такъ сильна, что и теперь эта страсть боролась съ его любовью». Этимъ объясняется и сильное стремленіе его къ разнообразію впечатлѣній и ихъ новизнѣ. Такъ, Вронскій просилъ графиню Нордстонъ свезти его на спиритическій сеансъ и сказать при этомъ: «я никогда ничего не видалъ необыкновеннаго, хотя вездѣ отыскиваю». Яркимъ выраженіемъ этой неудержимой склонности Вронскаго къ разнообразію впечатлѣній служатъ также слѣдующія его слова: «Ницца сама по себѣ скучна, вы знаете. Да и Неаполь, Сорренто хороши только на короткое время. И именно тамъ особенно живо вспоминается Россія, и именно деревня». Уѣхавъ вмѣстѣ съ Карениной за границу, Вронскій «скоро почувствовалъ, что въ душѣ его поднялось желаніе желаній — тоска. Онъ сталъ хвататься за каждый мимолетный капризъ, принимая его за желаніе и цѣль». Въ деревнѣ онъ предавался самымъ разнообразнымъ занятіямъ, — агрономіи, архитектурѣ, спорту, заботамъ и трудамъ по устройству конскаго завода.

Но при всей силѣ, при крайней напряженности высшихъ эгоистическихъ чувствъ, не унижающихъ человѣческой личности, не роняющихъ ея достоинства, Вронскій былъ чуждъ тѣхъ эгоистическихъ эмоцій, которыя унижительны и позорны: мы тщетно стали бы искать въ немъ хотя бы малѣйшаго проявленія чув-

ства страха въ какой бы то ни было формѣ, — въ формѣ ли простой трусливости, или въ формѣ суетнаго страха, или страха смерти. Это чувство прямо несовмѣстно съ основною чертой характера Вронскаго, потому что его наличность способна поколебать до основанія и даже вполне уничтожить главный признакъ типа—чувство самоуваженія. Точно также и по той же причинѣ Вронскій не зналъ и не чувствовалъ корыстолюбія, не былъ скупъ. Когда при первой встрѣчѣ съ нимъ Карениной былъ убитъ поѣздомъ желѣзнодорожный сторожъ, и Каренина спросила, нельзя ли что-либо сдѣлать для его вдовы, то онъ, ни минуты не колеблясь, передалъ вдовѣ сторожа значительную денежную сумму. Вронскій даже отказался отъ тысячнаго дохода въ пользу брата, а себѣ оставилъ только доходъ въ 25 тысячъ.

Эстетическія чувства Вронскаго находились въ полной гармоніи съ основною чертой его характера. То, что требуетъ идеальныхъ порывовъ, неопредѣленныхъ, неясныхъ ощущеній, какъ поэзія, музыка, даже театръ, — мало привлекало Вронскаго, но онъ съ интересомъ занимался архитектурой. «У него была способность понимать искусство и вѣрно, со вкусомъ подражать искусству», но не было вдохновенія. Онъ, напр., хорошо понималъ и цѣнилъ картины талантливаго художника Михайлова и «имѣлъ настолько вкуса къ живописи, что не могъ докончить своей картины».

Переходя къ изображенію *этическихъ чувствъ* Вронскаго, мы должны замѣтить, что тѣ изъ нихъ, которыя стоятъ въ непримиримомъ противорѣчій съ сильно развитыми высшими эгоистическими чувствами, не были сильны у Вронскаго. Такъ онъ совершенно не зналъ потребности въ нравственномъ житейскомъ идеалѣ, не мучился поисками его, не искалъ разрѣшенія сложныхъ и высокихъ моральныхъ проблемъ. Семейныя чувства не играли въ его жизни никакой роли: онъ не помнилъ отца, а мать увлекалась свѣтскою жизнью и романами; «онъ не только не любилъ семейной жизни, но въ семьѣ онъ представлялъ себѣ нѣчто чуждое, враждебное, и всего болѣе—смѣшное»; «онъ въ душѣ не уважалъ мать и, не отдавая себѣ въ томъ отчета, не любилъ ея». Чувство дружбы не было чуждо Вронскому; онъ былъ друженъ съ Петрицкимъ, Яшвинымъ и другими; «Серпуховскій былъ добрый пріятель, и онъ былъ радъ ему». Но въ сущности все это были довольно далекія отношенія, немногимъ лишь отличавшіяся отъ того «простого, равнаго отношенія ко всѣмъ», которымъ Вронскій сразу пріобрѣлъ вліяніе на дворянъ губерніи, гдѣ было его имѣніе. Еще менѣе доступенъ былъ Врон-

скій состраданію: увидѣвъ смерть желѣзнодорожнаго сторожа подъ поѣздомъ, онъ «молчалъ, и красивое лицо его было серьезно, но совершенно спокойно»; денежную помощь онъ оказалъ вдовѣ сторожа не изъ чувства состраданія, а въ виду желанія Анны, которою онъ былъ сразу увлеченъ. За то могучее, страстное чувство любви къ женщинѣ властно захватило сильную натуру Вронскаго: онъ былъ сразу пораженъ Карениной. Вотъ какимъ онъ былъ съ Анной на балѣ, по наблюденіямъ Кити Щербацкой: «куда дѣлалъ его всегда спокойная, твердая манера, и безпечноспокойное выраженіе лица? Нѣтъ, онъ теперь, каждый разъ, какъ обращался къ ней, немного сгибалъ голову, какъ бы желая пасть предъ ней, и во взглядѣ его было одно выраженіе покорности и страха. Анна улыбалась, и улыбка передавалась ему. Она задумывалась, и онъ становился серьезенъ». Позднѣе онъ говорилъ о любви къ нему Анны: «ничего, ничего мнѣ не нужно, кромѣ этого счастья». Сила чувства Вронскаго къ Карениной была весьма велика, но нельзя не замѣтить, что это чувство носило замѣтную эгоистическую окраску: Вронскій не хотѣлъ подчиниться, не могъ играть вторую роль, онъ «тяготился тѣми любовными сѣтями, которыми она старалась опутать его».

Ту же рѣзко-выраженную эгоистическую окраску имѣли и общественныя чувства Вронскаго. Онъ, повидимому, интересуется и общественными дѣлами и общепольными предпріятіями, но въ томъ и другомъ для него въ сущности важны не интересы общаго блага, а собственные его вкусы и потребности, жажда дѣятельности, повизны ощущеній. Въ своей деревнѣ, напр., онъ построилъ роскошную больницу и самъ же объяснялъ мотивы этой постройки: «такъ, я увлекся». О дворянскихъ выборахъ Вронскій говоритъ: «да, это забираетъ за живое; и разъ взявшись за дѣло, хочется его сдѣлать. Борьба!» Чрезвычайно знаменательно, что Вронскій сразу, благодаря своему характеру, сталъ очень вліятельнымъ человѣкомъ среди дворянъ губерніи: когда люди индивидуалистическаго типа занимаются общественною дѣятельностью, то всегда безъ труда пріобрѣтаютъ крупное значеніе.

Чтобы закончить разсмотрѣніе эмоціональной стороны духовной природы Вронскаго, остается только замѣтить, что *религіозное чувство* было совершенно для него недоступно, потому что психическіе элементы этого чувства—нѣжная эмоція, страхъ и чувство высокаго—не имѣлись на лицо въ психической организаціи разбираемой нами личности. Вронскому одинаково чужды были и метафизическая (догматическая) и нравственная сторона

религіи. Болѣе чистый типъ религіознаго индифферентиста трудно себѣ и представить, но религіознымъ отрицателемъ-атеистомъ Вронскій, конечно, не былъ.

Это и естественно: отрицаніе, какъ и преданность религіозной догматикѣ, требуетъ широкаго и серьезнаго метафизическаго міровоззрѣнія, склонности къ глубокому метафизическому мышленію, къ отвлеченной работѣ ума, къ чистому знанію. Ничего подобнаго у Вронскаго въ его *умственной организаціи* не было: ко всякаго рода теоріи онъ былъ совершенно равнодушенъ. Въ умѣ Вронскаго были, несомнѣнно, двѣ сильныя стороны—наблюдательность и трезвая практичность. «Тамъ, гдѣ дѣло шло до доходовъ, продажи лѣсовъ, хлѣба, шерсти, отдачи земель, Вронскій былъ крѣпокъ, какъ камень, и умѣлъ выдерживать цѣну». Онъ также отлично понималъ характеръ принца, къ которому онъ, какъ гвардейскій офицеръ высшаго круга, былъ приставленъ для сопровожденія и показыванія ему петербургскихъ достопримѣчательностей: по словамъ Вронскаго, принцъ былъ «очень глупый, и очень самоувѣренный, и очень здоровый, и очень чистоплотный человекъ», «глупая говядина». Но Вронскій могъ понимать только тѣ душевныя движенія и тѣ поступки, на которые онъ самъ былъ способенъ, умъ его былъ узокъ, чрезвычайно субъективенъ, лишенъ былъ широкаго объективизма, способности проникаться чужими идеями и стремленіями и понимать совершенно инныя душевныя организаціи. Когда Алексѣй Александровичъ Каренинъ во время болѣзни Анны сказалъ ему, что онъ простилъ Анну, не сердится и на него, Вронскаго, и при этомъ зарыдалъ, то Вронскій «не понималъ чувствъ Алексѣя Александровича» и только «чувствовалъ, что это было что-то высшее и даже недоступное ему въ его міровоззрѣніи».

Весь Вронскій былъ какъ бы высѣченъ изъ одного камня, характеръ его отличался, какъ показываетъ предшествующее изложеніе, необыкновенною цѣльностью и крѣпостью. Понятно, что отсюда съ необходимостью слѣдовала чрезвычайная *сила воли*, рѣшительность намѣреній и дѣйствій, отсутствіе всякихъ колебаній, сомнѣній, внутренняго разлада. Увлечшись Анной Карениной, Вронскій, ни минуты не колеблясь, послѣдовалъ за нею въ Петербургъ въ одномъ поѣздѣ и прямо сказалъ ей въ дорогѣ: «вы знаете, я ѣду для того, чтобы быть тамъ, гдѣ вы: я не могу иначе». «Онъ говорилъ учтиво, почтительно, но такъ твердо и упорно, что она долго не могла ничего отвѣтить». «Онъ чувствовалъ, что всѣ его доселѣ распущенныя, разбросанныя силы были собраны въ одно и съ страшною энергіей были

направлены къ одной блаженной цѣли». У Вронскаго «быть сводъ правилъ, несомнѣнно опредѣляющихъ, что должно и не должно дѣлать», и онъ «никогда, ни на минуту не колебался въ исполненіи того, что должно». «Онъ со свойственною ему рѣшительностью характера, ничего не объясняя и не оправдываясь, пересталъ заниматься живописью». Естественно, что эту желѣзную энергію и непреклонность вѣнчалъ обыкновенно успѣхъ.

III.

Замѣчательные писатели-художники создаютъ свои типы и образы по крайней мѣрѣ настолько же инстинктивно, повинаясь какому-то внутреннему смутному велѣнію, насколько и сознательно. Конечно, они обдумываютъ, перерабатываютъ въ своемъ умѣ, комбинируютъ извѣстнымъ образомъ собранный матеріалъ, конкретныя впечатлѣнія, которыя ложатся на ихъ душу, но нельзя представить себѣ дѣло такъ, что всякая отдѣльная частность, всякая черта характера и особенность типа придуманы и съ тонкимъ расчетомъ поставлены на своемъ мѣстѣ: истинный художникъ вноситъ ту или другую конкретную подробность въ свое произведеніе, повинаясь стихійной силѣ, своего рода «категорическому императиву», ему присущему и называющемуся художественнымъ талантомъ или геніемъ. И одаренный эстетическимъ вкусомъ читатель, знакомясь съ замѣчательнымъ произведеніемъ изящной литературы, далеко не всегда руководится умственнымъ анализомъ изображаемыхъ характеровъ, можно даже сказать, что онъ почти никогда этимъ анализомъ не руководится, а чувствуетъ непосредственно красоту и правду художественно-созданныхъ образовъ и положеній. И хорошо развитой эстетическій вкусъ никогда не бываетъ обманчивымъ: умственный, научный анализъ всегда подтверждаетъ справедливость и вѣрность сильныхъ эстетическихъ восторговъ. А если сила эстетическаго впечатлѣнія и результаты умственного анализа совпадаютъ, то мы уже, совершенно не рискуя ошибиться, можемъ сказать, что выдержавшій это двойное психологическое испытаніе романъ или рассказъ есть истинно-художественное произведеніе, а его авторъ—дѣйствительно талантливъ, а иногда и геніаленъ.

Къ числу такихъ талантливыхъ авторовъ принадлежитъ, несомнѣнно, и г. Максимъ Горькій, произведенія котораго въ большинствѣ случаевъ съ успѣхомъ выдерживаютъ указанное двойное испытаніе, даютъ яркое и свѣжее эстетическое наслажденіе и при научномъ анализѣ характеровъ обнаруживаютъ большое

психологическое богатство содержания. Нижеслѣдующія етроки, надѣмся, подтвердятъ послѣднее заключеніе. Замѣтимъ также, что кромѣ несомнѣнной и выдающейся талантливости произведеній г. Горькаго, насъ побудило обратиться въ данномъ вопросѣ именно къ нимъ еще одно важное обстоятельство: они особенно изобилуютъ индивидуалистическими характерами. Челкашъ, Коноваловъ, рыжій Сережка въ «Мальвѣ» и многіе другіе — въ сущности являются разновидностями именно этого одного типа. Къ числу самыхъ замѣчательныхъ образцовъ индивидуалистическаго характера принадлежитъ у г. Горькаго Варенька Олесова въ повѣсти того же заглавія. Анализомъ этого типа мы и займемся теперь, чтобы провѣрить выводы, полученные изъ изученія характера Вронскаго, чтобы не принять индивидуальныхъ особенностей Вронскаго, какъ конкретнаго образа, какъ личности, за черты, характеризующія типъ, извѣстную психологическую группу людей.

Основной черты характера Вареньки Олесовой, какъ и характера Вронскаго, надо искать въ сферѣ *эгоистическихъ чувствъ*: самое сильное изъ этихъ чувствъ — чувство самоуваженія, склонность всегда и во всемъ ставить на первый планъ *свою* личность, свои вкусы, желанія и стремленія. Это самоуваженіе, спокойная самоувѣренность проявляется уже во внѣшнихъ особенностяхъ личности Вареньки: она говорила «звучнымъ голосомъ, полнымъ *властны*хъ нотъ». Съ непоколебимою твердостью, съ спокойною увѣренностью она была всегда вѣрна себѣ, своимъ склонностямъ и привычкамъ: «по лицу ея было видно, что съ нею бесполезно спорить». Самоопредѣленіе, возможность всегда поступать по-своему, не стѣсняясь чужими взглядами, полная самостоятельность были для Вареньки Олесовой необходимостью, настоятельной потребностью. «О другихъ не беспокойтесь! всякій умѣетъ самъ о себѣ заботиться», говорить она увлеченному ею Ипполиту Сергѣевичу: «чего вы всегда о всѣхъ людяхъ беспокоитесь? По моему, хочется всѣхъ стѣснить — стѣсните, хочется быть несправедливымъ, — будьте!» Какъ и Вронскому, Варенькѣ было поэтому въ высшей степени свойственно чувство физическаго довольства собой: «ея глубокія глаза сверкали ясной радостью. Здоровьемъ, свѣжестью, бессознательнымъ счастьемъ вѣяло отъ нея»; «какъ я живу? хорошо! и она даже закрыла глаза отъ удовольствія»; «онъ видѣлъ передъ собой существо, упоенное прелестью растительной жизни». «Цѣльность ея натуры вызывала» у Ипполита Сергѣевича «удивленіе». Не даромъ она говоритъ: «повѣрять себя, критиковать себя... какъ это! я вѣдь одна... и что же... какъ же? на-двое расколется мнѣ что ли?»

Вотъ не понимаю!» Она была «непокорна, не поддавалась его усиліямъ поработить ее». Понятно, что изъ всего этого естественно вытекало пренебреженіе Вареньки къ другимъ, особенно къ тѣмъ, кто не обладалъ тѣми свойствами, которыя составляли ея отличительную черту. Когда она говорила о своихъ несчастныхъ вздыхателяхъ-женихахъ: «у! они всѣ подлые!»—то «злоба и безсердечіе сверкали въ ея глазахъ». Насколько пренебрежительно относилась Варенька Олесова къ окружающимъ, вообще къ другимъ людямъ,—это видно изъ ея общихъ отзывовъ: «нѣтъ! знаете, ужасно мало на свѣтѣ интересныхъ людей... Всѣ такіе пришибленные, неодушевленные, противные»; «я думаю, что люди были бы всѣ интересны, если бы они были... живѣе... да, живѣе! Больше бы смѣялись, пѣли, играли... были бы болѣе смѣлыми, сильными... даже дерзкими... даже грубыми». Болѣе ярко выраженный индивидуализмъ трудно себѣ и представить.

Другое эгоистическое чувство—честолюбіе—проявляется у Вареньки, какъ у женщины, въ болѣе слабой степени, чѣмъ у Вронскаго, но оно у нея существуетъ все-таки въ видѣ любви къ одобренію: она, видимо, гордится тѣмъ, что всѣ ее любятъ: и отецъ, и тетка, и всѣ слуги. Жажда новыхъ впечатлѣній, сильное стремленіе къ ихъ разнообразію ярко выражены въ характерѣ Вареньки Олесовой. Это замѣтно уже по первымъ словамъ, съ которыми она обратилась къ только что пріѣхавшему Ипполиту Сергѣевичу: «я уже знала, что вы пріѣдете сегодня, и явилась посмотреть, какой вы». Та же жажда сильныхъ ощущеній сквозитъ и въ заявленіи Вареньки: «вообще противъ теченія интереснѣе ѣхать, потому что гребешь, двигаешься, чувствуешь себя». Съ восторгомъ отзывается она о войнѣ: «мнѣ нравится война». Но особенно любопытенъ переходъ отъ одного ощущенія къ другому, сопровождающійся неподдѣльнымъ удовольствіемъ, въ слѣдующихъ ея словахъ: «мнѣ кажется иногда, что лучше всего жить вотъ такъ, въ тишинѣ. Но хорошо и въ грозу... ахъ, какъ хорошо! Небо черное, молніи злыя, темнота, вѣтеръ воетъ... въ это время выйти въ поле и стоять тамъ и пѣть,—громко пѣть, или бѣжать подъ дождемъ противъ вѣтра».

Подобно тому, какъ натурѣ Вронскаго были чужды низшія, унижающія человѣческое достоинство эгоистическія чувства,—корыстолюбіе и страхъ,—они не свойственны были и Варенькѣ Олесовой. Не корыстолюбіе, не жадность или скупость, а здравая и трезвая практичность видна въ ея отвѣтѣ Ипполиту Сергѣевичу, указывавшему на несправедливость того, что она владѣетъ 500 десятинами земли, а крестьяне ничтожными клоч-

ками: «ну, такъ что же? неужели... ну, слушайте! неужели имъ отдать? Она смотрѣла на него взоромъ взрослого на ребенка и тихо смѣялась». А можетъ ли быть что-либо болѣе противоположно всему психическому складу Вареньки, чѣмъ чувство страха во всѣхъ его проявленіяхъ? Застѣнчивость? этого у ней совершенно не было: она «нимало не смущалась подѣ пристальнымъ взглядомъ» Ипполита Сергѣевича при первой же ихъ встрѣчѣ. Унизительный страхъ потерять жизнь былъ не менѣе чуждъ ей: «я нисколько не боюсь смерти... хотя и люблю жить», замѣчаетъ она. Когда Варенька въ день своего рожденія сбѣжала изъ дому отъ пріѣхавшихъ ее поздравить жениховъ, и Ипполитъ Сергѣевичъ спросилъ ее, не боится ли она мнѣнія жениховъ о ея поступкѣ и вообще ея поведеніи, то отвѣтъ ея былъ замѣчательнъ столько же по своей лаконичности, сколько и по выразительности: «я? ихъ? тихо, но гнѣвно спросила она». Наконецъ, она осталась очень недовольна, когда Ипполитъ Сергѣевичъ, въ отвѣтъ на ея вопросъ, права она или нѣтъ въ одномъ взглядѣ, замѣтилъ, что она «не совсѣмъ права»: «это просто изъ трусости такъ говорятъ... бояться правды потому что», пренебрежительно промолвила она; очевидно, трусость въ ея глазахъ — очень позорное чувство.

Ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы *эстетическія чувства* были совершенно несвойственны Варенькѣ Олесовой, но не трудно подмѣтить, что ей доступно было лишь чувство пластической, внѣшней красоты, а тонкихъ и сложныхъ эстетическихъ эмоцій она совершенно не знала. Напримѣръ, она чутко относилась къ красотамъ природы, умѣла ихъ воспринимать и, гуляя съ Ипполитомъ Сергѣевичемъ, «разсказывала ему о красотѣ окрестностей деревни». Варенька восхищалась краснорѣчіемъ Ипполита Сергѣевича, когда онъ говорилъ въ защиту мужиковъ и указывалъ на ихъ тяжелое положеніе. При благопріятныхъ обстоятельствахъ у нея навѣрное проявился бы вкусъ къ живописи, архитектурѣ, скульптурѣ, какъ и у Вронскаго, но, какъ и послѣдній, она всегда оставалась чужда творческаго вдохновенія въ области искусства. Изящной литературы, поэзіи, какъ, таковой, Варенька совсѣмъ не цѣнила: она искала въ ней отвѣта на свои личные запросы, отклика на собственныя настроенія. Вотъ почему она съ увлеченіемъ читаетъ романъ, «гдѣ есть герой, арабскій офицеръ, графъ Луи Граммонъ и у него денщикъ Сади-Коко». Русскіе беллетристы ея не интересуютъ, потому что «они не умѣютъ выдумывать ничего интереснаго, и у нихъ почти все правда». Ея любимцы — Фортюна-дю-Буагобэй, Понсонъ-де-Террайль, Арсенъ Гуссэ, Пьеръ Законнэ, Дюма, Габо-

рію. И почему? Потому что «читаешь сочиненіе француза—дрожишь за героевъ, жалѣешь ихъ, ненавидишь, хочешь драться, когда они дерутся, плачешь, когда погибають».

Послѣ всего сказаннаго всякому будетъ ясно, что отъ Вареньки Олесовой совсѣмъ нельзя ждать какихъ-либо сильныхъ проявленій *этическихъ чувствъ*. О какихъ-либо поискахъ идеала о разрѣшеніи столь мучительнаго и вѣчнаго для другихъ вопроса о томъ, «какъ жить свято», у нея не можетъ быть и рѣчи. Она въ сущности была лишена родственныхъ чувствъ и привязанностей. Ея ученый собесѣдникъ, Ипполитъ Сергѣевичъ, былъ удивленъ «ея откровеннымъ эгоизмомъ», какъ нельзя болѣе, ярко выразившимся въ слѣдующихъ словахъ: «я ужасно рада, что сегодня такой ясный день и что я не дома. А то у папы опять разыгралась подагра и мнѣ пришлось бы возиться съ нимъ. А папа капризный, когда боленъ». Но было бы большою ошибкой думать, что Варенька дурно, зло относилась къ людямъ. Напротивъ, та же доброжелательность, ровность и простота, которая составляла отличительную особенность Бронскаго, была свойственна и ей. При первой же встрѣчѣ съ Ипполитомъ Сергѣевичемъ, глаза Вареньки «простоудушно и ласково улыбались». Она любила преданнаго ей отцовскаго денщика. «Вы нравитесь мнѣ. Да, очень!» говорить она Ипполиту Сергѣевичу: «я, видите ли, рада вамъ. Мнѣ до васъ не съ кѣмъ было поговорить». Но само собою разумѣется, горячія чувства привязанности и любви Варенька могла испытывать лишь къ тѣмъ людямъ, которые подходили къ ея вкусамъ. Она не разъ заявляетъ объ этомъ съ неподдѣльною искренностью. «Мнѣ въ романахъ», замѣчаетъ она, «больше всего нравятся злодѣи, тѣ, которые такъ ловко плетутъ разныя ехидныя сѣти, убиваютъ, отравляютъ... умные они, сильные... и когда, наконецъ, ихъ ловятъ—меня зло беретъ, даже до слезъ дохожу. Всѣ ненавидятъ злодѣя, всѣ идутъ противъ него,—онъ одинъ противъ всѣхъ! Вотъ герой! А тѣ, другіе, добродѣтельные, становятся гадки, когда побѣждаютъ... И вообще, знаете, мнѣ люди до той поры нравятся, пока они сильно хотятъ чего-нибудь, куда-нибудь идутъ, ищутъ чего-то, мучаются... но если они дошли до цѣли своей и остановились, тутъ они уже не интересны... и даже пошлы!» Любовь къ существу другого пола составляетъ несомнѣнную потребность сильной натуры Вареньки Олесовой, но это чувство отличается у нея чисто индивидуалистическою окраской. По ея словамъ, «мужчина долженъ быть высокъ, силенъ; онъ говоритъ громко, глаза у него большіе, огненные, и чувства смѣлыя, не знающія никакихъ препятствій. Пожелалъ и сдѣлалъ—вотъ мужчина!» «Сила — вотъ и привлека-

тельное». Не даромъ, будучи 17-ти лѣтъ, Варенька влюбилась въ конокрада: «я чувствовала, что онъ—хотя и избитый и связанный — считаетъ себя лучше всѣхъ», «мнѣ было жалко его и страшно передъ нимъ»; она дала ему водки, велѣла, чтобъ ему обмыли лицо, и искренно желала, чтобъ ему удалось убѣжать, даже молилась объ этомъ Богу.

По условіямъ той среды, въ которой жила Варенька Олесова, невозможны были случаи, когда въ ней проявилось бы то или другое отношеніе къ общественнымъ вопросамъ, когда ясно опредѣлились бы ея *общественныя чувства*. Но существуетъ достаточно признаковъ, по которымъ безошибочно можно судить объ этой сторонѣ ея психической природы. Личный интересъ—вотъ что она стала бы только цѣнить въ общественной дѣятельности, но зато нѣтъ сомнѣнія, что въ эту дѣятельность она внесла бы много энергіи и отвергла бы все утопическое, неосуществимое, носящее печать безплоднаго мечтанія. Последнее замѣтно уже по ея насмѣшливому отношенію къ утопическимъ мечтамъ о достаточномъ обезпеченіи всѣхъ крестьянъ земель. Исключительная важность въ ея глазахъ личнаго элемента общественной дѣятельности видна изъ словъ: «общая польза—это я совсѣмъ не понимаю». Что же касается ея практичности, то это свойство проявилось лучше всего въ образцовомъ веденіи ея отцовскаго хозяйства въ имѣніи.

Наконецъ, элементарны и *религіозныя чувства* Олесовой. Ей чужды и догматика и нравственная сторона религіи, въ Бога она вѣрила какъ въ первопричину, какъ въ начало всего существующаго и не задавалась болѣе глубокими и серьезными вопросами религіозной метафизики и этики.

Когда Варенька спросила: «а ботаника и цвѣтоводство — не одно и то же?» — то Ипполитъ Сергѣевичъ подумалъ, что она глупа, но «поясняя ей разницу между ботаникой и цвѣтоводствомъ, онъ смягчилъ свой приговоръ, что она только невѣжда». И, дѣйствительно, предъ нимъ былъ *умъ неотшлифованный*, но совершенно несомнѣнный. Этотъ умъ сквозить уже въ замѣчательной наблюдательности Вареньки, въ умѣнны ея, понять людей и человѣческія отношенія. Вотъ что, напр., она говоритъ: «у папы гостилъ товарищъ, тоже полковникъ, какъ и папа, и тоже ученый, какъ вы... и онъ былъ ужасно надутый... по моему, онъ даже и ничего не зналъ, а просто хвастался». Она остроумно подчеркиваетъ непримиримую разницу между своею натурой и натурой Ипполита Сергѣевича, говоря, что они подходятъ другъ къ другу, «какъ страусъ и пчела». Прекрасно понимаетъ Варенька и взаимныя отношенія Елизаветы Сергѣевны

и Бенковского. Но характеризуя послѣдняго, она, во многомъ вѣрно и зло отмѣчая его свойства, вмѣстѣ съ тѣмъ впадаетъ въ крайнюю односторонность, обнаруживаетъ тотъ же субъективизмъ ума, который составляетъ такую отличительную черту характера Бронскаго: Бенковский, по ея словамъ, «черненькій, сладенькій и тихенькій. У него есть глазки, усики, губки, ручки и скрипочка. Онъ любитъ нѣжныя пѣсенки и вареньице. Мнѣ всегда хочется потрепать его по мордочкѣ». Тутъ забыта порывистость Бенковского и его идеализмъ, мечтательность и способность увлекаться до конца. Субъективизмъ ума Вареньки Олесовой, ея неспособность понять чуждое ея индивидуалистической натурѣ сказывается и въ отрицательной характеристикѣ, которую она даетъ героямъ русскихъ романовъ: «русскій герой какой-то глупый и мѣшковатый, всегда ему тошно, всегда онъ думаетъ о чемъ то непонятномъ, и всѣхъ жалѣетъ, а самъ то жалкій-прежалкій».

Очевидно, наконецъ, что, какъ и Бронскій, Варенька Олесова обладала крайнею рѣшительностью дѣйствій; ея *воля* была такъ же сильна; колебанія и раздумье были для нея невозможны. Каждый ея поступокъ подчеркиваетъ эту волевую энергію. Напомнимъ хотя бы о томъ, какъ она побила нагайкой денщика Никона за то, что онъ напился пьянъ во время молотбы, или какъ она уѣхала изъ дому отъ жениховъ въ день своего рожденія. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерна также и заключительная сцена повѣсти, за которую, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно упрекали такъ много автора критики.

Сопоставляя двѣ приведенныя выше характеристики, мы можемъ уже теперь съ достаточною увѣренностью намѣтить типическія черты индивидуалистическихъ характеровъ. Въ области эмоциональной онѣ сводятся къ господству высшихъ эгоистическихъ чувствъ, къ значительному развитію чувства внѣшней красоты, лишеннаго, однако, творческаго вдохновенія, къ слабости и эгоистическому характеру этическихъ, общественныхъ и религіозныхъ чувствъ. Умъ у человѣка индивидуалистическаго духовнаго склада отличается субъективизмомъ, а воля крайнею напряженностью и непреклонною рѣшительностью.

IV.

Переходимъ къ *эгоистическимъ* характерамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при желаніи легко можно найти и въ жизни и въ литературѣ множество олицетвореній этого типа, быть можетъ наибо-

лѣе распространеннаго изъ всѣхъ *цѣльных* характеровъ, объясняющихся изъ *одной* основной черты. Мы едва ли ошибемся, однако, если скажемъ, что, если не лучшимъ, то во всякомъ случаѣ однимъ изъ самыхъ лучшихъ изображеній человѣка эгоистическаго духовнаго склада слѣдуетъ признать знакомаго, конечно, всякому русскому безсмертнаго главнаго героя Гоголевскихъ «Мертвыхъ душъ» Павла Ивановича Чичикова. Да послужить предлагаемый сейчасъ анализъ этого характера нашимъ скромнымъ и запоздалымъ вѣнкомъ на могилу гениальнаго писателя, пятидесятилѣтнюю память котораго недавно вспоминала вся образованная и—хочется вѣрить этому—большая часть просто грамотной Россіи.

Мы только что наблюдали высокое развитіе у индивидуалистическихъ характеровъ *высшихъ* эгоистическихъ чувствъ: самоуваженія, честолюбія и склонности къ полнотѣ и разнообразію впечатлѣній. Едва ли о чемъ-либо подобномъ можно говорить въ примѣненіи къ Чичикову. Его честолюбіе было невысокаго ранга: чинъ, достатокъ, самое обыкновенное общее расположеніе безъ всякой сердечности и искренности, довольное, сытое, животное состояніе—вотъ вѣнецъ всѣхъ его стремленій: «ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ удовольствіяхъ, со всякими недостатками: экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды—вотъ что непрерывно носилось въ головѣ его». Конечно, не изъ жажды новыхъ впечатлѣній, а именно ради этихъ практическихъ цѣлей Чичиковъ развѣзжалъ по Россіи, мѣнялъ не разъ службу и т. д. Но если таковы были его честолюбіе и склонность къ разнообразію впечатлѣній, то не менѣе ничтожно было и его самоуваженіе. Здѣсь нѣтъ и слѣда твердой и спокойной увѣренности Вронскаго, того высшаго самоудовлетворенія, которое является истиннымъ источникомъ настоящаго, подлиннаго самоуваженія: у Чичикова въ сущности есть только мелкое и жалкое самолюбіе и даже себялюбіе. Его, напримѣръ, обижаютъ грубыя замѣчанія такого человѣка, какъ Ноздревъ, отъ котораго человѣкъ индивидуалистическаго склада просто отвернулся бы съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и презрѣніемъ. А когда Чичиковъ жалуется на гоненія и преслѣдованія за свою воображаемую доброту и при этомъ даже «отираетъ платкомъ выкатившуюся слезу», то его жалкое и пошлое себялюбіе вырисовывается передъ нами какъ нельзя болѣе рельефно сравнительно съ самоувѣренностью и самоуваженіемъ такого человѣка, какъ Вронскій. Такимъ образомъ высшія эгоистическія чувства, столь развитыя у индивидуалистическихъ характеровъ, совершенно ничтожны у характеровъ эгоистическихъ, мельчаютъ у послѣднихъ и перерождаются въ чувства низменныя и пошлыя.

Понятно, что въ соотвѣтствіи съ этимъ чистые эгоисты должны отличаться высокимъ развитіемъ низшихъ эгоистическихъ чувствъ, особенно такихъ, какъ корыстолюбіе и страхъ. И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь вся жизнь Чичикова была посвящена пріобрѣтательству. Для этого онъ предпринялъ свою поѣздку за мертвыми душами, для этого онъ кривилъ душой на службѣ. Во всѣхъ его поступкахъ, начиная съ ранняго дѣтства, сквозила чрезвычайная разчетливость и элементарная, грубая практичность въ денежномъ отношеніи: и въ школѣ онъ припрятывалъ получаемыя отъ товарищей угощенія и перепродавалъ затѣмъ имъ же втридорога; совершая купчую на мертвыя души въ казенной палатѣ, онъ мало далъ денегъ Ивану Антоновичу— «кувшинное рыло»; крестьянская дѣвочка, показывавшая ему дорогу изъ имѣнія Коробочки, получила всего одинъ мѣдный грошъ. Еще болѣе выдающимся свойствомъ Чичикова была его трусость: уличенный въ покупки мертвыхъ душъ, онъ униженно ползаетъ на колѣняхъ, чтобы избѣжать наказанія; передъ Ноздревымъ онъ почувствовалъ «такой страхъ, что душа его спряталась въ самыя пятки», «трухнулъ порядкомъ». Въ гармоніи со всѣмъ этимъ находилась и сильно развитая у Чичикова любовь хорошо и плотно покушать, проявлявшаяся за обѣдами и у Собакевича, и у Коробочки, и у Пѣтуха, и даже въ дорожныхъ трактирахъ.

Итакъ, отличительною, основною чертой духовной природы Чичикова является сильное развитіе, полное преобладаніе низшихъ эгоистическихъ чувствъ. Это неизбежно отражалось и на другихъ сторонахъ его эмоціональной жизни.

Этическія чувства стоятъ въ несомнѣнномъ, непримиримомъ противорѣчій съ низшими эгоистическими; первыя диаметрально противоположны послѣднимъ. Поэтому совершенно невозможны для эгоиста какія бы то ни было нравственныя эмоціи; въ лучшемъ случаѣ онѣ отличаются чрезвычайною слабостью, и основная природа ихъ затемняется ясно выраженными эгоистическими побужденіями и интересами. Если люди индивидуалистическаго склада совершенно не задавались высшими нравственными запросами, не мучились надъ задачей, какъ жить лучше, и не пытались осуществить никакого нравственнаго идеала, то по отношенію къ такимъ характерамъ, какъ Чичиковъ, кажется странною самая мысль о возможности моральныхъ проблемъ и дѣятельнаго стремленія къ ихъ разрѣшенію. Естественно, что Чичикову чужды въ сущности были всякаго рода этическія чувства: у него не было «ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ»; отецъ дурно съ нимъ обращался, и потому сынъ не любилъ его; Чи-

чиковъ не зналъ даже обыкновеннаго состраданія къ чужимъ несчастіямъ, даже къ несчастіямъ извѣстныхъ ему людей, которымъ онъ былъ многимъ обязанъ: такъ, когда любившій его за тихое поведеніе и покровительствовавшій ему нѣкогда учитель былъ выгнанъ со службы, Чичиковъ далъ въ общую товарищескую складчину для помощи ему всего какой то жалкій «пятакъ серебра», съ презрѣніемъ возвращенный ему тотчасъ же возмущенными его безсердечіемъ товарищами. Онъ, правда, «очень заботился о своихъ потомкахъ», подумывалъ нерѣдко о «дѣтской» и «о Чиченкахъ»; но тутъ проглядываетъ не настоящая сердечная любовь къ дѣтямъ, а эгоистическій инстинктъ самосохраненія, превращающійся только въ стремленіе къ продолженію своего рода. Такою же низменно-эгоистическою окраской отличалось, наконецъ, у Чичикова и величайшее изъ этическихъ чувствъ, любовь. Въ сущности о «бабенкѣ» онъ мечталъ какъ о необходимомъ житейскомъ удобствѣ. Встрѣтившись въ первый разъ въ дорогѣ съ только-что окончившею институтъ губернаторскою дочкой, Чичиковъ отдался чрезвычайно прозаическимъ мыслямъ: «славная бабешка! вѣдь, если, положимъ, этакой дѣвушкѣ да придать тысяченку двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выйти очень, очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка». Потомъ, на балу у губернатора, увидѣвъ ее, онъ, правда, «на нѣсколько минутъ въ жизни обратился въ поэта», но все-таки «нельзя сказать навѣрно, точно ли пробудилось въ нашемъ героѣ чувство любви; даже сомнительно, чтобы господа такого рода способны были къ любви».

Преобладаніе низшихъ эгоистическихъ чувствъ не создаетъ благоприятной почвы для развитія эстетическаго вкуса, чувства красоты въ различныхъ ея проявленіяхъ: вѣдь низшія эгоистическія чувства въ высокой степени не эстетичны, безобразны и уродливы. Понятно поэтому, что чистый эгоистъ — менѣе всего эстетикъ. Настоящія искусства, музыка, поэзія, живопись, скульптура, архитектура, театр—его не увлекаютъ и не захватываютъ. И дѣйствительно, мы тщетно бы стали искать у Чичикова серьезныхъ эстетическихъ интересовъ. Только во время болѣзни онъ читалъ, именно «прочиталъ какой то томъ герцогини Лавальеръ», но и самый выборъ чтенія и условія, при которыхъ оно происходило, превосходно подчеркиваютъ отсутствіе всякаго художественнаго чувства или стремленія. Единственно, что еще указывало на слабый отблескъ какого то стремленія къ красотѣ у Чичикова, это его забота о своемъ костюмѣ: напр., на вечеринкѣ у губернатора «въ пріѣзжемъ (т.-е. Чичиковѣ) оказалась

такая внимательность къ туалету, какой даже не вездѣ видывано». Но какъ далеко отстоятъ это стремленіе къ внѣшнему благообразію, эта аккуратность въ костюмѣ отъ настоящихъ художественныхъ интересовъ и эстетическихъ восторговъ и увлеченій.

Мы видѣли въ свое время, что неутолимая жажда дѣятельности, неудержимое стремленіе къ новизнѣ и разнообразію впечатлѣній служили основными стимулами *общественныхъ чувствъ* у людей индивидуалистическаго типа. Этого стимула нѣтъ и быть не можетъ у людей, подобныхъ Чичикову. А такъ какъ у такого рода людей нѣтъ и понятія о долгѣ, о нравственной обязанности личности передъ обществомъ, то въ результатѣ получается полное отсутствіе общественныхъ чувствъ, и вся общественная дѣятельность эгоистовъ сводится къ достиженію ими тѣхъ низменныхъ эгоистическихъ цѣлей, которыя составляютъ весь смыслъ ихъ существованія. Вся служебная дѣятельность Чичикова, извѣстная всякому, служитъ яркой иллюстраціей этого положенія. Но не менѣе характерно притомъ, что Чичикову ничего не стоитъ прикрыться громкою фразой, выказать себя на словахъ носителемъ высокихъ общественныхъ идеаловъ, прикрыть маской законности совершенно неблаговидный, общественно-вредный образъ дѣйствій. Говоря, напр., о купчей на мертвыя души какъ на живыя, потому что онѣ живыя по ревизской сказкѣ, Чичиковъ съ пафосомъ замѣчаетъ: «я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; обязанность для меня—дѣло священное; законъ—я нѣмѣю передъ закономъ».

Изъ трехъ необходимыхъ элементовъ *религіознаго чувства*—нѣжной эмоціи, чувства высокаго и страха—Чичикову свойственъ былъ лишь послѣдній. Естественно, что и религія въ его глазахъ имѣла значеніе развѣ только устрашающее, какъ угроза карою за прегрѣшенія. Можетъ ли быть при такихъ условіяхъ рѣчь о настоящей религіозности? На этотъ вопросъ, конечно, не можетъ быть двухъ отвѣтовъ.

Представляя себѣ теперь въ цѣломъ всю эмоціональную жизнь Чичикова, невольно поражаешься необыкновенною бѣдностью ея содержанія. Цѣлые ряды самыхъ сложныхъ, самыхъ прекрасныхъ человѣческихъ чувствъ оказываются чуждыми чистому эгоисту. Для него пропадаетъ множество жгучихъ ощущеній, расширяющихъ умственные горизонты, углубляющихъ мысль. Такая скудость содержанія эмоціональной жизни неизбежно отражается, конечно, и въ сферѣ *ума*. Умъ Чичикова не былъ и не могъ быть разностороннимъ, не отличался объективизмомъ, пониманіемъ всего безконечнаго разнообразія человѣческихъ

свойствъ и отношеній, многосложностью мыслительныхъ интересовъ. Еще въ школѣ, позднѣе и въ жизни, у него «особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ не оказалось». Онъ жилъ безъ всякихъ теоретическихъ, научныхъ и—тѣмъ болѣе—философскихъ интересовъ. Зато въ тѣхъ случаяхъ, когда уму Чичикова приходилось разбираться въ привычныхъ, психологически—родственныхъ натурѣ его интересахъ и побужденіяхъ, результаты получались очень хорошіе. Дурныя стороны человѣческой природы, низменные инстинкты, элементарно-эгоистическія вождѣленія хорошо понимались и превосходно эксплуатировались Чичиковымъ въ свою пользу. Въ этомъ отношеніи онъ проявлялъ замѣчательную наблюдательность и большую ловкость. Онъ внимательно разспрашивалъ обо всемъ у трактирнаго слуги, «оказалъ необыкновенную дѣятельность насчетъ визитовъ», «въ разговорахъ очень искусно умѣлъ польстить каждому», во время игры въ карты «спорилъ, но какъ то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ»; съ Коробочкой «Чичиковъ, несмотря на ласковый видъ, говорилъ, однако-же, съ большею свободой, нежели съ Маниловымъ», и вовсе не церемонился; онъ сразу понял Собакевича, характеризуя его по внѣшности—«медвѣдь, совершенный медвѣдь»—и по его внутреннимъ свойствамъ—«экой кулакъ!» отлично обдѣлалъ дѣло съ мертвыми душами у Плюшкина, пользуясь его скупостью, ловко обманулъ повыхчика, обѣщавъ ему жениться на его перерзѣлой и некрасивой дочери и не сдержавъ обѣщанія потомъ, когда благодаря нареченному тестю выдвинулся впередъ по службѣ, и т. д., и т. д.

Стремясь къ одной узкой цѣли, не разбрасываясь и не растериваясь, Чичиковъ не зналъ внутренней борьбы мотивовъ, душевнаго разлада и нерѣшительности. Его воля была всегда сильна и прямолинейна. Колебанія были для него немислимы.

У.

По принятому нами методу, мы не считаемъ себя въ правѣ при анализѣ главныхъ характеровъ ограничиваться разборомъ *одного* примѣра, такъ какъ при этомъ легко можно принять индивидуальныя особенности за типическія черты. Поэтому мы должны остановить вниманіе читателя еще на одномъ изображеніи эгоистическаго характера. Чтобы недалеко ходить, мы анализируемъ характеръ сестры приватъ-доцента изъ повѣсти «Варенька Олесева» г. Горькаго, Елизаветы Сергѣевны. Это тѣмъ болѣе удоб-

но, что мы опять будемъ имѣть дѣло, какъ и при изображеніи индивидуалистическихъ типовъ, съ лицомъ другого пола, чѣмъ только-что разобранное.

Красивая и изящная героиня г. Горькаго—родная сестра по духу Павла Ивановича Чичикова. «Жесты у нея были мягкіе, осторожные, и отъ всей ея стройной фигуры вѣяло внутреннимъ холодомъ». Уже это одно напоминаетъ Чичикова съ его «ловкостью почти военного человѣка». Низшіе фізіологическіе инстинкты—склонность къ вкусовымъ ощущеніямъ и чувственность—не менѣе сильны у Елизаветы Сергѣевны, чѣмъ у Чичикова. Она, напр., «кушала, тщательно обглаживая косточки дичи», и пока ѣла, молчала, а заговорила лишь насытившись. Она любовалась влюбленнымъ въ нее красавцемъ-юношей Бенковскимъ, и при этомъ «въ глазахъ ея сверкала искорка сладострастнаго вождельнія». Это сильно напоминаетъ прозаическія мечты Чичикова о «бабенкѣ». Въ соотвѣтствіи съ этимъ находимъ въ характерѣ Елизаветы Сергѣевны чрезвычайное себялюбіе и пренебрежительное, дурное отношеніе къ другимъ людямъ. Она, напр., «не стѣсняясь, смѣется» надъ наивностью Вареньки, при словахъ которой у нея появляется на губахъ «ехидная улыбка». Чужія достоинства, напр., красота и молодость Олесовой, ее раздражаютъ. Елизавета Сергѣевна не перестаетъ жаловаться брату на своего покойнаго мужа, подчеркивая *свое* несчастье и терпѣніе: «я уже съ третьяго года жизни съ нимъ почувствовала себя внутренно одинокою», «если бы ты зналъ, что я переживала!» повторяетъ она. «Она долго и скучно говорила ему о своей печальной жизни». Невольно припоминается при этомъ слеза, пролитая Чичиковъ при воспоминаніи о своихъ служебныхъ неудачахъ. Ревнивая, заботливая внимательность къ собственнымъ матеріальнымъ интересамъ составляла также отличительную черту характера Елизаветы Сергѣевны, свидѣтельствующую о большомъ развитіи у нея низшихъ эгоистическихъ чувствъ. Имѣя въ виду выйти замужъ за Бенковского, она говоритъ брату: «я хотѣла бы устроить дѣло съ нимъ такъ, чтобы мои имущественныя права не подвергались никакому риску». Елизавета Сергѣевна даже прямо заявляетъ: «практичность, по моему, очень похвальное свойство», и доходитъ въ этой практичности до того, что предназначаетъ Бенковскому не только весь гардеробъ, но даже и туфли своего покойнаго мужа. Ко всему этому надо присоединить еще большую трусость ея: она жалуется брату на дерзость и грубости мужиковъ, но не подаетъ жалобъ земскому начальнику, «понимая, что на этой почвѣ могутъ расцвѣсти такіе огненные цвѣты... пожалуй, въ одно

прекрасное утро проснешься только на перлѣ своей усадьбы». Тою же трусостью, боязнью чужого осужденія объясняется и отличавшая Елизавету Сергѣевну «прискорбная привычка философствовать», «стремленіе обо всемъ разсуждать не изъ естественной склонности уяснить себѣ свое отношеніе къ жизни, а лишь изъ предусмотрительнаго желанія разрушать и опрокидывать все то, что такъ или иначе могло бы смутить холодный покой ея души».

Едва пріѣхавъ, «Ипполитъ Сергѣевичъ уже успѣлъ убѣдиться, что сестра не особенно поражена фактомъ смерти мужа», что, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, одно изъ ея *этическихъ чувствъ* отличалось слабостью. Въ этомъ отношеніи особенно знаменательны разсужденія Елизаветы Сергѣевны о любви и о бракѣ. По ея словамъ, «любовь — это побѣда того, кто любить меньше, надъ тѣмъ, кто любить больше... я побѣдила и воспользуюсь плодами побѣды»; «бракъ долженъ быть разумною сдѣлкой, исключаящею всякій рискъ». Ипполитъ Сергѣевичъ правъ, когда замѣчаетъ, что она «играетъ въ любовь». При такихъ условіяхъ, конечно, не приходится искать у Елизаветы Сергѣевны какихъ-либо сильныхъ родственныхъ привязанностей, чувства дружбы, дѣятельнаго или даже пассивнаго состраданія къ чужому горю, не говоря уже о жизненномъ моральномъ идеалѣ и его осуществленіи въ дѣйствительности.

Холоднымъ, эгоистическимъ характеромъ отличаются и *эстетическія чувства* Елизаветы Сергѣевны. Она, правда, играетъ на рояли, но больше съ Бенковскимъ, чѣмъ одна, слушаетъ съ удовольствіемъ стихи Бенковского, но почему? потому что въ этихъ стихахъ онъ воспѣваетъ ее.

Когда далѣе мы наблюдаемъ, какъ Елизавета Сергѣевна нагромождаетъ одну на другую либеральныя фразы, лишеныя реальнаго содержанія, то невольно вспоминаются при этомъ слова Чичикова о его безграничномъ уваженіи къ закону, и становится совершенно несомнѣннымъ полное отсутствіе *общественныхъ чувствъ* у даннаго лица.

Едва ли, наконецъ, можетъ быть рѣчь о какой-либо *религиозности* разбираемаго характера.

Переходя къ эмоціональной жизни въ сферу *ума*, мы легко замѣчаемъ, что Елизавета Сергѣевна отличается большою наблюдательностью и умѣніемъ понимать тѣ душевныя явленія, какія не чужды ей самой: она, напр., понимаетъ всѣ отдѣльныя перипетіи, какія пережило чувство ея брата къ Варенькѣ Олесовой, съ лукавою улыбкой наблюдаетъ за нимъ и его пріемами. Но разъ явленіе выходитъ изъ ея обычнаго кругозора, она его

не понимает и пренебрежительно от него отворачивается: склонна къ здоровому скептицизму, презираетъ одинаково и идеалистовъ, и декадентовъ, и материалистовъ. Наукою, мышленіемъ, по ея мнѣнію, надо заниматься только въ томъ случаѣ, «если они даютъ нѣчто положительное... пріятное вамъ». «Она выработала себѣ схему практики, а теоріи лишь по столько интересовали ее, по сколько могли сгладить ея сухое, скептическое и даже проническое отношеніе къ жизни и людямъ».

Простота, единство и элементарность мотивовъ приводили, наконецъ, къ твердости *воли*, къ рѣшительности и прямолинейности въ той узкой сферѣ дѣятельности, которая опредѣлялась бѣдностью жизни чувства.

Остается подвести итоги изслѣдованію эгоистическихъ характеровъ. Въ области *чувства* они отличаются большою напряженностью низшихъ эгоистическихъ чувствъ, въ которыя перерождаются даже и болѣе сложныя эгоистическія эмоціи, при крайней притомъ слабости или даже полномъ отсутствіи чувствъ этическихъ, эстетическихъ, общественныхъ и религіозныхъ. Субъективизмъ и практическая наблюдательность *ума* и рѣшительность *воли*, направленной на достиженіе узкихъ эгоистическихъ цѣлей низшаго порядка, дополняютъ эту печальную психологическую картину.

VI.

Въ своихъ предшествующихъ очеркахъ по психологіи характера намъ неоднократно приходилось встрѣчаться съ характерами переходными, не цѣльными и не едиными, сложными. Мы отмѣтили, напр. ¹⁾, что Леонъ Плоховскій, герой романа Сенкевича «Безъ догмата», несмотря на всю силу его эстетическихъ эмоцій, не чистый эстетикъ, такъ какъ этический, нравственный элементъ въ его духовной природѣ въ значительной мѣрѣ самостоятеленъ и достаточно силенъ; что Рудинъ ²⁾—типъ переходный отъ чисто-эгоистическаго къ аналитическому, т.-е. съ преобладаніемъ ума, разсудочной дѣятельности; что, наконецъ, существуетъ сложный типъ, который надо обозначить терминомъ «этическіе индивидуалисты» и яркимъ представителемъ котораго является извѣстный Фердинадъ Лассаль, дневникомъ котораго мы и воспользовались при составленіи соответствующей характеристики ³⁾. Быть можетъ, даже такіе сложные

¹⁾ Этические и эстетическіе характеры.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Этический индивидуализмъ.

и переходные характеры встрѣчаются въ жизни несравненно чаще и во всякомъ случаѣ не рѣже, чѣмъ характеры цѣльные, какъ бы выкованные изъ одного металла или вытесанные изъ одного камня. Въ дополненіе къ приведенному очерку эгоистическихъ характеровъ мы позволимъ себѣ теперь остановить вниманіе читателя на типѣ, представляющемъ собою переходъ отъ эгоистическихъ характеровъ къ эстетическимъ, точнѣе — смѣшеніе этихъ двухъ типовъ душевной организаціи. Мы имѣемъ въ виду характеръ Гедды Габлеръ въ драмѣ того же названія, принадлежащей перу одного изъ властителей думъ нашего времени, знаменитаго норвежскаго писателя Генриха Ибсена. Гедда Габлеръ, какъ покажетъ дальнѣйшій анализъ, есть типичная *эстетическая эгоистка*.

Чтобы доказать эгоизмъ Гедды, стоитъ только обратить вниманіе на чрезвычайное развитіе ея *эгоистическихъ чувствъ*, и притомъ по преимуществу низшихъ, болѣе элементарныхъ и грубыхъ. Гедда Габлеръ крайне избалована, имѣетъ большую привычку къ роскоши, нуждается въ шумѣ и блескѣ, въ томъ, чтобы на нее обращали вниманіе, за нею ухаживали. Юліана Тесманъ, тетка ея мужа, замѣчаетъ о ней: «Дочь генерала Габлера! Къ чему она только ни привыкла, когда живъ былъ генералъ!» По словамъ мужа, «для Гедды путешествіе было необходимо». Сама Гедда заявляетъ, что она «разсчитывала бывать часто въ обществѣ, дѣлать пріемы», хотѣла имѣть ливрейнаго лакея, верховую лошадь. Она не скрываетъ своего пренебреженія къ общественному положенію и бѣдности мужа: «во всемъ виноваты», говоритъ она, «тѣ низменные условія, въ которыхъ я попала. Они-то и дѣлаютъ самую жизнь такую жалкою, просто-на-просто смѣшною». Подчиненія другому человѣку она не выносить и застрѣливается, когда видитъ себя въ рукахъ ассесора Брака. При всемъ томъ чувство страха въ высокой степени свойственно Геддѣ Габлеръ: она прямо говоритъ Левборгу: «я боялась скандала, я страшно труслива». Правда, она не испытываетъ жажды пріобрѣтенія, не корыстолюбива, но это объясняется именно наличностью въ ея природѣ эстетическаго элемента: корыстолюбіе — безобразно, некрасиво. Этимъ же эстетическимъ чувствомъ объясняется и проявляющееся у Гедды нѣкоторое, довольно, впрочемъ, слабое честолюбіе: она выражаетъ, напр., желаніе сдѣлать своего мужа политикомъ, даже министромъ.

Не менѣе или развѣ не многимъ менѣе сильно выражены въ характерѣ Гедды Габлеръ эстетическія чувства. Прежде всего она любитъ изящную обстановку, «не выносить чехловъ

на мебели»; Тесманъ прямо говорить: «я никакъ не могъ предложить ей мѣщанскую обстановку». Затѣмъ, по ремаркѣ автора, Гедда «одѣта съ большимъ вкусомъ». Она любитъ музыку и особенно стремится къ красивымъ поступкамъ, именно красивымъ, а не нравственно-прекраснымъ. Поощряя Эйлера Левборга въ его намѣреніи застрѣлиться послѣ потери драгоценной для него рукописи, она даетъ ему пистолетъ со словами: «но только, чтобы было красиво!» Когда Гедда узнаетъ о самоубійствѣ Левборга, то говоритъ: «наконецъ, хоть одинъ подвигъ! Я говорю, что во всемъ этомъ есть красота»; но, услышавъ, что Левборгъ выстрѣлилъ себѣ въ животъ, она въ отчаяніи восклицаетъ: «ахъ, это смѣшное и пошлое, которое, точно проклятіе, ложится на все, къ чему я ни прикасаюсь!»

Уже это стремленіе къ внѣшней красотѣ поведения, безъ всякаго его согласованія съ моральными требованіями, служить очевиднымъ доказательствомъ того, что *этический чувства* не играли почти никакой роли въ духовной природѣ Гедды Габлеръ. Ближайшее изслѣдованіе совершенно подтверждаетъ этотъ выводъ. У Гедды нѣтъ не только никакихъ родственныхъ привязанностей, но даже простой деликатности по отношенію къ чужимъ чувствамъ этого рода: она, напр., очень холодно встрѣчаетъ тетку своего мужа, Юліану Тесманъ, и сразу переходитъ съ ней на *ты*; когда Юліана обнимаетъ ее, она освобождается изъ ея объятій и говоритъ съ досадой: «ахъ, оставьте меня!» «Ахъ, эти вѣчныя тетуски», говоритъ Гедда, когда Тесманъ хвалитъ Юліану, и прямо заявляетъ мужу: «я попробую называть ее теткою. Но ничего больше сдѣлать не могу». Гедда съ гнѣвомъ отрицаетъ возможность имѣть дѣтей и замѣчаетъ при этомъ: «у меня нѣтъ къ этому рѣшительно никакихъ наклонностей; ни къ чему, налагающему на меня обязанности». Достаточно характерно въ эгоистическомъ смыслѣ и ея отношеніе къ мужу: она говоритъ съ нимъ «рѣзко», «съ нетерпѣніемъ», «съ насмѣшкой»; по ея собственнымъ словамъ, она приняла предложеніе Тесмана по той причинѣ, что онъ «началъ всѣми силами добиваться позволенія заботиться обо мнѣ»; когда Левборгъ спросилъ ее о любви къ Тесману, она съ пренебрежительною улыбкой отвѣтила: «любовь? ну, это ужъ слишкомъ». Чувство дружбы—совершенно притворно и поддѣльно у Гедды: она притворно дружитъ съ Теей Эльвстедъ съ исключительно-эгоистическою цѣлью повредить ей и Левборгу; своей дружбой съ Левборгомъ она пользовалась для удовлетворенія своего нездороваго любопытства и возбужденія дурныхъ инстинктовъ; она допытывалась отъ него всѣхъ подробностей о его кутежахъ:

«развѣ вы находите совершенно необъяснимымъ, если молодая дѣвушка, по мѣрѣ возможности, тайкомъ, охотно приподнимаетъ завѣсу міра, который, по общепризнанному мнѣнію, долженъ остаться для нея закрытымъ?» Если ко всему этому прибавить, что Гедда зло смѣется надъ Левборгомъ, говоря, что онъ на пиру у ассесора Брака «одухотворился», т.-е. напился, и что она безъ сожалѣнія и со злобой сжигаетъ рукопись Левборга, приговаривая: «теперь я сжигаю твое дитя, Тея, твое и Эйлerta Левборга», то будетъ совершенно ясно, что Геддѣ не свойственна была не только общепринятая, но и какая бы то ни было мораль; что въ ней можно наблюдать совершенную атрофію нравственнаго чувства. Можетъ ли быть послѣ этого рѣчь о какихъ-либо общественныхъ и религіозныхъ чувствахъ Гедды?

Геддѣ Габлеръ нельзя, конечно, отказать въ умѣ, но умъ этотъ — субъективенъ въ значительной мѣрѣ, хотя несомнѣнно разностороннѣе, чѣмъ умъ чистыхъ эгоистовъ. Лучше всего она умѣетъ подмѣчать дурныя стороны человѣческой природы и съ необыкновеннымъ искусствомъ пользуется ими для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Такъ, напр., ей ничего не стоитъ, дѣйствуя на дурныя инстинкты Левборга, заставить его напиться пьянымъ. Но Гедда понимаетъ и чувства такого въ сущности нравственнаго ея антипода, какъ Тея Эльвстедъ: она сразу догадывается о ея любви къ Левборгу и притворною дружбой заставляетъ ее высказаться до конца и испытываетъ у нея все, что ей нужно знать о взаимныхъ отношеніяхъ Теи и Эйлerta.

Наконецъ, всякій согласится съ нами, что Гедда обладала рѣшительною *волей*, что доказывается хотя бы фактомъ ея самоубійства, а также всѣмъ ея поведеніемъ по отношенію къ окружающимъ. Только чувство страха парализуетъ иногда волю Гедды Габлеръ.

Въ результатъ мы имѣемъ сложный характеръ, главными особенностями котораго являются преобладаніе эгоистическихъ чувствъ и сильное развитіе эстетическаго вкуса, атрофія этическихъ эмоций, общественныхъ и религіозныхъ чувствъ, вполнѣ естественная и въ эгоистахъ и въ эстетикахъ, нѣсколько большая, чѣмъ у чистыхъ эгоистовъ, разносторонность ума и достаточная рѣшительность воли.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Аналитическіе характеры.

I.

Въ предшествующихъ нашихъ очеркахъ по психологіи характера мы имѣли дѣло съ типами, основныхъ чертъ которыхъ приходилось искать въ сферѣ чувства. Мы не думаемъ утверждать, что эта сфера нами исчерпана, что всѣ возможныя и дѣйствительно-существующія комбинаціи психическихъ силъ на основѣ одного или немногихъ главныхъ чувствъ, опредѣляющихъ душевную природу той или другой личности, изучены въ отмѣченныхъ статьяхъ. Напротивъ: здѣсь остается еще обширное поле для изслѣдованія, и мы предполагаемъ еще въ будущемъ вернуться къ характерамъ съ эмоціоной окраской. Нѣтъ однако сомнѣнія, что многое *основное* въ этой сферѣ уже подвергнуто нами анализу, такъ что вполне уместно и своевременно сосредоточить теперь вниманіе на характерахъ, основная черта которыхъ заключается въ преобладаніи во всемъ психическомъ строѣ челоуѣка ума, анализа, иными словами на характерахъ *аналитическихъ* или интеллектуальныхъ по преимуществу.

И здѣсь, конечно, не можетъ быть полного единства. Не говоря уже о рядѣ переходныхъ формъ, можно намѣтить, по нашему мнѣнію, двѣ основныхъ разновидности аналитическихъ характеровъ: одна изъ нихъ отличается преобладаніемъ умственной сферы надъ сферой чувства по той причинѣ, что всѣ чувства, хотя и отличаются значительной напряженностью, но ни одно изъ нихъ не подавляетъ другихъ, такъ что они другъ друга нейтрализуютъ, находятся въ постоянной борьбѣ безъ перевѣса въ ту или иную сторону; но существуетъ и другая разновидность, характеризующаяся преобладаніемъ ума или анализа надъ эмоціоной жизнью не вслѣдствіе равномерности и равносильности значительно развитыхъ и достаточно-напряженныхъ чувствъ, а по причинѣ именно крайней слабости всѣхъ эмоцій, ихъ ничтожества и безсилія. Различіе между указанными двумя разновидностями, очевидно, весьма существенно, и игнорировать его никакъ нельзя. Мы и попытаемся въ предлагаемомъ очеркѣ намѣтить основныя особенности организаціи душевной жизни обоихъ видовъ аналитическихъ характеровъ, пользуясь

методомъ и матеріаломъ такъ, какъ мы ими уже пользовались раньше.

Примѣромъ первой разновидности намъ послужить Шекспировскій Гамлетъ, образцомъ второй — Алексѣй Александровичъ Каренинъ изъ гениальнаго романа гр. Л. Н. Толстого, не разъ уже дававшего намъ матеріалъ для изученія.

II.

Въ галлерей типовъ, созданныхъ гениемъ великаго англійскаго поэта, едва ли найдется болѣе популярный характеръ, чѣмъ характеръ несчастнаго датскаго принца. Шекспировская литература, вообще богатая, изобилуетъ анализами Гамлета. Этотъ рядъ выдающихся литературныхъ комментаторовъ великой трагедіи пополняется многочисленными сценическими ея истолкователями въ лицѣ артистовъ всѣхъ націй и самыхъ разнообразныхъ темпераментовъ и дарованій. Наконецъ, среди образованнаго общества едва ли найдется кто-либо, кто не составилъ бы себѣ понятія о характерѣ Гамлета самостоятельно или на основаніи сценическихъ его воплощеній и литературныхъ разборовъ. Но несмотря на это или, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого существуетъ цѣлый рядъ чрезвычайно противорѣчивыхъ сужденій о величайшемъ созданіи Шекспира. И это служитъ первымъ основаніемъ необходимости вновь анализировать типъ Гамлета, пользуясь принятымъ нами методомъ и исходя изъ тѣхъ соображеній, которыя положены въ основаніе предыдущихъ нашихъ статей по психологіи характера или, что то же, этологіи. Къ этому основанію можно прибавить еще второе, отличающееся скорѣе эстетическимъ, чѣмъ теоретическимъ, значеніемъ: изучая типъ Гамлета, испытываешь такое высокое художественное наслажденіе, что бываетъ жаль не подѣлиться имъ съ другими, которымъ знакомые образы и черты должны напомнить о пережитомъ когда-то свѣжемъ впечатлѣніи отъ перваго знакомства съ Шекспировскимъ *chef d'oeuvre*-омъ.

Если не всѣ, то по крайней мѣрѣ громадное большинство комментаторовъ, артистовъ и зрителей выдвигаютъ на первый планъ въ психической природѣ Гамлета необыкновенную силу анализа, необыкновенную глубину, объективную широту и поражающую силу ума. И едва ли можно сомнѣваться въ справедливости такого взгляда. Неутомимый умъ Гамлета постоянно работаетъ, искрится разнообразѣйшими цвѣтами остроумія, обнаруживаетъ чрезвычайно развитую наблюдательность и проницательное пониманіе другихъ людей и окружающей среды. Все

это сразу бросится въ глаза съ первыхъ же сценъ трагедіи. Когда король обращается къ Гамлету, называя его другомъ и сыномъ, Гамлетъ сразу замѣчаетъ неискренность и отмѣчаетъ про себя: «поближе сына, но подальше друга». Необыкновенно тонкая проницательность и вмѣстѣ глубина мысли замѣтны и въ слѣдующихъ затѣмъ отвѣтахъ принца на вопросъ короля—«какъ, надѣ тобой еще летаютъ тучи?»—и на замѣчаніе королевы, что не нужно горевать объ отцѣ, такъ какъ все умретъ: первому онъ остроумно и язвительно замѣчаетъ: «о нѣтъ! мнѣ солнце слишкомъ ярко свѣтитъ», а второй меланхолически вторитъ: «да, все умретъ», разумѣя подъ этими словами, очевидно, и смерть чувства своей матери къ своему покойному отцу. Пониманіе людей и среды Гамлетъ проявляетъ постоянно: онъ хорошо знаетъ Гораціо и увѣренъ, что не лѣньность вызвала его изъ Виттенберга, Полоній—сразу ему понятенъ, какъ и типическіе придворные Розенкранцъ и Гильденштернъ; онъ составилъ прекрасный планъ представленія для актеровъ и разгадалъ вѣрно чувство короля, увидѣвшаго на сценѣ себя самого. Наконецъ, высшіе научные и философскіе вопросы привлекаютъ сильно вниманіе Гамлета; онъ обнаруживаетъ большую широту теоретическаго мышленія, когда замѣчаетъ нѣсколько-педантическому Гораціо: «есть многое на небѣ и землѣ, что и во снѣ, Гораціо, не снилось твоей учености». А кому неизвѣстенъ удивительный по глубинѣ мысли монологъ «быть или не быть?»

Но при великой силѣ мысли, при развитомъ умѣ и способности анализа, Гамлетъ вовсе не былъ холоднымъ человѣкомъ, лишеннымъ способности чувствовать. Только бѣлая часть его чувствъ находитъ себѣ противовѣсъ въ другихъ чувствахъ, такъ что происходитъ постоянная взаимная борьба ихъ, дающая возможность уму возвышаться надъ эмоціональной сферой и господствовать надъ послѣдней. Изъ всѣхъ эмоцій самыми слабыми нужно признать у Гамлета низшія эгоистическія чувства, что, конечно, вполне понятно, потому что эти чувства—неумны, противорѣчатъ здравому мышленію. У Гамлета нѣтъ, напр., наклонности къ грубымъ физическимъ наслажденіямъ: онъ не любить пировъ, находитъ, что обычай пировать «забыть гораздо благороднѣй», что «похмелье и пирушки мараютъ насъ въ понятіи народовъ», что «всю славу дѣлать великихъ и прекрасныхъ смыываетъ съ насъ вино». А можетъ ли быть что-нибудь неразумнѣе страха во всѣхъ его видахъ? И Гамлетъ совершенно лишенъ этого унижительнаго чувства: онъ смѣло идетъ за тѣнью отца и нисколько не боится смерти. Онъ не знаетъ и пустого самолюбія: «я обиду перенесъ бы», говоритъ онъ, «во мнѣ нѣтъ

жолчи, и мнѣ обида не горька». Но жажда мщенья свойственна Гамлету: недаромъ онъ замѣчаетъ тѣни отца: «на крыльяхъ, какъ мысль любви, какъ вдохновенье, быстрыхъ я къ мести полечу!»

Этическія чувства Гамлета достигали очень значительной напряженности и играли видную роль въ его эмоциональной природѣ. Передъ нимъ ясно стояло понятіе о нравственномъ идеалѣ чистоты и совершенства, и онъ глубоко страдалъ отъ несоответствія дѣйствительности этому идеалу, что и выразилось особенно ярко во время его полубезумнаго на первый взглядъ, но вполне понятнаго при его душевномъ состояніи разговора съ Офеліей въ третьемъ дѣйствіи. Едва ли не еще болѣе рельефнымъ выраженіемъ высокаго понятія Гамлета о нравственности и любви служитъ первый его монологъ въ первомъ дѣйствіи, когда онъ не можетъ опомниться отъ негодованія по поводу второго брака матери, послѣдовавшаго такъ скоро за смертью его отца. Сознаніе необходимости мщенья и неизбежности торжества пошлости и безнравственности на землѣ преисполняютъ Гамлета скептицизмомъ по отношенію къ величайшему изъ этическихъ чувствъ,—любви. Любовь парализуется у него такими образомъ другими эмоціями, но она все-таки, несомнѣнно, свойственна Гамлету и даже, напр., постоянно сквозитъ въ его жесткой бесѣдѣ съ Офеліей, такъ что вполне справедливы его слова: «я любилъ Офелію, и сорокъ тысячъ братьевъ со всею полнотой любви не могутъ ее любить такъ горячо». Цѣлый рядъ сложныхъ чувствъ парализуетъ въ Гамлетѣ и всякую возможность непосредственнаго, немедленнаго и энергичнаго проявленія его,—несомнѣнно, очень сильной — любви къ отцу. Сила этой любви видна всего лучше изъ неподдѣльной скорби Гамлета по поводу смерти отца, скорби, которой едва ли можно подыскать лучшее выраженіе, чѣмъ слѣдующія слова: «ни траурный мой плащъ, ни черный цвѣтъ печальнаго наряда, ни грустный видъ унылаго лица, ни бурный вздохъ стѣсненнаго дыханья, ни слезъ текущій изъ очей потокъ — ничто, ничто изъ этихъ знаковъ скорби не скажетъ истины; ихъ можно и сыграть, и это все *казаться* точно можетъ. Въ моей душѣ ношу я то, что *есть*, что выше всѣхъ печали украшеній». Еще болѣе парализованной является искренняя любовь Гамлета къ матери, омраченная сознаніемъ ея «гнусной поспѣшности», быстрого паденія «въ кровосмѣшенія ложе». Вообще можно сказать, что ни одно этическое чувство не чуждо датскому принцу: онъ, напр., знаетъ и цѣнитъ дружбу съ Гораціо и Марцелло; онъ преисполненъ доброжелательства ко всѣмъ, хорошо обращается съ актерами,

искренно жадѣть случайно погибшаго отъ его руки Полонія, хорошо относится къ Лаэрту и т. д.

Человѣкъ, въ духовной природѣ котораго видную роль играютъ эмоціи нравственнаго порядка, всегда нуждается въ вѣрѣ, имѣеть серьезное *религіозное чувство*. Оно свойственно и Гамлету: онъ удерживается отъ самоубійства, потому что считаетъ его грѣхомъ; изъ религіозныхъ побужденій онъ не рѣшается убить короля въ то время, когда послѣдній молится. «И воробей не погибнетъ безъ воли Провидѣнія», замѣчаетъ онъ въ разговорѣ съ Гораціо въ послѣднемъ дѣйствіи.

Эстетическое чувство, чувство красоты, любовь къ искусству живетъ въ душѣ Гамлета, доступно ему въ высокой степени: онъ, напр., заставляетъ актера декламировать; его критическія замѣчанія и режиссерскія поученія отличаются большой тонкостью и глубиной. «Особенно обращай вниманіе на то, чтобы не преступать за границу естественнаго. Все, что изысканно, противорѣчитъ намѣренію театра, цѣль котораго была, есть и будетъ—отражать въ себѣ природу: добро, зло, время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ». Это—дѣйствительно «сужденіе знатока», которое «должно перевѣшивать мнѣніе всѣхъ остальныхъ». Но въ то же время Гамлетъ — не чистый эстетикъ, который никогда не позволилъ бы примѣшать къ искусству постороннія цѣли: театромъ Гамлетъ пользуется, чтобы изобличить короля въ преступленіи и придать себѣ рѣшимости въ мщеніи. Опять такимъ образомъ мы встрѣчаемъ конфликтъ чувствъ разныхъ порядковъ, при чемъ трудно рѣшить, которое изъ нихъ сильнѣе, тѣмъ болѣе, что каждое изъ нихъ далеко не ничтожно, а достигаетъ напротивъ высокаго уровня развитія.

Результатъ извѣстенъ, понятенъ и давно сдѣлался ходячимъ общимъ мнѣніемъ: этотъ результатъ сводится къ слабости *воли*, къ крайней нерѣшительности, къ внутреннему разладу. Это и составляетъ главный источникъ страданій Гамлета, внутреннюю его трагедію. Коллизія чувствъ даетъ перевѣсъ анализу, уму, который разлагаетъ на составные элементы всякое хотѣніе, всякое волевое движеніе и тѣмъ уничтожаетъ послѣднее. Гамлетъ все время поступаетъ не такъ, какъ хочетъ, а какъ велятъ ему всесильныя обстоятельства. Онъ въ сущности плыветъ по теченію. Ему тяжело оставаться въ Даніи, и все-таки онъ остается, сдаваясь на просьбы короля и королевы. Онъ съ болью въ сердцѣ сознаетъ свою слабость, говоря: «я—презрѣнный, малодушный рабъ, я дѣла чуждъ», «я расточаю сердце въ пустыхъ словахъ», «я слабъ и преданъ грусти», «мнѣ нужно основаніе

подтверже». Гамлетъ никакъ не можетъ сдѣлать безповоротный шагъ въ ту или другую сторону: тысячи чувствъ и соображеній, взаимно перепутываясь, связываютъ его по рукамъ и по ногамъ. Только исключительное стеченіе обстоятельствъ: состязаніе съ Лаэртомъ, коварный замыселъ короля погубить Гамлета, сознаніе Лаэрта, смерть матери повели къ мщенію королю со стороны Гамлета. Этотъ заключительный поступокъ является такимъ образомъ не столько результатомъ внутренней психической работы и волевой энергіи, сколько слѣдствіемъ внѣшнихъ вліяній, поведительно направившихъ Гамлета на путь рѣшительныхъ дѣйствій.

III.

Въ одной изъ своихъ превосходныхъ статей о творчествѣ гр. Л. Н. Толстого г. Овсяннико-Куликовскій высказалъ мнѣніе, что типъ Алексѣя Александровича Каренина не совсѣмъ удался автору, что ему не удалось въ немъ найти человѣка въ высокомъ смыслѣ этого слова. Причину этой неудачи г. Овсяннико-Куликовскій указываетъ въ той вѣрно отмѣченной имъ въ общемъ особенности дарованія нашего великаго писателя, которую слѣдуетъ обозначить терминомъ «субъективизмъ»: Л. Н. Толстой наибольшей художественной высоты и совершенства достигаетъ въ изображеніи тѣхъ характеровъ, которые психически-родственны ему. Но какъ ни вѣрно это общее воззрѣніе, нельзя однако не признать, что геній Толстого оказывается достаточно сильнымъ, чтобы проникнуть въ духовную глубь личностей и совершенно иного, чѣмъ самъ писатель, склада. Мы видѣли въ одной изъ предыдущихъ статей, какъ превосходно изображенъ имъ индивидуалистическій характеръ Вронскаго. Послѣдующее изложеніе покажетъ, что и Каренинъ созданъ Толстымъ съ неменьшимъ совершенствомъ и что истинно-человѣческое въ этой личности имъ найдено постольку, поскольку оно ей дѣйствительно свойственно.

Ужъ самая внѣшность Алексѣя Александровича, какъ она изображена у Толстого, указываетъ на человѣка необыкновенно-уравновѣшаннаго, разсудочнаго, холоднаго. У него была «холодная и представительная фигура», «упорный и усталый взглядъ»; говорилъ онъ «холодно и спокойно», «медлительнымъ и тонкимъ голосомъ». Эти нѣсколько штриховъ, мастерски брошенныхъ мимоходомъ, живо рисуютъ передъ нами внѣшность Каренина съ его «петербургски-свѣжимъ лицомъ и строго-самоувѣренной фигурой». Недаромъ это свойство дарованія Толстого — въ нѣсколькихъ словахъ характеризовать внѣшность дѣйствующихъ

лицъ его романовъ внушило г. Мережковскому мысль назвать писателя «тайновидцемъ плоти». Онъ дѣйствительно тайновидецъ плоти, но, вопреки мнѣнію г. Мережковского, не менѣе и тайновидецъ духа и въ этомъ отношеніи не уступаетъ Достоевскому.

Какую видную роль играли въ жизни Каренина потребности и интересы ума,—это лучше всего видно изъ его необыкновенной аккуратности и точности: «каждая минута жизни Алексѣя Александровича была занята и распределена. И для того, чтобы успѣвать сдѣлать то, что ему предстояло каждый день, онъ держался строжайшей аккуратности. Безъ поспѣшности и безъ отдыха—было его девизомъ». «Несмотря на поглощавшія почти все его время служебныя обязанности, онъ считалъ своимъ долгомъ слѣдить за всѣмъ замѣчательнымъ, появлявшимся въ умственной сферѣ». «Его интересовали книги политическія, философскія, богословскія». Каренинъ не былъ лишенъ и наблюдательности: онъ замѣтилъ, напр., что всѣ нашли неприличнымъ оживленный разговоръ Анны съ Вронскимъ во время прихода его въ гостиную графини Бетси Тверской; онъ также «зналъ несомнѣнно, что онъ былъ обманутый мужъ». Но наряду со всѣмъ этимъ бросается въ глаза одна чрезвычайно-замѣчательная особенность въ умственной организаціи Алексѣя Александровича: несмотря на обширность, силу и проницательность ума, онъ многого однако не понималъ, особенно въ сферѣ чувства. Такъ, когда онъ сталъ замѣчать, что отношеніе Анны къ Вронскому далеко не безразличное и совсѣмъ особенное, то онъ «чувствовалъ, что стоитъ лицомъ къ лицу передъ чѣмъ-то нелогичнымъ и безтолковымъ, и не зналъ, что надо дѣлать»; онъ не понималъ Анны: «переноситься мыслью и чувствомъ въ другое существо было душевное дѣйствіе, чуждое Алексѣю Александровичу. Онъ считалъ это душевное дѣйствіе вреднымъ и опаснымъ фантазерствомъ». Характеренъ и выходъ изъ такого положенія, найденный Каренинымъ: «Вопросы о ея чувствахъ—это не мое дѣло, это дѣло ея совѣсти и подлежить религіи», сказалъ онъ себѣ, чувствуя облегченіе при сознаніи, что найденъ тотъ отдѣлъ узаконеній, которому подлежало возникшее обстоятельство,—«моя же обязанность ясно опредѣляется: какъ глава семьи, я—лицо, обязанное руководить ею, и потому отчасти лицо отвѣтственное; я долженъ указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть». Во всемъ этомъ, какъ нельзя лучше, проявилась крайняя узость и односторонность ума Каренина. Мы сейчасъ увидимъ, какъ дальнѣйшія наблюденія укажутъ и на причину этой односторонности и

поверхностности: эта причина — бѣдность эмоциональной жизни, слабость чувства въ различныхъ его проявленіяхъ.

Едва ли не единственнымъ сколько-нибудь развитымъ *эгоистическимъ чувствомъ* Алексѣя Александровича было самолюбіе, соединенное съ служебнымъ или чиновнымъ честолюбіемъ. Это самолюбіе заставляло его скрывать даже тѣ небольшіе проблески нѣжности и привязанности, на какіе онъ былъ способенъ: такъ съ женой онъ говорилъ обыкновенно «тономъ насмѣшки надъ тѣмъ, кто бы на самомъ дѣлѣ такъ говорилъ». Онъ «исключительно отдался служебному честолюбію». Ему свойственно было до нѣкоторой степени и чувство страха: онъ «былъ «физически-робкій человекъ», боялся оружія и не могъ рѣшиться на дуэль. Все это вполне понятно въ разсудочной натурѣ. Понятно, также и то, что чувство гнѣва въ его крайнихъ или даже просто сильныхъ проявленіяхъ было несвойственно Алексѣю Александровичу: такъ, когда Анна прямо объявила ему, что она любовница Вронскаго, то «Алексѣй Александровичъ не пошевелился и не измѣнилъ прямого направленія взгляда, но все лицо его вдругъ приняло торжественную неподвижность мертваго». Гнѣвъ вырождался у него въ злобное желаніе мщенія: «въ душѣ Алексѣя Александровича оставалось нежеланіе того, чтобы Анна безпрепятственно могла соединиться съ Вронскимъ, чтобы преступленіе ея было для нея выгодно», у него было «желаніе, чтобы она не только не торжествовала, но получила возмездіе за свое преступленіе». Эта, имѣющая корнемъ своимъ ту же разсудочность, тѣсная связь мстительности съ гнѣвомъ проявляется и въ томъ, что когда Анна, вопреки его требованію, приняла Вронскаго, то онъ, явившись въ ея комнату, грубо отнялъ у нея письма послѣдняго, рѣшилъ требовать развода и взять себѣ сына. Но извѣстно, что всѣ эти эгоистическія чувства не оказались настолько сильными, чтобы привести къ опредѣленнымъ результатамъ.

Не менѣе бѣдна содержаніемъ и сфера *этическихъ чувствъ* Каренина. Начать съ того, что потребность въ нравственномъ идеалѣ замѣнялась у него узкимъ кодексомъ правилъ общепринятой морали и понятіемъ о приличіи. Зная о связи жены съ Вронскимъ, онъ рѣшилъ бывать у нея на дачѣ разъ въ недѣлю «для приличія». Жена для него не болѣе, какъ человекъ «безъ чести и безъ сердца, безъ религіи, испорченная женщина». «Я не полагаю, чтобы можно было извинять такого человека, хотя онъ и твой братъ», сказалъ онъ строго о Степанѣ Аркадьевичѣ по поводу его семейной исторіи, и замѣчательно, что «онъ сказалъ это именно затѣмъ, чтобы показать, что соображенія род-

ства не могут остановить его въ высказываніи своего искренняго мнѣнія». Придавать важность подчеркиванію такой нравственной банальности — значить быть лишеннымъ серьезнаго этического идеала, живого и дѣятельнаго. Этому соответствовала и слабость другихъ чувствъ нравственнаго порядка. У Каренина не было привязанности къ родителямъ: отца онъ не помнилъ, мать, умершая, когда ему было 10 лѣтъ, повидимому, тоже не привязывала его къ себѣ. «Ни въ гимназій, ни въ университетѣ, ни послѣ на службѣ Алексѣй Александровичъ не завязывалъ ни съ кѣмъ дружескихъ отношеній». Любовь къ женщинѣ въ сущности мало значила для него: передъ женитьбой онъ «долго колебался» и потомъ только «отдалъ невѣстѣ и женѣ все то чувство, на которое былъ способенъ». А онъ способенъ былъ въ этомъ отношеніи на очень немногое: въ сущности все содержаніе его чувства очень хорошо выразилось въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ имъ Аннѣ при ея возвращеніи изъ Москвы: «опять буду обѣдать не одинъ. Ты не повѣришь, какъ я привыкъ». Нечего и говорить объ отношеніи къ другимъ людямъ, къ чужимъ, къ постороннимъ: холодность, расчетъ и отчужденіе—вотъ къ чему оно сводилось. Алексѣй Александровичъ, напр., «очень дорожилъ» кружкомъ графини Лидіи Ивановны, состоявшимъ изъ «старыхъ, некрасивыхъ, добродѣтельныхъ и набожныхъ женщинъ и умныхъ, ученыхъ, честолюбивыхъ мужчинъ», но дорожилъ онъ имъ по той причинѣ, что черезъ него «сдѣлалъ свою карьеру». Характерно также отношеніе къ Бронскому при первой съ нимъ встрѣчѣ на вокзалѣ: Каренинъ смотрѣлъ на него «съ неудовольствіемъ, разсѣянно вспоминая, кто это», «холодно» пригласилъ его бывать у себя. Только гдѣ-то далеко, въ глубинѣ души, тлѣла у Алексѣя Александровича искра истинно-человѣческаго состраданія и жалости, приводившая къ тому, что онъ «не могъ равнодушно видѣть слезы ребенка или женщины. Видъ слезъ приводилъ его въ растерянное состояніе, и онъ терялъ совершенно способность соображенія». Только разъ въ жизни эта искра разгорѣлась въ пламя: при опасной болѣзни Анны «радостное чувство любви и прощенія къ врагамъ наполнило его душу». «Я увидѣлъ ее и простилъ», говоритъ онъ Бронскому, «и счастье прощенія открыло мнѣ мою обязанность». «Онъ у постели больной жены въ первый разъ въ жизни отдался тому чувству умиленнаго состраданія, которое въ немъ вызывали страданія другихъ людей, и котораго онъ прежде стыдился, какъ вредной слабости». Но это было и единственный разъ въ жизни.

Если этическія чувства Каренина были слабы, то *чувствъ*

эстетическим у него, можно сказать, совсѣмъ не было: «искусство было по его натурѣ совершенно чуждо ему, но, несмотря на это, или лучше вслѣдствіе этого, Алексѣй Александровичъ не пропускалъ ничего изъ того, что дѣлало шумъ въ этой области, и считалъ своимъ долгомъ все читать. Въ области политики, философіи, богословія Алексѣй Александровичъ сомнѣвался или отыскивалъ, но въ вопросахъ искусства и поэзіи, въ особенности музыки, пониманія которой онъ былъ совершенно лишенъ, у него были самыя опредѣленные, твердыя мнѣнія. Онъ любилъ говорить о Шекспирѣ, Рафаэлѣ, Бетховенѣ, о значеніи новыхъ школъ поэзіи и музыки, которые всѣ были у него распределены съ очень ясною послѣдовательностью».

Наиболѣе сложными чувствами, слагающимися и развивающимися подъ вліяніемъ другихъ элементовъ эмоциональной жизни, являются *чувства общественныя и религіозныя*. Послѣ всего сказаннаго можно быть увѣреннымъ, что натура, подобная Каренину, должна быть лишена и этихъ чувствъ. И наблюденія вполне соотвѣтствуютъ этому апріорному выводу. Были ли серьезны общественныя чувства Каренина? Нисколько: онъ въ сущности не имѣлъ ихъ, и мотивами для его убѣжденій ему служили или его чиновничье честолюбіе и самолюбіе или взгляды тѣхъ, кто стоялъ выше его на ступеняхъ чиновной лѣстницы. «Алексѣй Александровичъ сочувствовалъ гласному суду въ принципѣ, но нѣкоторымъ подробностямъ его примѣненія у насъ онъ не вполне сочувствовалъ, *по извѣстнымъ ему высшимъ служебнымъ отношеніямъ*, и осуждалъ, насколько онъ могъ осудить, что-либо Высочайше утвержденное». «Съ самодовольной улыбкой» рассказывалъ онъ о шумѣ, который произвело новое Положеніе, проведенное имъ въ совѣтѣ, объ оваціяхъ, которыя были ему по этому случаю сдѣланы». «Въ головѣ его нарождалась капитальная мысль, долженствующая распутать все это (служебное) дѣло, возвысить его въ служебной карьерѣ, уронить его враговъ и потому принести величайшую пользу государству». Тѣ же мотивы лежали въ основѣ и религіознаго чувства Каренина: «переживая тяжелыя минуты, онъ и не подумалъ ни разу о томъ, чтобы искать руководства въ религіи». «Онъ былъ вѣрующій человекъ, интересовавшійся религіей преимущественно въ политическомъ смыслѣ». Неудивительно поэтому, что въ концѣ концовъ Алексѣй Александровичъ вдался въ ханжество и мистицизмъ: «онъ каждую минуту думалъ, что въ душѣ его живетъ Христосъ, и что, подписывая бумаги, онъ исполняетъ Его волю». И въ то же время его поведение уже совершенно не соотвѣтствовало нравственнымъ принципамъ хри-

стіанства: онъ наотрѣзъ отказалъ Аннѣ въ столь необходимомъ для нея разводѣ.

Понятно, что тогда, когда можно было положить въ основу своихъ дѣйствій холодныя соображенія ума, Каренинъ не колебался и былъ рѣшителенъ. Но его *воля* совершенно парализовалась, и онъ былъ безпомощенъ, когда дѣло касалось болѣе деликатныхъ отношеній, когда замѣшивались интимныя чувства и связи.

IV.

Таковы двѣ основныхъ разновидности аналитическихъ характеровъ, въ очень многомъ несходныя между собою. Мы должны въ заключеніе поставить вопросъ, каково ихъ общественное значеніе, какое вліяніе имѣютъ люди того и другого склада на социальную жизнь и политическія отношенія?

Не случайность—тотъ фактъ, что Каренинъ занималъ высокое положеніе въ административной іерархіи. Этотъ человекъ прямо созданъ для того, чтобы служить въ качествѣ одного изъ крупныхъ колесъ въ огромной бюрократической машинѣ: онъ уменъ, но не настолько, чтобы доходить до дерзости мысли, сдержанъ и уравновѣшенъ, какъ никто, ловокъ въ интригахъ, умѣренъ до крайности, преклоняется передъ всѣмъ, что носитъ клеймо официальнаго предписанія и общепринятой морали, не знаетъ страстей и весь сотканъ изъ приличій и обычаевъ. Такие люди обыкновенно безъ труда становятся въ рядъ официально-признанныхъ слугъ государства и легко достигаютъ «степеней извѣстныхъ», какъ было и съ Каренинымъ. Они такимъ образомъ по самому своему социальному положенію имѣютъ возможность оказывать непосредственное воздѣйствіе на политическую жизнь своего времени и своей страны. Но не надо принимать внѣшность за существо дѣла: точно ли велико это воздѣйствіе? Достаточно ли широки и проникнуты пониманіемъ очередныхъ государственныхъ задачъ и общественныхъ потребностей взгляды людей, подобныхъ Каренину? Есть ли въ этихъ взглядахъ хотя бы малѣйшіе признаки политическаго творчества? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы понять, что отвѣтъ на нихъ долженъ быть данъ только отрицательный: холоднаго ума, не согрѣтаго чувствомъ, не проникнутаго живымъ стремленіемъ къ общественной правдѣ, слишкомъ мало, чтобы дѣйствовать плодотворно на политической аренѣ. Все общественное значеніе людей, принадлежащихъ ко второй разновидности аналитическихъ характеровъ, сводится такимъ образомъ къ дѣятельности простыхъ исполнителей чужихъ предначертаній и—самое большее—

охранителей существующих порядковъ и отношеній. Такіе люди или тнются за другими, или переминаются на одномъ мѣстѣ, или поворачиваютъ назадъ, но итти впередъ — не ихъ дѣло. Слѣдовательно, ихъ общественное значеніе невелико. Они берутъ количествомъ, а не качествомъ.

Не то надо сказать о первой разновидности аналитическихъ характеровъ, о людяхъ, подобныхъ Гамлету. На первый взглядъ они совсѣмъ не годятся для общества и его задачъ. И это кажется особенно убѣдительнымъ благодаря ихъ крайнему безволю, неспособности дѣйствовать рѣшительно и энергично. Конечно, *непосредственное* воздѣйствіе такихъ слабовольныхъ индивидовъ на общественную среду и государственный строй совершенно ничтожно. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, если бы Гамлетъ сдѣлался королемъ, то онъ оказался бы плохимъ, хотя и проникнутымъ лучшими намѣреніями, правителемъ своего государства. Но не практическая общественная и политическая дѣятельность составляетъ призваніе такихъ людей; ихъ дѣло — теорія, разработка науки, философіи, вообще всякаго рода знаній. Черезъ посредство этой умственной работы они могутъ и должны оказывать великое общественное вліяніе, потому что горизонты ихъ мышленія необыкновенно широки вслѣдствіе одинаковой доступности имъ всякаго рода чувствъ, и такъ какъ ни одно изъ этихъ чувствъ не преобладаетъ надъ другими, то широкій и всеобъемлющій умъ лишенъ односторонности и пристрастія. Гамлетъ — это типъ мыслителя, а кто будетъ оспаривать великое значеніе теоретической мысли для процесса общественной эволюціи? Конечно, и ученые и мыслители бываютъ разные: въ разрядъ цеховыхъ ученыхъ немало найдется и людей ограниченныхъ и сухихъ педантовъ, во многомъ подобныхъ Каренину, но истинный ученый, которому доступно и для котораго составляетъ потребность творчество въ области научной и философской теоріи, не долженъ и не можетъ быть лишенъ чувства, потому что чувство во всѣхъ его проявленіяхъ играетъ такую же первенствующую роль въ духовной организаціи человека, какая принадлежитъ зрѣнію среди другихъ средствъ внѣшняго воспріятія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы намѣтили въ предшествующемъ изложеніи пять основныхъ психическихъ типовъ—эгоистовъ, индивидуалистовъ, эстетиковъ, людей этического склада и аналитиковъ. Къ этому мы прибавили еще главный сложный типъ—этического индивидуалиста. Этимъ въ сущности исчерпывается все главное въ психологіи характера: всѣ психологическія разновидности могутъ быть подведены подъ одну изъ указанныхъ категорій. Такое заключеніе на первый взглядъ не совпадаетъ съ классификаціей эмоцій—этого основного психического элемента; въ самомъ дѣлѣ: мы вѣдь различали не только эгоистическія (въ томъ числѣ и индивидуалистическія), эстетическія и этическія эмоціи, но еще и эмоціи религіозныя и общественныя. Не слѣдуетъ ли отсюда, что соотвѣтственно этому существуютъ и особые религіозные и общественные характеры? Я думаю, что не слѣдуетъ: дѣло въ томъ, что религіозная натура—не болѣе, какъ эмбрионъ, зародышъ, первая стадія развитія натуры этической, а общественный характеръ при ближайшемъ анализѣ совпадаетъ по своей духовной природѣ съ этическимъ индивидуалистомъ.

Въ подтвержденіе перваго приведу краткую характеристику такой религіозной натуры, какъ Ниль Сорскій. Глубокая вѣра соединилась въ немъ съ религіозной терпимостью и одушевляла для него идеалъ простой и скромной, трудовой монашеской жизни, проникнутой стремленіемъ къ религіозному созерцанію и нравственному самосовершенствованію. Исходя изъ этого идеала, Ниль сурово порицалъ и отрицалъ современную ему монастырскую жизнь, построенную на крупномъ землевладѣніи, и стоялъ противъ тѣхъ жестокихъ преслѣдованій, какимъ тогда подвергались еретики. Не ясно ли, что здѣсь на религіозной основѣ слагался этический характеръ?

Совпаденіе психического склада этическихъ индивидуалистовъ и общественныхъ характеровъ обнаруживается прежде всего изъ того примѣра, какимъ мы пользовались выше: Фердинандъ Лас-

саль — этотъ типичный этический индивидуалистъ — былъ вѣдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ пылкимъ и стойкимъ общественнымъ борцомъ. Такой же общественной натурой съ типическими чертами этического индивидуалиста является, напр., Петръ Великій. Онъ былъ чуждъ низшихъ, элементарныхъ, простѣйшихъ эгоистическихъ чувствъ — страха и корыстолюбія. При Лѣсномъ, при Полтавѣ, въ морской экспедиціи противъ шведскаго корабля онъ бросался смѣло впередъ и не задумываясь подвергалъ себя несомнѣнной опасности. Петръ былъ очень щедръ къ другимъ и скупъ только по отношенію къ себѣ, но не изъ жадности, а изъ чувства долга передъ родиной. Это послѣднее обстоятельство какъ нельзя лучше подчеркиваетъ необыкновенную силу этическихъ чувствъ, нравственныхъ запросовъ въ личности Петра. Общее благо, величіе Россіи, общественная польза, народное благосостояніе — вотъ постоянные мотивы Петровскихъ указовъ. Всего лучше и ярче эта черта сказала въ знаменитыхъ словахъ, сказанныхъ Петромъ передъ Полтавской битвой: «а о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россія во славу и величію». Это господство этическихъ эмоцій обнаруживается и въ горячей любви Петра къ правдѣ и въ искренномъ отвращеніи ко лжи. Извѣстенъ разсказъ Неплюева о томъ, что онъ, слѣдуя данному ему слову говорить Петру всегда правду, однажды, опоздавъ на службу по случаю бывшихъ наканунѣ именинъ одного знакомаго, откровенно признался царю въ истинной причинѣ своего опозданія, при чемъ Петръ похвалилъ его за правдивость, и никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій вина Неплюева не имѣла. Въ другой разъ какой-то нѣмецкій офицеръ расхвастался о своихъ познаніяхъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ и вралъ немилосердно. Петръ долго сдерживался, слушая всю эту ложь, но, наконецъ, потерялъ терпѣніе и цюнулъ хвостуну прямо въ лицо.

Было бы большою ошибкой думать, что Петръ былъ лишень способности испытывать болѣе интимныя нравственныя чувствованія. Прочитайте его письма къ Екатеринѣ, — и вы удивитесь, какъ могъ быть нѣженъ этотъ, на первый взглядъ, грубоватый и рѣзкій человѣкъ. Правда, онъ подписалъ смертный приговоръ своему сыну, но онъ сдѣлалъ это не по душевной жесткости — напротивъ онъ очень любилъ Алексѣя, — а изъ сознанія своего общественного долга.

Но нравственныя чувствованія разныхъ порядковъ не составляли *единственнаго* главнаго свойства духовной личности Петра Великаго. Равносильное съ ними значеніе принадлежало также его индивидуалистическимъ чувствамъ, — развитому и повышенному самосознанію, увѣренности въ себѣ, честолюбію, жадѣ

дѣятельности, новизны, переменны впечатлѣній. По запискамъ Корба, слава — цѣль Петра; не даромъ Петръ любилъ такія выраженія, какъ — «Александръ построилъ Дербентъ, а Петръ его взялъ», или: «Людовику (т. е. XIV-му) помогали, а Петръ все сдѣлалъ одинъ». По словамъ Корба, Юля и Фоккеродта, Петра нельзя было убѣдить, что чужое мнѣніе можетъ опредѣлять его поступки; по запискамъ Остермана, Петръ говорилъ, что Европа нужна намъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы должны повернуться къ ней спиной. Если къ этому прибавить непреклонную волю и широкій, вмѣстѣ и практическій, и склонный къ грандіознымъ замысламъ умъ, то духовное родство Петра съ Лассалемъ станетъ вполнѣ очевиднымъ, какъ очевидно и психическое тожество общественныхъ натуръ съ этическими индивидуалистами.

Итакъ, мы имѣемъ болѣе или менѣе полную классификацію характеровъ и изображеніе отдѣльныхъ основныхъ типовъ. Какое примѣненіе можно сдѣлать изъ этого въ социологіи? Конечно, то, что представленная классификація можетъ и должна послужить мѣриломъ для пониманія и истолкованія психической эволюціи обществъ. При свѣтѣ ея будетъ понятна классовая психологія каждой эпохи, внесены будутъ принципы развитія въ самое понятіе о классовой психологіи, столь геніально установленное Марксомъ. Въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія съ марксизмомъ: всякій, кто знакомъ съ трудами Маркса, знаетъ, что ему самому была свойственна идея эволюціи въ психологіи отдѣльныхъ классовъ. Не разрушить завѣты основателя школы имѣемъ мы въ виду, а напротивъ исполнить ихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАНИЦА.
Предисловіе.....	1
Исторія, мораль и политика.....	1— 19
Научное міросозерцаніе и исторія.....	20— 28
Значеніе и судьбы новѣйшаго идеализма въ Россіи	29— 46
Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ и его вліяніе на соціально-политическій строй того времени.	47— 80
Развитіе экономическихъ и соціальныхъ отношеній въ Россіи XIX вѣка.....	81—101
Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древ- ней Россіи.....	102—132
Денежное хозяйство и формы землевладѣнія въ новой Россіи.....	133—164
Психологія характера и соціологія	165—259

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1) **Обзоръ Русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. I — Кіевская Русь. (Съ VI до конца XII вѣка)**

Изд. 2-ое. М. 1905. Ц. 1 руб.

2) То же. Ч. II — Удѣльная Русь. Вып. 2-й М. 1905.
Ц. 1 руб.

Цѣна 1 р. 50 к.

Н. РОЖКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Издание И. К. Шамова, Бол. Грузинская ул., домъ Шамова.
1906.

Slav 77.26
✓

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ТИПОГРАФИЯ

МОСКВА

СТРАСТНОМУ БУЛЬВАРУ

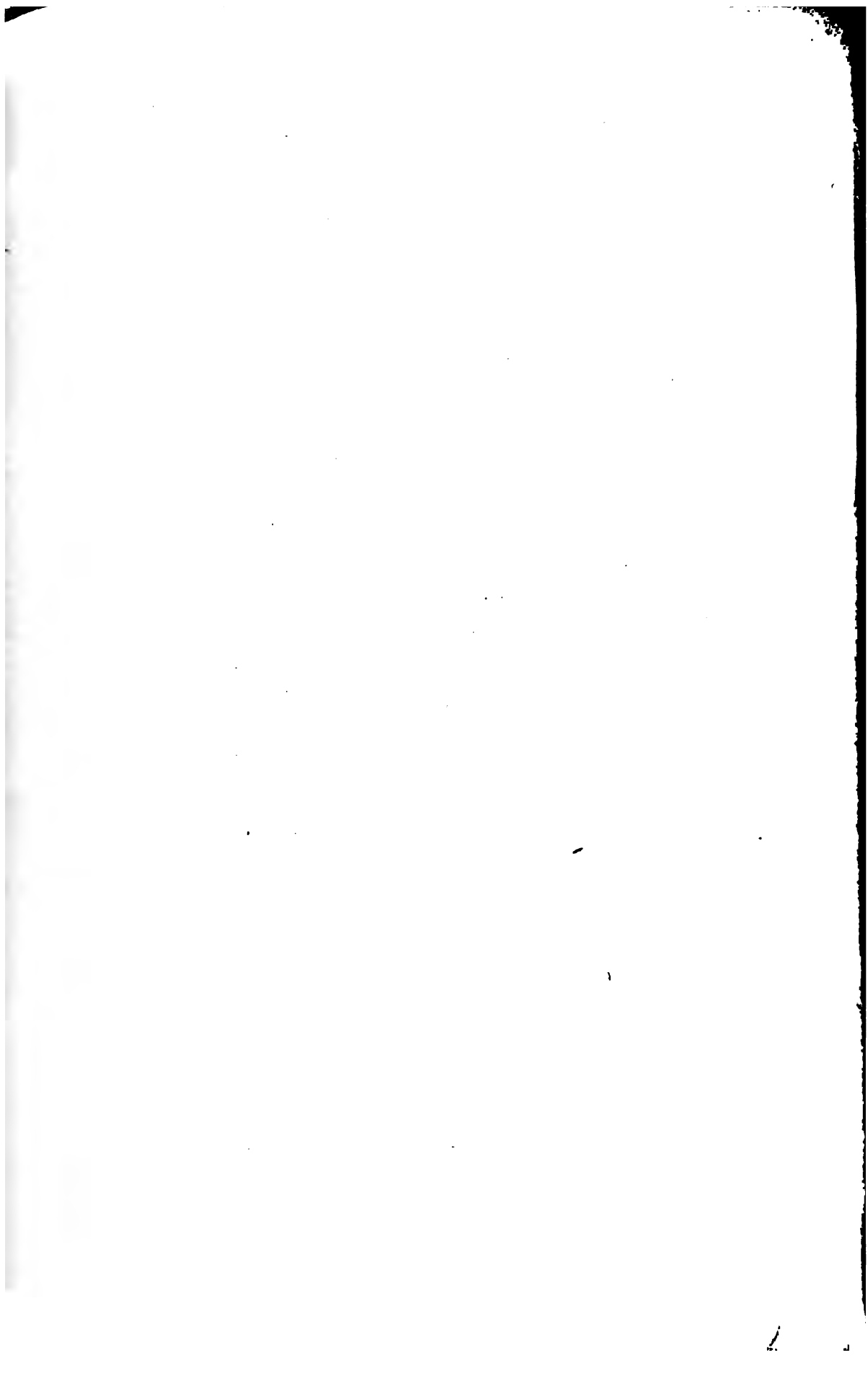
1906.

МОСКВА.

Университетская типография, на Страстномъ бульварѣ
1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи.....	1— 7
О вольнонаемномъ земледѣльческомъ трудѣ при крѣпостномъ правѣ	8— 16
О подборѣ и изученіи матеріала по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи.....	17— 26
Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV в.	27— 72
Очерки юридическаго быта по Русской Правдѣ	73—237
Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ	238—254
В. Сергѣевичъ.—Древности русскаго права. Томъ III.....	255—272
М. Дьяконовъ.—Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ	273—289
Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива комитета министровъ	290—297
И. Я. Гурляндъ. Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII в.....	298—306
Книги записныя вотчинныя Помѣстнаго приказа.....	307—322

Slav 7/7.26

Н. РОЖКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Издание И. К. Шамова, Бол. Грузинская ул., домъ Шамова.

1906.

Къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи.

Существуютъ историческіе вопросы, для рѣшенія которыхъ современные изслѣдователи располагаютъ значительнымъ матеріаломъ, обильными данными источниковъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ, несмотря на достаточный запасъ фактовъ и даже на одинаковое знакомство съ ними разныхъ изслѣдователей, между этими послѣдними возможны большія разногласія, но разногласія эти будутъ зависѣть не отъ количества и качества матеріала, а отъ таланта отдѣльныхъ лицъ, отъ степени ихъ проницательности, отъ ихъ критическаго чутія, отъ широты ихъ воззрѣнія, отъ глубины знаній. Если при этомъ и будетъ открытъ какой-нибудь новый, неизвѣстный прежде источникъ, то самое большее, что онъ дастъ, будетъ заключаться въ нѣкоторой болѣе или менѣе ожидаемой поддержкѣ одного изъ борющихся воззрѣній въ ущербъ другимъ; совершенно новаго и неожиданнаго при наличности значительнаго уже изученнаго матеріала ожидать трудно, чтобы не сказать невозможно.

Не то въ научныхъ историческихъ вопросахъ, матеріалъ для рѣшенія которыхъ скуденъ. Здѣсь каждую минуту можно ожидать находки, которая въ состояніи бросить совершенно новый свѣтъ на дѣло, подарить насъ сюрпризомъ, произвести цѣлый переворотъ въ болѣе или менѣе установившихся воззрѣніяхъ. Къ числу такихъ скудно обставленныхъ матеріаломъ и потому наиболѣе спорныхъ вопросовъ принадлежитъ между прочимъ и вопросъ объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи.

Въ подготовкѣ всякой реформы слѣдуетъ, несомнѣнно, различать двѣ стороны,—реальную и идейную. Прежде чѣмъ идея извѣстнаго преобразованія приметъ опредѣленные стройныя очертанія, прежде чѣмъ она сложится какъ нѣчто законченное и—

главное—практически-осуществимое, должна произойти глубокая и неостовратимая перемѣна въ реальныхъ житейскихъ условіяхъ, перемѣна, которая подчеркнула бы невозможность сохраненія старины и указала бы пути съ созданію новыхъ порядковъ. Такой реальной перемѣны, подготовившей крестьянскую реформу 19-го февраля 1861 года, изслѣдователи ищутъ по преимуществу въ хозяйственныхъ условіяхъ первой половины XIX вѣка, въ тѣхъ новыхъ экономическихъ явленіяхъ, которыя обнаружались въ русской дѣйствительности къ 40-мъ и 50-мъ годамъ истекшаго столѣтія. Говоря вообще, можно различить два основныхъ воззрѣнія на вопросъ объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Типическимъ представителемъ одного изъ нихъ является Заблоцкій-Десятовскій, выразителемъ другого надо признать П. Б. Струве.

Первый изъ названныхъ изслѣдователей напечаталъ въ IV томѣ своего сочиненія «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» составленную имъ еще въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ «Записку о крѣпостномъ состояніи въ Россіи» и ярко провелъ въ ней мысль, что крѣпостное право уже въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка было невыгодно для русскаго земледѣльческаго хозяйства, что русское земледѣліе уже тогда нуждалось въ вольнонаемномъ трудѣ, болѣе производительномъ, и потому, несмотря на болѣшую дороговизну, болѣе выгодномъ, чѣмъ подневольный, крѣпостной. Это положеніе авторъ доказываетъ ссылками на рядъ наблюденій своихъ надъ доходностью земледѣльческихъ хозяйствъ, основанныхъ на вольнонаемномъ трудѣ, и цифровыми выкладками, обнаруживающими болѣе слабую доходность предпріятій, организованныхъ на основѣ крѣпостной барщины¹⁾. Наблюденія надъ *отдѣльными* на выборъ взятыми хозяйствами—вотъ основной матеріалъ, на которомъ строитъ авторъ свои заключенія. Конечно, этотъ матеріалъ имѣетъ свою цѣнность, но лишь въ томъ случаѣ, когда онъ достаточно обиленъ, а этого какъ разъ и нельзя здѣсь сказать. Нужно ждать его пополненія и всѣми зависящими отъ насъ средствами содѣйствовать его пополненію, но теперь строить на такомъ матеріалѣ всю теорію можно лишь гипотетически.

Есть, однако, другой матеріалъ,—свидѣтельства о степени развитія земледѣльческой барщины наканунѣ освобожденія сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда крѣпостное право достигло своего полного развитія,—съ XVIII вѣкомъ. Если будетъ дока-

¹⁾ *Заблоцкій-Десятовскій*, «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», томъ IV. Спб. 1882 г., стр. 281—284.

зано, что къ половинѣ XIX столѣтія количество крѣпостныхъ, обязанныхъ барщиной, сократилось, и что это сокращеніе было вызвано не посторонними вліяніями, а условіями именно *земледѣльческаго* хозяйства, то, очевидно, въ земледѣліи слѣдуетъ искать основной причины паденія крѣпостного права, т.-е. Заблудскій-Десятковскій правъ. Уже въ 1881 г. г. Семевскій вычислилъ процентъ барщинныхъ (издѣльных) крестьянъ въ 13-ти губерніяхъ въ XVIII в. и въ половинѣ XIX, при чемъ оказалось, что изъ восьми нечерноземныхъ губерній только въ двухъ—Тверской и Новгородской—процентъ барщинныхъ крестьянъ увеличился: въ первой съ 54-хъ въ XVIII в. до 60-ти въ половинѣ XIX ¹⁾, во второй съ 51% до 54,5% ²⁾; въ остальныхъ шести губерніяхъ нечерноземной полосы процентъ барщинныхъ крестьянъ уменьшился: въ Вологодской съ 17-ти (XVIII в.) до 16-ти (полов. XIX в.), въ Костромской съ 15 до 12,5, въ Ярославской съ 22 до 12,5 ³⁾, въ Псковской съ 79 до 71 ⁴⁾, во Владимирской съ 50 до 30 и въ Московской губерніи съ 54-хъ % до 32-хъ ⁵⁾. Въ послѣднее время къ этому прибавлены еще цифры по двумъ нечерноземнымъ губерніямъ, Олонецкой, гдѣ въ XVIII в. было 34% издѣльныхъ крестьянъ, и въ половинѣ XIX 28%, и Смоленской, гдѣ % барщинныхъ крестьянъ повысился съ 70 до 73-хъ ⁶⁾. Это добавленіе, однако, мало мѣняетъ общее впечатлѣніе, такъ что можно вообще сказать, что барщина въ нечерноземныхъ губерніяхъ шла въ XIX вѣкѣ на убыль. Но г. Струве, заподозривая достовѣрность приведенныхъ г. Семевскимъ цифръ для XVIII в., полагаетъ, что барщина постепенно развивалась въ XIX в. ⁷⁾. Притомъ же не надо забывать, что, какъ это уже и отмѣчено въ литературѣ, сокращеніе барщины и ростъ оброчной системы въ нечерноземныхъ губерніяхъ объясняется не условіями земледѣлія, а развитіемъ здѣсь обрабатывающей фабричной промышленности, дѣлавшимъ вы-

¹⁾ Г-жа Игнатовичъ исправляетъ послѣднюю цифру на 59, *И. Игнатовичъ*, „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“,—„Рус. Богатство“ за 1900 г., № 9, стр. 47.

²⁾ У г-жи Игнатовичъ 54,4% (тамъ же).

³⁾ У г-жи Игнатовичъ 12,6% (тамъ же).

⁴⁾ По вычисленію г-жи Игнатовичъ, 77% (тамъ же).

⁵⁾ *В. Семевскій*. „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“. Слб., 1881, стр. 48.

⁶⁾ *И. Игнатовичъ*, „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, „Рус. Богатство“ за 1900 г., № 9, стр. 47.

⁷⁾ *П. Струве*. „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в.“. „Міръ Божій“ за 1899 г., № 12, стр. 272—274.

годной для помѣщиковъ оброчную систему: можно было повысить значительно оброкъ, отпуская крѣпостного крестьянина работать на фабрику. Такое объясненіе кажется тѣмъ болѣе правильнымъ, что въ черноземныхъ, чисто земледѣльческихъ губерніяхъ въ большинствѣ случаевъ замѣтенъ ростъ барщиннаго труда и вообще его широкое примѣненіе. Уже г. Семевскій констатировалъ, что въ Тульской губерніи въ XVIII в. было 92% барщинныхъ крестьянъ, а въ половинѣ XIX в. 75%, для Курской губерніи соотвѣтствующія цифры 92 и 74¹⁾, для Воронежской 53²⁾ и 55,5³⁾, Орловской 66 и 72 и Пензенской 48 и 75%⁴⁾. Если къ этому прибавить еще губерніи Тамбовскую, Рязанскую и такія получерноземныя губерніи, какъ Нижегородская и Калужская, то впечатлѣніе нѣкотораго роста издѣлія и, во всякомъ случаѣ, значительной его распространенности въ черноземной полосѣ еще усилится: правда, въ Рязанской губерніи % издѣльныхъ съ 81-го (въ XVIII в.) понизился до 62-хъ (въ половинѣ XIX ст.), но въ другихъ онъ или повысился, какъ въ Нижегородской съ 18 до 32, въ Калужской съ 42 до 45, или не измѣнился, какъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ и въ XVIII в. и въ половинѣ XIX сидѣло на барщинѣ 78% крѣпостныхъ крестьянъ⁵⁾. Это увеличеніе барщиннаго труда въ чисто земледѣльческихъ губерніяхъ и даетъ право г-ну Струве отрицать вліяніе земледѣльческаго хозяйства на паденіе крѣпостныхъ отношеній: по его мнѣнію, земледѣліе и въ половинѣ XIX в., вопреки Заблоцкому-Десятовскому, соотвѣтствовало условіямъ крѣпостного права, было къ нему вполне приспособлено, такъ что реформа 19-го февраля была вызвана необходимостью создать вольнонаемныхъ рабочихъ для обрабатывающей фабричной промышленности, въ которой—и только въ ней одной—и слѣдуетъ искать экономическихъ причинъ паденія крѣпостного права въ Россіи.

Нельзя сказать, чтобы и матеріаль, касающійся распространенія барщины, былъ безукоризненъ, если его разсматривать критически: оставляя въ сторонѣ сомнѣнія г-на Струве относительно цифръ XVIII вѣка, можно отмѣтить, что всѣ приведенныя цифры охватываютъ всего 19 губерній, что не очень много.

1) У г-жи Игнатовичъ 75,5% („Рус. Богатство“ за 1900 г., № 9, стр. 47).

2) У г-жи Игнатовичъ 36 (тамъ же).

3) У г-жи Игнатовичъ 55 (тамъ же).

4) Семевскій. „Крестьяне въ царств. импер. Екатерины II“, стр. 48.

5) Игнатовичъ. „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“—„Рус. Богатство“ за 1900 г., № 9, стр. 47.

Къ тому же губернія — слишкомъ обширная территориальная единица, включающая въ себѣ районы нерѣдко очень различные въ экономическомъ отношеніи, такъ что для того, чтобы уяснить вліяніе именно *земледѣльческаго* производства на формы труда, необходимо выдѣлить изъ территоріи отдѣльныхъ губерній чисто земледѣльческіе районы и изучить ихъ съ данной точки зрѣнія, что совершенно не сдѣлано. Такимъ образомъ, и употреблявшійся до сихъ поръ методъ изученія распространенности барщины не-безупреченъ.

Очевидно, что при такомъ состояніи источниковъ всякое новое свидѣтельство, могущее бросить неожиданный свѣтъ на вопросъ, приобретаетъ особенную цѣнность.

Пишущему эти строки случайно удалось наткнуться на подобное свидѣтельство. Въ 1873 году московскій губернскій предводитель дворянства, князь Александръ Васильевичъ Мещерскій, владѣвшій имѣніями въ разныхъ полосахъ Россіи, между прочимъ въ нечерноземной Московской и черноземной Воронежской губерніяхъ, и бывшій хорошимъ хозяиномъ-практикомъ и председателемъ только что основаннаго тогда Московскаго Общества улучшенія скотоводства въ Россіи, написалъ письмо тогдашнему министру государственныхъ имуществъ, прося у него ежегоднаго казеннаго пособія Обществу улучшенія скотоводства. Письмо это заключаетъ въ себѣ не мало вообще интересныхъ замѣчаній, но для насъ въ настоящее время важна въ немъ одна подробность, относящаяся какъ разъ къ земледѣльческому хозяйству степныхъ, черноземныхъ губерній наканунѣ освобожденія крестьянъ, при чемъ мы не должны забывать, что степными черноземными губерніями тутъ называются тѣ, которыя лежатъ въ треугольникѣ, образуемомъ Окой, Волгой и Дономъ: это — губернія къ югу отъ Оки, къ востоку отъ Дона и къ западу отъ Волги. Вотъ что писалъ объ этой области князь Мещерскій: «Хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и *при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлопковъ и травъ, дополнительный волнонаемный трудъ выходившихъ туда ежегодно на лѣтнія полевые работы крестьянъ изъ густонаселенныхъ украинныхъ губерній*» ¹⁾.

Съ перваго же взгляда ясно, какое серьезное значеніе имѣетъ приведенное свидѣтельство, особенно подчеркнутыя нами слова,

---

¹⁾ Архивъ Московскаго Дворянства, дѣло № 16, за 1873 годъ, „Частная переписка“, л. 31 об.

для изученія экономическихъ причинъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Передъ нами открываются сразу совершенно неожиданныя перспективы: такъ, до сихъ поръ думали, что крестьянская реформа сидѣнѣе и вреднѣе отразилась на помѣщичьемъ хозяйствѣ черноземной полосы, чѣмъ нечерноземной; князь Мещерскій констатируетъ противное; далѣе: сильную распространенность барщины на черноземѣ привыкли признавать сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что въ этой полосѣ земледѣліе покоилось всецѣло на крѣпостной основѣ; между тѣмъ оказывается, если вѣрить князю Мещерскому, что вольнонаемный земледѣльческій трудъ игралъ въ степныхъ черноземныхъ губерніяхъ едва ли не большую и во всякомъ случаѣ не меньшую роль, нежели барщинный подневольный; наконецъ, въ приведенномъ свидѣтельствѣ рѣзко подчеркивается необходимость освобожденія крестьянъ въ Малороссіи, выдѣлявшей въ отходъ значительный контингентъ изъ состава крестьянскаго населенія. Все это очень характерно, оригинально и неожиданно, достаточно неожиданно, чтобы направить мысль изслѣдователя на новые пути, поставить передъ нимъ новыя задачи.

Эти задачи заключаются въ повѣркѣ оригинальныхъ заключеній, необходимо слѣдующихъ изъ приведеннаго свидѣтельства. Насколько пострадало помѣщичье хозяйство черноземныхъ губерній отъ отмѣны крѣпостного права? Какъ великъ былъ контингентъ пришлыхъ вольнонаемныхъ рабочихъ сравнительно съ барщинными крѣпостными въ каждой изъ этихъ губерній? Откуда приходили эти вольнонаемные рабочіе? Вотъ три основныхъ вопроса, которые необходимо выдвинуть на первый планъ при изученіи земледѣльческаго помѣщичьяго хозяйства въ черноземной полосѣ Россіи передъ реформой 19 февраля 1861 года. Передъ важностью этихъ вопросовъ блѣднѣютъ цифры, указывающія на примѣненіе барщины и получающія совершенно иной смыслъ, если подтвердится фактъ сильнаго прилива вольнонаемныхъ рабочихъ со стороны.

Свидѣтельство князя Мещерскаго есть, конечно, не болѣе, какъ только единичное указаніе въ опредѣленномъ направленіи и, какъ таковое, несомнѣнно подлежитъ критикѣ и повѣркѣ иными матеріалами. Не надо однако забывать, что это говоритъ хозяйникъ-практикъ, хорошо знакомый съ условіями и формами земледѣльческаго производства въ обѣихъ полосахъ, черноземной и нечерноземной, и что этому хозяину-практику совершенно незачѣмъ было взводить напраслину на помѣщичье хозяйство черноземныхъ губерній въ послѣднее время существованія крѣпостныхъ отношеній. Вотъ почему а priori можно признать за приведеннымъ

свидѣтельствомъ значительную степень достовѣрности, а если такъ, то взглядъ Заблоцкаго-Десятовскаго получаетъ неожиданное и довольно надежное подкрѣпленіе: очевидно экономическихъ причинъ паденія крѣпостного права въ Россіи надо искать не только въ сферѣ обрабатывающей промышленности, игнорировать вліяніе которой впрочемъ нельзя, но и въ области земледѣльческаго производства. Да и въ самомъ дѣлѣ: было бы странно, если бы такая великая, можно сказать всеобъемлющая переменѣ, какою является уничтоженіе крѣпостного состоянія, обязана была своимъ происхожденіемъ вліянію исключительно одной лишь сравнительно второстепенной отрасли производства—обрабатывающей промышленности, тогда какъ главный нервъ народнаго хозяйства Россіи того времени—земледѣліе—не только не подготавливалъ этой переменѣ, но даже будто бы стоялъ въ противорѣчій съ ней.

Надо думать, что читатель согласится съ нами, если мы признаемъ вновь найденное свидѣтельство чрезвычайно важнымъ и во всякомъ случаѣ сильно обостряющимъ интересъ къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи. Правильное разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ спасенія, обнаруженія и обработки матеріала старыхъ счетовъ, прихода-расходныхъ книгъ и хозяйственной переписки крѣпостной эпохи, матеріала, еще сохраняющагося во многихъ имѣніяхъ, но легко могущаго скоро погибнуть. Его спасеніемъ каждый можетъ оказать неопцѣнимую услугу русской исторической наукѣ.

О вольнонаемномъ земледѣльческомъ трудѣ при крѣпостномъ правѣ.

(Отвѣтъ г. Семевскому).

Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли» за текущій 1902 г. В. И. Семевскій напечаталъ довольно обширную статью, подъ заглавіемъ «По поводу статьи г. Рожкова къ вопросу объ экономическихъ причинахъ паденія крѣпостного права въ Россіи». Такъ какъ моя статья, вызвавшая замѣчанія и возраженія г. Семевского, появилась на страницахъ «Мира Божьяго» (см. № 2 за 1902 г.), то я и позволяю себѣ отвѣтить на эти замѣчанія въ этомъ же журналѣ. Къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ совершенно случайнаго характера, я долго не могъ ознакомиться со статьей г. Семевского, почему и отвѣтъ мой является нѣсколько запоздалымъ. Но интересъ поднятаго вопроса и наличность нѣкоторыхъ новыхъ фактовъ, находящихся въ моемъ распоряженіи, даетъ, какъ кажется, право воспользоваться въ данномъ случаѣ пословицей «лучше поздно, чѣмъ никогда».

Прежде чѣмъ перейти къ существу дѣла, мнѣ хотѣлось бы устранить одно досадное недоразумѣніе, которому дали поводъ отдѣльныя мѣста моей статьи. Г. Семевскій упрекаетъ меня въ томъ, что я не пояснилъ, точно, въ какомъ смыслѣ нужно понимать мое выраженіе, что «г. Струве заподозрилъ достовѣрность приведенныхъ г. Семевскимъ цифръ для XVIII вѣка»; поэтому, «читатель можетъ подумать, что есть какія-то другія, лучшія цифры», тогда какъ таковыхъ нѣтъ, и неточность получилась «по причинамъ, отъ изслѣдователя совершенно независящимъ, т.-е. по свойству самыхъ источниковъ»¹⁾. Второй упрекъ, который

¹⁾ „Русская Мысль“, апрѣль 1902 г., стр. 122 и 123.

дѣлаетъ мнѣ г. Семевскій, заключается въ томъ, что я не замѣтилъ вкравшейся въ его книгу описки относительно процента барщинныхъ крестьянъ въ Воронежской губерніи XVIII вѣка: вмѣсто 36% ошибочно написано было 53% ¹⁾, что и было замѣчено и исправлено г. Струве и г-жей Игнатовичъ. Выходить такимъ образомъ, что моя статья какъ будто набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на точность приѣмовъ и правильность результатовъ работы г. Семевского. Вотъ это недоразумѣніе я и хочу устранить: охотно признаю неточность своего выраженія и просмотръ мною описки г. Семевского и спѣшу прибавить къ этому, что я и въ мысляхъ не имѣлъ набрасывать хотя бы малѣйшую тѣнь на ученую репутацію этого трудолюбиваго изслѣдователя исторіи русскаго крестьянства.

Обращаясь къ существу нашего спора, надо замѣтить, что онъ касается двухъ основныхъ пунктовъ, одного общаго и другого частнаго: первый—это вопросъ о томъ, былъ ли распространенъ вольнонаемный трудъ въ черноземной полосѣ Россіи передъ паденіемъ крѣпостного права; второй касается смысла и значенія приведеннаго мною свидѣтельства князя А. В. Мещерскаго. Остановимся сначала на этомъ второмъ вопросѣ, чтобы перейти затѣмъ къ первому, болѣе важному.

Содержаніе написаннаго въ 1873 году къ тогдашнему министру государственныхъ имуществъ П. А. Валуеву письма московскаго губернскаго предводителя дворянства князя А. В. Мещерскаго заключается въ слѣдующемъ. Прежде всего авторъ письма указываетъ на «несомнѣнный, не отвергаемый теперь и правительствомъ упадокъ сельскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ, т.-е. не менѣе, какъ въ тридцати губерніяхъ». Причины этого коренятся, по мнѣнію князя Мещерскаго, въ особо-выгодныхъ условіяхъ, въ какія попало русское земледѣліе въ черноземныхъ степныхъ губерніяхъ. Эти выгодныя условія сводились, во-первыхъ, къ отсутствію всякой потребности въ удобреніи, такъ что сильно развитое здѣсь при крѣпостномъ правѣ скотоводство начало смѣняться земледѣліемъ, и даже тонкорунное овцеводство стало падать, что вызвало заботы о его поддержкѣ со стороны «управленія новороссійскаго генераль-губернатора», во-вторыхъ, «хозяйственный переворотъ, произведенный освобожденіемъ крестьянъ, былъ несравненно менѣе чувствителенъ въ степныхъ, черноземныхъ помѣстьяхъ, гдѣ и при крѣпостномъ правѣ требовался постоянно для своевременной быстрой уборки хлѣбовъ и травъ дополнительный вольнонаемный трудъ выходив-

¹⁾ Тамъ же, стр. 123.

шихъ туда ежегодно на лѣтнія полевныя работы крестьянъ изъ густо населенныхъ украинскихъ губерній»; въ третьихъ, желѣзныя дороги, проведенныя въ глубь черноземной полосы, увеличили въ этой области выгодность земледѣлія. По этимъ причинамъ князь Мещерскій считаетъ неизбѣжнымъ сокращеніе запашекъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ и находитъ необходимымъ здѣсь усиленіе скотоводства и расширеніе луговой земли на счетъ пашенной. Съ увеличеніемъ количества скота открывается возможность хорошаго удобренія и возстановленія полевого хозяйства. Цѣль содѣйствовать прогрессу скотоводства въ нечерноземныхъ губерніяхъ и преслѣдуется московскимъ обществомъ улучшенія скотоводства въ Россіи. Такъ какъ съ успѣхами этого общества тѣсно связаны интересы дворянскаго хозяйства нечерноземной полосы, а хозяйственный упадокъ дворянства можетъ повести къ паденію сословнаго строя въ Россіи и къ господству демократическаго духа, то необходимо оказать содѣйствіе обществу поощренія скотоводства въ видѣ ежегодной правительственной субсидіи, о назначеніи которой князь Мещерскій и ходатайствуетъ передъ министромъ.

Комментируя это письмо, я высказалъ мнѣніе, что «степными черноземными губерніями тутъ называются тѣ, которыя лежатъ въ треугольникѣ, образуемомъ Окой, Волгой и Дономъ; это—губерніи къ югу отъ Оки, къ востоку отъ Дона и къ западу отъ Волги» ¹⁾. Г. Семевскій полагаетъ, что я ошибся: слова князя Мещерскаго, что «управленіе *новороссійскаго* генераль-губернатора» стало заботиться о поддержкѣ овцеводства, свидѣлствуютъ, по мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, что въ письмѣ рѣчь идетъ исключительно о новороссійскихъ губерніяхъ, которыя князь Мещерскій и называетъ степными-черноземными ²⁾. Я долженъ сознаться, что, дѣйствительно, не обратилъ надлежащаго вниманія на слова, подчеркнутыя г. Семевскимъ и несомнѣнно-доказывающія, что къ числу степныхъ-черноземныхъ губерній авторъ письма относилъ и Новороссію. Но, несмотря на это, я и теперь не могу признать свой комментарий вполнѣ ошибочнымъ, а объясненіе г. Семевскаго совершенно правильнымъ. Я думаю, что *степными черноземными губерніями* князь Мещерскій называлъ не только южныя—новороссійскія, но и юго-восточныя, т.-е., по крайней мѣрѣ, большую часть того района (между Окой, Дономъ и Волгой), на который я указывалъ въ своей статьѣ. И на это мнѣ кажется, уполномочиваетъ самый текстъ разби-

¹⁾ „Міръ Божій“, 1902 г., № 2, стр. 164,

²⁾ „Русская Мысль“, 1902 г., № 4, стр. 137.

раемого письма: все время въ немъ противоположаются двѣ полосы—черноземная и нечерноземная, а извѣстно, что первая далеко не совпадаетъ съ предѣлами Новороссіи, но захватываетъ и весь юго-востокъ Европейской Россіи; а затѣмъ, князь Мещерскій опредѣленно говоритъ о *тридцати* нечерноземныхъ губерніяхъ; нельзя же думать, что онъ противопоставлялъ имъ всего три губерніи—Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую, игнорируя въ то же время рядъ другихъ черноземныхъ областей.

Итакъ, по моему мнѣнію, текстъ письма князя Мещерскаго, когда онъ говоритъ о черноземныхъ губерніяхъ, надо понимать гораздо шире, чѣмъ то раньше дѣлали мы—я, съ одной стороны, и г. Семевскій, съ другой. Но допустимъ, на минуту, что г. Семевскій правъ, а я ошибался, допустимъ, что подъ черноземной полосой надо разумѣть только Новороссію. Значить ли это, что вопросъ о распространенности вольнонаемнаго труда при крѣпостномъ правѣ въ другихъ черноземныхъ губерніяхъ—между Окой, Дономъ и Волгой—долженъ быть снятъ съ очереди? Г. Семевскій, повидимому, думаетъ, что на этотъ вопросъ можно дать только утвердительный отвѣтъ ¹⁾, я держусь обратнаго взгляда. Разсмотримъ соображенія г. Севекаго.

Прежде всего г. Семевскій указываетъ, что, по даннымъ 70-хъ годовъ XIX-го в., крестьянскій отходъ на земледѣльческія работы по вольному найму имѣлъ направленіе изъ сѣверной полосы чернозема на югъ или юго-востокъ, что стоитъ въ прямомъ и непримиримомъ противорѣчій съ моимъ предположеніемъ, что земледѣльческіе рабочіе въ 50-хъ годахъ направлялись съ запада на востокъ и сѣверо-востокъ. «Подобный переворотъ въ направленіи движенія на заработки въ теченіе 15-ти лѣтъ совершенно невозможенъ» ²⁾. На это я имѣю возразить слѣдующее: во-первыхъ, въ теченіе 15—20-ти лѣтъ, когда, подъ вліяніемъ паденія крѣпостнаго права, совершился важный хозяйственный переворотъ, легко могли измѣниться и условія, и направленіе крестьянскаго отхода на земледѣльческіе заработки; во вторыхъ, я вовсе и не думаю и не думалъ утверждать, что не существовало отхода на югъ и юго-востокъ: могли существовать два и болѣе скрещивающихся теченій. Вопросъ объ отходѣ на земледѣльческіе заработки, во всякомъ случаѣ, рано еще считать рѣшеннымъ, и каждое свидѣтельство объ этомъ явленіи слѣдуетъ цѣнить.

Мой почтенный оппонентъ не ограничивается, впрочемъ, ука-

¹⁾ „Русская Мысль“ за 1902 г., № 4, стр. 137.

²⁾ Тамъ же, стр. 128—129.

заніємъ на позднѣйшія явленія, а приводитъ также рядъ интересныхъ фактовъ по исторіи крестьянскаго отхода въ XVIII и XIX вѣкахъ: онъ указываетъ на отходъ крестьянъ на заработки въ XVIII в. изъ Рязанской провинціи, говоритъ объ отправленіи пензенскихъ крестьянъ тогда же въ Саратовъ и на Донъ и о приливѣ земледѣльческихъ рабочихъ въ Оренбургскую губернію, о томъ, что въ самомъ началѣ XIX-го в. тульскіе крестьяне уходили на земледѣльческіе заработки въ Малороссію, на Донъ, въ Таврическую и Екатеринославскую губерніи, что, наконецъ, крестьяне Тамбовской губерніи въ 1859 году промышляли извозомъ и по найму полевыми работами наиболѣе въ землѣ Войска Донскаго, а въ 40-хъ годахъ XIX-го в. широко примѣнялся вольнонаемный трудъ въ Херсонской губерніи ¹⁾. Но, внимательно присматриваясь къ этимъ наблюденіямъ, мы не найдемъ въ нихъ ничего противорѣчащаго возможности прилива въ нѣкоторыя части тѣхъ же Рязанской, Пензенской и Тамбовской губерній, не говоря уже о другихъ областяхъ, и постороннихъ рабочихъ: этому въ дѣйствительности сплосъ и рядомъ не мѣшаетъ отходъ части мѣстнаго населенія на сторону; что касается отхода рабочихъ въ Оренбургскую губернію и Новороссію, то я и не думаю отрицать этотъ отходъ, но нельзя всѣхъ и даже большую часть этихъ рабочихъ выводить изъ губерній въ родѣ Рязанской, Пензенской или Тамбовской; наконецъ, свидѣтельство объ отправленіи тульскихъ крестьянъ на земледѣльческіе заработки въ Малороссію относится къ самому началу XIX-го вѣка; 50 лѣтъ спустя хозяйственныя условія Малороссіи не только могли измѣниться, но, какъ извѣстно, и дѣйствительно очень сильно измѣнились. Повторяю: категорически я ничего не утверждаю, я ставлю только вопросы и высказываю сомнѣнія, а разрѣшить первые и разсѣять вторые—дѣло послѣдующей ученой работы, для которой открывается очень широкое поле, вслѣдствіе крайней скудости имѣющихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ.

Третій доводъ г. Семевского противъ распространенности вольнонаемнаго труда при крѣпостномъ правѣ въ губерніяхъ между Волгой, Окой и Дономъ заключается въ томъ, что, по его наблюденіямъ надъ статистическими данными, собранными редакціонными комиссіями въ 1860 году объ имѣніяхъ болѣе 100 душъ, въ этихъ губерніяхъ оказалось только два имѣнія—Чаадаева въ Нижегородской губ. и Александрова въ Рязанской, въ которыхъ примѣнялся вольнонаемный трудъ ²⁾. Нельзя не признать, что

¹⁾ Тамъ же, стр. 129—131.

²⁾ Тамъ же, стр. 137.

если бы собранные редакционными комиссиями статистические сведения оказались в данном вопросе вполне достоверными в смысле полноты, то пришлось бы безусловно согласиться с г. Семевским и отказаться от бесплодных поисков вольнонаемного земледельческого труда в черноземных помещичьих имениях перед падением крепостного права. Но дело в том, что как раз полной-то эти сведения по данному вопросу и не отличаются по той, повидимому, причине, что при собирании их обращали внимание в отношении к формам труда почти исключительно на то, на барщин и на оброк находились крепостные крестьяне, а наличие вольнонаемного труда обыкновенно игнорировалась. Это доказывается наличием таких данных о применении вольнонаемного земледельческого труда в помещичьих имениях черноземного юго-востока между Доном, Окой и Волгой, какие не попали в статистические сведения, собранные редакционными комиссиями. Одно из свидетельств в этом смысле, относящееся к Тамбовской губернии, известно г. Семевскому и приведено им: это — свидетельство князя В. И. Васильчикова, что в Тамбовской губернии перед крестьянской реформой существовали помещичьи экономии, пользовавшиеся для разработки помещичьей запашки вольнонаемным трудом местных крестьян¹⁾. Я могу в этом отношении представить два новых наблюдения, относящихся к Тульской губернии. В моем распоряжении находится общий итог из «Журнала ежедневных работ по хуторам Богородицкого (Тульской губ.) имения» графа А. П. Бобринского в 1859 и 1860 годах (с 1-го апреля 1859 по 1-ое апреля 1860 г.²⁾). В этом в высокой степени любопытном документе различаются, прежде всего, два вида работ: 1) «работы хуторскими рабочими», 2) «работы вольнонаемными». Но было бы ошибкой думать, что работы хуторскими рабочими производились не по найму: мы видим, что им выдавалась определенная денежная заработная плата; так, вычислено, что в течение указанного годового периода хуторские рабочие были заняты возделыванием земли 3.276 $\frac{1}{8}$ рабочих дней, уборкой свекловицы 552 дня, молотбой и вѣйкой 548 дней, каждый день цѣнился в 23 коп., что, в общем, составляло сумму заработка в 1.006 р. 59 $\frac{1}{2}$ к.

¹⁾ Там же, стр. 135—136.

²⁾ За доставление этого документа приношу искреннюю благодарность преподавателю Богородицкого среднего сельскохозяйственного училища Д. А. Жаринову. Г. Жаринов имеет в виду в будущем подвергнуть хозяйственные документы этого имения обстоятельному изучению.

(753 р. 59 $\frac{1}{2}$ коп. за воздѣлываніе земли, 126 р. 96 к. за уборку свекловицы и 126 р. 4 к. за молотѣбу и вѣйку). Повидимому, хуторскими назывались крѣпостные графа А. П. Бобринскаго, а вольнонаемными чужіе крестьяне, можетъ быть, и прихожіе со стороны, не мѣстные. Что касается вольнонаемныхъ работъ, то онѣ были въ отношеніи къ земледѣлію еще болѣе напряженными, чѣмъ работы хуторскихъ рабочихъ: нашъ документъ свидѣтельствуетъ, что на пахоту, бороньбу и возку хлѣба вольнонаемные рабочіе потратили 1.848 конныхъ дней, 806 $\frac{1}{2}$ пѣшихъ и 261 $\frac{1}{2}$ женскихъ, всего на сумму 2.061 р. 10 к., на уборку картофеля 108 женскихъ дней на 10 р. 80 к., на уборку свекловицы 478 конныхъ дней, 85 $\frac{1}{2}$ пѣшихъ, 17.904 $\frac{1}{2}$ женскихъ на 2.265 р. 13 к., на молотѣбу и вѣйку хлѣба 581 $\frac{1}{2}$ пѣшій день и 320 женскихъ на 176 р. 50 к. Правда, хозяйство гр. Бобринскаго было въ значительной степени промышленнымъ — существовалъ сахарный заводъ и разводились свекловичныя плантаціи, требующія интенсивной обработки, но наряду съ этимъ, какъ мы то ико что видѣли, существовало и зерновое земледѣльческое хозяйство и организовано было оно какъ разъ на основѣ вольнонаемнаго труда.

Другой примѣръ относится къ той же Тульской губерніи, именно къ Бѣлевскому уѣзду, гдѣ въ 50-хъ годахъ XIX-го вѣка дворянинъ П. М. Хрущовъ владѣлъ селомъ Богородицкимъ — Жиморино тожъ ¹⁾, при чемъ до самаго конца 50-хъ годовъ хозяйство здѣсь велось на старой, крѣпостной основѣ, какъ показываютъ дошедшіе до насъ документы. Но въ 1857 и 1858 годахъ наблюдается перемѣна: покупаются молотильная машина въ 700 р., вѣялка въ 192 р. 50 к., сортировочная машина за 105 р. Это введеніе машинъ въ земледѣльческую работу повело, повидимому, къ существеннымъ перемѣнамъ и въ способѣ эксплуатаціи труда. Правда, прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ мы не имѣемъ, потому что документы 1859 и начала 60-хъ годовъ не сохранились, но уцѣлѣлъ договоръ П. М. Хрущова съ его управляющимъ, крестьяниномъ Барышниковымъ, составленный 15-го ноября 1867 года. Тогда крестьяне были еще обязаны «производить хозяйственныя работы» на помѣщика «издѣльною повинностью по урочному положенію», т.-е. хозяйственныя условія имѣнія еще очень мало измѣнились сравнительно съ концомъ 50-хъ годовъ, но, несмотря на это, помѣщикъ предписываетъ

¹⁾ Имѣніе это въ настоящее время принадлежитъ П. С. Ванинскому. Документъ любезно доставленъ мнѣ въ пользованіе В. А. Щербой, которому приношу искреннюю благодарность.

управляющему также «нанимать» рабочих на годъ, полъ-года или подесятинно «съ платою деньгами, но не хлѣбомъ». Можно догадываться, что такая практика установилась тотчасъ вслѣдъ за введеніемъ въ помѣщичье полевое хозяйство въ 1858 году машинъ.

Эти примѣры наглядно показываютъ, сколь многими сюрпризами насъ могутъ подарить неизданные и часто находящіеся въ забросѣ и подвергающіеся уничтоженію хозяйственные документы крѣпостной эпохи. И это слѣдуетъ замѣтить не только для вопроса о формахъ земледѣльческаго труда, но и по вопросу о техникахъ земледѣльческаго производства: вѣдь и приведенные мною сейчасъ примѣры расширяютъ имѣвшійся раньше въ рукахъ изслѣдователей запасъ фактическихъ данныхъ о техническомъ прогрессѣ земледѣльческаго хозяйства въ половинѣ XIX-го вѣка, но я не могу удержаться, чтобы, пользуясь случаемъ, не привести еще одного факта, очень важнаго въ данномъ отношеніи: въ моихъ рукахъ имѣются документальныя доказательства того, что тверской помѣщикъ Воробьевъ уже въ 30-хъ годахъ XIX-го вѣка производилъ у себя въ имѣніи систематическіе посѣвы клевера ¹⁾.

Въ заключеніе своей статьи г. Семевскій ссылается для подтвержденія своего взгляда на одинъ очень высокій ученый авторитетъ, — именно на слова покойнаго Ю. Э. Янсона, что и въ пореформенной Россіи «хозяйствъ, которыя бы велись вольнонаемнымъ трудомъ, весьма немного въ трехпольной черноземной полосѣ. Всѣ помѣщичьи земли или обрабатываются по испольной системѣ, или за обработку (отработки), или сдаются мелкими участками въ аренду тѣмъ же крестьянамъ» ²⁾. Полагаю, что г. Семевскій напрасно сдѣлалъ эту ссылку: во-первыхъ, когда при господствѣ крѣпостныхъ юридическихъ отношеній идетъ рѣчь о вольнонаемномъ трудѣ, то нужно принимать во вниманіе не только вольнонаемный трудъ въ его совершенной, чистой формѣ, но и такія промежуточныя формы между крѣпостнымъ и вольнымъ трудомъ, какъ испольщина; во-вторыхъ, барская западка при крѣпостномъ правѣ была обширнѣе, чѣмъ послѣ реформы, что требовало и большаго напряженія силъ при ея эксплуатаціи; въ-третьихъ, нельзя игнорировать въ данномъ вопросѣ значенія происшедшаго послѣ реформы упадка хлѣбныхъ цѣнъ на міро-

¹⁾ Документы по имѣнію Воробьева подарены мнѣ нынѣшнимъ владѣльцемъ имѣнія В. Д. Фонъ-Дервизомъ. Пользуюсь случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свою глубочайшую благодарность.

²⁾ „Русская Мысль“ за 1902 г., № 4, стр. 137.

вомъ рынкѣ, упадка, гибельно отражающагося какъ разъ на помѣщицкѣмъ хозяйствѣ и подвигающаго это хозяйство вспять.

Такимъ образомъ, я продолжаю сохранять твердую увѣренность, что вопросъ о вольнонаемномъ трудѣ въ черноземныхъ юго-восточныхъ губерніяхъ Россіи—особенно между Окой, Волгой и Дономъ—имѣетъ чрезвычайно серьезное научное значеніе и требуетъ разработки на основаніи новыхъ источниковъ, главнымъ образомъ, на основаніи хозяйственныхъ документовъ крепостной эпохи.

О подборѣ и изученіи матеріала по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи.

Интересъ къ изученію исторіи народнаго хозяйства вызывается не однимъ только убѣжденіемъ, что экономическій процессъ является *основнымъ* въ объясненіи всей исторической эволюціи; даже тѣ, кто не раздѣляетъ этого убѣжденія, не отрицаютъ и не могутъ отрицать важности хозяйственныхъ явленій и неразработанности экономической исторіи. Этимъ и опредѣляется одна изъ основныхъ очередныхъ задачъ современной научной работы въ области исторіи, сводящаяся къ тщательному подбору и обстоятельному изученію матеріала, характеризующаго историческое развитіе хозяйственныхъ явленій. Всякому, интересующемуся историческимъ знаніемъ, извѣстно, что въ этомъ отношеніи въ послѣднее время дѣлается немало и въ русской и въ иностранной литературѣ.

Нельзя, однако, не замѣтить въ этой живой и дружной работѣ, совершающейся у насъ въ Россіи, одного важнаго пробѣла: до сихъ поръ очень мало и во всякомъ случаѣ недостаточно-документально изучается исторія хозяйственнаго развитія новой Россіи XVIII и XIX вѣковъ. Важность изученія этого періода въ указанномъ отношеніи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію не только въ виду приведенныхъ уже сейчасъ общихъ соображеній, но и вслѣдствіе спеціальныхъ обстоятельствъ, сводящихся главнымъ образомъ къ тому, что вопросъ этотъ имѣетъ не одно теоретическое, научное, но и практическое, жизненное значеніе, потому что условія недалекаго историческаго прошлаго стоятъ въ непосредственной связи съ современностью. Правильное и основательное рѣшеніе многихъ жгучихъ вопросовъ, стоящихъ на очереди въ наше время, возможно только при свѣтѣ историческаго изслѣдованія. И если, несмотря на всю несомнѣнность этихъ соображеній, дѣло почти не подвигается впередъ, то на это есть свои спеціальныя причины, устраненіе которыхъ, къ

сожалѣнію, превосходить силы отдѣльнаго человѣка и требуетъ дружной коллективной работы.

Основной вопросъ хозяйственной исторіи Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка—это вопросъ объ организаціи и разложеніи крѣпостного (помѣщичьяго и крестьянскаго) хозяйства. Для отвѣта на этотъ вопросъ существенно-необходимо широкое знакомство съ матеріалами, которые нельзя найти почти нигдѣ, кромѣ помѣщичьихъ экономій. Старые счета, прихода-расходныя книги, отчеты приказчиковъ, хозяйственная переписка—все это хранится еще до сихъ поръ въ отдѣльныхъ имѣніяхъ и чаще всего подвергается опасности совершеннаго уничтоженія. Собрать этотъ матеріалъ невозможно одному человѣку. Необходимо, чтобы въ средѣ мѣстныхъ жителей нашлись работники, которые подвергали бы изученію эти документы, руководясь опредѣленной, правильно-составленной программой. Конечно, если бы оказалось, что владѣльцы документовъ ничего не имѣютъ противъ высылки ихъ во временное пользованіе въ Москву, проще всего было бы воспользоваться этимъ ихъ согласіемъ ¹⁾, но на случай отказа необходимо составить армію работниковъ на мѣстѣ.

Представить программу такой работы на мѣстѣ, иллюстрируя отдѣльныя ея положенія конкретными примѣрами, и тѣмъ вызывать желающихъ на содѣйствіе важному и полезному дѣлу—вотъ задача настоящей статьи.

I. *Первый вопросъ*, который необходимо разрѣшить при изученіи того или другого хозяйства, это вопросъ о томъ, *какъ велики были размѣры даннаго имѣнія?* Свѣдѣнія объ этомъ можно почерпнуть, если не исключительно, то главнымъ образомъ изъ всякаго рода актовъ отчужденія недвижимой собственности, перехода ея изъ однѣхъ рукъ въ другія. Таковы купчія, закладныя, данныя, вводные листы, завѣщанія. Такъ, напр., въ числѣ имѣющихся въ моемъ распоряженіи документовъ по селу Богородицкому—Жиморино тожъ, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи, имѣется вводный листъ бѣлевскаго уѣзднаго суда отъ 15 декабря 1826 года, изъ котораго видно, что всей земли въ имѣніи числилось 166 десятинъ и 3 осминника. Или, по данной тульской гражданской палаты 18 февраля 1836 г., въ томъ же имѣніи значилось 807 десятинъ разной земли.

II. Тѣ же документы, а также инструкціи приказчикамъ, управляющимъ и бурмистрамъ даютъ матеріалъ для отвѣта на *второй вопросъ*—о томъ, *какова была относительная величина барской и*

¹⁾ Въ такомъ случаѣ, можно направлять документы по слѣдующему адресу: Москва, университетъ, Николаю Александровичу Рожкову.

крестьянской (т.-е. находившейся въ пользованіи крестьянъ) земли? Такъ, упомянутая сейчасъ данная тульской гражданской палаты 18 февраля 1836 года свидѣтельствуесть, что изъ 807 десятинъ 397 десятинъ (или 49,3%) было въ рукахъ барина, 210-ю десятинами (или 26%) пользовались крестьяне, а 199 дес. лѣсу не было распределѣно между землевладѣльцемъ и его крѣпостными.

III. Изъ тѣхъ же источниковъ почерпается матеріаль и для рѣшенія *третьяго вопроса*—каково было распределеніе земли по *угодьямъ* (усадебная земля съ огородами и конопляниками, сѣнокосы, лѣсъ, выгонъ) у барина и у крестьянъ? По цитированной уже сейчасъ два раза данной 1836 года, въ селѣ Богородицкомъ—Жиморинѣ изъ 398 десятинъ, находившихся въ непосредственномъ распоряженіи барина, было: усадебной земли 14 десятинъ (въ томъ числѣ подъ домомъ и разными строеніями 5 десятинъ, подъ садомъ 4 дес., подъ конопляниками и гуменниками 4 дес., подъ прудами 1 дес.), распашной (пахотной) 354 дес., подъ лугами 30 десятинъ; у крестьянъ было: усадебной земли 10 дес., подъ выгономъ 15 дес., пашни 180 дес. и подъ покосами 5 дес.; кромѣ всего этого, въ имѣніи считалось 199 дес. лѣсу.

IV. *Четвертый вопросъ* касается того, сколько было крестьянъ въ имѣніи, и каковы были размеры ихъ земельныхъ надѣловъ. Если бы удалось найти текстъ приговора мірскаго схода о передѣлѣ земли, то отвѣтъ на вторую часть этого вопроса легко было бы почерпнуть изъ такого текста. Могутъ быть данныя такого рода и въ хозяйственной перепискѣ помѣщика съ бурмистромъ, приказчикомъ или управляющимъ. Но на ряду со всѣмъ этимъ не разъ уже названные выше документы объ отчужденіи земли даютъ возможность опредѣлить число крестьянъ и среднюю величину надѣла на душу мужского пола и на тягло; такъ, по данной 1836 г. въ с. Жиморинѣ было 65 душъ крестьянъ мужского пола и 68 душъ женскаго пола; они распределѣлись на 25 тяголъ, и такъ какъ всей земли въ пользованіи крестьянъ было 210 дес., изъ которыхъ 180 дес. находилось подъ пашней, то, слѣдовательно, на одну душу мужского пола приходилось всего 3,23 дес., а пашни около 2,77 дес., и на тягло всей земли 8,4 дес., пахотной же 7,2 дес.

V. Указанные сейчасъ документы позволяютъ рѣшить и *пятый вопросъ*: сколько было дворовыхъ въ имѣніи? Та же данная 1836 г. указываетъ, что въ с. Жиморинѣ было налицо дворовыхъ 11 чел. мужск. пола и 23 чел. женскаго пола.

VI. *Шестой вопросъ* можно формулировать слѣдующимъ образомъ: *производились ли передѣлы крестьянской земли, и если производились, то какъ часто?* Матеріала для отвѣта на этотъ во-

прось надо искать въ хозяйственной перепискѣ землевладѣльца съ его довѣренными лицами, — приказчиками, управляющими и бурмистрами, но въ тѣхъ документахъ, которые находятся въ моихъ рукахъ, нѣтъ прямыхъ указаній въ этомъ смыслѣ.

VII. *Седьмой пунктъ* сводится къ изслѣдованію *степени при-
мѣненія барщины и оброка въ имѣніи*. Объ этомъ можно узнать изъ довольно разнообразныхъ документовъ. Прежде всего тѣ же акты отчужденія недвижимости заключаютъ въ себѣ нерѣдко указанія на барщину или оброкъ. Напр., данная тульской палаты гражданскаго суда 1 дек. 1826 г. свидѣтельствуетъ, что въ с. Жиморинѣ всѣ крестьяне «составляютъ 19 тяголъ на господской пашнѣ», т. е. отбываютъ барщину. Въ инструкціяхъ приказчикамъ и управляющимъ и въ условіяхъ съ ними также часто попадаются свѣдѣнія о крестьянскихъ повинностяхъ: такъ, по условію управляющаго с. Жиморина, крестьянина Барышникова, съ помѣщикомъ П. М. Хрущовымъ 15 ноября 1867 года, еще тогда требовалось «всѣ хозяйственныя работы производить издѣльною повинностью по урочному положенію». Наконецъ, текущая хозяйственная переписка помѣщиковъ съ бурмистрами также иногда доставляетъ матеріалъ по вопросу объ оброкѣ и барщинѣ крестьянъ; въ такой перепискѣ встрѣчаются иногда расписанія работъ и платежей. Такъ, напр., въ моихъ рукахъ находится подобное расписаніе, составленное въ апрѣлѣ 1823 года по *тверскому* имѣнію Ефимовича. Изъ этого документа видно, что тогда здѣсь вполнѣ господствовала барщина, сверхъ которой полагались еще мелкіе поборы холстомъ, нитками, баранами, яйцами, грибами, брусникой и т. д.

VIII. Въ связи съ этимъ послѣднимъ стоитъ *восьмой вопросъ: не было ли вольнонаемныхъ рабочихъ въ имѣніи, и если были, то мѣстные это были крестьяне или приходцы изъ другихъ уѣздовъ или губерній?* Отвѣта надо искать въ тѣхъ же «расписаніяхъ», въ хозяйственной перепискѣ, инструкціяхъ приказчикамъ и условіяхъ съ ними. Въ упомянутомъ условіи Барышникова съ Хрущовымъ 1867 года, кромѣ издѣлья, указывается и наемъ рабочихъ «на годъ, полгода или подесятинно съ платою деньгами, но не хлѣбомъ». Сохранился для Тульской губерніи чрезвычайно любопытный «Журналъ ежедневныхъ работъ по хуторамъ Богородицкаго имѣнія гр. А. П. Бобринскаго» съ 1 апрѣля 1859 г. по 1 апр. 1860 года. Здѣсь вся работа производилась наймомъ, при чемъ различались свои крѣпостные, такъ-называемые «хуторскіе» рабочіе, и посторонніе, «вольнонаемные», но и первые получали денежную наемную плату.

IX. Тѣ же «расписанія» и «журналы», хозяйственная переписка,

инструкціи и условія съ приказчиками помогаютъ освѣтить *девятый вопросъ*: не было ли добавочной аренды земли крестьянами у своего же помѣщика или у постороннихъ за деньги или за отработки на барской пашнѣ и на условіи исполщины (изъ половины, или вообще изъ какой-либо доли урожая)? По «расписанію», касающемуся имѣнія Ефимовича, въ Тверской губерніи въ 1823 году, «экономическіе крестьяне деревни Поддубокъ и села Покровскаго обязались» этому помѣщику «въ 5 лѣтъ вычистить на Трызновѣ пустоши сѣнокосъ» «и пни всѣ вырыть» и доставлять, кромѣ того, весной и осенью по 25 чел. рабочихъ на три дня, за что они ползуются землею въ теченіе этихъ пяти лѣтъ. Правда, это относится не къ крѣпостнымъ — владѣльческимъ, а къ казеннымъ — экономическимъ (бывшимъ церковнымъ) крестьянамъ, но отъ этого интересъ факта не теряется, да и возможны подобныя же явленія также въ жизни помѣщичьихъ крестьянъ.

Х. Десятый вопросъ формулируется слѣдующимъ образомъ: *нѣтъ ли данныхъ о количествѣ разнаго рода скота у помѣщика и крестьянъ?* Указанія въ этомъ смыслѣ даются прежде всего опять-таки актами отчужденія недвижимой собственности. Въ данной тульской палаты гражданскаго суда отъ 1 дек. 1826 г. на село Жиморино точно означено количество скота въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ: такъ, напр., у троихъ крестьянъ-родственникововъ, жившихъ со своими семьями на одномъ дворѣ, было 10 лошадей, 2 коровы, 15 овецъ, 10 русскихъ куръ и 1 петухъ. Иногда попадаются прямо «описи скоту» въ помѣщичьемъ хозяйствѣ: рядъ такихъ описей сохранился въ одной книгѣ по *тверскому имѣнію Ефимовича* за 1820, 1821 и 1822 годы; въ первый изъ этихъ годовъ считалось, напр., 15 дойныхъ коровъ и 10 телятъ. Не разъ уже цитированное выше «расписаніе» по тому же имѣнію 1823 года также содержитъ въ себѣ указанія на количество барскаго скота: здѣсь между прочимъ констатируется, что въ помѣщичьемъ хозяйствѣ тогда не было совсѣмъ овецъ.

ХІ. Переходимъ къ одиннадцатому вопросу: какіе хлѣба сплались, въ какомъ количествѣ и какъ густо? Данные для отвѣта на этотъ вопросъ могутъ попадаться нерѣдко въ хозяйственной перепискѣ помѣщика съ его довѣренными лицами, но всего чаще и въ надлежащей полнотѣ они встрѣчаются въ приходо-расходныхъ книгахъ и вѣдомостяхъ, въ которыхъ означались приходъ и расходъ хлѣба (для денежнаго прихода и расхода обыкновенно велись особыя книги). Такъ, въ селѣ Жиморинѣ по хлѣбной приходо-расходной вѣдомости 1853 года было высѣяно 142 четверти 3 мѣры 4 гарнца ржи на 126 десятинахъ, 209 четвертей

6 мѣръ овса на 92 десятинахъ и 57 четвертей 4 мѣры 4 гарнца гречи на 49 десятинахъ 20 квадр. саженьяхъ.

XII. Въ тѣсной связи съ предшествующимъ стоитъ *двенадцатый вопросъ: какова была урожайность разныхъ хлѣбовъ?* Матеріалъ для его рѣшенія надо искать въ хозяйственной перепискѣ и въ особыхъ вѣдомостяхъ и листкахъ объ умолодѣ и сборѣ хлѣбовъ. Такъ, въ началѣ второго десятилѣтія XIX вѣка приказчикъ помѣщика Воробьева писалъ ему изъ его *тверского* имѣнія, что изъ 950 сноповъ ржи онъ намолотилъ 3 четверти. Сопоставляя эти данныя съ ужиномъ и посѣвомъ, можно вывести урожайность.

XIII. *Тринадцатый вопросъ, — какія употреблялись земледѣльческія орудія?*—освѣщается, если не исключительно, то главнымъ образомъ приходо-расходными книгами и вѣдомостями, въ которыхъ обозначается покупка орудій, и иногда встрѣчающимися инвентарными описями. По «денежному отчету» за 1857 и 1858 годы по имѣнію Хрущева, въ Тульской губерніи, были куплены молотильная машина, вѣялка, сортировка и маслобойка.

XIV. Большое значеніе имѣетъ *четырнадцатый вопросъ: не сѣялись ли кормовыя травы (клеверъ, вика, тимовеевка)?* На это встрѣчаются указанія прежде всего въ книгахъ, тетрадяхъ и вѣдомостяхъ о сборѣ хлѣба и сѣна; напр., въ *тверскомъ* имѣніи Воробьева въ 1857 году было «убрано въ большой сарай» 194 воза клевера и въ малый сарай 42 воза. Отъ 40-хъ годовъ сохранилось письмо одного помѣщика къ А. И. Воробьеву съ просьбой продать ему 3 пуда клеверу. Въ связи съ этимъ полезно вообще отмѣчать всѣ факты, указывающіе на посѣвы усовершенствованныхъ породъ хлѣба. Отъ 23 іюля 1854 г. дошло письмо помѣщика Сонины къ тому же А. И. Воробьеву, съ благодарностью за снабженіе перваго послѣднимъ сѣменами нюландской и пенсильванской ржи.

Всѣ четырнадцать поставленныхъ выше вопросовъ представляютъ собою одно цѣлое: отвѣты на нихъ освѣщаютъ важнѣйшую сторону помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства въ крѣпостное время,—именно *сельскохозяйственное производство*. Но этимъ далеко еще не исчерпывается интересъ хозяйственныхъ документовъ крѣпостной эпохи, до сихъ поръ часто попадающихся въ помѣщичьихъ экономіяхъ. И другія двѣ стороны сельскохозяйственной промышленности,—*обмѣнъ и распределеніе*,—получаютъ надлежащее освѣщеніе черезъ посредство этихъ документовъ.

XV—XVI. Для изученія *обмѣна* важны два вопроса: *пятнадцатый—какъ и въ какомъ количествѣ бывались продукты сельско-*

хозяйственного производства баринами и крестьянами? и шестнадцатый, — что, и въ какомъ количествѣ покупалось баринами и крестьянами для потребленія и для производительныхъ (хозяйственныхъ) цѣлей? На оба вопроса даютъ отвѣтъ одни и тѣ же документы, — приходо-расходныя книги и вѣдомости и хозяйственная переписка землевладѣльцевъ съ управляющими и приказчиками. «Денежный отчетъ» по тульскому имѣнію Хрущова за 1857 и 1858 г.г. свидѣтельствуетъ, напр., что было продано ржи 502 ч. 4 м., овса 304 ч., гречи 198 ч., коней 36 ч., льняного сѣмени 1 мѣра, картофелю 2 ч., коровьяго молока 17 пудовъ, творогу 31 пудъ, сукна $36\frac{1}{2}$ аршинъ, 24 индѣйки, 39 утокъ, 53 куры, 8 вол., 40 овецъ и т. д.; покупались соль, деготь, лыко, свѣчи, конопляное масло, свиное сало, клей, косы, замки, сѣдла, коленкоръ, горшки и проч.

XVII—XIX. Три вопроса касаются *распределенія* хозяйственныхъ благъ: *семнадцатый* — каковы были размеры оброковъ и степень тяжести барщины? *восемнадцатый* — какова была степень доходности имѣнія? и *девятнадцатый* — состояло ли данное имѣніе въ залогъ, на какихъ условіяхъ и съ какого времени? На первый изъ этихъ вопросовъ проливаютъ свѣтъ главнымъ образомъ инструкціи приказчикамъ и управляющимъ и спеціальныя «журналы» и «расписанія». Такъ, по «расписанію въ имѣніи помѣщика Александра Ефимовича дворовымъ людямъ сколько мѣсячины, на барщину сколько надобно выходить крестьянъ и крестьянокъ, и оброкъ, который съ нихъ слѣдуетъ», съ каждаго крестьянскаго двора полагалось въ 1823 году по одному мужичинѣ и одной женщинѣ для ежедневной земледѣльческой барщины, а съ нѣкоторыхъ дворовъ полагалось, сверхъ того, по одному рабочему черезъ день. Второй (по общему счету восемнадцатый) вопросъ разъясняется главнымъ образомъ документами объ отчужденіи недвижимости и приходо-расходными вѣдомостями: такъ, въ 1826 г., въ Тульской губ., по данной того времени, съ имѣнія, въ которомъ считалось 156 десятинъ, оцѣненныхъ въ 5 тыс. руб., и было 39 душъ крестьянъ мужского пола и 29 душъ женскаго пола, стоившихъ 8300 руб., получалось въ годъ 1330 р. дохода. Наконецъ, въ этихъ же документахъ и въ хозяйственной перепискѣ почерпаются свѣдѣнія по девятнадцатому вопросу, — о залогѣ имѣнія.

Все вышеизложенное, какъ было сказано, касается сельскохозяйственной промышленности. Но легко можетъ случиться, что данное имѣніе не было чисто сельскохозяйственнымъ, что документы, къ нему относящіеся, характеризуютъ и другія отрасли хозяйства — *промышленность добывающую и обрабатывающую*.

Поэтому, изучая материал, хранящийся въ помѣщичьихъ экономіяхъ, полезно имѣть въ виду еще слѣдующіе вопросы.

XX. *Двадцатый вопросъ: не было ли кустарныхъ промысловъ у крестьянъ, и если были, то имѣлось ли при этомъ въ виду собственное потребление, или личная продажа продукта его производителемъ на какомъ-либо базарѣ, или, наконецъ, продуктъ назначался для скупщика? Въ послѣднемъ случаѣ—не было ли раздачи сырья въ дома скупщиками? Надо сознаться, что въ документахъ, касающихся помѣщичьего хозяйства, рѣдко и только случайно попадаются данныя по этому важному вопросу. Всего скорѣе на нихъ можно натолкнуться при изученіи свѣдѣній о оброкахъ: пряжа льна и приготовленіе холста и полотна, часто встрѣчающіяся въ числѣ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ въ *тверскихъ* имѣніяхъ Ефимовича и Воробьева, указываютъ, что эти и имъ подобные промыслы существовали среди крестьянъ. Тамъ же, какъ показываютъ приходныя вѣдомости, валяли сукно на помѣщика.*

XXI. *Двадцать первый вопросъ: не было ли отхода крестьянъ на сторонніе заработки? И здѣсь вѣдомости о приходѣ и хозяйственная переписка, отмѣчающія оброкъ, получаемый съ крестьянъ, могутъ сообщить интересныя свѣдѣнія. Въ тульскомъ имѣніи Хрущева въ 1856 году было въ отходѣ пятеро крестьянъ.*

XXII. *Двадцать второй вопросъ: не было ли въ имѣніи эксплоатации какихъ-либо ископаемыхъ богатствъ или какихъ-либо промышленныхъ предприятий (сахарныхъ, винокуренныхъ заводовъ, разныхъ фабрикъ)? Если были, то крестьяне ли того же помѣщика на нихъ работали, или посторонніе; на какихъ условіяхъ; добывалось ли все сырье въ данномъ имѣніи; были ли машины; куда и какъ сбывались продукты? Этотъ сложный вопросъ, имѣющій первостепенную важность, можетъ быть разъясненъ при помощи цѣлаго ряда разнообразныхъ документовъ: о немъ говорится и въ купчихъ, и въ закладныхъ, и въ завѣщаніяхъ, и въ инструкціяхъ приказчикамъ, и въ перепискѣ, и въ «журналахъ» и «расписаніяхъ». Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить чрезвычайно любопытный «журналъ ежедневныхъ работъ по хуторамъ Богородицкаго, Тульской губ., имѣнія» гр. А. П. Бобринскаго съ 1 апрѣля 1859 по 1 ап. 1860 года. Здѣсь можно видѣть, какъ былъ организованъ въ этомъ имѣніи свеклосахарный заводъ. Во-первыхъ, свекловица производилась въ самомъ имѣніи: въ числѣ обычныхъ работъ встрѣчаемъ работы по уборкѣ свекловицы, по отвозу выжинокъ и т. д. Во-вторыхъ, употреблялись на заводѣ машины: такъ, значатся работы «по водяной машинѣ». Въ-третьихъ, на заводѣ примѣнялся все время исклю-*

чительно наемный трудъ, — крѣпостныхъ того же помѣщика («хуторскихъ») и постороннихъ («вольнонаемныхъ»).

XXIII. Наконецъ, послѣдній двадцать третій вопросъ: чѣмъ заняты были вообще дворовые и, въ частности, не отпускались ли они на оброкъ, и если отпускались, то куда и для какихъ занятій? И здѣсь главными источниками являются инструкціи, переписка, приходо-расходныя вѣдомости, «журналы» и «расписанія». Въ хорошо уже намъ извѣстномъ «расписаніи» 1823 года по *тверскому* имѣнію Ефимовича всѣ дворовые значатся на мѣсячинѣ, т.-е. на содержаніи натурой отъ помѣщика, и заняты разными сельскохозяйственными работами: одна — старостиха, другою — садовникъ, третья — помощница старостихи, четвертая и пятая — скотницы, но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтомъ ходять на земледѣльческую работу на барской пашнѣ, и т. д. Но уже въ 1814 г. И. И. Воробьевъ также изъ *тверского* своего имѣнія получилъ письмо, въ которомъ его извѣщаютъ относительно одного двороваго человѣка: «Петрушка вашъ живетъ на заводѣ, оброку вамъ заплатить 70 руб. на своемъ платѣ и на своихъ харчахъ».

Само собою разумѣется, что чѣмъ богаче, обильнѣе будетъ матеріалъ, тѣмъ большее количество поставленныхъ выше вопросовъ найдетъ себѣ отвѣты. Но не слѣдуетъ смущаться, если хозяйственный матеріалъ по тому или другому имѣнію не захватитъ всего, потому что, во-первыхъ, въ такихъ экономіяхъ, которыя существовали на чисто сельскохозяйственной основѣ, многого, означеннаго въ нашихъ вопросахъ, и быть не могло; во-вторыхъ, многое — напр., усовершенствованныя орудія, вольнонаемный трудъ, травосѣяніе — несвойственно было отсталымъ помѣщичьимъ экономіямъ; въ — третьихъ, наконецъ, если бы оказалась неполнота данныхъ по другимъ, случайнымъ причинамъ (напр., вслѣдствіе утраты или уничтоженія части документовъ), — все-таки необходимо исчерпать все, имѣющееся налицо, такъ какъ и по сохранившимся остаткамъ можно возстановить цѣлое.

Всякая работа спорится, идетъ успѣшно лишь при томъ условіи, если работникъ любитъ и цѣнитъ ее, убѣжденъ въ ея плодотворности. Въ данномъ случаѣ едва ли можетъ быть сомнѣніе въ пользѣ разъясненія поставленныхъ вопросовъ. Отвѣчая на нихъ, мы можемъ уяснить себѣ механизмъ крѣпостного хозяйства и опредѣлить процессъ его паденія и силы, вызвавшія этотъ процессъ. Такъ, развитіе травосѣянія, введеніе машинъ, улучшенныхъ орудій, высшихъ сортовъ хлѣба, ростъ вольнонаемнаго труда, уменьшеніе барщины, развитіе аренды за отработки и исполщины, отпускъ дворовыхъ на оброкъ для фабричной работы, ростъ торговли хлѣбомъ, поступательное движеніе по-

мѣщичьихъ фабричныхъ и заводскихъ предпріятій—все это яркіе признаки упадка крѣпостныхъ хозяйственныхъ отношеній и зарожденія и развитія новаго экономического строя. Великое историческое значеніе такого рода наблюденій выступаетъ такимъ образомъ съ совершенной очевидностью. Но не менѣе велико и ихъ практическое, житейское значеніе для современной намъ дѣйствительности: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что и теперь еще сохраняется въ крестьянской жизни много остатковъ крѣпостной старины, а новыя начала находятся только въ процессѣ развитія, далеко отъ своего полнаго завершенія. Познакомившись съ прошлымъ, мы, слѣдовательно, получимъ возможность правильнѣе и всестороннѣе освѣтить и вѣрнѣе рѣшить многіе наболѣвшіе, жгучіе вопросы текущаго времени.

Политическія партіи въ великомъ Новгородѣ XII— XV вѣковъ.

I.

Въ исторіи учреждений Великаго Новгорода за тѣ времена, когда онъ былъ еще вольнымъ городомъ, до сихъ поръ немало неяснаго и спутаннаго. Этой неясности много способствуетъ то обстоятельство, что изслѣдователи, изучая новгородскія учрежденія, или совсѣмъ почти отдѣляли отъ послѣднихъ исторію партійной борьбы, не ставили ея въ непосредственную и необходимую связь съ эволюціей политическаго строя, или, хотя и старались уловить эту связь, но съ чисто-спеціальной точки зрѣнія—общерусскихъ междукняжескихъ отношеній. Такое отдѣленіе процесса развитія учреждений отъ исторіи борьбы партій замѣчается, напримѣръ, въ «Сѣверно-русскихъ народоустройствахъ» Костомарова, а преобладающій интересъ къ междукняжескимъ отношеніямъ и ихъ вліянію на новгородскій строй и отдѣльные классы новгородскаго общества—отличительная особенность работъ Соловьева. Если не считать отдѣльныхъ малообоснованныхъ и потому не выдерживающихъ критики замѣчаній Бѣляева и г. Иловайскаго, то единственной сколько-нибудь серьезной попыткой исторіи новгородскихъ партій придется признать статью Пассека «Новгородъ самъ въ себѣ»¹⁾. Правда, какъ мы убѣдимся въ свое время, выводы Пассека въ большинствѣ случаевъ должны быть отвергнуты, но самая идея изученія партійной борьбы по вопросамъ внутренней жизни Великаго Новгорода, въ связи притомъ съ распределеніемъ сторонниковъ каждой партіи по частямъ города, въ высшей степени плодотворна, и такимъ образомъ за авторомъ остается честь усвоенія впервые правильной точки зрѣнія на вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ: для по-

---

¹⁾ „Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ за 1869 г., кн. IV.

ниманія того историческаго процесса, который совершался въ вольныхъ городахъ древней Руси, совершенно необходимо одушевить схему развитія ихъ политическихъ особенностей изображеніемъ тѣхъ настроеній и побужденій, подъ влияніемъ которыхъ дѣйствовали отдѣльныя соціальныя группы и ихъ представители; необходимо облечь въ плоть и кровь безличный процессъ политическихъ перемѣнъ, введя въ кругъ изученія борьбу партій. Не надо только забывать, что самую силою обстоятельствъ каждая партія принуждена была довольно точно опредѣлить свое отношеніе ко всей суммѣ наличныхъ очередныхъ задачъ внѣшней и внутренней политики, такъ что оцѣнивать, выражаясь современнымъ языкомъ, программу каждой партіи мы должны не съ одной какой-либо специальной стороны, а по возможности всесторонне, насколько, разумѣется, позволяютъ наши источники. Невозможно, наконецъ, предположить, что въ теченіе четырехъ вѣковъ (XII—XV) цѣли и составъ каждой партіи оставались во всѣхъ подробностяхъ неизмѣнными; необходимо, слѣдовательно, отличать влияніе условій времени.

Въ своемъ изслѣдованіи мы не будемъ углубляться въ старину, такъ какъ при скудости данныхъ заключенія о древнѣйшихъ временахъ должны неизбѣжно отличаться ненадежностью. При томъ же тогда не могло и существовать опредѣленныхъ партій, цѣльныхъ и сколько-нибудь сложившихся: онѣ находились только въ процессѣ зарожденія. Исходный хронологическій пунктъ изслѣдованія—княженіе Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.), того самаго Всеволода, который оставилъ намъ два важныхъ памятника своей правительственной дѣятельности въ Великомъ Новгородѣ,—извѣстный церковный уставъ съ классическимъ мѣстомъ объ изгояхъ и уставную грамоту церкви св. Ивана на Опокахъ. Попробуемъ сначала разобраться въ фактахъ, относящихся къ XII вѣку. *Внѣшними* признаками борьбы партій и перевѣса той или другой изъ нихъ служатъ перемѣны на княжескомъ столѣ и въ должности посадника. Въ какомъ порядкѣ слѣдовали другъ за другомъ князья въ Новгородѣ XII вѣка,—это въ достаточной мѣрѣ установлено въ литературѣ и довольно легко можетъ быть отмѣчено на основаніи лѣтописнаго текста. Замѣтимъ только, что въ XII вѣкѣ на новгородскомъ столѣ сидѣли представители трехъ вѣтвей Рюрикова дома: Мстиславичи (потомки Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха), Юрьевичи (потомки Юрія Владимировича суздальскаго) и Ольговичи (потомки Олега Святославича черниговскаго). Юрьевичи и Ольговичи были постоянно во враждѣ другъ съ другомъ, почему каждая замѣна Юрьевича Ольговичемъ и обратно указываетъ на

известный поворотъ въ партійной борьбѣ; Мстиславичи были то на сторонѣ Юрьевичей, то противъ нихъ, смотря по отдѣльнымъ личностямъ, такъ что здѣсь необходимо внимательнѣе присматриваться къ междукняжескимъ отношеніямъ, чтобы не сдѣлать слишкомъ поспѣшнаго и ошибочнаго заключенія о перевѣсѣ той или другой партіи. Суздальскіе князья и тѣ изъ Мстиславичей, которые держались одного съ ними направленія, занимали новгородскій столъ въ слѣдующіе годы: 1) 1117 — 1136 (Всеволодъ Мстиславичъ), 2) 1138—1139 (Ростиславъ Юрьевичъ), 3) 1141—1142 (онъ же), 4) 1153—1157 (Мстиславъ Юрьевичъ), 5) 1160—1161 (Мстиславъ Ростиславичъ, внукъ Юрія Суздальскаго), 6) 1167 (Святославъ Ростиславичъ, сынъ Ростислава смоленскаго; онъ княжилъ въ Новгородѣ два раза; 1167 годъ — послѣдній годъ его второго княженія; только въ этотъ годъ онъ перешелъ на сторону Андрея Боголюбскаго ¹⁾; раньше онъ былъ сторонникомъ примиренія между Ростиславомъ смоленскимъ и Андреемъ суздальскимъ ²⁾), 7) 1170—1171 (Рюрикъ Ростиславичъ, посланецъ Андрея) ³⁾, 8) 1171—1175 (Юрій Андреевичъ), 9) 1176—1177 (Ярославъ Мстиславичъ, племянникъ Всеволода суздальскаго) ⁴⁾, 10) 1182 — 1184 (Ярославъ Владимировичъ, внукъ Мономахова старшаго сына Мстислава, своякъ Всеволода суздальскаго), 11) 1187—1196 (онъ же), 12) 1197—1199 (онъ же), 13) 1199—1205 (Святославъ Всеволодовичъ). Ольговичи и Мстиславичи, имъ сочувствовавшіе (это были въ большинствѣ случаевъ смоленскіе Ростиславичи); были новгородскими князьями въ такіе періоды времени: 1) 1136—1138 (Святославъ Ольговичъ), 2) 1139—1141 (онъ же), 3) 1142—1148 (Святополкъ Мстиславичъ: онъ близокъ къ Ольговичамъ и во враждѣ съ Юріемъ суздальскимъ ⁵⁾), 4) 1148 — 1153 (Ярославъ Изяславичъ, сынъ Изяслава Мстиславича кievскаго), 5) 1153 (Ростиславъ Мстиславичъ и Давидъ Ростиславичъ), 6) 1158—1160 (Святославъ Ростиславичъ), 7) 1161 — 1166 (онъ же), 8) 1168—1170 (Романъ Мстиславичъ, внукъ Изяслава, сынъ Мстислава кievскаго), 9) 1177 (Ярополкъ Ростиславичъ, внукъ Юрія суздальскаго, единственный изъ княжившихъ въ Новгородѣ Юрьевичей, бывшій врагомъ Всеволода Большое Гнѣздо), 10) 1178 (Романъ Рости-

¹⁾ Новгородскія 1 и 4 лѣтописи, подъ 6675 г.

²⁾ Тамъ же, 6669 г.: „урядися Ростиславъ съ Андреемъ о Новѣгородѣ и „Святослава въведоша“.

³⁾ Новгор. 1 и 4 лѣт., 6678 г.

⁴⁾ См. варианты къ Новгор. 1 лѣт., 6684 г.

⁵⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. II, изд. 2, Москва, 1856, стр. 126.

славить смоленскій), 11) 1179—1180 (Мстиславъ Ростиславичъ, его братъ), 12) 1180—1181 (Владимиръ Святославичъ, внукъ знаменитаго Олега черниговскаго), 13) 1184—1187 (Мстиславъ Давидовичъ, сынъ Давида смоленскаго), 14) 1197 (Ярополкъ Ярославичъ — изъ Чернигова). Такимъ образомъ князья первой изъ двухъ указанныхъ группъ сидѣли въ Новгородѣ приблизительно 55 лѣтъ изъ всего взятаго нами на первый разъ для изученія 89-лѣтняго періода (1117—1205 гг.); на долю Ольговичей и ихъ единомышленниковъ приходится такимъ образомъ 34 года. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что партія, которую мы для краткости будемъ пока называть суздальской, была сильнѣе противной партіи; какія были тому причины, — покажетъ дальнѣйшее изслѣдованіе.

Наблюдая по лѣтописямъ параллельно съ перемѣнами на княжескомъ столѣ за переходомъ должности посадника отъ одного лица къ другому въ XII вѣкѣ, мы замѣчаемъ то въ высшей степени любопытное явленіе, что почти всегда одновременно съ княземъ мѣнялся и посадникъ, при чемъ безъ труда можно убѣдиться, что князю извѣстной линіи и извѣстнаго направленія соотвѣтствовали и посадники извѣстныхъ боярскихъ фамилій, приверженныхъ, очевидно, къ той же партіи, какъ и князь. Мы считаемъ необходимымъ представить здѣсь списокъ посадниковъ въ ихъ хронологической послѣдовательности въ періодъ времени между 1117— и 1205 годами: дѣло въ томъ, что хотя въ спеціальной литературѣ этотъ вопросъ и былъ подвергнутъ изученію ¹⁾, но есть нѣкоторыя неясности, въ которыхъ надо разобраться. Послѣдовательная смѣна новгородскихъ посадниковъ XII вѣка представляется намъ въ такомъ видѣ: 1) 1117—1118 Дмитръ Завидичъ; Прозоровскій, на основаніи словъ лѣтописи, что Дмитръ умеръ въ 1118 г., «посаднича въ 7 мѣсяць *одину*», т. е. одинъ послѣ смерти Добрыни въ 1117 г., заключаетъ, что «въ Новгородѣ въ началѣ XII вѣка было два посадника», и такъ какъ въ 1120 г. «приде Борисъ посаднича», очевидно, изъ Кіева, то — думаетъ тотъ же изслѣдователь — «одинъ изъ посадниковъ назначался великимъ княземъ» ²⁾; въ этихъ замѣчаніяхъ есть доля истины, но цѣликомъ ихъ принять нельзя: вѣрно, что въ Новгородѣ было два посадника, но это вовсе не особенность начала XII вѣка: всегда въ Новгородѣ былъ посадникъ — новгородскій

¹⁾ *Григоровичъ*, Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ, Москва, 1821; *Прозоровскій*, Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ, въ „Вѣстникъ археологій и исторіи“, вып. IX, Спб., 1892.

²⁾ „Вѣстникъ археологій и исторіи“, вып. IX, стр. 101.

бояринъ, выбранный вѣчемъ представитель народа, и съ другой стороны посадникъ новгородскаго князя, обыкновенно его бояринъ, часто не новгородецъ; послѣдній потомъ сталъ называться намѣстникомъ; не слѣдуетъ только, вмѣстѣ съ Прозоровскимъ, думать, будто этотъ послѣдній всегда назначался *великимъ* княземъ: его опредѣлялъ тотъ князь, который княжилъ въ Новгородѣ, хотя часто вполнѣдствіи этотъ князь и не жилъ тамъ; поэтому въ нашемъ списокѣ не найдутъ мѣста тѣ посадники, которые были представителями князя, назначались имъ, а не выбирались народомъ; 2) 1119 Константинъ Мосѣвичъ; 3) 1120 — 1125 неизвѣстно; 4) 1126 — 1128 Мирославъ Гюрятиничъ; 5) 1128 Завидъ Дмитровичъ; 6) 1129 неизвѣстно; 7) 1130 — 1134 Петрило Микульчичъ; 8) 1134 Иванко Павловичъ; 9) 1134 — 1135 Мирославъ Гюрятиничъ; 10) 1135 — 1136 Константинъ Микульчичъ; 11) 1137 — 1141 Якунъ Мирославичъ; 12) 1141 Судило Иванковичъ; 13) 1142 — 1145 Нѣжата Твердятичъ; 14) 1146 Константинъ Микульчичъ; 15) 1147 — 1156 Судило Иванковичъ; 16) 1156 — 1160 Якунъ Мирославичъ; мы считаемъ 1160 г. конечнымъ годомъ второго посадничества Якуна по той причинѣ, что, какъ увидимъ, Якунъ былъ противникомъ суздальскихъ князей, а въ этомъ именно году на новгородскій столъ былъ возведенъ Мстиславъ Ростиславичъ, внукъ Юрія суздальскаго; 17) 1160 — 1161 Нѣжата Твердятичъ; 18) 1161 — 1167 Захарія; 19) 1167 — 1170 Якунъ Мирославичъ; Прозоровскій справедливо полагаетъ, что третье посадничество Якуна окончилось вскорѣ послѣ 1169 года ¹⁾, за это говорятъ два факта: посадничество Жирослава, окончившееся въ 1171 г., т. е. начавшееся раньше, вѣроятно въ 1170 г., и вступленіе на новгородскій столъ въ 1170 г. Рюрика Ростиславича, ставленника Андрея суздальскаго, противъ котораго былъ Якунъ; 20) 1170 — 1171 Жирославъ; 21) 1171 — 1172 Иванко Захарьиничъ; 22) 1172 Жирославъ; 23) 1172 — 1175 Иванко Захарьиничъ; 24) 1175 Жирославъ; 25) 1175 — 1180 Завидъ Неревиничъ; 26) 1180 — 1182 Михаль Степаничъ; его посадничество, надо думать, кончилось въ 1182 г., такъ какъ Михаль—это будетъ доказано ниже—былъ противникомъ суздальскихъ князей, а въ 1182 г. на новгородскомъ столѣ появляется своякъ Всеволода суздальскаго — Ярославъ Владимировичъ; 27) 1182 — 1186 Завидъ Неревиничъ; 28) 1186 — 1189 Михаль Степаничъ; 29) 1189 — 1203 Мирошка Нездиничъ; 30) 1203 — 1205 Михаль Степаничъ.

Чтобы закончить изученіе внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно судить о группировкѣ новгородцевъ въ партіи, остается

¹⁾ „Вѣстникъ археологін и исторіи“, вып. IX, стр. 103.

опредѣлить, за какихъ князей стояли тѣ или другіе изъ новгородскихъ посадниковъ, только что указанныхъ. Сторонниками Всеволода Мстиславича были слѣдующіе посадники: Дмитръ Завидичъ, его сынъ Завидъ Дмитровичъ, Петрило Микульчичъ, его братъ Константинъ Микульчичъ, Иванко Павловичъ. Это подтверждается такими данными: отецъ Всеволода, Мстиславъ, былъ женатъ на дочери Дмитра Завидича¹⁾; о Константинѣ Микульчичѣ прямо сказано, что онъ былъ за Всеволода и бѣжалъ къ нему въ Псковъ²⁾; это замѣчено еще Костомаровымъ³⁾ и Прозоровскимъ⁴⁾; мы имѣемъ, слѣдовательно, основаніе причислять къ той же партіи его брата, Петрила; наконецъ, Иванко Павловичъ былъ выбранъ въ посадники передъ походомъ на Суздаль, предпринятымъ по почину Всеволода; слѣдовательно, онъ не былъ противъ этого князя; Петрило былъ замѣненъ Иванкомъ не потому, что они держались противоположныхъ взглядовъ, а по той причинѣ, что Иванко былъ лучшимъ воиномъ, былъ «мужъ храбръ зѣло»⁵⁾, что было необходимо при начатой войнѣ. Но Мстиславичи послѣ Всеволода нѣсколько измѣнили свои отношенія къ двумъ другимъ главнымъ княжескимъ линіямъ современной имъ Руси или, точнѣе, къ одной изъ нихъ—Ольговичамъ: сблизившись съ послѣдними, Мстиславичи измѣнили традиціонной политикѣ Мономаховичей. Это не могло не отразиться на составѣ партіи, имъ приверженной въ Новгородѣ: нѣкоторые изъ ея членовъ остались, правда, вѣрны имъ, но другіе прямо перешли на сторону суздальскихъ князей. Первыхъ было меньше— всего двое: упомянутый выше Константинъ Микульчичъ, не примирившійся сначала съ Ольговичами, пока они были врагами Мстиславичей⁶⁾, но потомъ стоявшій горой за Святополка Мстиславича, несмотря на его сближеніе съ Ольговичами, и умершій въ походѣ противъ Юрія суздальскаго⁷⁾,—и Нѣжата Твердячичъ, который впрочемъ, повидимому, не отличался особенной твердостью убѣжденій и затруднялся занять опредѣленное положеніе въ новыхъ обстоятельствахъ: не даромъ въ 1146 году онъ былъ лишенъ посадничества въ пользу болѣе рѣшительнаго Констан-

¹⁾ Новг. лѣт., 6630 г.

²⁾ Тамъ же, 6645 г.

³⁾ Историческія монографіи, т. VII, С.-Пб., 1868, стр. 64.

⁴⁾ „Вѣстникъ археологіи и исторіи“, вып. IX, стр. 102.

⁵⁾ Новг. 1 лѣт., 6642 г.

⁶⁾ Новг. 1 лѣт., 6644 г.

⁷⁾ Тамъ же, 6655 г.

тина¹⁾, а потомъ былъ посадникомъ въ 1160—1161 гг., уже при внука Юрія суздальскаго, и опять былъ замѣненъ другимъ лицомъ²⁾: очевидно, и суздальская партія ему не довѣрала. Колѣбанія Нѣжаты и одинокое положеніе Константина какъ нельзя лучше показываютъ, что большая часть бывшихъ приверженцевъ Всеволода Мстиславича перешла на сторону суздальскихъ князей: ея представителями и являются посадники: Судило Ивановичъ (очевидно, сынъ Ивана Павловича), Захарія, его сынъ Иванко Захарьиничъ, Жирославъ, Завидъ Неревиничъ и, наконецъ, Мировшка Нездиничъ. Въ самомъ дѣлѣ: не говоря уже о родствѣ Судила съ Иванкомъ Павловичемъ, родствѣ, подтверждающемъ еще разъ, что всѣ упомянутыя лица принадлежали къ партіи, поддерживавшей прежде Всеволода Мстиславича, — дѣтописныя свидѣтельства убѣждаютъ насъ, что Судило сталъ приверженцемъ Юрьевичей: при Святославѣ Ольговичѣ онъ бѣжалъ *изъ Суздаля* «Святослава дѣля и Якуна»³⁾, при Ростиславѣ *Юрьевичѣ* онъ былъ посадникомъ и палъ вмѣстѣ съ этимъ княземъ⁴⁾; ставъ, наконецъ, посадникомъ въ третій разъ, Судило старается помирить новгородцевъ съ Юріемъ⁵⁾ и теряетъ власть наканунѣ изгнанія новгородцами Юрьева сына Мстислава⁶⁾. Захарія былъ челоувѣкъ новый, его дѣятельнаго участія въ политической борьбѣ въ болѣе раннее время мы не замѣчаемъ; вотъ почему онъ оказался очень удобнымъ кандидатомъ въ посадники, когда обѣ враждующія стороны, Андрей суздальскій и Ростиславъ смоленскій, рѣшили «урядиться» между собою, войти въ соглашеніе относительно новгородскаго стола⁷⁾; но дальнѣйшій ходъ событія показываетъ, что Захарія опирался на суздальскую партію: самъ Святославъ Ростиславичъ напелъ защиту у Андрея, а не у Ростислава, и Захарія былъ убитъ въ Новгородѣ вмѣстѣ съ Неревиномъ и Нездой вслѣдствіе подозрѣнія въ сношеніяхъ съ Святославомъ⁸⁾. Суздальскія симпатіи Иванка Захарьинича, помимо того, что онъ былъ сыномъ Захаріи, доказываются еще тѣмъ, что онъ былъ посадникомъ при Рюрикѣ Ростиславичѣ, ставле-

¹⁾ Тамъ же, 6654 г.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6669 г.

³⁾ Новг. 1 лѣт., 6649 г.

⁴⁾ Тамъ же, 6649 и 6650 гг.

⁵⁾ Тамъ же, 6656 г.

⁶⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6664 г.

⁷⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6669 г.

⁸⁾ Тамъ же, 6675 г.

никъ Андрей¹⁾, а также въ княженіе Андрея сына Юрія²⁾. Ярославъ, не ладившій лично съ Рюрикомъ, пользовался довѣріемъ Андрея, къ которому онъ бѣжалъ, и который самъ провелъ его въ посадники³⁾. Завидъ Неревиничъ былъ сыномъ того Неревина, который поплатился жизнью за единомысліе съ Захаріей⁴⁾, и въ 1186 г. былъ удаленъ въ Смоленскъ⁵⁾, такъ какъ князь Мстиславъ Давидовичъ, очевидно, считалъ его своимъ врагомъ. Наконецъ, отецъ Мирошки, Незда, тоже вмѣстѣ съ Захаріей погибъ за приверженность къ суздальскимъ князьямъ, и самъ Мирошка во всѣ 14 лѣтъ исполненія имъ должности посадника старался поддержать на столѣ повгородскомъ Ярослава Владимировича и Святослава Всеволодовича⁶⁾, т. е. принадлежалъ, несомнѣнно, къ суздальской партіи.

Партія Ольговичей и тѣхъ Мстиславичей, которые были за одно съ ними, имѣла своими представителями остальныхъ посадниковъ періода времени между 1117 и 1205 гг. Таковы были: Мирославъ Гюрятиничъ, сынъ его Якунь Мирославичъ и, наконецъ, Михаль или Михалко Степаничъ. Многочисленные указанія новгородскихъ лѣтописей убѣждаютъ въ томъ, что эти лица, дѣйствительно, были врагами суздальскихъ князей и Всеволода Мстиславича и сторонниками ихъ противниковъ. Будучи избранъ въ посадники въ 1126 году, въ отсутствіе Всеволода, Мирославъ скоро былъ замѣненъ явнымъ сторонникомъ этого князя, Завидомъ; въ 1132 году едва ли не онъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей возстанія противъ Всеволода: и позднѣе новгородцы разсылали главъ побѣжденныхъ партій по пригородамъ въ посадники, и тутъ Мирославу дали посадничество въ Псковѣ⁷⁾. Якунь Мирославичъ былъ избранъ вскорѣ послѣ утвержденія въ Новгородѣ Святослава Ольговича,—въ 1137 году: онъ смѣнилъ «пріятеля» Всеволодова, Константина; что Якунь былъ приверженцемъ Ольговичей, это доказывается еще тѣмъ, что онъ едва не погибъ, когда князь бѣжалъ, а новгородцы его не пускали до прихода обѣщаннаго Всеволодомъ Ольговичемъ сына⁸⁾;

¹⁾ Новг. 1 лѣт., 6679 г.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6680 и 6683 гг.

³⁾ Новг. 1 лѣт., 6679 г.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., лѣт., 6675 г.

⁵⁾ Новг. 1 лѣт., 6694 г.

⁶⁾ Новгор. лѣтописи, 6697—6711 гг.

⁷⁾ «А Рагуилу въ *Ладотѣ*»: такъ надо читать по варианту, потому что въ Новгородѣ посадникомъ оставался Петрило; см. Новг. 1 лѣт. 6636 и 6642 гг.

⁸⁾ Новг. 1 лѣт., 6649 г.

далѣе: Юрій суздальскій увелъ его къ себѣ и держалъ въ чести¹⁾),—лучшій способъ парализовать враждебную силу; политическая дѣятельность Якуна Мирославича однако этимъ не окончилась: мы видимъ его опять посадникомъ наканунѣ изгнанія Мстислава Юрьевича, послѣ смѣны приверженца послѣдняго, Судила, и, надо думать, онъ поддерживалъ Святослава Ростиславича²⁾); когда однако этотъ князь, во второе свое княженіе, явно принялъ сторону Андрея Боголюбскаго, Якунь выступилъ противъ него и суздальцевъ, остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ³⁾. Остается доказать, что Михаль Степанычъ былъ за Ольговичей и противъ суздальскихъ князей. Это видно уже изъ того, что онъ сдѣлался посадникомъ въ первый разъ послѣ утвержденія въ Новгородѣ Владимира Святославича, внука Всеволода Ольговича⁴⁾. Это его посадничество продолжалось, какъ было уже сказано, вѣроятно до 1182 года, до торжества суздальской партіи, а во второй разъ онъ появляется въ должности посадника при Мстиславѣ Давидовичѣ, который попалъ въ Новгородъ вопреки волѣ Всеволода владимиристо-суздальскаго; съ перевѣсомъ суздальской партіи власть была отнята у Михалья⁵⁾); наконецъ въ 1203 году, по смерти вѣрнаго сторонника суздальскихъ князей, Мирошки Нездинича, противная партія, очевидно, подняла голову, и посадничество дали Михалку Степановичу⁶⁾. Это, очевидно, встревожило великаго князя Всеволода, и онъ прислалъ въ Новгородъ своего старшаго сына Константина вмѣсто слишкомъ молодого Святослава, мотивируя официально эту перемѣну тѣмъ, что «въ земли вашей рать ходить, а князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ»⁷⁾); такая мотивировка не должна однакоже насъ обманывать: истинная цѣль Всеволода заключалась въ томъ, чтобы въ лицѣ старшаго сына дать суздальской партіи въ Новгородѣ болѣе прочную опору: не даромъ тотчасъ же послѣ этого въ лѣтописи читаемъ: «тогда же отяша посадничество у Михалка и даша Дмитру Мирошкиницю».

Итакъ, внѣшнія рамки новгородскихъ партій нами очерчены. Надо оживить эти внѣшнія формы реальнымъ содержаніемъ, точнѣе и *возможно-всестороннѣе* опредѣлить стремленія и цѣли

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6664 и слѣд. гг.

³⁾ Тамъ же, 6675 г.

⁴⁾ Тамъ же, 6688 г.

⁵⁾ Новг. 1 лѣт., 6694 г.; Новг. 1 и 4 лѣт., 6697 г.

⁶⁾ Новг. 1 лѣт., 6711 г.

⁷⁾ Тамъ же, 6713 г.

каждой партіи. Эту задачу нельзя назвать особенно легкой: правда, мы имѣемъ превосходные, очень цѣнные источники для изученія новгородскихъ учреждений—договорныя грамоты Новгорода съ князьями, трактаты съ иностранцами и донесенія нѣмецкихъ посольствъ и купцовъ, но, во первыхъ, эти источники относятся къ позднѣйшему времени, именно начинаются со второй половины XIII вѣка, а во-вторыхъ, они ясно изображаютъ статику новгородскаго государственнаго строя, рисуютъ его намъ въ окончательно-сложившемся, развитомъ состояніи, не касаясь почти его динамики, того процесса, посредствомъ котораго слагались учрежденія Великаго Новгорода съ ихъ своеобразнымъ характеромъ. Вотъ почему не только для XII вѣка, но и для болѣе поздняго времени приходится часто довольствоваться скудными указаніями лѣтописей.

Отмѣтимъ прежде всего, что существовалъ вопросъ, по отношенію къ которому сходились всѣ въ Новгородѣ XII вѣка и позднѣе,—вопросъ о внѣшней политикѣ, объ отношеніи къ сосѣднимъ инородцамъ. Всѣ новгородскіе жители безъ исключенія, къ какому бы классу они ни принадлежали, въ какомъ бы экономическомъ положеніи ни находились, заинтересованы были въ томъ, чтобы Новгородъ и его земля не подвергались опустошительнымъ набѣгамъ и нападеніямъ, и чтобы община пользовалась внѣшней безопасностью и миромъ. Вотъ почему князья—безразлично, суздальской ли линіи или противоположнаго направленія,—совершаютъ походы на Чудь, на тѣ финскія племена, которыя безпокоили предѣлы новгородской земли своими нападеніями и мѣшали свободнымъ торговымъ сношеніямъ съ иноземцами. Укажемъ на походы, съ одной стороны, Ярослава Владимировича въ 1191 и 1192 гг.¹⁾, съ другой, Мстислава Ростиславича въ 1179 г.; рассказъ о послѣднемъ походѣ превосходно указываетъ и на причины войнъ съ Чудью: князь говоритъ новгородцамъ: «братіе! се обидятъ ны поганыи, да быхомъ възрѣвше на Богъ и на святѣй Богородици помочь, поместили себе и свободили быхомъ Новгородскую землю отъ поганныхъ»²⁾.

Но уже въ вопросѣ о политическомъ значеніи вѣча и его отношеніи къ княжеской власти и выборнымъ органамъ администраціи объ партіи далеко не всегда сходились, хотя въ большинствѣ случаевъ и здѣсь между взглядами противниковъ замѣчается большое согласіе. Кто читалъ новгородскія лѣтописи XII вѣка, тотъ знаетъ, что объ отмѣченныя нами партіи считали не-

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6699 и 6700 гг.

²⁾ Новг. 4 лѣт., 6687 г.

отъемлемымъ правомъ вѣча выбирать и изгонять князей и чинить судъ и расправу надъ административными органами, подлежащими также народному выбору. Приведемъ нѣсколько типическихъ примѣровъ. Въ 1136 году былъ выгнанъ Всеволодъ Мстиславичъ и избранъ Святославъ Ольговичъ—подъ вліяніемъ партіи, въ послѣдствіи враждебной суздальскимъ князьямъ; эта же партія грабитъ дома Константина и Нѣжаты и убиваетъ Юрія Жирославича ¹⁾. Въ 1138 году противная партія добивается изгнанія Святослава Ольговича и проситъ Юрія суздальскаго прислать сына своего Ростислава, т. е. выбираетъ этого князя на вѣчѣ ²⁾. Эта же суздальская партія, очевидно, на вѣчѣ—чинитъ въ 1205 году расправу надъ Олексой Сбыславичемъ ³⁾; значитъ, она тоже считала политическій судъ правомъ вѣча. Примѣры эти, особенно относящіеся къ избранію и изгнанію князей, можно было бы при желаніи умножить, при чемъ было бы видно, что это практиковалось въ одинаковой мѣрѣ обѣими партіями. Но степень самостоятельности князя въ его отношеніи къ вѣчу и выборной администраціи понималась не одинаково новгородскими партіями XII вѣка. Повидимому, князья суздальской линіи позволяли себѣ болѣе своеволія, и ихъ сторонники ничего противъ этого не имѣли; такъ Рюрикъ Ростиславичъ, посаженный на новгородскій столъ Андреемъ Боголюбскимъ, въ 1171 году отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города, хотя Жирославъ принадлежалъ къ суздальской партіи; и мы не видимъ при этомъ никакого протеста со стороны приверженцевъ суздальскихъ князей: они даютъ посадничество другому лицу изъ своей среды,—Иванку Захарыничу ⁴⁾. Не такъ вели себя въ подобныхъ случаяхъ ихъ противники или, точнѣе, тѣ, кого слѣдуетъ считать историческими наслѣдниками идей этихъ послѣднихъ: когда въ 1218 году князь Святославъ Мстиславичъ потребовалъ смѣны посадника Твердислава Михалковича, онъ получилъ отказъ; ему отвѣчали: «тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ; а въ то ся не вѣдимъ» ⁵⁾. Вообще посланцы великихъ князей суздальскихъ и владимірскихъ, сидѣвшіе въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ, имѣли наклонность дѣйствовать насильственно; особенно много злоупотребляя своею властью Ярославъ Владимировичъ; утвердившись въ Новгородѣ въ 1182 году, онъ въ 1184 году былъ принуж-

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6643 и 6644 гг.

²⁾ Новг. 1 лѣт., 6647 г.

³⁾ Тамъ же, 6713 г.

⁴⁾ Новг. 1 лѣт., 6679 г.

⁵⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6726 г.

день оставить занятый столъ, «неговавахуть бо ему новгородьци, зане много творяху ѡакости волости Новгородскѣи» ¹⁾. Въ этотъ разъ онъ былъ свергнутъ, вѣроятно, противной партіей, такъ какъ послѣ этого въ Новгородѣ появляется Мстиславъ Давидовичъ, но въ 1195 году, когда Ярославъ опять сидѣлъ въ Новгородѣ, новгородцы послали къ Всеволоду суздальскому «Мирошку посадника, и Бориса Жирославица, Микифора съдскаго, просяче сына, а Ярослава негодующе»: судя по именамъ посланныхъ и по тому, къ кому они были отправлены, негодовала на Ярослава въ этотъ разъ уже суздальская партія, — такъ велики были его насилія; впрочемъ скоро партія помирилась съ Ярославомъ и тѣмъ еще разъ доказала свою терпимость къ княжескому своему волю ²⁾.

Противники суздальскихъ князей привыкли видѣть въ князѣ защитника и покровителя простого народа: недаромъ въ числѣ обвиненій, выставленныхъ противъ Всеволода Мстиславича при его изгнаніи въ 1136 г., мы находимъ то, что онъ «не блюдетъ смердовъ» ³⁾. Это наблюденіе очень цѣнно; оно послужило основаніемъ для справедливаго замѣчанія Соловьева ⁴⁾, что противъ Всеволода были простые люди. Поэтому мы будемъ теперь называть эту партію демократической. Здѣсь необходимо указать еще и на другой элементъ въ составѣ партіи, противной Всеволоду Мстиславичу: этотъ элементъ — новгородское купечество, какъ видно изъ слѣдующаго лѣтописнаго текста: новгородцы въ 1135 г. разграбили дома «Къснятинъ, Нѣжатиныхъ и инѣхъ много, и еще же ищуще то, кто Всеволоду пріятель бояръ, тѣ имаша на нихъ нѣ (они?) съ полуторы тысящѣ гривенъ и даша *купцемъ* крутитися на войну» ⁵⁾. Это мѣсто важно еще въ одномъ отношеніи: оно указываетъ, что за Всеволода были бояре, по крайней мѣрѣ большая часть бояръ, такъ что партія, которую мы раньше называли суздальской, была аристократической. Но теперь для насъ важнѣе всего тотъ фактъ, что купцы были заодно съ черными людьми, т. е. стояли противъ аристократіи и за то, чтобы княжеская власть была введена въ извѣстные предѣлы. Благодаря этому становится понятенъ историческій смыслъ извѣстной уставной грамоты Всеволода церкви св. Ивана на Опокахъ ⁶⁾. Главное

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6692 г.

²⁾ Тамъ же, 6703 и 6705 г.

³⁾ Новг. 1 лѣт., 6644 г.

⁴⁾ Исторія Россіи, т. II, изд. 2, стр. 115.

⁵⁾ Новг. 1 лѣт. 6643 г.

⁶⁾ Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. I, № 3.

значеніе этой грамоты, какъ это превосходно разъяснено Никитским¹⁾, заключается въ томъ, что торговый судъ, прежде бывшій въ рукахъ князя и посадника, сталъ вѣдаться купцами, точнѣе ихъ выборными старостами подѣ председательствомъ тысяцкаго. Это былъ важный правительственный актъ, явившійся послѣдствіемъ союза купечества съ черными людьми, съ «простою чадью», и направленный къ ограниченію княжеской власти и къ стѣсненію боярства, по крайней мѣрѣ той его части, которая занималась торговлей: недаромъ въ грамотѣ сказано: «а Мирославу посаднику въ то не вступатца и инымъ посадникомъ въ Иванское ни въ что же, ни бояромъ новгородскимъ». Надо думать, что Всеволодъ не особенно охотно сдѣлалъ эту уступку, и купцы, опасаясь, что онъ отъ нея откажется, были на сторонѣ Ольговичей.

Впрочемъ не одно это связывало купцовъ съ демократической партіей въ первой половинѣ XII вѣка: другимъ связующимъ элементомъ былъ взглядъ на необходимость установленія мирныхъ отношеній Новгорода ко всѣмъ русскимъ областямъ, взглядъ, первоначально господствовавшій среди представителей народной партіи. Мирныя отношенія были въ интересѣ купцовъ: новгородская торговля была по преимуществу транспортной, передаточной, новгородскіе купцы продавали за границу продукты большею частью не новгородскіе—воскъ, мѣха, византійскую парчу и камни, ленъ, пеньку, продукты скотоводства — и покупали (хлѣбъ, сукно, вино, деньги) только отчасти для продажи на мѣстѣ, въ Новгородской землѣ²⁾, а большею частью съ цѣлью продать въ другихъ русскихъ областяхъ. При такой системѣ торговли мирныя отношенія къ русскимъ землямъ составляли существенный интересъ купцовъ. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что этотъ же миръ былъ необходимъ и чернымъ людямъ, владѣвшимъ въ то время большею частью земель³⁾ и подвергавшимся опасности лишиться всего достоянія во время войны. И лѣтописныя данныя дѣйствительно доказываютъ, что демократическая партія въ первой половинѣ XII вѣка была сторонницей мира Новгорода со всѣми областями тогдашней Руси. Это видно уже изъ того, что Мирославъ Гюрятиничъ стоялъ за миръ: его выбрали въ посадники въ 1134 г., послѣ возвращенія изъ похода на Суздаль, выразивъ этимъ несочувствіе воинственнымъ планамъ Всеволода⁴⁾; въ слѣдующемъ году Мирославъ отпра-

¹⁾ Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, Москва, 1893, стр. 19.

²⁾ Ср. Никитскій, Исторія экономич. быта, стр. 24 и др.

³⁾ Никитскій, Исторія экономич. быта, стр. 10.

⁴⁾ Новг. 1 лѣт. 6642 г.

вился мирить киевлянъ съ черниговцами ¹⁾, и въ этомъ нельзя не видѣть новаго указанія на его мирное направленіе. Наконецъ, въ 1139 г. новгородцы не захотѣли участвовать въ борьбѣ Юрія суздальскаго съ Ольговичами ²⁾.

Аристократическая партія, державшаяся суздальскихъ князей, всегда стояла за дѣятельное участіе Новгорода въ общерусской междукняжеской борьбѣ, что доказывается упомянутымъ выше походомъ Всеволода на Суздаль и такими, напримѣръ, фактами, какъ участіе новгородцевъ въ походѣ на киевскихъ Ростиславичей въ 1173 г., при князѣ Юріи Андреевичѣ и посадникѣ Иванѣ Захарьиничѣ ³⁾, и въ походѣ Всеволода суздальскаго на Черниговъ, на Ярослава и на все Ольгово племя, въ 1195 г., при князѣ Ярославѣ Владимировичѣ и посадникѣ Мирошкѣ Нездичѣ ⁴⁾.

Во второй половинѣ XII вѣка демократическая партія, однако, оставила прежнюю систему мирныхъ отношеній со всѣми областями удѣльной Руси. Причина такой перемѣны коренится въ самой жизни, въ практической неосуществимости старой системы: при постоянной борьбѣ однѣхъ княжескихъ линій съ другими, при живомъ участіи, какое волей или неволей принимало въ этой борьбѣ все населеніе страны, Новгородъ не могъ себя изолировать отъ остальной Руси, съ которой онъ былъ связанъ слишкомъ прочными узами, экономическими, политическими и культурными; притомъ невозможно было бы найти и князя, который былъ бы равнодушенъ къ перипетіямъ междукняжеской борьбы. Такимъ образомъ сама жизнь принудила новгородскихъ демократовъ принять дѣятельное участіе въ общерусскихъ междусоборіяхъ и, конечно, всѣ симпатіи ихъ склонились на сторону Ольговичей: уже въ 1145 г. новгородцы помогаютъ киевлянамъ, которые стоятъ за Ольговичей, а въ 1146 и 1148 гг. идутъ на Юрія суздальскаго при князѣ Владимирѣ Святославичѣ и совершаютъ походы на Суздаль, Друцкъ и берега Волги ⁵⁾.

Наконецъ, можно отмѣтить еще одну черту, сближавшую купечество съ черными людьми: оба класса были живо заинтересованы въ томъ, чтобы переложить часть лежавшихъ на нихъ финансовыхъ тягостей на бояръ, — припомнимъ цитованное уже выше лѣтописное свидѣтельство 1135 года, что новгородцы, по-

¹⁾ Тамъ же, 6643 г.

²⁾ Тамъ же, 6647 г.

³⁾ Тамъ же, 6683 г.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6703 г.

⁵⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6653, 6654, 6656, 6688, 6689.

бѣдивъ аристократическую партію, собирали деньги съ бояръ, чтобы дать средства *купцамъ* снарядиться на войну. Понятно, что финансовое отягощеніе массы населенія и собственные податныя привилегіи были въ интересахъ боярства.

Итакъ бояре составляли основное ядро аристократической партіи. Всѣ ли, однако, бояре? Разумѣется, не всѣ: вѣдь были же посадники изъ демократовъ, каковы Мирославъ Гюрятиничъ, Якунь Мирославичъ, Михаль Степаничъ, а намъ извѣстно, что посадниками могли быть только бояре. Значить, нѣкоторые бояре, — конечно, меньшинство — были за одно съ черными людьми. Спрашивается теперь: нельзя ли подмѣтить, какія причины дробили боярскій классъ между двумя партіями? Есть признаки, руководясь которыми можно придти къ нѣкоторому заключенію по этому вопросу. Въ литературѣ неоднократно указывалось, что бояре сосредоточивали въ своихъ рукахъ массу земли ¹⁾. Правда, въ XII вѣкѣ они, вѣроятно всего, еще не были особенно крупными землевладѣльцами ²⁾, но все-таки нельзя отрицать, что и въ это время бояре владѣли землей въ довольно значительномъ количествѣ. Существуетъ впрочемъ, какъ извѣстно, взглядъ, по которому главная экономическая сила бояръ заключалась не въ землевладѣніи, а сначала въ торговлѣ, потомъ въ движимомъ капиталѣ, въ деньгахъ, пускавшихся ими въ оборотъ путемъ дачи въ заемъ изъ процентовъ, путемъ кредита ³⁾. Не раздѣляя крайностей этого взгляда, можно однако, слѣдующія любопытныя наблюденія при чтеніи лѣтописей и документовъ: 1) уставная грамота Всеволода, данная церкви св. Ивана на Опокахъ, ставила бояръ, занимавшихся торговлей, въ подчиненное положеніе къ купеческимъ старостамъ, которымъ исключительно подвѣдомственъ сталъ съ этого времени торговый судъ; значить, она дѣлала торговлю неприятной и даже не всегда выгодной для бояръ; уставная грамота церкви св. Ивана направлена была, слѣдовательно, противъ тѣхъ бояръ, которые занимались торговлей; мы знаемъ уже, что этотъ актъ былъ результатомъ побѣды демократической партіи; слѣдовательно, въ первой половинѣ XII вѣка бояре, посвятившіе себя коммерческой дѣятельности, принадлежали къ аристократической партіи; 2) въ началѣ XIII вѣка встрѣчаемъ извѣстіе, что у посадника Дмитра Мирошкинича,

¹⁾ *Костомаровъ*, Сѣвернорусскія народоправства, т. II, Спб. 1863, стр. 21; *Бѣляевъ*, Разсказы изъ русской исторіи, кн. II, М., 1866, стр. 49.

²⁾ *Никитскій*, Исторія экономич. быта, стр. 9.

³⁾ *Ключевскій*, Боярская дума древней Руси, изданіе I, М., 1881, стр. 248—249.

извѣстнаго вождя аристократовъ, было множество досокъ, на которыхъ «безъ числа», т. е. въ громадномъ количествѣ, были записаны суммы, розданныя этимъ посадникомъ въ заемъ разнымъ лицамъ; итакъ къ концу изучаемаго періода бояре-торговцы, принадлежавшіе къ аристократической партіи, превращаются въ капиталистовъ-банкировъ ¹⁾; 3) все это не исключаетъ однакоже землевладѣнія у бояръ аристократовъ, такъ какъ у того же Дмитра и его приверженцевъ были «села» ²⁾. Итакъ, къ аристократической партіи принадлежали бояре, обладавшіе, правда, земельной собственностью, но въ началѣ XII вѣка занимавшіеся главнымъ образомъ торговлей, а позднѣе постепенно перешедшіе къ банкирской дѣятельности. Не слѣдуетъ ли отсюда, что на сторонѣ черныхъ людей стояли бояре, исключительно въ землевладѣніи черпавшіе экономическую мощь? Утвердительный отвѣтъ тѣмъ вѣроятнѣе, что тогда понятно, съ одной стороны, насколько разъединены были интересы бояръ-капиталистовъ и бояръ-землевладѣльцевъ, съ другой, почему именно послѣдніе были близки къ черному народу: земледѣлецъ и землевладѣлецъ всегда ближе другъ къ другу, чѣмъ земледѣлецъ къ лицу, обладающему движимымъ капиталомъ.

Чтобы закончить рѣчь о новгородскихъ политическихъ партіяхъ XII вѣка, остается указать на то, что представители обѣихъ партій неравномѣрно распредѣлялись по городу уже и въ то время. И позднѣе мы будемъ имѣть случай отмѣчать неоднократно враждебныя отношенія между правой, Торговой, и лѣвой, Софійской, стороной Великаго Новгорода. Столкновения наблюдаются и въ XII вѣкѣ, и при томъ Торговая сторона явно выступаетъ съ аристократическимъ характеромъ: такъ въ 1157 г. она защищаетъ Мстислава Юрьевича ³⁾, князя суздальской линіи, всегда поддерживавшейся боярствомъ. Выдающіеся сторонники аристократической партіи жили въ XII вѣкѣ на Торговой сторонѣ: въ 1198 г. дочь Жирослава поставила монастырь св. Евѣиміи въ Плотницкомъ концѣ ⁴⁾; въ слѣдующемъ году мы видимъ игуменей во вновь построенномъ женою князя Ярослава Владимировича монастырѣ Рождества Богородицы на Михалицѣ вдову посадника Завида, одного изъ видныхъ представителей боярства ⁵⁾;

¹⁾ Новг., 1 и 4 лѣт. 6717 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6665 г.

⁴⁾ Новг. 1, 6705 г.; Новг. 3 лѣт., 6706 г.

⁵⁾ Новг. 1, 2 и 3 лѣт., 6707 г.

Михалица или Михайловская улица находилась, какъ извѣстно, въ Славянскомъ концѣ ¹⁾, т. е. также на Торговой сторонѣ. Если такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что аристократическая партія группировалась, главнымъ образомъ, на правомъ берегу Волхова, то лѣвый берегъ его или Софійская сторона былъ, очевидно, средоточіемъ демократической партіи. Это можно усмотрѣть и изъ одного лѣтописнаго извѣстія: въ 1185 г., въ правленіе демократическаго князя Мстислава Давидовича, Миронѣгъ поставилъ церковь Вознесенія на Прусской улицѣ ²⁾; одна изъ новгородскихъ лѣтописей свидѣтельствуетъ при этомъ, что Миронѣгъ занималъ въ то время должность тысяцкаго ³⁾, слѣдовательно принадлежалъ къ господствовавшей тогда партіи, т. е. демократической, а Прусская улица находилась въ Загородскомъ концѣ ⁴⁾, на Софійской сторонѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что причиной такого раздѣленія партій между обѣими сторонами города служилъ социальный составъ населенія послѣднихъ: черное ремесленное населеніе, отчасти и купцы жили по преимуществу на Софійской сторонѣ, бояре — на Торговой. Это подтверждается и нѣкоторыми позднѣйшими извѣстіями: въ 1403 г. купцы-прасолы строятъ церковь на «Дослани» или Даньславѣ улицѣ ⁵⁾, слѣдовательно, въ Неревскомъ концѣ ⁶⁾, на Софійской сторонѣ; военный агентъ шведскаго посольства Оксеншерны 1673 г. Эрикъ Пальмквистъ свидѣтельствуетъ, что Софійская сторона была населена по преимуществу ремесленниками, а Торговая знатнѣйшими гражданами и купцами ⁷⁾. Изложенныя наблюденія должны сослужить важную службу въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ качествѣ вспомогательнаго средства для изученія политической борьбы въ Великомъ Новгородѣ. Они будутъ пополнены ниже соотвѣствующими данными за послѣдующія столѣтія.

II.

XII вѣкъ былъ временемъ, когда слагались первоначальныя новгородскія политическія партіи. Слѣдующее затѣмъ столѣтіе,

---

¹⁾ И. Красовъ, О мѣстоположеніи древняго Новгорода. Новгородъ, 1851, стр. 90.

²⁾ Новг. 1, 2 и 4 лѣт., 6693 г.

³⁾ Новг. 4 лѣт., 6693 г.

⁴⁾ Красовъ, О мѣстоположеніи древняго Новгорода, стр. 26.

⁵⁾ Новг. 3 лѣт., 6911 г.

⁶⁾ Красовъ, О мѣстоположеніи древняго Новгорода, стр. 35.

⁷⁾ Готье, Извѣстія Пальмквиста о Россіи (изъ „Археолог. Извѣстій и Замятокъ“ за 1899 г.), стр. 6.

какъ сейчасъ увидимъ, внесло значительныя перемѣны въ партійную группировку и въ политическія программы борющихся сторонъ. Но прежде чѣмъ перейти къ XIII вѣку, укажемъ въ самыхъ краткихъ чертахъ на результаты партійной борьбы XII вѣка, на политическія измѣненія, произведенныя ею въ Великомъ Новгородѣ.

Въ государственномъ устройствѣ Новгорода имѣли значеніе три основныхъ политическихъ силы,—князь, вѣче и правительственный совѣтъ. Уяснить себѣ взаимныя отношенія этихъ силъ—значитъ понять исторію новгородскаго политическаго строя. Новгородскій князь первоначально былъ тѣмъ же, чѣмъ были князья въ другихъ областяхъ древней Руси,—верховнымъ судьей и военачальникомъ. Князь, несомнѣнно, являлся въ то время органомъ верховной власти, дѣлилъ ее съ вѣчемъ, а роль боярскаго совѣта была сравнительно второстепенна. Ярославовы грамоты, по справедливому мнѣнію Соловьева ¹⁾, налагали на князя лишь извѣстныя финансовыя ограниченія. Исслѣдователи обыкновенно думаютъ, что въ 1126 г. введено было серьезное ограниченіе княжеской власти: посадникъ, до тѣхъ поръ всегда назначавшійся княземъ, сталъ выбираться на вѣчѣ. Но лѣтописи говорить о выборѣ Мирослава, не придавая этому особаго значенія, какъ о явленіи обычномъ; при томъ же, какъ выше было отмѣчено, есть слѣды одновременнаго существованія въ Новгородѣ двухъ посадниковъ — выборнаго и назначаемаго княземъ; поэтому мы не рѣшаемся причислить выборный характеръ посадника къ пріобрѣтеніямъ XII вѣка. Тѣмъ не менѣе политическая борьба этого времени сильно ограничила власть князя: во-первыхъ, какъ мы знаемъ, онъ лишился права торговаго суда, перешедшаго въ руки купечества; во-вторыхъ, вѣче присвоило себѣ право избирать и изгонять князей (первый примѣръ—Всеволодъ Мстиславичъ), чѣмъ значительно поколебалось положеніе князя, какъ участника въ *верховой* власти. Оба ограниченія были результатомъ дѣятельности демократической партіи. Тѣмъ не менѣе за княземъ оставались еще важныя права: право проѣзжаго суда, т. е. рѣшенія всѣхъ судебныхъ дѣлъ при объѣздѣ волости, помимо всѣхъ областныхъ судей и безъ всякихъ ограниченій на основаніи презумпціи, что князь—единственный самостоятельный органъ судебной власти; затѣмъ обширныя финансовыя права: право совершать два раза въ годъ — весной и осенью—поѣздки въ новгородскую область на полюдьѣ, собирать

¹⁾ Исторія Россіи, т. III, М. 1853, стр. 32—33.

дары на себя, и право получать определенную денежную сумму съ иностранныхъ купеческихъ каравановъ, прибывавшихъ въ Новгородъ. Даже право вѣча выбирать и смѣнять посадниковъ не было еще въ достаточной мѣрѣ ограждено въ XII вѣкѣ и подвергалось нарушеніямъ, самымъ яркимъ примѣромъ которыхъ является упомянутая въ свое время смѣна Жirosлава Рюрикомъ Ростиславичемъ. Сохраненіемъ этихъ важныхъ правъ князь XII вѣка былъ почти всецѣло обязанъ содѣйствию боярской партіи, всего больше опасавшейся въ это время полного торжества черныхъ людей. Совершенно очевидно, что правительственный советъ не игралъ еще въ это время видной роли, и самое большее, вѣроятно, добились здѣсь бояре,—это право участія въ немъ старыхъ, отбывшихъ уже свою должность посадниковъ и тысяцкихъ: по крайней мѣрѣ, въ XIII вѣкѣ этотъ элементъ становится уже замѣтнымъ въ составѣ новгородскаго правительственнаго совета ¹⁾.

При такихъ условіяхъ продолжалась политическая борьба въ XIII вѣкѣ, борьба въ высшей степени напряженная и горячая. Необходимо прослѣдить партійныя отношенія всѣхъ извѣстныхъ намъ степенныхъ посадниковъ этого времени. 1205 годъ былъ первымъ годомъ посадничества Дмитра Мирошкинича, оставшагося посадникомъ до 1209 года. Определеніе политическихъ симпатій Дмитра не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій. Прежде всего онъ былъ сынъ Мирошки Нездинича, одного изъ ревностнѣйшихъ аристократовъ XII вѣка. Симпатіи Мирошкиничей къ Всеволоду владимиристо-суздальскому подтверждаются еще слѣдующимъ извѣстіемъ 1208 года: «приде Лазарь, Всеволожь мужъ, изъ Володимира и Борисе Мирошкиничь: повелѣ убити Ольксу Сбыславиця на Ярославли дворѣ, и убиша и безъ вины, въ субботу, марта въ 17, на святого Аляксія, а завтра плака святая Богородица у святого Якова, въ Неревскѣмъ концѣ» ²⁾. Мы видимъ здѣсь, что братъ посадника Дмитра дѣйствуетъ вмѣстѣ съ бояриномъ Всеволода на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ, т. е. на аристократической Торговой странѣ, противъ представителя противной, т. е. демократической, партіи, при чемъ опять оказывается, что члены послѣдней группировались на Софійской сторонѣ: не даромъ сложилось сказаніе о чудѣ въ *Неревскомъ* концѣ по случаю убійства Олексы. Наконецъ, рассказъ о событіяхъ

¹⁾ *Никитскій*, Очерки изъ жизни Великаго Новгорода. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1869 г., октябрь, стр. 296; *Ключевскій*, Боярская дума, изд. 1, стр. 256.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6716.

1209 года прямо свидѣтельствуешь о враждѣ демократической партіи къ Дмитру: посадника съ его братьями новгородцы обвиняють въ томъ, что «ти повелѣша на новгородѣхъ сребро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую и по-возы возити» ¹⁾: купцы и черные люди и поднялись, очевидно, на Дмитра Мирошкинича. Неудивительно поэтому, что во все время посадничества Дмитра на новгородскомъ столѣ сидѣлъ Константинъ Всеволодовичъ. Съ 1209 по 1211 годъ посадникомъ былъ Твердиславъ Михалковичъ, сынъ Михалка Степанича, демократа, какъ мы видѣли, что заставляеть и въ Твердиславѣ предполагать сторонника народной партіи. Это предположеніе подтверждается другими данными: во-первыхъ, становится понятнымъ, почему съ избраніемъ Твердислава недолго—всего годъ—продержался въ Новгородѣ Святославъ Всеволодовичъ: демократическая партія была противъ суздальской линіи; понятно, почему новгородскій столъ занялъ Мстиславъ Мстиславичъ, любимецъ народа; во-вторыхъ, получаетъ особый и вполне естественный смыслъ извѣстіе 1211 года, что когда вернулся въ Новгородъ Дмитръ Якуничъ, сынъ извѣстнаго демократа XII вѣка Якуна и внукъ Мирослава Гюрятинича, то «съступися Твердиславъ посадничества по своей воли старѣишу себе» ²⁾: очередь старшинства соблюдалась, очевидно, лишь между членами одной партіи; наконецъ, въ-третьихъ, во время исполненія должности посадника Твердиславомъ во второй и третій разъ въ 1218 и 1220 годахъ, за него стояли части города, населенныя простымъ народомъ: сначала Людинъ конецъ и Прусская улица, потомъ также Загородскій конецъ, а противъ него были главнымъ образомъ «ониполовцы» ³⁾, т. е. жители Торговой стороны аристократы, потому что «онимъ поломъ» или «оной стороной» въ Новгородѣ называлась сторона Торговая ⁴⁾. Слѣдующій затѣмъ посадникъ, Дмитръ Якуничъ (1211—1215 гг.), какъ было сейчасъ доказано, принадлежалъ также къ народной партіи, почему его посадничество совпадаетъ хронологически съ княженіемъ Мстислава Мстиславича, знаменитаго защитника новгородской вольности. 1215 г. мы только предположительно считаемъ послѣднимъ годомъ посадничества Дмитра Якунича, — на томъ основаніи, что въ этомъ году появился на столѣ въ Новгородѣ аристократическій князь Ярославъ Всеволодовичъ и, главное, въ

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6717.

²⁾ Новг. 1 лѣт., 6719 г.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6726 г.

⁴⁾ Новг. 1, 3 и 4 лѣт., 6848 г.

качествѣ посадника упомянуть Юрій Ивановичъ ¹⁾, смѣненный новгородцами годъ спустя, когда и Ярославъ былъ снова замѣненъ Мстиславомъ ²⁾. Уже это совпаденіе посадничества Юрія съ княженіемъ Ярослава способно убѣдить насъ въ аристократическихъ тенденціяхъ Юрія; онѣ становятся совершенно-несомѣнными, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ 1217 г. князь Мстиславъ съ цѣлью обезсилить боярскую партію увезъ Юрія въ Кіевъ ³⁾. Понятна становится и замѣна Юрія съ побѣдой народной партіи въ 1216 г. Твердиславомъ, второе посадничество которого длилось до 1219 г., при чемъ на столѣ были демократическіе князья Мстиславъ Мстиславичъ и Святославъ Мстиславичъ.

До сихъ поръ мы имѣли въ XIII вѣкѣ дѣло съ партіями, ничѣмъ не отличавшимися отъ партій XII вѣка; и демократы, и аристократы сохраняли прежнее отношеніе къ извѣстнымъ княжескимъ линіямъ, имѣли предводителей почти всегда изъ тѣхъ же фамилій, распредѣлялись по старому по частямъ города и даже не измѣнили своихъ политическихъ программъ: боярская партія по прежнему ограничивалась строго-оборонительною ролью, имѣла въ виду исключительно подавленіе стремленій вѣча къ безусловному и неограниченному верховенству, постепенно и незамѣтно усиливая господство боярскаго совѣта; что же касается до народной партіи, то она, какъ мы уже видѣли, и теперь, какъ и въ XII вѣкѣ, отстаивала свободу чернаго населенія отъ княжескихъ поборовъ и свободу купцовъ отъ повозовъ и дикой виры ⁴⁾; этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ до извѣстной степени успѣшно; позднѣе, въ договорахъ съ князьями, постоянно встрѣчается условіе, освобождающее купечество отъ повозовъ и виры ⁵⁾; но этимъ не ограничивались демократы въ своихъ политическихъ стремленіяхъ: въ 1218 г. они прямо и ясно поставили князю на видъ, что онъ имъ присягалъ не лишать должности никого безъ вины ⁶⁾. Извѣстно, что и это ограниченіе княжеской власти вошло въ позднѣйшіе договоры Новгорода съ князьями. Итакъ демократическая партія продолжала упорную и стойкую борьбу въ пользу власти вѣча и противъ верховенства князей и достигала въ этомъ отношеніи значительныхъ и прочныхъ успѣховъ.

¹⁾ Новг. 1 лѣт., 6723 г.

²⁾ Тамъ же, 6724 г.

³⁾ Тамъ же, 6725 г.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6717 г.

⁵⁾ Соб. Госуд. Грамотъ и Договоровъ, I, № 1, 2, 3, 4, 5, и др.

⁶⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6726 г.

Но традиціи XII вѣка сохранялись неприкосновенными только до конца второго десятилѣтія XIII столѣтія. Съ этого времени начинается кризисъ. Начало кризиса относится къ 1218 году, когда господствовала демократическая партія въ лицѣ посадника Твердислава Михалковича, а княземъ былъ Святославъ Мстиславичъ. Господство народной партіи было, очевидно, непріятно для Торговой стороны, и вотъ одинъ изъ видныхъ членовъ боярской партіи Матвѣй Душильцевичъ, жившій именно на Торговой сторонѣ, такъ какъ его братъ Иванъ названъ «ониполовцемъ»¹⁾, бѣжалъ изъ города, но былъ пойманъ и отведенъ къ князю. Распространился слухъ, что Матвѣя выдалъ князю посадникъ Твердиславъ, и Торговая сторона поднялась на послѣдняго: въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ ониполовцы были аристократы, а Твердиславъ—предводитель народной партіи, но замѣчательно, что къ Торговой сторонѣ впервые примкнулъ противъ демократическаго посадника Неревскій конецъ²⁾, и это не было простой случайностью, потому что и въ 1220 г. того же Твердислава изъ трехъ концовъ Софійской стороны не защищали только одинъ Неревскій³⁾. Такъ нарушена была одна изъ традицій XII вѣка: въ демократической партіи становится замѣтнымъ раздѣленіе; можно догадываться, что купцы стали расходиться съ черными людьми,—припомнимъ, что изъ концовъ Софійской стороны именно Неревскій былъ купеческимъ по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени: не даромъ же здѣсь въ началѣ XV вѣка купцы-прасолы построили церковь⁴⁾. Мы можемъ даже различить мотивы этого раскола: купцы усмотрѣли въ выдачѣ Матвѣя князю наклонность Твердислава къ усиленію княжеской власти, т. е. нарушеніе старинныхъ традицій демократической партіи.

Разъ начавшись, кризисъ не могъ ограничиться однимъ столкновеніемъ: онъ продолжался въ слѣдующемъ году. Въ лѣтописи читаемъ: «пойде тоя зимы Сымьонъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоимокары, и не пусти ихъ Гюрги ни Ярославъ сквозъ свою землю, и придоша Новугороду въ лодяхъ. И замыслиша: Твердиславъ и Якунъ тысяцскыи заслаша къ Гюргю не пустити ихъ туда, и възвадиша городъ. Тогда отъяша посадничество у Твердислава и даша Смену Борисовицу, а тысяцское у Якуна и даша

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6726 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6728 г.

⁴⁾ Новг. 3 лѣт., 6911 г.

Семьюну Емину» ¹⁾). Твердиславъ былъ, какъ мы знаемъ, вождемъ народной партіи. Что касается до Смена Борисовича, выступившаго противъ него, то онъ въ 1230 г. былъ заодно съ Внѣздомъ Водовикомъ ²⁾), а Внѣздъ былъ посадникомъ при князѣ Михаилѣ Всеволодовичѣ, несомнѣнномъ кандидатѣ народной партіи, въ угоду которой онъ «вда свободу смърдомъ на 5 лѣтъ даніи не платити» ³⁾); притомъ, когда въ 1230 г. новгородскій столъ былъ занятъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, то Внѣздъ бѣжалъ, Сменъ Борисовичъ былъ убитъ, а Ярославъ увезъ изъ Новгорода своихъ противниковъ, «мужи *моложъшая*» ⁴⁾), которые, очевидно, были за Смена и Внѣзда. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что Сменъ Борисовичъ, какъ и Внѣздъ Водовикъ, были также демократами. Итакъ въ 1219 г. мы наблюдаемъ снова разладъ въ демократической партіи, причемъ Твердиславъ обвиняется въ тайныхъ сношеніяхъ съ сильными князьями суздальской линіи, бывшими прежде кандидатами аристократовъ. Опять можно такимъ образомъ подмѣтить его стремленіе опереться на болѣе или менѣе сильную княжескую власть, избѣгая дальнѣйшихъ ея ограниченій. Но и на этотъ разъ разладъ въ демократической партіи былъ преходящимъ, временнымъ, зарождавшимся еще только явленіемъ: очень скоро, въ томъ же году, Твердиславъ и Якунъ получили свои прежнія должности ⁵⁾).

Лѣтописи ясно свидѣлствуютъ ⁶⁾), что въ періодъ времени между 1220 и 1229 годами посадникомъ былъ Иванъ Дмитровичъ. Можно догадываться, что онъ былъ сыномъ Дмитра Миропкинина и, слѣдовательно, принадлежалъ къ боярской партіи. Это подтверждается и тѣмъ, что во время посадничества Ивана, въ 1228 г., «простая чадь» возмутилась и напала на архіепископа и тысяцкаго Вячеслава ⁷⁾). Тысяцкій, слѣдовательно, былъ аристократомъ (это былъ, кстати сказать, Вячеславъ Прокшиничъ, т. е. извѣстный основатель монастыря Варлаамъ Хутынской ⁸⁾), а это значитъ, что такихъ же воззрѣній держался и посадникъ того времени, т. е. Иванъ Дмитровичъ. Характерно далѣе, что на новгородскомъ столѣ во все время посадничества Ивана си-

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6727 г.

²⁾ Тамъ же, 6738 г.

³⁾ Тамъ же, 6737 г.

⁴⁾ Тамъ же, 6738 г.

⁵⁾ Новг. 1 лѣт., 6727 г.

⁶⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6728 г. и Новг. 1 лѣт., 6737 г.

⁷⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6736 г.

⁸⁾ Новг. 1 лѣт., 6751 г.

дѣли несомнѣнно-аристократическіе князья, дѣйствовавшіе противъ чернаго народа: Всеволодъ Юрьевичъ (1222 и 1223—1224 гг.) и Ярославъ Всеволодовичъ (1222—1223 и 1225—1228). Исключение представляетъ только Михайль Всеволодовичъ, внукъ знаменитаго Олега Святославича черниговскаго ¹⁾, впоследствии прямо стремившійся облегчить податное бремя, лежавшее на черныхъ людяхъ ²⁾, но онъ княжилъ въ это время недолго, всего нѣсколько мѣсяцевъ въ 1225 году. Демократическія симпатіи Михаила обнаруживались опредѣленно уже во второе его княженіе, въ 1228—1230 гг., и въ это время посадникомъ является Внѣздъ Водовикъ, уже извѣстный намъ членъ демократической партіи въ смыслѣ XII вѣка, т. е. противникъ сильной княжеской власти и сторонникъ усиленія власти вѣча, поддерживавшійся, какъ надо думать, съ особенной силой купцами. Въ политической борьбѣ, обострившейся въ 1228 г., старая демократическая партія продолжала держаться прежнихъ принциповъ и выговорила еще одно ограничивающее княжескую власть условіе: «судьи по волости не слати» ³⁾: другими словами, князь долженъ былъ отказаться отъ права проѣзжаго суда, вѣроятно, за опредѣленную откупную сумму, что опять-таки утверждено было, какъ извѣстно, позднѣйшими договорами Новгорода съ князьями и должно быть, слѣдовательно, признано за прочное политическое приобрѣтеніе добывавшейся ограниченной князя партіи.

Въ 1230 г. мы наблюдаемъ въ третій разъ проявленіе раскола въ демократической партіи: «томъ же лѣтѣ распрѣся Степанъ Твердиславиць съ Водовикомъ» ⁴⁾, читаемъ мы въ лѣтописи; такъ какъ Степанъ былъ сынъ Твердислава Михалковича, слѣдовательно, какъ и Водовикъ, принадлежалъ къ числу демократовъ, то, очевидно, распря была столкновеніемъ двухъ единомышленниковъ, въ взглядахъ которыхъ обнаружили различія. И, повидимому, дѣло не ограничилось только личной борьбой, потому что Степанъ, подобно своему отцу въ послѣдніе годы его политической дѣятельности, измѣнилъ одному изъ основныхъ принциповъ старой народной партіи: онъ пожелалъ видѣть на новгородскомъ столѣ сильнаго князя, неспособнаго поступаться своими правами и допускать дальнѣйшія ограниченія своихъ полномочій. Это можно усмотрѣть изъ того, что послѣ смѣны

¹⁾ Тамъ же, 6733 г.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6737 г.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6736 г.

⁴⁾ Тамъ же, 6738 г.

Михаила Всеволодовича новгородскими князьями надолго сдѣлались привыкшіе къ самостоятельности князья владими́ро-суздальской линіи—Ярославъ Всеволодовичъ (1230—1236 гг.) и сынъ его Александръ Невскій (1236 — 1253 гг.), и въ то же время въ теченіе почти 13-ти лѣтъ посадничалъ Степанъ Твердиславичъ (1230—1243 гг.)¹⁾. Переходъ Степана прямо на сторону аристократовъ является невѣроятнымъ уже въ силу семейныхъ традицій; къ тому же мы увидимъ ниже, что боярская партія имѣла другихъ вождей, и заведомо-демократическіе посадники, какъ Онанья, защищали сына Степанова, Михаила²⁾. Итакъ въ народной партіи произошелъ расколъ, изъ нея окончательно выдѣлилась давно и постепенно слагавшаяся группа, во главѣ которой стояли потомки Михалки Степанича. Эта группа признавала, подобно всѣмъ демократамъ, главенство вѣща, но считала опаснымъ для народа дальнѣйшее ограниченіе княжеской власти и, быть можетъ, была готова даже на нѣкоторыя уступки послѣдней. Въ чемъ же заключалась причина такой перемѣны? Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ новыхъ, сложившихся въ началѣ XIII вѣка, хозяйственныхъ и неразрывно связанныхъ съ ними юридическихъ и политическихъ явленіяхъ. Мы уже упоминали въ первой главѣ, что въ XI и XII вѣкахъ въ Новгородской области преобладало мелкое землевладѣніе, свободное занятіе земель поселенцами, не подчинявшимися высшимъ собственникамъ. Но постепенно развивавшаяся внѣшняя торговля произвела важный элементъ, поколебавшій старинныя поземельныя отношенія, — произвела вторженіе въ твердыню натурального хозяйства крупнаго капитала. Отсюда вовсе не слѣдуетъ, что новгородское народное хозяйство сдѣлалось денежнымъ: нѣтъ, масса населенія попрежнему удовлетворяла всѣмъ своимъ потребностямъ собственнымъ трудомъ, продукты производства каждой хозяйственной единицы вовсе не поступали на рынокъ въ видѣ товара, а потреблялись самими производителями³⁾. Но капиталъ, проникшій въ высшіе классы общества, главнымъ образомъ въ боярство, образовалъ бездну между ними и черными людьми и въ то же время далъ его обладателямъ фактическую возможность подчинить своимъ интересамъ массу населенія. Успѣхи

¹⁾ Новг. 1, 2 и 4 лѣт., 6751 г.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6763 г.

³⁾ Это всего лучше видно изъ того, что еще въ концѣ XV вѣка владѣльческій оброкъ почти всегда платился въ Новгородской области натурой, а не деньгами: см. нашу книгу „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI вѣкѣ“, М., 1899, стр. 235—236.

земледѣльской культуры, смѣна добывающей промышленности земледѣліемъ, неизбежная вслѣдствіе роста населенія, вызвали живую, неутолимую потребность въ капиталѣ, несравненно болѣе необходимомъ для земледѣльца, чѣмъ для звѣролова или рыбака, потому что земледѣльцу нужны и смѣна для посѣва и пропитанія, и рабочій скотъ, и земледѣльческія орудія, и хозяйственные постройки. Безсильный собственнымъ трудомъ добыть себѣ необходимыя средства за отсутствіемъ рынка и избытковъ въ продуктахъ, земледѣлецъ охотно поступался своею землею боярину-капиталисту, получая отъ него взаменъ ссуду на обустройство: путемъ закладничества—этого подобія западно-европейской коммѣндаціи ¹⁾,—покупки, пріема въ залогъ, оккупациі свободныхъ земель новгородскіе бояре-капиталисты сосредоточили въ своихъ рукахъ въ XIII вѣкѣ чрезвычайно обширныя земельныя владѣнія ²⁾. Черезъ ихъ посредство бояре держали въ своихъ рукахъ черное сельское населеніе, смердовъ, а занимаясь банкирскою дѣятельностью, столь необходимой при сильномъ развитіи транспортной торговли, они подчиняли себѣ и городскіе классы,—купцовъ, ремесленниковъ и проч. Такъ боярство въ XIII вѣкѣ стало экономически-господствующимъ классомъ новгородскаго общества, и притомъ это было то самое боярство, которое составляло партію, названную нами выше аристократическою. Вотъ почему эта партія, поддерживая въ XII и первой половинѣ XIII вѣка сильныхъ князей на новгородскомъ столѣ изъ боязни полного господства вѣча, въ то же время имѣла возможность обратить въ свою пользу всѣ ограниченія княжеской власти, которыхъ добились демократы. Такой невыгодный для массы народа оборотъ въ политическомъ положеніи былъ еще неясенъ въ первой половинѣ XIII вѣка никому, кромѣ отдѣльных выдающихся личностей, обладавшихъ достаточной политической проницательностью: такою личностью и является Степанъ Твердиславичъ, а послѣ него его сынъ Михаилъ, посадивавшій въ 1255—1257 гг. и стоявшій за сына Александра Невскаго, Василя, а потомъ, когда Василій склонился къ политикѣ, противоположной тенденціямъ Невскаго, воспротивившійся князю и убитый за это въ 1257 г. ³⁾. И Степанъ, и Михаилъ первые увидѣли въ сильномъ князѣ опору простого народа про-

¹⁾ См. объ этомъ *Павлова-Сильванскаго*. „Закладничество-патровать“, въ Запискахъ Имп. Русск. Арх. Общ. за 1898 г.

²⁾ *Никитскій*, Исторія экономич. быта Великаго Новгорода, стр. 39 и слѣд.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6765 г.

тивъ знати. Это была идея, которой суждено было будущее, но первые ея провозвѣстники должны были потерпѣть и дѣйствительно потерпѣли неудачу.

Въ промежутокъ времени между посадничествами указанныхъ двухъ новаторовъ, именно въ 1243—1255 годахъ, — должность посадника принадлежала Онаньѣ. Разсказъ о событіяхъ 1255 г. убѣждаетъ въ томъ, что Онанья былъ на сторонѣ простого народа, потому что «меньшіе» были противъ Александра Невского, и этотъ князь, восторжествовавъ, добился смѣны Онаньи ¹⁾; это указываетъ, что послѣдній былъ за одно съ чернью противъ Невского; кромѣ того видно, что Онанья пользовался авторитетомъ среди черныхъ людей, такъ какъ ему удается спасти отъ разграбленія домъ Михаила Степанича ²⁾. Этотъ послѣдній фактъ имѣетъ въ нашихъ глазахъ еще то значеніе, что свидѣтельствуетъ объ умѣренности Онаньи, о его стремленіи помирить Михаила съ старыми друзьями: не даромъ при этомъ сказано, что Онанья дѣйствовалъ «хотя добра» Михаилу.

Въ періодъ времени между 1257 и 1303 годами степенными посадниками послѣдовательно были слѣдующія лица: 1) 1257 — 1268 Михаилъ Ѳедоровичъ; 2) 1268—1273 Павша Онаньиничъ; 3) 1273 — 1280 Михаилъ Мишиничъ; 4) 1280 — 1286 Семень Михайловъ; 5) 1286—1290 Андрей Климовичъ; 6) 1290—1293 Юрій Мишиничъ; 7) 1293—1299 Андрей Климовичъ; 8) 1299—1303 Семень Климовичъ. Годы исполненія посадничьей должности всѣми этими лицами, кромѣ двухъ послѣднихъ, точно указаны въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Что же касается до Андрея и Семена, то первый упоминается въ качествѣ посадника впервые въ 1293 г. ³⁾, хотя, конечно, возможно, что онъ сдѣлался имъ и раньше. Предположительно поставленъ послѣдній годъ его посадничества—1299, потому что въ лѣтописяхъ подъ этимъ годомъ онъ значится еще посадникомъ ⁴⁾. Подъ 1303 годомъ неожиданно читаемъ: «отъяша посадничество у Семена Климовича» ⁵⁾: этимъ опредѣляется послѣдній годъ его посадничества, первый падаетъ на промежутокъ времени отъ 1299 до 1303 г.

Въ то время какъ Михаилъ Ѳедоровичъ занималъ должность посадника, новгородскими князьями были сначала Александръ

¹⁾ Тамъ же, 6763 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6801 г.

⁴⁾ Новг. 1, 2 и 3 и 4 лѣт., 6807 г.

⁵⁾ Новг. 1 лѣт., 6811 г.

Невскій (1257—1258), потомъ сынъ его Дмитрій (1258—1264), наконецъ Ярославъ Ярославичъ Тверской, княженіе котораго началось въ 1265 г. и окончилось въ 1272. Спрашивается: какая политическая партія поддерживала посадника и князей? Отвѣтитъ на этотъ вопросъ помогаетъ извѣстіе 1259 года: въ этомъ году въ Новгородъ пріѣхали татары, чтобы произвести перепись («число») и собрать дань. Князь (Александръ Невскій) содѣйствовалъ татарамъ въ производствѣ переписи; за это же стояли и «вятшіи», а «меньшіе» противились этому; побѣда осталась за княземъ, и «вятшими», дань была собрана, при чемъ при раскладкѣ «творяху бояре собѣ легко, а меньшимъ зло» ¹⁾. Очевидно, господствовала аристократическая партія, она поддерживала въ Новгородѣ Александра Невского и оставленнаго имъ тотчасъ затѣмъ его сына Дмитрія, а посадникъ Михаилъ Ѳедоровичъ принадлежалъ къ числу видныхъ вождей этой партіи. Но Дмитрій былъ еще малъ ²⁾, и когда умеръ Невскій, новгородцы призвали Ярослава Ярославича; это сдѣлано было тою же боярской партіей, какъ видно изъ того, во-первыхъ, что руководителемъ вѣчевого рѣшенія оставался тотъ же посадникъ Михаилъ («сдумавше съ посадникомъ Михаиломъ», сказано въ лѣтописи), и во-вторыхъ, изъ состава посольства, отправленнаго къ Ярославу, посланы были «сынъ посадничъ и лучшіи бояры» ³⁾. Что замѣна Дмитрія Ярославомъ на княжескомъ столѣ не имѣла политическаго значенія,—это видно также изъ совмѣстнаго похода обоихъ князей въ 1268 г. на нѣмцевъ ⁴⁾. Въ этомъ походѣ былъ убитъ посадникъ Михаилъ, «и даша посадничество Павшѣ Онаньиничю». По справедливой догадкѣ Прозоровскаго ⁵⁾, Павша былъ сынъ Онаньи, посадничавшаго въ 1243—55 гг. и извѣстнаго какъ умѣренный демократъ, пытавшійся примирить оба враждебныхъ теченія, которыя обнаружились въ народной партіи со временъ Твердислава. Мы имѣемъ, слѣдовательно, право предполагать и въ Павшѣ демократическія тенденціи стараго направленія, но значительно смягченныя, не особенно сильныя. Это подтверждается исторіей посадничества Павши: уже на слѣдующій годъ послѣ его избранія ставленикъ боярской партіи, великій князь Ярославъ, выказываетъ недовольство новгородцами, выражаетъ желаніе лишить волостей лицъ, которыхъ онъ, оче-

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6767 г.

²⁾ Новг. 1 лѣт., 6772 г.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6776 г.

⁵⁾ „Вѣстникъ археологій и исторіи“, вып. IX, стр. 109.

видно, считалъ за своихъ особенныхъ враговъ, — Жirosлава Давыдовича, Михаила Мишинича и Юрья Сбыславича ¹⁾). Такія притязанія, какъ намъ извѣстно, были прямо противоположны традиціямъ старыхъ демократовъ, строго проводившихъ принципъ «безъ вины князю мужа волости не лишити». Недоразумѣнія на этотъ разъ, правда, скоро были прекращены, — въ виду внѣшней опасности, войны съ нѣмцами, — компромиссомъ, выборомъ тысяцкаго «на княжи воли», но они возобновились, какъ только окончилась война, въ слѣдующемъ 1270 г., при чемъ дома «пріятелей» князя были разграблены, а самому князю были предъявлены такія обвиненія: «чему еси отъялъ Волховъ гогольными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ еси серебро ни Микифоръ Манускинич и на Романъ Болдыжевичи и на Вареоломѣи? а иное чему выводилъ отъ насъ иноземца, котория у насъ живутъ?» ²⁾). Всѣ эти обвиненія продиктованы, несомнѣнно, интересами простого народа и купцовъ: гагачьи или гоголиныя ловы — занятіе черныхъ людей; иноземцы жили въ Новгородѣ для торговли; народная партія всегда была противъ отдѣльныхъ насилій князей, особенно противъ денежныхъ поборовъ. Итакъ нѣтъ сомнѣнія: Павша былъ демократомъ. Его умѣренность обнаружилась какъ въ примиреніи съ Ярославомъ въ томъ же 1270 г., такъ и въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью этого князя; изъ лѣтописнаго разсказа 1272 и 1273 годовъ видно, что Павша былъ за Дмитрія Александровича, стараго кандидата аристократической партіи, почему, когда на столѣ утвердился Василій Ярославичъ костромской, то Павша былъ лишенъ посадничества въ пользу болѣе крайняго демократа стараго закала, Михаила Мишинича, но ненадолго: князь Василій, уведшій было сначала Павшу къ себѣ въ Кострому, вернулъ его, и онъ снова сдѣлался посадникомъ ³⁾).

Есть, наконецъ, основаніе думать, что именно въ то время, когда посадничалъ Павша, новгородская демократія сдѣлала еще одинъ шагъ по пути ограниченія княжеской власти: тогда именно, по договору съ нѣмцами 1269 — 70 г., князь потерялъ право суда надъ иностранцами, пребывавшими въ Новгородѣ, при чемъ судъ этотъ былъ переданъ коллегіи подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго ⁴⁾). Эта мѣра, какъ намъ извѣстно, также соотвѣтствуетъ традиціямъ старой новгородской демократической партіи.

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6777 г.

²⁾ Новг. 1, 3 и 4 лѣт., 6778 г.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6780 и 6781 гг.

⁴⁾ *Никитскій*, Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, стр. 21.

Слѣдовавшій за Павшей посадникъ, Михаилъ Мишиничъ, былъ также, какъ было уже сказано, демократомъ старой закваски, только болѣе крайнимъ, чѣмъ Павша. Это видно не только изъ того, что онъ былъ посадникомъ при Василии костромскомъ, но и изъ ожесточенныхъ нападковъ на него со стороны Ярослава Ярославича въ 1269 г., отмѣченныхъ нами въ свое время. Не надо также забывать, что отцомъ его былъ тотъ самый Миша, который былъ за одно съ Водовикомъ въ 1232 г. ¹⁾. Другимъ сыномъ Миши былъ посадникъ 1290—1293 г. Юрій Мишиничъ, такъ что и его нужно причислить къ той же партіи. Помимо родственныхъ связей Юрія за это говорятъ и другія данныя: волненія 1290 года и убійство Самойла Ратьшинича ²⁾, отецъ котораго, Ратьша, въ 1255 г. принадлежалъ къ боярской партіи ³⁾.

Остается такимъ образомъ опредѣлить, къ какой партіи принадлежали Сменъ Михайловъ и два брата, Семенъ и Андрей Климовичи? Разсматривая этотъ вопросъ, не трудно убѣдиться, что кризисъ, начавшійся въ первой половинѣ XIII вѣка въ демократической партіи, сталъ проявляться въ концѣ этого столѣтія и въ партіи аристократической. Политическая борьба XII и XIII вѣковъ совершенно лишила новгородскаго князя верховной власти, оставивъ въ его рукахъ лишь власть военачальника, сдѣлавъ его чисто исполнительнымъ органомъ новгородской администраціи, дѣйствовавшимъ притомъ непремѣнно совмѣстно съ посадникомъ, этимъ органомъ господствующей партіи. Верховная власть юридически перешла къ вѣчу, а фактически — къ боярскому совѣту. Дальше идти въ этомъ отношеніи было некуда, и передъ аристократической партіей возникалъ вопросъ: пригодны ли тѣ средства, какими она раньше пользовалась въ политической борьбѣ, для сохраненія достигнутаго фактическаго преобладанія? Опираясь на сильныхъ и склонныхъ къ самовластію князей, боярская партія, правда, не могла ограничить демократическія тенденціи вѣча, но приобрѣла фактическій перевѣсъ, добившись экономическаго господства. Слѣдовало ли и послѣ этого поддерживать такихъ князей? Большинство членовъ партіи не сознавало еще необходимости перемѣны въ этомъ отношеніи, но отдѣльные болѣе талантливыя лица опередили толпу: они поняли, что дальнѣйшая поддержка сильныхъ князей опасна, потому что великіе князья всея Руси, за которыми теперь все болѣе и болѣе укрѣпляется новгородскій столъ, — слишкомъ могущественны,

¹⁾ Новг. 1 лѣт., 6740 г.

²⁾ Новг. 1, 2, 3 и 4 лѣт., 6798 г.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6763 г.

проникнуты стремленіемъ подавить не только вѣче, но и боярскій совѣтъ; что и подавленіе вѣча, находящагося въ рукахъ бояръ-капиталистовъ и землевладѣльцевъ, невыгодно для аристократической партіи, что, наконецъ, среди сторонниковъ чернаго народа стали проявляться тенденціи въ сторону сильныхъ, могущественныхъ князей, какъ естественныхъ защитниковъ черни противъ знати. Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ наиболѣе талантливые представители аристократической партіи начали склоняться къ поддержкѣ болѣе слабыхъ и мягкихъ князей въ Новгородѣ.

Первый тому примѣръ представляетъ посадникъ Сменъ Михайловъ или Михайловичъ, сынъ Михаила Ѳеодоровича ¹⁾, посадничавшаго въ 1257—68 г., и извѣстнаго уже намъ въ качествѣ аристократа. Въ 1280 г. Сменъ выступилъ за князя Дмитрія Александровича, стараго кандидата аристократической партіи ²⁾; и въ 1282 г. онъ еще дѣйствовалъ противъ брата его Андрея ³⁾, но въ томъ же году Сменъ уже не пускаетъ въ городъ намѣстниковъ Дмитріевыхъ ⁴⁾, содѣйствуетъ въ 1284 г. вступленію на столъ Андрея ⁵⁾; наконецъ, въ 1286 г., когда утверждается Дмитрій Александровичъ, Смена лишають посадничества, а въ слѣдующемъ году даже разграбляютъ его дворъ ⁶⁾: провозвѣстникъ новой политики, какъ это всегда бываетъ, терпитъ неудачу. Но его идея не умерла, потому что имѣла корни въ дѣйствительности. Продолжателемъ его дѣла былъ Семенъ Климовичъ, какъ можно, по крайней мѣрѣ, предполагать. Этотъ посадникъ занималъ высшую должность въ новгородской выборной администраціи три раза: 1) въ 1299 — 1303 гг., т. е. въ княженіе Андрея Александровича, 2) съ 1311 года, неизвѣстно, по какой годъ, 3) въ 1315 году. Андрей Александровичъ былъ менѣе сильный князь, чѣмъ его братъ и соперникъ Дмитрій; поэтому первое посадничество Семена Климовича говоритъ за то, что онъ примкнулъ къ новому теченію въ аристократической партіи. Это же подтверждается и разборомъ данныхъ о двухъ другихъ случаяхъ исполненія имъ должности посадника: въ 1312 г., тотчасъ послѣ избранія Семена, великій князь Михайлъ Ярославичъ

¹⁾ *Прозоровскій*, въ „Вѣстникѣ археологіи и исторіи“, выпускъ IX, стр. 110.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6788 г.

³⁾ Тамъ же, 6790 г.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6792 г.

⁶⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6794 г., и Новг. 1, 2, 3 и 4 лѣт., 6795 г.

тверской, вообще много вредившій новгородцамъ ¹⁾ и бывший въ то время сильнѣйшимъ изъ русскихъ князей, «заратися» противъ Новгорода ²⁾. Въ 1315 г., какъ только Семень Климовичъ сдѣлался посадникомъ въ третій разъ, намѣстники Михайловы были выгнаны изъ Новгорода ³⁾. Что Семень принадлежалъ не къ демократамъ, а къ боярской партіи, это видно уже изъ того, что князь Михаилъ Ярославичъ признавалъ врагами своими бояръ: укротивъ новгородцевъ, князь «изъима бояры новгородскыи и посла на Тферъ въ тали» (заложники) ⁴⁾. При томъ, какъ увидимъ ниже, представитель демократической партіи, Михаилъ Павшиничъ, былъ за Михаила. Характерно также, что въ 1303 г. Семень Климовичъ былъ замѣненъ его братомъ Андреемъ, и при этомъ не пострадалъ, не былъ разоренъ и скоро построилъ церковь ⁵⁾, слѣдовательно былъ достаточно богатъ: все это указываетъ, что смѣна его братомъ была не торжествомъ противной партіи, не падающей побѣжденныхъ, а признакомъ временнаго преобладанія другого отѣнка въ аристократической партіи, именно стараго отѣнка, представителемъ котораго и надо считать Андрея Климовича.

III.

Представленный детальный разборъ лѣтописныхъ извѣстій о посадникахъ XIII вѣка доказываетъ, что въ это время партійная борьба въ Великомъ Новгородѣ осложнилась и измѣнилась подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ: старыя партіи начали подвергаться разложенію, стали измѣняться въ существенныхъ пунктахъ ихъ программы, намѣтились и новыя основныя силы, которымъ предстояло столкнуться въ будущемъ. Но если XIII вѣкъ приходится такимъ образомъ характеризовать какъ время начала разложенія старыхъ партій, то XIV столѣтіе слѣдуетъ признать періодомъ *завершенія* этого разложенія. Къ шестидесятымъ годамъ XIV вѣка послѣдніе обломки старой партійной группировки исчезаютъ окончательно, и новгородскія партіи этого времени нисколько не похожи уже на тѣ, борьбу которыхъ мы наблюдали въ XII столѣтіи.

Наши источники, къ сожалѣнію, не даютъ намъ возможности составить полный и точный списокъ степенныхъ посадниковъ

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6820 и 6824 гг.

²⁾ Тамъ же, 6820 г.

³⁾ Тамъ же, 6823 и 6824 гг.

⁴⁾ Тамъ же, 6823 г.

⁵⁾ Новг. 1 лѣт., 6811 г., и Новг. 1, 3 и 4 лѣт., 6813 г.

XIV вѣка. Здѣсь недостижима та степень полноты и точности, которая возможна для двухъ предшествующихъ столѣтій. Насколько позволяютъ источники, можно составить слѣдующій списокъ степенныхъ посадниковъ, смѣнявшихся за это время: 1) 1303—1309 Андрей Климовичъ; 2) 1309—1311 Михаилъ Павшиничъ; 3) съ 1311—неизвѣстно, до какого года—Семенъ Климовичъ; 4) 1315 Семенъ Климовичъ; 5) 1319 Михаилъ ¹⁾; 6) 1325—1328 Даниилъ ²⁾; 7) 1331 Вареломей Юрьевичъ ³⁾; 8) 1331—1332 Ѳеодоръ Ахмыль, по Прозоровскому—Даниловичъ ⁴⁾; 9) 1332 Захарія Михайловичъ ⁵⁾; 10) 1332 Матвѣй Коска; 11) 1335 Ѳеодоръ Даниловичъ, т. е. Ахмыль; 12) 1340—1345 Остафій Дворянинецъ: первый годъ его посадничества показанъ на основаніи лѣтописнаго извѣстія 1340 года, въ которомъ уже упоминается «Вареломей *посадничъ* сынъ Остафинъ» ⁶⁾; 13) 1345—1347 Матвѣй Вареломеевичъ; послѣдній годъ его посадничества показанъ предположительно, на томъ основаніи, что въ 1347 г. была смута, а въ слѣдующемъ году значится уже опять въ качествѣ степеннаго посадника Ѳеодоръ Даниловичъ ⁷⁾; 14) 1347—1350 Ѳеодоръ Даниловичъ (Ахмыль); 15) 1350—1354 Онцифоръ Лукинъ; 16) 1354 Александръ Дворянинцевъ братъ; 17) 1354—59 Андреянъ Захарьиничъ; первый годъ его посадничества поставленъ предположительно на основаніи соображеній о его политическихъ взглядахъ; 18) 1359 Сильвестръ Лентѣвичъ; 19) 1359 Никита Матвѣвичъ, сынъ Матвѣя Вареломеевича, по справедливому указанію Прозоровскаго ⁸⁾; 20) 1372 Иванъ ⁹⁾; 21) 1375 Юрій ¹⁰⁾; 22) 1384 Ѳеодоръ Тимофеевичъ; 23) 1388 Есипъ Захарьиничъ ¹¹⁾; 24) 1388 Василій Ивановичъ; 25) 1391

¹⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I, № 13.

²⁾ Тамъ же, № 15; годы ставимъ по указанію *Прозоровскаго*: „Вѣстникъ археологіи и исторіи“, вып. IX, стр. 111.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6839 г. Что онъ *Юрьевичъ*, — см. Новг. 1 и 4 лѣт., 6850 г.: онъ былъ внукомъ Миши.

⁴⁾ „Вѣстникъ археологіи и исторіи“, вып. IX, стр. 112.

⁵⁾ Онъ былъ, вѣроятно, сыномъ Михаила Павшинича; по *Прозоровскому* (стр. 112), онъ сынъ Михаила Федоровича.

⁶⁾ Новг. 1 лѣт., 6848 г.

⁷⁾ Новг. 1, 3 и 4 лѣт., 6855 и 6856 гг.

⁸⁾ „Вѣстникъ археологіи и исторіи“, вып. IX, стр. 113.

⁹⁾ Акты археографической экспедиціи, I, № 8.

¹⁰⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, I, № 17.

¹¹⁾ По *Прозоровскому* (стр. 115), онъ былъ сыномъ Захаріи Михайловича, съ чѣмъ едва-ли можно согласиться, потому что Есипа отъ Захаріи отдѣляютъ слишкомъ много времени: послѣдній посадничалъ еще въ 30-хъ годахъ.

Тимофѣй Юрьевичъ; 26) 1394 Есипъ Захарьиничъ; 27) 1394 Богданъ Обакуновичъ; 28) 1397 Тимофѣй Юрьевичъ.

Въ этому списку можно было бы прибавить еще нѣсколько именъ, но время исполненія посадничьей должности ихъ носителями остается неизвѣстнымъ: они упомянуты въ лѣтописяхъ уже въ качествѣ старыхъ посадниковъ, чего напрасно не допускаетъ Прозоровскій, дѣлающій при этомъ невѣроятное заключеніе, что въ Новгородѣ XIV вѣка бывало одновременно по нѣсколько степенныхъ посадниковъ ¹⁾.

Какъ ни значительны получившіеся въ нашемъ списокѣ пробѣлы, все-таки большая часть степенныхъ посадниковъ XIV вѣка намъ извѣстна, что для нашей цѣли вполне достаточно. Всего въ списокѣ значится 22 лица, изъ которыхъ нѣкоторые посадничали нѣсколько разъ. Политическая роль двухъ лицъ — Андрея и Семена Климовичей — намъ уже извѣстна. Для опредѣленія партійной группировки остальныхъ необходимы детальныя наблюденія. Посадничество Михаила Павшинича падаетъ на годы княженія въ Новгородѣ Михаила Тверского; слѣдовательно, Михаилъ Павшиничъ былъ сторонникомъ этого сильнаго и склоннаго къ самовластію князя. Это видно и изъ того, что тотчасъ послѣ смѣны посадника князь началъ войну съ Новгородомъ ²⁾, усмотрѣвъ, очевидно, въ этой смѣнѣ торжество враждебной себѣ партіи. Съ другой стороны, такъ какъ Михаилъ Павшиничъ былъ сыномъ Павши Онопинича, извѣстнаго уже намъ вождя народной партіи, то мы должны признать Михаила демократомъ, но, очевидно, въ лицѣ его возродилось замершее было теченіе въ демократической партіи, представителями котораго въ XIII вѣкѣ были отчасти Твердиславъ и всецѣло сынъ его Степанъ Твердиславичъ и внукъ Михаилъ Степаничъ; не даромъ Михаилъ Павшиничъ, какъ и названные демократическіе посадники XIII вѣка, поддерживалъ сильнаго князя. Партійное положеніе слѣдующихъ затѣмъ посадниковъ, — Михаила (котораго, кстати сказать, нельзя смѣшивать съ Михаиломъ Павшиничемъ, потому что послѣдній былъ убитъ въ 1315 году) ³⁾ и Ивана, — неизвѣстно, но такъ какъ они посадничали въ княженіе Ивана Калиты, то, вѣроятно все, были его сторонниками, можетъ быть также демократами новаго направленія. Отецъ Вареоломея Юрьевича посадникъ XIII вѣка Юрій Мишиничъ, былъ, какъ мы знаемъ, демократъ стараго закала: то же, слѣдовательно, можно предполагать

¹⁾ „Вѣстникъ археологій и исторій“, вып. IX, стр. 113.

²⁾ Новг. 1, 6819 г., и Новг. 1 и 4 лѣт., 6820 г.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6823 г.

и относительно самого Вареоломея, такъ что онъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Калиты. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Вареоломей, очевидно, не долго продержался въ посадничьей должности при Калитѣ: на его мѣстѣ уже въ слѣдующемъ году появляется Ѳеодоръ Ахмыль (Даниловичъ), посадничавшій послѣ того еще два раза и все время бывшій представителемъ аристократической партіи стараго закала, поддерживавшій сильныхъ князей. Его приверженность къ Ивану Калитѣ доказывается не только тѣмъ, что онъ былъ сынъ посадника 1325 — 1328 гг. Данила, бывшаго за Калиту, но и разрывомъ новгородцевъ съ великимъ княземъ, послѣдовавшимъ вслѣдъ за смѣной Ѳеодора Ахмыла ¹⁾. За то же говорить и новый выборъ Ѳеодора въ 1335 году тотчасъ послѣ заключенія мира съ Калитой ²⁾. Нѣтъ также сомнѣнія, что Ѳеодоръ Ахмыль былъ членомъ боярской, а не народной партіи: 1) «крамолници», лишившіе его посадничества въ 1332 году, возвели въ санъ посадника Захарію Михайловича ³⁾, демократа, какъ ниже увидимъ, слѣдовательно сами принадлежали къ демократической партіи; 2) въ 1337 и 1342 году «простая чадь» или «черные люди» поднимаютъ волненія противъ Ѳеодора ⁴⁾. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что Ѳеодоръ Даниловичъ былъ *послѣднимъ* въ исторіи Новгорода представителемъ стараго теченія въ боярской партіи, такъ что *кризисъ въ послѣдней половинѣ XIV вѣка закончился исчезновеніемъ старыхъ аристократовъ и побѣдой новаго направленія*: очевидно, политическая опытность боярскаго сословія, бывшаго фактическимъ руководителемъ новгородской государственной жизни, и бесспорное единство интересовъ большинства членовъ этого сословія помогли ускоренію этого кризиса, несмотря на то, что послѣдній начался позднѣе, чѣмъ переломъ въ народной партіи.

Изъ остальной массы посадниковъ къ числу демократовъ *старо*го направленія принадлежали: Матвѣй Коска, Остафій Дворянинецъ, Матвѣй Вареоломеевичъ, Онцифоръ Лукинъ, Александръ Дворянинцевъ братъ и Никита Матвѣевичъ. Политическое направленіе Матвѣя Коски и Онцифора Лукина ясно изъ разсказа о волненіяхъ въ Новгородѣ въ 1342 году: черные люди выступили тогда на защиту Онцифора Лукина противъ господствовавшей партіи, а Матвѣй Коска дѣйствовалъ за одно съ

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6840 г.

²⁾ Новг. 1 лѣт., 6843.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6840 г.

⁴⁾ Новг. 1 лѣт., 6845 г.; Новг. 1 и 4 лѣт., 6850 г.

Онцифоромъ ¹⁾); итакъ и Матвѣй и Онцифоръ были демократы; что они держались стараго теченія въ своей партіи,—это видно изъ войны съ Калитой въ посадничество Коски ²⁾ и изъ того, что Онцифоръ, будучи посадникомъ, стоялъ за утвержденіе въ Новгородѣ слабаго князя Константина суздальскаго и былъ противъ Ивана Ивановича московскаго ³⁾, такъ какъ самовластные тенденціи московскихъ Даниловичей успѣли уже опредѣлиться достаточно ясно. Что Остафій Дворянинецъ былъ демократъ стараго закала,—это доказывается слѣдующими наблюденіями: онъ былъ тысяцкимъ въ 1331 г. при посадникѣ Варео́ломеѣ Юрьевичѣ, извѣстномъ старомъ демократѣ ⁴⁾; 2) онъ всегда считался врагомъ московскихъ князей: въ 1327 году его домъ былъ разграбленъ во время мятежа, слѣдствіемъ котораго была посылка намѣстниковъ Иваномъ Калитой ⁵⁾; 3) въ 1340 году его сынъ дѣйствовалъ противъ Семена Гордаго ⁶⁾. Но если вѣрно, что Остафій былъ старымъ демократомъ, то къ той же партіи слѣдуетъ причислить и Матвѣя Варео́ломеевича, потому что смѣна перваго послѣднимъ не повела къ раздору, «не бысть лиха межю има» ⁷⁾. Впрочемъ отсюда не слѣдуетъ, что въ политическомъ отношеніи между Остафіемъ и Матвѣемъ не было никакой разницы: во-первыхъ, въ такомъ случаѣ не было бы и замѣны одного другимъ; а во-вторыхъ, въ 1340 году обнаруживается любопытное явленіе, что Матвѣй предводительствуетъ войскомъ въ борьбѣ противъ Семена Гордаго, а масса чернаго народа противится этой борьбѣ, желаетъ примиренія съ великимъ княземъ ⁸⁾. Очевидно, неумолимая дѣйствительность, практическіе интересы народа влекли его въ сторону сильнаго князя, оправдывали, слѣдовательно, новое теченіе въ демократической партіи. Подъ вліяніемъ этого среди старыхъ демократовъ возникли несогласія: одни, какъ Остафій Дворянинецъ, держались твердо старины и отрѣзывали себя отъ аристократовъ и новыхъ демократовъ; другіе, подобно Матвѣю Варео́ломеевичу, поняли, какъ мало различія осталось между ними и новымъ направленіемъ въ аристократической партіи, и стали сближаться съ приверженцами этого

¹⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6850 г.

²⁾ Тамъ же, 6841 г.

³⁾ Новг. 1 лѣт., 6861 г.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6839 г.

⁵⁾ Тамъ же, 6835 г.

⁶⁾ Новг. 1 лѣт. 6848 г.

⁷⁾ Тамъ же, 6853 г.

⁸⁾ Тамъ же, 6848 г.

направленія. Партийное положеніе Александра опредѣляется его родственными связями: онъ былъ братъ Остафія Дворянина. Что же касается до Никиты Матвѣевича, то чтобы понять причины появленія его на посадничьей степени, необходимо остановиться на политическихъ событіяхъ 1359 года. Мы уже знаемъ, что къ этому времени въ аристократической партіи исчезли всякія разногласія: вся она прониклась новымъ взглядомъ на необходимость въ интересахъ боярства поддерживать на новгородскомъ столѣ слабыхъ князей, неопасныхъ для всесильнаго на дѣлѣ правительственнаго совѣта, состоявшаго уже исключительно изъ бояръ¹⁾. Извѣстно также, что Торговая сторона была центромъ, гдѣ группировалось основное ядро аристократической партіи. Въ 1359 году одинъ изъ концовъ Торговой стороны—Славянскій поднялъ шумное возстаніе на посадника Андреяна Захарьинича, который, какъ и отецъ его Захарій Михайловичъ, былъ, очевидно, новымъ демократомъ. Славянскому концу удалось смѣнить Андреяна и поставить въ посадники своего кандидата, Сильвестра Лентеевича. Но тутъ поднялась Софійская сторона, недовольная столь очевиднымъ торжествомъ аристократовъ, и началась ожесточенная борьба, завершившаяся компромиссомъ («такъ смирипаса», говоритъ лѣтопись): избраніемъ въ посадники Никиты Матвѣевича²⁾. Почему это избраніе должно быть признано компромиссомъ? Потому, очевидно, что Никита не былъ ни новымъ демократомъ, какъ Андреянъ, ни новымъ аристократомъ, какъ Сильвестръ; а такъ какъ старыхъ аристократовъ уже не оставалось, то, значить, Никита былъ эпигономъ старой демократической партіи. Это подтверждается еще и тѣмъ, что, какъ доказалъ Прозоровскій³⁾, Никита былъ сынъ Матвѣя Вареоломеевича, а не Матвѣя Коски, а Матвѣй Вареоломеевичъ былъ, какъ мы только что видѣли, старымъ демократомъ, склоннымъ при томъ къ сближенію съ окончательно сложившейся въ новомъ видѣ аристократической партіей. Вотъ почему Никита и явился такимъ удобнымъ кандидатомъ при компромиссѣ борющихся сторонъ: не порвавъ связей съ демократами, онъ былъ очень близокъ и къ аристократамъ и, повидимому, даже ближе къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ: не даромъ вскорѣ по его избраніи въ посадники новгородцы хлопочутъ за Дмитрія Константиновича суздальскаго и дѣйствуютъ противъ Дмитрія Донскаго⁴⁾.

¹⁾ *Ключевскій*, Боярская дума, изд. 1-е, стр. 259.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6867 г.

³⁾ „Вѣстникъ археологии и исторіи“, вып. IX, стр. 113.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6868 г.

Мы должны, наконецъ, замѣтить, что Никита Матвѣевичъ былъ послѣднимъ представителемъ старыхъ демократовъ, слившихся, очевидно, со вновь сформировавшейся аристократической партіей въ одно цѣлое. Такимъ образомъ къ началу шестидесятыхъ годовъ XIV вѣка новгородскія партіи окончательно сложились въ новомъ направленіи, кризисъ и расколъ въ нихъ кончились. Такъ какъ юридическое всемогущество вѣча оказалось фикціей при экономическомъ господствѣ боярства, то центромъ тяжести политической борьбы съ этого времени становится окончательно вопросъ о власти князя: демократы стремятся всѣми силами поддержать на новгородскомъ столѣ сильныхъ московскихъ князей племени Калиты и готовы даже идти на уступки ихъ самовластію; аристократы стоятъ за дальнѣйшее расширеніе новгородской самостоятельности путемъ увеличенія правъ вѣча и дарованія самостоятельности архіепископу новгородскому¹⁾ и посредствомъ узурпаціи верховной власти правительственнымъ совѣтомъ: въ своихъ стремленіяхъ аристократическая партія все болѣе склоняется къ мысли лишить московскихъ великихъ князей новгородскаго стола.

Политическая борьба въ Валикомъ Новгородѣ послѣднихъ десятилѣтій XIV вѣка характеризуется постепенными успѣхами аристократической партіи. Къ ней принадлежали изъ числа извѣстныхъ намъ степенныхъ посадниковъ этого времени Ѳеодоръ Тимофѣевичъ, Есипъ Захарьиничъ и Тимофѣй Юрьевичъ, причемъ двое послѣднихъ посадничали по два раза. Посадники Иванъ, Юрій, Василій Ивановичъ и Богданъ Обакуновичъ принадлежали къ демократической партіи. Характерно при этомъ, что въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, т. е. ближе къ концу столѣтія, преобладають аристократическіе посадники. Остается только оправдать фактами выводъ о партійномъ положеніи названныхъ посадниковъ, чтобы закончить рѣчь о XIV вѣкѣ.

Аристократическія симпатіи Ѳедора Тимофѣевича замѣтны прежде всего по той видной роли, какую игралъ въ его посадничество Славянскій конецъ: когда большая часть города поднялась на князя Патрикія Наримунтовича, державшаго на кормленіи Орѣшекъ и Корѣлу, то Славянскій конецъ успѣлъ отстоять этого князя и добился того, что ему дали Русу и Ладугу²⁾,

---

¹⁾ См. *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Вел. Новгородѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1879 г., июнь, стр. 206—217.

²⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6892 г.

пригороды лучшіе, чѣмъ Орѣховъ и Корѣла. Далѣе: во время исполненія должности посадникомъ Ѳеодоромъ Тимоѣевичемъ аристократическая партія сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ по пути къ достиженію полной самостоятельности: «чѣловаша новгородци крестъ на томъ: не зватися къ митрополиту на Москву на судъ, но судити владыкѣ Алексѣю по Манакунуну»¹⁾. Это стремленіе добиться автокефальности новгородской церкви повело, какъ извѣстно, къ острому столкновенію новгородскаго владыки съ митрополитомъ и къ продолжительной борьбѣ Новгорода съ московскими великими князьями²⁾. Наконецъ, при томъ же посадникѣ Новгородъ началъ войну съ Дмитріемъ Донскимъ³⁾, что также подтверждаетъ антимосковскія, аристократическія тенденціи главы новгородской администраціи. На Есипа Захарьинича въ 1388 году поднимается демократическая Софійская сторона, за него стоитъ аристократическая Торговая⁴⁾. Можно догадываться, что ея враждебное отношеніе къ Дмитрію Донскому и вызвало народный бунтъ: не безъ причины и въ 1394 году Есипъ былъ смѣненъ тотчасъ послѣ заключенія мира съ великимъ княземъ Василиемъ Дмитріевичемъ⁵⁾. Тимоѣей Юрьевичъ былъ, надо думать, сыномъ Юрія Тимоѣевича и унаслѣдовалъ отъ отца его аристократическое направленіе. Послѣднее подкрѣпляется рядомъ фактовъ: 1) въ 1392 году въ его посадничество новгородцы воевали съ великимъ княземъ⁶⁾; 2) въ слѣдующемъ году Тимоѣей стоялъ во главѣ войска, отправленнаго противъ великаго князя Василя⁷⁾; 3) во второе его посадничество—въ 1397 году—война съ Василиемъ Дмитріевичемъ московскимъ возобновилась съ новою силой⁸⁾; 4) въ то же время вернулся въ Новгородъ Патрикій⁹⁾, которому, какъ мы только что видѣли, оказывалъ поддержку аристократическій Славянскій конецъ и противъ котораго былъ черный народъ: возвращеніе этого князя было возможно, очевидно, лишь при господствѣ аристократической партіи, все болѣе и болѣе склонявшейся въ пользу литовскихъ князей. Переходимъ къ демо-

¹⁾ Новг. 4 лѣт., 6892 г.

²⁾ *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Вел. Новгородѣ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1879 г., июнь, стр. 206—217.

³⁾ Новг. 1, 2, 3 и 4 лѣт., 6894 г.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6896 г.

⁵⁾ Новг. 5 лѣт., 6902 г.

⁶⁾ Новг. 4 лѣт., 6900 г.

⁷⁾ Тамъ же, 6901 г.

⁸⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6905 г.

⁹⁾ Тамъ же.

кратическимъ посадникамъ. Что къ ихъ числу принадлежалъ Иванъ, посадничавшій въ 1372 году, это видно изъ того, что новгородцы въ это время были въ мирѣ съ Иваномъ Ивановичемъ московскимъ и вели войну съ Михаиломъ тверскимъ ¹⁾, а намъ уже извѣстны враждебныя отношенія боярской партіи къ московскимъ князьямъ, особенно сильно проявившіяся, напри-
мѣръ, въ дѣйствіяхъ «большихъ бояръ» въ 1386 году ²⁾. На такихъ же основаніяхъ ³⁾ слѣдуетъ признать демократомъ и Юрія, посадника 1375 года; этого же Юрія мы встрѣчаемъ въ 1380 году во главѣ отправленнаго къ Дмитрію Донскому посольства, которое было принято великимъ княземъ «въ любовь» ⁴⁾ — очевидно по той причинѣ, что Донской видѣлъ въ Юріи своего сторонника. Въ посадничество Василия Ивановича мы также наблюдаемъ мирныя отношенія Новгорода къ великому князю ⁵⁾. Точно также, наконецъ, и Богданъ Обакуновичъ сдѣлался посадникомъ, какъ только заключенъ былъ миръ съ Василиемъ Дмитріевичемъ московскимъ ⁶⁾; сохранилось также извѣстіе, что Богданъ «съ своею братією и съ уличаны поставиша церковь камену святаго Симеона на Чюдинцевѣ улицѣ» ⁷⁾, которая находилась на демократической Софійской сторонѣ ⁸⁾, такъ что и этимъ извѣстіемъ подтверждается заключеніе о принадлежности Богдана Обакуновича къ народной партіи.

IV.

Въ предшествующемъ изложеніи намъ неоднократно приходилось отмѣчать, что, несмотря на то, что демократическая партія выдвинула изъ своей среды, можетъ быть, наиболѣе талантливыхъ политическихъ дѣятелей Великаго Новгорода, и что она вынесла на своихъ плечахъ всю первоначальную тяжесть борьбы за новгородскія вольности, — результатами этой борьбы и дѣятельности въ большинствѣ случаевъ пользовалась боярская партія, большею частью достигавшая перевѣса. Такъ было уже въ

¹⁾ Новг. 1, 3 и 4 лѣт., 6880 г.

²⁾ Новг. 4 лѣт., 6894 г.

³⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6883 г.

⁴⁾ Тамъ же, 6888 г.

⁵⁾ Тамъ же, 6896 г.

⁶⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6901 г.; Новг. 3 лѣт., 6902 г.

⁷⁾ Новг. 1 и 2 лѣт., 6900 г.; Новг. 3 лѣт., 6903 г.

⁸⁾ Именно въ Загородскомъ концѣ. *Красовъ*, О мѣстоположеніи В. Новгорода, стр. 123.

ХІІ, ХІІІ и ХІV вѣкахъ. Къ ХV столѣтію эта общая характеристика относительной силы борющихся сторонъ подходитъ въ гораздо еще большей степени: въ это время аристократическая партія окончательно восторжествовала и подавила противниковъ. Такое политическое положеніе совершенно явственно выступаетъ изъ цѣлаго ряда важныхъ наблюденій надъ источниками.

Прежде всего нѣсколько лѣтописныхъ свидѣтельствъ прямо указываютъ на полную невозможность для демократической партіи собственными силами бороться съ партіей бояръ. Безпомощныя жалобы и готовность отказаться даже отъ новгородской свободы въ пользу московскаго великаго князя — вотъ что остается народной партіи. «А въ то время», жалобно причитаетъ одна изъ новгородскихъ лѣтописей подъ 1446 годомъ, «не бѣ въ Новгородѣ правдѣ и праваго суда, и возсташа ябедници, изнаридаша чety и обѣты и цѣлованія на неправду, и начаша грабити по селомъ и по волостемъ и по городу, и бѣяхомъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости извѣжа велика и боры частыя, кричъ и рыданіе и вопль и клятва всеми людьми на старѣйшины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права» ¹⁾. Подъ слѣдующимъ годомъ опять встрѣчаемъ сѣтованія на «безправдивыхъ бояръ» и ихъ злоупотребленія ²⁾. Въ концѣ концовъ «новгородцы люди житіи и молодшии сами его (Ивана ІІІ) призвали на тѣя управы, что на нихъ насилыя держать, какъ посадники и великіе бояре, никому ихъ судити не мочи, тѣи насилники творили, то ихъ такоже иметъ князь великой судомъ по ихъ насилству по мздѣ судити» ³⁾.

Въ приведенныхъ свидѣтельствахъ слышенъ голосъ отчаянія и полного разочарованія въ благѣ для народа отъ тѣхъ политическихъ учреждений, которыя составляли особенность Новгорода. Отчаяніе и протестація народной партіи доходятъ до такой степени, что о прежнихъ бурныхъ народныхъ возстаніяхъ, ниспровергавшихъ на время могущество бояръ, въ ХV вѣкѣ нѣтъ и помина. Правда, и это время не особенно бѣдно волненіями въ Новгородѣ, но это — большею частью волненія особаго рода: это или торжество побѣдителей, безъ удержа и ограниченій примѣнявшихъ на практикѣ принципъ «горе побѣжденнымъ», или внутреннія, случайныя несогласія по частнымъ поводамъ, не колебавшія установившагося соотношенія партій. Примѣромъ

¹⁾ Новг. 4 лѣт., 6954 г.

²⁾ Тамъ же, 6955 г.

³⁾ Псковс. 1 лѣт., 6984; ср. Никоновс. лѣт., VI, стр. 17, 73.

перваго могутъ служить волненія 1418 года, образцомъ второго—возстаніе 1421 г. Въ 1418 г. аристократическая Торговая сторона, собравшись на вѣче на Ярославль дворѣ, рѣшила сокрушить тѣхъ изъ бояръ Софійской стороны, которые оставались еще вождями демократовъ. Вѣче направилось бурнымъ потокомъ на Софійскую сторону и разграбило улипы Кузьмодемьянскую, Чудинцеву, Яневу, Люгощу, Прусскую¹⁾. Архіепископъ утишилъ волненіе, но уже тогда, когда демократы были окончательно раздавлены. Въ 1421 г. «возсташа два конца, Неревскій и Славенскій, за Клементіа Артемьина про землю на посадника Андреа Ивановича и разграбиша дворъ его въ dospѣсѣхъ и иныхъ бояръ разграбиша двory напрасно; и убиша Андрѣевыхъ посадниковыхъ 20 человекъ до смерти, а неревлянъ 2 человекъ и смиришася»²⁾. Возстаніе было направлено, слѣдовательно, противъ бояръ и посадника боярской партіи. Но кто же возсталъ? Славянский конецъ былъ аристократическимъ, а Неревскій все болѣе и болѣе дѣлался таковымъ, потому что въ немъ жили не только, какъ мы видѣли, ремесленники и богатое купечество, но въ XV вѣкѣ и аристократическіе бояре: здѣсь именно на Великой улицѣ находился «чюдный дворъ» Марены посадницы, этой вдохновительницы аристократическихъ противниковъ Ивана III³⁾. И такъ на бояръ аристократовъ поднялись свои же люди. Поэтому и возстаніе имѣло частный поводъ и очень скоро кончилось примиреніемъ.

Третьей характерной чертой политической исторіи XV вѣка служить отсутствіе въ лѣтописяхъ прямыхъ указаній на насильственную смѣну посадниковъ, на то, что новгородцы прогнали одного и замѣнили его другимъ, тогда какъ эти указанія совершенно обычны въ предшествующія столѣтія. Это молчаніе лѣтописей о насильственныхъ перемѣнахъ посадниковъ нельзя признать случайностью, особенно если сопоставить его съ извѣстнымъ свидѣтельствомъ Ляннуа, что въ XV вѣкѣ посадники въ Новгородѣ мѣнялись ежегодно. Допустимъ даже, вслѣдъ за другими изслѣдователями, что Ляннуа ошибался, допустилъ преувеличеніе,—мы все-таки должны признать, что посадники тогда исполняли свою должность недолго, уступая ее другимъ: это видно по значительному числу старыхъ посадниковъ, постоянно упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ. Итакъ посадники мѣнялись часто, но не насильственно. Что же это значитъ? Это значитъ, что за смѣ-

¹⁾ Новг. 1, 2, 3 и 4 лѣт., 6926 г.

²⁾ Новг. 2 и 4 лѣт., 6929 г.

³⁾ Новг. 4 лѣт., 6985 г. Великая ул. находилась въ Неревскомъ концѣ. Красовъ, О мѣстоположеніи древняго Новгорода, стр. 38.

ной посадниковъ въ XV вѣкѣ не скрывается партійная борьба, что всѣ посадники или, по крайней мѣрѣ, подавляющее большинство ихъ принадлежало въ это время къ одной господствующей аристократической партіи, наиболѣе выдающіеся члены которой и занимали эту важную, выгодную и почетную должность въ извѣстной очереди. И дѣйствительно въ тѣхъ случаяхъ, когда можно разглядѣть по источникамъ политическое направленіе степенныхъ посадниковъ XV вѣка, — они являются всегда аристократами. Это, какъ мы видѣли, можно сказать о посадникѣ 1415 года Андреѣ Ивановичѣ ¹⁾. Въ 1418 г. упоминается посадникъ (степенный) Василій Есиповичъ ²⁾. Въ этомъ году, какъ намъ извѣстно, аристократическая Торговая сторона поднялась на Софійскую, и изъ лѣтописнаго разсказа видно, что Василій Есиповичъ былъ заодно съ Торговой стороной на ея вѣчѣ на Ярославль дворѣ, потому что туда («на Ярославль дворъ») отправилъ съ примирительными цѣлями архимандрита и протодьякона владыка, «да подадутъ благословеніе степенному посаднику Василию Есиповичу и тысяцкому Кузмѣ Терентьевичу, да идутъ въ дома свои» ³⁾. Враждебныя отношенія новгородцевъ къ великому князю въ посадничество Василя ⁴⁾ также указываютъ на аристократическія тенденціи посадника. Посадникъ Тимошей Васильевичъ въ 1421 г. былъ, какъ и вообще Новгородъ въ это время, въ хорошихъ отношеніяхъ съ братомъ великаго князя, Константиномъ Дмитріевичемъ ⁵⁾, котораго еще за два года передъ тѣмъ новгородцы «пріяша въ честь», несмотря на его ссору съ великимъ княземъ ⁶⁾ или можетъ быть именно вслѣдствіе этой ссоры. Значитъ, Тимошей былъ противникомъ великокняжеской власти, т. е. аристократомъ. То же самое надо сказать о посадникѣ 1434 г., Самсонѣ Ивановичѣ ⁷⁾, такъ какъ въ это время новгородцы находились въ войнѣ съ великимъ княземъ Василемъ Васильевичемъ ⁸⁾. Извѣстно, наконецъ, какую ожесточенную борьбу вели новгородцы съ Иваномъ III въ 1471 и 1476—1478 годахъ. И степенные посадники этихъ лѣтъ Ти-

¹⁾ См. Новг. 1 и 4 лѣт., 6929 г.

²⁾ Новг. 1, 2, 3 и 4 лѣт., 6926 г.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6925, 6927 и 6928 гг.

⁵⁾ Тамъ же, 6929 г.

⁶⁾ Тамъ же, 6927 г.

⁷⁾ Псковская 1 лѣт., 6942 г.

⁸⁾ Новг. 1 и 4 лѣт., 6942 г.

моей Остафьевичъ ¹⁾. Василий Онаньинъ ²⁾, Оома Андреевичъ ³⁾, несомнѣнно, принадлежали къ аристократической партіи: первый изъ нихъ былъ уведень въ плѣнъ Иваномъ III ⁴⁾, второй былъ схвачень и сосланъ по приказанію великаго князя ⁵⁾, а потомъ былъ убитъ новгородцами за переходъ на сторону послѣдняго ⁶⁾; наконецъ, Оома Андреевичъ былъ послѣднимъ представителемъ новгородской выборной администраціи, оказывавшимъ сопротивленіе великокняжеской власти. Многочисленныя указанія нашихъ источниковъ на старыхъ посадниковъ, пострадавшихъ въ 70-хъ годахъ отъ Ивана III ⁷⁾, служатъ также доказательствомъ того, что въ XV вѣкѣ громадное большинство посадниковъ принадлежали къ боярской партіи, противодѣйствовавшей московскому великому князю и склонявшейся къ мысли о подчиненіи собирателямъ западной Руси, литовскимъ князьямъ.

Наконецъ, четвертымъ признакомъ торжества аристократической партіи въ Великомъ Новгородѣ XV вѣка служить несомнѣнно господствующее положеніе правительственнаго боярскаго совѣта въ новгородскомъ управленіи этого времени. Исслѣдователями въ достаточной степени выяснено, что именно въ XV вѣкѣ совѣтъ сдѣлался исключительно боярскимъ по составу, такъ какъ изъ него исчезли купеческіе старосты; иначе нельзя объяснить, какъ эти старосты могли жаловаться въ 1412 г. на то, что совѣтъ скрылъ отъ нихъ претензіи нѣмецкихъ купцовъ. Кромѣ того и вѣдомство правительственнаго совѣта въ XV вѣкѣ чрезвычайно расширилось: совѣтъ самовластно распоряжается посадникомъ, даетъ важныя спеціальныя порученія своимъ членамъ, дѣлаетъ предписанія органамъ кончанскаго управленія, даже совсѣмъ безъ вѣча рѣшаетъ важнѣйшія государственныя дѣла ⁸⁾.

Но господство боярской олигархіи не могло быть прочнымъ,

---

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. I, № 91, 93.

²⁾ Псковс. 1 лѣт., 6984 г.

³⁾ Новг. 2 лѣт., 6984 г.; Никоновс. лѣт., VI, стр. 82; Псковс. 1 лѣт., 6984 г.

⁴⁾ Пск. 1 лѣт., 6984 г.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Псков. 1 лѣт., 6985 г.

⁷⁾ Псков. 1 лѣт., 6984 г.; Новг. 4 лѣт., 6984 г.; Никоновс. лѣт., VI, стр. 28, 30, 103, 104.

⁸⁾ *Никитскій*, Очерки изъ жизни В. Новгорода, въ *Журналъ Министертства Народнаго Просвѣщенія* за 1869 г., октябрь, стр. 305—309; *Ключевскій*, Боярская дума, изд. 1, стр. 253—267.

потому что оно слишком сильно противорѣчило интересамъ массы населенія и вызывало въ послѣдней полное равнодушіе къ новгородскимъ политическимъ волностямъ. Черный народъ, страдая, несмотря на эти вольности, отъ боярской неправды, искалъ защиты отъ «старѣйшинъ» у великаго князя и готовъ былъ поступиться вѣчевымъ строемъ въ пользу великокняжеской власти. Новгородское купечество, также чувствуя на себѣ тяжелыя послѣдствія торжества олигархій, сознавало въ то же время тѣсную экономическую связь съ московскимъ центромъ. Такъ политическое паденіе Новгорода было подготовлено ходомъ его внутренней исторіи, внѣшнимъ выраженіемъ котораго является борьба новгородскихъ политическихъ партій, которую мы старались изобразить.

Наша схема политической борьбы и партійной группировки, какъ, несомнѣнно, замѣтилъ внимательный читатель, кореннымъ образомъ противорѣчитъ построенію, предложенному Пассекомъ въ названной въ началѣ нашей работы его статьѣ. Пассекъ полагаетъ, что Торговая сторона Великаго Новгорода преисполнена была демократическими стремленіями, Софійская же была населена по преимуществу аристократами. Поэтому многихъ дѣятелей, которыхъ мы считаемъ вождями народной партіи, онъ признаетъ аристократами. Мы старались доказать, что указанный исходный пунктъ построенія Пассека — о партійномъ значеніи сторонъ Великаго Новгорода — невѣренъ, что наоборотъ Торговую сторону надо считать аристократической, а Софійскую демократической. Вотъ первый важный пунктъ разногласія между пишущимъ эти строки и Пассекомъ. Второй не менѣе серьезный: конечнымъ пунктомъ борьбы Пассекъ признаетъ побѣду демократовъ; мы старались выяснить, что демократы въ концѣ концовъ были подавлены боярскою партіей. Во-третьихъ, Пассекъ считаетъ заключительнымъ моментомъ внутренней политической борьбы въ Великомъ Новгородѣ половину XIII вѣка: послѣ этого хронологическаго термина борьба, по его мнѣнію, теряетъ свою остроту; мы видѣли, что ожесточенныя распри, сопровождавшіяся перевѣсомъ то одной, то другой партіи, продолжались не только въ XIII, но и въ XIV вѣкѣ, и только XV столѣтіе было временемъ окончательной побѣды одной стороны. Наконецъ, въ-четвертыхъ, у Пассека каждая партія является все время сама себѣ равной, не мѣняетъ программы, — мы старались прослѣдить въ этомъ отношеніи извѣстныя перемѣны, нѣкоторый процессъ развитія, совершавшійся подъ вліяніемъ условій хозяйственнаго, соціального и политическаго быта Великаго Новгорода за четыре столѣтія, — отъ XII до XV. Охотно признаемъ, что окончательное

рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ—дѣло будущаго, что предложенные здѣсь отвѣты на нихъ подлежатъ критикѣ не въ меньшей степени, чѣмъ взгляды Пассека, но нельзя отрицать важности поставленной нами себѣ вслѣдъ за Пассекомъ задачи, и потому нужно надѣяться, что найдутся изслѣдователи, которые возьмутъ на себя трудъ ея окончательнаго рѣшенія.

Очерки юридического быта по Русской Правдѣ.

Очеркъ первый.

Происхожденіе и составъ Русской Правды.

I.

О происхожденіи Русской Правды въ литературѣ существуетъ три мнѣнія: одни признають Правду официальнымъ законодательнымъ актомъ, другіе считаютъ ее частнымъ юридическимъ сборникомъ, третьи—позднѣйшей поддѣлкой. Первое мнѣніе старѣе двухъ другихъ и ведетъ свое происхожденіе еще отъ Татищева и Шлёцера. Его держались также Болтинъ, Карамзинъ, П. Строевъ, Эверсъ, Рейцъ, Погодинъ, Тобинъ, Неволинъ, Ланге и пр. Доказательства, на которыя опираются послѣдователи этого мнѣнія, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) имена Ярослава, его сыновей и Владимира Мономаха находятся во всѣхъ спискахъ, 2) въ новгородскихъ лѣтописяхъ подъ 1016 г. сказано, что Ярославъ, добывъ Кіевъ, наградилъ новгородцевъ и далъ имъ правду и уставъ, сказавъ: «по сей грамотѣ ходите и держите, якоже писахъ вамъ»; къ этимъ старымъ доказательствамъ¹⁾ болѣе поздній изслѣдователь, Ланге, присоединилъ еще слѣдующія: 3) порядокъ статей въ разныхъ спискахъ Русской Правды приблизительно одинаковъ, 4) въ Правдѣ есть и внѣшнее единство: всѣ ея постановленія — законы, основанные на юридическихъ обычаяхъ и отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеніяхъ, 5) все русское право развивалось рядомъ уставовъ и грамотъ: уставомъ долженъ быть, слѣдовательно, и исходный пунктъ его, какимъ

¹⁾ Они приводятся почти всѣми послѣдователями перваго мнѣнія о происхожденіи Русской Правды. См., напр., *Погодина* „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи“, т. III, М., 1846, стр. 369, и т. I, М., 1846, стр. 233.

является Русская Правда¹⁾; наконецъ, Грыцько указываетъ, 6) что при Ярославѣ была нужда въ законодательствѣ, такъ какъ происходило столкновение языческихъ и христіанскихъ понятій²⁾. Ланге кромѣ того старался еще опровергнуть мнѣніе о Русской Правдѣ, какъ частномъ юридическомъ сборникѣ, указаніями на то, что частные сборники никогда не появляются на зарѣ исторіи права, и что они встрѣчаются лишь тогда, когда имъ предшествуетъ многосложное, запутанное и развитое право³⁾; Бѣляевъ пытался отстоять примѣнимость текста новгородскихъ лѣтописей о дарованіи Ярославомъ правды и устава къ Русской Правдѣ замѣчаніемъ, что краткая Правда—льготная грамота: въ ней «нѣтъ и поминѹ о пошлинахъ въ пользу князя»,—значить, ею новгородцы отъ этихъ пошлинъ были освобождены⁴⁾.

Вотъ аргументація въ пользу взгляда на Русскую Правду, какъ памятникъ officialнаго законодательства. Зародышъ взгляда на Правду, какъ частный юридическій сборникъ, находится еще въ мнѣніи Эверса о такъ называемой Правдѣ XIII столѣтія: неодинаковый составъ и различный порядокъ статей въ разныхъ спискахъ пространнаго текста внушили Эверсу мысль, что этотъ текстъ—«трудъ частныхъ людей, собиравшихъ отдѣльно выходившія по временамъ постановленія»⁵⁾. Со временъ Калачева⁶⁾, это наблюденіе стало однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ въ пользу новаго взгляда⁷⁾. Ниже, при изученіи взаимныхъ отношеній разныхъ редакцій Русской Правды, мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что по вопросу о причинахъ различія въ по-

---

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, Спб. 1860, стр. 20—22.

²⁾ Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“, изд. Калачева, книга 5, Спб., 1863, стр. 122—123.

³⁾ Изслѣдованіе оиъ уголовномъ правѣ Русской Правды, Спб., 1860, стр. 4.

⁴⁾ Бѣляевъ, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, изданіе 2-е, Москва, 1888, стр. 178.

⁵⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, переводъ съ нѣмецкаго И. Платонова, Спб., 1835, стр. 368.

⁶⁾ Калачевъ доказываетъ неофициальное происхожденіе Русской Правды въ I отдѣленіи „Предварительныхъ юридическихъ свѣдѣній“, при разборѣ взглядовъ Погодина.

⁷⁾ См. еще у Попова: Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, Москва, 1841, стр. 25. Послѣ Калачова у Дювернуа: Источники права и судъ въ древней Россіи, Москва, 1869, стр. 85—90 и 151.

рядѣ статей между отдѣльными редакціями правы именно сборники неофициальнаго происхожденія Правды.

Другимъ важнымъ шагомъ впередъ была критика второго доказательства, выставленнаго изслѣдователями, видѣвшими въ Правдѣ княжеское законодательство: Розенкампфъ первый указалъ, что слова «по сей грамотѣ ходите и держите, якоже писахъ вамъ» и самый краткій текстъ нашего источника находятся въ такихъ лѣтописныхъ сборникахъ, которые имѣютъ, очевидно, одинъ общій источникъ, почему не слѣдуетъ слѣпо довѣрять этому извѣстію; съ другой стороны, и «по содержанію грамота, данная Ярославомъ для утвержденія новгородскаго управленія, не можетъ походить на Русскую Правду»¹⁾; дальнѣйшее развитіе послѣдней мысли встрѣчаемъ у Попова, но приемы его критики нѣсколько иные: онъ исходитъ изъ положенія, что такъ называемыя Ярославовы грамоты заключали въ себѣ утвержденіе «неприкосновенности народныхъ правъ въ отношеніи къ князю»; о содержаніи этихъ Ярославовыхъ грамотъ, по мнѣнію Попова, лучше всего можно судить, выдѣливъ общую постоянную основу изъ позднѣйшихъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями, а въ нихъ постоянными условіями являются какъ разъ такіа, которыхъ нѣтъ въ Русской Правдѣ: ограниченія княжеской власти и опредѣленія даровъ и доходовъ князя и его мужей; ясно, что «Ярославовы грамоты, данныя новгородцамъ, и Русская Правда—два памятника совершенно различные»²⁾; эти соображенія Попова о приблизительномъ содержаніи Ярославовыхъ грамотъ можно считать лучшимъ возраженіемъ на приведенное выше мнѣніе Бѣляева, что Правда — льготная грамота: будь это такъ, ея содержаніе было бы иное. Наконецъ, Калачевъ указываетъ, что разбираемому лѣтописному извѣстію нельзя довѣрять по слѣдующимъ причинамъ: 1) и пространный текстъ Правды въ «Софійскомъ Временникѣ» называется грамотой Ярослава; 2) въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды къ тексту ея присоединенъ судебникъ царя Константина, который лѣтописцемъ тоже приписывается такимъ образомъ Ярославу; 3) лѣтописецъ считалъ законодательствомъ Ярослава и вторую половину краткой редакціи, что невозможно. Въ критикѣ лѣтописнаго извѣстія и въ указаніи на неодинаковый составъ разныхъ списковъ Русской Правды и неодинаковый порядокъ статей Калачевъ такимъ

¹⁾ Обзорѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, Москва, 1829, стр. 222.

²⁾ Поповъ. Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 6—11.

образомъ имѣлъ предшественниковъ, хотя честь болѣе полного освѣщенія этихъ выводовъ и принадлежитъ ему. Онъ однако выставилъ еще два новыхъ доказательства того, что Русская Правда—частный сборникъ: первое изъ нихъ заключается въ наблюдении за тѣмъ, что въ Правдѣ нѣтъ внѣшняго единства, господствуетъ разнообразіе формъ: на ряду съ народными обычаями въ ней встрѣчаются законодательныя постановленія князей и судебныя рѣшенія по отдѣльнымъ случаямъ; мы не будемъ пока останавливаться на этомъ соображеніи и разбирать возраженіе на него, высказанное, какъ мы выше видѣли, Ланге; заняться этимъ придется въ другомъ мѣстѣ; при изученіи состава Правды; второе новое доказательство Калачева — указаніе, что, если бы Русская Правда была законодательствомъ Ярослава, то въ ней, какъ въ современныхъ западныхъ уложеніяхъ, въ отдѣльныхъ статьяхъ упоминалось бы имя Ярослава. Г. Дювернуа ¹⁾ видоизмѣняетъ эту мысль Калачева, отмѣчая, что въ официальномъ законодательномъ актѣ законодатель говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, тогда какъ въ Правдѣ мы встрѣчаемъ указанія на князей только въ третьемъ лицѣ: «по Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его» ²⁾; «Ярославъ былъ оуставилъ оубити и; но сынове его по отци оуставиша на кунѣ» ³⁾; «яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ» ⁴⁾; «Володимѣръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою... и оуставили до третьяго рѣза» ⁵⁾. Этотъ доводъ принять и г. Сергѣевичемъ ⁶⁾. Г. Дювернуа ⁷⁾ справедливо указываетъ еще на объясненія мотивовъ, совершенно неумѣстныхъ въ официальномъ памятникѣ, напримѣръ: «Аже будутъ холопи татие... ихъ же князь продажею не казнить, *зане суть несвободни*» ⁸⁾; «занеже ему въ болого дѣль и хорошилъ товаръ того» ⁹⁾; «занеже пагуба отъ Бога, а не виноватъ естъ» ¹⁰⁾; «а то естъ не скоть, не лзѣ рчи: (не вѣдаю) оу кого

¹⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 151.

²⁾ Троицкій списокъ, ст. 2 (всѣ ссылки на Русскую Правду дѣлаются по изданію Калачева, Текст Русской Правды, М., 1847).

³⁾ Троицкій списокъ, статья 58.

⁴⁾ Академическій списокъ, статья 21.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 48.

⁶⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, Спб., 1883, стр. 172—173.

⁷⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 151—152.

⁸⁾ Троицкій списокъ, статья 42.

⁹⁾ Тамъ же, статья 45.

¹⁰⁾ Тамъ же, статья 50.

есмь купилъ»¹⁾. Наконецъ, мысли о томъ, что Русская Правда официальное законодательство, противорѣчить, по справедливому замѣчанію г. Сергѣевича²⁾, рядъ встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ спискахъ пространнаго текста статей, не имѣющихъ даже никакого отношенія къ праву; въ нихъ рѣчь идетъ о приплодѣ отъ скота въ теченіе 12-ти лѣтъ, приплодѣ пчелъ и «прибыткѣ» отъ хлѣба и сѣна³⁾.

Мы старались съ возможной полнотой изложить два наиболѣе распространенныхъ воззрѣнія на происхожденіе Русской Правды. Аргументація той и другой стороны отличается такой обстоятельностью, что, за малыми исключениями, не остается прибавить ничего. Уже одно простое сопоставленіе доводовъ обоихъ направленій показываетъ, мы думаемъ, что соображенія сторонниковъ неофициальнаго происхожденія Правды болѣе основательны, нежели взглядъ на нее, какъ на законодательство Ярослава, его сыновей и Владимира Мономаха. Въ самомъ дѣлѣ: первое доказательство сторонниковъ официальности Правды совершенно уничтожено вѣскими замѣчаніями Калачева и г. Дювернуа: упоминаніе княжескихъ именъ говорить не въ пользу того, что Русская Правда была издана этими князьями, а напротивъ представляетъ собою доводъ въ противоположномъ направленіи, такъ какъ о князьяхъ говорится не отъ ихъ имени, а въ третьемъ лицѣ: очевидно, кѣмъ-то записаны только отдѣльные ихъ уставы. Ссылка на слова новгородской лѣтописи и лѣтописныхъ сборниковъ, ей родственныхъ, оказывается также не имѣющей того значенія, какое ей придавали. Мы коротко говорили пока о различіяхъ въ порядкѣ статей и о составѣ Правды, но въ своемъ мѣстѣ увидимъ, что и въ этомъ отношеніи мнѣніе Эверса, Калачева и г. Дювернуа заслуживаетъ предпочтенія передъ взглядомъ Ланге. Что же остается отъ доводовъ изслѣдователей, признающихъ изучаемый памятникъ официальнымъ княжескимъ законодательствомъ?

Одни только общія разсужденія о томъ, что русское право развивалось рядомъ уставовъ и грамотъ, что при Ярославѣ вслѣдствіе колебанія «пошлины» необходимъ былъ княжескій уставъ, что частные сборники появляются только въ болѣе позднія историческія эпохи, притомъ при наличности запутаннаго и развитого права. Но вѣдь никто и не отрицаетъ появленія отдѣльных не письменныхъ княжескихъ уставовъ, т.-е. законодательныхъ рѣшеній, а колебаніе «пошлины», стариннаго преданія и обычая, если мы признаемъ его за фактъ, должно было именно

¹⁾ Тамъ же, статья 33.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, стр. 174.

³⁾ Карамзинскій списокъ, статьи 49—65.

создать путаницу въ юридическихъ понятіяхъ общества, слѣдовательно, хотя и не развитоое, но запутанное право,—другими словами должно было послужить почвой для появленія частныхъ юридическихъ сборниковъ. Такимъ образомъ и общія соображенія говорятъ не противъ частнаго происхожденія Русской Правды. Вообще взглядъ на нее, какъ на частный юридическій сборникъ, надо считать однимъ изъ важнѣйшихъ приобрѣтеній исторической литературы въ изучаемой области ¹⁾. Исслѣдователи, держащіеся этого взгляда, должны сдѣлать попытку рѣшенія вопроса о томъ, какая среда создала Русскую Правду, въ какомъ общественномъ слѣбѣ зародилась мысль о необходимости составить сборникъ законовъ, обычаевъ и судебныхъ рѣшеній. Мы имѣемъ немного предположеній въ этомъ направленіи, но тѣ, которыя существуютъ, заслуживаютъ вниманія. Еще Морошкинъ ²⁾ полагалъ, что Русская Правда могла быть составлена какимъ либо дьякомъ-докладчикомъ, но это замѣчаніе осталось одинокимъ. Несравненно интереснѣе взглядъ г. Дювернуа: частный юридическій сборникъ, извѣстный подъ названіемъ Русской Правды, составили всего скорѣе лица духовныя, такъ какъ, съ одной стороны, они «знали не одинъ кругъ интересовъ», имъ «ихъ греческое образованіе давало возможность стать на точку зрѣнія организованнаго и исторически развивающагося юридического быта», они «могли быть въ настоящемъ смыслѣ юристами», съ другой стороны,—«лица духовныя съ самаго начала стремятся подчинить своему вліянію юридическую практику», какъ это видно изъ того, что «сборниковъ переводныхъ, церковныхъ уставовъ, разныхъ статей юридическаго содержанія великое множество находится въ нашихъ Кормчихъ книгахъ» ³⁾.

Третье мнѣніе о происхожденіи Русской Правды, заключающееся въ томъ, что она—позднѣйшая поддѣлка, было высказано Каченовскимъ. Доказательствами этого взгляда служили «дипломатическая справка», «историческая справка» и, наконецъ, «археологическая справка» ⁴⁾. Сущность «дипломатической справ-

¹⁾ Кромѣ указанныхъ въ текстѣ сторонниками этого взгляда были Полевой, Морошкинъ и въ настоящее время г. Владимірскій-Будановъ и—отчасти, по отношенію къ пространному тексту,—Бестужевъ-Рюминъ (Русская исторія, т. I, Сиб., 1892, стр. 219).

²⁾ Въ примѣчаніяхъ къ переводу „Опыта исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ“ Рейца (М., 1836), стр. 391.

³⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 153. Этотъ взглядъ развитъ г. Ключевскимъ см. его „Курсъ русской исторіи“, ч. I-я.

⁴⁾ О дипломатической и исторической справкахъ см. „Мой взглядъ на Русскую Правду“ въ „Вѣстникъ Европы“ за 1829 г., № 13—15; объ археологической справкѣ тамъ же, но особенно въ „Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета“ за 1835 г., сентябрь, № III.

См.
Каченовскій,
Курсъ Р. Ист.

ки» заключается въ слѣдующемъ: «Правда Русская не дошла до насъ ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ съ официальными признаками достовѣрности»; «нѣтъ надобности даже повѣрять и графическіе признаки, когда знаемъ, полагаясь на слова самихъ археологовъ нашихъ, что древнѣйшій списокъ Правды новѣе двумя столѣтіями подлинника, неизвѣстнаго никому въ цѣломъ свѣтѣ»; невѣроятно, чтобы на зарѣ христіанства и книжнаго ученія проявились такіе успѣхи въ письменности, примѣры которыхъ нельзя видѣть на западѣ. «Историческая справка» Каченовскаго сводится къ указаніямъ на то, что новгородская торговля въ XI вѣкѣ была невозможна: новгородцамъ, окруженнымъ только полудикими финнами, не съ кѣмъ было торговать, нечѣмъ и нечего было получать въ обмѣнъ на свои товары; затѣмъ Каченовскій отрицаетъ возможность существованія въ Новгородѣ городского общества, «въ смыслѣ собранія людей, занимающихся торговлею, заботящихся о сохраненіи муниципальных правъ своихъ и преимуществъ»: некому было дать Новгороду эти права, да и невозможна такая степень гражданской зрѣлости въ то время, чтобы понадобились писанные законы. Наконецъ, «археологическая справка» состоитъ въ критическомъ разборѣ отдѣльных словъ и выраженій, встрѣчающихся въ Русской Правдѣ. Мы не будемъ приводить всѣхъ замѣчаній основателя скептической школы, ограничимся лишь нѣкоторыми: въ XI в. Русью называлась южная Русь, а русинами южно-русы, а не новгородцы; новгородцы же впервые названы русинами лишь въ 1188 г., въ привилегіи императора Фридриха I Любеку; слѣдовательно, слово «русинъ» въ Русской Правдѣ — анахронизмъ; законъ о присягѣ истца, посредствомъ которой онъ получаетъ долгъ съ купца, съ одной стороны, противорѣчитъ положенію, что при займѣ должны быть свидѣтели, съ другой, представляетъ вопіющую нелѣпость: въ такомъ случаѣ никто не могъ бы чувствовать себя въ безопасности: стоило недобросовѣстному человѣку присягнуть, чтобы съ каждаго взять деньги, никогда не бывшія предметомъ займа; постановленія объ уплатѣ долга сначала князю, потомъ гостямъ—иностранцамъ, наконецъ своимъ соотечественникамъ встрѣчаются еще въ договорахъ Смоленска и Новгорода съ нѣмцами; «не можетъ быть, чтобы Русская Правда учила нѣмцевъ наукѣ о торговлѣ»; названія должностныхъ лицъ, какъ ябетникъ, мечникъ, метальникъ,—недостовѣрны, такъ какъ нигдѣ кромѣ Правды не встрѣчаются.

Въ свое время Погодинъ¹⁾ представилъ рядъ возраженій на

¹⁾ Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. I, Москва, 1846, стр. 233—256.

замѣчанія Каченовскаго. Онъ доказывалъ прежде всего достовѣрность Правды тѣмъ, что ея содержаніе соотвѣтствуетъ положенію Руси въ то время и не противорѣчитъ другимъ даннымъ, представляетъ общее сходство съ законами родственныхъ народовъ, «выводится самымъ естественнымъ образомъ а priori изъ первоначальныхъ отношеній русскаго общества», наконецъ, «является въ употребленіи и въ слѣдующихъ узаконеніяхъ». Погодинъ считаетъ необѣдительною «дипломатическую справку» Каченовскаго: вѣдь ни одно древнѣйшее законодательство, какому бы народу оно ни принадлежало, не дошло въ подлинникѣ или спискахъ съ официальными признаками достовѣрности; письменность на Руси, по Погодину, должна была развиваться рано, подъ вліяніемъ христіанства и главнымъ образомъ того обстоятельства, что Библія была переведена на славянскій языкъ. Безъ труда опровергаетъ Погодинъ и «историческую справку»: легко доказываетъ возможность и дѣйствительность торговли и справедливо замѣчаетъ, что въ Русской Правдѣ нѣтъ и рѣчи о городскомъ обществѣ съ муниципальными правами. Мы можемъ теперь прибавить еще, что не имѣетъ значеніе и замѣчаніе Каченовскаго о невозможности писанныхъ законовъ въ то время: вѣдь Русская Правда вовсе не писанный законъ, а частный юридическій сборникъ, хотя и имѣвшій, несомнѣнно, практическое значеніе. Намъ нѣтъ необходимости долго останавливаться на разборѣ «археологической справки» у Погодина; замѣтимъ только, что онъ справедливо доказываетъ, что слово «русины» должно было быть извѣстнымъ въ Новгородѣ въ XI вѣкѣ. Впрочемъ при современномъ скептическомъ отношеніи изслѣдователей къ знаменитому лѣтописному тексту, говорящему объ уставѣ, данномъ именно Новгороду, и при взглядѣ на Правду, какъ на частный сборникъ, не имѣютъ совершенно значенія замѣчанія Каченовскаго о времени, когда новгородцы стали называться русинами: нѣтъ никакой необходимости приурочивать происхожденіе Русской Правды именно къ Новгороду. Присяги истца при тяжбѣ о займѣ купца не было: присягали въ этомъ случаѣ отвѣтчикъ¹⁾: этимъ совершенно устраняются замѣчанія Каченовскаго по этому поводу. Незачѣмъ и говорить о томъ, что Правда не могла быть «ручною книгою для нѣмцевъ по наукѣ о торговлѣ»: постановленія о порядкѣ удовлетворенія требованій при несостоятельности должны были необходимо сложиться при существованіи внѣшней торговли, да и нѣтъ необходимости признавать статью «о долзѣ» оригинальною: она могла создаться и подъ иностраннымъ

¹⁾ Такъ слѣдуетъ понимать 44-ю статью Троицкаго списка.

вліяніємъ. Наконецъ, сомнѣнія Коченовскаго по поводу ябетника, мечника, метальника и пр. слишкомъ голословны, чтобы нуждаться въ мотивированномъ опроверженіи.

Скептическая школа давно уже представляетъ собою пройденную ступень въ развитіи русской исторіографіи; было время, когда воззрѣнія скептиковъ вызывали страшное негодованіе и запальчивыя возраженія; теперь мы можемъ спокойно и безпристрастно сопоставить доводы обѣихъ сторонъ и должны признать, что истина на сторонѣ противниковъ скептицизма. Это не умаляетъ, конечно, исторической заслуги Коченовскаго и его послѣдователей, давшихъ толчокъ критическому изслѣдованію источниковъ древнѣйшей русской исторіи¹⁾.

II.

По установившемуся въ ученой литературѣ общепринятому взгляду, слѣдуетъ различать два основныхъ текста Русской Правды—краткій и пространный; послѣдній раздѣляется еще на нѣсколько редакцій. Для изученія происхожденія Русской Правды въ высшей степени важно опредѣлить взаимныя отношенія различныхъ ея редакцій. И этотъ вопросъ не былъ оставленъ безъ вниманія изслѣдователями нашего источника.

Относительно краткой редакціи сначала существовалъ взглядъ, что она—сокращеніе пространной. Такъ думали Карамзинъ²⁾ и Розенкампфъ³⁾. Мнѣніе это лишало краткій текстъ Русской Правды всякаго самостоятельнаго значенія и дѣлало невозможнымъ хоть какое-либо, даже приблизительное и неполное, возстановленіе исторіи текста источника и изображеніе послѣдовательнаго развитія правовыхъ институтовъ въ эпоху дѣйствія Русской Правды. Изслѣдователи нашего источника скоро стали приходить къ убѣжденію, что взглядъ Карамзина и Розенкампфа ошибоченъ. Уже Эверсъ выразилъ увѣренность, что краткій текстъ—древнѣйшій и самостоятельный, именно потому, что онъ кратокъ; въ немъ нѣтъ, напримѣръ, законодательства о наслѣдствѣ, какъ и въ законахъ Дракона: «доколѣ имущество во всей своей совокупности остается собственностью племени или семейства, дотолѣ

¹⁾ Ср. замѣчанія г. *Иконникова*: „Опытъ русской исторіографіи“, томъ первый, книга первая, Кіевъ, 1891, стр. 80—82.

²⁾ Исторія Государства Россійскаго, изд. 5, Эйнерлинга, книга I, томъ II, прим. 65.

³⁾ Обзорѣніе Кормчей Книги въ историческомъ видѣ. Москва, 1829, стр. 221.

законы наследства бываютъ совершенно излишни¹⁾. Затѣмъ, по Тобину, система и простота краткой Правды, несмотря на всю ея краткость, доказываютъ ея самостоятельность и говорятъ противъ фрагментарности²⁾. Погодинъ приводилъ слѣдующія доказательства того же взгляда: 1) Русская Правда по тексту, типическимъ представителемъ котораго является Академическій списокъ, отличается краткостью, а краткость—признакъ древности; 2) если бы краткій текстъ былъ сокращеніемъ или отрывкомъ, то въ немъ было бы только *одно* заглавіе (именно «Правда Росская³⁾»), между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ есть еще *второе* заглавіе («Правда оуставлена Роуськои земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микфоръ Кыянинъ, Чюдинъ, Микула⁴⁾»); 3) краткій текстъ нельзя считать отрывкомъ и потому, что въ немъ нѣтъ статей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ помѣщены въ предполагаемомъ полномъ текстѣ Русской Правды (т.-е., по Карамзину, въ Синодальномъ спискѣ); 4) наконецъ, онъ—не сокращеніе, потому что не обнимаетъ *всѣхъ* статей Синодальнаго списка⁵⁾. Эти доводы Погодина приняты Калачовымъ, однакоже они далеко не достаточны: краткость сама по себѣ не можетъ еще служить доказательствомъ древности: она можетъ проистекать именно изъ желанія представить сокращеніе или отрывокъ полного текста; точно также два заглавія вмѣсто одного свободно могъ поставить и сократитель; третій доводъ тоже не доказателенъ, ибо составитель, желая представить лишь отрывокъ, могъ сократить вмѣстѣ съ тѣмъ статьи, отчего и могла произойти разница въ ихъ видѣ; притомъ невѣрно, будто бы ни одна статья Академическаго списка не сходна вполнѣ ни съ одной статьей Троицкаго или Синодальнаго списковъ; такъ сходны, даже тождественны между собою 4-я

¹⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, перев. Платонова, Спб., 1835, стр. 304—306. Оригинально, хотя едва ли вѣрно, мнѣніе Бѣляева о причинахъ отсутствія постановленій по гражданскому праву въ древнѣйшемъ текстѣ: причины заключаются въ томъ, что при Владимирѣ и Ярославѣ въ области гражданского права дѣйствовалъ Законъ Судный Людемъ. (Лекціи по исторіи русскаго законодательства, Москва, 1888, стр. 182).

²⁾ Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes, B. I, Dorpat, 1844, S. 20—21.

³⁾ Калачовъ. Текстъ Русской Правды, стр. 1.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 3, послѣ 17-ой статьи.

⁵⁾ Изсѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. III, Москва, 1846, стр. 370—371.

статья Академического списка, 17-я ¹⁾ Синодального и 18-я Троицкого, тракующія объ ударѣ необнаженнымъ мечемъ или рукояткой; точно также 8-я статья Академического списка, 18-я Синодального и 19-я Троицкого, въ которыхъ говорится о наказаніи за покушеніе ударить мечемъ; такое же тождество по содержанию и формѣ представляютъ статьи 11-я Академического списка, 26-я Синодального и 27-я Троицкого, содержащія постановленія о карѣ за ѣзду на чужомъ конѣ безъ спроса хозяина. При желаніи, можно бы увеличить число примѣровъ. Наконецъ, хотя краткій текстъ и не заключаетъ въ себѣ *всѣхъ* статей пространнаго, но могъ быть сокращеніемъ послѣдняго, ибо, сокращая, составитель краткой редакціи могъ вмѣстѣ съ тѣмъ и выбросить нѣкоторыя статьи. Такимъ образомъ доказательства, приводимыя Погодинымъ, не рѣшаютъ еще вопроса.

Послѣдней попыткой его рѣшенія въ томъ же направленіи были соображенія г. Сергѣевича, доказывавшаго, что первыя семнадцать статей краткихъ списковъ—самыя древнія; это по его мнѣнію, видно изъ того, что, во-первыхъ, «въ этихъ семнадцати статьяхъ мы находимъ всего болѣе указаній на право мести», во-вторыхъ, вмѣсто денегъ въ нихъ говорится—«скотъ», въ третьихъ, при выкупахъ не обращается вниманія на общественное положеніе убитаго ²⁾. Послѣднее, какъ увидимъ ниже, вопросъ спорный, но первыя два замѣчанія названнаго изслѣдователя довольно убѣдительны, хотя нельзя сказать, чтобы онъ исчерпалъ всѣ возможныя доказательства отстаиваемаго имъ мнѣнія.

Въ самостоятельности и большей древности краткаго текста Русской Правды сравнительно съ пространнымъ были убѣждены, хотя и не пытались доказать свое убѣжденіе, также г. Дювернуа ³⁾, Бѣляевъ ⁴⁾, Поповъ ⁵⁾ и Грыцько ⁶⁾. Любопытны замѣчанія двухъ послѣднихъ изслѣдователей, что краткая Правда—не законодательная, а частная; Поповъ доказываетъ это тѣмъ, что въ ней встрѣчаются добавленія изъ новыхъ статей, не представляющія цѣлаго, а также пропуски нѣкоторыхъ частныхъ постановленій Ярослава: «такъ статья объ урокахъ вирнику стоитъ

¹⁾ Нумерація статей Синодального списка произведена примѣнительно къ нумераціи статей списка Троицкого въ „Текстѣ Русской Правды“ Калачова.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, часть I, Спб., 1883, стр. 170—171.

³⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 48.

⁴⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 181.

⁵⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 24.

⁶⁾ Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ, въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“ Калачова, книга 5, 1863, стр. 114.

въ прибавленіи сыновей Ярославъ, между тѣмъ въ ней говорится: а се покони вирнии были при Ярославѣ¹⁾; въ Правдѣ Владимира Мономаха тоже встрѣчается указаніе на статью Ярослава: если холопъ ударить, то убить его²⁾; а въ краткой Правдѣ это измѣнено уже согласно съ рѣшеніемъ сыновей Ярослава³⁾. По мнѣнію Грыцько, Академическій списокъ и сходные съ нимъ «есть не что иное, какъ выписка постановленій, бывшая въ практическомъ употребленіи у какого-нибудь чиновника временъ Ярослава и сыновей его,—выписка, сдѣланная изъ полной Правды Ярослава и приписанныхъ къ этой Правдѣ, послѣ ея изданія частныхъ рѣшеній князей до изданія полного свода Изяславомъ⁴⁾». Оставляя въ сторонѣ мнѣніе Грыцько объ officialномъ прототипѣ краткаго текста, нельзя не видѣть въ замѣчаніяхъ обоихъ изслѣдователей новаго довода въ пользу того, что Русская Правда—частный сборникъ.

Чѣмъ внимательнѣе будемъ мы сравнивать между собою оба основныхъ текста нашего источника, тѣмъ болѣе будемъ убѣждаться, что краткая редакція—древнѣйшая и самостоятельная, а не сокращеніе и не отрывокъ пространной. Въ спискахъ первой редакціи Калачовъ нашелъ четыре статьи (2-я, 17-я, 18-я и 20-я статьи Академическаго списка), соотвѣствующихъ которымъ нѣтъ въ спискахъ другихъ редакцій⁵⁾. Допустимъ даже, что вторая статья Академическаго списка вмѣстѣ съ 28-й сведены въ одну 22-ую Синодальнаго списка (23-ю Троицкаго, 24-ю Карамзинскаго, 2-ю списка князя Оболенскаго)—во всѣхъ этихъ статьяхъ рѣчь идетъ о доказательствахъ при побояхъ;—что, далѣе, 18-я статья Академическаго списка вошла въ содержаніе первой статьи Синодальнаго (1-й Троицкаго, 1-й Карамзинскаго, 1-й князя Оболенскаго)—всѣ трактуютъ о наказаніи за убійство,—наконецъ, что 20-я статья краткой редакціи отнесена къ 35-й статьѣ Синодальнаго списка (36-ой Троицкаго, 37-й Карамзинскаго, 13-й списка князя

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 7-я; Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 24.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 58-я; Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 24.

³⁾ Академическій списокъ, статья 16-я: „да бьютъ его“; Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 25. Другіе изслѣдователи впрочемъ полагаютъ, что „бить“ надо понимать здѣсь въ смыслѣ „убить“, и это, кажется, вѣрнѣе объясненія Попова, такъ какъ краткая Правда не имѣетъ слѣдовъ передѣлокъ.

⁴⁾ Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“, книга 5, Слб., 1863, стр. 117.

⁵⁾ Калачовъ, Текстъ Русской Правды, Москва, 1847, таблица статей разныхъ редакцій въ концѣ изданія.

Оболенскаго); все-таки эти соображенія не могутъ ослабить приведенный доводъ, такъ какъ, допуская даже ихъ справедливость, нельзя признать краткую редакцію сокращеніемъ или отрывкомъ другихъ, т. е. редакцій пространнаго текста: вѣдь никакому сократителю, преслѣдующему цѣли краткости и простоты, не могла притти въ голову мысль дробить статьи сокращаемаго текста на нѣсколько каждую, т. е. увеличивать число статей, другими словами совершать работу, прямо противоположную своимъ видамъ. Кромѣ того 17-ю статью Академическаго списка уже никакъ нельзя вдвинуть въ содержаніе какой бы то ни было статьи пространной Правды: въ послѣдней нигдѣ не говорится о юридическихъ послѣдствіяхъ того казуса, когда кто-либо «изломить кѣсье, любо щить, любо портъ».

Такимъ образомъ очевидно, что въ первой редакціи есть статьи, которыхъ или совсѣмъ нѣтъ въ пространныхъ редакціяхъ, или которыя сведены въ другихъ въ одну статью. Къ этому наблюденію можно присоединить другое: нѣтъ полного соответствія въ порядкѣ статей между краткой редакціей и пространными: такое соответствіе существовало бы и притомъ было бы полнымъ и точнымъ, будь краткій текстъ сокращеніемъ пространнаго. Присмотримся теперь ближе къ различіямъ въ содержаніи между статьями краткой Правды и имъ соответствующими въ Правдѣ пространной; въ результатъ получатся слѣдующія наблюденія: 5-я статья Академическаго списка содержитъ постановленіе о томъ, что за отсѣченіе руки назначается 40 гривенъ пени, и затѣмъ прибавлено: «аще будетъ нога цѣла или начнетъ хромати, то чада смирять». Этой статьѣ соответствують въ Синодальномъ спискѣ 20-я, въ Троицкомъ 21-я, въ Карамзинскомъ 22-я, опредѣляющія за отсѣченіе руки, ноги и порчу глаза полувирье— 20 гривенъ и «за вѣкъ» (т. е. за увѣчье) потерпѣвшему 10 гривенъ. Наказаніе за вышеуказанное преступленіе не могло быть сначала ниже, а потомъ выше: способность человѣка къ труду въ болѣе древнее время всегда цѣнится дороже, чѣмъ въ позднѣйшія времена. Такъ и въ Академическомъ спискѣ она цѣнится наравнѣ съ жизнью. Но кромѣ того болѣе древность краткаго текста сравнительно съ пространнымъ доказывается еще фразой «чада смирять». Слова эти несомнѣнно указываютъ на какой-то способъ личной мести и находятся только въ спискахъ краткой редакціи: ихъ, какъ и слова 2-ой статьи Академическаго списка «оже ли себе не можетъ мстити», и имѣлъ въ виду г. Сергѣевичъ, говоря, что въ первыхъ 17-ти статьяхъ краткихъ списковъ заключается всего болѣе указаній на право мести. А такъ какъ признаніе законности личной мести составляетъ черту,

характеризующую болѣе древнее время, то отсюда ясно, что текстъ, типическимъ представителемъ котораго служить Академическій списокъ, древнѣе редакцій пространныхъ. Затѣмъ, по указанію самого пространнаго текста Правды (см. 80-ю статью Синодальнаго списка, 58-ю Троицкаго, 76-ю Карамзинскаго), 16-я статья Академическаго списка и съ нимъ сходныхъ имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ соотвѣтствующія ей статьи остальныхъ редакцій: эта 16-я статья заключаетъ въ себѣ постановленіе Ярослава о правѣ убить холопа за оскорбленіе, нанесенное имъ свободному человѣку, тогда какъ въ пространныхъ спискахъ изложено другое постановленіе по этому поводу, изданное дѣтьми Ярослава, со ссылкой на старый уставъ послѣдняго. Эта ссылка и даетъ намъ право думать, что слава «да бють его» (16 статья Академическаго списка) надо понимать въ смыслѣ «да убьютъ», вопреки мнѣнію Попова¹⁾. Сравнимъ теперь 29-ю статью Академическаго списка съ 36-ой Синодальнаго (37-й Троицкаго, 38-й Карамзинскаго, 14-й списка князя Оболенскаго). Въ Академическомъ списокѣ сказано, что, если воровъ было 18, то каждый изъ нихъ платитъ 3 гривны 30 рѣзанъ. Это, очевидно, судебное рѣшеніе по дѣлу о воровствѣ, въ которомъ участвовало 18 человѣкъ. Въ спискахъ всѣхъ прочихъ редакцій вмѣсто «будетъ ли ихъ 18» сказано: «будетъ ли ихъ *много*» — это позднѣйшая передѣлка: случайное число 18 показалось позднѣйшему редактору или переписчику Русской Правды страннымъ, и онъ употребилъ болѣе общее выраженіе. Точно также 34-я статья Академическаго списка древнѣе 86-й статьи Синодальнаго (73-й Троицкаго, 91-ой Карамзинскаго), ибо въ этой послѣдней много подробностей, опредѣляющихъ различные платежи за разные виды лодокъ и отсутствующихъ въ краткихъ спискахъ. Переработка частнаго судебного рѣшенія въ болѣе общую форму замѣчается также при сравненіи 40-й статьи Академическаго списка, гдѣ сказано: «аже оукрадоутъ овъцоу или козоу или свинью, *а ихъ боудеть 10* одноу овъцоу оукрали», съ 37-й статьей Синодальнаго (38-й Троицкаго, 39-й Карамзинскаго), гдѣ читаемъ: «аже крадеть скоть на поли, или овци, или козы, или свинье, 60 коунъ; *будетъ ли ихъ много*, то всѣмъ по 60 коунъ». Наконецъ, также и 42-я статья Академическаго списка представляетъ болѣе древнія черты сравнительно съ 7-й статьей Синодальнаго (7-й Троицкаго, 7-й Карамзинскаго): кое-что, — напримѣръ, количество хлѣба

¹⁾ Тѣмъ болѣе, что краткая правда не носитъ слѣдовъ какой-либо передѣлки. Мнѣніе Попова см. «Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву», стр. 24—25.

и шпена, даваемыхъ вирнику,—еще не опредѣлено точно въ спискахъ первой редакціи, что однакоже уже сдѣлано въ пространныхъ редакціяхъ Правды.

Изложенныя наблюденія, опровергнуть которыя невозможно, съ полной достовѣрностью убѣждаютъ насъ, что краткій текстъ Русской Правды древнѣе пространнаго и, слѣдовательно, составленъ независимо отъ послѣдняго.

Въ краткомъ текстѣ Русской Правды различаютъ обыкновенно двѣ части: первыя 17 статей отдѣляютъ отъ остальныхъ. Главными основаніями такого дѣленія въ глазахъ изслѣдователей служатъ, во-первыхъ, два заглавія—одно въ началѣ текста, другое послѣ 17-ой статьи, во-вторыхъ, разница въ порядкѣ статей, замѣчаемая при сравненіи обѣихъ частей текста. Уже Эверсъ различалъ Правду Ярослава (первыя 17 статей) и «Распространеніе Правды Ярослава сыновьями его»¹⁾; впрочемъ это дѣленіе принадлежитъ не ему, а еще Шлецеру²⁾. Его держался и Погодинъ³⁾. Изъ другихъ сторонниковъ мнѣнія объ официальном происхожденіи Русской Правды оригинальный взглядъ высказанъ Ланге: онъ не признаетъ и вторую половину краткихъ списковъ изданной позднѣе Ярослава; она, по его мнѣнію, составлена еще при жизни этого князя, что видно, во-первыхъ, изъ 2-ой статьи Троицкаго и Карамзинскаго списковъ, гдѣ сказано: «по Ярославѣ-же *паки* совокупившеся сынове его»; значитъ, былъ и первый съѣздъ, до смерти Ярослава: о немъ и говорится въ заглавіи, помѣщенномъ послѣ 17-ой статьи краткой редакціи; во-вторыхъ, то же видно изъ словъ 42-й статьи краткой редакціи: «то ти урокъ Ярославль» (т. е. теперь есть), между тѣмъ какъ въ пространномъ текстѣ (см. 7-ю статью Троицкаго списка) читаемъ: «а се покони вирни *были* при Ярославѣ⁴⁾».

Замѣтимъ, что даже съ точки зрѣнія теоріи официального происхожденія Русской Правды мнѣніе Ланге не выдерживаетъ критики: слово «*паки*» едва ли указываетъ на то, что для одного и того-же рѣшенія сыновья Ярослава собирались два раза: при жизни отца и по его смерти; это тѣмъ болѣе невѣроятно, что, толкуя текстъ сообразно мнѣнію Ланге пришлось бы допустить въ обоихъ случаяхъ одинаковый составъ думы князей: и въ за-

¹⁾ Древнѣйшее русское право, Спб., 1835, стр. 359.

²⁾ Изданіе Русской Правды Шлецера, Спб. 1767 г.

³⁾ Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. III, Москва, 1846, стр. 369.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, Спб., 1860, стр. 7—8.

главиі передъ 18-й статьей Академическаго списка и въ текстѣ 2-ой статьи Троицкаго одинаково упоминаются «мужи» Ярославичей, Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ. Разница въ выраженіяхъ «то ти урокъ Ярославль» и «а се покони вирниі были при Ярославѣ» объясняется именно тѣмъ, что въ пространномъ текстѣ мы встрѣчаемъ новое постановленіе о получаемомъ вирниками (см. статью 8-ю Троицкаго списка). Мы уже не говоримъ о томъ, что предположеніе о частномъ характерѣ Правды дѣлаетъ излишними всѣ тонкія и однако не вполне удачныя объясненія Ланге¹⁾. Характерно однако, что и тѣ изслѣдователи, которые склонны были считать Правду частнымъ юридическимъ сборникомъ, раздѣляли мнѣніе своихъ противниковъ о дѣленіи краткаго текста на двѣ части. Уже Поповъ, у котораго замѣтны зародыши новаго взгляда на происхожденіе нашего источника, находилъ, что первыя 17 статей «составляютъ полное цѣлое, проникнутое одною мыслию» — ограничить мѣсть и ввести денежное вознагражденіе. Вторая часть краткой редакціи, по мнѣнію того же изслѣдователя, «представляетъ выборъ нѣкоторыхъ частныхъ постановленій сыновей Ярослава, но въ ней нѣтъ ни одного изъ главныхъ, а потому она не составляетъ цѣлаго, но отрывки, какъ добавленія къ первой части»²⁾. Калачовъ замѣчаетъ, что вторая половина краткаго текста, будучи частнымъ собраніемъ различныхъ постановленій, служила дополненіемъ къ первой половинѣ³⁾. Наконецъ, Дювернуа считаетъ краткую редакцію также сложившеюся изъ двухъ сборниковъ положеній для руководства суда⁴⁾. Вторая половина редакціи, второй сборникъ, по г. Дювернуа, рѣзко отличается отъ перваго по характеру: «Ярославова Правда представляетъ собою законченный и какъ цѣлое выработанный сборникъ, а Правда сыновей есть не болѣе, какъ разновременная приписка изъ княжескихъ уставовъ отдѣльныхъ положеній, касающихся того же круга предметовъ, но взятыхъ болѣею частью съ другой точки зрѣнія. Входили эти положенія въ составъ сборника и группами, и отдѣльными статьями. Указаніе на группы мы видимъ въ рядѣ статей объ убійствахъ, въ рядѣ оцѣночныхъ по-

¹⁾ Грыцко выразилъ взглядъ близкій къ мнѣнію Ланге, говоря, что краткая Правда — «выписка, сдѣланная изъ полной Правды Ярослава и приписанныхъ къ этой Правдѣ, послѣ ея изданія, частныхъ рѣшеній князей до изданія новаго свода Изяславомъ». (Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ въ «Архивѣ» Калачова, книга 5, Спб., 1863, стр. 117).

²⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 22.

³⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе I, разборъ взглядовъ Неймана.

⁴⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 56.

ложеній за кражу разныхъ вещей. Отдѣльныя статьи перебиваютъ совершенно случайно такія группы (статья 38-я)»¹⁾.

Итакъ, повидимому, изслѣдователи, какого бы мнѣнія о происхожденіи Русской Правды они ни держались, единогласно признаютъ, что древнѣйшій текстъ Правды представляетъ собою два хронологическихъ пласта, сначала возникъ текстъ первыхъ 17-ти статей, потомъ прочихъ. И это доказывается, какъ мы видѣли, наличностью двухъ заглавій (у изслѣдователей, признававшихъ нашъ источникъ официальнымъ законодательствомъ Ярослава), различіемъ въ самомъ содержаніи статей, наконецъ, въ системѣ ихъ расположенія. Первое доказательство въ нашихъ глазахъ не имѣетъ цѣны: признавая Правду частнымъ сборникомъ, можно допустить, что и запись Ярославовыхъ постановленій и постановленій Ярославичей могла быть произведена одновременно, хотя и подъ разными заголовками; два заглавія свободно могли поставить редакторъ частнаго сборника. Можно ли считать важнымъ для рѣшенія вопроса о томъ, изъ двухъ ли сборниковъ составила краткая правда, или она представляетъ собою одинъ сборникъ, соображеніе, что содержаніе статей обѣихъ половинъ текста различно? Отвѣтъ долженъ быть отрицательный: различіе въ содержаніи обуславливается вовсе не тѣмъ, что были два разныхъ сборника, а скорѣе тѣмъ, что занесенныя во вторую половину краткаго текста постановленія принадлежатъ позднѣйшему времени. Вѣдь, повторяемъ, ничто не даетъ намъ права думать, что Ярославовы постановленія записаны его современникомъ, а рѣшенія его сыновей—лицомъ, при нихъ жившимъ и притомъ позднѣе, чѣмъ «судъ Ярослава». Наконецъ, указываютъ, что такъ называемая «Ярославова Правда»—законченное цѣлое²⁾, что въ основу расположенія статей въ ней положено стремленіе къ точному порядку: сначала идутъ статьи о нарушеніи личныхъ правъ—убійствѣ, панесеніи ранъ, увѣчій и побоевъ,—потомъ о нарушеніи правъ собственности—неправильномъ пользованіи чужой собственностью, законныхъ способахъ возвращенія своей собственности изъ чужихъ рукъ, поврежденіи чужой собственности³⁾. Такой цѣльности и систематичности не видать во 2-ой части краткаго текста. Этотъ доводъ, повидимому, серьезнѣе: указанная разница какъ будто свидѣтельствуетъ, что у составителя первой половины текста были иныя цѣли и иной

¹⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 73.

²⁾ Поповъ, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 22; Дювернуа, Источники права и судъ древней Россіи, стр. 72—73.

³⁾ Ланге, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 7.

планъ, чѣмъ у составителя второй, а это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что было два составителя, т. е. и два сборника. Но если внимательно присмотрѣться къ системѣ расположенія статей въ обѣихъ половинахъ краткихъ списковъ, то придется значительно ограничить, если даже не совсѣмъ уничтожить, тотъ контрастъ между ними, на который обыкновенно указываютъ: система статей въ первой половинѣ текста вовсе не строго выдержана: Ланге ¹⁾ справедливо указалъ, что 16-я статья—объ ударѣ холопомъ свободнаго человѣка—нарушаетъ предполагаемый планъ; точно также 10-я и 15-я статьи Академическаго списка близко родственны между собою по содержанію—обѣ трактуютъ о способахъ возвращенія своего «челядина»,—однако онѣ раздѣлены между собою рядомъ статей; съ другой стороны, и во второй половинѣ краткаго текста сначала говорится о нарушеніи личныхъ правъ (статьи 18—24 Академическаго списка), потомъ о нарушеніи правъ имущественныхъ. Конечно, и здѣсь попадаются отступленія отъ этого порядка, напримѣръ вставка двухъ статей (31 и 32 Академическаго списка) о мукѣ между постановленіями о кражѣ—38-ую статью (объ убійствѣ тата) мы не принимаемъ въ счетъ, такъ какъ, при слабомъ развитіи систематизаторской работы и при группировкѣ статей по чисто-внѣшнимъ признакамъ, неудивительно, что составитель краткой редакціи помѣстилъ ее между статьями о татѣбѣ,—но вѣдь и въ первой половинѣ текста есть такіа отступленія и притомъ въ неменьшемъ количествѣ. Вообще мнѣніе о болѣе систематичности и цѣльности первыхъ 17-ти статей, скорѣе всего, простой результатъ традиціи,—переживаніе стараго взгляда на эти статьи, какъ законодательство Ярослава, «при всей, своей краткости, совершенно достаточное по тѣмъ временамъ» ²⁾).

Въ пользу мнѣнія о томъ, что краткій текстъ Русской Правды сложился изъ двухъ сборниковъ, составленныхъ въ разное время и разными лицами, можно, какъ намъ кажется, выставить еще два доказательства, болѣе серьезныхъ, чѣмъ разобранныя выше: первое заключается въ томъ, что Русская Правда, будь она даже и частнымъ сборникомъ, несомнѣнно предназначалась для практическаго употребленія; слѣдовательно, въ ней едва ли нашли бы мѣсто отжившія правовыя нормы: очевидно, значить, что постановленія о мести и пр. записаны въ сборникъ еще тогда, когда они дѣйствовали, т. е. былъ сборникъ, составленный еще при

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 7.

²⁾ Слова *Эверса*, Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, стр. 356.

Ярославѣ; этотъ доводъ опровергается однако тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что въ пространной Правдѣ также помѣщены постановленія Ярослава, потерявшія уже дѣйствительную силу: ясно, что практическая цѣль сборниковъ не мѣшала присоединенію статей, имѣвшихъ только историческое значеніе. Второе возможное доказательство разбираемаго мнѣнія состоитъ въ указаніи на повтореніе статьи о «кровавомъ мужѣ» (см. Академическій списокъ, ст. 2-я и 28-я): если не было двухъ сборниковъ, то зачѣмъ было повторять эту статью? Это недоумѣніе разрѣшается очень просто: стоитъ только сравнить 2-ю и 28-ю статьи Академическаго списка, чтобы убѣдиться, что между ними есть существенное различіе, что вторая статья вовсе не простое повтореніе первой: въ ней именно уничтожено право мести за удары до синяковъ и крови, существовавшее при Ярославѣ. Надо думать, что это нововведеніе Ярославичей и послужило для составителя краткой редакціи поводомъ къ внесенію статьи «о кровавомъ мужѣ» во вторую половину текста, содержащую постановленія этихъ князей.

Итакъ мнѣніе о возникновеніи извѣстнаго намъ краткаго текста Русской Правды изъ двухъ сборниковъ построено на шаткихъ основаніяхъ, и едва ли возможно найти убѣдительныя доказательства справедливости этого взгляда. Противъ него говоритъ то весьма важное обстоятельство, что изъ всего того множества списковъ Русской Правды, которое до насъ дошло, нѣтъ ни одного, заключающаго въ себѣ только 17 первыхъ статей краткаго текста. Пока такого списка не будетъ отыскано—а мы убѣждены, что его никогда и не существовало,—до тѣхъ поръ *opus probandi* будетъ лежать на сторонникахъ мнѣнія о происхожденіи краткой редакціи изъ двухъ сборниковъ.

Чтобы покончить съ краткимъ текстомъ Русской Правды, намъ остается остановиться еще на двухъ вопросахъ — о времени и мѣстѣ его возникновенія.

По отношенію къ этимъ вопросамъ между всѣми изслѣдователями Правды, ставившими себѣ задачей ихъ разрѣшеніе, существуетъ полное согласіе. Всѣ тѣ изслѣдователи, которые считали Русскую Правду официальнымъ законодательствомъ Ярослава и его сыновей, естественно, относили происхожденіе краткаго текста къ XI вѣку и полагали, что этотъ законодательный актъ относится къ Новгороду, хотя потомъ былъ распространенъ въ своемъ дѣйствіи на всю Русь. Наиболѣе ясное выраженіе этотъ взглядъ нашелъ себѣ у Неймана ¹⁾, Погодина и Бѣляева. По-

¹⁾ Вь Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, Dorpat, 1830.

слѣдніе два изслѣдователя не ограничились догматическимъ утвержденіемъ, а пытались представить и доказательства. Что Русская Правда относится ко времени Ярослава,—это, по Бѣляеву, доказывается, во-первыхъ, заглавіемъ—«Судъ Ярослава», во-вторыхъ, свидѣтельствомъ лѣтописей, въ третьихъ, соответствіемъ содержанія Правды духу времени: различаются русинъ, варягъ, славянинъ, что не могло быть позднѣе дѣтей Ярослава¹⁾. Доводами въ пользу того, что «этотъ законъ написанъ первоначально въ Новгородѣ», служатъ слѣдующія замѣчанія Погодина: въ 1-й статьѣ сказано: «аще боудеть роусинъ... любо словенинъ»; «словеннами назывались только новгородцы, и имя это извѣстно было только въ Новгородѣ; въ Кіевѣ были бы упомянуты поляне, въ Черниговѣ сѣверяне и т. п.»; затѣмъ—«Русская Правда встрѣчается только въ новгородскихъ лѣтописяхъ»²⁾. По поводу аргументаціи Погодина нѣсколько важныхъ критическихъ замѣчаній сдѣлалъ Калачовъ: слова о «словенинѣ» и «русинѣ» «въ предложении, составленномъ, очевидно, изъ частныхъ практическихъ случаевъ, не могутъ быть признаны достаточнымъ доказательствомъ для рѣшенія этого важнаго вопроса, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ спискахъ читается вмѣсто словянинъ—селянинъ, а вмѣсто русинъ—горожанинъ»; съ другой стороны неврѣно, что Русская Правда встрѣчается только въ новгородскихъ лѣтописяхъ, «ибо краткій списокъ, о которомъ говоритъ авторъ, извѣстенъ намъ только по двумъ лѣтописямъ XV вѣка, совершенно сходнымъ между собою и, можетъ быть, списаннымъ съ одного подлинника, между тѣмъ какъ Татищевъ нашелъ его съ дополненіями въ Ростовской лѣтописи, а списокъ XIII в. встрѣчается только въ Кормчихъ и Сборникахъ, изъ коихъ многіе писаны не въ одномъ Новгородѣ». Впрочемъ, критикуя доказательства Погодина, Калачовъ оговаривается, что не имѣлъ въ виду отрицать возможность составленія краткой Правды въ Новгородѣ, а хотѣлъ лишь указать на недостаточность разбираемыхъ доводовъ³⁾. Полевой также признавалъ за краткимъ текстомъ древнее происхожденіе и считалъ Правду собраніемъ, составленнымъ въ Новгородѣ разными посадниками и въ разные сроки⁴⁾. Изъ другихъ сторонниковъ мнѣнія о томъ, что Правда не была законодательствомъ Ярослава, мы должны остановиться на Поповѣ

¹⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства, Москва, 1888, стр. 178.

²⁾ Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. III, стр. 366—367.

³⁾ См. разборъ взглядовъ Погодина въ «Предварительныхъ юридическихъ свѣдѣніяхъ для полнаго объясненія Русской Правды», отдѣленіе первое.

⁴⁾ Исторія Русскаго Народа, т. I.

и г. Дювернуа. Поповъ полагалъ, что сначала существовали частные сборники «вѣчевыхъ или думскихъ рѣшеній подѣ председательствомъ князей», составленные въ разныхъ мѣстахъ и потому неполные. Однимъ изъ такихъ сборниковъ была Правда новгородская. «Разсматривая ея содержаніе, можно заключить, что она составлена во времена сыновей Ярославовыхъ, ибо въ ней нѣтъ многихъ имъ принадлежащихъ законовъ и ни одного изъ законовъ Владимира Мономаха»¹⁾. У г. Дювернуа, наконецъ, мы встрѣчаемся съ попыткой болѣе обстоятельнаго обоснованія взгляда, что древнѣйшая редакція Правды имѣла мѣстное, новгородское значеніе—по крайней мѣрѣ первоначально: онъ повторяетъ первое доказательство Погодина (о русинѣ и словенинѣ), принимаетъ и второй его доводъ и кромѣ того присоединяетъ три своихъ: лѣтопись говоритъ, что Правда дана Новгороду; это подтверждается и статьями, не ограничивающимися Новгородомъ (слѣдующими за 17-й статьей Академическаго списка): «необходимость сдѣлать на югѣ такъ близко ко времени Ярослава перемѣны противъ Ярославовой Правды служить указаніемъ, что она возникла именно не на югѣ»; за это же говоритъ, наконецъ, большее сравнительно съ другими развитіе новгородской общины²⁾.

Мы имѣли уже случай указать выше на разрушительную критику лѣтописныхъ извѣстій о Правдѣ у Розенкампа, Попова и Калачова; послѣ ихъ замѣчаній не имѣютъ значенія въ вопросѣ о времени происхожденія нашего источника никакія ссылки на свидѣтельство лѣтописей. Лишено важности и замѣчаніе Бѣляева о заглавіи «Судъ Ярослава», приводимое имъ въ доказательство того, что Русская Правда относится ко времени Ярослава: первыхъ заглавіе «Судъ Ярославль Володимѣричъ» помѣщено только въ спискахъ пространнаго текста (см., напримѣръ, Троицкій), въ краткихъ же спискахъ находится только заголовокъ: «Правда Росѣкая», такъ что это указываетъ, что составитель краткой редакціи сознавалъ неправильность мнѣнія о принадлежности всего, занесеннаго имъ въ свою рукопись, Ярославу; это чрезвычайно характерно, такъ какъ служитъ подтвержденіемъ мысли, что дошедшій до насъ краткій текстъ Правды не сложился изъ двухъ разновременныхъ сборниковъ, и лишній разъ убѣждаетъ насъ въ необходимости отрицательно относиться къ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ о Русской Правдѣ: слова лѣтописателя находятся въ противорѣчіи не только съ приводимымъ имъ тек-

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 29.

²⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 61—62.

стомъ нашего источника, но и съ взглядами составителя этого текста: очевидно, лѣтописатель и первый редакторъ краткой Правды—разные люди; во-вторыхъ, доводъ Бѣляева несостоятеленъ еще потому, что, даже при наличности указываемаго имъ заголовка, не было бы основанія утверждать, что частный сборникъ, извѣстный подъ названіемъ краткой Правды, возникъ при Ярославѣ: самое большее, что можно и должно вывести изъ факта существованія въ краткой редакціи Ярославовыхъ постановленій, заключается въ томъ, что эта редакція не могла возникнуть до Ярослава. Остается третій доводъ Бѣляева—соотвѣстствіе содержанія Правды духу времени, но онъ самъ признаетъ, что это доказательство свидѣтельствуетъ только, что краткій текстъ не могъ составиться *позднѣе сыновей Ярослава*, а не самого его. Итакъ, пока не доказано существованіе сборника, содержащаго постановленія, которыя относятся только ко времени одного Ярослава, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ никакихъ основаній относить возникновеніе краткой редакціи къ его княженію. Наличность постановленій Изяслава съ братьями несомнѣнно указываетъ, что краткая Правда образовалась не раньше 1054 года. Опредѣливъ *terminus a quo*, намъ остается еще указать на *terminus ante quem*. Въ этомъ отношеніи цѣнно мнѣніе Попова, отмѣчающаго, что въ краткомъ текстѣ нѣтъ постановленій Мономахъ и нѣкоторыхъ рѣшеній Ярославичей. Въ самомъ дѣлѣ: такъ какъ краткую редакцію нельзя считать ни сокращеніемъ, ни отрывкомъ пространнаго текста, то и отсутствіе этихъ постановленій нельзя объяснить произволомъ составителя первой редакціи. Они не помѣщены, слѣдовательно, потому, что еще не были готовы въ эпоху составленія краткаго текста. Что дѣйствительно не всѣ «уставы» Изяслава съ братьями вошли въ составъ краткихъ списковъ,—это видно изъ слѣдующаго примѣра: 58-я статья Троицкаго списка (76-я Карамзинскаго, 80-я Синодальнаго) читается слѣдующимъ образомъ: «а се аже холопъ оударить свободна мужа, а оубѣжитъ въ хоромъ, а господинъ его не выдастъ, то платити дань господину 12 гривенъ, а за тѣмъ, аче и кдѣ налѣзеть оударенны тѣ своего истыца, кто его оударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ оубити и; но сынове его по отци оуставиша на куны, любо бити и развязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ;» въ Академическомъ списокѣ мы не находимъ того постановленія сыновей Ярослава, которое отмѣчено въ этой статьѣ: въ 16-й статьѣ Академическаго списка помѣщено только постановленіе самого Ярослава. Этотъ примѣръ важенъ еще потому, что даетъ основаніе для болѣе точнаго опредѣленія времени, когда былъ составленъ краткій текстъ: тутъ, очевидно, идетъ рѣчь о

постановленіи по крайней мѣрѣ трехъ старшихъ Ярославичей, которые *вмѣстѣ* правили русской землею до 1073 г., когда Изяславъ былъ изгнанъ изъ Кіева братьями. Такимъ образомъ краткій текстъ Русской Правды поставленъ былъ до 1073 г., т.-е. въ теченіе третьей четверти XI вѣка (1054—1073 гг.).

Приведенныя выше возраженія Калачова на доказательства новгородскаго происхожденія краткой Правды, выставлемыя Погодинымъ, чрезвычайно вѣски: въ самомъ дѣлѣ, лѣтописи въ донномъ вопросѣ не заслуживаютъ довѣрія, а статья о русинѣ и словянинѣ, хотя бы даже она возникла изъ судебного рѣшенія, состоявшагося въ Новгородѣ, ничего не говоритъ въ пользу новгородскаго происхожденія цѣлаго сборника. Неубѣдительно замѣчаніе г. Дювернуа о томъ, что необходимость скорыхъ перемѣнъ въ Ярославовой Правдѣ на югѣ указываетъ на ея сѣверное происхожденіе: какое основаніе имѣемъ мы приписывать происхожденіе этихъ перемѣнъ вліянію *мстныхъ* условий, особенностей южной Руси? не вѣрнѣе ли дѣйствія условий *времени*, потребности котораго стали въ противорѣчія съ стариннымъ обычаемъ кровной мести? Не даромъ это новое рѣшеніе принадлежитъ не одному какому-либо князю съ его дружиной, но троимъ Ярославичамъ, владѣвшимъ уже, очевидно, всею Русью, въ томъ числѣ Изяславу, которому былъ подчиненъ и Новгородъ, куда имъ посланъ былъ посадникъ Остромиръ¹⁾; стало быть, и въ Новгородѣ должно было дѣйствовать постановленіе съѣзда Ярославичей съ ихъ «мужами». Остается указываемое г. Дювернуа большее сравнительно съ другими развитіе новгородской общины, но, не говоря уже о томъ, что это — косвенное доказательство, не имѣющее значеніе безъ другихъ, большее развитіе новгородскаго общества относится, какъ извѣстно, къ позднѣйшему времени: первый выборный посадникъ упоминается подъ 1126 г.²⁾, выборы владыки впервые встрѣчаются подъ 1156 г.³⁾, Владимиръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ посылаютъ своихъ посадниковъ въ Новгородъ⁴⁾ и судятъ новгородцевъ въ Кіевѣ⁵⁾.

Изложенныя соображенія заставляютъ признать недоказаннымъ мнѣніе о новгородскомъ происхожденіи частнаго юридическаго сборника, называемаго краткой Русской Правдой. Вообще по вопросу о томъ, гдѣ возникъ этотъ сборникъ, возможны только

¹⁾ Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, 6572 г., стр. 70-я.

²⁾ Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей, т. III, 6634 г., стр. 5.

³⁾ Тамъ же, 6664 г., стр. 12.

⁴⁾ Тамъ же, 6628 г., стр. 5.

⁵⁾ Тамъ же, 6626 г., стр. 4.

однѣ догадки, не обоснованныя прочными данными. Если признать, что Русская Правда составилаь подѣ влияніемъ потребностей духовнаго суда, редактирована духовными лицами, то самой вѣроятной догадкой окажется въ такомъ случаѣ предположеніе, что краткій текстъ составленъ былъ въ Кіевѣ, этомъ центрѣ духовной юрисдикціи, бывшемъ мѣстопребываніемъ верховнаго іерарха русской церкви. Это, конечно, не исключаетъ возможности того, что на многихъ постановленіяхъ лежитъ мѣстный, въ томъ числѣ и новгородскій, колоритъ: записаны были законы, обычаи и судебныя рѣшенія, имѣвшіе мѣсто въ разныхъ областяхъ русской земли.

III.

Списки пространнаго текста Русской Правды классифицированы Калачовымъ. Въ «Предварительныхъ юридическихъ свѣдѣніяхъ для полнаго объясненія Русской Правды» онъ раздѣлилъ ихъ на три редакціи или фамилии: 1) списки въ Кормчихъ Кирилловскаго разряда и «Мѣрилахъ Праведныхъ», дѣлящіеся въ свою очередь на три разряда съ такими типическими представителями: первый разрядъ—Синодальный списокъ, второй—Троицкій, третій—списокъ князя Оболенскаго; 2) списки Софійскихъ Временниковъ; 3) списки позднѣйшихъ сборниковъ отдѣльныхъ статей различнаго содержанія (—Пушкинскій, Погодинскій, Троицкій IV, сдѣланный Бардинымъ для Царскаго и Болтинское изданіе); эти списки сходны съ Троицкимъ, но имѣютъ лишнія статьи «о копы» и «о конѣ порченомъ», не имѣютъ статьи «о судебныхъ уроцѣхъ» и одной статьи о холопствѣ¹⁾. Въ другомъ изданіи своемъ—«Текстъ Русской Правды»—Калачовъ нѣсколько видоизмѣнилъ свою классификацію: типическими представителями разныхъ редакцій пространнаго текста здѣсь признаны списки Троицкій (въ «Мѣрилѣ Праведномъ» конца XIV вѣка, хранящемся въ монастырской библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры), Карамзинской (находится въ Новгородской лѣтописи, принадлежавшей Засѣцкому, а потомъ Карамзину, и относится къ XV вѣку; съ нимъ сходны списки, помѣщенные въ Софійскомъ Временникѣ) и князя Оболенскаго (находится въ Кормчей, принадлежавшей прежде князю Оболенскому и подаренной имъ московскому Архиву министерства иностранныхъ дѣлъ; это списокъ второй половины XVII вѣка; съ нимъ сходенъ лишь одинъ списокъ—въ

¹⁾ См. второе отдѣленіе „Предварительныхъ юридическихъ свѣдѣній для полнаго объясненія Русской Правды“.

Кормчей, принадлежащей Императорской публичной библиотекѣ въ Петербургѣ) ¹⁾. Здѣсь справедливо оставлены безъ вниманія списки Пушкинскій, Погодинскій и прочіе имъ подобныя, такъ какъ они имѣютъ лишь незначительныя отмѣны сравнительно съ Троицкимъ и потому самостоятельной редакціи не должны составлять. Но слѣдуетъ выдѣлить въ особую редакцію Синодальный списокъ, помѣщенный въ Коричей конца XIII вѣка, хранящейся въ библиотекѣ св. синода. Такимъ образомъ можно считать четыре редакціи пространнаго текста Русской Правды: первая представляется Синодальнымъ спискомъ, вторая Троицкимъ, къ третьей принадлежатъ списки сходные съ Карамзинскимъ, типическимъ представителемъ четвертой служить списокъ князя Оболенскаго.

Исслѣдователи Русской Правды не оставили безъ вниманія важнаго вопроса о хронологической послѣдовательности и преемственной связи этихъ редакцій пространнаго текста. По мнѣнію большинства, Синодальный списокъ представляетъ собою редакцію болѣе древнюю, чѣмъ прочіе списки пространной Правды. Такого взгляда держался еще Тобинъ, указывавшій также, что статьи краткаго текста перешли въ Синодальную редакцію въ точномъ порядкѣ ихъ первоначальной системы, но перебились еще дополнительными статьями ²⁾. Такъ же думалъ г. Дювернуа: онъ видѣлъ главное различіе между краткимъ и пространнымъ текстами Правды въ томъ, что первый—хронологическая редакція, а второй систематическая; допуская существованіе простѣйшихъ систематическихъ сборниковъ, чѣмъ намъ извѣстныя, г. Дювернуа все-таки считалъ древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ Синодальный списокъ. Систематизаторъ, результатомъ работы котораго явился текстъ этого списка, старался сохранить порядокъ статей Ярославовой Правды: сначала объ убійствѣ, затѣмъ о личныхъ обидахъ, объ имущественныхъ правонарушеніяхъ и обязательствахъ, возникающихъ изъ договоровъ. «По мѣрѣ накопленія новыхъ предметовъ, составитель терялъ изъ виду планъ цѣлаго сборника и заботился лишь о соединеніи ихъ въ одну группу». Статьи о холопствѣ и наслѣдствѣ сначала входили въ другой какой-либо сборникъ, потомъ уже внесены въ Правду. Статья «о женѣ» образовалась позднѣе: это доказывается мѣстомъ, ею занимаемымъ. Результаты работы позднѣйшаго систематизатора

¹⁾ *Калачовъ*, Русская Правда. Четыре списка разныхъ редакцій, Москва, 1847, предисловіе.

²⁾ *Tobien*. Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes. I Band. Die Prawda Russkaia, Dorpat, 1844, S. 24, 26

(см. Троицкій списокъ) заключались въ слѣдующемъ: онъ не выбросилъ отмѣненныхъ законовъ Ярослава, а лишь отмѣтилъ ихъ отмѣну (Троицкій списокъ, статьи 2-я, 7-я, 8-я, 58-я); всѣ статьи объ убійствѣ изъ обѣихъ частей краткой Правды соединены вмѣстѣ, за исключеніемъ статьи «о женѣ», очевидно, вошедшей позднѣе въ составъ Правды; при этомъ въ статьяхъ объ убійствѣ рядъ обобщеній: «вмѣсто отдѣльныхъ казусовъ общія положенія»; такъ обобщены 19-я, 20-я, 21-я, 38-я статьи Академическаго списка; статьи о личныхъ обидахъ подверглись также лучшей группировкѣ: сначала сказано объ ударѣ мечомъ не обнаженнымъ, потомъ обнаженнымъ, другимъ орудіемъ, о послѣдствіяхъ удара; наконецъ, прибавлено новое постановленіе объ ударѣ мечомъ съ послѣдствіемъ—смертью; статьи объ имущественныхъ преступленіяхъ—въ прежнемъ порядкѣ, но встрѣчаются новыя положенія о сводѣ, гдѣ новая точка зрѣнія: говорится о сводѣ уже не въ своемъ міру, а по городамъ; 29-я и 40-я статьи Академическаго списка поставлены вмѣстѣ и обобщены (нѣтъ перечисленія видовъ скота, и число лицъ—10, 18—оставлено безъ вниманія), притомъ въ основу положено свойство воровства (смотря по тому, совершенно ли оно изъ клѣти, или нѣтъ) ¹⁾.

Соображеніямъ г. Дювернуа нельзя отказать въ цѣнности и вѣрности; только какъ будто выходить, что и позднѣйшіе систематизаторы имѣли дѣло непосредственно съ краткимъ текстомъ, обходясь безъ посредствующихъ пособій, безъ систематизаторскихъ работъ болѣе ранняго времени. Мы полагаемъ, что, напротивъ, они имѣли дѣло съ этими первоначальными попытками сведенія статей Правды въ систему и, пользуясь ими, усовершенствовали порядокъ статей. Для того, чтобы въ этомъ отношеніи не оставалось никакихъ недоразумѣній, сравнимъ между собою редакціи списковъ Синодальнаго и Троицкаго. Сорокъ девять первыхъ статей Троицкаго списка, исключая одну—15-ую, имѣютъ себѣ точно соответствующія по содержанію 1—48 статьи Синодальнаго списка; 15-ой статьи Троицкаго списка («о поклепной вирѣ») нѣтъ въ Синодальномъ. Далѣе въ Троицкомъ списокѣ находятся двѣ статьи (50-я и 51-я), которыя въ списокѣ Синодальномъ помѣщены гораздо ближе къ концу (73-я и 74-я статьи Синодальнаго списка). Очевидно, составитель позднѣйшей редакціи имѣлъ въ рукахъ списокъ болѣе древней (Синодальной) и перенесъ эти двѣ статьи къ началу списка. Причина переноса ясна: 50-я и 51-я статьи

---

¹⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 80—87.

Троицкаго списка (73-я и 74-я Синодальнаго) посвящены вопросу о несостоятельности; въ Синодальномъ списокѣ статьи эти находятся въ слѣдующемъ обществѣ: въ предшествующей имъ статьѣ (72-й) говорится «объ урокахъ ротныхъ», а въ слѣдующей за ними (75-й) идетъ рѣчь объ отвѣтственности закупа за потерю хозяйскихъ вещей, и то и другое не имѣетъ никакого отношенія къ содержанію статей, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь; зато ихъ содержаніе чрезвычайно близко подходитъ къ содержанію 46—49-й статей Троицкаго списка, послѣ которыхъ онѣ тамъ и помѣщены: 46—49 статьи говорятъ о займѣ съ процентами, а занимающія насъ статьи—о несостоятельности, т. е. фактѣ, имѣющемъ отношеніе къ займу. Вотъ первый примѣръ систематизаціи. Далѣе: 52-я статья Троицкаго списка вполне соответствуетъ 49-й статьѣ Синодальнаго. Очевидно, составитель Троицкой редакціи оставилъ эту статью на прежнемъ мѣстѣ, и различіе въ нумераціи статей произошло тутъ, во-первыхъ, оттого, что въ Синодальномъ списокѣ нѣтъ статьи «о поклепной вирѣ», и, во-вторыхъ, оттого, что въ Троицкомъ списокѣ, какъ мы видѣли, двѣ статьи перенесены впередъ. Затѣмъ въ Троицкомъ списокѣ помѣщены статьи (53—58-я), которыя въ Синодальномъ находятся опять гораздо ниже (75—80-я). Статьи эти, которыя содержатъ постановленія о закупѣ и о наказаніи холопа за ударъ, нанесенный имъ свободному человѣку, не имѣютъ въ Синодальномъ списокѣ никакой связи ни съ предыдущими—74-я говоритъ о порядкѣ конкурса при несостоятельности,—ни съ послѣдующими—въ 81-й говорится о борти. Напротивъ въ Троицкомъ списокѣ онѣ поставлены между тѣми статьями, которыя чрезвычайно подходятъ къ нимъ по содержанію: 52-я статья Троицкаго списка трактуетъ о закупѣ, а 59-я о случаяхъ, когда послухами могутъ быть холопъ и закупъ. Вотъ новое проявленіе систематизаторскихъ цѣлей и притомъ на основѣ знакомства съ тѣмъ текстомъ, представителемъ котораго служить Синодальный списокъ. Статьи 50—58 Синодальнаго списка оставлены въ Троицкомъ на томъ же мѣстѣ. 84—95 статьи Синодальнаго списка содержатъ въ себѣ постановленія о кражѣ, мукѣ, уничтоженіи чужой собственности и процессуальныхъ особенностяхъ въ дѣлахъ объ этихъ преступленіяхъ, т. е. тутъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о преступленіяхъ, нарушающихъ имущественныя права. Въ Синодальномъ списокѣ статьи эти опять не имѣютъ никакого отношенія ни къ предыдущимъ (80-я ст. трактуетъ объ ударѣ, нанесенномъ холопомъ свободному человѣку), ни къ послѣдующимъ (96-я опредѣляетъ «урокъ городникамъ»). Что же касается Троицкаго списка, то тутъ можно уловить нѣкоторую связь: въ

предыдущихъ статьяхъ (62—66-й) говорится также о преступленіяхъ противъ имущественныхъ правъ. Конечно, эта систематизаторская попытка съ современной точки зрѣнія можетъ быть названа несовершенною, такъ какъ между перенесенными съ цѣлью систематизаціи статьями, представляющими взаимную связь, замѣшались двѣ статьи «о мукѣ», къ нимъ по содержанію не подходящія, но это указываетъ на невыдержанность плана, на недостатокъ систематизаціи, а не на отсутствіе ея. 83—89-я статьи Троицкаго списка стоятъ въ томъ же порядкѣ, какъ и соотвѣтствующія имъ 59—65-я Синодальнаго, оставлены безъ перемѣны мѣста. Далѣе: 96—100 статьи Синодальнаго списка, содержащія опредѣленіе уроковъ за постройку городскихъ стѣнъ и мостовъ, а также постановленія о наслѣдствѣ, опять не имѣютъ связи ни съ предыдущими, ни съ послѣдующими статьями этого списка. Поэтому онѣ перенесены въ Троицкомъ списокѣ впередъ (см. 90—94 статьи Троицкаго списка) и помѣщены между статьями о наслѣдствѣ (89-й Троицкаго списка съ одной стороны и 95-й съ другой). Составитель редакціи Троицкой, очевидно, хотѣлъ соединить въ одномъ мѣстѣ всѣ статьи о наслѣдствѣ, хотя вмѣстѣ съ ними неумѣло перенесъ также статьи объ урокахъ городнику и мостнику. Наконецъ, благодаря всѣмъ предыдущимъ перестановкамъ, 66—72 статьи Синодальнаго списка оказались соотвѣтствующими 95—100-й статьямъ Троицкаго списка. Въ концѣ расположеніе статей обѣихъ редакцій одинаково: статьи 103—115 Троицкаго списка соотвѣтствуютъ 101—114 Синодальнаго.

Мы старались возстановить процессъ систематизаторской работы позднѣйшаго редактора съ цѣлью, главнымъ образомъ, убѣдиться въ томъ, что болѣе поздняя систематическая редакція (Троицкая) слагалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ не хронологической—краткой, а ранней систематической (Синодальной). Сдѣланныя наблюденія лишній разъ подтверждаютъ справедливость мнѣнія Тобина и г. Дювернуа о болѣе древности Синодальной редакціи сравнительно съ Троицкой. Того же мнѣнія держится и г. Мрочекъ-Дроздовскій ¹⁾. Но Ланге высказалъ противоположный взглядъ: онъ объяснялъ отличія въ порядкѣ расположенія статей Синодальнаго списка сравнительно съ Троицкимъ тѣмъ, что «Синодальный списокъ искаженъ при перепискѣ», что «переписчикъ сначала дѣлалъ неизвѣстно съ какою цѣлью пропуски, а потомъ въ концѣ пропущенныя имъ статьи прибавилъ» ²⁾. Другими сло-

¹⁾ Изслѣдованія о Русской Правдѣ, выпускъ II, Москва, 1885, стр. XXXVII.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 19.

вами, по мнѣнію Ланге, текстъ редакціи Троицкаго списка болѣе древній, составитель же болѣе новой редакціи, представителемъ которой является Синодальный списокъ, перемѣнилъ порядокъ статей. Такое объясненіе чрезвычайно натянуто, не имѣетъ прочныхъ основаній: принимая его, приходится предполагать «*неизвѣстную цѣль*», которую имѣлъ въ виду составитель Синодальной редакціи, дѣлая совершенно-безсмысленныя перестановки. Мы видѣли, насколько яснымъ представляется дѣло при противоположной точкѣ зрѣнія.

Обратимся теперь къ сравненію 2-ой и 3-ей редакцій пространной Правды, т. е. Троицкаго списка съ Карамзинскимъ. Различія между ними сводятся къ слѣдующему: I. Въ Карамзинскомъ списокѣ нѣтъ статьи «оуроци ротнии» (Троицкій списокъ, статья 101): II. Въ Троицкомъ списокѣ нѣтъ слѣдующихъ статей Карамзинскаго: 1. 49—65-ой, опредѣляющихъ приплодъ и приростъ на извѣстное количество скота или земледѣльческихъ продуктовъ въ теченіе 12-ти лѣтъ; 2. 18-ой статьи, гласящей: «а суднымъ кунамъ росту нѣтъ»; 3. 133-ей Карамзинскаго списка, по которой человекъ, бѣжавшій изъ извѣстной мѣстности безъ уплаты долговъ, лишается довѣрія; 4. 134-й, содержащей новгородскій уставъ «о мостѣхъ»; 5. 135-ой статьи—о мукѣ; всего въ Троицкомъ списокѣ недостаетъ двадцати одной статьи Карамзинскаго. III. Наконецъ, мы замѣчаемъ слѣдующія различія въ расположеніи статей: статьи 62-я и 63-я Троицкаго списка расположены въ Карамзинскомъ въ обратномъ порядкѣ: сначала помѣщена статья, соотвѣтствующая 63-ей Троицкаго списка (80-я Карамзинскаго), а потомъ соотвѣтствующая 62-ой (81-я Карамзинскаго списка); также въ обратномъ порядкѣ помѣщены въ Карамзинскомъ списокѣ 99-я и 100-я статьи Троицкаго списка (см. 117 и 118 Карамзинскаго).

Отсутствіе статьи о «ротныхъ урокахъ» въ Карамзинскомъ списокѣ не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ это—признакъ не цѣлой редакціи списковъ, а только одного Карамзинскаго: въ другихъ спискахъ той же редакціи статья эта есть ¹⁾ и, значитъ, она не попала въ Карамзинскій по небрежности переписчика или по какому-либо недоразумѣнію, вообще по причинамъ случайнымъ. Слѣдовательно, такъ какъ мы изучаемъ собственно не отдѣльные списки, а цѣлыя редакціи списковъ, то и имѣемъ право оставить эту частность безъ вниманія: она не составляетъ признака, характеризующаго цѣлую редакцію. Со-

¹⁾ См. *Калачовъ*, Русская Правда, четыре списка разныхъ редакцій, Москва. 1847, примѣчаніе на стр. 39—40.

вершенно другое значеніе имѣть то обстоятельство, что двадцать одной статьи Карамзинскаго списка нѣтъ въ Троицкомъ: это признакъ, характеризующій уже не отдѣльные списки, а цѣлыя редакціи: во *всѣхъ* спискахъ третьей редакціи пространнаго текста Русской Правды есть эти статьи, во *всѣхъ* спискахъ второй редакціи того же текста ихъ нѣтъ. Замѣчательно еще и то, что этихъ статей нѣтъ вообще *ни въ одной* редакціи Правды, кромѣ Карамзинской. Все это даетъ поводъ думать, что Карамзинская редакція относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ Троицкая. Предположеніе это подтверждается и соображеніями о порядкѣ статей. Изучая порядокъ статей Карамзинскаго списка и сравнивая его съ списками Синодальнымъ и Троицкимъ, мы видимъ, что въ этомъ отношеніи Карамзинскій списокъ ближе къ Троицкому, чѣмъ къ Синодальному: тѣ статьи, которыя во второй (Троицкой) редакціи пространнаго текста перенесены въ другое мѣсто сравнительно съ первой (Синодальной) редакціей, находятся въ томъ же порядкѣ и на томъ же мѣстѣ, какъ во второй редакціи, и въ спискахъ, типическимъ представителемъ которыхъ является Карамзинскій. Все различіе между Карамзинскимъ и Троицкимъ списками въ отношеніи порядка и нумераціи статей произошло вслѣдствіе того, что, во-первыхъ, въ Карамзинскомъ списокѣ больше статей, чѣмъ въ Троицкомъ, во-вторыхъ, составитель редакціи Карамзинскаго списка проявилъ также стремленіе къ систематизаціи. Это послѣднее видно уже изъ того, какое мѣсто занимаютъ въ Карамзинскомъ списокѣ вставныя, новыя статьи: такъ 18-я статья помѣщена между статьями, имѣющими съ ней нѣкоторую, хотя и внѣшнюю, связь по содержанію. Точно также 49—65 статьи помѣщены вслѣдъ за статьями о процентахъ, съ которыми онѣ находятся также въ тѣсной связи. Исключеніе, можетъ быть, представляютъ лишь 133-я, 134-я и 135-я статьи Карамзинскаго списка, помѣщенные въ концѣ и не имѣющія ни между собой ни съ предшествующими статьями никакой связи. Но это, вѣроятно же всего, произошло оттого, что составитель не умѣлъ, а не нежелалъ распределить ихъ въ лучшемъ порядкѣ. Нельзя не видѣть систематизаторской попытки и въ перестановкѣ 99-й и 100-й статей Троицкаго списка (100-я статья Троицкаго списка=117-й Карамзинскаго, 99-я Троицкаго=118-й Карамзинскаго), 100-я статья имѣетъ отношеніе къ статьямъ о наслѣдствѣ, отъ которыхъ она отдѣлена въ Троицкомъ списокѣ 99-й статьей; составитель редакціи Карамзинскаго списка нашелъ болѣе естественнымъ связать эту статью съ статьями о наслѣдствѣ и сдѣлалъ указанную перестановку. Неясны только соображенія, по которымъ 62-я и 63-я статьи Троицкаго списка поставлены въ Карамзинскомъ въ обратномъ порядкѣ.

Какъ бы то ни было, но эти перестановки являются дополненіемъ или дальнѣйшимъ развитіемъ той систематизаторской работы, которая произведена составителемъ Троицкой редакціи. А если это такъ, то этимъ подтверждается предположеніе, что 3-я редакція пространнаго текста составлена позднѣе двухъ первыхъ.

Такъ какъ предшествующія страницы были посвящены вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между второй и третьей пространными редакціями Русской Правды, то здѣсь будетъ уместно указать на мнѣніе Ланге объ этомъ вопросѣ. Онъ признаетъ первую половину пространной Правды законодательствомъ Изяслава: это, по его мнѣнію, новое изданіе Ярославова законодательства съ новѣйшими дополненіями. При этомъ слѣдуетъ различать два хронологическихъ слоя: списки, сходные съ Троицкимъ, представляютъ собою первую редакцію Изяславова устава, списки же, сходные съ Карамзинскимъ,—вторую, дополненную семнадцатью статьями. Этотъ выводъ основывается на слѣдующемъ наблюдении: въ 41-й статьѣ Троицкаго списка и 43-й Карамзинскаго кобыла цѣнится въ 60 кунъ, корова въ 40 кунъ, овца въ 5 кунъ, а по 49-й, 54-й и 56-й статьямъ Карамзинскаго списка—кобыла 3 гривны, корова 2 гривны, овца 6 нагать; это указываетъ на измѣненіе цѣнности скота и заставляетъ предполагать позднѣйшее внесеніе ряда статей въ уставъ Изяслава; такъ какъ Ланге считаетъ доказаннымъ официальное происхожденіе Русской Правды, то, слѣдовательно, внесены эти статьи тоже Изяславомъ, но позднѣе ¹⁾.

Вторую половину пространнаго текста Ланге признаетъ законодательствомъ Владимира Мономаха—на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) во всѣхъ пространныхъ спискахъ находится написанное киноварью съ особыми заставками заглавіе: «Оуставъ Володимѣрь Всеволодича», 2) послѣ этого заглавія система расположенія статей иная, чѣмъ до него, 3) не могъ Владимиръ только для одного постановленія «о рѣзѣ» созвать дружину: она была созвана для многихъ рѣшеній ²⁾.

Оставляя въ этомъ взглядѣ въ сторонѣ все то, что обусловлено убѣжденіемъ автора въ официальномъ характерѣ Правды, мы должны признать, что въ общемъ онъ раздѣляетъ мнѣніе о болѣе позднемъ происхожденіи Карамзинской редакціи сравнительно съ Троицкой.

Разсматривая, наконецъ, порядокъ статей въ четвертой редакціи пространной Правды, представляемой спискомъ князя Обо-

¹⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 7, 8 и 11.

²⁾ Тамъ же, стр. 15 и 16.

ленскаго, замѣчаемъ, что онъ находится въ прямой противоположности съ порядкомъ статей въ Синодальномъ списокѣ: такъ 21—23 статьи списка князя Оболенскаго соотвѣтствуютъ 51-й, 52-й и 54-й статьямъ Синодальнаго Списка, а 19-я и 20-я статьи списка князя Оболенскаго соотвѣтствуютъ 73-й и 74-й Синодальнаго. Точно также статьи, соотвѣтствующія въ Синодальномъ списокѣ 24—33 статьямъ списка князя Оболенскаго, помѣщены въ первомъ списокѣ ниже статей, соотвѣтствующихъ 34—39 статьямъ второго (см. съ одной стороны 81-ю, 82-ю, 87—94-ю статью Синодальнаго списка, съ другой—59-ю, 60-ю, 62—65-ю того же списка). Итакъ нѣтъ никакого соотвѣтствія въ расположеніи статей между первой и четвертой пространными редакціями Русской Правды. Зато, начиная съ 8-ой статьи списка кн. Оболенскаго, замѣчается большая аналогія въ расположеніи статей между четвертой и второй (Троицкой) редакціей, если не считать, конечно, пропусковъ. Это даетъ право предполагать, что текстъ Синодальной редакціи не повліялъ непосредственно на редакцію князя Оболенскаго, и эта послѣдняя составила, всего вѣроятнѣе, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Троицкаго текста. Правда, порядокъ статей Карамзинскаго списка тоже сходенъ съ порядкомъ ихъ въ списокѣ князя Оболенскаго, но это объясняется тѣмъ, что составители 3-й и 4-й редакцій одинаково имѣли подъ руками вторую, которая и послужила имъ матеріаломъ для обработки; догадка о томъ, что составитель 4-й редакціи не пользовался третьей (Карамзинской), подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ списокѣ князя Оболенскаго не проскользнула ни одна изъ тѣхъ двадцати одной статей Карамзинскаго списка, которыхъ нѣтъ въ Троицкомъ. Есть еще одно обстоятельство, дѣлающее несомнѣннымъ выводъ, что 4-я редакція позднѣе 1-й: въ списокѣ кн. Оболенскаго есть статья «о поклепной вирѣ», которой недостаетъ въ Синодальномъ. Не можетъ быть принято и предположеніе, что 4-я редакція древнѣе второй (Троицкой): если бы это было такъ, то текстъ четвертой редакціи служилъ бы посредствующимъ звеномъ между редакціями Троицкой и Синодальной; въ порядкѣ расположенія статей между спискомъ кн. Оболенскаго и Синодальнымъ, какъ мы видѣли, нѣтъ сходства; слѣдовательно, мы должны предположить, что составитель четвертой пространной редакціи раньше составителя второй (Троицкой) или, хотя и не раньше, но совершенно независимо отъ него сдѣлалъ значительныя перемѣны въ расположеніи статей, вставилъ статью о поклепной вирѣ, измѣнилъ редакцію нѣкоторыхъ статей, наконецъ, многія (цѣлыхъ 59 статей Синодальнаго списка) выбросилъ; но, во-первыхъ, при такомъ

сокращенія въ количествѣ статей, перемѣна ихъ порядка теряетъ тотъ логическій смыслъ, который она имѣетъ, какъ мы въ этомъ убѣдились, во второй редакціи; во-вторыхъ, при столь очевидныхъ стремленіяхъ составителя редакціи списка кн. Оболенскаго къ сокращеніямъ, странно было бы предполагать, что онъ вставилъ новую статью; въ-третьихъ, наконецъ, было бы необъяснимо, почему статьи, измѣнившія свою редакцію въ текстѣ 4-й редакціи, приняли снова прежній видъ во второй: для перемѣны такого рода должны быть серьезныя причины, которыя не могли имѣть мимолетное значеніе. Итакъ, четвертая редакція пространной Русской Правды позднѣе всѣхъ другихъ. Замѣтимъ еще, что при внимательномъ разсмотрѣніи содержанія списка кн. Оболенскаго, выясняется тотъ немаловажный фактъ, что составитель 4-й редакціи какъ-будто игнорируетъ подробности, имѣвшія въ эпоху дѣйствія Русской Правды первостепенную важность на практикѣ, и такіе институты, которые впослѣдствіи исчезли. Ограничимся наиболѣе рельефными примѣрами: такъ въ списокъ кн. Оболенскаго нѣтъ 10-ти статей Троицкаго списка, посвященныхъ вопросу о вознагражденіяхъ различныхъ княжескихъ чиновниковъ, участвовавшихъ въ судопроизводствѣ (7, 8, 16, 67, 82, 90, 91, 99, 100 и 101 Троицкаго списка); точно также въ статьяхъ объ убійствѣ въ списокъ кн. Оболенскаго опущены опредѣленія размѣровъ головничества (11, 12, 14 статьи Троицкаго списка) и статья, регулирующая порядокъ и срокъ уплаты виры, вносимой вервью (4-я Троицкаго списка); чрезвычайно замѣчательно также полное отсутствіе въ списокъ кн. Оболенскаго статей о закупѣ (52, 55—59 статьи Троицкаго списка)¹⁾ и т. д. И эти наблюденія подтверждаютъ взглядъ на четвертую пространную редакцію, какъ на позднѣйшую.

Нѣтъ ли возможности точнѣе опредѣлить время появленія каждой изъ четырехъ редакцій пространной Русской Правды? Этотъ вопросъ также занималъ нѣкоторыхъ изслѣдователей. Г. Дювернуа относитъ переходъ отъ хронологическихъ къ систематическимъ сборникамъ еще ко временамъ Ярославичей: это видно изъ того, что въ краткой Правдѣ нѣтъ важной отмѣны 16-й статьи Академическаго списка, которая есть въ пространной (58-я статьи Троицкаго списка) и сдѣлана сыновьями Ярослава, такъ что краткая Правда уже при дѣтяхъ Ярослава была неполна и непригодна для практики. Но эти соображенія г. Дювернуа не относятся собственно къ Синодальной редакціи, которой, по его мнѣнію, предшествовали другіе, дѣйствительно первообразные систематическіе сборники¹⁾. Попытку болѣе точнаго

¹⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 80.

опредѣленія времени происхожденія Синодальной и Троицкой редакцій представилъ г. Мрочекъ-Дроздовскій: указавъ, что, по Калайдовичу и Строеву, «Мѣрила Праведныя» составлены въ первой половинѣ XII вѣка, и что Троицкій списокъ находится въ одномъ изъ нихъ, онъ заключаетъ изъ этого, что Троицкая редакция относится къ тому же времени; текстъ Синодальнаго списка сложился, значить, раньше: такъ какъ въ немъ есть Мономаховы уставы, то въ первой четверти XII вѣка¹⁾.

О времени образованія третьей (Карамзинской) редакціи пространнаго текста Русской Правды можно составить себѣ представленіе на основаніи одного замѣчанія Ланге: онъ говоритъ, что «статья «о мѣдѣ», вѣроятно, прибавлена не раньше XIV столѣтія, такъ какъ упоминается здѣсь наказаніе *кнутомъ*, и слово *доорянникъ* не было извѣстно у насъ въ древнія времена»²⁾, такимъ образомъ Карамзинскій текстъ окончательно сложился лишь въ XIV в.; впрочемъ этотъ выводъ не исключаетъ еще возможности существованія редакціи Русской Правды, которая заключала бы въ себѣ всѣ добавочныя статьи Карамзинскаго списка сравнительно съ Троицкимъ, за исключеніемъ послѣдней, 135-й, и даже, можетъ быть, новгородскаго устава «о мостѣхъ» (134 статья Карамзинскаго списка). Мы уже имѣли случай отмѣтить, что 4-я редакция составила въ то время, когда Русская Правда имѣла уже чисто историческое значеніе, постановленія, въ ней записанныя, перестали уже дѣйствовать на практикѣ. По мнѣнію Ланге, въ словахъ «любо разсудити по мужи смотря» (1-я статья списка кн. Оболенскаго) «такъ и слышится современникъ постановленій XVI или XVII вѣка, въ которыхъ часто употреблялось выраженіе: наказати по челоуѣку смотря». «Составитель... внести иногда въ Правду современныя ему языкъ и понятія, на примѣръ, понятіе о безчестіи (2-я, 4-я статьи), о которомъ въ другихъ ея спискахъ вовсе не упоминается»³⁾.

Когда закончилось образованіе Русской Правды? Разрѣшая этотъ вопросъ, мы оставимъ въ сторонѣ редакцію списка князя Оболенскаго, какъ не имѣющую важности для изученія нашего источника, а также тѣ *leges extraneae*, о которыхъ говоритъ Тобинъ и которыя онъ относитъ къ половинѣ XIII вѣка (урокъ городникамъ къ 1262 г., а уставъ «о мостѣхъ» къ 1240)⁴⁾, наконецъ,

¹⁾ Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, выпускъ II, Москва, 1885, стр. XXXVI—XXXVII.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 19.

³⁾ Тамъ же, стр. 5 и 6.

⁴⁾ *Sammlung kritisch — bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes*, I Band, S. 29—31.

даже статью «о мѣѣ», сложившуюся, по Ланге, въ XIV в. Для насъ важно знать, когда образовалась окончательно Русская Правда въ существенныхъ своихъ чертахъ, когда сложились тѣ юридическія нормы, которыя, войдя въ Правду, имѣли практическое значеніе наравнѣ съ большей частью другихъ ея статей, хотя и были послѣднимъ въ хронологическомъ отношеніи элементомъ Правды. Въ литературѣ на этотъ вопросъ существуетъ два взгляда: одинъ высказанъ Поповымъ¹⁾ и состоитъ въ томъ, что составленіе Правды въ полномъ видѣ относится къ концу XIII в.: это, какъ думалъ Поповъ, видно изъ того, что пространная Русская Правда встрѣчается въ Кормчихъ Кирилловскаго разряда, которыя окончательно составились къ 1274 г.; представитель другого взгляда—г. Дювернуа, полагающій, что Русская Правда окончательно сложилась раньше XIII в.: это видно изъ ея состава и сравненія ея по содержанію съ юридическими памятниками XIII и XIV вѣковъ: въ Русской Правдѣ «ни въ статьяхъ о займѣ, ни въ способахъ возникновенія холопства—никакихъ признаковъ письменности», а между тѣмъ отъ XIII в. мы имѣемъ указанія на доски, которыми доказывалось право требованій одного лица къ другому (Новгородская первая лѣтопись, 1209 годъ), грамоты суженія (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, № 1), имѣемъ письменныя купчія, данныя (Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. I, № 5; Акты, относящіеся до юридическаго быта, т. I, № 63, I) и пр.; вообще въ Правдѣ «весь оборотъ гражданскій ограничивается однимъ движимымъ имуществомъ. Всѣ формы сдѣлокъ и процесса исключительно устныя». Къ тому же заключенію ведетъ сличеніе Русской Правды съ безсудной Мстиславовой грамотой²⁾. Мнѣніе г. Дювернуа раздѣляетъ и г. Ведровъ на томъ основаніи, что «послѣднія статьи Правды, въ особенности «о холопствѣ», по своему изложенію даютъ поводъ предполагать, что онѣ составлены послѣ Владимира Мономаха»³⁾. Мы говорили уже о времени происхожденія отдѣльныхъ редакцій нашего источника. Такъ какъ послѣдней по времени важной въ юридическомъ отношеніи редакціей была Троицкая, то, говоря о томъ, когда заключилось составленіе Правды, какъ практическаго юридическаго сборника, мы должны имѣть въ виду именно эту редакцію, а она, какъ извѣстно, составлена въ первой половинѣ XII в.: вотъ время, когда закончилось составленіе Русской Правды;

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 32.

²⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 50—51.

³⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ сравнительно съ законами салическихъ франковъ, Москва, 1877, предисловіе, стр. IX.

соображенія же Попова и г. Дювернуа имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они устраняютъ возможность приуроченія юридическихъ нормъ, содержащихся въ нашемъ памятникѣ, къ болѣе позднему времени. Мнѣніе г. Ведрова объ изложеніи послѣднихъ статей Правды необосновано и не можетъ поэтому служить аргументомъ противъ взгляда на образованіе Троицкой редакціи въ первой половинѣ XII вѣка.

Въ связи съ только что разобраннымъ вопросомъ стоитъ другой,—о времени дѣйствія Русской Правды, точнѣе, тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя нашли въ ней свое выраженіе. Обыкновенно предполагаютъ, что эти нормы дѣйствовали приблизительно до конца XIII вѣка, но г. Пахманъ думаетъ, что онѣ имѣли силу и позднѣе, такъ какъ «1) Русская Правда включена въ Кормчія, въ число такъ называемыхъ *русскихъ статей*,—статей, имѣвшихъ практическое употребленіе, 2) въ теченіе XIII и XIV вѣковъ Русская Правда дополнялась новыми статьями, имѣвшими практическое значеніе, напримѣръ, статья о мостѣхъ; и вообще до XVI вѣка она постоянно подвергалась измѣненіямъ и дополненіямъ, а измѣненія и дополненія свидѣтельствуютъ обыкновенно о практической силѣ памятника». Г. Пахманъ расширяетъ хронологическія рамки дѣйствія Русской Правды до XV или начала XVI вѣка, ибо «1. съ этого времени появляются уже Судебники, 2. въ спискахъ XVI и XVII вѣковъ Русская Правда представляется уже неизмѣнною по содержанію и формѣ»¹⁾. Это мнѣніе раздѣляетъ и г. Ведровъ²⁾, а г. Леонтовичъ думаетъ, что Русская Правда дѣйствовала въ Литвѣ со времени присоединенія къ ней западно-русскихъ областей и въ главныхъ чертахъ сохраняла свое значеніе почти до статутовъ, т. е. до второй четверти XVI вѣка и даже въ эпоху статутовъ³⁾. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что отдѣльные институты и нормы права, нашедшіе себѣ выраженіе въ нашемъ памятникѣ, пережили XIII и даже XIV вѣкъ—это можно, напримѣръ, наблюдать по литовско-рускимъ «привилеямъ»⁴⁾,—но мы имѣемъ въ виду не эти исключе-

¹⁾ О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи, Москва, 1851, стр. 9.

²⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, предисловіе, стр. I.

³⁾ Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ „Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ“ за 1865 г., февраль, стр. 5 и слѣд.

⁴⁾ Такъ, по Бѣльскому привилею, найдя вещь, можно было ее держать у себя только 3 дня; по Полоцкому, Смоленскому, Кіевскому, Жмудскому привилеямъ мать-вдова была домоправительницей и пр. См. *Ясинскій*, Уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства, Кіевъ, 1889, стр. 159, 168—171.

нія, какъ бы многочисленны они ни были, а главную массу постановленій Правды. Съ этой точки зрѣнія не только замѣчанія г. Леонтовича, но и мнѣнія гг. Пахмана и Ведрова не выдерживаютъ критики: мы имѣемъ Синодальный списокъ конца XIII вѣка; здѣсь содержаніе пространнаго текста сложилось уже почти совсѣмъ; въ этомъ отношеніи (оставляя въ сторонѣ порядокъ статей) Троицкая редакція не представляетъ существенныхъ отлѣнъ, а добавочныя статьи редакціи Карамзинской или не имѣютъ юридическаго значенія, или относятся явно къ позднѣйшему времени и не предполагаютъ необходимости дѣйствія тѣхъ статей, которыя дѣйствительно составляютъ существенное содержаніе памятника. Мы тѣмъ менѣе права имѣемъ предполагать эту необходимость, что Русская Правда—частный сборникъ, а частный редакторъ или любознательный читатель свободно могъ къ устарѣвшимъ и не дѣйствующимъ уже положеніямъ прибавить два-три новыхъ, имѣющихъ реальное практическое значеніе. Такимъ образомъ будетъ осторожнѣе не расширять предѣлы дѣйствія Русской Правды далѣе конца XIII вѣка, и мы, при изслѣдованіи ея, будемъ помнить, что мы изучаемъ источникъ русской исторіи до конца этого столѣтія.

IV.

Опредѣленіе источниковъ Русской Правды представляетъ первостепенную важность. Понятно вслѣдствіе этого то вниманіе, которое посвятили этой работѣ многіе изслѣдователи, и неудивительно, что здѣсь осталось сравнительно немного разногласій, и въ общемъ взглядъ на составъ изучаемаго памятника надо считать окончательно установившимся.

Важнѣйшимъ источникомъ Русской Правды былъ, безъ сомнѣнія, юридическій обычай: его разумѣлъ еще Эверсъ, говоря о вліяніи на Правду «общаго правоваго сознанія»¹⁾; Розенкампфъ прямо называлъ Правду собраніемъ «судебныхъ обычаевъ»²⁾; по Калачову, многія статьи нашего памятника—«древніе обычаи, записанные даже въ той общей формѣ, которую они могли имѣть въ устахъ народа»: таковы статьи о частной мести за убійство и увѣчья, о «кровавомъ мужѣ», значенія свода и пр.³⁾. Это

¹⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, Спб. 1835, стр. 11.

²⁾ Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, М., 1829, стр. VIII.

³⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, М., 1846, отдѣленіе первое, см. разборъ взглядовъ Погодина.

мнѣніе въ сущности принято и Ланге, который признаетъ, что однимъ изъ источниковъ княжескихъ уставовъ былъ и правовой обычай¹⁾. Съ Калачовымъ согласны, наконецъ, г. Дювернуа²⁾, г. Сергѣевичъ, думающій, что и статья о происхожденіи рабства заимствована изъ обычнаго права³⁾, и всѣ другіе новѣйшіе изслѣдователи. Къ указаннымъ у Калачова и г. Сергѣевича постановленіямъ, несомнѣнно заимствованнымъ изъ юридическаго обычая, слѣдуетъ по нашему мнѣнію прибавить еще рядъ другихъ: если вервь—древне-славянское учрежденіе, въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, какъ увидимъ ниже, то все то, что говорится въ Русской Правдѣ о судебномъ и полицейскомъ ея значеніи, не можетъ быть вполне чуждо обычному праву, хотя, быть можетъ, нѣкоторыя частности (напримѣръ, платежъ дикой виры князю) сложились и внѣ его вліянія; точно такое же происхожденіе имѣютъ, конечно, и постановленія о такихъ судебныхъ доказательствахъ, какъ присяга (ротъ), испытаніе желѣзомъ и водой; наконецъ, на юридическомъ обычѣ основано непремѣнное участіе послуховъ при совершеніи гражданскихъ сдѣлокъ: займъ (не всегда), куплѣ-продажѣ и пр.; статья о поклажѣ сложилась, быть можетъ, подъ тѣмъ же вліяніемъ.

Вторымъ источникомъ Русской Правды слѣдуетъ признать княжескіе уставы, законодательныя постановленія, сдѣланныя князьями по разнымъ вопросамъ. Нѣкоторые изслѣдователи склонны были даже преувеличивать значеніе этого источника, приписывали ему исключительное вліяніе на составъ Правды; такъ думалъ, напримѣръ, Поповъ⁴⁾, а Ланге утверждалъ, что въ Русской Правдѣ есть только постановленія, основанныя на обычаяхъ и судебныхъ рѣшеніяхъ, что «вообще всѣ статьи Правды имѣютъ одну, свойственную законамъ, форму предписаній»⁵⁾. Этотъ крайній взглядъ не находитъ себѣ послѣдователей въ настоящее время, тѣмъ не менѣе весьма многіе, можно сказать, всѣ изслѣдователи Русской Правды признаютъ княжескіе уставы однимъ изъ ея источниковъ. Указанія въ этомъ смыслѣ можно найти у Эверса⁶⁾, Розенкампа⁷⁾; Калачовъ отмѣчаетъ постановленія Ізяслава съ

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 21.

²⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 152.

³⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, Спб., 1883, стр. 175.

⁴⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 22 и 29.

⁵⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 21.

⁶⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 11.

⁷⁾ Обзоръ Кормчей книги, предисловіе, стр. VIII.

братьями, статью о содержаніи вирника («то ти урокъ Ярославъ»), урокъ мостникамъ¹⁾; еще подробнѣе старался опредѣлить вліяніе княжескихъ уставовъ г. Дювернуа; ему приписывалъ онъ въ краткой Правдѣ закопь объ изгоѣ, русинѣ, гридинѣ; вліяніе князя сказалось «въ перечисленіи людей, которые могутъ за себя мстить, въ той въ высшей степени важной чертѣ именно Ярославовой Правды, что она говоритъ не объ огнищанинѣ, княжомъ тіунѣ, конюхѣ и пр., а о *свободномъ мужѣ* вообще. Къ этой отвлеченной точкѣ зрѣнія не можетъ притти міръ, знающій только своихъ членовъ. Право, созданное общиною и ею охраняемое, расширяется на всякаго свободнаго мужа, хотя бы онъ и не принадлежалъ къ общинѣ»²⁾). Замѣтимъ только, что постановленія объ изгоѣ, русинѣ и гридинѣ, всего вѣроятнѣе, не результатъ законодательной дѣятельности князей, а практическія судебныя рѣшенія, какъ справедливо замѣтилъ Калачовъ. Далѣе, по г. Дювернуа, Правда Изяслава—по преимуществу княжескій уставъ, такъ какъ содержитъ виры и штрафы за княжихъ людей, уроки за княжескаго коня и борть, да и «при воровствѣ точка зрѣнія условливается не правомъ хозяина на вознагражденіе, а количествомъ продажи, которое слѣдуетъ взять съ вора»; въ заключеніе идутъ одни продажи и судебныя сборы князя³⁾). Кажется, что и здѣсь г. Дювернуа допускаетъ ту же ошибку: не дѣлаетъ различія между законодательнымъ постановленіемъ и практическимъ судебнымъ рѣшеніемъ. На княжескіе уставы указываетъ и г. Сергѣевичъ⁴⁾). Дѣйствительно, кромѣ указанныхъ выше есть еще другіе княжескіе уставы въ числѣ источниковъ Русской Правды: таковы—законъ Владимира Мономаха «о рѣзѣ», постановленіе Ярослава и его сыновей о наказаніи холопа за ударъ, нанесенный имъ свободному человѣку, уроки судебныя и ротные.

Весьма важное вліяніе на составъ Русской Правды имѣла юридическая практика: многія постановленія—не что-иное какъ простая записъ отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній. Честь перваго опредѣленнаго указанія на это принадлежитъ Калачову. Онъ считалъ записью судебныхъ рѣшеній слѣдующія статьи Правды: 21-ю статью Академическаго списка, гдѣ сказано, что за убійство «конюха стараго» платится 80 гривенъ, «яко оуставилъ

¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Прады, отдѣленіе первое, см. разборъ взглядовъ Погодина.

²⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 60—61.

³⁾ Тамъ-же, стр. 71.

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, Спб. 1883, стр. 176.

Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ дорогобоудыци»; 29-ю того же текста, содержащую постановленіе о кражѣ скота или воровствѣ изъ клѣти: если одинъ укралъ, то платитъ 3 гр. 30 рѣзанъ, если 18, то каждый по стольку; далѣе 40-ю статью Академическаго списка: о кражѣ овцы, козы или свиньи 10-ю человѣками; наконецъ, сюда же, по Калачову, относится статья о 40-гривенной пенѣ за убійство; статья эта, «очевидно, составлена изъ нѣсколькихъ практическихъ рѣшеній, выраженныхъ въ одной общей формѣ, при чемъ различныя названія лицъ (по должностямъ или сословіямъ), коихъ убійство служило къ тому основаніемъ, были естественно удержаны; вотъ почему это—номенклатура довольно не полная и расположенная въ порядкѣ произвольномъ или случайномъ». Изъ судебныхъ же рѣшеній образовались, какъ думалъ тотъ же изслѣдователь, и тѣ статьи, въ которыхъ упоминается о варягѣ и колбэгѣ¹⁾. Г. Сергѣевичъ признаетъ даже судебную практику главнымъ источникомъ Русской Правды²⁾. Вообще надо думать, что различныя указанія на платежи, продажи, уроки, головничества—судебныя рѣшенія. (См., напримѣръ, 18—37 статьи Академическаго списка и въ Троицкомъ спискѣ статьи 9—14, 37—41, 60—66, 68, 69, 71—78 и пр.).

Таковы три основныхъ источника Русской Правды. Г. Дювернуа указываетъ еще кромѣ того на два: «ряды» князей и истолкованія собирателей; но первый подразумевается въ сущности подъ указаніями на княжескіе уставы, какъ источникъ Правды, а истолкованія собирателей имѣли, несомнѣнно, второстепенное значеніе.

Гораздо больше разногласій и споровъ вызвалъ вопросъ объ иностранномъ вліяніи на Русскую Правду. Указывалось вообще на три источника иностраннаго воздѣйствія на изслѣдуемый памятникъ: варяжское или норманнское вліяніе, вліяніе варварскихъ кодексовъ начала среднихъ вѣковъ, преимущественно салическихъ законовъ, наконецъ византійскій элементъ.

Мнѣніе о томъ, что Русская Правда—законодательство, если не исключительно, то преимущественно варяжское, ведетъ свое начало еще со времени Струбе де Пирмонта³⁾ и Шлецера⁴⁾:

¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полного объясненія Русской Правды, отдѣленіе первое, см. разборъ взглядовъ Погодина.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, Спб., 1883, стр. 175.

³⁾ Discours sur l'origine et les changements des lois Russiennes, St—Petersb., 1756.

⁴⁾ Несторъ. Русскія Лѣтописи. Переводъ Языкова, часть I, Спб., 1809, стр. 324.

оба указываютъ на сходство съ скандинавскими законами, особенно на статью о ѣздѣ на чужомъ конѣ безъ дозволенія хозяина. Особенно ревностнымъ поборникомъ этого взгляда былъ Погодинъ, доказывавшій его справедливость заглавіемъ памятника—*Русская Правда*—и различіемъ въ текстѣ его «русина» отъ «словенина», а также сравненіемъ содержанія Правды съ содержаніемъ шведскихъ законовъ и нѣкоторыми лингвистическими сближеніями. Такъ постановленіе о кровавой мести и денежной пенѣ за убійство и увѣче существовали и въ Швеціи, при чемъ, по указанію Струбе, принималось въ расчетъ различіе сословій и должностей, но не происхожденіе; судъ 12-ти гражданъ былъ и въ Скандинавіи; законъ о ѣздѣ на чужомъ конѣ—ютландскій (замѣчаніе это принадлежитъ, какъ мы уже говорили, Струбе де Пирмонт); «числа 3, 6, 12, 40 въ пеняхъ общи руссамъ съ сѣверными народами, такъ что, по сему сходству, марку и гривну можно почитать однозначительными»; испытаніе желѣзомъ было и въ Скандинавіи; источники рабства въ Русской Правдѣ и шведскомъ правѣ одинаковы. Важнѣйшія лингвистическія сближенія Погодина заключаются въ слѣдующемъ: вира—германскій Wehrgeld, вервь—Hwarf, бояринъ—Baeagmen, люди—Leute, leudes; тиунъ—Thienstmann, Diener; ябетникъ—Aembet¹⁾. Калачовъ также не отрицалъ ни германскаго вліянія на Русскую Правду, ни того, что этотъ элементъ былъ внесенъ въ нее пришлыми варягами; онъ однако возставалъ противъ крайностей Погодина: на Русскую Правду еще больше вліянія оказало туземное славянское право. Возраженія Калачова Погодину сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) «нигдѣ не упоминается, чтобы та или иная статья относилась исключительно къ варягамъ», 2) встрѣчаются въ Правдѣ и чисто-славянскіе обычаи (статьи, указывающія на сводъ и на міръ въ значеніи общины), 3) «судебныя рѣшенія, какъ видно изъ ихъ изложенія, относятся въ одинаковой мѣрѣ какъ къ руссамъ, такъ и къ славянамъ, и хотя при этомъ неоспоримо, что внѣшняя сторона большей части постановленій (названія пеней, ихъ количество, имена должностей и званій) указываетъ на германское происхожденіе, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такова же была и внутренняя ихъ основа», 4) могли быть обычаи общіе обоимъ народамъ, 5) «составъ и содержаніе памятника не указываютъ на германскій элементъ больше, чѣмъ на славянскій», 6) «и названіе *Русская Правда* ничего не значитъ, ибо въ другомъ мѣстѣ того же списка оно замѣняется названіемъ *Правда земли Рус-*

¹⁾ Исслѣдованія, лекціи и замѣчанія о русской исторіи, т. III, М., 1846, стр. 359—360, 379—411.

ской, т. е. земли подвластной Руси или русскимъ князьямъ»¹⁾. Въ этомъ мнѣніи Калачова формулированы главныя черты, характеризующія современный взглядъ на вопросъ: указаніе на внѣшнее вліяніе варяговъ (на норманнскую терминологію) и на сходство юридическихъ обычаевъ у народовъ, находящихся на первоначальныхъ ступеняхъ развитія. Въ литературѣ Русской Правды послѣ Калачова встрѣчаются отдѣльныя указанія на норманское вліяніе: Деппъ замѣчаетъ, что круговая порука принесена на Русь варягами: «*русскія верви*, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ *русскимъ выкупамъ*, совершенно соотвѣтствовали *германскимъ маркамъ*»²⁾; г. Пахманъ справедливо указываетъ, что, вслѣдствіе дружинности и воинственности варяговъ и призванія ихъ для «наряда», «вліяніе германскаго элемента ограничивалось отношеніями, принадлежавшими къ сферѣ государственнаго права, не проникая въ частныя, гражданскія»: оно сказалось лишь въ названіяхъ должностей, званій, количествѣ пеней, быть можетъ, на внѣшней формѣ доказательствъ (обрядѣ клятвы, способахъ совершенія испытаній водою и желѣзомъ)³⁾. Г. Загоровскій выводитъ институтъ 12-ти судей изъ Даніи, Скандинавіи и Великобританіи⁴⁾. Вообще въ настоящее время можно считать установившимся мнѣніе, что вліяніе варяговъ на Русскую Правду было незначительно: черты сходства объясняются естественнымъ тождествомъ учреждений первобытныхъ народовъ; остается только норманнская терминологія⁵⁾, да и то нельзя принять всѣхъ замѣчаній, сдѣланныхъ Погодинымъ: такъ Соловьевъ считаетъ не безъ основанія словянскими слова «вервь» и «вира», сближая ихъ съ выраженіями, употребляемыми въ сербскомъ и хорутанскомъ языкахъ⁶⁾. Несомнѣнно-норманнскими можно считать «ябетникъ» — *Aembed*, тунъ — *Diener*, гридь — *Hirdman*.

¹⁾ См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. III, Москва, 1846, стр. 359—360, 379—411 и Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе I, разборъ взглядовъ Погодина.

²⁾ О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича, Спб., 1849, стр. 32—34.

³⁾ О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, стр. 26 и 31.

⁴⁾ Историческій очеркъ займа по русскому праву до конца XIII столѣтія, Кіевъ, 1875, стр. 11.

⁵⁾ Такова, напримѣръ, точка зрѣнія *Владимірскою-Буданова* въ его „Обзорѣ исторіи русскаго права“, выпускъ I.

⁶⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. I, прим. 376 на стр. 368.

Еще менѣе основательно мнѣніе, что Русская Правда испытала сильное воздѣйствіе со стороны средневѣковыхъ варварскихъ кодексовъ. Впервые этотъ взглядъ высказанъ Успенскимъ, находившимъ, что «великое сходство Русской Правды съ законами Салическими... заставляетъ думать, что Русская Правда весьма много заимствована изъ сихъ законовъ»¹⁾. Сходство Правды съ скандинавскими и вообще германскими законами Успенскій объяснялъ тѣмъ, что и эти послѣдніе—«какъ бы отрасли тѣхъ же законовъ Салическихъ»²⁾. Затѣмъ Эверсъ дѣлалъ то же сближеніе и безплодно пытался обосновать его фактами, указывающими на сношенія Киевской Руси съ западной Европой³⁾. Наконецъ, Морошкинъ считалъ возможнымъ утверждать, что «Русская Правда есть чадо одной семьи съ варварскими кодексами, особенно близкое къ саксонскому, англо-веринскому, фризскому и салическому. Можетъ быть и она прибыла къ намъ вмѣстѣ съ руссами въ какомъ-либо письменномъ видѣ»⁴⁾. Вотъ все, что было сказано въ литературѣ о вліяніи средневѣковыхъ законовъ на Русскую Правду. Все это—совершенно бездоказательныя утверженія, относящіяся притомъ къ давно-прошедшему времени, когда разработка нашего источника только что начиналась, и вполне естественны были такіа неосновательныя предположенія.

Мысль о византійскомъ элементѣ въ Русской Правдѣ можно найти еще у Діева въ его вполнѣ, конечно, неосновательныхъ сближеніяхъ терминовъ Русской Правды съ греческими словами. Такъ «вира», по его мнѣнію, происходитъ отъ *βαρα*, «клепать», «поклепъ»—отъ *χλέπτω*, «метельникъ» и «мечникъ»—отъ *μετέρομαι* или *μετέχω*, «смердь»—отъ *σμερδύω*, «продажа»—отъ *πρόδοσις*⁵⁾, «войскій конь»—*βόειος*, «копа»—отъ *χόπεον* и пр.⁶⁾. Конечно, объясненія Діева не могли сдѣлать популярной идею о византійскомъ вліяніи на Правду. Калачовъ, признавая это вліяніе, не разбиралъ подробно вопроса. Это впервые обстоятельно исполнено Невוליнымъ, показавшимъ, что многія постановленія Рус-

¹⁾ Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, Харьковъ, 1818, стр. 456—457, примѣч. с.

²⁾ Тамъ-же, прим. а на стр. 460.

³⁾ Предварительныя критическія изслѣдованія Густава Эверса для російской исторіи, книга I, М., 1825.

⁴⁾ Примѣчанія къ переводу сочиненія Рейца, стр. 392.

⁵⁾ О вирахъ у Россіянъ X и XI столѣтій, въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, т. I, книга 2, стр., 31, 43, 49, 52, 65.

⁶⁾ Изъясненіе нѣкоторыхъ выраженій Правды Русской: Журналъ Министрства Народнаго Просвѣщенія, 1839 г., часть XXII, стр. 54, 56.

ской Правды о наслѣдованіи заимствованы изъ «Законы суднаго людемъ» — славянской передѣлки Эклоги византійскихъ иконоборческихъ императоровъ VIII вѣка ¹⁾. Этотъ взглядъ раздѣляется большинствомъ изслѣдователей наслѣдственного права Русской Правды: такъ онъ принятъ Бѣляевымъ ²⁾ и Кавелинымъ ³⁾; ему же слѣдуетъ Никольскій; онъ находитъ впрочемъ въ Правдѣ особенности сравнительно съ Эклогой: «1) Правда ничего не говоритъ о вдовомъ отцѣ, по отношенію къ которому византійскія постановленія были бы лишними: онъ и такъ былъ полнымъ господиномъ имущества жены; 2) Правда вовсе не упоминаетъ объ имуществѣ жены, котораго она, разумѣется, не имѣла у насъ въ это время; наконецъ, 3) сквозь благодать христіанскихъ идей, которыя переносятся теперь на мать-вдову, все-таки въ постановленіяхъ Правды просматриваетъ горькое ея положеніе, какъ женщины вообще: дѣти могли не хотѣть держать ее на дворѣ, бывало, что всѣ дѣти были къ ней лихи, такъ что она поселялась у замужнихъ дочерей ⁴⁾. И г. Дювернуа признавалъ вліяніе церкви и византійскаго права въ области наслѣдственного права ⁵⁾. Еще шире понимаетъ византійское вліяніе на Русскую Правду г. Сергѣевичъ: признавая его въ постановленіяхъ о наслѣдованіи, онъ думаетъ, что законъ о поимкѣ вора съ поличнымъ тоже византійскаго происхожденія (изъ «Законовъ Моисея»), равно какъ и 110-я статья Троицкаго списка ⁶⁾ («Аче же холопъ кѣ кунъ вложить, а онъ будетъ не вѣдая вдаль, то господину выкупати или лишитися его; вѣдая ли будетъ даль, а кунъ ему лишитися»). Отдѣльно стоятъ въ разбираемомъ вопросѣ только два изслѣдователя гг. Ведровъ и Цитовичъ. Первый учрежденіе свидѣтелей—видоконъ считаетъ единственнымъ проникшимъ въ Русскую Правду постановленіемъ византійскаго права, чуждымъ нашему древнему обычному ⁷⁾. Второй названный изслѣдователь

¹⁾ Полное Собраніе Сочиненій, т. III, Спб. 1858, стр. 350, 351.

²⁾ О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, Москва, 1858, стр. 21—25, 32, 37—38, 40—41, 42—43.

³⁾ Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія: „Современникъ“, 1860 года, N II.

⁴⁾ О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ рускомъ правѣ, Москва, 1859, стр. 317—321.

⁵⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 111, 133.

⁶⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, Спб., 1883, стр. 176; здѣсь же указаніе, что даже потокъ и разграбленіе византійскаго происхожденія, видоизмѣненіе правила: „publicatis bonis relegantur“.

⁷⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ сравнительно съ законами салическихъ франковъ, Москва, 1877, стр. 53.

настаиваетъ на національномъ характерѣ наследственнаго права Русской Правды, но основаніе, имъ выставленное слишкомъ обще— онъ говоритъ, что наследственное право всегда держится на обычай¹⁾,— да и вообще его мнѣніе противорѣчитъ сравнительнымъ наблюденіямъ надъ текстомъ Русской Правды и Эклоги.

Такимъ образомъ нельзя отрицать довольно сильнаго византійскаго вліянія на Русскую Правду; слѣдуетъ его признать особенно въ сферѣ наследственнаго права, хотя и здѣсь преувеличенія были бы излишни: замѣчанія Никольскаго и г. Сергѣевича (о томъ, что византійскія статьи модифицировались²⁾) имѣютъ несомнѣнную цѣнность; припомнимъ еще и правила Русской Правды о наследованіи послѣ бояръ и смердовъ, и мы поймемъ тогда еще яснѣе необходимость ограничить выводъ о сильномъ вліяніи византійскаго права.

Здѣсь необходимо изложить еще одно мнѣніе, отличительною чертой котораго является также признаніе византійскаго вліянія, но проявлявшагося не непосредственно, а путемъ воздѣйствія духовенства, которое внесло въ древнерусскую жизнь новыя христіанскія и греко-римскія начала. Мнѣніе это высказано г. Ключевскимъ. Указанное воздѣйствіе, по его взгляду, выразилось въ нарушеніи христіанской церковью цѣльности, однообразія и безусловности древнерусскаго холопства и введеніи ею въ него различія и условности: такъ, духовенство еще въ эпоху Русской Правды установило обязательный даровой отпускъ на волю рабы, прижившей дѣтей съ своимъ господиномъ, при чемъ на свободу выходили и эти дѣти; участіе духовенства въ установленіи такого закона «обличается тѣмъ, что въ Русской Правдѣ онъ отнесенъ къ числу постановленій семейнаго права, которое со времени введенія христіанства на Руси регулировалось преимущественно духовенствомъ»; тутъ «примѣнялась греко-римская презумпція молчаливаго «освобожденія»; съ другой стороны, внесеніе церковью въ рабовладѣльческое право начала условности создало возможность появленія отношеній закупничества; даже терминъ «наймитъ» является, по всей вѣроятности, переводомъ греческаго *μισθωτός*, совершенно не подходящаго къ русскому закупу³⁾. Эти замѣчанія цѣнны потому, что указываютъ не только на ту

¹⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наследованія, Харьковъ, 1870, стр. 27.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, ч. I, СПб., 1883, стр. 176.

³⁾ Подушная подать и отмена холопства: „Русская Мысль“ за 1886 г., № 7, стр. 7, 8; № 9, стр. 78, 79.

среду, которая явилась проводникомъ византійскаго вліянія, но и на тѣ средства, какими это вліяніе проникало: компромиссъ и приспособленіе къ мѣстнымъ условіямъ. Не надо только забывать, что закуповъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать заноснымъ, заимствованнымъ явленіемъ, что этотъ общественный классъ выросъ на русской почвѣ и вызванъ былъ къ жизни мѣстными, русскими условіями; единственно-заимствованнымъ можно признать развѣ только терминъ «наймитъ». Слѣдовательно, и здѣсь иностранное вліяніе на Русскую Правду было сравнительно не велико: оно сказалось отчасти въ области рабовладѣльческаго права, отчасти въ терминологіи.

Очеркъ второй.

Уголовное право Русской Правды.

I

При изученіи уголовного права Русской Правды первая задача изслѣдователя—выяснить понятіе о преступленіи и наказаніи въ Правдѣ. При этомъ необходимо разсмотрѣть этотъ вопросъ отдѣльно по отношенію къ краткой и пространной Правдѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣнія изслѣдователей о понятіи преступленія въ каждой изъ этихъ основныхъ редакцій памятника различны.

Существуетъ прежде всего взглядъ, что въ понятіи о преступленіи въ краткомъ текстѣ Русской Правды нѣтъ совершенно общественнаго элемента, что здѣсь господствуетъ полное смѣшеніе уголовного преступленія съ гражданскимъ правонарушеніемъ. Первымъ представителемъ этого мнѣнія былъ Эверсъ, утверждавшій, что въ краткой Правдѣ основное юридическое понятіе уголовного, какъ и гражданскаго, права—понятіе о личной обидѣ, почему нѣтъ виръ и продажъ, то-есть, платежей въ пользу князя, а существуютъ лишь частныя вознагражденія потерпѣвшихъ¹⁾. Такъ же думали Максимовичъ²⁾, Поповъ и г. Сергѣевичъ. Послѣдніе два изслѣдователя не ограничиваются догматическимъ

---

¹⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи, переводъ *Платонова*, Спб., 1835, стр. 341—342.

²⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, *Кіевъ*, 1845, стр. 8, 12—14.

утвержденіемъ, а пытаются обставить свой взглядъ доказатель-
ствами, которые почерпаются изъ разсмотрѣнія сущности нака-
заній: указываютъ, что месть—частное дѣло, самосудъ, само-
управство; а что всѣ платежи, указанія на которые встрѣчаются
въ краткой Правдѣ, поступаютъ въ пользу потерпѣвшаго,— это
доказывается слѣдующими соображеніями: плата за убійство на-
зывается платой «за голову», что равняется головничеству, а
головничество—частное вознагражденіе; плата «за обиду» шла
потерпѣвшему, такъ какъ, во-первыхъ, за это говоритъ самое
названіе—«за обиду», во-вторыхъ, въ краткой Правдѣ нѣтъ слова
«продажа», въ-третьихъ, во 2-й статьѣ Академическаго списка
сказано: «ожели себе не можеть мстить, то *взяти емоу* за оби-
доу 3 гривнѣ»; все это—соображенія Попова¹⁾; г. Сергѣевичъ
прибавилъ къ нимъ указаніе на то, что «первоначальный выкупъ
явился какъ замѣна мести, а потому весь шелъ въ пользу мсти-
теля»²⁾. Прибавимъ, что и Бѣляевъ, очевидно, принадлежалъ къ
числу сторонниковъ изложеннаго мнѣнія³⁾.

Но преобладаетъ другой взглядъ, по которому уже и въ крат-
кой Правдѣ понятію о преступленіи не чужды были обществен-
ные элементы. Выразителями его являются Ланге⁴⁾, Чебышевъ-
Дмитріевъ, г. Владимірскій-Будановъ и г. П. Бѣляевъ⁵⁾. И здѣсь
опорой служить изученіе сущности наказаній. Чебышевъ-Дми-
тріевъ доказываетъ, что месть имѣла государственное или обще-
ственное значеніе, такъ какъ она была обязанностью, и общество
слѣдило за ея выполненіемъ; притомъ, допуская месть, общество
считало преступника безправнымъ и такимъ образомъ наказывало
за нарушеніе не частнаго права, а обычая; наконецъ, для мести
надо было доказать фактъ обиды, какъ видно изъ 2-й статьи
Академическаго списка⁶⁾. Здѣсь уместно отмѣтить слѣдующій
взглядъ г. Сергѣевича: месть, по его мнѣнію, предшествовала

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву. Москва, 1841, стр. 41, 42.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Спб., 1883, стр. 448.

³⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства. М., 1888, стр. 178. Впро-
чемъ, по его мнѣнію, въ другихъ областяхъ, кромѣ Новгородской, виры
собирались. См. тамъ же, стр. 179.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Спб., 1860, стр.
99—102.

⁵⁾ Говоря о вирѣ, онъ ссызается на 18—19 статьи Академическаго
списка. См. Очерки права и процесса въ эпоху Русской Правды въ „Сбор-
никѣ правовѣднія и общественныхъ знаній“, т. V, стр. 18.

⁶⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 7, 19,
21, 28.

суду, и затѣмъ судъ разсматривалъ справедливость или несправедливость уже совершившихся случаевъ мести: какъ видно изъ 20-й статьи Троицкаго списка, обиженный, нанеся ударъ мечомъ, долженъ былъ доказать на судѣ, что ударъ нанесенъ изъ мести¹⁾. Этотъ взглядъ на условія мести находится въ очевидномъ противорѣчii съ мнѣніемъ того же изслѣдователя о частномъ характерѣ преступленія въ эпоху первой Правды и подтверждаетъ наблюденія Чебышева-Дмитріева. Г. Владимірскій-Будановъ на слѣдующихъ основаніяхъ полагаетъ, что въ мести общественные и частные элементы смѣшаны: месть не только признана, но и предписана закономъ; она соединяется съ судомъ, то-есть, требуетъ или предварительнаго судебного рѣшенія (при побояхъ: см. 2-ю статью Академическаго списка), или послѣдующей санкціи (чаще); въ законѣ опредѣленъ кругъ мстителей²⁾.

Нельзя не признать, что соображенія названныхъ изслѣдователей о характерѣ мести весьма замѣчательны и убѣждаютъ въ томъ, что въ этомъ первобытномъ способѣ уголовного возмездія — по крайней мѣрѣ въ эпоху краткой Русской Правды — былъ общественный элементъ.

Другое доказательство мнѣнія объ общественномъ характерѣ понятія о преступленіи въ краткой Правдѣ предложено г. Владимірскимъ-Будановымъ; оно состоитъ въ томъ, что платы краткаго текста въ количественномъ отношеніи соответствуютъ позднѣйшимъ вирамъ и продажамъ, слѣдовательно, онѣ соответствуютъ имъ и въ отношеніи качественномъ, то-есть, тоже платились въ пользу князя³⁾.

Дѣйствительно, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что при Ярославѣ существовали виры: не говоря уже о лѣтописномъ извѣстіи о сборѣ на себя виръ Владимиромъ⁴⁾, 42-я статья Академическаго списка содержитъ «оуроку *Ярославъ*», а между тѣмъ въ ней говорится о «поклонѣ *виру*» и о томъ между прочимъ, что «*виру* сберутъ *вирици*». Поповъ замѣтилъ, что это противорѣчитъ его теоріи, и попытался дать объясненіе съ своей точки зрѣнія: онъ предполагаетъ именно, что «вир» значила прежде всякаго рода плату, которую давали князю, вообще дань, такъ что вира при Владимирѣ — плата князю съ каждой верви за то, что онъ не вмѣшивается въ ея судныя обычаи. Все это построеніе основывается у Попова на лингвисти-

¹⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Спб., 1883, стр. 444.

²⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, Кіевъ, 1886, стр. 21 и 22.

³⁾ Тамъ же, стр. 8.

⁴⁾ Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, 6504 г., стр. 54.

ческомъ сближеніи *виры* съ *вервью*: корень обоихъ словъ будто бы одинъ, такъ какъ слово «*вервь*» иногда замѣняется словомъ «*вира*» («*вирное* платити, въ ней же *вири* голова ляжетъ»), вполнѣдствіи *вира* называется «*вѣроу*»; вмѣсто «*вира*», «*вирное*» въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ «*вервенное*» или «*вирьвая*»¹⁾. Не говоря уже о томъ, что, какъ увидимъ въ свое время, судебной самостоятельности ни *верви*, ни какія-либо другія общины не имѣли, объясненіе Попова не можетъ быть принято уже и потому, что основанія лингвистическаго сближенія *виры* и *верви* въ высшей степени шатки: слово «*ви.р.и*» въ 19-й статьѣ Академическаго списка испорчено: по изданію Калачова видно, что здѣсь пропущено двѣ буквы; слово «*вервенное*» совсѣмъ не встрѣчается ни въ одномъ спискѣ²⁾, и «*вирьвая*» такимъ образомъ является единственнымъ выраженіемъ, на которое могъ бы до нѣкоторой степени опираться Поповъ; едва ли однакоже можно дѣлать важный выводъ, основываясь на сомнительномъ, тѣмъ болѣе единственномъ, разночтеніи; замѣтимъ еще, что, какъ извѣстно, для понятія «*дань*» существовалъ уже во времена Начальной лѣтописи и терминъ «*дань*», что дѣлаетъ совершенно излишнимъ употребленіе слова «*вира*» въ томъ же самомъ смыслѣ.

Остается разобрать основанія перваго изъ изложенныхъ взглядовъ на понятіе о преступленіи въ краткой Правдѣ. Первый доводъ Попова—о платѣ «за голову»—и замѣчаніе г. Сергѣевича о выкупѣ, какъ замѣнѣ мести, теряютъ свое значеніе, если мы попробуемъ сравнить 1-ю статью краткаго текста съ первыми двумя пространнаго: такое сравненіе необходимо для правильнаго пониманія краткой Правды; мы видимъ при этомъ, что то, что нужно «положить за голову», отличается отъ выкупа: Ярославъ постановилъ, что при убійствѣ примѣняется месть, но «оже ли не будетъ кто его мстыя», надо «положить за голову» такую то сумму: это не выкупъ, а плата князю; о выкупѣ говорится только при Ярославичахъ, которые «отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати»; при этомъ прибавлено: «а іно все якоже Ярославъ судилъ, такоже і сынове его оуставиша». Эти слова обыкновенно толкуются въ смыслѣ подтвержденія всѣхъ постановленій, когда-либо сдѣланныхъ Ярославомъ; но намъ кажется, что вѣрнѣе отнести ихъ только къ уставу Ярослава объ убій-

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 54 и 55.

²⁾ Исслѣдованія о Русской Правдѣ, часть I, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, ст. LXXXVIII.

ствѣ: «іно все»,—то-есть, надо было попрежнему «положить за голову» въ пользу князя. Такимъ образомъ платежъ въ пользу князя существовалъ еще до отмѣны мести и послѣ этого приобрѣлъ только болѣе общее значеніе, распространился на всѣ почти случаи убійства. Остается, дѣйствительно, трудно-объяснимое мѣсто 2-й статьи Академическаго списка: «взяти *емоу* за обиду»; если мы не имѣемъ здѣсь дѣла съ ошибкой въ текстѣ, то придется признать, что платежи за побои и личные обиды шли—при существованіи законнаго права мести за нихъ и невозможности мстить—въ пользу потерпѣвшаго. Вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ надо считать еще открытымъ. На то, что при Ярославичахъ князю поступали платежи въ 3 и 12 гривенъ, можно найти указаніе въ 41-й статьѣ Академическаго списка, гдѣ сказано: «а отъ грнне мечнику коуна, а въ девятиноу 15 коунъ, а князю 3 *гривны*; а отъ 12 гривноу емѣцю 70 коунъ, а въ десятиноу 2 гривнѣ, и князю 10 *гривенъ*».

Итакъ, почти всѣ основанія въ пользу мнѣнія, что въ краткой Правдѣ понятіе о преступленіи не заключало въ себѣ общественныхъ элементовъ, не выдерживаютъ критики. Съ другой стороны наличность этого общественного элемента выступаетъ съ несомнѣнностью, если мы обратимъ надлежащее вниманіе на сущность и условія мести, какъ признаннаго обычая и закономъ способа уголовного возмездія, и на несомнѣнный фактъ существованія виры при Владимирѣ и Ярославѣ.

Еще съ большей увѣренностью можно указать на общественный элементъ понятія о преступленіи въ пространной Русской Правдѣ, что и признается почти всѣми изслѣдователями, касавшимися этого вопроса: Эверсомъ, Поповымъ, Власьевымъ, Ланге, Чебышевымъ-Дмитріевымъ, г.г. Стефановскимъ, Сергѣевичемъ и Владимірскимъ-Будановымъ. Взглядъ Эверса виденъ изъ его перевода Синодальнаго текста ¹⁾. Попову принадлежатъ первыя обстоятельныя доказательства этого взгляда. Они состоятъ прежде всего въ указаніи, что существовало такое наказаніе, какъ «потокъ и разграбленіе», то-есть изгнаніе изъ міра, лишеніе всѣхъ правъ, такъ что всякій могъ убить преступника, и предоставленіе имущества обвиненнаго въ преступленіи—въ пользованіе всякому; съ утвержденіемъ князей потокъ и разграбленіе стали заключаться въ выдачу преступника съ семьей и его имущества князю (см. 79 статью Троицкаго списка) ²⁾. Затѣмъ Поповъ доказываетъ, что виры и продажи шли князю. Относительно виры

¹⁾ Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи. прибавл. II.

²⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 65, 66.

это несомненно по слѣдующимъ даннымъ: 1) Владимиръ бралъ виры на содержаніе дружины; 2) въ предисловіи къ Софійскому Временнику говорится: «ти бо (т.-е., древніе) князи не събираху много имѣнія, ни творимыхъ вирь, ни продажъ въ складааху на люди; но оже будаше праваа вира, а ту възымааше и дааше дружинѣ на оружье»; 3) въ грамотѣ Мстислава 1125 г. князь даритъ монастырю св. Георгія вотчины съ данью, вирами и продажами ¹⁾. Къ этимъ, предложеннымъ Поповымъ, доказательствамъ общественнаго характера вирь Власевъ присоединилъ еще слѣдующія: 4) въ уставѣ новгородскаго князя Святослава Ольговича, относящемся къ 1137 г., сказано, что онъ данъ «имати пискупомъ десятину отъ даніи и отъ вирь и продажъ, что входитъ въ княжъ дворъ всего»; 5) въ 1150 г. Ростиславъ Мстиславичъ, учреждая смоленскую епископію, далъ ей десятину отъ даней, кромѣ вирь, продажъ и полюдья; 6) въ церковномъ уставѣ Ярослава читаемъ: «свадебное, сговорное, бой, убійство, душегубство... платятъ виру князю наполю со владыкою»; 7) въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ княжеская власть была менѣе значительна, и виры были меньше: въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями постоянно встрѣчается условіе: «виры брать по старинѣ»; по Псковской судной грамотѣ виры незначительны; 8) въ Московскомъ государствѣ «вѣра», «вѣрное» — плата въ казну ²⁾. Что продажа также шла къ князю, это подтверждается, согласно указанію Попова: 1) предисловіемъ къ Софійскому Временнику; 2) грамотой Мстислава; 3) словами Русской Правды (Троицкій списокъ, статья 41): «то ти оуроци смердомъ, оже платятъ князю продажу» ³⁾; къ этому Власевъ прибавляетъ: 4) гдѣ въ краткой Правдѣ плата «за обиду», тамъ въ пространной продажа въ той же суммѣ и часто рядомъ съ ней въ другой суммѣ частное вознагражденіе; 5) въ 23-й статьѣ Троицкаго списка (=2-й статьѣ Академическаго) 3 гривны названы продажей, а «платити ему» — онъ (т.-е., отвѣтчикъ) долженъ платить; (во 2-й статьѣ Академическаго списка слова «взяти ему», по Власеву, лишнія: ихъ и нѣтъ въ одномъ изъ списковъ краткой редакціи, какъ видно изъ своднаго текста Калачова); 6) что 3 и 12 гривенъ платились князю, видно изъ 41-й статьи Академическаго списка: отъ 12 гр. емцу 70 кунъ, а въ десятину 2 гривны, а князю 10 гр.; въ первой половинѣ этой статьи говорилось, вѣроятно, о платѣ въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 45.

²⁾ О вѣщеніи по началамъ теоріи и древняго русскаго права. Москва, 1860, стр. 130—131.

³⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 45.

3 гривны, но цифра 3 пропущена, ибо она изображалась буквою Г, да и слово «грние» испорчено¹⁾. Наконецъ, Ланге еще увеличиваетъ количество свидѣтельствъ о платежѣ продажи князю: 7) въ 32-й статьѣ Троицкаго списка сказано: «а князю продаю»; 8) въ 34-й: «а князю продажѣ 12 гривенъ въ челядинѣ»; 9) въ 42-й читаемъ: «аже будутъ холопи татіе... ихъ же князь продажею не казнить»; 10) наконецъ, 84-я статья Троицкаго списка гласитъ: «а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будетъ безъ вины оубіенъ, то за холопѣ оуроку платити или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ». Относительно вирѣ у Ланге тѣ же доказательства, что и у Попова и Власьева²⁾. Г.г. Стефановскій³⁾, Сергѣевичъ⁴⁾ и Владимирскій-Будановъ⁵⁾ раздѣляютъ мнѣнія названныхъ изслѣдователей, не обставляя его новыми доводами, что впрочемъ и не нужно, такъ какъ приведенныя выше доказательства достаточно убѣдительны.

Противъ общественнаго значенія вирѣ и продажъ высказался одинъ только Дешъ; по его мнѣнію, виры—вознагражденіе законныхъ мстителей убитаго за утраченное ими право мщенія; это доказывается, во-первыхъ, ссылкой на договоры съ греками, гдѣ говорится: «часть его... да возьметъ ближній убійеннаго», «да возьмутъ его имѣніе ближніе убійеннаго»; во-вторыхъ, словами Русской Правды: «отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати»—не у князя, конечно, ибо не онъ казнилъ убійцу при существованіи мести; въ-третьихъ, другимъ мѣстомъ того же источника: «аще не будетъ кто его мстя... то 40 гривенъ положить занъ»—эти 40 гривенъ шли не князю, потому что за численными въ этой статьѣ родственниками оставались еще близкія степени родства; наконецъ, четвертымъ доказательствомъ служить замѣчаніе, что въ Правдѣ установлено различіе въ суммахъ платежей: такое различіе было бы невозможно въ томъ случаѣ, если бы эти платежи шли князю: въ послѣднемъ случаѣ, напри- мѣръ, за свободнаго и раба была бы равная плата. Въ виду дѣ-

¹⁾ О вѣнненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 162—167.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Спб., 1860, стр. 99—101.

³⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовного судопроизводства въ исторіи русскаго права. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1873 г., мартъ, стр. 16. Авторъ полагаетъ, что въ древнѣйшей Правдѣ не было платежей князю. Тамъ же, прим. 2 на стр. 13.

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 450.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 8, 23, 24.

тописнаго извѣстія, что Владимиръ бралъ виру на оружіе и коней, Дешпъ допускаетъ, что часть виру шла князю, но незначительная: изъ 40 гривенъ—8, изъ 80—16, изъ 20—4. Впрочемъ самъ онъ признаетъ противорѣчащую его мнѣніямъ 21-ю статью Троицкаго списка—полувиръ 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ—и затрудняется разрѣшить это противорѣчіе. Статьи, гдѣ говорится о продажѣ князю, относятся, по Дешпу, къ холопамъ, «которыхъ юридическія отношенія должны быть объяснены совершенно самостоятельнымъ образомъ», слова же «а князю 12 гривенъ продажи»—прибавка позднѣйшая, относящаяся ко времени полнаго утвержденія княжеской власти¹⁾.

Мнѣніе Дешпа слишкомъ сильно противорѣчитъ пространному тексту Русской Правды, а потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано вѣрнымъ. Его попытки примирить это противорѣчіе—натянуты и неосновательны: 16 гривенъ отъ виру въ 80 гривенъ шли не князю, а вирнику, ему же шли и 8 гривенъ съ 40-гривенной виру²⁾; статьи о продажѣ князю нельзя относить къ холопамъ: это противорѣчитъ и понятію о холопствѣ въ то время, и прямымъ указаніямъ Правды, что продажу платили смерды³⁾, а холоповъ «князь продажею не казнить, зане суть несвободни»⁴⁾; наконецъ, ни на чемъ не основано и утвержденіе, что слова «а князю 12 гривенъ продажи»—позднѣйшая прибавка. Что касается до самыхъ основаній мнѣнія Дешпа, то еще Ланге справедливо замѣтилъ по этому поводу, что постановленія договоровъ съ греками объ отдачѣ имѣнія бѣжавшаго убійцы родственникамъ убитаго и выраженіе «кунами ся выкупоти» относятся не къ вирѣ, а къ головничеству⁵⁾. Затѣмъ непонятно, почему количественное различіе въ платежахъ не совмѣстимо съ поступленіемъ ихъ въ пользу князя. Остается только замѣчаніе, что 40 гривенъ, которые убійца долженъ «положить» за убитаго, шли не князю, потому что за исчисленными тутъ родственниками оставались еще весьма близкія степени родства. Но, во-первыхъ, нѣкоторые изслѣдователи⁶⁾ думаютъ, что перечень родственниковъ тутъ только примѣрный, не полный, а во-

1) О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича. Спб., 1849, стр. 38—49.

2) Троицкій списокъ, статья 7-я и 8-я.

3) Тамъ же, статья 41.

4) Тамъ же, статья 42.

5) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 101—102.

6) Ланге. Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 95; Сергеевичъ. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 443—444.

вторыхъ, слова «аще ли не будетъ кто его мстыя» указываютъ на полное отсутствіе законныхъ мстителей, на несуществованіе родственниковъ у убитаго; кто же въ такомъ случаѣ будетъ получать эти 40 гривенъ, какъ не князь? Допустимъ даже, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ¹⁾, что здѣсь разумѣется и тотъ случай, когда лица, имѣющія право мстить, отказываются отъ него; можно ли допустить даже и въ этомъ случаѣ замѣну мести однимъ частнымъ вознагражденіемъ? Нѣтъ, такъ какъ въ мести былъ, какъ мы видѣли, общественный элементъ.

Итакъ, существованіе въ пространной Русской Правдѣ такихъ наказаній, какъ потокъ и разграбленіе, вира и продажа ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что понятіе о преступленіи имѣло общественный характеръ. Другой вопросъ, насколько силенъ былъ общественный элементъ въ этомъ понятіи? Слѣдуетъ признать его—вмѣстѣ съ г. Сергѣевичемъ ²⁾—довольно слабымъ: общественная власть брала деньги съ преступника въ свою пользу, позволяла какъ бы откупаться, совершивъ преступное дѣяніе. Это во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ, что сама эта власть смотрѣла на свои функціи съ фискальной точки зрѣнія, а интересы общаго блага и общественного спокойствія стояли на второмъ планѣ; поэтому и общественный элементъ въ понятіи о преступленіи не могъ быть сильнымъ. Только слишкомъ важныя преступленія, какъ убійство «въ разбоѣ», коневая татьба и поджогъ, слишкомъ явно нарушавшія общее благо или грозившія совершеннымъ разореніемъ, наказывались «потокѣмъ и разграбленіемъ»—такимъ видомъ уголовного возмездія, который, при всей своей примитивности, заключалъ въ себѣ больше общественныхъ элементовъ, чѣмъ денежные платежи въ княжескую казну.

Слабость общественного элемента въ понятіи о преступленіи по Русской Правдѣ выступаетъ для насъ съ еще болѣею ясностью, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ Правдѣ понятіе о преступленіи почти исключительно матеріальное: это — обида, матеріальный вредъ, а не формальное нарушеніе закона. «Всякое право, взятое въ своей цѣлости», говоритъ Эверсъ, «получаетъ начало свое въ понятіи объ обидѣ... Первоначально все—обида и рѣчи только объ обидахъ» ³⁾. Этотъ же взглядъ,

¹⁾ *Поповъ*. Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 39; *Ланге*. Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 98.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 440—441.

³⁾ Древнѣйшее русское право. Спб., 1835, стр. 350.

только болѣе обстоятельно, развитъ у Максимовича: въ эпоху Правды Ярослава, по его мнѣнію, господствовало понятіе обиды, то-есть, матеріальнаго, физическаго вреда; въ Правдѣ XIII столѣтія понятіе обиды расширяется: въ него входитъ, какъ элементъ, и оскорбленіе чести другого, но господствующій характеръ преступленія все же зло физическое, матеріальное, выражаемое терминами «мѹка» (по отношенію къ лицамъ) и «пагуба» (по отношенію къ вещамъ)¹⁾. Точно также и Чебышевъ-Дмитріевъ думаетъ, что «дѣйствіе считалось преступнымъ въ силу заключающагося въ немъ матеріальнаго (дѣйствительнаго), непосредственнаго зла. Отвлеченнаго понятія о преступности дѣйствія ради одного только зла формальнаго (нарушенія закона), хотя бы это дѣйствіе было само по себѣ и по ближайшимъ, непосредственнымъ своимъ результатамъ безразлично,—въ періодъ Русской Правды не было»²⁾, и г. Сергѣевичъ³⁾ присоединяется къ этому взгляду. Вообще онъ не оспаривается, да и едва ли можно что-либо сказать противъ него.

Въ виду этого вполне понятно, что объектомъ преступленія по Русской Правдѣ считаются лишь права лицъ физическихъ, и что нашъ памятникъ не знаетъ цѣлаго ряда преступленій—противъ государства и общества. Это отмѣчено еще Эверсомъ, который, впрочемъ, объяснялъ такое явленіе не понятіемъ о преступленіи, а тѣмъ, что государственная власть имѣла въ то время патріархальное основаніе⁴⁾. Максимовичъ только отмѣтилъ фактъ, не поставивъ его въ связь съ выясненнымъ имъ же самимъ понятіемъ о преступленіи по Русской Правдѣ⁵⁾. Такое же замѣчаніе находимъ и у г. Владимірскаго-Буданова⁶⁾. По нашему мнѣнію, связь между понятіемъ о преступленіи и объектомъ преступленія въ Правдѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Но права не всѣхъ физическихъ лицъ подлежали въ тѣ времена уголовной защитѣ и охранѣ. Эта мысль особенно рѣзко выражена Чебышевымъ-Дмитріевымъ. Такъ, права лицъ несвободныхъ — холопа и рабы—не объектъ преступленія: убійство

---

¹⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 12 и 18.

²⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву. Казань. 1862, стр. 92.

³⁾ Лекціи и изслѣдованія, стр. 437.

⁴⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 355.

⁵⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 8.

⁶⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 8, 12.

холопа постороннимъ есть лишь нарушеніе имущественныхъ правъ его господина, наказывается, какъ истребленіе чужой собственности,—«продажей»; убійство несвободнаго своимъ господиномъ ненаказуемо: это видно изъ 84 статьи Троицкаго списка, говорящей о наказаніи за убійство *только чужихъ* холопа и рабы, и признается всеми изслѣдователями—Чебышевымъ-Дмитріевымъ ¹⁾, г. Ведровымъ ²⁾, г. Владиміровымъ-Будановымъ ³⁾ и др., но оспаривается Ланге, по мнѣнію котораго такой порядокъ существовалъ лишь съ Владиміра Мономаха, да и то лишь при убійствѣ холопа на «свадѣ», за убійство же его «въ разбоѣ» — потокъ и разграбленіе; до Мономаха, по Ланге, убійство холопа наказывалось сорока-гривенною вирой. Онъ доказывалъ свой взглядъ слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, если за кражу холопа князь получилъ 12 гривенъ, а владѣлецъ, въ случаѣ невозвращенія ему его, 5, то должна быть вира или продажа и за убійство холопа; во-вторыхъ, до Мономаха за убійство холопа взымалась всегда вира, ибо при Ярославѣ и Изяславѣ съ братьями она взыскивалась за лишеніе жизни тиуна боярскаго, тиунъ же боярскій могъ быть и холопомъ; въ-третьихъ, слова 84 статьи Троицкаго списка: «а въ холопѣ и рабѣ виры нѣтуть» — свидѣтельствуютъ объ отмѣнѣ стараго постановленія о вирѣ за ихъ убійство, такъ какъ «нѣтуть» — «да не будетъ» ⁴⁾. Г. Ведровъ дѣлаетъ слѣдующія, вполне основательныя возраженія на эти аргументы: за убійство холопа и платилась продажа; въ статьѣ о вирѣ за убійство тиуна боярскаго рѣчь идетъ о тиунѣ боярскомъ съ *рядомъ*, то-есть, не холопѣ; объясненіе слова «нѣтуть» въ смыслѣ «да не будетъ» — произвольно ⁵⁾.

Чебышевъ-Дмитріевъ не останавливается однако на констатированіи факта непризнанія правъ несвободныхъ въ Русской Правдѣ; онъ утверждаетъ еще, что «вира платилась только за убійство члена извѣстнаго союза, вошедшаго въ составъ тогдашняго общества, или по крайней мѣрѣ за чловѣка вѣдомаго»; поэтому она не платилась, когда найдень скелетъ или трупъ неизвѣстнаго: «а по костехъ и по мертвечи не платитъ верви, аже имене не вѣдаютъ, ни знаютъ его» (Троицкій списокъ, статья 15); поэтому же за убійство иностранца князь не получалъ виры: въ

¹⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому де-Истровскому праву, стр. 63—66.

²⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ сравнительно съ законами салическихъ франковъ, Москва, 1877, стр. 73, 75.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 12, 13.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 57—58.

⁵⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 70—75.

договорахъ Олега и Игоря съ греками говорится только о частныхъ вознагражденіяхъ; то же самое замѣтно и въ договорѣ Смоленска съ Ригой въ 1229 и 1230 годахъ, какъ видно изъ статьи, опредѣляющей 5 гривенъ серебра за насиліе дѣвкѣ: этотъ платежъ соотвѣтствуетъ 5 гривнамъ серебра частнаго вознагражденія за это же преступленіе, по церковному уставу Ярослава; наконецъ и договоръ Новгорода съ нѣмецкими городами въ 1269—1270 годахъ содержитъ тоже только частныя вознагражденія: въ самомъ дѣлѣ, здѣсь прямо сказано, что за сломку старой ограды надо выстроить новую и *ничего болѣе не взыскивать*, между тѣмъ какъ въ Русской Правдѣ за это назначается 3 гривны продажи¹⁾. Это мнѣніе вызвало критическія замѣчанія гг. Ведрова и Владимірскаго-Буданова. По указанію перваго, нельзя признать правоспособными лицами однихъ только членовъ извѣстныхъ союзовъ по той причинѣ, что за изгоевъ платилась 40 гривенная вира, а они не были членами союзовъ²⁾. Второй названный изслѣдователь считаетъ невѣрнымъ мнѣніе Чебышева-Дмитріева, опираясь на то наблюденіе, что «права лицъ съ ограниченою правоспособностью ограждаются уголовнымъ закономъ въ одинаковой мѣрѣ съ свободными»: указаніе на это можно видѣть, напримѣръ, въ статьяхъ о закупахъ, а иностранцы — варяги и колбяги — имѣютъ въ этомъ отношеніи даже преимущества передъ гражданами (см. Троицкій списокъ, статья 25); и по договору Новгорода съ нѣмцами, граждане и иностранцы равноправны: «если убьютъ купчину нѣмца въ Новгородѣ, то за голову 10 гривенъ», что равняется 40 гривнамъ Русской Правды³⁾.

Такимъ образомъ нѣтъ основаній раздѣлять взглядъ Чебышева-Дмитріева на то, что права лицъ, не принадлежащихъ къ какому либо союзу, не были объектомъ преступленія во времена дѣйствія нашего памятника. Чтобы закончить рѣчь объ объектѣ преступленія, остается указать на замѣчаніе г. Владимірскаго Буданова, что правоспособныя лица «пользовались уголовною защитой своихъ правъ не всѣ въ одинаковой степени; такъ, жизнь княжихъ мужей ограждается двойною вирою, за «мѣрку» огнищанина 12 гривенъ продажи, а за «мѣрку» смерда 3»⁴⁾. Разборъ спорной статьи «о женѣ» откладываемъ до разсмотрѣнія постановленій объ убійствѣ.

¹⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому де-Петровскому праву, стр. 55—62.

²⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 80.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 13.

⁴⁾ Тамъ же.

II.

Перейдемъ теперь къ трудному вопросу о субъектѣ преступленія по Русской Правдѣ.

Кто могъ быть преступникомъ по понятіямъ того времени? Г. Владимірскій-Будановъ выражаетъ общепринятый взглядъ, утверждая, что «злѣдѣнія холоповъ — не преступленія и не навлекаютъ на дѣятеля уголовныхъ взысканій»¹⁾: такъ за кражу, совершенную холопомъ, продажа князю не взыскивалась (см. Карамзинскій списокъ, ст. 43); господинъ могъ выкупить совершившаго такое преступленіе холопа или выдать виновнаго потерпѣвшему, но продажи не платилъ: ей подлежали только свободные соучастники преступленія, если таковые были (Карамзинскій списокъ, ст. 132); если холопъ ударить свободного человѣка и убѣжить въ домъ своего господина, то послѣдній обязанъ или выдать его потерпѣвшему или заплатить ему же 12 гривенъ, а затѣмъ, если оскорбленный холопомъ встрѣтитъ его, то, по рѣшенію Ярослава, можетъ его убить, а по уставу Ярославичей бить его, раздѣвши, или взять гривну кунъ «за соромъ» (Карамзинскій списокъ, статья 76). Мы видимъ изъ этихъ постановленій, что взглядъ г. Владимірскаго-Буданова не лишень оснований: кража холопа разсматривалась, повидимому, какъ гражданское правонарушеніе, за ударъ, нанесенный холопомъ, не платилась продажа. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться мыслью, что холопъ совершенно не признавался преступникомъ: уже самое право обиженнаго убить или бить холопа-обидчика и возможность выдачи холопа его господиномъ потерпѣвшему указываютъ, что практиковались *личныя* наказанія холоповъ, и эта практика санкціонировалась закономъ. Итакъ въ Русской Правдѣ уже замѣтенъ зародышъ признанія личности холопа, и хотя нѣтъ сомнѣнія, что по отношенію къ преступленіямъ свободныхъ и несвободныхъ точка зрѣнія не была одна и та же, все-таки самою княжескою властью въ холопѣ признавалась свободная воля, дурныя проявленія которой подлежали известной уголовной карѣ; мы говоримъ — уголовной, потому что убить или бить холопа — значило примѣнять къ нему личную месть, а месть между тѣмъ, какъ мы видѣли, имѣла несомнѣнное значеніе *общественнаго* наказанія. Можно даже думать, что причина непримѣнимости продажи при преступленіяхъ холоповъ,

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 8.

выраженная въ Русской Правдѣ словами «зане суть несвободни», заключается именно въ томъ, что холопъ совершенно не имѣлъ *имущественныхъ* правъ, а не въ томъ, что не признавалась его личность: послѣднее, строго говоря, невѣрно.

Лица правоспособныя, свободныя, всѣ безъ исключенія могли быть преступниками во времена Русской Правды. Это положеніе не нуждается въ доказательствахъ и признане всѣми изслѣдователями.

Изъ всѣхъ тѣхъ, кто занимался изученіемъ Русской Правды, одинъ только Максимовичъ высказался за то, что въ нашемъ памятникѣ не было понятія ни объ отношеніи дѣйствій человека къ его разумно-свободной волѣ, ни объ умыслѣ; это, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ признанія въ Русской Правдѣ существеннымъ признакомъ преступленія—внѣшняго дѣйствія ¹⁾. Взглядъ Максимовича, построенный на основаніи однихъ только общихъ соображеній, находится въ слишкомъ явномъ противорѣчій съ текстомъ источника, чтобы найти себѣ послѣдователей. Слѣдуетъ считать безспорнымъ, что степень участія злой воли въ Русской Правдѣ различалась; вопросъ только въ томъ, какъ далеко проведено было это различіе, и насколько силенъ былъ субъективный элементъ правонарушенія.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія прежде всего замѣчанія Ланге: по его словамъ, въ Правдѣ различалось убійство «въ обиду» или «въ разбоѣ», то-есть, злоумышленное, отъ убійства «въ свадѣ» или на пиру, то-есть, въ раздраженіи; впрочемъ, на основаніи 24-й статьи Троицкаго списка ²⁾ Ланге указываетъ, что въ Правдѣ, при опредѣленіи наказанія, послѣдствія преступленія цѣнились болѣе, нежели самое направленіе воли; названный изслѣдователь идетъ даже дальше и утверждаетъ, что и при нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ различались два случая, въ свадѣ или безъ свады они нанесены (подробно объ этомъ см. ниже); наконецъ, онъ указываетъ на различіе кражи разныхъ предметовъ, животныхъ и птицъ изъ клѣти или перевѣса и съ поля ³⁾. По Власьеву, за имущественныя преступленія продажа назначается лишь при наличности злого умысла: такъ она платилась лишь въ томъ случаѣ, если закличутъ на

---

¹⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 10.

²⁾ Аже оударить мечемъ, а не оутнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану же лечебное; потнеть ли на смерть, а вира.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 150, 200.

торгу о пропажѣ холопа или покражѣ вещи ¹⁾; при сводѣ платилъ лишь дѣйствительно виновный ²⁾; при неосторожной винѣ, то-есть, отсутствіи злаго умысла, и закупѣ платилъ лишь частное вознагражденіе ³⁾; кто «*пакощами*» порѣжетъ скоть, тотъ платитъ продажу ⁴⁾; то же назначается и за *злонамѣренный* отказъ платить долгъ ⁵⁾. Власевъ утверждалъ однако, что не было различій въ степени умысла ⁶⁾. Весьма любопытныя соображенія по занимающему насъ вопросу высказалъ Чебышевъ-Дмитріевъ, вообще считающій весьма важнымъ субъективный элементъ въ правонарушеніи по Русской Правдѣ: по его мнѣнію, въ это время «главнымъ опредѣляющимъ моментомъ въ понятіи преступнаго дѣйствія является преступная *злонамѣренность* воли, а не извѣстный способъ нарушенія права»; въ Правдѣ такимъ образомъ «въ понятіи преступнаго дѣйствія преобладающимъ является субъективный моментъ»; *злонамѣренность* дѣйствія—тотъ признакъ, который отличаетъ уголовное преступленіе отъ гражданского правонарушенія: «такъ относительно истребленія и поврежденія чужого имущества Русская Правда различаетъ дѣйствія смотря по тому, совершено ли оно «*пакощами*» («*пакости дѣя*»), или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ истребленіе и поврежденіе считается преступленіемъ, вызываетъ поэтому платежъ продажи, во второмъ—гражданскимъ правонарушеніемъ, обязывающимъ виновнаго къ одному вознагражденію хозяина вещей ⁷⁾». Сторонниками мнѣнія о вниманіи Русской Правды къ отношенію между преступнымъ дѣйствіемъ и волей дѣятеля являются и гг. Сергѣевичъ ⁸⁾ и Владимірскій-Будановъ. Последний, вопреки Власеву, признаетъ, что въ Правдѣ различается *степень* умысла: «количество злой воли предполагается бѣльшимъ при истребленіи, чѣмъ при кражѣ тѣхъ же самыхъ вещей»: за *злонамѣренное* истребленіе чужого скота—12 гривенъ продажи, а за кражу его 3 гривны. Вмѣстѣ съ Ланге г. Владимірскій-Будановъ утверждаетъ, что «при наличности злой воли различіе *результата*

¹⁾ Троицкій списокъ, статьи 26 и 27.

²⁾ Тамъ же, статьи 29 и 33.

³⁾ Тамъ же, статьи 53 и 54.

⁴⁾ Тамъ же, статья 80.

⁵⁾ Тамъ же, статья 43.

⁶⁾ О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 183—185.

⁷⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 91, 86, 85.

⁸⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 439.

тоже преступленія вліяєть на уголовную оцѣнку дѣянія» ¹⁾. Весьма любопытно, наконецъ, мнѣніе г. П. Бѣляева: онъ думаетъ, что Русская Правда «лишь въ нѣкоторыхъ правонарушеніяхъ требуетъ для бытія наказуемой неправды наличности субъективнаго элемента»: такіа правонарушения—убійство, татьба, злонамѣренное истребленіе скота, нарушеніе правильныхъ закупническихъ отношеній. Но гораздо чаще Правда «заключаетъ изъ внѣшней обстановки правонарушения на бытіе субъективнаго элемента, такъ сказать примышляетъ внутреннюю сторону правонарушения къ наличной внѣшней»: такъ татемъ считается тотъ, кто не отвелъ отъ себя слѣда, и тотъ, кто обладаетъ чужою вещью, но не можетъ указать своего аuctor'a; подобное же явленіе замѣчается въ 55 статьѣ Троицкаго ²⁾ списка и въ 14 статьѣ Академическаго ³⁾. Наконецъ, весьма часто Русская Правда «проводитъ чисто-объективную точку зрѣнія на наказаніе и возмѣщеніе ущерба—игнорируетъ совершенно внутреннюю сторону дѣянія», «знаетъ наказаніе безъ вины», какъ видно, по мнѣнію г. Бѣляева, изъ 50-й статьи Троицкаго списка; та же объективная точка зрѣнія—при мести: игнорируется, былъ ли виновенъ, или нѣтъ, тотъ, кому мстять; то же при нанесеніи ранъ, увѣчій, мученій, преступленій противъ чести и пр. (Троицкій списокъ, статьи 18, 22, 23, 25, 60, 61, 71, 72; Карамзинскій списокъ, статья 28; Троицкій списокъ, статьи 64—66, 74, 79, 84 и пр.) ⁴⁾.

Попытаемся разобраться въ этихъ довольно разнообразныхъ взглядахъ. Уже одно сопоставленіе изложенныхъ здѣсь нами мнѣній и ихъ основаній въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что отличительною чертой преступленія въ Русской Прав-

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 9.

²⁾ Аже господинъ переобидеть закупа, а оувидеть купу его или отарицу, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ; паки ли приметь на немъ кунъ, то оиать ему воротити куны, что будетъ принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи; продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ: а, господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ; аже господинъ быеть закупа про дѣло, то безъ вини естъ: биеть ли не смысла пьянъ, а безъ вины, то якоже въ свободнемъ илатежѣ, такоже и въ закупѣ.

³⁾ Аще гдѣ възмычетъ на друзѣ проче, а онъ ся запирати почнетъ, то ити ему на изводъ предъ 12 человека, да аще боудеть обидя не вдаль, боудеть достойно емоу свои скоть, а за обиду 3 гривнѣ.

⁴⁾ Очерки права и процесса въ эпоху Русской Правды, въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, т. V, стр. 18—19, 23, 25 и 26.

дѣлать служить наличность злой воли дѣателя: въ этомъ отношеніи правы Чебышевъ-Дмитріевъ, Власевъ и др. Можно принять и достаточно обоснованную текстомъ памятника поправку г. П. Бѣляева, что Правда дѣлаетъ заключеніе о наличности злой воли по внѣшнимъ признакамъ, но едва ли вѣрно другое замѣчаніе того же изслѣдователя—о томъ, что Русская Правда «знаетъ наказаніе безъ вины», держится чисто-объективной точки зрѣнія на преступленіе, то-есть, если мы вѣрно понимаемъ г. Бѣляева, наказываетъ, напимѣръ, за ударъ необнаженнымъ мечемъ или рукояткой, не обращая вниманія, нанесенъ ли онъ умышленно, или по неосторожности или случайности. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ ему подобныхъ, на которые ссылается г. Бѣляевъ, Правда такъ же, «примышляетъ внутреннюю сторону правонарушенія къ наличной внѣшней», какъ она дѣлаетъ это въ статьяхъ о «сводѣ». Совершенно непонятно, какъ можетъ служить подтвержденіемъ взгляда г. Бѣляева 50-я статья Троицкаго списка; въ ней находятся неопровержимыя доказательства вниманія Русской Правды къ субъективной, внутренней сторонѣ дѣянія: тутъ противопологаются два случая: первый, когда купецъ съ чужими деньгами «истопиться, любо рать возметъ, ли огнь»,—тогда нѣтъ преступленія, а купецъ возмѣщаетъ убытки довѣрителей, не стѣсняясь сроками платежа: второй случай—«аже ли *пробиеться* или *проплетъся*, а въ *безуми* чюжь товаръ испортить»,—тогда онъ виноватъ и можетъ быть проданъ въ рабство. Неубѣдительно, наконецъ, и ссылка на мечь: вѣдь мечь назначалась главнымъ образомъ за убійство, а при наказаніи за это преступленіе принимался во вниманіе субъективный элементъ, какъ признаетъ и самъ г. Бѣляевъ. Итакъ: наличность злой воли и умысла была непремѣннымъ условіемъ признанія факта преступленія, хотя иногда Правда и заключала объ умыслѣ по однимъ внѣшнимъ признакамъ; объективнаго отношенія къ преступленію въ Правдѣ не было.

Другой вопросъ—о *степени* умысла: кто правъ, Власевъ ли, отрицающій различіе ея въ Русской Правдѣ, или Ланге и г. Владимірскій-Будановъ, признающіе, что нашъ памятникъ различаетъ степень умысла? Въ дѣлахъ объ убійствѣ, какъ показываютъ термины убійство «въ разбоѣ» и убійство «въ свадѣ или на пиру явлено» и различная степень наказуемости каждаго изъ этихъ видовъ убійства¹⁾, различалась степень умысла. То же самое надо сказать и о воровствѣ-кражѣ: отличается кража изъ клѣти или изъ хлѣва и кража съ поля²⁾ и послѣдняя считается

¹⁾ Троицкій списокъ, статьи 3, 4 и 5.

²⁾ Тамъ же, статья 37 и 38.

не гражданскимъ правонарушеніемъ, а уголовнымъ преступленіемъ, обнаруживающимъ однако меньшее напряженіе злой воли, чѣмъ первая, почему караемымъ меньшею продажей. Такимъ образомъ правы Ланге и г. Владимірскій-Будановъ, — но только отчасти: не слѣдуетъ вмѣстѣ съ Ланге признавать вниманіе Русской Правды къ *степени* напряженности злой воли въ постановленіяхъ о нанесеніи увѣчій, ранъ и побоевъ: ни въ одной статьѣ, посвященной этимъ преступленіямъ, нѣтъ ни намека на вниманіе къ этому; степень наказуемости при этихъ преступленіяхъ опредѣлялась не напряженностью преступной воли, а результатами преступнаго дѣянія и большею или меньшею его оскорбительностью для потерпѣвшаго. Вотъ почему, напримѣръ, за ударъ какимъ либо тупымъ орудіемъ или необнаженнымъ мечемъ назначено было 12 гривенъ продажи, а за ударъ обнаженнымъ мечемъ, не причинившій смерти потерпѣвшему, только 3 гривны, тогда какъ въ случаѣ его смерти платилась вира ¹⁾. Не различалась степень умысла также и въ другихъ имущественныхъ преступленіяхъ, кромѣ воровства-кражи, — здѣсь, какъ и по отношенію къ увѣчьямъ, ранамъ и побоямъ, надо согласиться съ Власевымъ ²⁾.

Пойдемъ далѣе въ анализъ субъективной стороны преступнаго дѣянія. Г. Владимірскій-Будановъ дѣлаетъ весьма важное указаніе на то, что въ Русской Правдѣ признавалось вліяніе аффекта на степень наказуемости: если кто либо, получивъ ударъ какимъ либо тупымъ орудіемъ, не стерпѣвъ, ударить обидчика мечемъ, «то вины ему въ томъ нѣтутъ» (Троицкій списокъ, статья 20 ³⁾): Этотъ случай нельзя, подобно Калачову ⁴⁾, отнести исключительно къ законной самооборонѣ, такъ какъ тутъ центръ тяжести лежитъ въ словахъ «не терпя», несомнѣнно указывающихъ на аффектъ.

Спорнымъ является вопросъ о томъ, существуетъ ли въ Русской Правдѣ понятіе о сообщничествѣ или соучастіи? Максимовичъ не признавалъ его существованія въ то время ⁵⁾. Противоположную крайность представляетъ мнѣніе Ланге, видѣвшаго понятіе о сообщничествѣ и въ статьяхъ Русской Правды объ убійствѣ: это онъ выводилъ изъ 18-й статьи Академическаго

¹⁾ Троицкій списокъ, статьи 18, 20, 24.

²⁾ Тамъ же, статьи 63—66, 68, 69, 74 и пр.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып., II, стр. 10.

⁴⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, заключеніе е изъ III главы III отдѣленія—объясненіе конца статьи ХCVIII.

⁵⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 18.

списка: «аще оубьютъ (то-есть, нѣсколько человѣкъ) огнищанина въ обиду, то платити за нѣ 80 гривенъ оубійци», то-есть, каждому изъ убійцъ¹⁾. Ясно однако же, что выраженіе «оубьютъ» вовсе не указываетъ на нѣсколько убійцъ, а есть выраженіе безличное, въ смыслѣ «если кто либо убьетъ». Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать существованіе понятія о соучастіи въ Русской Правдѣ, только оно ограничено случаями воровства-кражи: такъ въ 37-й статьѣ Троицкаго списка говорится: «Аже крадетъ кто скотъ въ хлѣвѣ или клѣтѣ, то же будетъ одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; будетъ ли ихъ много, всѣмъ по 3 гривны по 30 кунъ платити», въ 38-й—читаемъ: «Аже крадетъ скотъ на поли, или овцѣ, или козы, ли свиньи, 60 кунъ; будетъ ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ»; соотвѣтствующія этимъ постановленіямъ находимъ и въ краткой Правдѣ²⁾; наконецъ, на соучастіе въ кражѣ указываетъ еще слѣдующая статья пространнаго текста: «Аже холопъ крадетъ кого либо, то господину выкупати и либо выдати и съ кимъ будетъ красть, а женѣ и дѣтемъ ненадобѣ; но оже будутъ съ нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати; паки ли а выкупаютъ господинъ; аже будетъ свободни съ нимъ крали или хоронили, то князю въ продажѣ»³⁾. На основаніи этихъ статей Власьевъ совершенно справедливо признаетъ понятіе о соучастіи въ Русской Правдѣ мало развитымъ⁴⁾, что правильно разъясняется г. Владимірскимъ-Будановымъ въ томъ смыслѣ, что въ Правдѣ не различается главное виновничество: всѣ сообщники наказываются одинаково⁵⁾.

Далѣе Максимовичъ⁶⁾ и Власьевъ⁷⁾ находятъ, что въ Русской Правдѣ нѣтъ понятія о покушеніи, и причину этого первый видитъ въ признаніи необходимымъ условіемъ преступленія пагубнаго послѣдствія его, второй же въ отсутствіи въ Правдѣ понятія о степени умысла и въ недостаточномъ развитіи процесса. Противоположный взглядъ высказанъ Поповымъ⁸⁾, Кала-

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 113.

²⁾ Академическій списокъ, статьи 29 и 40.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 115.

⁴⁾ О вѣнненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 187—188.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 11.

⁶⁾ О развитіи идеи преступленія по смыслу памятниковъ русскаго законодательства, стр. 11 и 19.

⁷⁾ О вѣнненіи, стр. 186—187.

⁸⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 87.

човымъ¹⁾ и г. Владимірскимъ-Будановымъ²⁾, и къ нему нельзя не присоединиться, такъ какъ онъ опирается на текстъ источника, именно на статью: «Аже ли вынезъ мечъ, а не оутнеть, то гривна кунъ»³⁾ или, какъ сказано въ краткой редакціи, «то тои гривноу положить»⁴⁾.

Чтобы закончить рѣчь о субъектѣ преступленія въ изучаемомъ памятникѣ, остается упомянуть о правѣ законной самообороны; признаніе этого права Калачовъ⁵⁾ и г. Владимірскій-Будановъ⁶⁾ видятъ въ дозволеніи убить ночнаго тата на мѣстѣ преступленія (см. 38-ю статью Академическаго списка и 36-ю Троицкаго).

III

Въяснивъ общее понятіе о преступленіи въ нашемъ источникѣ, мы должны теперь произвести подробный обзоръ постановленій Русской Правды объ отдѣльныхъ видахъ уголовныхъ преступленій.

За убійство, по древнѣйшей Правдѣ, назначалась месть, причемъ въ текстѣ источника перечислены слѣдующіе мстители: отецъ, сынъ, братъ, двоюродный братъ, племянникъ⁷⁾. Одни видятъ здѣсь полный перечень законныхъ мстителей, другіе — только примѣрный. Если держаться порваго мнѣнія, то надо признать, что тутъ введено ограниченіе первобытнаго, основаннаго лишь на обычаяхъ, права мести. Такъ думаютъ Эверсъ⁸⁾, Поповъ⁹⁾, Иванишевъ, видѣвшій цѣль ограниченія числа мстителей въ финансовой выгодѣ отъ виры¹⁰⁾, Чебышевъ-Дмитріевъ, полагавшій, что ограниченіе состояло въ замѣнѣ междусюзной мести вирой и въ томъ, что осталась лишь месть родственниковъ внутри общины¹¹⁾,

¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава III, объясненіе С статьи.

²⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 12.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 19.

⁴⁾ Академическій списокъ, статья 8.

⁵⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава III, объясненіе статей LXXXV и LXXXVI и заключенія изъ главы.

⁶⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 10.

⁷⁾ Академическій списокъ, статья 1.

⁸⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 338.

⁹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 37.

¹⁰⁾ О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирой. Кіевъ, 1840, стр. 103.

¹¹⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 13.

Бѣляевъ ¹⁾, г. Стефановскій ²⁾ и г. Ведровъ ³⁾. Сторонники мнѣнія о примѣрномъ перечнѣ—Ланге и г. Сергѣевичъ. Ланге доказываетъ, что въ данномъ мѣстѣ нельзя понимать текстъ Правды буквально, такъ какъ тогда пришлось бы утверждать, что дядя не имѣлъ права мстить за племянника, тогда какъ послѣдній пользовался этимъ правомъ въ случаѣ убійства дяди, и что Правда позволяла мстить однимъ мужчинамъ, а не женщинамъ и единственно за убійство мужчинъ ⁴⁾. Г. Сергѣевичъ подкрѣпляетъ послѣднее соображеніе Ланге—о томъ, что мстили и за женщинъ,—ссылкой на извѣстіе Начальной лѣтописи, что, по приказанію Святославова «мужа», Яна, волхвамъ, появившимся въ Бѣлозерской области и убивавшимъ женщинъ подъ предлогомъ, что онѣ мѣшаютъ урожаю, мстили за убійство матерей и сестеръ ⁵⁾. Въ доказательство мнѣнія со стороны женщинъ можно указать на извѣстную месть Ольги за Игоря.

Итакъ несомнѣнно, что указанія Русской Правды на кругъ мстителей и на лица, за которыхъ мстили, имѣютъ значеніе только примѣрнаго перечня. Слѣдовательно, мы не имѣемъ права утверждать, что въ этомъ отношеніи Ярославомъ произведены были какія либо перемѣны въ обычномъ правѣ: юридическій обычай продолжалъ дѣйствовать во всей своей неприкосновенности: месть «членовъ рода» ⁶⁾ за убійство—не Ярославово нововведеніе, а правовой обычай.

Но и въ періодъ дѣйствія кровной мести существовали условія, при которыхъ месть не примѣнялась. Эти условія выражены въ Русской Правдѣ словами: «аще ли не будетъ кто его мстыя»; въ этомъ случаѣ полагался платежъ по древнѣйшей Правдѣ, всегда 40 гривенъ, а по позднѣйшей, 80 гривенъ, если убитый былъ «князь мужъ» или княжескій тиунъ, и 40 гривенъ, если то былъ русинъ гридь, купецъ, тиунъ боярскій, мечникъ, изгой, славянинъ ⁷⁾. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе три вопроса: о значеніи словъ «оже ли не будетъ кто его мстыя», о томъ, кому платились эти 80 и 40 гривенъ, наконецъ, почему мы тутъ встрѣ-

¹⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 183.

²⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1873 г., мартъ, стр. 13, прим. 2.

³⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 49.

⁴⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 95.

⁵⁾ Лекціи и исслѣдованія, стр. 443—444.

⁶⁾ Слова г. *Владимірскаго-Буданова*. Очеркъ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 22.

⁷⁾ Академическій списокъ, статья 1; Троицкій списокъ, статья 1.

чаемся съ этимъ перечнемъ лицъ разныхъ общественныхъ состояній? Относительно перваго вопроса всѣ согласны, что тутъ разумѣется случай, когда нѣтъ мстителей ¹⁾, но Поповъ ²⁾ и Ланге ³⁾ кромѣ того еще полагаютъ что вообще можно отказываться отъ права мести. Мнѣніе послѣднихъ двухъ изслѣдователей слѣдуетъ признать вполне справедливымъ: выраженіе «оже ли не будетъ кто его мстыя» соотвѣтствуетъ грамматически выраженіямъ «оже будетъ убилъ», «будетъ ли самъ почаль» и отличается отъ нихъ лишь временемъ причастія (съ одной стороны «мстыя», съ другой «убилъ», «почаль»): въ послѣднихъ выраженіяхъ прошедшее, а въ первомъ настоящее время; поэтому точный переводъ будетъ: «если же никто не мститъ». Отвѣтъ на второй поставленный выше вопросъ,—кому шли платежи въ 80 и 40 гривенъ, данъ нами раньше при изслѣдованіи общаго понятія о преступленіи въ Русской Правдѣ: эти суммы поступали князю. Третій вопросъ рѣшается не всѣми одинаково. Иванишевъ дѣлаетъ предположеніе, что перечень лицъ разныхъ общественныхъ состояній приведенъ съ цѣлью отмѣнить личность права, будто бы господствовавшую раньше, и ввести *ius territorii* ⁴⁾; но правильнѣе, вслѣдъ за Калачовымъ ⁵⁾, объяснить дѣло тѣмъ, что тутъ мы встрѣчаемся со слитіемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеній въ одну общую форму.

Сыновья Ярослава, послѣ его смерти, уничтожили месть за убійство и ввели денежный выкупъ ⁶⁾. О какомъ выкупѣ здѣсь говорится? Въ пользу ли князя онъ шелъ, или въ пользу родственниковъ убитаго? Это—во-первыхъ. А затѣмъ высказываются сомнѣнія и въ полной отмѣнѣ мести Ярославичами. На этомъ и надо намъ теперь сосредоточить свое вниманіе. Еще Иванишевъ высказалъ мнѣніе, что здѣсь рѣчь идетъ о частномъ вознагражденіи родственниковъ убитаго, головничествѣ ⁷⁾. Этотъ взглядъ

¹⁾ См., напр., „Правда Русская“, изданіе любителей отечественной исторіи, М., 1799, стр. 1; *Эверсъ*, Древнѣйшее русское право, стр. 309 и 370; *Поповъ*, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 39; *Ланге*, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 96.

²⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 39.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 96.

⁴⁾ О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, стр. 90—91.

⁵⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе первое, разборъ мнѣній Погодина.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 2.

⁷⁾ О платѣ за убійство, стр. 95—96.

имѣть также и другихъ представителей въ лицѣ Ланге¹⁾ и г. Сергѣевича²⁾. Мы уже говорили, что такое объясненіе слѣдуетъ признать вѣрнымъ, но это еще не значитъ, что при Ярославичахъ не платилась вира князю за убійство: на ея существованіе въ то время, какъ было уже замѣчено, указываютъ слова: «а іно все, якоже Ярославъ судилъ, такоже і сыновѣ его оуставиша»³⁾. Два изслѣдователя—Эверсъ и Нейманъ—высказались за то, что дѣти Ярослава не отмѣнили мести за убійство. Доказательство этого первый видѣлъ въ томъ, что Правда XIII столѣтія представляетъ собою сборникъ дѣйствовавшихъ тогда законовъ, между тѣмъ въ ней есть постановленіе о мести. Ярославичи, по Эверсу, замѣнили месть денежнымъ выкупомъ лишь въ томъ случаѣ когда мертвое тѣло найдено будетъ въ предѣлахъ верви, а убійца не отысканъ: они запретили мстить всей верви и установили денежное взысканіе съ нея⁴⁾. По Нейману, виры и при Ярославичахъ платились только въ случаяхъ, во-первыхъ, незаконности убійства (то-есть, при убійствѣ не изъ мести и не изъ-за обороны), притомъ при отсутствіи мстителей; во-вторыхъ, когда месть, по древнему праву, падала на вервь. Мнѣніе обоихъ названныхъ изслѣдователей о законности мести при сыновьяхъ Ярослава опровергается подлинными словами Русской Правды «по Ярославу же паки совокупившеся сыновѣ его... і отложивша оубиеніе за голову»⁵⁾.

Остается еще выяснить, въ чемъ состояла месть, и чѣмъ обезпечивалось правильное ея выполненіе. Прежде смѣшивали месть съ судебнымъ поединкомъ или «полемъ», о которомъ въ дѣйствительности не упоминается въ Русской Правдѣ: такое смѣшеніе находимъ у Болтина⁶⁾, Успенскаго⁷⁾, Раковецкаго⁸⁾, Калайдовича⁹⁾. Это мнѣніе давно и заслуженно оставлено; достаточно замѣтить только одно: «поле»—видъ судебныхъ доказательствъ, родъ

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 101—102.

²⁾ Лекціи и изслѣдованія, стр. 448—449.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 2.

⁴⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 418, прим. 5.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 2.

⁶⁾ „Правда Русская“, изданная любителями отечественной исторіи. Москва, 1799, стр. 11.

⁷⁾ Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Харьковъ, 1818, стр. 491.

⁸⁾ Prawda Ruska, t. II, w Warszawie, 1822, стр. 133, прим. 36.

⁹⁾ Разсужденіе о поединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ, въ „Русскомъ Историч. Сборникѣ“, т. I, книга IV, стр. 4—6.

суда Божія, мсть—не процессуальный актъ, а уголовное взысканіе; уже изъ этого видно, какъ глубоко заблуждались Болтинъ и его послѣдователи. Ланге высказалъ мнѣніе, что мсть даже и за убійство не состояла непременно въ убійствѣ же, а просто была правомъ самосуда, опредѣлялась волей мстителя, ибо нельзя допустить, чтобы за увѣчье убивали, а между тѣмъ въ Правдѣ прямо сказано, что за увѣчье существовало мщеніе. Итакъ мститель могъ нанести побои, убить, изувѣчить, взять выкупъ и даже примириться¹⁾. Совершенно расходится съ Ланге Чебышевъ-Дмитріевъ: онъ убѣжденъ, что при мщеніи руководились преданіемъ или обычаемъ, а не личнымъ произволомъ²⁾. Г. Сергѣевичъ присоединяется къ Ланге: по его мнѣнію, родъ мести опредѣлялся въ каждомъ частномъ случаѣ темпераментомъ³⁾. Правильное разрѣшеніе этого спорнаго вопроса зависитъ отъ того, чѣмъ обезпечивалось законное выполненіе мести. Чебышевъ-Дмитріевъ думаетъ, что для мести надо было доказать фактъ обиды, и ссылается при этомъ на 2-ю статью Академическаго списка⁴⁾, судя по которой, только доказавъ фактъ обиды, можно было мстить⁵⁾. Г. Сергѣевичъ утверждаетъ, что мстить можно было только взволнованному человѣку и немедленно послѣ нанесенія ему обиды: такъ въ 3-й статьѣ Академическаго списка⁶⁾ выкупъ назначается за ударъ только въ томъ случаѣ, если обиженный «не постигнетъ» обидчика, то-есть, если онъ его постигнетъ, то можетъ отомстить; изъ 20-й статьи Троицкаго списка⁷⁾ видно, что, если обиженный перенесъ оскорбленіе дѣйствіемъ въ моментъ его нанесенія, то послѣ нельзя уже отомстить за него ударомъ меча. Притомъ, по мнѣнію г. Сергѣевича, мсть предшествовала суду, и затѣмъ судъ лишь разсматривалъ справедливость или несправедливость уже совершившихся случаевъ мести: какъ видно изъ той же 20-й статьи Троицкаго списка, обиженный, нанеся ударъ мечемъ, долженъ былъ доказать на судѣ, что ударъ нанесенъ изъ мести⁸⁾. Наконецъ, и г. Владимірскій-

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 96.

²⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 36.

³⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 441.

⁴⁾ Или боудѣтъ кровавъ или синь надоражень, то не искати емоу видока... оже ли себе не можетъ мстити, то взяти емоу за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мзда.

⁵⁾ О преступномъ дѣйствіи по русскому до-Петровскому праву, стр. 12.

⁶⁾ Аще сего не постигнутъ, то платити емоу: то тоу конецъ.

⁷⁾ Аже кто кого оударитъ батогомъ,... то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому оударитъ мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть.

⁸⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 44.

Будановъ полагаетъ, что мечь соединяется съ судомъ; то-есть, требуетъ или предварительнаго судебного рѣшенія (при побояхъ: см. 2-ю статью Академическаго списка) или послѣдующей санкции (чаще)¹⁾.

Изъ всѣхъ изслѣдователей, мнѣнія которыхъ только что изложены, вполне правъ только одинъ Чебышевъ-Дмитріевъ: его взглядъ на необходимость предварительнаго судебного рѣшенія для выполненія мести основанъ на несомнѣнныхъ данныхъ, на текстѣ 2-й статьи Академическаго списка, не допускающемъ двусмысленнаго толкованія. Этого нельзя сказать о мнѣніи г. Сергѣевича: едва ли третья статья краткой Правды можетъ служить аргументомъ въ пользу мнѣнія о законности мести только въ состояніи раздраженія: г. Сергѣевичъ, очевидно, смѣшиваетъ законную самооборону съ мекъ; право законной самообороны признается и теперь, но никто не будетъ утверждать, что въ настоящее время дозволена закономъ мекъ; смыслъ 3-й статьи краткой Правды заключается въ томъ, что за ударъ тупымъ орудіемъ назначается 12 гривенъ продажи, но платится эта продажа лишь въ томъ случаѣ, если обиженный не отвѣтитъ ударомъ же; слѣдовательно, если обидчикъ получилъ отвѣтный ударъ, который со стороны обиженнаго есть въ данномъ случаѣ простое примѣненіе права законной самообороны, то онъ освобождается отъ уплаты продажи: отвѣтный ударъ зачитается ему вмѣсто наказанія. Подобное явленіе встрѣчается въ пространной Русской Правдѣ, въ 23-й статьѣ Троицкаго списка²⁾: зачинщикъ драки платитъ 60 кунъ продажи, но если окажется, что его избили до синяковъ, то съ него не взыскивается продажа: синяки и кровь—достаточное наказаніе. Никто не будетъ толковать этого постановленія въ смыслѣ сохраненія мести и законности ея лишь подѣ живымъ впечатлѣніемъ насилія: это не мекъ, а осуществленіе права законной самообороны. Подобное же смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ по своей юридической природѣ явленій съ особенною ясностью выступаетъ въ объясненіи г. Сергѣевичемъ 20-й статьи Троицкаго списка: онъ и здѣсь опять видитъ не что иное, какъ мекъ, тогда какъ здѣсь та же законная самооборона, усложненная еще аффективнымъ состояніемъ обороняющагося. А

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 21—22.

²⁾ Аже придетъ кровавъ мужъ на дворъ, или синь, то видока ему не іскати, но платити ему продажу 3 гривны; аче ли не будетъ на немъ знаменія, то привести ему видокъ: слово противу слова; а кто будетъ почаль, тому плати (=платити) 60 кунъ; аче же и кровавъ придетъ, или будетъ самъ почаль, а выгѣзутъ послуи, то то ему за платежъ, оже и били.

если вѣрно, что въ 3-й статьѣ Академическаго списка и въ 20-й Троицкаго нѣтъ ни слова о мести, то падаетъ основаніе взгляда гг. Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова, что месть часто или даже всегда требовала послѣдующей санкціи суда. Пока не будетъ приведено новыхъ доказательствъ этой мысли, надо присоединиться къ взгляду Чебышева-Дмитріева, что законная месть имѣла всегда мѣсто лишь послѣ предварительнаго судебного рѣшенія: такъ было, по всѣмъ признакамъ, въ эпоху краткой Русской Правды. А если правильное выполненіе мести требовало предварительнаго приговора суда, что подтверждается и лѣтописными данными—извѣстными, уже упомянутыми выше, рассказомъ о Янѣ и бѣлозерскихъ волхвахъ,—то несомнѣнно, что и родъ мести, то, въ чемъ она состояла, опредѣлялось не темпераментомъ и не личнымъ произволомъ, а преданіемъ и обычаемъ, по справедливому замѣчанію Чебышева-Дмитріева. Для избѣжанія недоразумѣній напомнимъ, что рѣчь идетъ не о первобытной кровной мести—ея изученіе выходитъ за предѣлы нашей задачи,—а о мести въ эпоху краткой Русской Правды, во второй четверти XI вѣка, при Ярославѣ, когда уже два почти вѣка «княжили и володѣли» Русскою землею призванные властители.

Если никто не мстилъ, то платилась вира и при Ярославѣ; она однако примѣнялась въ то время, очевидно, не часто, такъ какъ надо думать, что въ большинствѣ случаевъ мстители находились. Первостепенное значеніе въ качествѣ обычнаго наказанія за убійство вира приобрѣла позднѣе, съ отмѣной мести Изяславомъ и его братьями.

Относительно размѣровъ виры существуетъ два мнѣнія: одни ¹⁾ думаютъ, что было только три нормы виры: 80 гривенъ или двойная вира, платившаяся за убійство княжескаго мужа или княжескаго тиуна, 40 гривенъ или простая вира, платившаяся за русина, гридя, купца, тиуна боярскаго, мечника, изгоя, славянина, и 20 гривенъ или полувиры; по мнѣнію другихъ ²⁾, вирами были

¹⁾ *Поповъ*, Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 49—50; *Ланге*, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 107; *Власовъ*, О вѣнненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 155—156; *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 24.

²⁾ *Рейнъ*, Опытъ исторіи русскаго государственнаго и гражданскаго законодательства, переводъ Морозкина, Москва, 1836, стр. 180; *Иванниченко*, О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, стр. 92; *Калачовъ*, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава III, объясненіе статей LXXX—LXXXIII; *Ведрогъ*, О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 54.

и платежи въ 12, 6 и 5 гривенъ. Вторая группа изслѣдователей не приводитъ доказательствъ своего мнѣнія, но, повидимому, основываетъ его на томъ мѣстѣ, которое занимаютъ въ Правдѣ статьи о платежахъ въ 12, 6 и 5 гривенъ. Ланге попытался обставить свой взглядъ доказательствами: онъ полагаетъ, что статьи 18—24 краткой редакціи и имъ соотвѣтствующія въ пространной говорятъ не о вирѣ, а о головничествѣ: за убійство огнищанина, княжескаго подѣзнаго, княжескаго тиуна огнищнаго и конюшаго назначалось головничество въ 80 гривенъ, за убійство княжескаго отрока, конюха и повара въ 40 гривенъ, за убійство сельскаго или ратайнаго княжескаго тиуна, ремесленника, ремесленницы, кормильца, кормилицы, рядовича—головничество въ 12 гривенъ, наконецъ, 5 гривенъ головничество за смерда и холопа, а 6 гривенъ за рабу; соображенія, доказывающія это мнѣніе, заключаются въ слѣдующемъ: 1) 12, 6 и 5 гривенъ не виры, такъ какъ въ Правдѣ уже 20 гривенъ называется полувирьемъ; притомъ подъ людьми разумѣются и холопы, а о вирѣ за людей сказано выше; было бы кромѣ того странно, что плата за умерщвленіе холопа (5 гривенъ) ниже платы за его похищеніе (12 гривенъ); наконецъ, 6 и 5 гривенъ не виры еще потому, что, по Ланге, съ Мономаха дѣйствовало постановление: «а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтутъ»; 2) 80 и 40 гривенъ тоже не виры, такъ какъ стоятъ въ связи съ 12, 6 и 5 гривнами, о вирѣ въ 80 гривенъ за тиуна огнищнаго нечего повторять: о ней говорилось при указаніи виры за княжихъ мужей; и княжескіе отроки, конюхи и повара — тоже княжескіе мужи, значить, вира за нихъ не 40, а 80 гривенъ; 3) всѣмъ этимъ статьямъ чего-то недостаетъ для опредѣленности смысла; въ предыдущей (8-й Троицкаго списка) статьѣ сказано: «а за голову 3 гривны»; это относится не къ 8-й статьѣ Троицкаго списка, ибо особой платы за голову при 80-гривенной вирѣ быть не могло, такъ какъ ея не было и при 40-гривенной вирѣ; слова эти относятся къ слѣдующимъ статьямъ (9—14 Троицкаго списка) и тутъ ошибка: вмѣсто 3 надо «*ти*»; то-есть, «слѣдующія»: и стерлось, а т переписчикъ принялъ за г; въ Пушкинскомъ спискѣ сказано просто: «а за голову гривны»¹⁾.

Не всѣ доказательства Ланге убѣдительны: послѣднее сомнительно уже потому, что приходится прибѣгать къ передѣлкѣ текста; во всякомъ случаѣ, если признать тутъ текстъ испорченнымъ, что вѣроятно, то лучше не прибѣгать къ формѣ «*ти*», а прямо принять чтеніе Пушкинскаго списка; нельзя также считать

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 136—138.

княжескаго отрока, конюха и повара княжими мужами, такъ какъ «князь мужъ» = бояринъ, членъ старшей дружины; наконецъ, совершенно напрасно Ланге причисляетъ къ людинамъ и холоповъ: можно считать общепризнаннымъ и несомнѣннымъ, что терминомъ «людинъ» обозначался свободный человѣкъ. Но прочіе доводы сохраняютъ свою силу, и въ общей своей мысли Ланге вполнѣ правъ: все это—частныя вознагражденія, что подтверждается еще и тѣмъ, что за убійство холопа назначалось 12 гривенъ продажи ¹⁾, слѣдовательно, здѣсь 5 гривенъ—урокъ, а всѣ эти статьи въ тѣсной взаимной связи.

Извѣстно, за кого платилась двойная и простая вира. Но спорнымъ является вопросъ, когда платилось полувирье? Вопросъ этотъ рѣшался въ двухъ направленіяхъ: одни ²⁾ полагали, что въ извѣстной статьѣ Русской Правды «о женѣ» ³⁾ рѣчь идетъ о женщинѣ вообще, другіе ⁴⁾, что о женѣ въ смыслѣ супруги. Соответственно этому дѣлались и нѣкоторыя коньектуры въ текстѣ. Доказать первое мнѣніе, хотя и ненадежнымъ образомъ, старается только Неволинъ: онъ указываетъ, что за статьей «о женѣ» слѣдуетъ статья: «а въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть», гдѣ говорится о платежѣ урока господину убитаго холопа, т. е., о платѣ за убійство чужого, а не своего холопа; значитъ, и предыдущая статья говоритъ объ убійствѣ посторонней женщины, а не своей жены ⁵⁾. Это основаніе чрезвычайно шатко: система въ Правдѣ есть, но чисто-внѣшняя, и невозможно предположить вниманіе составителя сборника къ такимъ тонкостямъ. Второе мнѣніе основывается на томъ соображеніи, что за убійство женщины, какъ

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 84.

²⁾ *Карамзинъ*, Исторія Государства Россійскаго, т. I, глава III, изд. 5-е, Эйнерлинга, С.-Пб. 1842, стр. 25 и прим. 67; *Раковецкій*, Prawda Ruska, t, II стр. 145, прим. 76; *Магнэвскій*, Slavische Rechtsgeschichte, übersetzt von Buss und Nawrocki, 2-er Theil. Stuttgart und Leipzig. S. 144, Anm. 173; *Ивантеевъ*, О платѣ за убійство, стр. 98; *Неволинъ*, Полное Собраніе Сочиненій, т. III, стр. 78—79; *Ведровъ*, О денежныхъ ценахъ по Русской Правдѣ, стр. 60.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 83.

⁴⁾ *Болтинъ*, „Правда Русская“, изданная любителями отечественной исторіи, стр. 84; *Эверсъ*, Древнѣйшее русское право, стр. 394; *Рейнъ*, Опытъ исторіи російскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, стр. 180; *Калачовъ*, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава III, объясненіе статьи LXXIX; *Ланге*, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 112; *Владимирскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 14.

⁵⁾ Полное Собраніе Сочиненій, т. III, стр. 78, прим. 185.

и мужчины, платится полная вира: еще Иванишевъ видѣлъ доказательство этого въ одинаковомъ платежѣ за ремесленника и *ремесленницу*, за кормильца и *кормилницу* «хотя си холопъ, хотя си *раба*» ¹⁾, но замѣчаніе Иванишева не имѣетъ въ данномъ случаѣ значенія: тутъ рѣчь идетъ о частномъ вознагражденіи, урокъ, а не вирѣ: г. Владиміръскій-Будановъ указываетъ, что, по другимъ славянскимъ законодательствамъ и позднѣйшему русскому праву, убійство женщины и мужчины наказывается одинаково ²⁾. Онъ предлагаетъ измѣнить чтеніе «оже будетъ виноватъ» на болѣе понятное «виновата». Смыслъ всего постановленія получается тогда такой: если мужъ убьетъ жену, то тѣмъ же судомъ судить, какъ за убійство мужчины (то-есть, подвергать той же вирѣ), а если она сама въ этомъ виновата (то-есть, нарушила супружескую вѣрность), то полвиры, 20 гривенъ ³⁾. Такъ какъ чтеніе «виновата» мы встрѣчаемъ въ спискахъ Карамзинской редакціи ⁴⁾, то такое объясненіе статьи «о женѣ» представляется самымъ вѣроятнымъ. Совершенно оригинально понимаетъ вторую половину этой статьи Ланге; по его мнѣнію, тутъ рѣчь идетъ объ общей платѣ за убійство «въ свадѣ»: по вновь изданному закону, зачинщикъ свадьбы платилъ полувирѣ ⁵⁾, — объясненіе столь же оригинальное, какъ и ни на чемъ не основанное.

Вира платилась не за всякое убійство, а только за убійство, бывшее слѣдствіемъ ссоры или совершенное на пиру открыто ⁶⁾. Но характерно, что, тогда какъ головничество всегда имѣло личный характеръ, платилось исключительно самимъ убійцей ⁷⁾, вира платилась иногда вервью или съ помощью отъ верви. По условія платежа виры вервью удобнѣе разсматривать въ связи съ разборомъ вопроса вообще о значеніи верви, такъ что мы оставимъ пока это въ сторонѣ.

Кромѣ убійства въ ссорѣ или на пиру открыто, Русская Правда знаетъ еще убійство «въ разбоѣ», то-есть, злоумышленное убійство. Оно наказывалось не вирой, а «потокѣмъ и раз-

¹⁾ О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, стр. 93.

²⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 14.

³⁾ Тамъ же. Отмѣтимъ здѣсь вѣсти, что и по Псковской судной грамотѣ, статья 15, (изд. Мурзакевича), князь получалъ продажу при убійствѣ въ семьѣ.

⁴⁾ См. Карамзинскій списокъ, статья 101.

⁵⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 122.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 4.

⁷⁾ „А головничество самому головнику“: Троицкій списокъ, статья 4.

грабленіем»¹⁾. Мы говорили уже выше о томъ, какъ понималъ сущность этого наказанія Поповъ. Его взглядъ въ общемъ раздѣляется всѣми²⁾. Только Раковецкій³⁾ считалъ потокъ неволей, рабствомъ, г. Стефановскій⁴⁾ опредѣляетъ его, какъ казнь, а у г. Владимірскаго-Буданова находимъ замѣчаніе, что изъ потока и разграбленія «развились уже въ эпоху Русской Правды всѣ виды уголовныхъ каръ»: изгнаніе и ссылка, какъ видно изъ лѣтописнаго извѣстія 1024 г. о томъ, что Ярославъ, «изымавъ волхвы, расточи»; заключеніе или лишеніе свободы на время: въ 1146 г. новгородцы «заточаша Якуна въ Чюдъ съ братомъ оковавъше и рудѣ къ шны»; обращеніе въ рабство, какъ видно изъ 11-й статьи договора съ нѣмцами 1229 г. (см. Хрестоматію г. Владимірскаго-Буданова); тѣлесныя наказанія: замѣна ими потока удостовѣряется тѣмъ, что вмѣсто словъ «на потокъ» въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды поставлено: «на бой»; наконецъ, смертная казнь: арабскіе писатели свидѣтельствуютъ о смертной казни у Руси за воровство, а при Владимірѣ Святѣмъ, какъ видно изъ извѣстнаго мѣста Начальной лѣтописи, была смертная казнь за разбой⁵⁾.

Вообще вопросъ о сущности потока и разграбленія достаточно выясненъ въ ученой литературѣ: тѣ незначительныя разногласія, съ которыми приходится встрѣчаться, удовлетворительно разрѣшаются приведенными соображеніями г. Владимірскаго-Буданова о развитіи разныхъ видовъ уголовного возмездія изъ потока и разграбленія.

Остается еще указать, что «Русская Правда» въ двухъ случаяхъ допускаетъ наказаніе за убійство *продажей*: первый изъ этихъ случаевъ—убійство чужого холопа или рабы, рассматриваемое, какъ простое истребленіе чужой собственности⁶⁾, второй—убійство уже задержаннаго или связаннаго ночного татя⁷⁾.

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 5.

²⁾ *Власъевъ*, О вѣнненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 160; *Калачовъ*, Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава III, объясненіе статьи LXXI; *Ланге*, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 125; *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 24.

³⁾ *Prawda Ruska*, t. II, стр. 133, прим. 39.

⁴⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовного судопроизводства въ исторіи русскаго права, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1873 г., мартъ, стр. 24.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 25.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 84.

⁷⁾ Тамъ же, статья 36.

Мы не будемъ здѣсь повторять того, что сказано выше о взглядѣ Ланге на наказаніе за убійство холопа до Мономаха. Въ добавленіе къ статьѣ объ убійствѣ вора надо отмѣтить извѣстную добавочную статью краткаго текста «Русской Правды» изъ утраченной теперь такъ называемой Ростовской лѣтописи, гдѣ сказано, что, когда воръ будетъ убѣгать, и его убьютъ въ предѣлахъ двора (и поги его внутри двора лежать), то такое убійство не наказуемо¹⁾. Не наказывалось и убійство татя на мѣстѣ преступленія, до его задержанія²⁾.

IV.

Русская Правда посвящаетъ довольно много вниманія, кромѣ убійства, еще и другимъ преступленіямъ противъ личныхъ правъ. Она различаетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько видовъ преступнаго нарушенія права: прежде всего увѣчья и преступленія противъ здоровья, затѣмъ преступленія противъ чести, наконецъ,—противъ свободы.

Сущность постановленій Русской Правды объ увѣчьяхъ и преступленіяхъ противъ здоровья заключается въ слѣдующемъ: за отсѣченіе руки или такую рану въ нее, которая лишала потерпѣвшаго возможности владѣть этимъ органомъ человеческого тѣла, краткая Правда назначала 40 гривенъ, по нашему мнѣнію, виры, то-есть, платы князю; но если вмѣстѣ съ тѣмъ была отсѣчена нога или повреждена настолько, что потерпѣвшій сталъ хромать, то за такое увѣчье мстятъ дѣти потерпѣвшаго³⁾; по пространной Правдѣ, за лишеніе руки, ноги, глаза, а—по Карамзинской редакціи—еще и носа, назначено полувирье—20 гривенъ и 10 гривенъ потерпѣвшему, за увѣчье⁴⁾. За побои до синяковъ и крови краткая Правда допускала мечь, а въ случаѣ невозможности мести, 3 гривны за обиду и плату лѣкарю должны были вносить преступникъ, при чемъ, какъ мы видѣли выше, является спорнымъ, кому шли эти 3 гривны, князю или потерпѣвшему⁵⁾?; въ пространной Правдѣ и за это преступленіе не назначалась мечь, и виновный платилъ 3 гривны продажи; сверхъ того зачинщикъ драки долженъ былъ платить 60 кунъ продажи; впрочемъ, если зачинщикомъ окажется лицо, получившее синяки

¹⁾ Академическій списокъ, статья 38.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Академическій списокъ, статья 5.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 21; Карамзинскій списокъ, статья 22.

⁵⁾ Академическій списокъ, статья 2.

или окровавленное въ дракѣ, то оно свободно отъ послѣдняго платежа ¹⁾. За отсѣченіе пальца—3 гривны (продажи)—князю и 1 гривна (урока) потерпѣвшему ²⁾. За ударъ мечемъ, не причинившій смерти, 3 гривны продажи, а потерпѣвшему гривна на лѣченіе ³⁾.

Изъ объясненій, предложенныхъ изслѣдователями Русской Правды, любопытны тѣ, которыя принадлежатъ г. Владимірскому-Буданову, Власьеву и Ланге. Первый справедливо указываетъ на причину того, что увѣчье въ краткой Правдѣ приравнялось къ убійству: увѣчьемъ тогда считалось лишеніе ноги или руки, умалявшее правоспособность лица, ставившее его въ христіанскую эпоху подъ опеку церкви; какъ только понятіе увѣчья распространилось и на лишеніе глаза и носа, потеряно было прежнее основаніе причислять это преступленіе къ убійству ⁴⁾. Власьевъ далъ то объясненіе статьи о побояхъ до синяковъ и крови, которое принято нами при изложеніи ея выше,—съ тою впрочемъ важною особенностью, что и 3 гривны и 60 кунъ, по мнѣнію Власьева, всегда платилъ зачинщикъ: 3 гривны—при побояхъ до синяковъ и крови, а 60 кунъ—безъ этихъ послѣдствій ⁵⁾. Объясненіе словъ «или будетъ самъ почаль....., то тѣмъ за платежъ, оже ѿ били» предложилъ и Ланге: смыслъ этого выраженія заключается, по его взгляду, въ томъ, что частное вознагражденіе—лѣчебная гривна—платилась зачинщикомъ и то лишь въ томъ случаѣ, если онъ нанесъ больше ударовъ, чѣмъ получилъ; если же меньше, то онъ не платилъ, такъ какъ уже потерпѣлъ достаточное наказаніе; притомъ и продажу платилъ лишь зачинщикъ и опять при тѣхъ же условіяхъ, то-есть, когда получилъ меньше ударовъ, нежели нанесъ ⁶⁾. Статья «о кровавомъ мужѣ» вообще не вполне ясна. Присматриваясь къ ея содержанію, мы не можемъ вполне согласиться съ Власьевымъ и Ланге: они правы, что за побой безъ синяковъ и крови платилось 60 кунъ продажи, при чемъ въ этомъ случаѣ платилъ всегда зачинщикъ; но нѣтъ основанія утверждать, что при побояхъ до синяковъ и крови 3 гривны также всегда платилъ зачинщикъ: текстъ 23-й статьи

---

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 23.

²⁾ Тамъ же, статья 22.

³⁾ Тамъ же, статья 24.

⁴⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 15.

⁵⁾ О вмѣненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 165. и прим. на этой же страницѣ.

⁶⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 160.

Троицкого списка ясно свидетельствует, что 3 гривны платил тотъ, кто нанесъ побои, а такимъ могъ быть и не зачинщикъ; конецъ статьи показываетъ, что зачинщикъ, окровавленный и въ синякахъ, не платилъ за то, что началъ драку; а этотъ платежъ за начинаніе драки только что указанъ: «кто будетъ почаль, плати (то-есть, «платити») 60 кунъ»; и мѣсто, гдѣ поставлено это прибавленіе о зачинщикѣ окровавленномъ или въ синякахъ, и тотъ фактъ, что 3 гривны продажи платились не всегда зачинщикомъ, убѣждаютъ насъ, что и тотъ, кто «кровавъ придетъ» и «будетъ самъ почаль», освобождался отъ платежа не трехъ гривенъ, а 60-ти кунъ: три же гривны въ этомъ случаѣ платились, но не имъ, а тѣмъ, кто нанесъ ему побои до синяковъ и крови. Другими словами: при побояхъ безъ внѣшнихъ знаковъ Русская Правда обращала исключительное вниманіе на субъективный психическій моментъ, на то, кто началъ драку, такъ какъ въ этомъ случаѣ трудно, даже невозможно было опѣнить матеріальныя ея послѣдствія; при побояхъ же съ внѣшними знаками—синяками и кровью—различались два момента, даже два преступленія: нанесеніе побоевъ съ знаками на тѣлѣ, наказываемое трехгривнею продажей, и начинаніе драки, караемое продажою въ 60 кунъ; послѣдняя продажа не взыскивалась, если зачинщикомъ былъ тотъ, кто былъ потомъ избитъ до синяковъ и крови. Не имѣетъ основаній и утвержденіе Ланге, что лѣчебная гривна платилась зачинщикомъ, если онъ не потерпѣлъ больше, чѣмъ его противникъ: во-первыхъ, о лѣчебной гривнѣ не говорится въ Русской Правдѣ, и только въ краткихъ спискахъ упоминается количественно-неопредѣленная «лѣтцю мзда», а во-вторыхъ, и эта «лѣтцю мзда», какъ видно изъ 2-й статьи Академическаго списка, всегда платилась тѣмъ, кто нанесъ побои съ внѣшними знаками, а не зачинщикомъ драки: весьма характерно, что, по краткой Правдѣ, за *всякіе* побои платилось 3 гривны или полагалась мечь, и нѣтъ ни малѣйшаго намека на вниманіе закона къ тому, кто началъ драку: «если кто-нибудь», читаемъ въ краткомъ текстѣ, переводя его на современный языкъ, «избитъ до синяковъ или крови, то этому человѣку не искать свидѣтеля; если же на немъ нѣтъ никакого знака, то или придетъ свидѣтель, или, если этого быть не можетъ (то-есть свидѣтеля нѣтъ), то тѣмъ дѣло и кончается (то-есть, фактъ преступленія признается недоказаннымъ); *если (избитый) за себя не можетъ мстити, то взять ему за обиду 3 гривны* (быть можетъ, слова «взять ему» лишнія), *а лъгарю плати*». Подчеркнутыя слова, какъ показываютъ мѣсто, занимаемое ими въ статьѣ, и отсутствіе упоминанія о 60 кунахъ при побояхъ безъ слѣдовъ, относятся къ *обомъ* только что указаннымъ въ той же статьѣ случаямъ побоевъ.

Любопытны нѣкоторыя замѣчанія Ланге о другихъ объясняемыхъ нами сейчасъ статьяхъ нашего источника. По его мнѣнію, и за отсѣченіе руки, если нога не повреждена, потерпѣвшій при Ярославѣ долженъ былъ мстить, а 40 гривенъ платились только въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій мстить не могъ; далѣе, вся статья объ отсѣченіи руки или ноги есть лишь частное выраженіе болѣе общей мысли: здѣсь разумѣется вообще увѣчье, лишившее возможности самостоятельно мстить: лишеніе обоихъ глазъ, обоихъ рукъ, обоихъ ногъ и проч.; притомъ вира въ 40 гривенъ платилась за всякое увѣчье—въ «свадѣ» и безъ «свады»,—съ тѣмъ лишь различіемъ, что причинившій увѣчье въ свадѣ уплачивалъ виру самъ, а безъ свады,—съ помощью верви¹⁾. Необходимо замѣтить, что все это не имѣетъ основаній въ текстѣ источника: мы не имѣемъ причинъ ожидать отъ Русской Правды—тѣмъ болѣе краткой—полноты, необходимой съ современной точки зрѣнія; нельзя поэтому считать 5-ю статью Академическаго списка частнымъ выраженіемъ общей юридической нормы; о мести при отсѣченіи одной только руки эта статья не говоритъ ни слова: напротивъ, въ ней заключается прямое указаніе, что за это одно наказывали не местью, а платежомъ въ 40 гривенъ; такимъ образомъ здѣсь нашъ авторъ прямо противорѣчитъ своему источнику; наконецъ о платежѣ этой 40-гривенной виры съ помощью верви въ эпоху краткой Правды мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; скорѣе всего, такого различія между увѣчьемъ въ свадѣ и безъ свады, какое указываетъ Ланге, не было. Нельзя считать доказательствомъ мысли объ этомъ различіи и другое указаніе названнаго изслѣдователя: въ 24-й статьѣ Троицкаго списка назначается 3 гривны продажи и лѣчебная гривна потерпѣвшему за ударъ мечемъ; а затѣмъ прибавлено: «потнетъ ли на смерть, а вира»; послѣдняя прибавка убѣждаетъ Ланге, что здѣсь рѣчь идетъ объ ударѣ въ свадѣ, такъ какъ виновный въ убійствѣ подвергался вирѣ лишь при убійствѣ въ свадѣ²⁾. На такое толкованіе можно сдѣлать два возраженія съ разныхъ точекъ зрѣнія: съ одной стороны—о вирѣ здѣсь упомянуто, просто какъ о самомъ распространенномъ, типическомъ во времена пространной Русской Правды способѣ наказанія за убійство, съ другой—какъ же наказывался не влекущій за собой смерти ударъ мечемъ, если онъ нанесенъ былъ безъ свады, и Правда проводила разграничительную черту между этими видами преступленій противъ здоровья, принимая во вниманіе степень умысла? Очевидно, Ланге ошибается: въ увѣчьяхъ и преступленіяхъ противъ

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 145—146.

²⁾ Тамъ же, стр. 157.

здоровья не различалась степень умысла, не обращалось вниманіе на то, въ свадѣ или безъ свады нанесены они.

О преступленіяхъ противъ чести Русская Правда говоритъ слѣдующее: за большія тяжкія нарушенія чести другого назначается продажа въ 12 гривенъ; такими признаются «мѹка» огнищанина, тиуна и мечника, безъ княжескаго повелѣнія (за это же назначается урокъ—частное вознагражденіе потерпѣвшаго—въ 1 гривну)¹⁾; ударъ необнаженнымъ мечемъ или рукояткой²⁾, палкой, жердью, рукой³⁾, чашей, рогомъ, кулакомъ⁴⁾; 12 же гривенъ платилось за вышебленный зубъ (за это же гривна урока)⁵⁾, вырванный клочъ бороды или усь⁶⁾; продажей въ 3 гривны наказывались меньшія оскорбленія: мѹка смерда (гривна урока)⁷⁾ и толчки⁸⁾. Рабъ, ударившій свободнаго человѣка, убивался, по постановленію Ярослава, а по рѣшенію его сыновей, если онъ убѣжитъ въ домъ господина, и послѣдній его не выдастъ, то долженъ платить за него 12 гривенъ, и затѣмъ оскорбленный, встрѣтивъ холопа-оскорбителя, могъ или бить его, раздѣвши, или взять за безчестье гривну кунъ⁹⁾. Удары, нанесенные закупу, безъ вины со стороны послѣдняго, наказываются такъ же, какъ и удары, причиненные свободному человѣку¹⁰⁾.

Что въ этихъ преступленіяхъ главнымъ элементомъ признавалось оскорбленіе чести,—это въ достаточной мѣрѣ доказано въ литературѣ. Такъ, напримѣръ, г. Ведровъ, сопоставляя трехгривенную продажу за несмертельную рану съ двѣнадцатигривенной за ударъ палкой, правильно объясняетъ эту видимую несообразность тѣмъ, что ударъ палкой считался болѣе оскорбительнымъ¹¹⁾. Г. Владимірскій-Будановъ справедливо указываетъ, что Русская Правда знаетъ только оскорбленіе дѣйствіемъ, а не сло-

¹⁾ Академическій списокъ, статья 31 и 32; Троицкій списокъ статья 71 и 72.

²⁾ Академическій списокъ, статья 4; Троицкій списокъ, статья 18.

³⁾ „пятью“. Академическій списокъ, статья 3. См. *Даль*, Толковый Словарь, 2-е изд., III, 574; Академическій словарь, изд. 2-е, столб. 1244 въ III томѣ.

⁴⁾ „тылеснію“—задней частью руки, кулакомъ: Академическій списокъ, статья 3; Троицкій списокъ, статья 20.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 61.

⁶⁾ Академическій списокъ, статья 7; Троицкій списокъ, статья 60.

⁷⁾ Академическій списокъ, статья 31; Троицкій списокъ, статья 71.

⁸⁾ Академическій списокъ, статья 9; Троицкій списокъ, статья 25.

⁹⁾ Академическій списокъ, статья 16; Троицкій списокъ, статья 58.

¹⁰⁾ Троицкій списокъ, статья 55.

¹¹⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 111.

вомъ. Поэтому въ ней различіе между преступленіями противъ чести и преступленіями противъ здоровья опредѣляется болѣею наказуемостью первыхъ, несоотвѣтственною величинѣ матеріальнаго вреда отъ нихъ ¹⁾. Взглядъ этотъ—весьма естественъ и не вызываетъ возраженій. Поэтому его слѣдуетъ предпочесть искусственному построению Ланге, который, не различая въ своемъ «Исслѣдованіи объ уголовномъ правѣ Русской Правды» преступленій противъ чести отъ увѣчій и преступленій противъ здоровья, думаетъ, что за раны и побои до крови и синяковъ съ злымъ умысломъ, безъ свады, назначалась продажа въ 12 гривенъ, за побои безъ слѣдовъ и безъ свады—3 гривны продажи, за раны и побои въ свадѣ до крови и синяковъ—3 гривны, за раны и побои въ свадѣ безъ синяковъ и крови—60 кунъ ²⁾. Стоить только сопоставить эти соображенія съ текстомъ источника, сущность котораго передана нами выше, чтобы убѣдиться въ ихъ неосновательности и искусственности.

Основываясь на словахъ 3-ей статьи Академическаго списка «аще сего не постигнутъ, то платити емоу: то тоу конецъ», гг. Сергѣевичъ ³⁾, и Ведровъ ⁴⁾ не сомнѣваются въ томъ, что за ударъ палкой и прочія подобныя преступленія назначалась при Ярославѣ месть. Мы имѣли уже случай указать выше, при разборѣ вопроса о составѣ мести, на ошибочность такого взгляда: рѣчь тутъ идетъ не о мести, а о законной самооборонѣ.

Въ ряду другихъ постановленій, о которыхъ мы въ настоящее время говоримъ, находятся постановленія объ истязаніи или «мукѣ». Г. Владимірскій-Будановъ считаетъ муку единственнымъ *государственнымъ* преступленіемъ, которое знаетъ Русская Правда ⁵⁾. Едва ли однако здѣсь принимаются во вниманіе исключительно или даже преимущественно права государства: вѣрнѣе разсматривать муку, какъ нарушеніе личныхъ правъ, оскорбленіе чести извѣстныхъ лицъ; такова, повидимому, точка зрѣнія Русской Правды, въ которой вообще идея государства была очень смутной, выражалась лишь въ конкретныхъ формахъ и не возвышалась до общихъ понятій о законѣ и государственномъ порядкѣ. Спрашивается, что же собственно считалось въ Правдѣ истязаніемъ? По всей вѣроятности, справедливо замѣчаніе Ланге, что истязаніемъ въ то время называлось испытаніе желѣзомъ,

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 15.

²⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 159.

³⁾ Лекціи и исслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 441.

⁴⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 111.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 19.

которое нельзя было производить «безъ княжа слова»¹⁾; предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Правдѣ испытаніе желѣзомъ, дѣйствительно, носитъ названіе «муки»²⁾.

Въ своемъ изслѣдованіи мы обращаемъ главное вниманіе на тѣ редакціи Русской Правды, которыя имѣютъ болѣе важное значеніе: на краткій текстъ и Синодальную и Троицкую редакціи пространнаго. Текстъ списка князя Оболенскаго, какъ несомнѣнно позднѣйшая передѣлка, выходитъ изъ предѣловъ изученія. Нельзя, однако же, совершенно игнорировать Карамзинскій списокъ и съ нимъ сходные; въ нихъ какъ разъ находится одно постановленіе, относящееся къ истязанію и не входящее въ составъ другихъ редакцій: это довольно загадочная 135-я статья: «Оже оутяжутъ въ моукѣ, а посадить оу дворянина, 8 ногать за тоу моукоу, а оу колоколинци бьютъ кноутомъ, а за тоу моукоу 80 гривенъ». Болтинъ слѣдующимъ образомъ переводитъ эту статью (дѣлая въ ней цифровое измѣненіе): «когда по суду и сыску дойдено будетъ, что господинъ холопа своего кобальнаго держалъ въ тюрьмѣ неповинно, то за то его истязаніе взыскать съ господина 80 ногать; а ежели сѣкъ его у колокольной кнута, то взыскать съ него 80 гривенъ»³⁾. Поповъ объясняетъ ту же статью въ томъ смыслѣ, что за побой, нанесенные холопу безъ вины съ его стороны, назначается 80 ногать⁴⁾. Ни одно изъ этихъ объясненій нельзя признать удовлетворительнымъ; статья остается непонятной.

«Аже ли вынезъ мечъ, а не оутнеть, то гривна кунъ», читаемъ въ 19-й статьѣ Троицкаго списка. Ланге указываетъ, что здѣсь собственно разумѣется 60 кунъ *продажи*, 10% судебныхъ пошлинъ (10 кунъ; расчетъ не точный). За то, что эти гривны шли князю, говорить и выраженіе краткой Правды «тъи гривною положить»⁵⁾; мы вѣдь видѣли, что выраженіе «положити занъ» обозначаетъ княжескій доходъ, а не частное вознагражденіе. Противъ Ланге въ данномъ вопросѣ говорятъ два соображенія: во-первыхъ, приведенный расчетъ неточенъ и можетъ быть исправленъ развѣ только тѣмъ, что кромѣ 10% судебныхъ пошлинъ (5 кунъ) убавлена еще десятина отъ продажи въ пользу церкви⁶⁾.

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 162.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 81: „гривна за *муку*“.

³⁾ „Правда Русская“, изданная любителями отечественной исторіи. Москва, 1799, стр. 102.

⁴⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 80.

⁵⁾ Академическій списокъ, статья 8.

⁶⁾ Срав. Академическій списокъ, статью 41.

(то-есть, еще 5 кунъ), во-вторыхъ, все это построение предполагаетъ гривну равной 50-ти кунамъ, тогда какъ въ эпоху краткой Правды гривна, вѣроятно, состояла изъ 25 кунъ.

Въ предшествующемъ изложеніи вопроса о преступленіяхъ противъ чести по Русской Правдѣ мы намеренно оставили безъ разбора статью Ланге «О наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестье по древнему русскому праву»¹⁾, гдѣ авторъ отрицаетъ существованіе въ Русской Правдѣ продажъ за побои: всѣ платежи признаются частными вознагражденіями. Подвергать эту работу критическому разсмотрѣнію было бы излишне, ибо она прямо противорѣчитъ даннымъ источника, да и самъ авторъ въ позднѣйшемъ своемъ изслѣдованіи отказался отъ своихъ прежнихъ выводовъ.

Относительно преступленій противъ свободы Русская Правда содержитъ только одно постановленіе: за продажу въ рабство безъ законныхъ тому основаній, помимо, конечно, возвращенія правъ свободнаго человѣка потерпѣвшему, назначена продажа въ 12 гривенъ²⁾.

Вотъ все, что говорится въ Русской Правдѣ о преступленіяхъ противъ личныхъ правъ. Остается обратить вниманіе на ея постановленія противъ нарушенія правъ имущественныхъ.

V.

Русская Правда выдѣляетъ всѣ имущественныя преступленія изъ другихъ видовъ преступныхъ дѣяній въ особую группу, обозначающую и особымъ терминомъ—«татьба». Необходимо отмѣтить это съ особеннымъ удареніемъ, тѣмъ болѣе, что въ литературѣ вопроса не высказывалось въ опредѣленной и точной формѣ такое воззрѣніе. Никто не сомнѣвается и нельзя спорить, что словомъ «татьба» называется въ Русской Правдѣ по преимуществу то преступленіе, которое теперь извѣстно подъ именемъ «воровства-кражи» или «тайнаго похищенія чужой движимой собственности». Но любопытно, что въ 63-й статьѣ Троицкаго списка *татемъ* названъ тотъ, кѣмъ «росѣчена земля или знамение, имъ же ловлено, или сѣтъ». Преступленіе, о которомъ здѣсь говорится, по характеру своему совершенно тождественно съ тѣми, о которыхъ трактуютъ 64—66 и 74 статьи той же

¹⁾ Въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1859 г., июнь, см. особенно 166 стр.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 55.

редакции: вездѣ тутъ рѣчь идетъ объ уничтоженіи знаковъ чужой собственности и промысловыхъ приспособленій¹⁾. И такъ, и этотъ видъ преступнаго нарушенія правъ имущественныхъ рассматривается въ Русской Правдѣ какъ татьба. Но это еще не все. Двадцать девятая статья Троицкаго списка читается слѣдующимъ образомъ: «Аже кто познаетъ свое, что будетъ *погубилъ*, или оукрадено оу него что или конь, или портъ, или скотина, то не рци и: се мое; но поиди на сводъ, кдѣ есть взялъ; сведитесь, кто будетъ виновать, на того *татба* сидеть» и т. д. Здѣсь подъ татьбой разумѣется уже незаконное удержаніе чужой потерянной собственности.

И такъ не можетъ быть сомнѣнія, что Русская Правда придавала термину «татьба» весьма обширное значеніе. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если припомнимъ, что въ это время не существовало нѣкоторыхъ весьма существенныхъ теперь различій между разными видами имущественныхъ преступленій: не различались разбой и воровство-кража, насильственное и тайное похищеніе имущества. Г. Ведровъ указываетъ, что, такъ какъ въ Правдѣ говорится лишь объ «убійствѣ въ разбоѣ», то, значить, разбой безъ убійства приравнялся къ воровству²⁾. И по мнѣнію г. Тальберга, разбой Русской Правды—не нашъ разбой; понятія о насильственномъ похищеніи имущества въ то время вовсе не было; подобное явленіе замѣчается во многихъ древнихъ законодательствахъ: восточныхъ, славянскихъ, законахъ XII таблицъ; причина его заключается въ томъ, что принципъ жизни того времени—грубая матеріальная сила, почему и понятіе насильственного похищенія терялось въ понятіи убійства, воровства и необходимой обороны смотря по послѣдствіямъ нападенія³⁾.

Важнѣйшимъ преступленіемъ противъ правъ собственности Русская Правда признаетъ поджогъ гумна и двора: за это назначенъ потокъ и разграбленіе⁴⁾. Пагубныя послѣдствія пожара, при отсутствіи въ то время страхованія и какихъ бы то ни было противопожарныхъ средствъ, кромѣ самыхъ примитивныхъ,

¹⁾ 64-я статья говоритъ объ уничтоженіи знака на борти, 65-я объ уничтоженіи межи, 66-я о посѣченіи знаменнаго или межнаго дуба, 74-я о посѣченіи верви въ перевѣсѣ.

²⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 117.

³⁾ Насильственное похищеніе чужой движимой собственности по русскому праву, въ „*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*“ за 1879 г.; ноябрь, стр. 35, 39, 40.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 79.

дѣлають вполне понятнымъ такое суровое наказаніе за поджогъ.

Поджогъ не былъ однако единственнымъ имущественнымъ преступленіемъ, караемымъ потокомъ и разграбленіемъ. Это же наказаніе назначалось еще за конокрадство ¹⁾. Но любопытно, что по краткой Правдѣ за это преступленіе взыскивалась только продажа въ три гривны 30 рѣзанъ ²⁾. Это противорѣчіе не могло не вызвать попытокъ къ его разрѣшенію. Г. Леонтовичъ сближаетъ коневую татьбу Русской Правды съ кражей цѣнныхъ заводскихъ лошадей по Литовскому Статуту; а продажа, по его мнѣнію, взималась за кражу рабочихъ лошадей ³⁾. Хотя съ этимъ согласенъ и г. Ведровъ ⁴⁾, но нельзя признать это сближеніе, удачнымъ: чрезвычайно сомнительно, чтобы въ то время на Руси существовали правильно устроенные конскіе заводы, притомъ нашъ источникъ ни словомъ не намекаетъ на указываемое г. Леонтовичемъ различіе, находящееся въ Литовскомъ Статутѣ. Поэтому вѣрнѣе смотритъ на дѣло Ланге, который утверждаетъ, что потокъ и разграбленіе за кражу коня введены позднѣе, лишь при Изяславѣ ⁵⁾. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ краткой Правдѣ не упоминается о потокѣ за конокрадство, а пространная не говоритъ о продажѣ за это преступленіе. Въ 32-й статьѣ Троицкаго списка впрочемъ читаемъ: «Паки ли будетъ что татебно купишь въ торгу, или конь, или портъ, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника;... познаеть ли надолзѣ, оу кого то купишь, то свое куны возметь, и сему платити, что оу него будетъ погигло, а князю *продажю*». Не значить ли это, что за конокрадство платилась продажа и въ эпоху пространной Русской Правды? Ланге совершенно правильно даетъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ на томъ основаніи, что здѣсь о потокѣ пропущено, такъ какъ говорится вообще о кражѣ, за которую самое распространенное, обычное наказаніе—продажа ⁶⁾. Такое явленіе—недостатокъ точности—не единично въ Русской Правдѣ: мы встрѣтились уже съ подобною неточностью при объясненіи 24-й статьи Троицкаго списка, въ которой говорится о вирѣ, какъ обычномъ, нормальномъ, типическомъ наказаніи за

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 30.

²⁾ Академическій списокъ, статья 29.

³⁾ Русская Правда и Литовскій Статутъ въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* за 1865 г., мартъ, стр. 2.

⁴⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 123.

⁵⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 201.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 199.

убійство, хотя вира не была единственной карой за это преступленіе. Упомянемъ, наконецъ, о замѣчаніи г. Владимірскаго-Буданова, по которому потокъ и разграбленіе—наказаніе конокрада-рецидивиста¹⁾; это мнѣніе не можетъ быть принято, въ виду необоснованности его текстомъ изучаемаго памятника, не усвоившаго еще идею болѣе суровой кары за рецидивъ, о чемъ намъ еще придется говорить ниже.

По отношенію къ воровству-кражѣ мы находимъ въ Русской Правдѣ много указаній на разные платежи въ разныхъ размѣрахъ. Существенное значеніе имѣетъ опредѣленіе того, какіе изъ этихъ платежей продажи, поступавшія въ пользу князя, и какіе—частныя вознагражденія. Не всѣ изслѣдователи разрѣшали этотъ вопросъ одинаково: Поповъ думалъ что всѣ означенныя въ Правдѣ суммы—продажи²⁾, Ланге же различалъ пеню князю и частное вознагражденіе по слѣдующимъ признакамъ: первая—тамъ, гдѣ употребленъ оборотъ «аже крадетъ, то платити», второе же тамъ, гдѣ сказано: «за такой то предметъ столько то»; кромѣ того 34—37 статьи Академическаго списка составляютъ въ сущности одну статью: за похищеніе всѣхъ перечисленныхъ тутъ птицъ назначаются разные частныя вознагражденія, но продажъ лишь двѣ: 60 кунъ, если птицы похищены не изъ перевѣса, и 3 гривны, если изъ перевѣса; статьи о похищеніи меда и пчелъ Ланге объяснилъ такъ: за это три гривны продажи, и хозяину 10 кунъ, если вмѣстѣ съ пчелами похищенъ медъ; если же меда не было, то хозяину 5 кунъ; 9 кунъ за сѣно и дрова—не продажа, а частное вознагражденіе (собственно тутъ два частныхъ вознагражденія: 9 кунъ за похищеніе въ небольшомъ количествѣ и двѣ ногаты за нѣсколько возовъ дровъ или сѣна): во-первыхъ, въ Русской Правдѣ нигдѣ токой продажи нѣтъ, во-вторыхъ, выраженіе «а въ сѣнѣ и проч.» стоитъ за исчисленіемъ частныхъ вознагражденій; продажи тутъ, если украдено изъ клѣти,—три гривны 30 кунъ, а если изъ незапертаго помѣщенія—60 кунъ. О платежѣ частнаго вознагражденія употреблялось выраженіе «платитъ татьбу». Изъ 29-й, 33-й, 39-й и 40-й статей Троицкаго списка видно, по мнѣнію Ланге, что частное вознагражденіе при воровствѣ состояло: 1) въ вознагражденіи хозяина за украденный предметъ, если онъ не отыскался, 2) въ уплатѣ убытковъ (проторовъ), въ законѣ не опредѣленныхъ точно³⁾.

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 17.

²⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 82, 84.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 203, 204, 205, 211, 215, 216.

Нельзя не признать, что въ общемъ многія замѣчанія Ланге вѣрны. Провѣримъ ихъ текстомъ источника и укажемъ все существенное, что содержатъ постановленія Русской Правды о воровствѣ-кражѣ.

Продажею въ 12 гривенъ карались кража или уводъ холопа или рабы ¹⁾ и кража бобра ²⁾. 3 гривны 30 кунъ или 3 гривны продажи назначалось: 1) за кражу жита съ гумна или изъ ямы, причемъ, если находилось поличное, то оно возвращалось законному владѣльцу, и затѣмъ прибавлено: «а за лѣто возметь, по полугривнѣ» ³⁾; судя по контексту, эту сумму бралъ тоже потерпѣвшій, законный владѣлецъ похищенной вещи, это, повидимому, вознагражденіе за убытки, хотя Ланге и даетъ иное объясненіе: «если тать былъ несостоятеленъ», говоритъ онъ, «то поступалъ въ закупы и за годъ работы ему засчитывалось по полугривнѣ» ⁴⁾; 2) тою же продажей наказывалась кража коня (по краткой Правдѣ), вола, вообще скота изъ клѣва,—причемъ каждый изъ воровъ, при соучастіи, уплачивалъ полную сумму продажи,—а также и кража разныхъ предметовъ изъ клѣтки ⁵⁾; частныя вознагражденія за кражу скота были слѣдующія: за княжескаго коня 3 гривны, за коня другихъ лицъ 2 гривны ⁶⁾, за кобылу 60 кунъ ⁷⁾, за вола гривна, за корову 40 кунъ, за трехгодовалую 30 кунъ, за однолѣтку полгривны, за теленка 5 кунъ, за поросенка ногата, за овцу 5 кунъ, за барана ногата, за неѣзжаннаго жеребца гривна кунъ, за жеребенка 6 ногать, за коровье молоко 6 ногать ⁸⁾; 3) три гривны продажи назначалось далѣе за кражу пса, ястреба и сокола изъ перевѣса (урокъ—1 гривна) ⁹⁾; новидимому та же продажа назначалась и за похищеніе другихъ птицъ, и нѣтъ никакихъ основаній принимать мнѣніе Ланге, что, въ случаѣ кражи ихъ не изъ перевѣса, платилось 60 кунъ продажи; частное вознагражденіе имѣло слѣдующіе размѣры: за голубя 9 кунъ, за куропатку 9 кунъ, за утку 30 кунъ ¹⁰⁾, въ краткомъ текстѣ Русской Правды за кражу

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 34.

²⁾ Тамъ же, статья 62.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 218.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 39.

⁵⁾ Академическій списокъ, статья 29; Троицкій списокъ, статья 37.

⁶⁾ Академическій списокъ, статья 25; Троицкій списокъ, статья 40.

⁷⁾ Академическій списокъ, статья 26; Карамзинскій списокъ, статья 42.

⁸⁾ Троицкій списокъ, статья 41; ср. Академическій списокъ, статья 26.

⁹⁾ Академическій списокъ, статья 37; Троицкій списокъ, статья 45.

¹⁰⁾ Академическій списокъ, статьи 35 и 36; Троицкій списокъ, статья 76.

всѣхъ этихъ только что упомянутыхъ птицъ назначено 60 кунъ продажи¹⁾, но въ пространной Правдѣ этого нѣтъ; быть можетъ, впрочемъ, это случайный пропускъ, но и въ такомъ случаѣ, даже признавая такую сумму продажи за кражу птицъ, кромѣ ястреба и сокола, мы все-таки не можемъ согласиться съ Ланге, что размѣры продажи зависѣли отъ того, изъ перевѣса или не изъ перевѣса похищены птицы; текстъ источника насъ на это не уполномочиваетъ; 4) наконецъ, трехгривенная продажа уплачивалась при похищеніи пчелъ и меда; частное вознагражденіе въ этомъ случаѣ равнялось 10 кунамъ, «если пчелы не лажены», то-есть, если медъ похищенъ былъ вмѣстѣ съ пчелами, если же пчелъ не было, то частное вознагражденіе составляли только 5 кунъ²⁾. Въ этомъ отношеніи мы опять отступаемъ отъ Ланге, держась объясненія слова «олѣкъ», предлагаемаго Діевымъ³⁾. Самая меньшая продажа—въ 60 кунъ назначалась въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, за кражу овцы, козы или свиньи (вообще скота) на полѣ⁴⁾ (частное вознагражденіе указано у насъ выше); во-вторыхъ, за кражу ладьи⁵⁾; по отношенію къ частному вознагражденію въ послѣднемъ случаѣ, постановленія краткой Правды не развиты: за всякую ладью назначено 30 рѣзанъ⁶⁾; но въ Правдѣ пространной различаются отдѣльные виды судовъ: за морскую ладью (въ случаѣ ея не возвращенія «лицомъ» похититель обязанъ платить потерпѣвшему 3 гривны, за набойную (то-есть, лодку, борты которой сдѣланы болѣе высокими вслѣдствіе набитыхъ на нихъ досокъ) 2 гривны, за челнъ 20 кунъ (по Карамзинскому списку 8 кунъ), за стругъ гривну⁷⁾. Остается вопросъ о продажѣ за сѣно и дрова: текстъ источника не даетъ прямыхъ указаній на нее, и г. Ведровъ считаетъ ее неизвѣстною⁸⁾, а Ланге, какъ мы видѣли, полагаетъ, что продажа была въ 3 гривны, если воровство произведено изъ клѣтки, и въ 60 кунъ, если сѣно или дрова похищены изъ незапертаго помѣщенія. Нѣтъ однако основаній для такого взгляда, тѣмъ болѣе,

¹⁾ Академическій списокъ, статья 36.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 69.

³⁾ Изъясненіе нѣкоторыхъ выраженій Правды Русской, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1839 г., часть XXII, стр. 51.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 38; Академическій списокъ, статья 40.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 73; Академическій списокъ, статья 34.

⁶⁾ Академическій списокъ, статья 34.

⁷⁾ Троицкій списокъ, статья 73.

⁸⁾ О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ, стр. 129.

что весьма сомнительно, чтобы въ тѣ времена сѣно и дрова помѣщались въ запертомъ помѣщеніи, особенно въ клѣти. Вѣроятно же всего, за кражу сѣна и дровъ платилось всегда 60 кунъ продажи; мы можемъ сказать это еще съ большей увѣренностью, если предположимъ, что въ 76 и 77 статьяхъ подразумѣвается та же 60-кунная продажа, которая значится за кражу птицъ въ краткой Правдѣ (см. 36-ю статью Академическаго списка). Къ сказанному надо прибавить, что за кражу, совершенную холопомъ, отвѣчалъ господинъ, уплачивая двойную цѣну украденнаго ¹⁾ или выдавая холопа потерпѣвшему ²⁾; если кражу совершилъ закупъ, то онъ становился «обельнымъ» (то-есть полнымъ), холопомъ своего хозяина, который платилъ за него въ данномъ случаѣ ³⁾.

Ланге, какъ было уже указано, доказывалъ, ссылаясь на 29, 33, 39 и 40 статьи Троицкаго списка, что при воровствѣ частное вознагражденіе состояло изъ двухъ элементовъ: вознагражденія за утраченный, невозвращаемый «лицомъ» (то-есть, натурой) украденный предметъ и уплаты убытковъ. Это мнѣніе заключаетъ въ себѣ зерно истины, но съ важнымъ ограниченіемъ: прежде всего надо замѣтить, что въ 29-й и 40-й статьяхъ Троицкаго списка нѣтъ ни слова о «проторяхъ»: въ первой говорится о сводѣ, причемъ, когда будетъ найденъ виновный, онъ платитъ татьбу и продажу за вещь, похищеніе которой имъ показано посредствомъ свода, да кромѣ того, еще платитъ за то, «что погубло боудеть» съ этой вещью, что было потеряно или украдено одновременно съ ней; вторая указанная статья содержитъ простое и ясное постановленіе о платежѣ частнаго вознагражденія въ 3 гривны за княжескаго коня и 2 гривны за коня другихъ лицъ, конечно, при томъ условіи, если «лица не будетъ». Въ 33-й статьѣ, дѣйствительно, говорится о проторяхъ, но не вполне ясно, о чьихъ убыткахъ идетъ рѣчь: объ убыткахъ ли лица, у котораго похищенъ холопъ, или о проторяхъ того, кто долженъ былъ отыскивать «конечнаго татя» послѣ «третьяго свода». Но, даже допустивъ вмѣстѣ съ Ланге, что тутъ говорится объ убыткахъ обокраденнаго, и принявъ во вниманіе несомнѣнное свидѣтельство 39-й статьи о платежѣ «по полугривнѣ за лѣто» при кражѣ жита съ гумна или изъ ямы, мы должны ограничить платежъ убытковъ только двумя случаями: протори оплачивались лишь при похищеніи холопа и при кражѣ жита (то-есть, зернового хлѣба).

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 42.

²⁾ Тамъ же, статья 115.

³⁾ Тамъ же, статья 57.

По той же причинѣ, по какой мы оставили въ свое время безъ разсмотрѣнія вопросъ объ уплатѣ виры вервью, мы не будемъ здѣсь касаться и того, когда вервь платила продажу: и то и другое удобнѣе изучать въ связи съ общимъ вопросомъ о значеніи и происхожденіи верви.

Чтобы заключить изслѣдованіе постановленій «Русской Правды» о воровствѣ—кражѣ, остается отмѣтить справедливое указаніе г. Владимірскаго-Буданова на обстоятельства, влиявшія на понятіе о степени тяжести тѣбь: первое изъ этихъ обстоятельствъ—цѣнность украденнаго; продажа 12 гривенъ,—за холопа и бобра, 3 гривны—за рогатый скотъ, пчель, охотничьихъ собакъ и птицъ, 60 кунъ—за все прочее; второе обстоятельство—напряженность преступной воли: за кражу скота *въ хлѣвъ*, 3 гривны 30 кунъ, *въ ноль*—60 кунъ ¹⁾.

Остальные преступленія противъ правъ собственности наказывались въ Русской Правдѣ такъ же, какъ и воровство—кража: существовали тѣ же три нормы продажи—12 гривенъ, 3 гривны или 3 гривны 30 кунъ и 60 кунъ. Высшій размѣръ продажи назначался за слѣдующія преступленія: за злоумышленное истребленіе чужого коня или вообще чужого скота, причемъ надо было еще платить хозяину, владѣльцу зарѣзаннаго скота «пагубу», «урокъ» ²⁾, въ одну гривну ³⁾, за уничтоженіе знака собственности на борти ⁴⁾; за уничтоженіе бортовой или полевой межи или перегораживаніе тыномъ дворной межи ⁵⁾; наконецъ, за срубку «знаменнаго» (то-есть, со знакомъ собственности) или межнаго дуба ⁶⁾. Трехгривенною продажей карались: посѣченіе перевѣсной веревки (служившей для ловли птицъ), причемъ владѣлецъ перевѣса получалъ гривну за эту веревку ⁷⁾; посѣченіе борти (то-есть лѣсного улья въ древесномъ дуплѣ); при чемъ за дерево владѣльцу его платилось полгривны ⁸⁾; злонамѣренный неплатежъ долга ⁹⁾; наконецъ, пользованіе чужимъ конемъ безъ спроса хозяина ¹⁰⁾. 60 кунъ продажи назначено только за одно преступленіе—незаконное уменьшеніе господиномъ «купы» или

¹⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II, стр. 17.

²⁾ То-есть, частное вознагражденіе въ определенной суммѣ.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 80.

⁴⁾ Тамъ же, статья 64.

⁵⁾ Тамъ же, статья 65.

⁶⁾ Тамъ же, статья 66.

⁷⁾ Тамъ же, статья 74.

⁸⁾ Тамъ же, статья 68.

⁹⁾ Тамъ же, статья 43.

¹⁰⁾ Академическій списокъ, статья 11; Троицкій списокъ, статья 27.

«отарицы» закупа¹⁾),—подъ купой надо разумѣть ту сумму, какую получалъ закупъ въ долгъ, а подъ отарицей — земельный участокъ, дававшійся господиномъ закупу для обработки. Въ этой же статьѣ Русской Правды мы находимъ еще слѣдующее не вполне ясное постановленіе: «паки ли приметъ на немъ кунъ, то опять ему воротити кунъ, что будетъ принялъ, и за обиду платити ему 3 гривны продажи». Болтинъ переводитъ это мѣсто такъ: «а ежели господинъ возьметъ у него насильственно деньги, то также и деньги наймиту возвратити, а за насиліе взыскать въ казну пени 3 гривны»²⁾. Тотъ же смыслъ въ сущности имѣетъ и переводъ Эверса-Платонова: «равнымъ образомъ, когда господинъ возьметъ и станетъ удерживать деньги наемника, то взятые деньги возвратитъ да за обиду заплатитъ ему 3 гривны пени»³⁾.

Совершенно другое объясненіе находимъ у Ланге: по его мнѣнію во 2-й половинѣ 55-й статьи Троицкаго списка «говорится о *постореніи* тою *преступленія*, за которое назначалось 60 кунъ продажи въ первой части»; доказательства: 1) выраженіе «паки ли» = снова ли, такъ какъ соединено со словами «опять воротити»; 2) въ 1-й части говорится: «то то ему воротити», а во 2-й — «то опять ему воротити»⁴⁾. Объясненіе Болтина и Эверса трудно принять по той причинѣ, что о деньгахъ на рукахъ у закупа едва ли можетъ быть рѣчь: закупъ — человѣкъ безденежный, не имѣющій капитала и входящій въ долговныя обязательства по отношенію къ господину, причемъ уплату долга онъ производитъ собственнымъ трудомъ, отработываетъ долгъ, — или уплачиваетъ деньгами, для чего однако ему приходится, по свидѣтельству нашего источника, идти «искать кунъ»⁵⁾: своихъ денегъ у него не бывало. Если и были какія-либо деньги у закупа, что маловероятно, то во всякомъ случаѣ въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что не могли вызвать господина на преступленіе. Что касается мнѣнія Ланге, то Русская Правда не содержитъ въ себѣ ни малѣйшаго указанія на рецидивъ, и было бы странно, если бы она заговорила о немъ только по отношенію къ нарушенію правъ закупа. Доказательства Ланге не убѣдительны: «паки ли» можетъ значить и «если же», а «опять» = «обратно», «назадъ». Намъ кажется, что спорный текстъ надо понимать слѣдующимъ обра-

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 55.

²⁾ Правда Русская, изданная любителями отечественной исторіи. Москва, 1799, стр. 66.

³⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 403.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 180—183.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 52.

зомъ: «если же господинъ возьметъ отъ другого сумму, которую онъ далъ въ долгъ закупу, то-есть, передать всѣ свои права на закупу другому лицу, то онъ долженъ эти деньги возвратить тому, отъ кого ихъ взялъ, и платить 3 гривны продажи». Слѣдовательно, воспрещается передавать свои права на закупу другому лицу. Это объясненіе подтверждается и контекстомъ: ниже говорится объ уголовныхъ послѣдствіяхъ продажи закупа въ обельные холоны. Такимъ образомъ, къ приведенному выше списку имущественныхъ преступленій, влекущихъ за собою трехгривенную продажу, надо прибавить еще одно: продажу своихъ правъ на закупу другому лицу.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще одно маленькое замѣчаніе: Ланге говоритъ, что объ уплатѣ частнаго вознагражденія при воровствѣ—кражѣ употреблялось выраженіе «платить татьбу». Это подтверждается текстомъ 70-й статьи Троицкаго списка, гдѣ сказано: «а не отсочать отъ себе слѣда, ни ѣдутъ на слѣдъ, или отобьются, то тѣмъ платити *татбу* и продажу». Было бы однако ошибкой утверждать, что частное вознагражденіе при воровствѣ и вообще имущественныхъ преступленіяхъ всегда обозначалось такъ, какъ указываетъ Ланге: несомнѣнныя данныя свидѣлствуютъ, что оно называлось сплошь и рядомъ «урокомъ». Такъ въ 41-й статьѣ Троицкаго списка рѣчь идетъ о разныхъ размѣрахъ частнаго вознагражденія при кражѣ скота, на тотъ случай, если украденную скотину нельзя воротить «лицемъ», и въ концѣ статьи прибавлено: «то ти *оуроки* смердомъ, оже платятъ князю продажу». Въ 80-й статьѣ, гдѣ говорится о злонамѣренномъ истребленіи чужого скота, читаемъ: «продажѣ 12 гривенъ, а пагубу господину *оуроку* платити». Наконецъ. 114-я статья Троицкаго списка гласитъ: «Аже кто бѣжа, а поиметь сусѣдне что или товаръ, то господину платити зань *оуроку*, что будетъ взялъ». Изъ этихъ примѣровъ можно еще усмотрѣть, что между выраженіями «татьба» и «урокъ» была нѣкоторая разница: словомъ «татьба» обозначалось общее понятіе о частномъ вознагражденіи при нарушеніи правъ собственности, а слово «урокъ» заключало въ себѣ, повидимому, идею вознагражденія въ точномъ, опредѣленномъ въ законѣ размѣрѣ. Припомнимъ аналогичныя позднѣйшія выраженія: «урочные годы», «урочный часъ».

Мы закончили детальное изученіе уголовного права Русской Правды. Подведемъ теперь итогъ, сдѣлаемъ общій выводъ. Что характернаго для извѣстнаго историческаго момента представляетъ собою это право? Говоря вообще, оно — типичнѣйшій памятникъ юридическаго сознанія того періода, когда общество

только слагается, когда отдѣльные элементы лишь начинаютъ организоваться въ непрерывную ткань, своеобразно и подчасъ неловко переплетаясь съ отжившими остатками старины и съ трудомъ ассимилируя ихъ себѣ. Въ уголовномъ правѣ Русской Правды соединяются противоположныя начала—старыя, уже отживающія, и новыя, которымъ принадлежитъ будущее; вполне естественно, конечно, что ни одно изъ этихъ началъ не имѣетъ перевѣса надъ другими, ему противоположными: одни уже не господствуютъ, такъ какъ устарѣли, другія еще не преобладаютъ, потому что не созрѣли. Въ самомъ дѣлѣ: понятіе о преступленіи уже имѣло общественный элементъ и въ краткой и въ пространной Правдѣ, но онъ былъ еще очень слабъ; его подавляли чисто-матеріалистическія воззрѣнія, красною нитью проходящія въ изучаемомъ памятникѣ и выражающіяся, какъ мы видѣли, во взглядѣ на преступленіе исключительно какъ на зло матеріальное и въ такъ сказать откупномъ характерѣ наказаній, въ таксѣ пенѣ, установленной закономъ; однако тотъ, кто усвоилъ бы себѣ мысль о безраздѣльномъ господствѣ матеріалистическихъ началъ въ Русской Правдѣ, глубоко ошибся бы: на ряду съ ними ясно и опредѣленно выступаютъ элементы духовнаго, психическаго характера, хотя опять-таки съ поправками и исключеніями: субъективный элементъ злой воли необходимъ для признанія дѣянія преступнымъ, но иногда о его наличности дѣлается заключеніе по внѣшнимъ признакамъ, и степень напряженія преступной воли далеко не всегда различается; признается вліяніе аффекта, и существуетъ понятіе о покушеніи, но о нихъ говорится очень рѣдко; извѣстно сообщничество или соучастіе, но нѣтъ и мысли о большей наказуемости главнаго виновника; въ области наказанія, наконецъ, наряду съ нѣкоторыми зародышами позднѣйшей карательной системы, въ которую переходятъ постепенно нѣкоторые виды древнѣйшихъ наказаній,—мы разумѣемъ здѣсь развитіе различныхъ уголовныхъ каръ изъ потока и разграбленія,—бросается въ глаза грубо-матеріалистическое начало выкупа, покрытія общественныхъ и частныхъ убытковъ отъ преступленія денежнымъ платежемъ; конечно, при такой очевидной слабости карательныхъ началъ, нечего ожидать хотя бы намека на исправительное значеніе наказанія.

Итакъ въ уголовномъ правѣ Русской Правды мы видимъ борьбу трехъ началъ: начала общественной связи, начала психологическаго индивидуализма и начала матеріалистическаго. Первые два лежатъ въ основѣ каждаго правильно устроеннаго общественнаго союза и потому взаимно другъ друга предполагаютъ и поддерживаютъ, но каждое изъ нихъ въ отдѣльности и, можетъ

быть, даже оба они вмѣстѣ въ то время были слабѣе третьяго. Несмотря на это, они, какъ начала прогрессивныя, должны были восторжествовать въ будущемъ. Мы не говоримъ ничего о кровномъ началѣ, проявившемся въ мести, потому что оно исчезло въ пространной Правдѣ.

О черкъ третій.

Гражданское право Русской Правды.

I.

Переходя къ изслѣдованію гражданского права Русской Правды, мы прежде всего остановимся на правѣ наслѣдственномъ. И первый вопросъ здѣсь—вопросъ объ общемъ понятіи наслѣдства. Г. Дювернуа первый высказалъ мысль, что понятіе о наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ—чисто матеріальное: это—«задница», «статокъ», то-есть, имѣніе, а не имущество. Имущество—понятіе абстрактное, заключающее въ себѣ не однѣ вещи, а совокупность всѣхъ правъ лица, которыя ставятъ его въ прямое отношеніе къ внѣшнимъ благамъ, то-есть, тутъ разумѣются и долги и требованія. Этого нѣтъ въ Русской Правдѣ. Впервые въ исторіи русскаго права понятія объ имуществѣ встрѣчается въ договорѣ Смоленска съ Ригой 1230 года¹⁾. Этотъ любопытный взглядъ раздѣляется и другимъ изслѣдователемъ наслѣдственного права Русской Правды, г. Цитовичемъ; онъ объясняетъ тотъ фактъ, что наслѣдники не получали участія въ долговыхъ правахъ и обязательствахъ наслѣдодателя, чрезвычайно слабымъ въ то время развитіемъ кредита²⁾. Противъ мнѣнія г. Дювернуа и г. Цитовича выступилъ г. Ясинскій, но странно что въ доказательство его ошибочности онъ ссылается на тотъ же договоръ Смоленска съ Ригой, который, и по г. Дювернуа, содержитъ въ себѣ указаніе уже на совершенно иное понятіе о наслѣдствѣ, и на Литовскій Статутъ 1529 г., отдѣленный отъ пространной Русской Правды тремя столѣтіями. Впрочемъ самъ г. Ясинскій признаетъ, что въ Судебникахъ Ивана III и Ивана IV, какъ и въ Судебникѣ Казимира 1468 года, «слово «статокъ» употребляется въ смыслѣ

¹⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, Москва, 1869, стр. 141—145.

²⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія, Харьковъ, 1870, стр. 98.

движимыхъ вещей¹⁾. Это — лучшее доказательство матеріальности понятія о наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ: если въ XV—XVI вѣкахъ слово «статокъ» обозначало собою только *вещи*, да еще притомъ только *движимыя* вещи, то вѣдь не могло же подобное явленіе возникнуть только въ это время: необходимо предположить существованіе прочныхъ и глубокихъ историческихъ корней для столь необычайнаго и оригинальнаго факта. Правда, г. Ясинскій, ссылаясь на Неволіна, утверждаетъ, что слово «статокъ», «относится не только къ имуществамъ движимымъ, но также и къ недвижимымъ»²⁾, но, если даже это и вѣрно, тутъ все-таки нѣтъ ничего, что бы убѣждало насъ, что подъ словомъ «статокъ» разумѣются и долги и требованія. Итакъ не можетъ быть сомнѣнія, что понятіе о наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ матеріально. Есть однако признаки колебанія такого взгляда на наслѣдство; мы имѣемъ здѣсь въ виду слѣдующее постановленіе: «Аже будутъ двою мужю дѣти, а одиноѣ матери, то онѣмъ своего отца задница, а онѣмъ своего; будетъ ли потерялъ своего иночима что, а онѣхъ отца, а оумреть, то възворотитъ брату, на неже и людѣе выльзутъ, что будетъ отецъ его истерялъ иночимля, а что ему своего отца, то держитъ»³⁾. Дѣло тутъ въ томъ, что за растрату имущества опекуномъ-отчимомъ отвѣтственны и его дѣти, наслѣдующія его имѣніе. Конечно, отсюда еще далеко до наслѣдственности обязательствъ, но нельзя не признать важнымъ и знаменательнымъ, что гражданское правонарушеніе, дозволенное себѣ отцомъ, обусловливаетъ необходимость отвѣтственности и его дѣтей. Другое ограниченіе матеріальности понятія о наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ можетъ быть лишь предполагаемо, однако съ большою степенью вѣроятности. Какъ увидимъ ниже, имѣніе въ эпоху Правды еще почти не имѣло характера личной собственности, а было скорѣе всего собственностью семейной. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что и обязательства, въ частности и долговныя, часто имѣли семейный характеръ, заключались и отъ имени отца и отъ имени дѣтей: это фактически, если не юридически, парализовало дѣйствіе матеріальнаго понятія о наслѣдствѣ. Такъ какъ въ XII вѣкѣ долговныя обязательства по формѣ были устныя, то они и не могли дойти до насъ, почему нашъ взглядъ является простой догадкой, предположеніемъ,

¹⁾ Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, Кіевъ, 1889, стр. 168, прим. 290.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 97.

вѣроятность котораго подтверждается впрочемъ примѣрами изъ позднѣйшаго времени ¹⁾).

Каковы были способы опредѣленія наслѣдниковъ? Господствовало ли наслѣдованіе по закону, или по завѣщанію? И который изъ этихъ двухъ способовъ древнѣе? Поповъ высказывается за то, что первоначально, въ краткой Правдѣ, наслѣдованіе опредѣлялось обычаемъ, а не завѣщаніемъ, завѣщаніе же появилось позднѣе, такъ какъ оно—выраженіе личной воли, а въ эпоху краткой Правды было лишь семейное совладѣніе, лицо поглощалось семьей. Но въ пространной Правдѣ, по мнѣнію Попова, наслѣдованіе по закону существовало лишь при отсутствіи завѣщанія ²⁾. По Бѣляеву, напротивъ—наслѣдованіе по завѣщанію исторически предшествовало наслѣдованію по закону, такъ какъ законъ составилъ изъ обычая, а обычай изъ ряда одинаковыхъ завѣщаній ³⁾. Съ Бѣляевымъ согласенъ г. Дювернуа ⁴⁾, съ Поповымъ г. Цитовичъ ⁵⁾. На чьей сторонѣ истина, опредѣлить можно, только разрѣшивъ другой важный вопросъ—о характерѣ и содержаніи завѣщанія по Русской Правдѣ. И здѣсь между изслѣдователями существуютъ серьезныя разногласія. По мнѣнію Попова, завѣщаніе въ эпоху Русской Правды имѣло цѣлью не назначеніе наслѣдниковъ, а лишь распредѣленіе имѣнія между готовыми, опредѣленными закономъ наслѣдниками; но распредѣленіе это, во всѣхъ подробностяхъ, всецѣло зависѣло отъ воли завѣщателя: «что ей дать мужъ, съ тѣмъ же ей сѣдѣти» ⁶⁾. Бѣляевъ полагаетъ, что завѣщатель могъ отдать свое имущество даже постороннимъ, помимо своихъ дѣтей ⁷⁾. Согласно съ Бѣляевымъ думаетъ Никольскій: въ Русской Правдѣ, по его мнѣнію, господствовало римское правило—*paterfamilias uti legassit, ita ius esto* ⁸⁾. Того же мнѣнія держится и г. Сергѣевичъ: въ доказательство того, что отецъ былъ воленъ завѣщать свое имущество

¹⁾ Ср. Дювернуа, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 141.

²⁾ Объ опекахъ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи“, т. I, изд. Д. В. (Валуева), Москва, 1845, стр. 110—111.

³⁾ О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, Москва, 1858, стр. 7.

⁴⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 136.

⁵⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія, стр. 77.

⁶⁾ Объ опекахъ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникѣ“ Валуева, стр. 111.

⁷⁾ О наслѣдствѣ безъ завѣщанія, стр. 8.

⁸⁾ О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, Москва, 1859, стр. 262.

кому угодно, даже и помимо дѣтей, онъ приводитъ слова Синодальнаго списка «аще кто, умирая, раздѣлитъ домъ свой»: здѣсь не прибавлено «дѣтямъ», какъ въ другихъ редакціяхъ¹⁾. Но за взглядъ Попова высказываются еще гг. Цитовичъ²⁾ и Владиміръ-Будановъ³⁾. Оба они опираются на соображенія о характерѣ завѣщанія по Русской Правдѣ: это не римское *testamentum*, гдѣ господствуетъ исключительно личная воля, а «рядъ»⁴⁾, то-есть, договоръ, взаимное соглашеніе всѣхъ членовъ семьи подъ руководствомъ отца, выраженіе коллективной воли цѣлаго семейнаго союза. Соотвѣтственно этому, по справедливому замѣчанію г. Владимірскаго-Буданова, обычной формой завѣщанія была словесная: «*безъ языка-ли оумреть*»⁵⁾, говорится въ источникѣ о смерти матери безъ завѣщанія. Нельзя не признать, что мнѣніе Попова, г. Цитовича и г. Владимірскаго-Буданова, какъ находящееся въ полномъ согласіи съ текстомъ источника, вполне справедливо. Бѣляевъ и Никольскій ограничиваются только догматическими утвержденіями, которыя въ счетъ не идутъ, а доказательство г. Сергѣевича—слишкомъ слабо: нельзя строить выводъ на основаніи варіанта, составляющаго особенность *одного* списка. Итакъ завѣщаніе Русской Правды было «рядомъ», договоромъ, выражало коллективную волю всей семьи, а не исключительно—личную волю завѣщателя—роль послѣдняго ограничивалась только распределеніемъ семейнаго имущества между готовыми, законными наследниками, и то по совѣту съ членами семьи. Спрашивается теперь, какъ разрѣшить поставленный выше вопросъ о томъ, что было важнѣе и исторически—первичнѣе, завѣщаніе или наследованіе по закону? Такое завѣщаніе, о которомъ говорится въ Русской Правдѣ, завѣщаніе—рядъ несомнѣнно существовало ранѣе, чѣмъ наследованіе по закону: изъ такихъ семейныхъ «рядовъ» составилъ юридическій обычай, послужившій основой для закона. Понятно, что «рядъ» былъ и гораздо важнѣе закона: наследованіе по закону установлено было въ Русской Правдѣ только на тотъ случай, если не было завѣщанія: «аже кто оумирая раздѣлитъ домъ свои дѣтемъ, на томъ же стояти; *наки ли безъ ряду оумреть*, то всѣмъ дѣтемъ, а на самого часть дати души»⁶⁾; «кому мати дастъ, тому же взяти; дастъ ли всѣмъ, а

¹⁾ Лекціи и изслѣдованія, стр. 540.

²⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наследованія, стр. 68.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 148, 150.

⁴⁾ «*наки ли безъ ряду оумреть*»: Троицкій списокъ, статья 87.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 96.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 87.

вси раздѣлять; *безъ языка ли оумреть*, то оу кого будетъ на дворѣ была и кто ю кормилъ, тому взяти»¹⁾). Эти данныя, представляемые изучаемымъ памятникомъ, подтверждаются и другимъ, почти современнымъ пространной Правдѣ свидѣтельствомъ: по справедливому указанію г. Блюменфельда²⁾, въ завѣщаніи Климента XIII столѣтія сказано: «того дѣля написахъ; за нѣ ди не было оу мене брата ни сыноу» (см. Хрестоматію г. Владимірскаго-Буданова, выпускъ I, стр. 119); этотъ текстъ свидѣствуетъ, что завѣщаніе въ XIII вѣкѣ сдѣлалось письменнымъ и приобрѣло характеръ выраженія личной воли только въ случаяхъ отсутствія семьи у завѣщателя.

Познакомимся теперь съ объектами наслѣдованія. По Рейцѣ, объектомъ наслѣдованія было только движимое имѣніе: «задница», «статокъ» — движимость, ибо дворъ упоминается особо; земля не наслѣдовалась именно потому, что она была общимъ достояніемъ рода³⁾. Этотъ взглядъ всецѣло раздѣлялся Никольскимъ, говорившимъ тоже о господствѣ родового начала и общаго владѣнія землей⁴⁾. Но, по Неволину, Русская Правда говоритъ и о наслѣдованіи недвижимыхъ имуществъ: двора да и земель, на что указываетъ слово «статокъ» (сближаемое имъ со словомъ «станки», см. Акты Юридическіе, № 5, стр. 67) и слово «домъ», употребляемое въ смыслѣ вообще наслѣдства⁵⁾. Съ Невוליнымъ согласенъ г. Цитовичъ: подъ домомъ въ Правдѣ разумѣется все имѣніе, движимое и недвижимое, такъ какъ, во-первыхъ, подъ домомъ нельзя разумѣть зданіе: зданіе нельзя дѣлить, а въ Русской Правдѣ говорится о дѣлежѣ дома; во-вторыхъ домъ — не одна движимость, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы сдѣлать нелѣпное предположеніе, что «задница» — одна недвижимость; в-третьихъ, наконецъ, въ одной и той же статьѣ сначала стоитъ слово «домъ», а потомъ вмѣсто него «все»⁶⁾. Заслуживаютъ, наконецъ, вниманія критическія замѣчанія г. Дювернуа на мнѣніе Рейца и Никольскаго: онъ считаетъ неосновательнымъ ихъ объясненіе, что въ Русской Правдѣ потому ничего не говорится о свободномъ гражданскомъ оборотѣ съ землей, что она была

¹⁾ Тамъ же, статья 96.

²⁾ Къ вопросу о земельномъ владѣніи въ древней Россіи, стр. 164.

³⁾ Опытъ исторіи русскіихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, переводъ Морошкина, Москва, 1836, стр. 217—218.

⁴⁾ О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, стр. 41, 53.

⁵⁾ Полное Собраніе Сочиненій, томъ V, стр. 338.

⁶⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія, стр. 55—

предметомъ родового владѣнія: вѣдь и родъ могъ отчуждать земли. По г. Дювернуа, сдѣлки съ землей были рѣдки въ тѣ времена подъ вліяніемъ двухъ причинъ; первая—то, что земля у смерда—не отчина, ею онъ владѣетъ не потому, что отецъ владѣлъ ею, не какъ членъ семьи, а какъ членъ общины; вторая причина заключается въ несравненно большей цѣнности капитала, чѣмъ земли въ то время¹⁾. Эти слова не имѣютъ прямого отношенія къ наслѣдованію, но важны, какъ критика родовой теоріи въ примѣненіи къ изучаемому нами источнику.

Разбираемый вопросъ принадлежитъ къ числу трудныхъ, почему и вызвалъ такъ много существенныхъ разногласій. Ключъ къ его разрѣшенію можетъ дать лишь изученіе употребленныхъ въ Русской Правдѣ терминовъ, которыми обозначаются разные виды имѣнія. Прежде всего несомнѣнно, что усадьба, домъ въ нашемъ смыслѣ, обозначалась въ Правдѣ чаще всего словомъ «дворъ»; въ 79-й статьѣ Троицкаго списка говорится о наказаніи потокомъ «аже кто *дворъ* зажъжетъ»; еще яснѣе указаніе 94-й статьи: «а *дворъ* безъ дѣла отень всякъ меншему сынови»; далѣе въ 95-й статьѣ читаемъ: не хотѣти ли начнуть еи ни на *дворъ*, то-есть, «если дѣти не захотятъ терпѣть мать въ *домъ*» (въ нашемъ смыслѣ слова); наконецъ, по 96-й статьѣ матери, наслѣдуетъ тотъ, «оу кого будетъ на *дворъ* была и кто ю кормилъ». Только одинъ разъ въ значеніи «усадьба»²⁾, «домъ» употреблено въ Русской Правдѣ слово «хоромъ», да и то, быть можетъ, вѣрнѣе понимать его въ смыслѣ вообще зданія.

Слово *домъ* въ Правдѣ не означало усадьбу, домъ въ нашемъ, современномъ смыслѣ. Это видно изъ слѣдующаго: «домъ» дѣлился, такъ какъ сказано: «аже кто оумирая *раздѣлитъ домъ* свои»³⁾, а «дворъ»—этимъ терминомъ, какъ мы видѣли, обозначалась именно усадьба—не могъ подлежать раздѣлу: «а *дворъ* безъ дѣла отень всякъ меншему сынови»⁴⁾; далѣе: «кто зажъжетъ *дворъ*», «на потокъ на грабежъ *домъ* его»⁵⁾; не усадьбу же только, а, конечно, все имѣніе; притомъ, если допустить, что «домъ» значилъ здѣсь «усадьба», то въ такомъ случаѣ окажется, что въ одной и той же статьѣ въ *одномъ и томъ же* смыслѣ употреблены два различныхъ слова—«дворъ» и «домъ», а это невозможно. Что же значило слово «домъ»? Во-первыхъ, имъ обозначалось понятіе

¹⁾ Источники: права и судъ въ древней Россіи, стр. 134, 136, 138.

²⁾ Амадевичеекій списокъ, статья 16; Троицкій списокъ, статья 58.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 87.

⁴⁾ Тамъ же, статья 94.

⁵⁾ Тамъ же, статья 79.

«семья»: «аже будетъ дщери оу него *доми*», то-есть, въ своей семьѣ, незамужемъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго: «аже будутъ замужемъ»¹⁾; «аже будетъ сестра *въ домоу*»²⁾, то-есть, въ семьѣ; въ томъ же смыслѣ наконецъ, сказано: «аже будутъ *въ дому* дѣти мали»³⁾. Во-вторыхъ подъ словомъ «домъ» разумѣлось, очевидно, семейное имущество, и это значеніе надо считать производнымъ, выведеннымъ изъ перваго. Въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать «домъ» въ часто цитованномъ выше мѣстѣ, «оже кто оумирая раздѣлитъ домъ свои дѣтемъ»⁴⁾ а также тамъ, гдѣ за поджогъ назначается, «на потокъ на грабежъ домъ его»⁵⁾; это послѣднее мѣсто особенно характерно, такъ какъ мы имѣемъ несомнѣнное указаніе Правды, что разграбленію подлежало именно *все семейное* имѣніе виновнаго, какъ и потоку подвергалась *вся семья*: «будетъ ли стать на разбои безъ всякаго свады, то за разбоиника люди не платять, но выдать *и всею съ женою і съ дѣтми* на потокъ и на разграбление»⁶⁾. Выводы, получаемые при изученіи Русской Правды, подтверждаются и наблюденіями надъ живымъ языкомъ: по Далю, домъ—«изба со всѣми *ѹхожами* и хозяйствомъ», «хозяйство, распрядокъ», «семеѣство, семья, хозяева съ домочадцами»⁷⁾.

Итакъ «домъ»=«семья» и «семейное имущество», но какое, движимое, или недвижимое; или и то и другое вмѣстѣ? Изложенныя выше наблюденія и соображенія устраняютъ возможность мысли, что слово «домъ» означало только недвижимую собственность. Но, можетъ быть, имъ обозначалась лишь одна движимость? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить тотъ несомнѣнный фактъ, что движимое имѣніе называлось въ Русской Правдѣ «товаромъ»: въ статьѣ о поклажѣ предметъ поклажи называется «товаромъ»⁸⁾, а вѣдь отдавать на сохраненіе можно только движимость; о купцѣ, задолжавшемъ и потомъ, по собственной винѣ, сдѣлавшемся несостоятельнымъ, сказано: «а въ

¹⁾ Тамъ же, статья 85.

²⁾ Тамъ же, статья 89.

³⁾ Тамъ же, статья 93.

⁴⁾ Тамъ же, статья 87.

⁵⁾ Тамъ же, статья 79.

⁶⁾ Тамъ же, статья 5.

⁷⁾ Толковый словарь живаго великорусскаго языка, изд. 2, т. I, С.-Пб., 1880, стр. 479; ср. Словарь церковнославянскаго и русскаго языка, составленный 2-мъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ, т. I, изд. 2, С.-Пб., 1867, столб. 730.

⁸⁾ Троицкій списокъ, статья 45.

безумыи чюжь *товаръ* испортить»¹⁾: предметъ займа, очевидно, тоже движимость; тоже видно и изъ статьи «о долзѣ», гдѣ говорится объ иногороднемъ или чужеземцѣ, который «не вѣдая запустить зань *товаръ*»²⁾; затѣмъ въ рядѣ статей Русской Правды рѣчь идетъ о «товарѣ», какъ объектѣ кражи, а украсть можно, конечно, только движимыя вещи: если закупъ совершилъ воровство, то господинъ платитъ, а закупъ становится его обельнымъ холопомъ, «наки ли господинъ не хотѣти начнеть платити зань, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волю, или за *товаръ*, что будетъ чюжесю взялъ, а прокъ ему самому взяти собѣ»³⁾; «аже кто бѣжа, а пойметъ сусѣдне что или *товаръ*, то господину платити зань оурокъ, что будетъ взялъ»⁴⁾; далѣе: Русская Правда предписываетъ опекуну «*товаръ* дати передъ людьми, а что срѣзитъ товаромъ тѣмъ ли пригоститъ, то то ему собѣ, а истый товаръ воротитъ имъ»⁵⁾; наконецъ, никто не будетъ утверждать, что въ слѣдующихъ словахъ Правды разумѣется что-либо кромѣ движимости: «аже холопъ бѣгая добудетъ товару, то господину холопъ и долгъ, господину и товаръ, а не лишатися его»⁶⁾. Только въ одномъ мѣстѣ Ланге переводитъ слово «товаръ» посредствомъ «кочевье, обозъ»⁷⁾, именно тамъ, гдѣ говорится о поискахъ вора по слѣдамъ⁸⁾, но и этотъ переводъ, и приводимая у Ланге ссылка на лѣтописный текстъ, гдѣ «товары» = «станъ, лагерь, военный обозъ», не противорѣчатъ пониманію слова «товаръ» въ смыслѣ движимости. Наблюденія Даля сходятся съ только что изложенными⁹⁾.

Такимъ образомъ «домъ» не можетъ значить только «движимость»; слѣдовательно, подъ этимъ словомъ подразумѣваются и движимыя и недвижимыя вещи, вся семейная собственность. Это подтверждается и прямыми указаніями Русской Правды на существованіе «межъ бортовыхъ, ролейныхъ и дворныхъ»¹⁰⁾: ими разграничивалась недвижимая собственность, принадлежавшая отдельнымъ семьямъ. Несомнѣнно, значить, что объектомъ на-

¹⁾ Тамъ же, статья 50.

²⁾ Тамъ же, статья 51.

³⁾ Тамъ же, статья 57.

⁴⁾ Тамъ же, статья 114.

⁵⁾ Тамъ же, статья 93.

⁶⁾ Тамъ же, статья 113; ср. Карамзинскій списокъ, статья 130.

⁷⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 214.

⁸⁾ Троицкій списокъ, статья 70.

⁹⁾ Толковый словарь живого великорусскаго языка, т. IV, стр. 419.

¹⁰⁾ Троицкій списокъ, статья 65.

слѣдованія по Русской Правдѣ были движимыя и недвижимыя вещи.

Къ числу важныхъ и довольно запутанныхъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ о наслѣдникахъ. Кто наслѣдовалъ по Русской Правдѣ? По общему мнѣнію, ближайшими наслѣдниками всегда были сыновья, при чемъ большинство думаетъ, что они или дѣлили между собою наслѣдство поровну, или оставались въ нераздѣльномъ владѣніи; но Кавелинъ полагалъ, что почти всегда дѣлили¹⁾, и доказательство этого видѣлъ въ существованіи опредѣленія о томъ, кому долженъ достаться отцовскій дворъ: его всегда получалъ младшій сынъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ²⁾, сверхъ своей части, а по мнѣнію другихъ³⁾, этотъ дворъ включался въ составъ его части съ цѣлью вѣрнѣе, а не больше его обезпечить. Большинство⁴⁾ полагаетъ также, что въ Русской Правдѣ подъ дѣтьми разумѣются всѣ нисходящія, то-есть и внуки. Рѣчь тутъ идетъ, конечно, о наслѣдованіи послѣ отца.

Приведенныя мнѣнія изслѣдователей попытаемся провѣрить текстомъ источника. Сыновья, по Русской Правдѣ, получаютъ имѣніе въ раздѣлъ согласно завѣщанію отца; если же завѣщанія нѣтъ, то все поступаетъ имъ, кромѣ части, идущей на поминъ души умершаго⁵⁾. Что подъ дѣтьми въ этой статьѣ надо разумѣть однихъ только сыновей,—это очевидно изъ 89-й статьи Троицкаго списка, гдѣ сказано: «аже будетъ сестра въ домоу, то той задницѣ не имати». Далѣе: при дѣлѣжѣ наслѣдства между братьями, младшій братъ обязательно получаетъ отцовскій дворъ⁶⁾. Въ этомъ постановленіи обращаетъ на себя вниманіе та связь, въ какой оно находится въ Правдѣ съ постановленіями объ опекахъ отчима. Можно ли считать эту связь случайной? Быть можетъ, это—позднѣйшее постановленіе, сдѣланное въ то время, когда устанавливались законы объ опекахъ, и потому помѣщенное вмѣстѣ съ ними, по несовершенству расположенія статей въ Русской

¹⁾ Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія, *Современникъ*, 1860 года, № II, стр. 472.

²⁾ *Поповъ*. Объ опекахъ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникъ“ Вышневскаго, стр. 112.

³⁾ *Владимірскій-Будановъ*. Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 154—155.

⁴⁾ *Поповъ*. Объ опекахъ и наслѣдствѣ, стр. 107; *Никольскій*. О началахъ наслѣдованія, стр. 347; *Цитовичъ*. Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія, стр. 125.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 87.

⁶⁾ Тамъ же, статья 94.

Правдѣ? Такое объясненіе едва ли однако возможно: обычай передачи двора младшему брату имѣеть слишкомъ несомнѣнные признаки сѣдой старины. Не вѣришь ли поэтому мысль, что это постановленіе попало въ статьи объ опекахъ по той причинѣ, что оно относится къ наслѣдованію несовершеннолѣтнихъ, нуждавшихся въ опекахъ? Вотъ единственное замѣчаніе, которое можно сдѣлать въ дополненіе къ приведеннымъ выше мнѣніямъ изслѣдователей, вполне согласнымъ съ текстомъ Русской Правды. Впрочемъ здѣсь уместно будетъ отмѣтить еще одну статью Правды: сыновья отъ одной матери, но отъ двухъ отцовъ получаютъ наслѣдство каждый отъ своего отца. ¹⁾

Наибольшія разногласія вызваны постановленіями Русской Правды о наслѣдованіи дочерей послѣ отца. По мнѣнію Попова ²⁾ и Кавелина ³⁾, дочери вообще не наслѣдуютъ, а получаютъ лишь приданое, все равно—есть братья у нихъ, или нѣтъ; объясняется это вліяніемъ родового быта: женщины—непрочные члены рода, такъ какъ ихъ назначеніе—выйти замужъ, поступить въ чужой родъ. Исключеніе представляетъ наслѣдованіе дочерей бояръ или членовъ княжеской дружины, допускавшееся въ томъ случаѣ, если не было сыновей. Причина такого исключенія заключается въ утратѣ высшими классами «топографическаго характера», въ выдѣленіи въ нихъ лица изъ семейства, въ появленіи у каждаго члена семейства своей собственности, наконецъ, въ образованіи юридическихъ отношеній между отдѣльными членами семейства ⁴⁾. Бѣляевъ также признаетъ фактъ ненаслѣдованія дочерей, но только при сыновьяхъ, и считаетъ это древнеславянскимъ обычаемъ. По его взгляду, только наслѣдованіе у смердовъ было ограничено: дочери ихъ ни въ какомъ случаѣ не наслѣдовали. Причину этого онъ видитъ въ славянскомъ общинномъ бытѣ: община признавала своей составной частью не редъ, но семью, такъ что по смерти сыновей имущество считалось выморочнымъ и переходило къ общинѣ, а съ призваніемъ князей,—къ нимъ. Что смерды были общинниками,—этѣ, по Бѣляеву, видно изъ того, что смердами въ лѣтописяхъ называются вообще людины и «смердь по земдски=человѣкъ, то-есть лю-

---

¹⁾ Тамъ же, статья 97.

²⁾ Объ опекахъ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникъ“ Вагучева, стр. 108, 109.

³⁾ Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія, *Современникъ*, 1862 года, № II, стр. 473—474.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 465 и слѣд. и 474.

динъ, общинникъ» ¹⁾). Совершенно другой взгляд находимъ у Никольскаго: по его мнѣнію, общая догма состояла въ томъ, что наследуютъ дѣти, то-есть, если сыновей нѣтъ, то и дочери, такъ какъ сказано: «если кто раздѣлитъ домъ свой *дѣтямъ*». Исключеніе представляетъ наследованіе послѣ дружинниковъ и смердовъ, но это—слѣдствіе вліянія внѣшнихъ, общественныхъ условій, а не семейнаго быта: смерды—это люди, обрабатывавшіе вмѣстѣ съ рабами—военнопленными княжескія земли, обѣднѣвшіе, безпріютные люди; они лично свободны и сходны съ сербскими проніями, силезскими *smardones* и польскими кметами; дочь смерда, какъ женщина, не могла исполнять обязанности отца по отношенію къ князю, почему и не имѣла правъ на отцовское имущество, приобретенное черезъ посредство княжеской земли; дружинники все получали по милости князя, который поэтому и былъ ихъ наследникомъ ²⁾). Оригинальное мнѣніе высказано также г. Цитовичемъ: онъ полагаетъ, что дочери не наследуютъ лишь при сыновьяхъ, если же послѣднихъ нѣтъ, то имущество переходитъ къ дочерямъ и при томъ и къ замужнимъ, и къ незамужнимъ; что касается статьи о наследованіи послѣ смерда, то тутъ нѣтъ никакой особенности: и послѣ смерда, если не останется сыновей, наследуютъ дочери, ибо сказано: «оже смердъ оумретъ *безъ дѣти*» ³⁾), а не «безъ сыновей», вторая же половина этой статьи относится къ тому случаю, когда дочери остаются при братьяхъ; въ статьѣ этой вообще выражена конкретно лишь общая догма и условія выморочности; подобнымъ же образомъ надо разбирать и статью о наследованіи послѣ бояръ, это—тоже не исключеніе, а конкретное выраженіе общей догмы наследованія дочерей при неизмѣниіи сыновей ⁴⁾). Наконецъ, существуетъ еще четвертое мнѣніе, также стоящее особнякомъ, именно—мнѣніе г. Владимірскаго-Буданова: общая догма—наследуютъ и сыновья, и дочери, такъ какъ въ Карамзинскомъ списокѣ 104 статья озаглавлена: «о боярствѣ задницы и о *людствѣ*»; исключеніе—наследованіе послѣ смердовъ, объясняемое согласно съ Никольскимъ ⁵⁾).

«Аже будетъ сестра въ домоу, то той задницѣ не имати, но

¹⁾ О наследствѣ безъ завѣщанія, стр. 26 и прим.

²⁾ О началахъ наследованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, стр. 348, 355, 356, 358, 359, 360, 361, 365, 371.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 85; Карамзинскій списокъ, статья 103.

⁴⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наследованія, стр. 43—51.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 89.

отдавать ю замужъ братия, како си могутъ»¹⁾. Этотъ текстъ, несомнѣнно, свидѣтельствуешь, что дочери, если есть сыновья, не имѣють доли въ отцовскомъ наслѣдствѣ. Значить, Поповъ, Бѣляевъ, Кавелинъ и г. Цитовичъ вѣрно разрѣшаютъ этотъ вопросъ. Но какъ же быть съ указаніемъ Никольскаго на слова Правды: «аже кто оумирая раздѣлитъ домъ своя *дѣтемъ*? Не значить ли это, что можно было, по крайней мѣрѣ, завѣщать имѣніе и дочерямъ, хотя бы и сыновья были, и что постановленіе о наслѣдованіи дочерей при сыновьяхъ относится лишь къ тому случаю, когда завѣщанія нѣтъ? Полежаевъ, напримѣръ, думалъ, что «завѣщаніе не подлежало оспариванію», и что весь древній періодъ исторіи русскаго завѣщательнаго права до Петра Великаго характеризуется «совершеннымъ отсутствіемъ въ отношеніи къ завѣщаніямъ законодательныхъ постановленій»²⁾. Фактъ вѣрно подмѣченъ, но вѣдь разбираемое постановленіе есть не что иное, какъ формулировка юридическаго обычая, и этимъ же обычаемъ опредѣлялось, какъ мы уже говорили, и содержаніе завѣщанія Русской Правды, того «ряда», договора, который былъ результатомъ предсмертнаго совѣщанія отца съ другими членами семьи. Вотъ почему надо думать, что объясняемая догма имѣла— въ подавляющемъ, по крайней мѣрѣ, большинствѣ случаевъ,— примѣненіе и при завѣщаніи.

«Аже смердъ оумреть (въ спискахъ одной только Карамзинской редакціи прибавлено: «безъ дѣти»), то задницю князю; аже будутъ дщери оу него дома, то даяти часть на нѣ; аже будутъ замужемъ, то не даяти часть имъ»³⁾. Ни одинъ изслѣдователь не относитъ этого постановленія къ тому случаю, когда у смерда остались дѣти: всѣ принимаютъ дополненіе Карамзинской редакціи «безъ дѣти» или варианты, ему соответствующіе; и они правы: мы знаемъ, что дочери при сыновьяхъ не получали части въ наслѣдствѣ, кромѣ приданаго, а здѣсь о такой части говорится, очевидно, потому, что предполагается неимѣніе сыновей смердомъ. Итакъ: если у смерда совсѣмъ не осталось ни сыновей, ни дочерей или остались лишь замужнія дочери, то все наслѣдство идетъ князю; если же остались только незамужнія дочери, часть наслѣдства поступаетъ имъ, а прочее князю. Конечно, въ данномъ случаѣ завѣщанія быть не могло, потому что, въ

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 84.

²⁾ О завѣщаніяхъ, въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“, изд. Калачевымъ, за 1858 годъ, книга 1, стр. 23.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 85; Карамзинскій списокъ, статья 103.

сущности, и семьи не было, а завѣщаніе, носившее въ то время семейный характеръ, могло быть составлено только въ семьѣ и при ея участіи. Несомнѣнно, здѣсь рѣчь идетъ объ условіяхъ выморочности, тѣмъ не менѣе объясненіе, предлагаемое г. Цитовичемъ, не можетъ быть приято: нѣтъ основанія относить вторую половину статьи къ наслѣдованію дочерей при братьяхъ. Чрезвычайно важенъ въ данномъ случаѣ вопросъ о томъ, кого разумѣла Русская Правда подъ смердами? Отъ этого зависитъ рѣшеніе другого капитальнаго вопроса, представляетъ ли рассматриваемое постановленіе исключительную догму, имѣющую отношеніе къ строго и точно опредѣленному общественному слою или оно—догма общая, относящаяся къ наслѣдованію послѣ всѣхъ свободныхъ, кромѣ бояръ? Оставляя пока въ сторонѣ общее значеніе слова «смердъ» въ древнѣйшей Руси, мы позволимъ себѣ утверждать, что это слово означало въ Русской Правдѣ вообще свободного. Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: въ Троицкомъ спискѣ сказано: «паки ли лица не будетъ, а будетъ былъ князь конь, то платити зань 3 гривны, а за *иныхъ* по 2 гривны»¹⁾; эти «иные»—свободные люди вообще; они названы въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ краткой Правды смердами: «а за князь конь, иже тои съ пятномъ, 3 гривны; а за смердѣи 2 гривнѣ»²⁾; далѣе: въ пространномъ текстѣ Русской Правды читаемъ: «то ти оуроци смердомъ, оже платятъ князю продажу»³⁾; мы знаемъ, что продажу платили только свободные люди, но *все* свободные, а не какой-либо отдѣльный слой ихъ, называвшійся, въ отличіе отъ другихъ слоевъ, смердами: значить и здѣсь смерды=свободные люди; затѣмъ въ статьяхъ о мѣкѣ⁴⁾ «смердъ» тоже значить «свободный», отличается только отъ огнищанина или князя мужа, а не отъ обыкновенныхъ свободныхъ; тоже надо сказать объ изучаемыхъ нами сейчасъ статьяхъ, касающихся наслѣдственнаго права⁵⁾. Но, скажутъ намъ, въ Русской Правдѣ есть другіе термینی для обозначенія свободныхъ вообще: таковы выраженія: «люди», «людинъ», «свободенъ мужъ», «свободные люди». На это мы замѣтимъ, что «люди» Русской Правды=или «вервь», какъ въ выраженіяхъ «а людемъ не надобѣ»⁶⁾ или «то за разбоіника люди не пла-

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 40.

²⁾ Академическій списокъ, статья 25.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 41.

⁴⁾ Академическій списокъ, статьи 31 и 32; Троицкій списокъ, статьи 71 и 72.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статьи 85 и 86.

⁶⁾ Академическій списокъ, статья 18.

тять»¹⁾, или—«свидѣтели», «послужи», что особенно ясно изъ сопоставленія выраженій: «вылѣзуть послужи»²⁾ и «вылѣзуть людь»³⁾, равно какъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ статей Русской Правды⁴⁾. Слово «людинъ» въ значеніи «свободный человекъ» и въ противоположность князю мужу *ни разу* не встрѣчается въ краткой Правдѣ, а въ пространной попадаетъ только *одинъ разъ*⁵⁾, если не считать заглавія 104-й статьи позднѣйшей Карамзинской редакціи: «о боярствѣ задницы и о людствѣ». Мы въ правѣ поэтому утверждать, что такое употребленіе слова «людинъ»—явленіе позднѣйшаго времени, и что рѣдкое явленіе употребленія двухъ словъ въ одномъ памятникѣ въ одномъ и томъ же смыслѣ объясняется слѣдами различныхъ хронологическихъ наслоеній. Остается терминъ «свободенъ мужъ» и «свободные люди»; онъ употребляется въ статьяхъ объ оскорбленіи, нанесенномъ холопомъ⁶⁾, и о послушествѣ⁷⁾; и здѣсь, и тамъ свободные люди противопоставляются холопамъ, а не княжамъ мужамъ, то-есть, и эти послѣдніе подразумѣваются, когда говорится о «свободномъ мужѣ» и «свободныхъ людяхъ». Слѣдовательно, эти термины не тождественны по значенію съ древнѣйшимъ «смердъ» и позднѣйшимъ «людинъ».

Итакъ, слово «смердъ» употребляется въ Русской Правдѣ въ смыслѣ вообще свободнаго, въ отличіе отъ боярина или князя мужа. Значить, и изслѣдуемое нами постановленіе имѣетъ отношеніе ко всѣмъ свободнымъ, кромѣ бояръ. Теряютъ поэтому значеніе соображенія Бѣляева, Никольскаго и г. Владимірскаго-Буданова объ особомъ порядкѣ наслѣдованія въ классѣ смердовъ: то былъ обычный, нормальный порядокъ передачи выморочнаго имущества, оставшагося отъ свободнаго человека, князю, какъ представителю общественной власти: если семья исчезала, наслѣдовалъ уже не родъ, а князь: одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ разрушенія родового быта уже во времена Русской Правды.

«Аже въ боярехъ любо въ дружинѣ, то за князя задница не идетъ; но оже не будетъ сыновъ, а дщери возмуть»⁸⁾. Смыслъ

1) Троицкій списокъ, статья 5.

2) Тамъ же, статья 23.

3) Тамъ же, статьи 61, 97.

4) Тамъ же, статьи 36, 70, 93.

5) Тамъ же, статья 3.

6) Академическій списокъ, статья 16; Троицкій списокъ, статья 58.

7) Троицкій списокъ, статья 59; ср. тамъ же, статья 82.

8) Троицкій списокъ, статья 86.

этой статьи довольно ясенъ: имѣніе бояръ и членовъ дружины считается выморочнымъ только въ случаѣ, если и дочерей нѣтъ: это видно и изъ контекста, изъ сопоставленія этой статьи съ предыдущей и изъ конца ея самой. Одиноко стоитъ и не можетъ считаться основательнымъ мнѣніе Дубенскаго, думавшаго, что, за отсутствіемъ нисходящихъ, въ боярскомъ классѣ наслѣдовали другіе родственники, такъ что имѣніе выморочнымъ не считалось¹⁾. Неумѣстны въ данномъ случаѣ разсужденія Никольскаго о наслѣдованіи князя дружинникамъ, получавшимъ все по его милости: напротивъ, князь, оказывается, имѣлъ меньше правъ на имѣніе дружинниковъ, чѣмъ на достояніе другихъ свободныхъ. Въ классѣ бояръ не сохранилось даже того переживанія родового быта, которое было въ другихъ общественныхъ слояхъ: признавались наслѣдственные права нисходящихъ женскаго пола. Нельзя, наконецъ, вмѣстѣ съ г. Владимірскимъ-Будановымъ распространять дѣйствіе этого постановленія на весь свободный классъ: прибавленіе въ заглавіи 104-й статьи Карамзинскаго списка «и о людѣхъ» — позднѣйшаго происхожденія и указываетъ къ тому же на содержаніе не 104-й, а 105-й статьи, такъ какъ и она помѣщена подъ этимъ же заглавіемъ; содержаніе же 104-й статьи Карамзинскаго списка ничѣмъ не отличается отъ содержанія ей соотвѣствующихъ въ спискахъ Синодальномъ и Троицкомъ²⁾: вездѣ тутъ рѣчь идетъ только о боярахъ и дружинѣ.

До сихъ поръ мы говорили о наслѣдованіи послѣ отца. На слѣдованіе послѣ матери опредѣлялось совершенно иными началами. Сюда относятся слѣдующія постановленія: «будутъ ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмутъ дѣти матери своея, либо ся на женоу будетъ възложилъ, обаче матери своеи, возмутъ»³⁾. Никто не оспариваетъ объясненія этого постановленія Калачовымъ: дѣти «отъ разныхъ матерей и отъ одного отца (единокровныя)» получаютъ «наслѣдство послѣ своей матери»⁴⁾. Неволинъ⁵⁾ и г. Сергѣевичъ⁶⁾ справедливо указываютъ также, что, по смерти жены, мужъ пользовался имѣніемъ ея, которое потомъ шло только ея дѣтямъ, а не дѣтямъ отъ второй жены.

1) Русскія Достопамятности, часть 2, стр. 122, прим. 9.

2) „А иже въ боярехъ или же въ боярстѣй дружинѣ, то за князя задница не идетъ, но оже не боудетъ сыновъ, а въ дщери възмоутъ“.

3) Троицкій списокъ, статья 88.

4) Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава II, объясненіе статьи LXII.

5) Полное Собраніе Сочиненій, томъ III, стр. 345.

6) Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 552.

Но нѣтъ никакого основанія принимать мнѣніе г. Цитовича, будто даже мачиха, имѣющая и пасынковъ, и своихъ дѣтей, могла по смерти мужа, держать семью нераздѣленной и только при общемъ дѣлѣжѣ наслѣдства дѣти отъ каждой жены получали имѣніе своей матери¹⁾. Важнымъ надо признать вопросъ о составѣ имѣнія матери. Эверсъ опредѣлялъ его, какъ «вѣрно, назначенное отцомъ для матери»²⁾, а г. Владиміръскій-Будановъ выполнѣ вѣрно замѣчаетъ, что тутъ рѣчь идетъ не о прожиткѣ, такъ какъ какой же прожитокъ у умершей при жизни мужа первой жены? по его мнѣнію, здѣсь говорится о приданомъ и благопріобрѣтенномъ женою во время замужества³⁾. Итакъ, то, что «мужъ на женоу будетъ възложилъ», передано имъ ей при своей жизни. Но видно, что у жены, кромѣ этого «возложеннаго», было еще отдѣльное имущество («что первоѣ жены»), вѣроятно, ея приданое. Сомнительно, чтобы было еще что-либо, какимъ-нибудь другимъ способомъ «благопріобрѣтенное» женой во время замужества: вѣдь самостоятельно она не могла вести никакихъ промышленныхъ предпріятій.

Таково постановленіе Русской Правды о наслѣдованіи послѣ матери, умершей раньше отца; еще яснѣе и не вызываютъ уже никакихъ сомнѣній и разногласій ея постановленія о наслѣдованіи послѣ матери—вдовы. Ихъ сущность заключается въ слѣдующемъ: всѣ дѣти не имѣютъ по закону непремѣннаго права на часть матери; все зависитъ отъ ея завѣщанія, по которому она можетъ отдать свою часть или всѣмъ дѣтямъ, или одному изъ нихъ—все равно, сыну или дочери, безразлично отъ перваго или втораго мужа⁴⁾; въ случаѣ отсутствія завѣщанія наслѣдство послѣ матери достается тому, у кого она жила и умерла, или кто ее кормилъ⁵⁾.

Чтобы заключить вопросъ о наслѣдованіи нисходящихъ, остается еще добавить, что дѣти, родившіяся отъ матери—рабы, не получаютъ наслѣдства отъ отца; имъ даруется свобода вмѣстѣ съ матерью⁶⁾.

Вниманіе наше должно теперь быть обращено на наслѣдованіе вдовы послѣ ея покойнаго мужа. Сюда относятся слѣдующія статьи Русской Правды: «Аже жена сядеть по мужи, то на ню

¹⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія, стр. 113.

²⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 396.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 159.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статьи 96 и 98.

⁵⁾ Тамъ же, статья 96.

⁶⁾ Тамъ же, статья 92.

часть дати (въ Карамзинскомъ списокѣ: «то дати ей часть, а оу своихъ дѣтей взяти часть»; въ Синодальномъ списокѣ нѣтъ словъ «на ню часть дати», а только: «то оу своихъ дѣтей взяти часть»), а что на ню мужъ възложить, тому же есть господа, а задница ей мужня не надобѣ¹⁾; «Аже жена ворчется сѣдѣти по мужи, а растеряетъ добытокъ и поидетъ замужъ, то платити ей все дѣтемъ; не хотѣти ли начнуть дѣти ей ни на дворѣ, а начнетъ всяко хотѣти и сѣдѣти, (въ Карамзинскомъ списокѣ: «а начнетъ всяко сѣдѣти восхоцетъ зъ дѣтми»), то творите всяко волю (въ Синодальномъ: «то творити ей всякоу волю») (въ Карамзинскомъ: «то сѣтворити всякоу волю ея»), а дѣтемъ не дати воли; но что ей даль мужъ, съ тѣмъ же ей сѣдѣти, или свою часть вземше сѣдѣти же (въ Карамзинскомъ списокѣ къ словамъ «съ тѣмъ же ей сѣдѣти» прибавлено «съ дѣтми») ²⁾. Эверсъ слѣдующимъ образомъ переводитъ обѣ эти статьи: «Если жена захочетъ остаться вдовою по смерти мужа, то взять ей часть изъ наслѣдства, поступающаго къ ея дѣтямъ; но что даль ей мужъ при жизни, то остается неотъемлемо въ ея владѣніи; на имѣніе, оставшееся послѣ мужа, вообще она не имѣетъ никакого права». «Если жена, обрѣкшись сидѣть во вдовствѣ по смерти мужа, проживетъ имѣніе и вступить въ брачный союзъ, то обязана возвратитъ дѣтямъ все прожитое. Если же она, оставаясь вдовою, захочетъ жить въ одномъ домѣ съ своими дѣтьми, а дѣти не захотятъ того, то въ семь случаевъ удовлетворять волѣ матери, а не дѣтей, и что даль ей мужъ, или что слѣдовало получить на свою часть изъ имущества, оставшагося послѣ мужа, то составляетъ ея достояніе» ³⁾. Такой переводъ заключаетъ въ себѣ несомнѣнные противорѣчія и неясности: если по первой статьѣ выходитъ, что вдова не имѣетъ права на наслѣдство послѣ своего покойнаго мужа, то какое же прожитое ею имѣніе она обязана, при вторичномъ замужествѣ, возвратитъ дѣтямъ? неужели то, что ей даль мужъ, и свое приданое? Вѣдь нельзя же предполагать, чтобы этимъ имѣніемъ она не могла распоряжаться свободно. А затѣмъ: вторая часть второй статьи относится ли, дѣйствительно, какъ думалъ Эверсъ, къ тому случаю, когда мать остается вдовой? И если даже такъ, то сохраняла ли мать какія-либо права по управленію наслѣдственнымъ имѣніемъ и семейнымъ хозяйствомъ?

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 88; Карамзинскій списокъ, статья 106; Синодальный списокъ, статья 64.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 95; Карамзинскій списокъ, статья 113; Синодальный списокъ, статья 66.

³⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 396, 397.

Попытки рѣшенія этихъ вопросовъ находимъ у другихъ изслѣдователей. Калачовъ, не объясняя второй приведенной нами статьи, указываетъ, что жена имѣетъ право на часть наслѣдства, если остается жить съ дѣтьми, и если мужъ при жизни своей ничего ей не выдѣлилъ¹⁾. Мнѣніе Калачова вполне раздѣляетъ Никольскій, у котораго сверхъ того встрѣчается указаніе на право вдовы быть хозяйкой въ домѣ по смерти мужа до совершеннолѣтія дѣтей, а по ихъ совершеннолѣтіи, на право жить въ домѣ²⁾. Указаніе на право хозяйки у вдовы даже при совершеннолѣтіи дѣтей сдѣлалъ еще Бѣляевъ. Онъ же³⁾, вслѣдъ за Поповымъ⁴⁾, признаетъ единственнымъ условіемъ наслѣдованія вдовы послѣ мужа—неполученіе ею отъ послѣдняго, при его жизни, никакой части имѣнія. Гг. Цитовичъ⁵⁾ и Владимірскій-Будановъ⁶⁾ думаютъ, что вдова можетъ не брать части, данной ей мужемъ, и тогда держитъ семью въ единеніи. Наконецъ, Неволинъ⁷⁾ и г. Сергѣевичъ⁸⁾ считаютъ нормой управленіе вдовы имуществомъ покойнаго мужа.

Мы полагаемъ, что разрѣшеніе всѣхъ противорѣчій и недоразумѣній возможно лишь при томъ предположеніи, что первая статья о наслѣдованіи вдовы относится къ тому случаю, когда останутся совершеннолѣтніа дѣти, а вторая,—когда дѣти будутъ несовершеннолѣтніа. Въ первомъ случаѣ вдова не имѣетъ никакихъ правъ на все наслѣдство, ни правъ собственности, ни правъ управленія: «задница еи мужня на надобѣ»; она получаетъ только часть имѣнія, всего вѣроятнѣе, свое приданое, а можетъ быть и часть, равную части каждаго сына, да еще то, что мужъ на нее возложилъ, данное ей мужемъ при жизни. Во второмъ случаѣ—при несовершеннолѣтіи дѣтей,—вдова оставалась домо-владѣлицей, управляла семейнымъ имуществомъ и отвѣчала за дурное веденіе хозяйства только при выходѣ замужъ во второй разъ. Вторая часть 95-й статьи Троицкаго списка труднѣе под-

¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава II, объясненіе статьи LXIII.

²⁾ О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, стр. 316.

³⁾ О наслѣдствѣ безъ завѣщанія, стр. 42.

⁴⁾ Объ опекахъ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ въ „Сборникѣ“ Валуева, стр. 109.

⁵⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія, стр. 110—111.

⁶⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 158.

⁷⁾ Полное Собраніе Сочиненій, томъ III, стр. 350.

⁸⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 552.

дается объясненію; несомнѣнно одно: тутъ рѣчь идетъ не о матери, желающей остаться домовладѣлицей при малолѣтствѣ дѣтей: тогда не говорилось бы, что она должна сидѣть съ своею частью или съ тѣмъ, что ей далъ мужъ: мать-домовладѣлица управляла *всѣмъ* имѣніемъ. Остается двѣ возможности: или здѣсь мать, вышедшая во второй разъ замужъ, можетъ остаться жить съ своею долей наслѣдства на дворѣ перваго мужа, хотя бы дѣти отъ перваго брака и были противъ этого, или, при вдовствѣ матери и по достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія, мать теряла свои права управленія семейнымъ имуществомъ и сохраняла только право жить на дворѣ покойнаго мужа. Здѣсь, вѣрнѣе всего, имѣется въ виду первая возможность, какъ видно по началу той же статьи, но мы думаемъ, что и второе было обычнымъ явленіемъ въ тѣ времена.

Всѣ изслѣдователи согласны, что, подѣ влияніемъ христіанства и по примѣру Номоканона, установлено было наслѣдованіе церкви: всегда необходимо было выдѣлять часть на поминъ души умершаго; часть эта, по предположенію Попова ¹⁾, равнялась $\frac{1}{10}$ всего имѣнія.

Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы должны указать, поскольку въ наслѣдственномъ правѣ нашего памятника отразился современный ему бытъ, есть ли въ немъ слѣды родового, общиннаго или семейнаго быта? Попутно мы уже касались этого вопроса, и здѣсь остается свести въ одно цѣлое отдѣльныя замѣчанія. Мнѣніе одного изъ основателей родовой теоріи, Рейца, какъ указано выше, опровергнуто у г. Дювернуа. Кавелинъ и Никольскій, правда, признали уже сильное вліяніе семейнаго начала, выразившееся въ устраненіи боковыхъ отъ наслѣдованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ находили, что семья въ эпоху Русской Правды имѣла еще юридическій характеръ рода; общее имъ обоимъ доказательство этого—устраненіе женщинъ отъ наслѣдованія; Никольскій опирается еще на слѣдующія доказательства: отецъ семейства былъ по прежнему неограниченнымъ владыкой: имѣлъ надъ дѣтьми право жизни и смерти (еще Псковская Судная Грамота и Уложеніе снисходительны къ этому), право продавать дѣтей въ рабство, ограниченное лишь въ Судебникѣ Ивана IV, право женить и выдавать замужъ дѣтей безъ ихъ согласія (см. Котошихина); надъ женой онъ имѣлъ тоже право жизни и смерти (если за убійство женщины только полвиры, то за убійство жены, конечно, ничего), право распоряжаться свободой жены (въ 1024 г. въ Суздаль

¹⁾ Объ опекахъ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникѣ“ Валуева, стр. 112.

мужья отдавали женъ челядницамъ: пусть лишь прокормятъ ихъ; Мстиславъ съ Редедей условились, что побѣдитель возьметъ и жену побѣжденнаго), наконецъ, право расторгнуть самовластно бракъ; кромѣ того, по Никольскому, существовало прежнее родственное единеніе: семья живетъ вмѣстѣ и подчиняется отцу семейства; признаки этого: въ уголовныхъ преступленіяхъ отвѣчалъ не одинъ отецъ-преступникъ, а жена и дѣти: при разбоѣ, коневой татѣбѣ и поджогѣ всѣ они выдавались на потокъ; поступленіе въ рабство отца вело къ рабству и всей семьи; судебное представительство лежало на всемъ семействѣ, какъ видно изъ Новгородской судной грамоты и Уложенія; всѣ обязательства, наконецъ, совершались отъ имени семьи¹⁾. Замѣтимъ, что поскольку Никольскій доказываетъ существованіе родственнаго единенія, онъ почти во всемъ правъ, но нельзя принять его доказательства неограниченной власти отца: семья составляла совѣтъ при отцѣ, самое завѣщаніе было «рядомъ», договоромъ, право жизни и смерти, право продавать въ рабство и пр. не доказаны или основаны на невѣрномъ толкованіи источниковъ, каково, напримѣръ, объясненіе статьи «о женѣ»; фактъ 1024 г.—явленіе исключительное, какъ и поединокъ Мстислава съ Редедей, отличающійся къ тому же, какъ уже давно замѣчено,²⁾ поэтическимъ колоритомъ. Вообще единственное нераспатанное основаніе родовой теоріи въ примѣненіи къ наследственному праву Русской Правды—ненаслѣдованіе дочерей; но надо признать это простымъ обломкомъ старины, случайно уцѣлѣвшимъ среди чуждыхъ началъ, тѣмъ болѣе, что Бѣляевъ справедливо отмѣтилъ слѣдующія признаки, опровергающіе господство родоваго быта: при родовомъ бытѣ наслѣдуетъ лишь первенецъ, и мать-вдова не имѣетъ значенія: она—подъ опекой сыновей, и имущество ея—не собственность а прожиточное, возвращающееся въ родъ послѣ ея смерти³⁾. Мы видѣли уже, что Бѣляевъ старается провести свою теорію общиннаго быта, но община въ современномъ смыслѣ слова въ то время не существовала, и Русская Правда о ея существованіи не свидѣтельствуетъ; остается, слѣдовательно, семейная теорія: еще К. Аксаковъ справедливо указывалъ, какъ на ея подтвержденіе, на наслѣдованіе однихъ нисходящихъ, съ исключеніемъ боковыхъ⁴⁾, а г. Цитовичъ подтверждаетъ ее еще

¹⁾ О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, стр. 268—282.

²⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей до XIV в., въ „Лѣтописи занятій археографической комиссіи“, выпускъ 4, стр. 43.

³⁾ О наслѣдствѣ безъ завѣщанія, стр. 46—47.

⁴⁾ Полное Собраніе Сочиненій, т. I. Москва, 1861, стр. 104—105.

указаніемъ на характеръ и содержаніе «ряда»¹⁾. И, дѣйствительно, надо признать, что наследственное право Русской Правды сложилось въ условіяхъ не родового и не общиннаго, а чисто-семейнаго быта.

II.

Въ тѣсной связи съ наследованіемъ находится опека. Постановленія о ней въ Русской Правдѣ несравненно яснѣе, чѣмъ наследственное право этого памятника.

Условія установленія опеки выражены въ Правдѣ слѣдующимъ образомъ: «Аже будутъ въ дому дѣти мали, а не джи ся будутъ сами собою печаловати, а мати имъ поидеть замужъ»²⁾. Итакъ было необходимо соединеніе слѣдующихъ трехъ условій: смерть отца, малолѣтство дѣтей и вторичное замужество (или смерть) матери.

Личность опекуна также точно опредѣлена въ источникѣ: это или ближайшій родственникъ: «кто имъ ближии будетъ, тому же дати на руцѣ»³⁾, или отчимъ: «Аче же и отчимъ приемень дѣти съ задницею, то такоже есть рядъ»⁴⁾. Несмотря на это, въ данномъ вопросѣ между изслѣдователями существуютъ нѣкоторыя разногласія. Поповъ⁵⁾ и Неволинъ⁶⁾ считаютъ ближайшимъ опекуномъ мать-вдову; мы знаемъ однако, что она оставалась въ семьѣ, при несовершеннолѣтіи дѣтей, на совершенно особыхъ правахъ домоправительницы. И это подтверждается тѣмъ, что въ Русской Правдѣ нигдѣ не говорится о «дачѣ на руки» дѣтей матери—выраженіе, обычное объ опекѣ и въ Правдѣ⁷⁾ и въ Начальной лѣтописи⁸⁾; къ тому же мать, по справедливому замѣчанію г. Владимірскаго-Буданова, не отвѣчаетъ за растраты, если не вышла вторично замужъ, да и не можетъ остаться въ домѣ отца и при совершеннолѣтіи дѣтей. Затѣмъ г. Сергѣевичъ отрицаетъ законное право отчима быть опекуномъ: 94-я статья Троицкаго списка говорить, по его мнѣнію, о самовольной, не-

¹⁾ Исходные моменты въ исторіи русскаго права наследованія, стр. 67.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 93.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, статья 94.

⁵⁾ Объ опекѣ и наследствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникѣ“ Вагуева, стр. 99.

⁶⁾ Полное Собраніе Сочиненій, т. III, стр. 350.

⁷⁾ Троицкій списокъ, статья 93.

⁸⁾ „вѣдавъ ему сынъ свои на руцѣ, Игоря“: Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. I, 6387 г., стр. 9.

законной опеки отчима, такъ какъ въ 93-й статьѣ ясно говорится, что въ случаѣ замужества матери опекуномъ долженъ быть ближайшій родственникъ, а не отчимъ ¹⁾. Такое объясненіе чрезвычайно натянуто: 94-я статья Троицкаго списка не содержитъ даже намека на незаконность опеки отчима, и самое большее, что дѣйствительно можно вывести изъ сопоставленія 93-й и 94-й статей, — это преимущество ближайшаго родственника передъ отчимомъ въ дѣлѣ опеки, на которое справедливо указываетъ г. Владимірскій-Будановъ ²⁾; противорѣчить тексту источника и не можетъ быть поэтому принято мнѣніе Попова, что отчимъ-опекунъ замѣнялъ авторитетъ матери и поэтому назначался опекуномъ преимущественно передъ ближайшимъ родственникомъ ³⁾. Отмѣтимъ еще замѣчаніе г. Владимірскаго-Буданова (на основаніи Патерики Печерскаго), что опекуномъ могло быть вообще всякое лицо, назначенное отцомъ по завѣщанію ⁴⁾.

Срокъ опеки длился до совершеннолѣтія опекаемыхъ, — «донецже возмогутъ» ⁵⁾. Опекунъ завѣдывалъ всѣмъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, равно какъ и всѣмъ хозяйствомъ опекаемыхъ ⁶⁾. Движимость сдавалась ему «передъ людьми», то есть, передъ свидѣтелями, послухами ⁷⁾. Изъ этого видно, что опека, представляющая собою какъ бы переходную ступень отъ наслѣдственнаго права къ обязательствамъ, разсматривалась тоже, какъ договоръ; характерной чертой договоровъ въ Русской Правдѣ было присутствіе послуховъ свободныхъ, какъ это превосходно выяснено въ замѣчательномъ трудѣ г. Дювернуа ⁸⁾; послухи свидѣтельствовали фактъ и условія сдѣлки между контрагентами и, въ случаѣ спора, разрѣшали его своимъ показаніемъ. Въ постановленіяхъ объ опеке по Русской Правдѣ вообще видятъ сильное вліяніе византійскаго права ⁹⁾, но вліяніе это, какъ видно, пустило прочные корни именно потому, что нашла удобная почва для него: рядъ, договоръ и участіе свободныхъ послуховъ —

¹⁾ „кто имъ ближии будетъ, тому же дати на рудѣ“: Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 512.

²⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 115.

³⁾ Объ опеке и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ, въ „Сборникѣ“ Валуева, стр. 100.

⁴⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 145.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 93.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Тамъ же.

⁸⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 93—103.

⁹⁾ *Неволинъ*, Полное Собраніе Сочиненій, т. III, стр. 351; *Сергеевичъ*, Лекціи и изслѣдованія, стр. 506, 512.

вотъ двѣ характерныя черты всего вообще гражданскаго права Русской Правды. Притомъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Сергѣевичъ¹⁾, византійскою вліяніе не было исключительнымъ, всеобъемлющимъ, не создало все право опеки: въ немъ была чрезвычайна оригинальная черта: постановленіе о вознагражденіи опекуна. Получивъ при послухахъ движимость, опекунъ могъ употреблять ее въ торговлю или давать въ долгъ, и все, приобрѣтенное имъ отъ торговли, и всѣ проценты («что срѣзистъ товаромъ тѣмъ ли пригостить») онъ получалъ себѣ въ награду за то, что кормилъ опекаемыхъ и заботился о нихъ; только приплодъ отъ челяди и отъ скота принадлежалъ опекаемымъ, равно какъ и «истыи товаръ», то-есть, та движимость, которая была сдана опекуну при свидѣтеляхъ, и всѣ потери въ которой онъ долженъ былъ пополнить²⁾. Если опекуномъ былъ отчимъ, то дѣйствовали тѣ же юридическія нормы, причемъ, по смерти отчима, его дѣти должны были вознаградить, согласно указанію послуховъ, своихъ сводныхъ братьевъ за все, что растрчено ихъ отцомъ³⁾.

Эти постановленія о взаимныхъ отношеніяхъ между опекуномъ и опекаемыми настолько ясны, что не вызвали разногласій въ литературѣ и не нуждаются въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ.

Въ заключеніе укажемъ на замѣчаніе г. Владимірскаго-Буданова о власти, устанавлившей въ то время опеку. Такою властью онъ считаетъ власть общинную на томъ основаніи, что величину растраты опредѣляютъ «люде», «сторонніе третейскіе судьи»; затѣмъ власть княжескую въ классахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ князю; наконецъ, отцовскую: отецъ могъ установить опеку посредствомъ «ряда»⁴⁾. Едва ли «люде» — третейскіе судьи, это — послухи, свидѣтельствовавшіе на судѣ; они вовсе не устанавливали опеки; вліяніе отцовской власти отмѣчено вѣрно; но, если мы имѣемъ несомнѣнное указаніе Русской Правды, что княжеская власть принимала участіе въ разрѣшеніи споровъ о наслѣдствѣ⁵⁾, и не имѣемъ права сомнѣваться, что это участіе не ограничивалось опредѣленнымъ общественнымъ классомъ, то, какъ кажется, нѣтъ основаній не допускать, что княжеская власть устанавливала опеку во всѣхъ классахъ общества.

¹⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 513.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 93.

³⁾ Тамъ же, статья 97.

⁴⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 115.

⁵⁾ „Аже братья растяжуются передъ княземъ о задницу, которыхи дѣтскимъ идѣтъ ихъ дѣлитъ, то тому взяти гривна коунъ“; Троицкій списокъ, статья 100.

III.

Изъ договоровъ Русской Правдѣ извѣстны купля-продажа, заемъ, поклада и наемъ. Но послѣдній является въ ней не въ чистомъ видѣ, а въ соединеніи съ займомъ,—именно въ статьяхъ о закупѣ; поэтому подробно говорить о займѣ удобнѣе при изслѣдованіи вопроса о закупѣхъ.

Для законности купли-продажи, несомнѣнно, требовалось участіе въ качествѣ контрагентовъ лицъ свободныхъ. Это надо признать чертой, характеризующей вообще всѣ договоры въ изучаемомъ памятникѣ.

По отношенію къ куплѣ-продажѣ въ Русской Правдѣ нѣтъ прямыхъ указаній, но оно было необходимо, какъ это видно изъ того, что вещь могла быть куплена только у законнаго ея собственника¹⁾, а правами собственности обладали только свободные люди. Кромѣ того по отношенію къ займу, какъ увидимъ, такое условіе удостовѣряется неподлежащими сомнѣнію данными. Второе непремѣнное условіе законности договора купли-продажи заключается въ томъ, что продавецъ долженъ имѣть законныя права собственности на продаваемую вещь, а покупатель долженъ быть убѣжденъ, что эта вещь—законная собственность продавца: договоръ нарушается, если кто-либо, даже по невѣдѣнію, «что татебно купилъ въ торгу, или конь, или портъ, іли скотину»²⁾; покупатель даже лишается заплаченныхъ имъ денегъ, если не знаетъ личности продавца³⁾, или если сводъ долженъ идти «въ чюжю землю»⁴⁾, разумѣется, и тутъ имѣется въ виду тотъ случай, когда окажется, что куплено краденое; даже и покупка чужого холопа не у его хозяина считается несоотвѣтствующей закону и потому несостоявшейся: «аже кто кренеть чюжъ холопъ не вѣдая, то первому господину холопъ поняти, а оному куны имати ротѣ ходивше, яко не вѣдая есмь купилъ»⁵⁾. Третьимъ непремѣннымъ условіемъ законности изучаемаго договора было участіе при его заключеніи двухъ послуховъ-свободныхъ людей или мытника: вотъ почему при гражданской тяжбѣ, вытекавшей изъ договора купли-продажи, обвиняемый въ покупкѣ краденаго, чтобы отвести отъ себя обвиненіе въ самой кражѣ, долженъ былъ вывести «свободна мужа два или мытника»⁶⁾; первые въ

1) Троицкій списокъ, статья 32, 112.

2) Тамъ же, статья 32.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же, статья 35.

5) Тамъ же, статья 112.

6) Тамъ же, статья 32.

другой статьѣ прямо названы «послухами» ¹⁾. Участіе свободныхъ послуховъ при заключеніи сдѣлокъ справедливо считается характеристическою чертою всѣхъ вообще договоровъ по Русской Правдѣ ²⁾. Эта черта по отношенію къ куплѣ-продажѣ удостовѣряется еще свидѣтельствомъ слѣдующей статьи нашего источника: «холопство обелное трое: оже кто хотя *купить* до полугривны, а *послужи поставитъ*, а ногату дать передъ самѣмъ холопомъ» ³⁾. Мы выписали эту статью еще съ тою цѣлью, чтобы отмѣтить, что существовали еще спеціальныя условія признанія законности договора при продажѣ холопа или свободнаго человѣка въ холопство: въ этомъ случаѣ необходимо было, во-первыхъ, чтобы человѣкъ проданъ былъ въ холопство *минимумъ* за полгравны (вѣроятно, кунъ), во-вторыхъ, чтобы по крайней мѣрѣ ногата была дана передъ самимъ холопомъ. Такія формальности и обращеніе къ послухамъ при спорахъ, возникавшихъ изъ купли-продажи, убѣждаютъ въ томъ, что этотъ договоръ въ то время не сопровождался никакимъ письменнымъ актомъ ⁴⁾, а форма его заключенія была исключительно устная.

Въ томъ, что контрагентами при *займѣ* могли быть только лица свободныя—по общему правилу,—мы убѣждаемся изъ прямыхъ указаній Русской Правды, причемъ кредиторъ долженъ былъ быть увѣреннымъ, что даетъ деньги въ долгъ свободному человѣку: «Аже же холопъ кдѣ куны вложить, а онъ будетъ не вѣдая вдаль, то господину выкупати или лишитися его; вѣдая ли будетъ далъ, а кунъ ему лишитися» ⁵⁾; здѣсь прямо не признается фактъ займа, если кредиторъ сознательно одолжилъ холопа. Впрочемъ, въ качествѣ представителя своего господина холопъ могъ заключать заемъ, и тогда отвѣтственнымъ лицомъ былъ господинъ: «Аже пустить холопъ въ торгъ, а одолжаетъ, то выкупати его господину и не лишитися его» ⁶⁾. Характерно, что и за долги бѣглаго холопа отвѣчалъ господинъ его; но здѣсь является вопросъ: всегда ли? Русская Правда говоритъ: «Оже холопъ бѣгая добоудеть товару, то господину холопъ и долгъ, господину же и товаръ» ⁷⁾. Здѣсь указано такимъ образомъ важ-

¹⁾ Тамъ же, статья 35.

²⁾ *Дювернуа*, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 95 и слѣд.; *Загоровскій*, Историческій очеркъ займа, стр. 16.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 102.

⁴⁾ Ср. *Загоровскій*, Историческій очеркъ займа, стр. 29, и особенно *Дювернуа*, Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 51.

⁵⁾ Троицкій списокъ, ст. 110.

⁶⁾ Тамъ же, статья 111.

⁷⁾ Тамъ же, статья 113.

ное условіе такой отвѣтственности господина: если холопъ въ бѣгахъ приобрѣтетъ какую-либо собственность. Но если бѣглый холопъ надѣлалъ долговъ и ничего не приобрѣлъ, какъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ поступать господинъ? Надо думать, что тогда примѣнялось постановленіе, изложенное въ 110 статьѣ Троицкаго списка и относившееся, повидимому, и къ бѣглому и къ не-бѣглому холопу. Закупъ считался свободнымъ человѣкомъ, обладавшимъ и личными и имущественными правами; поэтому онъ могъ вступать въ долговыя обязательства: онъ могъ идти «искать кунъ» ¹⁾; это вѣрно указано г. Загоровскимъ ²⁾; онъ же справедливо замѣтилъ, что закупа нельзя было продать въ рабство за долги, но нельзя согласиться съ этимъ изслѣдователемъ, когда онъ говоритъ, что закупъ не имѣлъ права отдавать себя въ закупничество другому; если онъ могъ занять деньги, чтобы уплатить долгъ своему хозяину, очевидно, не отработывая его, то, конечно, могъ сдѣлать этотъ заемъ на какихъ угодно условіяхъ, даже и вступивъ въ закупническія отношенія къ новому своему кредитору.

Какъ и въ куплѣ-продажѣ, при заключеніи займа необходимо было свидѣтельство послуховъ свободныхъ: «Аже кто взищеть кунъ на друзѣ», читаемъ въ одной статьѣ, «а онъ ся начнетъ запирати, то *оже намъ выведетъ послуси*, то ти пойдутъ на роту, а онъ возметъ своѣ куны» ³⁾: послухи должны были, очевидно, подкрѣпить клятвой фактъ существованія договора займа, при заключеніи котораго они присутствовали; еще яснѣе два другихъ свидѣтельства: «аже кто дастъ куны въ рѣзъ или медъ въ наставъ, или жито въ присопъ, то *послухи ему ставити*» ⁴⁾; «промиловилса еси, оже еси не ставилъ послуховъ» ⁵⁾. Г. Загоровскій думаетъ, что послуховъ и въ договорѣ займа могъ замѣнять мытникъ ⁶⁾. Едва ли это такъ: во-первыхъ, въ приведенныхъ выше мѣстахъ нашего источника нѣтъ ни слова о мытникѣ; а во-вторыхъ, вполне понятно свидѣтельство мытника при куплѣ-продажѣ: онъ собиралъ «мытъ», торговую пошлину съ каждаго привозившагося и продававшагося предмета; такой пошлины при займѣ не было, почему и засвидѣтельствовать фактъ въ данномъ случаѣ мытникъ не могъ. Г. Загоровскій предлагаетъ,

¹⁾ Тамъ же, статья 52.

²⁾ Историческій очеркъ займа, стр. 24.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 43.

⁴⁾ Тамъ же, статья 46.

⁵⁾ Тамъ же, статья 47.

⁶⁾ Историческій очеркъ займа, стр. 33.

что число послуховъ при займѣ во времена пространной Правды было два ¹⁾; впрочемъ это число не указано въ пространномъ текстѣ памятника; мы знаемъ, что во времена краткой Правды необходимо было свидѣтельство 12-ти человекъ, какъ видно изъ слѣдующаго текста: «Аще гдѣ възыщеть на друзѣ проче, а онъ ся запирати почнетъ, то ити ему на изводъ предъ 12 человекъ, да еще боудеть обидя не вдалъ боудеть, достойно емоу свои скоть, а за обиду 3 гривнѣ» ²⁾. Грыцько, правда, старается иначе объяснить эту статью: по его мнѣнію, она указываетъ, какъ уличать запиравшагося въ похищеніи вещи, и опредѣляетъ продажу за татьбу» ³⁾; г-нъ же Загоровскій 12 мужей считаетъ судьями ⁴⁾; но сравненіе краткаго текста Русской Правды съ пространнымъ не даетъ основаній ни для того, ни для другаго предположенія. Вообще вопросъ о количествѣ послуховъ при займѣ во времена пространной Правды остается открытымъ: возможно, что ихъ было по прежнему 12.

Однако не при всякомъ займѣ необходимы были послухи: если заемъ былъ не свыше 3 гривенъ кунъ, то послуховъ могло и не быть ⁵⁾. Исслѣдователи Русской Правды впрочемъ указываютъ обыкновенно еще одинъ случай займа, когда не требовались послухи: такъ будто бы бывало, если заемъ заключался между купцами, съ торговыми цѣлями; цѣль такого постановленія—облегченіе и развитіе торговли ⁶⁾. Это мнѣніе основывается на слѣдующей статьѣ: «Аже купецъ купцу дастъ куплю въ куны (очевидно: «куны въ куплю») или въ гостьбу, то купцю передъ послухи кунъ не имати, послухи ему не надобѣ; но ити ему самому ротѣ ожеса почнетъ запирати» ⁷⁾. Намъ кажется, что эти слова слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, какой признается общепринятымъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о займѣ, а о зародышѣ такъ называемыхъ коммандитныхъ товариществъ или товариществъ на вѣрѣ, достигшихъ значительной степени развитія впоследствии въ Великомъ Новгородѣ ⁸⁾. Это подтверждается, во-первыхъ, вы-

¹⁾ Тамъ же, стр. 11.

²⁾ Академическій списокъ, статья 14.

³⁾ Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ, въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“ Калачева, книга 5, Спб., 1863, стр. 107.

⁴⁾ Историческій очеркъ займа, стр. 11.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 47.

⁶⁾ Загоровскій, Историческій очеркъ займа, стр. 26.

⁷⁾ Троицкій списокъ, статья 44.

⁸⁾ См. грамоту Всеволода церкви св. Ивана на Опокахъ въ „Русскихъ Достопамятиностяхъ“ ч. I, стр. 77—81; ср. Das Rigische Schuldbuch, herausgegeben von Dr. H. Hildebrand, St.-Pt., 1872; Псковская Судная Грамота, ст. 14.

раженіемъ «въ куплю или въ гостьбу» — неужели же, въ самомъ дѣлѣ, при займѣ надо было заранѣе объявлять о цѣли, для какой онъ заключается, и какой могъ быть въ такомъ случаѣ надзоръ за соблюденіемъ этого условія, чѣмъ это соблюденіе обезпечивалось? во-вторыхъ, въ пользу предлагаемаго нами объясненія говоритъ то обстоятельство, что, какъ сейчасъ указано, ниже говорится объ условіяхъ, когда при займѣ не нужны свидѣтели, и въ качествѣ такого условія указано только одно: сумма займа не свыше 3 гривенъ кунъ, о займѣ же между купцами для торговыхъ цѣлей, не сказано ни слова¹⁾. Наконецъ, способъ разрѣшенія гражданскихъ тяжбъ, вытекающихъ изъ случая, о которомъ трактуется въ 44-й статьѣ Троицкаго списка, — именно присяга отвѣтчика вполне соответствуетъ такой же ротѣ отвѣтчика при поклажѣ²⁾; а это наводитъ на мысль, что и сущность договоровъ — вытекающія изъ которыхъ тяжбы разрѣшаются одинаково, — также одинакова: какъ и въ договорѣ поклажи, въ коммандитномъ товариществѣ въ основу положено довѣріе къ извѣстному лицу, къ его добросовѣстности, такъ что свидѣтели совершенно неумѣстны и излишни.

Нашъ источникъ содержитъ въ себѣ нѣсколько указаній на предметы займа въ то время: это — деньги («куны»)³⁾, медь, зерновой хлѣбъ («жито»)⁴⁾, наконецъ, вообще движимость («товаръ»)⁵⁾. Г. Загоровскій считаетъ этотъ перечень примѣрнымъ, думаетъ, что и недвижимое имущество могло служить предметомъ займа⁶⁾, но это мнѣніе неосновательно: оно противорѣчитъ указаніямъ источника, да и невозможно даже себѣ представить, чтобы недвижимость, напримѣръ, дворъ или земля, давались въ долгъ; при изученіи вопроса о землевладѣніи и землепользованіи въ эпоху Русской Правды это будетъ еще яснѣе.

Русская Правда признавала проценты при займѣ и регулировала ростъ. Проценты носили разные названія въ нашемъ источникѣ: если заемъ производился деньгами, они назывались «рѣзомъ», проценты съ меда именовались «наставомъ», а съ зерноваго хлѣба «присопомъ»⁷⁾. Регулированію закономъ подвергались только денежные проценты. «О (А?) мѣсячные рѣзы, оже за мало, то имати ему; зайдуть ли ся куны до того же года,

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 47.

²⁾ Тамъ же, статья 45.

³⁾ Тамъ же, статья 43, 44, 46, 47, 48, 50 и др.

⁴⁾ Тамъ же, статья 46.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 50 и 51.

⁶⁾ Историческій очеркъ займа, стр. 28.

⁷⁾ Троицкій списокъ, статья 46.

то дадать ему кунъ въ треть, а мѣсячныи рѣзь погренути»¹⁾— вотъ первое постановленіе о процентахъ. Калачовъ, основываясь главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ Карамзинской редакціи²⁾, объяснялъ, что мѣсячные проценты «дозволяется брать, когда срокъ займа ограничивается нѣсколькими днями»³⁾; такъ какъ однако и Синодальная⁴⁾ и Троицкая редакціи ничего не говорятъ о займѣ на нѣсколько дней, при чемъ текстъ Карамзинской редакціи тутъ искаженъ, наконецъ, такъ какъ и смыслъ всей статьи говоритъ противъ объясненія Калачова, то вѣрнѣе переводъ Эверса⁵⁾; «мѣсячные росты позволяетъ брать единственно за малое время», то-есть, если заемъ продолжается менѣе года. При займѣ, продолжавшемся годъ, можно брать проценты «на два третій», то-есть 50%: «Володимѣръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Бере-стовѣмъ... и оуставили до третьяго рѣза, оже емлетъ въ треть кунъ; аже кто возметъ два рѣза, то ему взяти исто; пакили возметъ три рѣзы, то иста ему не взяти»⁶⁾. Максимальный годової процентъ опредѣленъ въ слѣдующей статьѣ: «Аже кто имлетъ по 10 кунъ отъ лѣта на гривну, то того не отмѣтати»⁷⁾. Если полагать гривну равной 25 кунамъ, то это выходитъ 40%, но г. Загоровскій, принимая гривну при Мономахѣ въ 50 кунъ, опредѣляетъ максимальный годової процентъ въ 20%⁸⁾, съ чѣмъ и слѣдуетъ согласиться. Онъ справедливо указываетъ также, что Русская Правда не знаетъ процентовъ, установленныхъ самимъ закономъ: «а соуднымъ кунамъ росту нѣтъ»⁹⁾. Этотъ же изслѣдователь объясняетъ причины ограниченія процентовъ слѣдующимъ образомъ: занимали обыкновенно бѣдняки, церковь была противъ роста, наконецъ, не было понятія о производительной силѣ денегъ¹⁰⁾. Но мы знаемъ, что были и крупныя займы, церковь была вообще противъ всякаго, а не

¹⁾ Тамъ же, статья 47.

²⁾ „А мѣсячныи рѣзь, оже за мало дни, тоимати емоу“: Карамзинскій списокъ, статья 48.

³⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава II, объясненіе статей XIII и XIV.

⁴⁾ Синодальный списокъ, статья 46.

⁵⁾ Древнѣйшее русское право, стр. 389.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 48.

⁷⁾ Тамъ же, статья 49.

⁸⁾ Историческій очеркъ займа, стр. 44.

⁹⁾ Карамзинскій списокъ, статья 18; Загоровскій, Историческій очеркъ займа, стр. 46.

¹⁰⁾ Историческій очеркъ займа, стр. 35, 36, 38.

только чрезмѣрнаго, роста, а понятіе о производительной силѣ денегъ должно было существовать въ обществѣ, однимъ изъ главныхъ экономическихъ нервовъ котораго была внѣшняя торговля. Вотъ почему нельзя принять объясненіе г. Загоровскаго. Причина установленія максимальнаго процента заключалась въ стремленіи искусственными средствами понизить рыночную цѣну капитала, весьма высокую въ древнемъ обществѣ при незначительности размѣровъ капитала.

Относительно формы займа надо сказать то же, что было сказано о формѣ купли - продажи: Русская Правда знаетъ только устную форму заключенія договоровъ ¹⁾.

Общее понятіе о займѣ выясняетъ г. Загоровскій. Это, по его мнѣнію, реальный, а не консенсуальный договоръ, онъ заключался не раньше передачи въ заемъ предмета, а послѣ этой передачи; доказательства таковы: во-первыхъ, нѣтъ статей о спорѣ по поводу займа до полученія занятой суммы; во-вторыхъ, распространенъ заемъ въ видѣ закупничества, гдѣ валюта получается впередъ; въ-третьихъ, въ Русской Правдѣ вообще господствуютъ матеріальныя понятія ²⁾. Тотъ же изслѣдователь однако считаетъ себя въ правѣ утверждать, что, хотя въ платежѣ долга при жизни должника не участвовало его семейство, но по смерти наслѣдники обязаны платить; въ доказательство этого онъ ссылается на постановленіе о томъ, что, въ случаѣ растраты отчимомъ имѣнія пасынковъ, дѣти его послѣ его смерти обязаны вознаградить потерпѣвшихъ ³⁾. Но вѣдь здѣсь говорится не о займѣ и не о долгѣ, а о вознагражденіи опекаемыхъ за растрату, произведенную опекуномъ: это стоитъ въ связи съ наслѣдственнымъ правомъ и опекой, а не съ займомъ. Такимъ образомъ мнѣніе г. Загоровскаго не можетъ быть принято. Надо признать вмѣстѣ съ г. Дювернуа ⁴⁾, что, если въ договорѣ займа, при его заключеніи, не было заявлено передъ свидѣтелями, что обязательство сохраняетъ свою силу и по отношенію къ наслѣдникамъ должника, то эти наслѣдники за долги не отвѣчали.

Договоръ *поклажи* требовалъ для заключенія участія въ качествѣ контрагентовъ свободныхъ лицъ: онъ вѣдь предполагаетъ у обѣихъ сторонъ имущественныя права, которыми лица несвободныя не обладали. Предметомъ *поклажи* служила только дви-

¹⁾ Тамъ же, стр. 29.

²⁾ Тамъ же, стр. 18 и 19.

³⁾ Тамъ же, стр. 50, 52.

⁴⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 140, 141.

жимость—«товаръ», по подлинному выраженію Русской Правды¹⁾. Сдѣлки заключались въ устной формѣ, какъ видно изъ того, что при спорѣ, возникавшемъ изъ договора поклажи, доказательствомъ служила только присяга отвѣтчика²⁾, а не какіе-либо документы. Особенностью поклажи надо считать отсутствіе послуховъ³⁾, при заключеніи этого договора: храненіе имущества разсматривалось, какъ благодѣяніе, услуга со стороны лица сохранявшаго, которое и заслуживало поэтому особаго довѣрія: «запече ему въ бologo дѣль и хоронилъ товаръ его»⁴⁾.

Все, сказанное о поклажѣ, вполне примѣнимо и къ договору *товарищества на сѣрь*, какъ убѣдительно свидѣлствуетъ объ этомъ цитированная уже выше 44-я статья Троицкаго списка.

IV.

Мы уже говорили, что внутреннимъ признакомъ, отличавшимъ уголовное преступленіе отъ гражданскаго правонарушенія, была въ Русской Правдѣ наличность злой воли въ дѣяніи: гдѣ злая воля была очевидна, тамъ было уголовное преступленіе, гдѣ ея замѣтно не было, тамъ мы имѣемъ дѣло съ гражданской неправдой. Вѣдшимъ признакъ уголовного дѣянія—штрафъ, пеня или другое уголовное взысканіе, при чемъ этотъ штрафъ, не исключая существованія особаго вознагражденія потерпѣвшаго, всегда поступалъ въ княжескую казну. При гражданскомъ правонарушеніи нѣтъ этой пени въ пользу общественной власти, и все дѣло ограничивается лишь вознагражденіемъ потерпѣвшаго.

Въ ряду *гражданскихъ правонарушеній*, которыя знаетъ Русская Правда, мы прежде всего отмѣтимъ нарушеніе правъ наследниковъ и опекаемыхъ. О немъ мы въ сущности уже говорили, и здѣсь остается вкратцѣ повторить сказанное: опекунъ былъ обязанъ вознаградить опекаемыхъ за растраченное ихъ имѣніе⁵⁾; если у одной матери были дѣти отъ двухъ мужей, и если второй ея мужъ растратилъ имѣніе дѣтей перваго, то онъ, а въ случаѣ его смерти его дѣти, обязаны возмѣстить убытки въ томъ размѣрѣ, какой признаютъ въ данномъ случаѣ необходимымъ послухи, присутствовавшіе при сдачѣ имѣнія опекуну⁶⁾.

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 45.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 93.

⁶⁾ Тамъ же, статья 97.

Много вниманія посвящаетъ Русская Правда вопросу о нарушении обязательствъ. Изъ нарушений постановлений о куплѣ-продажѣ нашъ источникъ знаетъ покупку краденаго по невѣдѣнію, покупку по невѣдѣнію бѣжавшаго отъ своего господина къ другому или уведеннаго другимъ холопа и завѣдомо-незаконную покупку чужого холопа. При покупкѣ краденаго по невѣдѣнію фактъ такой покупки долженъ быть удостовѣренъ двумя свободными послухами или мытникомъ; послѣ этого истецъ получаетъ свою вещь отъ купившаго ее, но не имѣетъ права требовать отъ него того, что вмѣстѣ съ ней было украдено; здѣсь разумѣется, конечно, тотъ случай, когда покупатель не можетъ указать лица, у котораго онъ купилъ оспариваемую вещь; извѣстно, что если покупатель знаетъ своего продавца, то онъ долженъ идти на сводъ; если впослѣдствіи покупатель краденной вещи найдетъ того, кто ему продалъ, то послѣдній обязанъ возратить покупщику заплаченные имъ деньги, вознаградить обокраденнаго за все, что у него было украдено, и заплатить князю продажу ¹⁾. Въ случаѣ покупки по невѣдѣнію бѣжавшаго отъ своего господина къ другому или уведеннаго другимъ холопа первому господину (то-есть, дѣйствительному хозяину холопа) идетъ холопъ, а лицо, купившее холопа по невѣдѣнію, получаетъ деньги, разумѣется, отъ дѣйствительнаго хозяина холопа ²⁾. Наконецъ, при завѣдомо-незаконной покупкѣ чужого холопа покупатель лишается заплаченныхъ имъ денегъ ³⁾. Здѣсь передъ нами выступаетъ то любопытное явленіе, что покупка краденаго, даже завѣдомо-краденаго никогда не считалась въ Русской Правдѣ уголовнымъ преступленіемъ.

Говоря о нарушеніяхъ постановлений о займѣ, мы должны замѣтить, что Русская Правда довольно тонко различаетъ отдѣльные виды несостоятельности: прежде всего несостоятельность случайную, происшедшую не по винѣ должника, вслѣдствіе кораблекрушенія, пожара, войны; она влечетъ за собой разсрочку уплаты долга; затѣмъ нашъ источникъ знаетъ несостоятельность неосторожную, которая произошла по винѣ должника, вслѣдствіе его пьянства или расточительности, въ этомъ случаѣ кредиторы могутъ ждать уплаты долга или продать должника въ рабство ⁴⁾; третій видъ несостоятельности, признаваемый Русской Правдой,

¹⁾ Тамъ же, статья 32.

²⁾ Тамъ же, статья 112.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, статья 50.

это—злостная несостоятельность ¹⁾, но она считается уже уголовнымъ преступленіемъ,—типическій примѣръ разграниченія въ нашемъ памятникѣ уголовного преступленія и гражданской неправды посредствомъ понятія о необходимости элемента злой воли въ уголовномъ дѣяніи. Къ нарушеніямъ постановленій о займѣ принадлежитъ лихоимство: кто три раза возьметъ третной ростъ, тотъ лишается даннаго имъ въ заемъ капитала ²⁾.

Въ изслѣдуемомъ памятникѣ упоминается еще о рядѣ другихъ гражданскихъ правонарушеній, не имѣющихъ отношенія къ наслѣдованію, опека и обязательствамъ; это по преимуществу разные виды нарушенія правъ собственности. Такова порча чужихъ вещей: если кто-нибудь изломаетъ чужое оружіе или изорветъ платье, то, если потерпѣвшій хочетъ удержать испорченное у себя, онъ беретъ деньги за порчу; если онъ отдаетъ его испортившему, то послѣдній долженъ оплатить ему испорченную вещь по ея стоимости ³⁾. Также закупъ долженъ вознаградить хозяина за потерю плуга и бороны ⁴⁾, за выведенный изъ хлѣва или не вогнанный во дворъ и незапертый тамъ скотъ ⁵⁾; но закупъ не отвѣчаетъ за потерю всего этого, если господинъ пошлетъ его по своему дѣлу и въ это время, въ отсутствіе закупа, случится потеря, равно какъ закупъ ничего не платитъ за потерю военного коня ⁶⁾. Затѣмъ Русская Правда считаетъ гражданскимъ правонарушеніемъ помощь бѣглому холопу: если холопъ бѣжитъ и господинъ его заявитъ объ этомъ, то лицо, указавшее завѣдомо-бѣглому холопу путь или давшее ему хлѣба, обязано уплатить за холопа 5 гривенъ, а за рабу 6 гривенъ ихъ господину ⁷⁾; если кто-либо встрѣтитъ бѣглаго холопа и, не зная, что онъ бѣглый, покажетъ ему дорогу или будетъ держать у себя, то онъ неотвѣтственъ ⁸⁾. Упущеніе пойманнаго бѣглаго холопа—тоже гражданская неправда: за «переемъ», то-есть, поимку бѣглаго чужого холопа или рабы полагается по гривнѣ съ человѣка; эту гривну платитъ ихъ господинъ тому, кто ихъ задержалъ; если же послѣдній упустилъ пойманнаго, то платитъ за холопа 4 гривны, а за рабу 5 гривенъ ихъ господину, такъ что по гривнѣ ему отходить за переемъ ⁹⁾.

¹⁾ Тамъ же, статья 43.

²⁾ Тамъ же, статья 48.

³⁾ Академическій списокъ, статья 17.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 53.

⁵⁾ Тамъ же, статья 54.

⁶⁾ Тамъ же, статья 53.

⁷⁾ Троицкій списокъ, статья 106.

⁸⁾ Тамъ же, статья 109.

⁹⁾ Тамъ же, статья 107.

Мы должны въ заключеніе указать, что кража, совершенная холопомъ, разсматривалась въ Русской Правдѣ, какъ гражданское правонарушеніе: за кражу холопомъ скота, птицъ, сѣна, дровъ его господинъ платитъ владѣльцу украденнаго вдвое противъ тѣхъ уроковъ, которые платятся за кражу этихъ же вещей свободными людьми; при этомъ холоповъ «князь продажею не казнить, зане суть несвободни» ¹⁾; за кражу холопомъ коня господинъ платитъ его владѣльцу 2 гривны ²⁾; если бѣжавшій холопъ укралъ что либо, принадлежащее сосѣду, то господинъ его долженъ платитъ за покраденное урокъ ³⁾, очевидно, такой же, какой платился за украденное свободными людьми; слѣдовательно, существуетъ различіе въ урокѣ, платимомъ за кражу, совершенную бѣжавшимъ холопомъ и, съ другой стороны, не бѣжавшимъ; о послѣднемъ говорится въ 42-й статьѣ Троицкаго списка. Такъ понимаетъ эти постановленія и Станиславскій и правильно видитъ причину такой разницы въ томъ, что «хозяинъ бѣглаго раба не имѣлъ уже возможности присматривать за его дѣйствіями» ⁴⁾.

Мы не говоримъ здѣсь ничего объ ударѣ, нанесенномъ холопомъ свободному человѣку, такъ какъ это нельзя считать гражданскимъ правонарушеніемъ: какъ было уже указано, здѣсь были слѣды уголовного дѣянія, такъ какъ законъ назначалъ за это преступленіе *опредѣленное* личное наказаніе виновнаго, хотя онъ былъ и несвободнымъ человѣкомъ.

Остается сдѣлать общее заключеніе. Тотъ свидѣтельствующій о слабости общественной связи переходный характеръ, который мы замѣтили въ уголовномъ правѣ Русской Правды, составляетъ отличительную особенность и гражданского ея права. И здѣсь борьба противоположныхъ старыхъ и новыхъ началъ и ихъ компромиссы. Какъ и въ уголовномъ правѣ, матеріалистическій элементъ былъ силенъ и въ гражданскихъ отношеніяхъ: понятія о наслѣдствѣ и обязательствахъ были глубоко матеріальны; однако онъ, этотъ матеріалистическій элементъ, началъ уже колебаться и подвергаться ограниченіямъ, проявившимся, напримѣръ, въ отвѣтственности дѣтей опекуна-отчима за растраты, произведенныя ихъ отцомъ. Чрезвычайно сильно еще и кровное начало:

¹⁾ Тамъ же, статья 42.

²⁾ Тамъ же, статья 56.

³⁾ Тамъ же, статья 114.

⁴⁾ Изсѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго законодательства: „Юридическій Сборникъ“ Мейера. Казань, 1855, стр. 193.

имущество, даже движимое, считается общей собственностью всей семьи: наследованіе и—вѣроятно—обязательства имѣли семейный характеръ. Но характерно, что отъ родоваго быта въ области гражданскаго права сохранились только слабыя слѣды—въ устраненіи нисходящихъ женскаго пола отъ наследованія,—за то нѣтъ неограниченной власти родоначальника, мать—вдова не подчинена взрослымъ сыновьямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ между членами семьи возникаютъ уже юридическія отношенія, хотя еще и не въ чистомъ видѣ: все почти гражданское право, какъ мы видѣли, было проникнуто началомъ договора, «ряда». Отживающей стариной вѣетъ отъ существованія одной только устной формы завѣщаній и обязательствъ, при полномъ отсутствіи формъ письменныхъ; устные формы въ гражданскомъ правѣ влекутъ за собою установленіе извѣстныхъ формальныхъ, внѣшнихъ условій, необходимыхъ для признанія реальности того или другого гражданскаго акта: такимъ условіемъ является участіе свободныхъ послухоу. Есть однако сдѣлки, гдѣ элементъ довѣрія настолько силенъ, что устраняетъ необходимость послушества: таковы поклажа и товарищество на вѣрѣ. Чрезвычайно слабо—чтобы не сказать не существуетъ—участіе общественной власти при заключеніи гражданскихъ актовъ: только разъ встрѣчается участіе мытника, да и то оно далеко не необходимо: его могутъ замѣнить два свободныхъ свидѣтеля. Наконецъ, весьма низко цѣнится личность: ее подавляютъ матеріалистическія начала; блестящимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ несомнѣнный и общеизвѣстный фактъ, что личная свобода въ то время являлась обезпеченіемъ долговыхъ обязательствъ.

Очеркъ четвертый.

Процессъ по Русской Правдѣ.

I.

Вопросъ о характерѣ процесса, отличающійся такой важностью, въ значительной мѣрѣ предрѣшается опредѣленіемъ поводовъ къ началу процесса. Исслѣдователи доселѣ еще не пришли къ согласію по вопросу о поводахъ къ началу процесса по Рус-

ской Правдѣ. Такъ, по мнѣнію Попова¹⁾ и Бѣляева²⁾, всякій процессъ начинался лишь при наличности истца и отвѣтчика. Калачовъ, признавая это общимъ правиломъ, указывалъ, какъ на исключеніе, на процессъ объ убійствѣ, кражѣ бобра и похищеніи пчелъ, когда для начала дѣла достаточно было одного факта преступленія³⁾. По Ланге, всякій уголовный процессъ могъ начинаться однимъ изъ трехъ способовъ: находкой поличнаго, отысканіемъ слѣдовъ преступленія или поклепомъ⁴⁾. Дювернуа, ограничившійся изученіемъ гражданскаго процесса, указывалъ, что тутъ и при личномъ, и при вещномъ искѣ процессъ начинался лишь при отысканіи поличнаго и отвѣтчика⁵⁾. Наконецъ, г. Стефановскій думаетъ, что по *всѣмъ* уголовнымъ дѣламъ для начала процесса достаточно одного факта преступленія; что же касается до гражданскаго процесса, тутъ онъ сходится въ мнѣніи съ Дювернуа⁶⁾. При такомъ разногласіи нельзя не признать, что вопросъ о поводахъ къ началу процесса по Русской Правдѣ нуждается въ новомъ внимательномъ пересмотрѣ.

Что касается до процесса по дѣламъ о гражданскихъ правонарушеніяхъ, то въ этомъ отношеніи нельзя не присоединиться къ взгляду Дювернуа: гражданскій процессъ Русской Правды не могъ начаться, если не было соединенія двухъ необходимыхъ условій—поличнаго, т.-е. предмета иска, и отвѣтчика. Въ самомъ дѣлѣ, возможенъ ли, напримѣръ, искъ находившихся подъ опекой наслѣдниковъ къ своему опекуну или къ дѣтямъ опекуна-отчима безъ отвѣтчиковъ и поличнаго? Возможенъ ли безъ тѣхъ же условій искъ о покупкѣ краденаго имущества или сведеннаго или бѣглаго холопа или, наконецъ, иски о несостоятельности и лихоимствѣ? На эти вопросы не можетъ быть двухъ отвѣтовъ для того, кто знаетъ, какъ глубоко-матеріальны были понятія о наслѣдствѣ и обязательствахъ въ Русской Правдѣ.

Иное дѣло вопросъ о началѣ процесса по уголовнымъ дѣламъ. Въ сущности всѣ разногласія изслѣдователей касаются именно

1) Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 101.

2) Лекціи по исторіи русскаго законодательства, М., 1888, стр. 194.

3) Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды, отдѣленіе III, глава IV.

4) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 256; ср. стр. 236, 239, 242, 247, 248, 252 и 253.

5) Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 174.

6) Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права: „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1873 г., мартъ, стр. 36 и 37.

этого. Впрочемъ, едва ли не большая часть этихъ разногласій происходитъ, какъ кажется, отъ того, что не проводится надлежащаго различія между двумя главными частями процесса—слѣдствіемъ и судомъ. Если отождествлять начало процесса съ началомъ слѣдствія, то нѣтъ сомнѣнія, что възглядъ Попова и Бѣляева долженъ быть отвергнутъ вслѣдствіе заключающагося въ немъ рѣзкаго противорѣчія съ текстомъ источника: слѣдствіе въ эпоху дѣйствія Русской Правды, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—при убійствѣ и кражѣ пчелъ—начиналось и безъ поличнаго и, уже внѣ всякаго сомнѣнія, безъ наличности отвѣтчика¹⁾. Мы полагаемъ даже, что сфера примѣненія 70-й статьи Троицкаго списка²⁾ была несравненно шире, чѣмъ обыкновенно думаютъ: статья эта имѣетъ несомнѣнную связь не только съ 69-й³⁾, но и со всѣми предыдущими, начиная съ 62-й⁴⁾, и въ частности представляетъ собою дальнѣйшее развитіе, въ подробностяхъ того начала, которое выражено въ 63-й статьѣ Троицкаго списка⁵⁾,—начала производства слѣдствія при помощи общины; такимъ образомъ слѣдствіе по всѣмъ преступленіямъ противъ правъ имущественныхъ, а не по одной лишь кражѣ, могло начинаться и безъ поличнаго и отвѣтчика. Этому не противорѣчитъ и то обстоятельство, что въ 70-й статьѣ говорится объ отысканіи *тата*,—не противорѣчитъ по той причинѣ, что въ Русской Правдѣ, какъ было уже указано въ третьемъ очеркѣ нашего изслѣдованія, татбой называлась не только кража, но вообще всѣ преступленія противъ правъ собственности. Преступленіе, о которомъ говорится въ 63-й статьѣ—унич-

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 3: „Аже кто оубиеть княжи мужа въ разбон, а *юловники не ищутъ*“; Троицкій списокъ, статья 70: „*не будетъ ли татя*, то по слѣду женуть“.

²⁾ „Не будетъ ли татя, то по слѣду женуть; аже боудеть слѣдъ ли къ селу, или къ товару, а не отсочать отъ собе слѣда, ни ѣдутъ на слѣдъ, или отбьются, то тѣмъ платити татбу и продажу; а слѣдъ гнати съ чюжими людьми, а съ послухи“ и т. д.

³⁾ „Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи, а за медъ, аже будетъ пчелы не лажены, то 10 кунъ; будетъ ли олѣкъ, то 5 кунъ“.

⁴⁾ Статья 62: „Аже оукрадетъ кто бобръ, то 12 гривенъ“; 63: „Аже будетъ роѣчена земля или знаменне, имъ же ловлено, или сътъ, то по верви искати татя, ли платити продажу“; 64: „Аже разваменаеъ борть, то 12 гривенъ“; 65: „Аже между перетяеъ бортную, или ролеиную разореть, или дворную тыномъ перегородить межу, то 12 гривенъ продажи“; 66: „Аже дубъ подотнетъ знаменныи или межъныи, то 12 гривенъ продажъ“; 68: „Аже борть подьтнетъ, то 3 гривны продажъ, а за дерево полгривны“.

⁵⁾ „По верви искати татя, ли платити продажу“.

тоженіе промышленныхъ сооружений, по характеру своему, совершенно сходно съ отмѣченнымъ въ статьѣ 74-й, гдѣ говорится объ уничтоженіи верви въ перевѣсѣ. Поэтому мы въ правѣ и къ этой послѣдней статьѣ и къ слѣдующимъ за ней примѣнить 70-ю. Итакъ, повидимому, во всѣхъ преступленіяхъ противъ имущественныхъ правъ возможно было начало слѣдствія и безъ находки поличнаго и отвѣтника.

Само собою разумѣется, что слѣдствіе по дѣламъ о нарушеніи правъ собственности начиналось также и при нахождѣ поличнаго: въ этомъ случаѣ производился такъ называемый «сводъ».

Возможно ли начало слѣдствія по преступленіямъ о нарушеніи личныхъ правъ (кроме убійства) безъ наличности отвѣтника? На это можно дать только отрицательный отвѣтъ: во всѣхъ статьяхъ Русской Правды, трактующихъ о преступленіяхъ противъ здоровья, чести и свободы, непременно имѣется въ виду опредѣленный отвѣтникъ¹⁾. Строго говоря, въ этихъ дѣлахъ слѣдствія, какъ особой, совершенно отдѣльной части процесса, и не было,—оно сливалось съ самимъ судомъ: потерпѣвшему нужно было лишь явиться на судъ съ обвиняемымъ и, въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ, представить свидѣтелей. То же самое слѣдуетъ сказать и о слѣдствіи по дѣламъ объ убійствѣ въ томъ случаѣ, если отвѣтникъ былъ налицо.

Итакъ, для начала слѣдствія въ дѣлахъ уголовныхъ необходимы были слѣдующія минимальныя условія: 1) наличность истца; всѣ изслѣдователи согласны, что, по Русской Правдѣ, безъ истца невозможно начало слѣдствія: общественная власть не принимала на себя въ то время инициативы въ этомъ отношеніи; 2) наличность отвѣтника въ дѣлахъ о нарушеніи личныхъ правъ (кроме убійства), то-есть, преступленіяхъ противъ здоровья, чести и свободы; само собою разумѣется, что и слѣдствіе по прочимъ уголовнымъ дѣламъ—объ убійствѣ и нарушеніяхъ имущественныхъ правъ—могло начинаться при этомъ условіи; однако оно не было въ нихъ необходимымъ, минимальнымъ; 3) наличность слѣдовъ преступленія—трупа при убійствѣ и слѣдовъ въ собственномъ смыслѣ слова при нарушеніяхъ правъ имущественныхъ; это условіе не было необходимымъ для начала процесса по преступленіямъ противъ здоровья, чести и свободы²⁾.

¹⁾ Смотри, напримѣръ, Троицкій списокъ, статьи 18—25.

²⁾ Такъ, напримѣръ, можно было вчинать искъ по обвиненію въ побояхъ, хотя бы знаковъ отъ этихъ побоевъ и не осталось. Троицкій списокъ, статья 23-я.

Такимъ образомъ соединеніе перваго и третьяго условій было необходимо для начала слѣдствія объ убійствѣ и нарушеніи правъ собственности, для начала же слѣдствія по другимъ преступленіямъ противъ личныхъ правъ непременно требовалось соединеніе первыхъ двухъ условій.

Слѣдствіемъ устанавливалось обвиненіе, опредѣлялся всегда отвѣтчикъ; таковъ результатъ слѣдствія по Русской Правдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ это—основа собственно суда. Судъ, слѣдовательно, начинался лишь при наличности отвѣтчика,—это было непремѣннымъ условіемъ, и въ этомъ смыслѣ можно принять мнѣніе Попова и Бѣляева. При всемъ томъ нельзя, однако, сказать, чтобы въ Русской Правдѣ не различались способы начала собственно суда, чтобы Русская Правда признавала исключительно одинъ способъ обвиненія. Это вѣрно, что для начала суда необходимо было представленіе отвѣтчика, обвиненіе опредѣленнаго лица, но въ Русской Правдѣ строго различались *основанія* такого обвиненія, и сообразно этимъ основаніямъ измѣнялся и дальнѣйшій ходъ процесса: и взаимныя отношенія сторонъ, и способы доказательствъ. Все дѣло было въ томъ, въ «поклепѣ» или не въ поклепѣ было обвиненіе. Необходимо выяснитъ именно понятіе клеветы, опять таки не вполне ясное по своему значенію, если руководиться объясненіями, существующими въ литературѣ. Извѣстны три объясненія этого термина: одно, безспорно невѣрное, принадлежитъ Фогелю, который считалъ поклепъ клеветой, ложнымъ обвиненіемъ¹⁾; это отвергнуто Ланге на томъ основаніи, что въ Уложеніи понятію о клеветѣ соответствуетъ выраженіе «поклепати *напрасно*», а не просто «поклепати»²⁾. Другое—объясненіе Калачова, отождествлявшего поклепъ со всякимъ вообще обвиненіемъ опредѣленнаго лица въ убійствѣ³⁾; согласно этому толкованію, терминъ «поклепъ» не имѣетъ особеннаго реального значенія. Наконецъ, Ланге считалъ поклопомъ обвиненіе, но основанное на поличномъ и слѣдахъ преступленія, и распространялъ сферу его примѣненія на процессъ по *всѣмъ* уголовнымъ дѣламъ⁴⁾. Послѣдній изслѣдователь ближе всѣхъ подошелъ къ истинѣ, но и его мнѣніе, какъ увидимъ ниже, можетъ быть принято лишь съ весьма значительными поправками.

¹⁾ Опытъ возстановленія и объясненія Правды Роусьской, въ „Ученыхъ Запискахъ“ Казанскаго университета за 1848 г., книжка II, стр. 135, 137.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 249.

³⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV, объясненіе СХХІ статьи.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 256 и др.

Исслѣдованіе сущности самаго понятія о поклепѣ невозможно отдѣлить отъ опредѣленія случаевъ примѣненія поклепа. Поэтому и мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ принуждены соединить оба эти вопроса.

Въ 15-й статьѣ Троицкаго списка говорится «о поклепной вирѣ»; вира же платилась, какъ извѣстно, за убійство. Въ 17-й статьѣ читаемъ: «а истца начнетъ головою клепати». Эти два наблюденія убѣждаютъ насъ въ томъ, что поклепъ несомнѣнно употреблялся въ процессѣ объ убійствѣ. То же видно и изъ 16-й статьи Троицкаго списка, гдѣ сказано: «А иже свержетъ виру, то гривна кунъ сметная отроку, а кто и клепалъ, а тому дати другую гривну» и пр.

Чтобы рѣшить вопросъ, примѣнялся ли поклепъ въ другихъ преступленіяхъ и въ какихъ именно,—необходимо прежде всего внимательно присмотрѣться къ тексту 17-й статьи Троицкаго списка и ей соотвѣтствующихъ въ другихъ редакціяхъ Русской Правды. Большинство изслѣдователей этого юридическаго сборника (если не всѣ они); повидимому, распространяли сферу дѣйствія изслѣдуемаго нами постановленія на процессъ по *всѣмъ* уголовнымъ дѣламъ: объ этомъ прямо говоритъ Ланге, основываясь на выраженіи «также и во всѣхъ тяжахъ»; ¹⁾ это же принималъ за истину, какъ кажется, и Калачовъ, что видно изъ пунктуации, употребляемой имъ въ изданіи текста Русской Правды: послѣ словъ «во всѣхъ тяжахъ» поставлена запятая, такъ что слова «въ татѣбѣ и въ поклепѣ» служатъ какъ бы дальнѣйшимъ разъясненіемъ предыдущаго ²⁾. Можно ли, однакоже, принять этотъ взглядъ? По нашему мнѣнію, съ полной рѣшительностью можно утверждать, что поклепъ примѣнялся *не по всѣмъ* дѣламъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прямо самый текстъ Русской Правды: такъ въ 60-й статьѣ Троицкаго списка, гдѣ говорится о вырваніи клокъ бороды, читаемъ: «аже безъ люди, а въ поклепѣ, то нѣту продажѣ», то-есть, поклепъ не признавался законнымъ способомъ начала иска при вырваніи бороды. Къ тому же совершенно невозможно считать слова «въ татѣбѣ и въ поклепѣ» объясненіемъ предыдущаго «во всѣхъ тяжахъ»; «татѣба» несомнѣнно принадлежитъ къ числу «тяжъ», то-есть, судебныхъ дѣлъ, особыхъ преступленій; но, какъ бы мы ни понимали поклепъ, одно ясно,—это совсѣмъ не особое какое-либо судебное дѣло, не особое преступленіе, а лишь какой-то особенный способъ обвиненія, употреблявшійся при извѣстныхъ специальныхъ усло-

¹⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 243.

²⁾ Текстъ Русской Правды, М., 1847, II, 17, стр. 7.

віяхъ; слѣдовательно, понятія «тятьба» и «поклепъ» не однородны, не принадлежать къ одной категоріи и не могутъ быть сопоставлены другъ съ другомъ, какъ понятія равнаго объема. Мы предложили бы слѣдующимъ образомъ читать 17-ю статью: «искавши ли послуха не налѣзуть, а істьця начнеть головою клепати,—тогда дати имъ правду желѣзо; такоже и во всѣхъ тьяжахъ въ тятьбѣ—и въ поклепѣ, оже не будетъ лица,—то тогда дати ему желѣзо» и т. д. Послѣднія слова имѣють такимъ образомъ слѣдующій смыслъ: «такъ же и во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, касающихся тятьбы, при томъ при поклепѣ, если не будетъ поличнаго, то тогда подвергнуть отвѣтника испытанію желѣзомъ» и пр. Слѣдовательно, здѣсь рѣчь идетъ о процессѣ по тому ряду преступленій, которыми обозначались въ Русской Правдѣ общимъ терминомъ «тятьба»; мы уже указывали, что такъ назывались въ нашемъ источникѣ всѣ преступления противъ правъ собственности.

Итакъ, клепъ примѣнялся лишь въ процессѣ объ убійствѣ и о тятьбѣ или имущественныхъ преступленіяхъ. Какова-же была сущность клепа? Что такое клепъ? Поклепъ при тятьбѣ, какъ прямо сказано въ Русской Правдѣ, бываетъ, «оже не будетъ лица»¹⁾, если у обвиняемаго не окажется, поличнаго, то есть, самой украденной вещи. Итакъ, клепъ въ тятьбѣ—обвиненіе безъ наличности предмета иска, прямой и несомнѣнной улики въ преступленіи. Можно ли распространить понятіе о «лицѣ» (поличномъ) и на убійство? Нѣкоторые изслѣдователи считали это возможнымъ и утверждали, что «лицо» при убійствѣ—это трупъ убитаго²⁾. Согласно такому пониманію, процессъ объ убійствѣ въ поклепѣ—это такой процессъ, который начинался безъ наличности трупа убитаго. Но съ такимъ толкованіемъ едва-ли можно согласиться, потому что, во-первыхъ, нельзя и представить себѣ, чтобы процессъ объ убійствѣ начинался безъ наличности трупа, во-вторыхъ, понятіе о поличномъ и въ позднѣйшемъ правѣ усваивается исключительно предмету покражи; такъ, напримѣръ, въ уставныхъ грамотахъ читаемъ: «а поличное то, что вынутъ изъ клѣти изъ за замка; а найдутъ что въ дворѣ или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, ино то не поличное»³⁾,—ясно что тутъ идетъ рѣчь о предметѣ кражи; наконецъ, въ третьихъ, нельзя считать трупъ убитаго поличнымъ уже и по-

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 17.

²⁾ Ламе, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 247.

³⁾ Акты Археографической Экспедиціи, I, № 123, и другія уставныя грамоты.

тому, что поличное — краденое находится у обвиняемого, чего нельзя сказать о трупѣ; такимъ образомъ отождествленіе трупа убитаго съ поличнымъ заключаетъ въ себѣ логическую несообразность. Когда примѣнялся поклепъ при убійствѣ, или, другими словами, что въ процессѣ объ убійствѣ называлось поклепомъ? Для рѣшенія этого вопроса имѣетъ значеніе 60-я статья Троицкаго списка, гдѣ сказано: «А кто порветъ бороду, а въ нѣмѣть знаменіе, а выльзутъ люди, то 12 гривень продажѣ; аже безъ люди, а въ поклепъ, то нѣту продажѣ». Подчеркнутыя слова свидѣлствуютъ, что обвиненіе въ вырваніи клокъ бороды на основаніи однихъ слѣдовъ преступленія, безъ свидѣтелей, называлось поклепомъ. Это *mutatis mutandis* примѣнимо и къ процессу объ убійствѣ: здѣсь трупъ имѣетъ значеніе слѣдовъ преступленія и есть необходимое условіе начала процесса, есть свидѣтели или нѣтъ ихъ ихъ—все равно; но если свидѣтелей нѣтъ, то обвиненіе въ убійствѣ называлось поклепомъ¹⁾.

Мы опредѣлили такимъ образомъ, что поклепомъ при татьбѣ называлось обвиненіе, не основанное на находкѣ поличнаго, а при убійствѣ — обвиненіе, не основанное на показаніи очевидцевъ преступленія. Ближайшее изслѣдованіе, впрочемъ, не позволяетъ остановиться на такомъ опредѣленіи поклепа: отмѣченные нами признаки—чисто отрицательные; необходимо найти признаки положительные: если обвиненіе при поклепѣ не основывалось на показаніяхъ очевидцевъ и находкѣ поличнаго, то, спрашивается, на чемъ же оно основывалось? Честь разрѣшенія этого недоумѣнія принадлежитъ Ланге²⁾; намъ остается только повторить его соображенія. Мы знаемъ изъ 17-й статьи Троицкаго списка, что въ случаѣ поклепа отвѣтчикъ подвергался испытанію желѣзомъ³⁾; но объ испытаніи желѣзомъ говорятъ статьи 81-я и 82-я; поэтому и онѣ имѣютъ отношеніе къ вопросу о поклепѣ. Если испытаніе желѣзомъ имѣло мѣсто именно при поклепѣ, то въ статьяхъ объ этомъ испытаніи должны содержаться указанія на условія поклепа, на его сущность. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: 81-я статья свидѣлствуетъ, что истецъ подвергалъ отвѣтчика испытанію желѣзомъ въ томъ случаѣ, если обвиненіе опиралось на свидѣтельство холопа: «будетъ ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хощетъ истецъ или

¹⁾ См. Демченко, Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей по русскому праву до Петра Великаго, Кіевъ, 1859, стр. 16.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 239—240 у другія.

³⁾ „Тогда дати имъ правду желѣзо“.

иметь и, а река тако (въ Кар. списокѣ: «или иметь нарекать тако»): по сего рѣчи емлю тя, по язъ емлю тя, а не холопъ, и емѣти и на желѣзо»; 82-я статья свидѣтельствуесть въ свою очередь, что испытанію желѣзомъ можно было подвергать также «по свободныхъ людий рѣчи, любо ли запа пань будетъ, любо прохождение нощное», то-есть, по показанію свободныхъ лицъ, въ случаѣ если они выразятъ подозрѣніе по отношенію къ обвиняемому, или засвидѣтельствуютъ, что видѣли его проходящимъ ночью недалеко отъ мѣста преступленія. Такимъ образомъ при испытаніи желѣзомъ необходимы были все таки свидѣтели, только свидѣтели не въ собственномъ смыслѣ слова: то-есть, или свидѣтели-холопы, о которыхъ прямо сказано «а послушства на холопа не складають»¹⁾, или свидѣтели не самого факта преступленія, а лишь постороннихъ обстоятельствъ, наводящихъ только подозрѣніе. Наличность такого рода свидѣтелей и составляетъ, очевидно, положительный признакъ, характеризующій поклепъ, какъ особую форму обвиненія.

Итакъ, поклепомъ называлась такая форма обвиненія, въ которой основаніемъ служило не отысканіе поличнаго и не свидѣтельство очевидцевъ, а показаніе холопа или свободныхъ людей, знавшихъ лишь объ обстоятельствахъ, наводившихъ на подозрѣніе. Короче: поклепъ—обвиненіе по подозрѣнію.

Теперь понятно, почему въ процессѣ объ увѣчьяхъ и преступленіяхъ противъ чести и свободы не могло быть поклена: въ однихъ изъ нихъ, гдѣ самые слѣды, результаты преступленія, ставили фактъ внѣ всякаго сомнѣнія, считалось достаточнымъ свидѣтельство потерпѣвшаго, который, какъ предполагалось, неизбѣжно долженъ былъ видѣть и знать своего обидчика, почему и не могло быть подозрѣнія, а было положительное утвержденіе факта: истецъ тутъ былъ въ то же самое время и свидѣтелемъ—очевидцемъ²⁾; въ другихъ преступленіяхъ противъ личныхъ правъ *всегда* было необходимо свидѣтельство очевидцевъ по той причинѣ, что безъ него самый фактъ обиды признавался весьма сомнительнымъ: понесенный потерпѣвшимъ вредъ могъ легко быть результатомъ одной несчастной случайности³⁾.

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 59.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 18—24.

³⁾ Тамъ же, статьи 25, 60, 61.

II.

Познакомившись съ тѣми способами, какими начинались двѣ составныя части процесса по Русской Правдѣ, слѣдствіе и судъ, перейдемъ къ подробному разсмотрѣнію каждой изъ этихъ частей.

Кто производилъ слѣдствіе въ эпоху Русской Правды? Еще Поповъ указалъ, что оно производилось самимъ истцомъ¹⁾. Съ этимъ мнѣніемъ въ общемъ согласны всѣ, но въ частностяхъ существуютъ разногласія: такъ Ланге, полагавшій, что иногда и княжескіе посадники начинали процессы, думалъ, что въ этомъ случаѣ они же производили и слѣдствіе²⁾; Дювернуа признавалъ необходимость содѣйствія истцу въ слѣдствіи по гражданскимъ дѣламъ въ томъ случаѣ, если оно переходило за предѣлы своего міра, въ чужой городъ³⁾; по г. Стефановскому, наконецъ, и вервь производила слѣдствіе; въ доказательство онъ ссылается на то, что вервь должна иногда платить, а за не вложившагося въ дикую виру не платила; значитъ, она должна была знать преступника, а безъ слѣдствія его знать нельзя; кромѣ того вервь могла и отсочить отъ себя слѣдъ⁴⁾.

Дѣйствительно, въ Русской Правдѣ встрѣчаются многочисленныя и несомнѣнныя указанія на производство слѣдствія самимъ истцомъ. Вотъ эти указанія: если кто-либо потерпѣлъ побои до синяковъ и крови, «то не искати *ему* видока челоуѣкоу томоу»⁵⁾, «то видока *ему* не іскати»⁶⁾: очевидно, что, если кровь и синяки не были послѣдствіемъ побоевъ, то *самъ истецъ* долженъ былъ искать видоковъ: общественная власть не принимала на себя этой обязанности; далѣе всѣ статьи о «сводѣ» показываютъ, что «сводъ» производился самимъ истцомъ: онъ говорилъ «пойди на сводъ, гдѣ еси взялъ» и пр.⁷⁾; самъ истецъ также «закликалъ на торгъ» о пропажѣ принадлежавшей ему вещи или холопа, самъ и «познавалъ» найденную у другого свою вещь⁸⁾.

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 103.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 257.

³⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 173.

⁴⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовного судопроизводства въ исторіи русскаго права, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, за 1873 г. мартъ, стр. 42—43.

⁵⁾ Академическій списокъ, статья 2.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 23.

⁷⁾ Тамъ же, статья 29.

⁸⁾ Тамъ же, статьи 26, 28.

опять изъ его заявленія о потерѣ не вытекала необходимость дѣятельнаго и самостоятельнаго производства слѣдствія властями; затѣмъ при гражданскихъ тяжбахъ, вытекающихъ изъ договоровъ,—купли—продажи, займа,—слѣдствіе производилось тоже самимъ истцомъ: онъ «выводилъ послуховъ» въ доказательство того, что отвѣтчикъ долженъ ему извѣстную денежную сумму¹⁾; отвѣтчикъ, обвиняемый въ покупокъ краденаго, обязанъ былъ самъ вывести «свободна мужа два или мытника»²⁾; мы далѣе имѣемъ свидѣтельство Русской Правды о томъ, что при бѣгствѣ холопа возможенъ былъ случай, «аже кто своего холопа *самъ дасочить*»³⁾. Все это—данныя неоспоримыя. Несомнѣнно однако, что, хотя слѣдствіе и не начиналось никогда, если его не принималъ на себя самъ истецъ, все-таки были случаи, когда ему содѣйствовали существующія власти или общественные союзы. Такъ посадникъ долженъ былъ помогать при поимкѣ бѣглаго холопа, давая истцу отрока⁴⁾; вервь должна была «ѣхать на слѣдъ» или «отсочить его», но не «отбиваться» при поискахъ татя по слѣдамъ⁵⁾; она же была обязана «по верви искати татя», если «будетъ росѣчена земля и ли знамение, имъ же ловлено, или сѣтъ»⁶⁾; наконецъ, вервь искала убійцу, не пойманнаго на мѣстѣ преступленія, хотя и могла отказаться отъ этихъ поисковъ, почему и платила дикую виру⁷⁾. Нельзя однако признать вмѣстѣ съ Ланге, чтобы сами посадники, по собственной инициативѣ, безъ истца, начинали слѣдствіе: это противорѣчить всему, что мы знаемъ о процессѣ по Русской Правдѣ. Невозможно согласиться и съ г. Стефановскимъ, что вервь самостоятельно производила слѣдствіе: она только *помогала* истцу въ его производствѣ, да и то не всегда: если она находила участіе въ слѣдствіи для себя обременительнымъ, то платила продажу или виру, чѣмъ и кончалось дѣло.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: въ краткой Правдѣ встрѣчается замѣчаніе о «емцѣ»; обыкновенно думаютъ, что это княжескій чиновникъ, ловившій преступника, именно вора, такъ какъ въ текстѣ говорится о платежахъ, поступавшихъ княжескимъ чиновникамъ при продажахъ въ 12 и 3 гривны, платившихся

¹⁾ Тамъ же, статьи 43, 46, 47,

²⁾ Троицкій списокъ, статья 32.

³⁾ Тамъ же, статья 108.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Троицкій списокъ, статья 70.

⁶⁾ Тамъ же, статья 63.

⁷⁾ Троицкій списокъ, статья 3.

обыкновенно за имущественныя преступленія (впрочемъ также и за личныя оскорбленія и раны и пр.). Но нигдѣ, ни въ другихъ источникахъ, ни въ другихъ статьяхъ Русской Правды—краткой и пространной,—мы не встрѣчаемся съ княжескимъ чиновникомъ, носившимъ названіе «емца»; характерно кромѣ того, что вмѣсто слова «емець» въ той-же статьѣ раньше употреблено другое выраженіе: «хто изималъ»¹⁾; на этихъ основаніяхъ мы полагаемъ, что «емець» былъ не княжескій чиновникъ, а любой человѣкъ, взявшій на себя добровольно обязанность участвовать въ поимкѣ преступника и дѣйствительно его поймавшій. Припомнимъ, что и въ пространной Правдѣ говорится о платежѣ частнымъ лицамъ «за переемъ» бѣлаго раба²⁾.

Относительно *состава* слѣдствія Поповъ высказалъ такое мнѣніе: слѣдствіе слагалось изъ слѣдующихъ актовъ: прежде всего истецъ вмѣстѣ съ свидѣтелями и съ понятыми — «съ чужими людьми, а съ послухы» — по признакамъ преступленія искалъ, гдѣ находится вещь; впрочемъ еще передъ этимъ онъ закликалъ на торгу о пропажѣ вещи; потомъ производился сводъ, то-есть очная ставка³⁾. Слова Попова не вполне ясны; именно неизвѣстно, считаетъ ли онъ необходимымъ *всегда* такой составъ слѣдствія, или таковъ его ходъ только при процессѣ по преступленіямъ противъ правъ собственности? Другіе изслѣдователи ограничивали значеніе этихъ моментовъ слѣдствія лишь определеннымъ кругомъ дѣлъ: поиски преступника по признакамъ преступленія бывали, по мнѣнію Калачова⁴⁾, лишь въ дѣлахъ о покражѣ бобра и выдраніи пчель, а по Ланге⁵⁾, вообще при всякой кражѣ, при которой найдены слѣды преступленія. Закличка на торгу происходила, по взгляду Калачова⁶⁾, при воровствѣ кражѣ, Ланге же полагаетъ, что при противозаконномъ пользованіи чужимъ имуществомъ; доказывая это, онъ ссылается на 28-ю статью Троицкаго списка: «тутъ рѣчь идетъ о потерѣ и находкѣ, какъ видно изъ суммы продажи—3 гривны, тогда какъ коневый тать подвергался потоку⁷⁾»; да и сказано: «аче кто конь *погубить*», а Правда различаетъ понятія «погубить» и «украсть»

1) Академическій списокъ, статья 41.

2) Троицкій списокъ, статья 107.

3) Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 104.

4) Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV.

5) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 236.

6) Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV, объясненіе статей СXXXIII и СXXXIV.

7) Троицкій списокъ, статья 30.

(см. Троицкій списокъ, статью 29-ю); въ 10-й статьѣ Академическаго списка и въ 26-й Троицкаго говорится о передержательствѣ бѣглаго холопа, ибо за кражу холопа платилось 12, а не 3 гривны (Троицкій списокъ, статья 34-я; Карамзинскій списокъ, статья 35-я)¹⁾. Наконецъ, сводъ, по общему мнѣнію, примѣнялся лишь въ дѣлахъ о воровствѣ—кражѣ, при томъ тогда, когда лицо, у котораго найдено краденое, указывало на другого человѣка, продаващаго ему краденый предметъ. Подробности свода Калачовъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ: сводъ при кражѣ вещи или челядина примѣнялся только тогда, когда не было залички на торгу; въ предѣлахъ одного города при искѣ о вещи сводъ идетъ до конца, а за чертой города до третьяго свода, т. е. до третьяго отвѣтчика; при искѣ о челядинѣ и въ предѣлахъ одного города сводъ шель до третьяго отвѣтчика; изъ своего города въ чужую землю свода не было²⁾. Ланге не вполне раздѣляетъ этотъ взглядъ: по его мнѣнію, правила о сводѣ были одинаковы, челядинъ ли или вещь была украдена, ибо надо читать не «по конамъ» и не «по кунамъ», а «по кономъ», т. е. по закону, изложенному въ 31-й статьѣ Троицкаго списка; «третій сводъ» за чертой города появился лишь съ Изяслава, а при Ярославѣ 3-й сводъ былъ при всѣхъ кражахъ *въ чертѣ* города; онъ отмѣненъ Изяславомъ, какъ тяжелый для тѣхъ, кого вели на сводъ; 35-я статья Троицкаго списка показываетъ, что сводъ нельзя вести въ чужую землю, т. е. въ другое посадничество³⁾. Ланге указываетъ еще два составныхъ элемента слѣдствія: исканіе свидѣтелей и испытаніе отвѣтчика желѣзомъ и водой, съ разрѣшенія власти, и клятвой⁴⁾. Этотъ же изслѣдователь вполне правильно старается опредѣлить особенности процесса въ дѣлахъ о разныхъ преступленіяхъ. Эту же точку зрѣнія должны усвоить и мы въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Слѣдствія, какъ особой части процесса, совершенно не было только при одномъ видѣ преступленій, именно при побояхъ до синяковъ и крови: потерпѣвшій прямо являлся на судъ съ знаками побоевъ и указывалъ на личность отвѣтчика, не подтверждая своего обвиненія ни свидѣтельскими показаніями, ни другими судебными доказательствами: «аже придетъ кровавъ мужъ

¹⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 229, 230.

²⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV, объясненіе статей CXXV, CXXVI, CXXVII, CXXVIII.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 230, 231, 233, 234, 235.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 257.

на дворъ, или синь, то видока ему не іскати» ¹⁾), говоритъ Русская Правда. Ланге думаетъ, что свидѣтелей въ такомъ случаѣ искалъ обвиняемый ²⁾). Но текстъ источника не представляетъ никакихъ данныхъ въ пользу такого взгляда. Слова «аче же и кровавъ придетъ іли будетъ самъ почаль, а выльзутъ послуси, то то ему за платежь, оже и били» ³⁾) вовсе не указываютъ на представленіе свидѣтелей отвѣтчикомъ, обвиняемымъ въ нанесеніи побоевъ до синяковъ и крови, съ цѣлью оправдать себя именно по этому дѣлу, т. е. отвергнуть фактъ нанесенія имъ такихъ побоевъ. Тутъ говорится о совершенно новомъ дѣлѣ, о новомъ обвиненіи: отвѣтчикъ по дѣламъ о побояхъ, послѣ которыхъ остались знаки, могъ въ свою очередь выступить истцомъ, обвиняя потерпѣвшаго въ томъ, что онъ началъ драку; въ доказательство справедливости этого иска онъ и выводилъ свидѣтелей, *какъ обвинитель*; но, какъ обвиняемый въ дѣлѣ о нанесеніи побоевъ до синяковъ и крови, онъ не могъ выставять свидѣтелей.

Весьма несложно было слѣдствіе и по ряду другихъ преступленій: по преступленіямъ противъ здоровья и чести, по дѣламъ объ убійствѣ, когда отвѣтчикъ извѣстенъ, наконецъ, при поимкѣ татя на мѣстѣ преступленія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдствіе заключалось лишь въ томъ, что истецъ заручался свидѣтелями—очевидцами, которыхъ и долженъ былъ представить на судъ. Относительно преступленій противъ здоровья и чести это удостоверяется слѣдующими мѣстами Русской Правды: при побояхъ, «аче ли не будетъ на немъ знаменія, то *привести ему видокъ*: слово противу слова» ⁴⁾); «аче же и кровавъ придетъ іли будетъ самъ почаль, а *выльзутъ послуси*, то то ему за платежь, оже и били» ⁵⁾); «аче попхнеть мужъ мужа, либо къ себѣ, либо отъ себе, либо по лицу оударить, ли жердью оударить, а *видока два выведутъ*, то 3 гривны продажи» ⁶⁾); что тутъ вездѣ свидѣтелей выставляетъ обвинитель,—это видно изъ прямого указанія 23-й статьи Троицкаго списка: здѣсь ясно сказано, что свидѣтелей долженъ представить тотъ, на комъ «не будетъ знаменія» отъ побоевъ, но кто выступитъ обвинителемъ; затѣмъ въ 25-й статьѣ того же списка объ отвѣтчикѣ говорится въ единственномъ

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 23.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 253.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 23.

⁴⁾ Тамъ же,

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 25.

числѣ: «попѣхнеть», «оударить», а затѣмъ читаемъ: «а видока два *выведуть*»: подлежащее, очевидно, другое, здѣсь подразумѣвается истецъ. Конецъ этой послѣдней статьи на первый взглядъ не вполне понятенъ; сказано: «аже будетъ варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идета на роту»; въ краткой Правдѣ яснѣе: «или боудеть варягъ или колбягъ, то на ротоу»¹⁾. Ланге объясняетъ эту статью вполне правильно: обыкновенно при такомъ обвиненіи необходимы свидѣтели, но варягъ или колбягъ не представляли свидѣтелей, а шли на роту, подтверждали свой искъ присягой; онъ измѣняетъ поэтому текстъ пространной Правды слѣдующимъ образомъ: «аще будетъ варягъ или колбягъ, *иде* (то-есть, «тамъ гдѣ») полная видока вывести (=слѣдуетъ выводить), идета на роту»²⁾. Намъ кажется, однако, что смыслъ статьи почти не измѣнится, если мы не будемъ прибѣгать къ передѣлкамъ текста и переведемъ его буквально: «если потерпѣвшими будутъ варягъ или колбягъ, то выведутъ полное число свидѣтелей и присягаютъ», то-есть, если есть свидѣтели въ полномъ числѣ—мы, вопреки Дубенскому³⁾, думаемъ, что не семь, а два свидѣтеля, — то варягъ и колбягъ могутъ на нихъ ссылаться при обвиненіи, а если свидѣтелей нѣтъ, то эти лица могутъ доказать справедливость своего иска и присягой.

Мы не имѣемъ прямыхъ указаній нашего источника на необходимость свидѣтелей при обвиненіи опредѣленнаго лица въ убійствѣ. Нельзя однако же не признать, что такое обвиненіе было возможно, и что для него необходимы были свидѣтели: недаромъ въ Правдѣ мы встрѣчаемъ выраженіе «оже безъ люди, а въ поклепѣ»⁴⁾: оно свидѣтельствуетъ, что бывали случаи, когда «люди», то-есть, свидѣтели, были на лицо. Притомъ обвинять опредѣленное лицо въ убійствѣ безъ поклепа могъ только или очевидецъ преступленія, если онъ былъ родственникъ убитаго, или тотъ, кто основывался на показаніяхъ очевидцевъ. Нельзя же допустить, что во времена Русской Правды всѣ процессы объ убійствѣ начинались поклепомъ, то-есть, обвиненіемъ по подозрѣнію, основаннымъ не на показаніяхъ очевидцевъ, а на свидѣтельствѣ холопа (хотя бы и очевидца) или свободныхъ людей, знавшихъ о постороннихъ обстоятельствахъ, которыя навели на подозрѣніе. Несомнѣнно, бывали случаи убійства при свидѣтеляхъ, на что косвенно указываетъ и нашъ источникъ,

¹⁾ Тамъ же; Академическій списокъ, статья 9.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 254.

³⁾ Русскія Достопамятности, часть 2-я, стр. 69, прим. 28.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 60.

говоря объ убійствѣ «въ свадѣ или въ пиру *явлено*»¹⁾), то-есть, открыто, на глазахъ у другихъ.

«Аще оубьютъ татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубить; оже ли до свѣта держать, то вести его на княжъ дворъ; а ожели оубьютъ, *а люди боудутъ видѣли связанъ*, то платити въ немъ»²⁾). Вотъ статья краткой Правды, имѣющая себѣ соотвѣтствующую и въ Правдѣ пространной³⁾). Подчеркнутыя слова прямо указываютъ, что при обвиненіи въ этомъ преступленіи—мы говоримъ о татѣбѣ—необходимы были свидѣтели со стороны обвинителя; правда, эти слова въ сущности относятся тутъ къ другому обвиненію: къ дѣлу о незаконномъ убійствѣ уже связаннаго вора, но вѣдь они указываютъ также, что «люди» присутствовали, когда воръ былъ пойманъ и связанъ, то-есть, могли быть и свидѣтелями въ пользу того, кто обвинялъ въ воровствѣ; были, очевидно, и люди, удостовѣрившіе своимъ показаніемъ, что татъ убитъ на дворѣ, у клѣти, у хлѣва, вообще «у татѣбы».

Нѣсколько сложнѣе вопросъ о слѣдствіи по такимъ дѣламъ о «татѣбѣ», гдѣ поличное найдено, но преступникъ не былъ пойманъ на мѣстѣ преступления. Вопросъ усложняется еще вслѣдствіе извѣстной широты понятія «татѣба» въ Русской Правдѣ. Въ этомъ, быть можетъ, коренится причина разногласія Калачова и Ланге по вопросу о закличѣ на торгу. Характерно и, если не ошибаемся, не отмѣчено въ литературѣ, что въ краткой Правдѣ нѣтъ ни слова объ этой закличѣ. По пространному тексту нашего источника заповѣдывали или закликали на торгу въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, если «челядинъ скрывается»⁴⁾, во-вторыхъ «аче кто конь погубить, или оружье, или портъ»⁵⁾. При этомъ въ обоихъ этихъ случаяхъ не упоминается о сводѣ, а истецъ, узнавъ своего челядина въ «третий день» послѣ заклички на торгу, или узнавъ своего коня, оружіе или одежду «послѣ», «въ своемъ городѣ», беретъ ему принадлежащее, а тотъ, у кого оно найдено, платитъ 3 гривны продажи⁶⁾. На первый взглядъ кажется по этимъ статьямъ, что при *потерѣ* вещи или холопа была закличка на торгу, но свода не было. Однако сводъ былъ при потерѣ, такъ какъ въ 29-й статьѣ Троицкаго

¹⁾ Тамъ же, статья 4.

²⁾ Академическій списокъ, статья 38.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 36.

⁴⁾ Тамъ же, статья 26.

⁵⁾ Тамъ же, статья 28.

⁶⁾ Тамъ же, статья 26 и 28.

списка сказано: «аже кто познаеть свое, что будетъ *погубилъ*... то не рци и: се мое; но поиди на сводъ, кдѣ есть взять» ¹⁾. Слѣдовательно, и при потерѣ вещи или холопа былъ возможенъ сводъ, хотя иногда его и не было. Когда же именно? На это можно дать только одинъ отвѣтъ: свода не бывало только тогда, когда пойманный съ краденымъ или потеряннымъ не ссылался ни на какое другое лицо, у котораго онъ это купилъ, признавалъ себя первымъ незаконнымъ владѣльцемъ спорной вещи. Отмѣтимъ еще ту подробность, что, когда скроется челядинъ, то уголовныя послѣдствія его находки у другого лица послѣ заклички на торгу наступали для этого лица лишь въ томъ случаѣ, если прошло три дня; мы думаемъ, что это надо понимать именно такъ: если скрывшагося холопа находили до истеченія трехъ дней послѣ объявленія на торгу, то тотъ, у кого его находили, не платилъ продажи; если же по истеченіи этого срока, то продажа платилась имъ; въ обоихъ случаяхъ холопъ возвращался хозяину.

Итакъ слѣдствіе по дѣламъ о потерѣ вещей состояло въ закличкѣ на торгу и, въ случаѣ ссылки задержаннаго съ потеряннымъ предметомъ на фактъ покупки имъ этого предмета у третьяго лица, въ сводъ; такая ссылка не допускалась при находкѣ скрывшагося холопа, если со времени объявленія на торгу прошло меньше трехъ дней, но въ этомъ случаѣ не платилась и продажа.

Спрашивается: было ли необходимо объявленіе на торгу при воровствѣ—кражѣ? Выраженія «скрыться», «погубить» какъ будто указываютъ на бѣгство холопа и потерю вещи, но они все-таки достаточно общи и неопредѣленны, чтобы подозрѣвать подъ ними и кражу. Притомъ, не находя у себя своего холопа или своей вещи, и не имѣя въ то же время никакихъ доказательствъ, что они украдены, могъ ли однако хозяинъ ихъ быть увѣреннымъ, что они именно потерялись, а не похищены? Мы думаемъ, что такой увѣренности быть не могло, и, слѣдовательно, Калачовъ правъ, что объявленіе на торгу дѣлалось и при татѣбѣ,—по крайней мѣрѣ тогда, когда нѣтъ прямыхъ указаній на фактъ этого преступленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что и при кражѣ или находкѣ краденаго сводъ не всегда былъ составнымъ элементомъ слѣдствія: онъ примѣнялся и здѣсь только тогда, когда пойманный съ краденымъ показывалъ, что вещь имъ куплена у такого-то лица; если же онъ такого показанія не давалъ, слѣдствіе заканчивалось представле-

¹⁾ Тамъ же, статья 29.

ніемъ его на судъ. Конечно, такіе случаи бывали: вѣдь нельзя же допустить, что при находкѣ краденаго всегда оказывалось, что оно не у вора, а куплено лицомъ, у котораго найдено.

Остается опредѣлить составъ слѣдствія при убійствѣ, когда очевидцевъ не было и преступникъ неизвѣстенъ, и при имущественныхъ преступленіяхъ, слѣды совершенія которыхъ были замѣтны, а личности преступника не знали. Результатомъ слѣдствія въ этихъ случаяхъ, какъ мы уже говорили, былъ поклевъ. Но какимъ путемъ доходили до этого результата?

Положимъ, находилось мертвое тѣло. Если убитый былъ чловѣкъ никому неизвѣстный, никакого слѣдствія и суда не было, никто не отвѣчалъ ¹⁾, по той простой причинѣ, что ни одинъ процессъ въ Русской Правдѣ безъ истца не начинался, а истцомъ могъ быть только родственникъ убитаго. Но если личность убитаго опредѣлялась, его родственники выступали въ качествѣ истцовъ и требовали отъ верви, въ предѣлахъ которой совершено убійство, чтобы она помогла имъ при поискахъ убійцы. Не желая помогать, вервь платила дикую виру, и тѣмъ дѣло кончалось ²⁾. Но если вервь содѣйствовала истцу, то съ ея помощью онъ могъ найти, на примѣръ, лицъ, видѣвшихъ кого-либо проходящимъ ночью около мѣста преступленія ³⁾; въ такомъ случаѣ въ слѣдствіе вмѣшивался этотъ обвиняемый и искалъ «послуховъ», свидѣтелей о его добромъ поведеніи ⁴⁾; это было заключительнымъ актомъ слѣдствія; далѣе начинался судъ. «Послуховъ» должно было представить въ количествѣ семи чловѣкъ ⁵⁾.

Допустимъ теперь, что совершено воровство или другое преступленіе противъ правъ собственности, но нѣтъ налицо преступника, онъ на мѣстѣ преступленія пойманъ не былъ. Преступленіе должно вѣдь все-таки было оставить слѣды; по этимъ слѣдамъ истецъ и шелъ съ чужими людьми, съ послухами; если слѣдъ приводилъ къ какому-нибудь поселенію или къ чьей-либо движимости, то лица, которымъ принадлежало это, должны были «отсочить», отвести отъ себя слѣдъ; въ противномъ случаѣ они признавались виновными и платили частное вознагражденіе и уголовный штрафъ; но они могли и отвести отъ себя слѣдъ и доказать виновность другихъ ⁶⁾. Тутъ, слѣдовательно, поклепа

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 15.

²⁾ Тамъ же, статья 3.

³⁾ Тамъ же, статья 82.

⁴⁾ Тамъ же, статья 15.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 70.

не было, а было прямое обвиненіе, не по подозрѣнію. Слѣдствіе такого рода могло окончиться безрезультатно, прекращеніемъ дѣла, если слѣдъ приводилъ къ большой торговой дорогѣ, гдѣ не было поселенія, или къ пустому мѣсту ¹⁾. Но и при имущественныхъ преступленіяхъ могли оказаться свидѣтели «запы», наводившіе подозрѣніе на извѣстное лицо, видѣвшіе его, напримѣръ, проходящимъ ночью близъ мѣста преступленія; тогда обвиняемый въ свою очередь искалъ семи послуховъ, свидѣтелей его добраго поведенія, чѣмъ и заключалось слѣдствіе.

Таковъ былъ, по нашему мнѣнію, составъ слѣдствія. Нельзя поэтому согласиться съ Ланге, указывающимъ, что въ составъ слѣдствія входило испытаніе желѣзомъ, водой и клятвой.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о сводѣ. Нельзя принять мнѣніе Ланге, что при Ярославѣ третій сводъ, то-есть, сводъ до третьяго продавца краденой вещи, былъ при всѣхъ кражахъ въ чертѣ города. Краткая Правда говоритъ о сводѣ до третьяго продавца только при находкѣ истцомъ своего челядина ²⁾, по отношенію же къ другимъ краденымъ предметамъ она совсѣмъ не знаетъ этого ограниченія: сводъ тутъ, повидимому, продолжался до конца и оригинальной чертой краткой Правды надо считать лишь то, что обвиняемый могъ отсрочить сводъ на пять дней, давъ поручителей за себя: «аще познаетъ кто, не емлетъ его, то не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: поидти на сводъ, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то пороучника за пять днѣи» ³⁾. Относительно челядина въ пространной Русской Правдѣ нѣтъ ничего новаго сравнительно съ краткимъ текстомъ ⁴⁾. Но о сводѣ при кражѣ другихъ предметомъ находимъ новыя постановленія: если сводъ идетъ «по землямъ», то-есть, внѣ города, но въ его волости, то истецъ идетъ только до третьяго свода; третій отвѣтчикъ платитъ истцу деньгами за поличное, а съ поличнымъ самъ идетъ до конца свода; но истецъ не получаетъ вознагражденія за то, что было у него украдено вмѣстѣ съ найденнымъ поличнымъ; только послѣ отысканія «конечнаго татя» истецъ вознаграждался полнотью, третій отвѣтчикъ получалъ свои деньги, а «конечный тать» платилъ, кромѣ частнаго вознагражденія, еще и продажу ⁵⁾.

«А и — своего города въ чюжо землю свода нѣтуть» ⁶⁾, сви-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Академическій списокъ, статья 15.

³⁾ Тамъ же, статья 13.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 33.

⁵⁾ Тамъ же, статья 31.

⁶⁾ Тамъ же, статья 35.

дѣтельствуеъ нашъ источникъ. Это можно понимать только въ томъ смыслѣ, что сводъ нельзя было вести въ волость другого города.

Еще одно небольшое замѣчаніе; напрасно Ланге въ 33-й статьѣ Троицкаго списка предлагаетъ читать «покономъ», то-есть, по закону, изложенному выше, въ 31-й статьѣ, и утверждаетъ на этомъ основаніи, что правила о сводѣ при находкѣ украденнаго челядина были тѣ же, что и при находкѣ другихъ краденыхъ предметовъ. Конечно, нельзя принять чтеніе «по конамъ» и объясненіе «по словеснымъ судамъ», предлагаемое Болтинымъ ¹⁾—никакихъ словесныхъ судовъ во времена Русской Правды не было,—но почему бы не оставить такъ, какъ сказано въ текстѣ Троицкаго списка: «по кунамъ»? Смыслъ статьи при такомъ чтеніи совершенно ясенъ. Сказано: «аще познаетъ кто челядинъ свои оукраденъ, а пойметъ и, то оному вести и *по кунамъ* до 3-го свода» ²⁾. Это значитъ: «если кто-нибудь узнаетъ своего украденнаго холопа и возьметъ его, то ему вести его *по деньгамъ, то-есть по лицамъ, послѣдовательно продавшимъ его*, до третьяго свода».

III.

Что касается до самаго *суда*, этой второй составной части процесса, то и тутъ между различными изслѣдователями существуютъ немаловажныя разногласія. Вопросъ о томъ, кто производилъ судъ во времена Русской Правды, неудобно разсматривать внѣ связи съ государственнымъ устройствомъ по нашему источнику. Поэтому мы оставимъ его пока безъ разрѣшенія, а займемся характеристикой судопроизводства.

О ходѣ судоговоренія подробныя указанія находимъ у одного только Ланге. По его мнѣнію, судъ состоялъ, во-первыхъ, въ повѣркѣ слѣдствія, слагавшейся изъ допроса истца и отвѣтчика, допроса свидѣтелей, испытанія желѣзомъ и водой и роты или клятвы, во-вторыхъ, въ произнесеніи приговора ³⁾.

Формула эта въ общемъ вѣрно передаетъ сущность дѣла, любопытны и вѣрны и отдѣльныя замѣчанія Ланге объ особенностяхъ судоговоренія по различнымъ дѣламъ, въ зависимости отъ характера преступленій и состава слѣдствія, такъ что сравни-

---

¹⁾ „Правда Русская“, изданная любителями отечественной исторіи, Москва, 1799, стр. 41—43.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 33.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 257.

тельно небольшое надо измѣнить въ его взглядахъ, но относительно этой общей формулы необходимо сказать, что ни въ одномъ процессѣ не было соединенія въ одно время и допроса свидѣтелей, и испытанія желѣзомъ, и испытанія водой, и клятвы. Смыслъ этого замѣчанія будетъ вполне ясенъ изъ дальнѣйшаго изложенія, при которомъ мы будемъ держаться того же порядка, какой соблюдали при изученіи состава слѣдствія.

При побояхъ до синяковъ и крови судъ состоитъ въ томъ, что судьи свидѣтельствовали истца, убѣждались, что синяки и кровь дѣйствительно были на его тѣлѣ. Затѣмъ произносился приговоръ ¹⁾. Ни допроса свидѣтелей, ни допроса отвѣтника, ни испытанія желѣзомъ и водой, ни, наконецъ, клятвы тутъ не требовалось. Поклепа при этомъ также не могло быть.

Судъ по преступленіямъ противъ здоровья и чести, по тѣмъ дѣламъ объ убійствѣ, въ которыхъ отвѣтникъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, наконецъ при тѣхъ, если опять-таки были очевидцы ея, состоялъ только въ допросѣ истца и свидѣтелей-очевидцевъ, которые должны были дать показаніе «слово противу слова», то-есть, вполне согласно между собою и съ показаніемъ истца ²⁾.

Мы не будемъ здѣсь приводить подлиннаго текста относящихся сюда статей источника: это уже сдѣлано нами при обзорѣ слѣдствія по этимъ преступленіямъ, куда и отсылаемъ читателя. Тамъ же доказано, что свидѣтелей въ этихъ дѣлахъ всегда составлялъ только обвинитель, истецъ, а не отвѣтникъ. Это очень важно, такъ какъ указываетъ, что показанія свидѣтелей-очевидцевъ не могли быть оспариваемы, и что отвѣтника даже и не допрашивали при судоговореніи по этимъ дѣламъ. Какъ было уже указано, въ одномъ случаѣ, именно при оскорбленіи, нанесенномъ варягу или колбягу, могло не быть свидѣтелей; истецъ шелъ на роту, присягой утверждалъ справедливость своего обвиненія, и эта присяга, повидимому, тоже считалась доказательствомъ, безусловно внушавшимъ довѣріе и спору не подлежащимъ ³⁾. Итакъ судъ по означеннымъ дѣламъ состоялъ въ показаніяхъ истца, въ показаніяхъ свидѣтелей, въ одномъ случаѣ замѣнявшихся присягой истца, и въ произнесеніи приговора.

Когда скрывшагося холопа находили до истеченія трехъ дней послѣ объявленія на торгу, тогда и суда совсѣмъ не было, такъ какъ и преступленія не было: продажа не платилась, а хозяинъ

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 23.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 25.

холопа просто бралъ его себѣ ¹⁾. Но при находкѣ какой-либо другой краденой вещи или при находкѣ холопа, если послѣ объявленія о его бѣгствѣ прошло болѣе трехъ дней, истецъ удостовѣрялъ на судѣ фактъ находки ихъ у даннаго лица и фактъ своего объявленія на торгу, вѣроятно, показаніемъ свидѣтелей, ссылаясь при этомъ на то, что отвѣтчикъ не указывалъ на покупку имъ спорной вещи или холопа ²⁾. Послѣ этого слѣдовалъ судебный приговоръ. Опять не встрѣчаемся съ оспариваніемъ доказательствъ истца со стороны отвѣтника.

Въ случаѣ свода, дѣло не мѣнялось: сводъ—актъ внѣ-судебный и на судѣ представлялся только конечный татъ. Точно также, когда результатомъ слѣдствія было отысканіе татя по слѣдамъ, судоговореніе не отличалось сложностью: «чужіе люди», «послухи», шедшіе по слѣду вмѣстѣ съ истцомъ, удостовѣряли, что слѣдъ привелъ къ извѣстному мѣсту; затѣмъ слѣдовало судебное рѣшеніе ³⁾.

Нѣсколько сложнѣе былъ судъ при покленѣ: сначала выслушивалось показаніе истца; затѣмъ слѣдовалъ допросъ свидѣтелей «запы», то-есть, лицъ, свидѣтельствующихъ о второстепенныхъ обстоятельствахъ, наводящихъ на подозрѣніе ⁴⁾; эти свидѣтели «запы» выставлялись истцомъ; далѣе отвѣтчикъ представлялъ семь или, если онъ былъ варягъ или колбягъ, двухъ свидѣтелей своего добраго поведенія, «послуховъ» ⁵⁾, или, если таковыхъ не находилось, подвергался испытанію желѣзомъ — при убійствѣ и разныхъ видахъ татѣбы, если искъ въ послѣднемъ случаѣ былъ не ниже, чѣмъ на полугривну золота, — испытанію водой—при татѣбѣ выше 2 гривень кунъ, но ниже полугривны золота, — или, наконецъ, долженъ былъ присягать—при татѣбѣ на сумму ниже двухъ гривень кунъ. Мы ограничиваемся и здѣсь простыми ссылками на относящіяся сюда статьи Русской Правды, такъ какъ всѣ онѣ уже цитировались выше. Приведемъ только одну статью, которая подтверждаетъ сказанное объ испытаніяхъ желѣзомъ и водой и о присягѣ: «искавшѣ ли послуха не налѣзутъ, а істыця начнеть головою клепати, тогда дати імъ правду желѣзо; такоже и во всѣхъ тяжахъ въ татѣбѣ — и въ покленѣ, оже не будетъ лица,—то тогда дати ему желѣзо изъ неволи до полу-

---

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 26.

²⁾ Тамъ же, статья 26 и 28.

³⁾ Тамъ же, статья 70.

⁴⁾ Тамъ же, статья 82.

⁵⁾ Тамъ же, статья 15.

гривны золота; оже ли менѣ, то на воду, оли то до двухъ гривень, аже мене, то ротѣ ему ити по своѣ кунѣ»¹⁾.

Итакъ, одинъ только видъ судебныхъ доказательствъ подвергался оспариванію противной стороны: показаніе свидѣтелей, указывающихъ на обстоятельства, которыя наводятъ на подозрѣніе. Это и понятно: такіе свидѣтели, даже въ тѣ времена формальнаго отношенія къ судебнымъ доказательствамъ, не могли внушить безусловное довѣріе. Мы познакоимся съ взглядами на этотъ вопросъ при подробномъ разборѣ отдѣльных видовъ судебныхъ доказательствъ.

Въ чемъ состоялъ судъ по гражданскимъ дѣламъ? При искѣ о нарушеніи правъ наслѣдниковъ и опекаемыхъ, о растратѣ ихъ имущества опекуномъ, истцы представляли на судъ послуховъ, при которыхъ сдано было имѣніе опекуну: объ этомъ свидѣлствуютъ подлинныя слова Русской Правды: «на неже и людіе выльзуть»²⁾. Задачи суда заключались такимъ образомъ въ томъ, чтобы выслушать показанія этихъ послуховъ и постановить приговоръ. Никакихъ возраженій отвѣтчикъ дѣлать не могъ, ему не принадлежало право выставять свои доказательства противъ доказательствъ, представленныхъ истцомъ. Вполнѣ вѣрно такимъ образомъ понималъ составъ судебного разбирательства по гражданскимъ спорамъ о наслѣдствѣ Калачовъ³⁾.

Гражданскія тяжбы, вытекавшія изъ нарушенія договора купли-продажи, въ отношеніи состава судоговоренія о нихъ не могутъ быть подведены всѣ подъ одну норму. При искѣ о покупкѣ краденаго по невѣдѣнію отвѣтчикъ долженъ былъ удостовѣрить фактъ этой покупки ссылкой на двухъ свободныхъ послуховъ или мытника⁴⁾: весь судъ, слѣдовательно, и состоялъ въ ихъ опросѣ. Другое дѣло—искъ о покупкѣ по невѣдѣнію бѣжавшаго отъ своего господина или уведеннаго другимъ лицомъ холопа. Здѣсь, кромѣ, вѣроятно, свидѣтельскихъ показаній, удостовѣрившихъ фактъ покупки, требовалась присяга отвѣтчика въ томъ, что эта покупка сдѣлана имъ по невѣдѣнію⁵⁾. Общій признакъ, характеризующій судебное разбирательство по дѣламъ, возникшимъ изъ договора купли-продажи, заключается въ томъ, что обязанность представлять доказательства лежала на отвѣтчикѣ: съ подобнымъ явленіемъ въ уголовномъ процессѣ мы встрѣтились только одинъ

¹⁾ Тамъ же, статья 17.

²⁾ Тамъ же, статья 97.

³⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV.

⁴⁾ Троицкій списокъ, статья 32.

⁵⁾ Тамъ же, статья 112.

разъ—при поклепѣ, да и то истецъ тамъ также представлялъ свои доказательства. Впрочемъ, все-таки въ данномъ случаѣ много сходнаго съ поклепомъ: вѣдь и здѣсь вслѣдствіе находки вещи или холопа у отвѣтчика на него падало подозрѣніе въ преступленіи; онъ очищался отъ него клятвой, не прибѣгая къ свидѣтелямъ о его добромъ поведеніи,—въ этомъ все отличіе отъ процесса при поклепѣ въ уголовныхъ дѣлахъ.

При отказѣ въ платежѣ долга истецъ долженъ выставить въ доказательство справедливости своихъ претензій послуховъ¹⁾; только при спорѣ о займѣ ниже 3 гривенъ кунъ²⁾ очищался отъ обвиненія отвѣтчикъ—посредствомъ присяги. Одна только присяга отвѣтчика необходима была и тогда, когда отдавшій вещь на храненіе обвинялъ хранившаго ее, что онъ похитилъ часть хранимаго имущества³⁾; за этой присягой слѣдовалъ приговоръ. Тотъ же порядокъ судоговоренія существовалъ и при тяжбахъ, возникшимъ между членами коммандитныхъ товариществъ⁴⁾.

Въ другихъ гражданскихъ правонарушеніяхъ обязанность представлять доказательства лежала или на истцѣ—и въ этомъ случаѣ доказательства состояли, вѣроятно, въ свидѣльскихъ показаніяхъ—или на отвѣтчикѣ—и тогда доказательствомъ была присяга. Первое, надо думать, имѣло мѣсто при порчѣ чужого имѣнія⁵⁾, при тяжбахъ объ убыткахъ, причиненныхъ хозяину закупомъ⁶⁾, при искахъ о помощи бѣглому холопу⁷⁾, какъ и объ его упущеніи⁸⁾, при кражѣ, совершенной холопомъ⁹⁾. Второе, какъ объ этомъ прямо свидѣлствуетъ Русская Правда, примѣнялось тогда, когда кто-либо, встрѣтивъ бѣглаго холопа и не зная, что онъ бѣглый, покажетъ ему дорогу или будетъ держать у себя: «аже кто, не вѣдая, чюжь холопъ оусрячетъ или повѣсть дѣть, любо держитъ и оу себе, а идетъ отъ него, то *ити ему ротъ*, яко не вѣдалъ есмь, оже естъ холопъ, а платежа въ томъ нѣтуть»¹⁰⁾.

Такимъ образомъ ходъ судебного разбирательства по гражданскимъ дѣламъ сводился къ двумъ типамъ: въ большинствѣ случаевъ судъ состоялъ въ опросѣ свидѣтелей, представленныхъ

¹⁾ Тамъ же, статьи 43, 46, 47.

²⁾ Троицкій списокъ, статья 47.

³⁾ Тамъ же, статья 45.

⁴⁾ Тамъ же, статья 44.

⁵⁾ Академическій списокъ, статья 17.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статьи 53, 54.

⁷⁾ Тамъ же, статья 106.

⁸⁾ Тамъ же, статья 107.

⁹⁾ Тамъ же, статьи 42, 56, 115.

¹⁰⁾ Тамъ же, статья 109.

истцомъ, и произнесеніи приговора, менѣе часто въ допросѣ сторонѣ, присягѣ отвѣтчика и судебномъ рѣшеніи. Калачовъ ¹⁾ и г. Дювернуа ²⁾ поэтому въ общемъ вѣрно понимали ходъ гражданскаго процесса по Русской Правдѣ, но никакъ нельзя согласиться съ г. Стефановскимъ, который утверждаетъ, что послухоу въ гражданскихъ тяжбахъставляли обѣ стороны, но присягали послухи той стороны, которой выпалъ жребій ³⁾: ни одно слово источника не подтверждаетъ этого предположенія.

IV.

Перейдемъ теперь къ подробному разбору отдѣльныхъ судебныхъ доказательствъ. Прежде всего—о свидѣтельскихъ показаніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пространство примѣненія этого судебного доказательства было весьма обширно. Нѣкоторые изслѣдователи, какъ г. Пахманъ ⁴⁾ и Ланге ⁵⁾, хотя и не отвергаютъ этого, однако выдвигаютъ на первый планъ еще сознаніе отвѣтчика. Выше было подробно указано, въ какихъ дѣлахъ примѣнялись свидѣтельскія показанія. Поэтому мы повторимъ только вкратцѣ тѣ выводы, въ которомъ мы пришли, и которые, за немногими исключеніями, сдѣланы еще въ предшествующей литературѣ о Русской Правдѣ. Свидѣтельскія показанія употреблялись при разборѣ дѣлъ о преступленіяхъ противъ здоровья и чести (кромѣ побоевъ до синяковъ и крови), объ убійствѣ и всѣхъ видахъ татбы, будетъ ли обвиненіе въ поклепѣ или нѣтъ; свидѣтелями разрѣшались и гражданскіе иски о нарушеніи правъ наслѣдниковъ и опекаемыхъ; во всѣхъ тяжбахъ, вытекавшихъ изъ договора купли-продажи, также участвовали свидѣтели; то же надо сказать и объ искахъ, происходившихъ отъ нарушенія заемныхъ обязательствъ, за исключеніемъ займа на сумму меньше 3 гривенъ кунъ, наконецъ, и о многихъ другихъ гражданскихъ тяжбахъ—по поводу порчи чужихъ вещей, объ убыткахъ, причиненныхъ хозяину закупомъ, о помощи бѣглому холопу, о его упущеніи и о кражѣ, совершенной холопомъ.

¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV.

²⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 179—182.

³⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1873 г., мартъ, стр. 49.

⁴⁾ О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи. Москва 1851 г., стр. 18, 37.

⁵⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 264.

Но значеніе и характеръ свидѣтелей въ разныхъ судебныхъ дѣлахъ, только что перечисленныхъ, не были одинаковы. По этому поводу высказанъ рядъ мнѣній, во многомъ различныхъ между собою. По мнѣнію Попова¹⁾ и г. Пахмана²⁾, въ краткой Правдѣ говорится только о видакахъ, то-есть, очевидцахъ, въ пространной же встрѣчаются также послухи, то-есть, свидѣтели по слуху; по г. Демченко, въ Русской Правдѣ было три рода свидѣтелей: во-первыхъ, видоки — при личныхъ обидахъ, ихъ очевидцы: во-вторыхъ, послухи — по дѣламъ, вытекающимъ изъ договоровъ; они являлись на судъ по приглашенію контрагентовъ «слушались» ихъ приглашенія, откуда и происходитъ слово «послухъ»; в-третьихъ, свидѣтели особаго рода, соприсяжники, которыхъ выставлялъ отвѣтчикъ при поклепѣ³⁾. Ланге въ послухахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Русской Правды видѣлъ понятыхъ: такъ было при отысканіи слѣдовъ въ дѣлахъ о тѣлѣ; въ другомъ случаѣ — именно въ дѣлахъ при поклепѣ — послухи являются въ значеніи свидѣтелей добраго поведенія и выступаютъ отвѣтчикомъ; послѣднее Ланге доказывалъ слѣдующимъ образомъ: истцомъ въ 15—17 статьяхъ Троицкаго списка названъ тотъ, кто искалъ послуха, то-есть, кого клепали, отвѣтчикъ, такъ какъ подъ словомъ «имъ» разумѣются тѣ, кто «послуха не налѣзутъ», въ выраженіяхъ «дати ему желѣзо», «ротѣ ему ити» говорится объ отвѣтчикѣ, поэтому и «дати ~~имъ~~ правду желѣзо» — отвѣтчикамъ; слѣдовательно, послуховъ выставляли въ данномъ случаѣ отвѣтчики⁴⁾. Много вниманія вопросу о послухахъ посвятилъ г. Дювернуа: они не были, по его мнѣнію, обыкновенными свидѣтелями, а содѣйствовали сторонамъ; доказательство: въ Ипатьевской лѣтописи князь Мстиславъ названъ «послухомъ добрымъ, который не рушитъ, а утверждаетъ уставъ брата»; послухи должны были давать силу праву, почему для нихъ необходимо было знать его, быть «свѣдѣтелями» (отъ «вѣдать»); такъ какъ знать право могъ лишь свободный человѣкъ, то холопы не бывали послухами; терминъ «послухъ» произошелъ отъ выраженія «слаться на кого-либо»; вѣроятно, чѣмъ больше было послуховъ, тѣмъ лучше, такъ что цифры 7 и 2 минимальны; изъ

1) Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 107.

2) О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, стр. 49.

3) Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей, какъ доказательствъ по дѣламъ судебнымъ, по русскому праву до Петра Великаго. Кіевъ, 1859 г., стр. 7—19.

4) Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 250.

Русской Правды также видно настоящее значеніе послуховъ: такъ въ 70-й статьѣ Троицкаго списка послухи—не тѣ, кто слышалъ о преступленіи, не свидѣтели по слуху: съ ними гонять слѣдъ, такъ что ясно, что на нихъ шлется лицо, которое гонить слѣдъ; г. Дювернуа ограничиваетъ пространство примѣненія доказательства посредствомъ послуховъ дѣлами о договорахъ ¹⁾. Г. Стефановскій считаетъ послуховъ судьями—посредниками, рѣшавшими подъ присягой гражданскія дѣла ²⁾. Г. Сергѣевичъ присоединяется къ мнѣнію Ланге о послухахъ какъ свидѣтелей добраго поведенія обвиняемаго ³⁾. Наконецъ, мнѣніе г. Дювернуа принято г. Владимірскимъ-Будановымъ, который повторяетъ ошибку Ланге, утверждая, что въ 24-й статьѣ Карамзинскаго списка (въ 23-й Троицкаго) говорится о выставленіи свидѣтелей обѣими сторонами, то-есть, и отвѣтчикомъ ⁴⁾, тогда какъ, — на что было указано выше,—въ этой статьѣ рѣчь идетъ о двухъ различныхъ обвиненіяхъ, и при обоихъ свидѣтелей выставлялъ истецъ; притомъ никакъ нельзя признать, что здѣсь имѣлись въ виду послухи: въ данномъ случаѣ необходимы были видоки, свидѣтели-очевидцы.

Текстъ нашего источника даетъ основаніе различать лишь два вида свидѣтелей: видоковъ, которые, несомнѣнно и согласно общему мнѣнію, были очевидцами преступленія и употреблялись только при уголовныхъ дѣлахъ, и послуховъ, на которыхъ—здѣсь вполне правъ г. Дювернуа—«слалась», ссылалась одна изъ сторонъ для подтвержденія своихъ показаній: для удостовѣренія факта совершенія какого-либо договора, для свидѣтельства о находкѣ слѣдовъ преступленія, наконецъ, о добромъ поведеніи обвиняемаго. Отличительной чертой доказательства посредствомъ видоковъ было представленіе ихъ всегда истцомъ; послухи же только при свидѣтельствѣ объ отысканіи преступника по слѣду выставлялись истцомъ, а въ прочихъ случаяхъ ихъ выводилъ отвѣтникъ. Такимъ образомъ нѣтъ никакихъ основаній принимать послуховъ въ смыслѣ свидѣтелей по слуху, какъ это дѣлаютъ Поповъ и г. Пахманъ, или въ значеніи судей-посредниковъ, какъ у г. Стефановскаго. Мы не приводимъ здѣсь ни подлинныхъ словъ Русской Правды, ни даже

¹⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 100—103, 193, 194.

²⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовного судопроизводства. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1873 годъ, мартъ, стр. 27—30.

³⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 370 и сл.

⁴⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 261.

ссылку на ея статьи въ подтвержденіе нашего объясненія, такъ какъ все это было уже сдѣлано въ своемъ мѣстѣ.

Русская Правда признавала способность къ свидѣтельству не за всѣми физическими лицами; для того, чтобы быть свидѣтелемъ, требовалось соединеніе извѣстныхъ условій. Калачовъ считалъ такимъ непремѣннымъ условіемъ свободное состояніе; лишь по нуждѣ можно было сослаться на боярскаго тиуна двороваго и на закупа¹⁾. Съ этимъ согласны гг. Дювернуа²⁾ и Владимірскій-Будановъ³⁾. Нѣсколько иначе смотритъ на этотъ вопросъ г. Пахманъ: онъ считаетъ необходимымъ для свидѣтельства не только свободное состояніе, но и знаніе о событіи и нравственность: необходимость послѣдняго свойства подтверждается, по его мнѣнію, названіемъ свидѣтелей Русской Правды *«добрыми людьми»*⁴⁾. Къ г. Пахману вполнѣ присоединяется г. Демченко⁵⁾.

Текстъ нашего источника, дѣйствительно, ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что для того, чтобы быть свидѣтелемъ, надо было быть свободнымъ. Притомъ это условіе было одинаково необходимо и для свидѣтелей-видокъ и для свидѣтелей-послуховъ. Послухами могли быть только свободные люди: *«наки ли будетъ что татебно купилъ въ торгу, или конь, или портъ, или скотину, то выведетъ свободна мужа два»*⁶⁾, здѣсь рѣчь идетъ, несомнѣнно, о послухахъ, такъ какъ именно этотъ родъ свидѣтелей употреблялся при заключеніи договоровъ, а здѣсь говорится о свидѣтеляхъ при куплѣ—продажѣ. *«А послушства на холопа не складають; но оже не будетъ свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣхъ не складывати. А въ малѣ тяжѣ по нужи възложить на закупа»*⁷⁾; мы думаемъ, что въ этой статьѣ говорится о свидѣтеляхъ-видокахъ, такъ какъ въ гражданскихъ дѣлахъ, независимо отъ суммы иска, необходимы были только свободныя лица, и только при займѣ ниже 3 гривень кунъ ихъ не требовалось, но за то не нужно было и несвободныхъ, а назначалась присяга; свободныхъ послуховъ для отысканія преступника по слѣдамъ не трудно было найти: *«нужи»* тутъ быть не

¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава IV, объясненіе статьи CXVII.

²⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 101.

³⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 261.

⁴⁾ О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, стр. 48, 49, 50, 54, 55.

⁵⁾ Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей, стр. 23—28.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 32.

⁷⁾ Тамъ же, статья 59.

могло; наконецъ, нельзя и предположить, чтобы, даже въ видѣ исключенія, несвободныя или не вполне свободныя лица свидѣтельствовали когда-либо о добромъ поведеніи обвиняемаго. Что и видами не могли быть холопы,—это ясно еще изъ слѣдующей статьи: «ты тяжѣ всѣ судятъ послухи свободными; будетъ ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хочеть истецъ, или имѣть и, а река тако: по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ, и емѣти и на желѣзо; аже обинити и, то емлетъ на немъ свое, не обвинитъ ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопыи рѣчи ялъ и»¹⁾. Пониманіе этой статьи въ значительной степени облегчится, если мы уяснимъ себѣ смыслъ выраженія «на правду не вылазити». Г. Мрочекъ-Дроздовскій говоритъ, что «словомъ *правда* наши предки выражали какъ самое понятіе права, такъ и всѣ его проявленія: въ поступкахъ ли людей, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ дѣятельности ли власти: въ судѣ или въ письменныхъ актахъ,—договорѣ, законѣ; поэтому слово «правда» употреблялось, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, 1) въ значеніи права вообще, 2) въ значеніи присяги, 3) договора, закона, 4) суда, 5) суднаго закона, судебника²⁾. Не рѣшая общаго вопроса о значеніи слова «правда» въ древне-русскомъ языкѣ, мы позволимъ себѣ только замѣтить, что въ Русской Правдѣ это слово можно понимать только въ двухъ значеніяхъ: во-первыхъ, оно значитъ *право*, какъ совокупность господствующихъ юридическихъ обычаевъ, княжескихъ уставовъ и судебныхъ рѣшеній: въ такомъ смыслѣ оно употреблено, напримѣръ, въ заглавіи источника—«Правда Русьская»; но между правомъ и судомъ была въ то время такая тѣсная связь и такое взаимное вліяніе, что иногда судебное рѣшеніе пріобрѣтало значеніе общей юридической нормы: понятія о законѣ и судебной практикѣ еще не были раздѣлены, сливались; отсюда, во-вторыхъ, словомъ «правда» означался въ нашемъ памятникѣ судъ; въ этомъ послѣднемъ смыслѣ оно встрѣчается въ Русской Правдѣ три раза: «искавши ли послуха не налѣзуть, а истця начнетъ головою клепати, тогда *дати имъ правду желѣзо*»³⁾, то-есть, «*дать имъ судъ* посредствомъ испытанія желѣзомъ»; «аже закупъ... къ судьямъ бѣжитъ обиды дѣля своего господина: то про то не робять его, но *дати емоу правдоу*»⁴⁾, очевидно, «дать ему управу,

¹⁾ Тамъ же, статья 81.

²⁾ Изслѣдованія о Русской Правдѣ, выпускъ II, Москва, 1885, стр. 2.

³⁾ Троицкій списокъ, статья 17.

⁴⁾ Тамъ же, статья 52.

судъ»; наконецъ, въ томъ же значеніи надо понимать слово «правда» и въ разбираемой статьѣ: «холопу на правду не вылезити» — «холопу не являться на судъ». Итакъ, если свидѣтелемъ-очевидцемъ былъ холопъ, то онъ не являлся на судъ, не могъ имѣть на немъ значенія очевидца преступленія; его показаніе имѣло лишь такую силу, какой обладали показанія свободныхъ людей, знавшихъ объ обстоятельствахъ побочныхъ, второстепенныхъ: оно внушало лишь подозрѣніе, и то только въ томъ случаѣ, если истецъ отъ себя обвинялъ отвѣтчика, отъ своего имени требовалъ испытанія желѣзомъ: «по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ».

Такимъ образомъ всѣ свидѣтели—и видоки и послухи—должны быть свободными, послухи всегда, видоки же почти всегда: только въ крайности можно было сослаться на холопа высшаго ранга— боярскаго тиуна дворскаго,—а въ небольшомъ дѣлѣ очевидцемъ признавался полусвободный—закупъ, лицо юридически почти полноправное, но экономически зависимое; обыкновенный холопъ могъ выступить только въ значеніи свидѣтеля, наводящаго на подозрѣніе, и то при двухъ условіяхъ: если онъ былъ очевидцемъ преступленія, и если истецъ выводилъ его отъ своего имени. Мы думаемъ, что свидѣтельство холопа объ обстоятельствахъ, наводящихъ на подозрѣніе, никогда не принималось во вниманіе: вѣдь въ 82-й статьѣ говорится только объ обвиненіи «по свободныхъ людий рѣчи».

Въ какомъ смыслѣ надо понимать другое необходимое для свидѣтеля условіе, указываемое гг. Пахманомъ и Демченкомъ,—знаніе о событіи,—это, думаемъ, ясно изъ предыдущаго: видоки должны были непосредственно знать о событіи, послухи знать о договорѣ или знать хорошо жизнь и личность обвиняемаго.

На третье условіе—нравственность—нашъ источникъ содержитъ только одно указаніе, состоящее въ эпитетѣ *добрые* люди, да и то указаніе это встрѣчается лишь въ нѣкоторыхъ, притомъ позднѣйшихъ спискахъ Русской Правды¹⁾. Нѣтъ впрочемъ сомнѣнія, что это условіе, по крайней мѣрѣ при послушествѣ всегда требовалось.

Мы уже указывали въ предшествующемъ изложеніи на безусловное довѣріе къ свидѣтельскимъ показаніямъ и на невозможность ихъ оспаривать. Въ этомъ отношеніи совершенно правы

---

¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, глава II, статья LXVIII.

Линовскій ¹⁾ и г. Пахманъ ²⁾, возраженія же Попова ³⁾, Ланге ⁴⁾ и г. Дювернуа ⁵⁾ относятся лишь къ процессу при поклепѣ, когда противъ свидѣтелей въ пользу подозрѣнія, а не противъ видоконъ и послуховъ въ собственномъ смыслѣ, обвиняемый выставлялъ свидѣтелей своего добраго поведенія, или основаны на неправильномъ толкованіи 23-й статьи Троицкаго списка, о чемъ было уже говорено выше. Однако безусловная сила свидѣтельскихъ показаній признавалась лишь тогда, когда было на лицо достаточное число свидѣтелей: о послухахъ извѣстно, что ихъ должно быть не меньше семи, если это были свидѣтели добраго поведенія (о варягѣ 2) ⁶⁾, и не меньше двухъ—при договорахъ ⁷⁾. Это справедливое замѣчаніе принадлежитъ г. Пахману ⁸⁾; г. Демченко указываетъ еще на необходимость присяги свидѣтелей и ихъ единогласія ⁹⁾.

Немаловажное значеніе имѣли во времена Русской Правды и другія судебныя доказательства. Таковы, напримѣръ, были испытанія желѣзомъ и водой. Первое изъ нихъ употреблялось, по мнѣнію Попова ¹⁰⁾ и Калачова ¹¹⁾, при всѣхъ уголовныхъ преступленіяхъ, гдѣ сумма иска превышала полгрявну золота, по г. Пахману же ¹²⁾ и Ланге ¹³⁾, только при искахъ объ убійствѣ и воровствѣ. Мы уже имѣли случай убѣдиться, что ближе къ истинѣ послѣдній взглядъ; къ нему слѣдуетъ сдѣлать только одну поправку: испытаніе желѣзомъ примѣнялось не только при воровствѣ, но при судоговореніи вообще обо всѣхъ преступленіяхъ противъ правъ собственности: всѣ они обозначались въ Русской Правдѣ общимъ терминомъ «татьба». Примѣненіе испытанія во-

¹⁾ Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи, Одесса, 1849, стр. 8.

²⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 24. 25.

³⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 109, 110.

⁴⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 228, 240, 251, 258.

⁵⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 184, 185, 186.

⁶⁾ Троицкій списокъ, статья 15.

⁷⁾ Тамъ же, статья 32.

⁸⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 58, 61.

⁹⁾ Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей, стр. 46, 49, 52, 53.

¹⁰⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 115.

¹¹⁾ Предварительныя юридическія свѣдѣнія, отдѣленіе III, гл. IV, объясненіе статьи СХVII.

¹²⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 74.

¹³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 239, 250.

дой Поповъ распространилъ также на всѣ дѣла ¹⁾, г. Пахманъ ограничиваетъ его разборомъ дѣлъ объ убійствѣ и воровствѣ ²⁾, но правъ только одинъ Ланге: онъ думаетъ, что испытаніе водой употреблялось лишь при татѣбѣ ³⁾; только татѣбу надо понимать опять въ обширномъ смыслѣ.

Условіемъ примѣненія обоихъ испытаній былъ, по справедливому замѣчанію Ланге, поклепъ ⁴⁾.

Выше, когда шла рѣчь о ходѣ судебного разбирательства, было доказано, что испытаніемъ желѣзомъ и водой подвергался всегда отвѣтчикъ. Этотъ взглядъ впервые былъ высказанъ Ланге ⁵⁾. Напротивъ г. Пахманъ безъ всякихъ основаній утверждаетъ, что иногда подвергался испытаніямъ не отвѣтчикъ, а истецъ, именно при отсутствіи доказательствъ подтверждающихъ справедливость иска или обвиненія ⁶⁾.

Всѣ изслѣдователи согласны между собою въ томъ, что разбираемый нами видъ судебныхъ доказательствъ имѣлъ значеніе Суда Божія, ордаліи. Въ этомъ и не можетъ быть сомнѣнія, такъ какъ изъ Русской Правды видно ⁷⁾, что испытаніемъ желѣзомъ и водой обвиняемый очищалъ себя отъ подозрѣнія. Одиноко стоитъ поэтому ошибочное мнѣніе Бѣляева, считавшаго оба испытанія не судебнымъ доказательствомъ, а пыткой ⁸⁾.

Способъ выполненія испытаній желѣзомъ и водой въ подробностяхъ не извѣстенъ, но повидимому обвинялся тотъ, у кого остались по истеченіи нѣкотораго времени послѣ испытанія знаки отъ обжога: тотъ, у кого слѣды обжога заживали, оправдывался. Это видно изъ слѣдующихъ словъ 82-й статьи Троицкаго списка: «или кимъ либо образомъ оже не ожжется, то про муки не платити ему».

Остается разобрать послѣдній видъ судебныхъ доказательствъ, употреблявшихся во времена Русской Правды,—мы говоримъ о ротѣ, то-есть, клятвѣ или присягѣ. Относительно пространства ея примѣненія всѣ согласны только въ одномъ, — она широко примѣнялась въ гражданскихъ тяжбахъ, но далѣе начинается разногласіе. Г. Пахманъ настаиваетъ на томъ, что присяга до-

¹⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 115.

²⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 74.

³⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 263, 239.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 239, 250, 263.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 250.

⁶⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 75.

⁷⁾ Троицкій списокъ, статьи 17 и 82.

⁸⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 206.

пускалась и въ дѣлахъ уголовныхъ, именно, при татѣбѣ, если нѣтъ поличнаго и свидѣтелей, а цѣна иска менѣе 2 гривенъ кунъ, при искахъ о личныхъ обидахъ, когда присягали иностранцы, наконецъ, какъ видно изъ статьи «объ урокахъ ротныхъ» (Троицкій списокъ статья 101), при уголовныхъ дѣлахъ («отъ головы»), при тяжбахъ о ролейной и бортной землѣ и объ отпущеніи на волю рабовъ ¹⁾. По Ланге, присяга примѣнялась въ тѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ былъ поклепъ, и сумма иска не превышала 2 гривенъ кунъ; кромѣ того варягъ и колбягъ доказывали клятвой свой искъ объ увѣчьяхъ, ранахъ и побояхъ ²⁾. Г. Стефановскій совершенно отрицаетъ примѣненіе присяги въ уголовныхъ дѣлахъ; доказываетъ онъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: присяга бывала только при искахъ менѣе 2 гривенъ кунъ, а искъ объ убійствѣ цѣнился выше; выраженіе «отъ головы» въ статьѣ «объ урокахъ ротныхъ» не можетъ служить подтвержденіемъ взгляда г. Пахмана, такъ какъ «рота» = «споръ, битва, состязаніе», значить, уроки ротные — пошлины при рѣшеніи споровъ; затѣмъ въ Русской Правдѣ прямо сказано, что важнѣйшія преступленія судятся послухами и испытаніемъ желѣзомъ; наконецъ, и въ позднѣйшихъ памятникахъ права присяга и поединокъ — отличительныя особенности гражданскаго процесса ³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что замѣчанія Ланге и г. Пахмана основаны на прямыхъ свидѣтельствахъ источника и должны быть приняты. Требуется только объясненій статья «оуроци ротнии»: прежде всего странно, что въ этой статьѣ сказано «отъ головы»; вѣдь несомнѣнно, что рота въ качествѣ судебного доказательства употреблялась не при убійствѣ, а при «всѣхъ тяжкахъ въ татѣбѣ», то-есть, при всѣхъ имущественныхъ преступленіяхъ, притомъ такихъ, въ которыхъ сумма иска была ниже 2 гривенъ кунъ; остается предположить, что тутъ рѣчь идетъ не о ротѣ — судебномъ доказательствѣ, а о пошлинѣ съ присяги, приносимой свидѣтелями въ процессѣ при убійствѣ; впрочемъ не разумѣется ли тутъ искъ варяга и колбяга о преступленіи противъ ихъ чести и здоровья? онъ вѣдь тоже подтверждался присягой; одно сильно противорѣчитъ такому предположенію: едва ли подъ словомъ «голова» подразумѣвались вообще уголовныя преступленія, а не одно только убійство. Нисколько не

¹⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 94, 95.

²⁾ Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды, стр. 263, 264 и др.

³⁾ Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1873 г., мартъ, стр. 51—53.

удивительно, что далѣе говорится о бортной и ролейной землѣ: вѣроятно, при искахъ о перегораживаніи ихъ тыномъ и пр., о срубкѣ борти и т. д. если они съ точки зрѣнія частнаго ущерба цѣнились не выше 2 гривенъ кунъ, употреблялась присяга отвѣтника, разумѣется, если онъ не былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія; слова «отъ свободы 9 кунъ» указываютъ на то, что при отпускѣ холопа на волю платился тоже «урокъ ротный»: очевидно, этотъ гражданскій актъ закрѣплялся также присягой. Всѣ возраженія г. Стефановскаго противъ мнѣнія о примѣненіи присяги въ уголовныхъ дѣлахъ не выдерживаютъ критики: первое — о предѣльной суммѣ иска — заключаетъ въ себѣ несомнѣнную истину, но указываетъ только на непримѣнимость присяги, какъ судебного доказательства, при разборѣ дѣлъ объ убійствѣ, а не обо всѣхъ уголовныхъ преступленіяхъ; толкованіе слова «рота» произвольно и невѣрно; примѣненіе въ уголовныхъ дѣлахъ испытаній желѣзомъ и водой еще не исключаетъ такого же примѣненія присяги; наконецъ, указанія на позднѣйшее право, хотя бы они и были вѣрны, сами по себѣ ничего не доказываютъ, тѣмъ болѣе, что свидѣтельства изучаемаго памятника даютъ весьма ясныя указанія въ смыслѣ противоположномъ взгляду г. Стефановскаго.

V.

Чтобы заключить рѣчь о процессѣ, намъ остается сказать объ исполненіи судебного рѣшенія и общемъ характерѣ процесса по Русской Правдѣ.

Исполненіе приговора, по словамъ г. Дювернуа, часто принадлежало торжествующей сторонѣ: обиженный холопомъ можетъ «бить его развязавше» ¹⁾, несостоятельнаго должника кредиторъ самъ уводитъ домой или на торгъ для продажи ²⁾, спорную вещь собственникъ самъ беретъ у отвѣтника ³⁾. Власть лишь содѣйствовала («кому помогутъ» Троицкій списокъ, статья 99). По 79-й статьѣ Троицкаго списка ⁴⁾ впередъ взыскивался вредъ, причиненный дѣйствіемъ лица, а потомъ уже это лицо подвергалось уголовнымъ послѣдствіямъ своего преступленія ⁵⁾. По мнѣнію г. Пихно, взысканіе производилъ самъ истецъ: онъ ссылается при этомъ на статьи о сводѣ и возвращеніи краденаго его соб-

¹⁾ Троицкій списокъ, статья 58.

²⁾ Тамъ же, статьи 50, 51.

³⁾ Тамъ же, статья 27.

⁴⁾ „*преди пагубу исплатившю, а въ процѣ князю поточити и*“.

⁵⁾ Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 202, 203.

ственнику (27, 29, 30, 32 и 34 статьи Карамзинского списка); если истецъ самъ не могъ справиться, то приглашалъ за плату частныхъ лицъ себѣ на помощь, какъ видно изъ статьи о «переемѣ» бѣглаго холопа и платежѣ за это «переемной» гривны (124 статья Карамзинского списка); лишь если они не помогутъ, вмѣшивался дѣтскій (см. 118 статью Карамзинского списка ¹⁾).

Текстъ источника подтверждаетъ мнѣніе объ исполненіи судебного рѣшенія самимъ истцомъ: кромѣ того, на что указываетъ г. Дювернуа,—г. Пихно напрасно ссылается на статьи о сводѣ: въ нихъ рѣчь идетъ о слѣдствіи, а не объ исполненіи приговора—можно отмѣтить, для времени Ярослава, мсть: она несомнѣнно совершалась самимъ истцомъ; въ томъ убѣждаютъ такія выраженія, какъ «мстити брату брата, либо отцю, ли сыну» и пр. ²⁾; «оже ли себе не можетъ мстити» ³⁾; «чада смирять» ⁴⁾. Но въ то же время замѣтно, что мсть совершалась подъ наблюденіемъ судебной власти; не даромъ ей предшествовалъ судъ, да и Янъ велѣлъ при себѣ мстити волхвамъ, задержаннымъ на Бѣлоозерѣ. Вообще не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать значеніе истца при исполненіи приговора: не выигравшій дѣло истецъ (или отвѣтчикъ), а князь подвергалъ преступника потоку и разграбленію, князь же и его органы взыскивали поступавшія въ княжескую казну виру и продажи. Такимъ образомъ исполненіе уголовныхъ наказаній лежало на органахъ судебной власти; такъ какъ нельзя предположить, чтобы и въ гражданскихъ тяжбахъ не было содѣйствія общественной власти, то, вѣроятно, и частныя взысканія производились ею же: это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ вѣрно отмѣтилъ г. Дювернуа, уголовному наказанію предшествовало возмѣщеніе вреда, причиненнаго частному лицу.

Обращаясь къ общей характеристикѣ процесса Русской Правды, мы должны отмѣтить одну въ высокой степени любопытную черту его—сильный формализмъ. Эта особенность отчасти подмѣчена была еще Линовскимъ ⁵⁾ и г. Пахманомъ ⁶⁾, которые указывали на формальное отношеніе къ судебнымъ доказательствамъ, на бе-

¹⁾ Историческій очеркъ мѣръ гражданскихъ взысканій по русскому праву, Кіевъ, 1874, стр. 7, 8.

²⁾ Академическій списокъ, статья 1; Троицкій списокъ, статья 1.

³⁾ Академическій списокъ, статья 2.

⁴⁾ Тамъ же, статья 5.

⁵⁾ Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи, стр. 8.

⁶⁾ О судебныхъ доказательствахъ, стр. 24, 25, 26.

зусловное къ нимъ довѣріе, если выполнена была извѣстная форма. Въ недавнее время любопытный очеркъ посвятилъ этому вопросу г. П. Бѣляевъ. Онъ не ограничивается повтореніемъ старыхъ указаній на формальное отношеніе къ доказательствамъ въ Русской Правдѣ, но отмѣчаетъ еще необходимость произнесенія тяжущимися извѣстныхъ формулъ: «пойди на сводъ, гдѣ еси взялъ», «вдай ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ», «по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ»; затѣмъ г. Бѣляевъ указываетъ на строго формальныя дѣйствія сторонъ, особенно внѣсудебныя: соченіе слѣда съ свидѣтелями, заповѣдь на торгу, клятву свидѣтелей сдѣлки, на юридическіе шаблоны, которыми опредѣляется рядъ процессуальныхъ подробностей: таковы сроки и числовыя опредѣленія: трехдневный срокъ дѣйствія заповѣди на торгу, 7 или 2 послуха, 3 свода и проч. Г. Бѣляеву принадлежитъ также правильное объясненіе значенія такого формализма въ тѣ времена: «форма спасала процессъ отъ безпорядочности и хаотичности, которыя бы и явились результатомъ произвольныхъ и безконтрольных дѣйствій тяжущихся, давала гарантію слабой и неопытной сторонѣ противъ сильнаго и искуснаго противника», гарантію особенно необходимую вслѣдствіе того, что процессъ въ Русской Правдѣ былъ въ значительной степени внѣсудебный ¹⁾.

Какой же характеръ процесса былъ господствующимъ въ эпоху Русской Правды? Господствовали ли исключительно обвинительныя, или исключительно слѣдственные начала, или, наконецъ, оба элемента—гражданскій и уголовный—сливались? Впервые Поповъ опредѣленно высказался въ пользу той мысли, что различія между уголовнымъ и гражданскимъ процессомъ въ Русской Правдѣ не было ²⁾. Того же мнѣнія о смѣшеніи началъ обвинительныхъ и слѣдственныхъ держатся Линовскій ³⁾, г. Сергѣевичъ ⁴⁾, г. Владимірскій-Будановъ ⁵⁾. Бѣляевъ стоялъ за исключительное господство обвинительныхъ началъ, впрочемъ на невѣрномъ основаніи: онъ утверждалъ, что процессъ по дѣламъ объ убійствѣ начинался лишь при наличности истца и отвѣтника ⁶⁾. По мнѣ-

¹⁾ Очерки права и процесса въ эпоху Русской Правды, въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, томъ V, стр. 4, 5, 9, 11.

²⁾ Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву, стр. 88.

³⁾ Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи, стр. 8.

⁴⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 561.

⁵⁾ Обзоръ исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 253.

⁶⁾ Лекціи по исторіи русскаго законодательства, стр. 194.

нію г. Стефановскаго, «и органы суда, и характеръ процесса, и средства открытія истины различались въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ»¹⁾. Особое положеніе занимаетъ Мстиславскій со своей теоріей состязательнаго процесса въ Русской Правдѣ. Мы остановимся на ней сейчасъ, чтобы не возвращаться въ другой разъ. Мстиславскій представлялъ себѣ дѣло такъ: при обвиненіи въ убійствѣ «въ поклепѣ» дѣятельную роль играли назначаемые княземъ мечникъ и отрокъ-дѣтскій: первый былъ обвинителемъ, второй защитникомъ; это значеніе ихъ видно изъ статьи о сверженіи виры (16 статья Троицкаго списка), по которой отъ виры, то-есть, въ случаѣ, если процессъ кончался обвиненіемъ и, слѣдовательно, платежемъ виры, отвѣтчикомъ платилось помечное 9 кунъ (очевидно, мечнику; мечъ — символъ закона), а «оже свержетъ виру», то-есть, въ случаѣ оправданія, отвѣтчикъ платилъ гривнѣ кунъ сметную (очевидно, отроку), и тотъ, кто клепалъ, также давалъ отроку другую гривну. Что платежъ сметной гривны производился въ пользу отрока, это видно изъ того, что гривна кунъ была постоянной нормой дачи княжескому дѣтскому, напримѣръ, когда князь посылалъ его дѣлить наслѣдство между братьями (см. 100-ю статью Троицкаго списка)²⁾. Вся аргументація автора, какъ видно, покоится на словѣ «помечное». Но въ Синодальномъ и Карамзинскомъ спискахъ, какъ и во многихъ другихъ, что можно усмотрѣть изъ своднаго текста Калачова, вмѣсто этого слова стоитъ «помочное». И это чтеніе надо принять, какъ вѣрное, тѣмъ болѣе, что, напримѣръ, въ позднѣйшее время въ Литовской Руси мы также встрѣчаемся съ помочнымъ³⁾. Итакъ обвинительная роль мечника не доказана; слѣдовательно, все построеніе Мстиславскаго рушится.

То, что было сказано въ настоящей главѣ о ходѣ процесса и судебныхъ доказательствахъ, въ достаточной мѣрѣ показываетъ, что ни одно изъ изложенныхъ выше мнѣній о характерѣ процесса по Русской Правдѣ не можетъ быть принято безъ значительныхъ ограниченій. Въ самомъ дѣлѣ: никакъ нельзя сказать, чтобы въ то время не было различія между уголовнымъ и граж-

¹⁾ Разграниченіе гражданского и уголовного судопроизводства въ исторіи русскаго права, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1873 г., мартъ, стр. 54.

²⁾ О поклепной вирѣ, или понятіе объ обвинительномъ процессѣ по Русской Правдѣ, „Юридическій Журналъ“ Салманова, № 5, 1861 г. отдѣлъ V, стр. 2—5, 9, 14.

³⁾ *Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства, Москва, 1893, стр. 684.

данскимъ процессомъ; гражданскій процессъ начинался лишь при наличности истца и отвѣтчика; это условіе не было необходимо для начала процесса объ убійствѣ и преступленіяхъ противъ правъ имущественныхъ; слѣдствія въ гражданскихъ дѣлахъ не было, но оно имѣло весьма важное значеніе и было довольно сложно въ дѣлахъ при поклевѣ и при имущественныхъ преступленіяхъ; испытаніе желѣзомъ и водой и присяга свидѣтелей о добромъ поведеніи обвиняемаго, примѣнявшіяся въ нѣкоторыхъ случаяхъ при уголовномъ процессѣ, не употреблялись въ судоговореніи по дѣламъ гражданскимъ. Мнѣніе объ исключительномъ господствѣ обвинительныхъ началъ въ Русской Правдѣ опровергается тѣмъ наблюденіемъ, что нѣкоторые процессы—именно объ убійствѣ и нарушеніяхъ правъ собственности—начинались иногда и безъ наличности отвѣтчика. Наконецъ, было бы большой ошибкой впадать въ противоположную крайность и признавать вмѣстѣ съ г. Стефаловскимъ полное различіе во всѣхъ отношеніяхъ между гражданскимъ и уголовнымъ процессомъ: вѣдь процессъ по дѣламъ о преступленіяхъ противъ здоровья, чести и свободы, то-есть, несомнѣнно уголовный, былъ совершенно тождественъ съ процессомъ по гражданскимъ дѣламъ: они одинаково начинались, слѣдствія въ обоихъ случаяхъ въ сущности не было, судебныя доказательства были сходны.

Итакъ, остается признать смѣшеніе обвинительныхъ и слѣдственныхъ началъ въ Русской Правдѣ. Нельзя однако удовлетвориться такой общей и слишкомъ неопредѣленной формулой. Необходимо еще прибавить, что обвинительныя начала имѣли преобладающее вліяніе, а слѣдственные были только въ зародышѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, что слѣдствіе было почти исключительно въ рукахъ частныхъ лицъ, самихъ истцовъ, что самый судъ, дѣйствительно, не начинался безъ наличности сторонъ—истца и отвѣтчика,—что судебныя доказательства имѣли безусловное значеніе, не допускали спора, оцѣнивались не по существу, а съ чисто формальной стороны, наконецъ, что никогда не бывало общественнаго обвинителя, представителя закона, въ родѣ нашего прокурора.

Такимъ образомъ общее заключеніе изъ изученія процесса Русской Правды сходно съ выводами, полученными при изслѣдованіи уголовного и гражданскаго права по нашему памятнику: здѣсь мы видимъ тотъ же переходный періодъ, то же смѣшеніе разныхъ началъ, старыхъ, отживающихъ и новыхъ, развитіе которыхъ предстоитъ въ будущемъ.

Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ.

Писцовыя книги принадлежать, несомнѣнно, къ важнѣйшимъ историческимъ источникамъ, особенно въ области экономической исторіи; онѣ отвѣчаютъ на рядъ вопросовъ, имѣющихъ перво-степенное значеніе для историка народнаго хозяйства, знакомятъ съ составомъ и количествомъ населенія, съ процессомъ колонизаціи, съ количествомъ и взаимоотношеніемъ разныхъ угодій, съ распредѣленіемъ и мобилизаціей поземельной собственности, съ организаціей производства въ области сельскохозяйственной промышленности, наконецъ, нерѣдко съ распредѣленіемъ результатовъ сельскохозяйственной производительности—этого главнаго хозяйственнаго нерва древней Руси—между землевладѣльцами, земледѣльцами и государствомъ. Нельзя сказать, чтобы въ русской исторической литературѣ недостаточно сознавалась эта важность писцовыхъ книгъ, какъ историческаго источника, и однако до сихъ поръ, если не считать работъ Иванова и Неволіна, посвященныхъ исторіи межеванія земель въ Россіи и только соприкасавшихся съ писцовыми книгами,—на изученіи этихъ послѣднихъ основывались очень немногіе изслѣдователи, если не ошибаемся, только трое: г. Чечулинъ въ своемъ сочиненіи «Города Московскаго государства въ XVI в.», г. Лаппо, сдѣлавшій статистическую сводку матеріала писцовыхъ книгъ XVI в. по Тверскому уѣзду, и г. Миклашевскій, который въ своей диссертации о заселеніи и сельскомъ хозяйствѣ южной окраины Московскаго государства изучилъ писцовыя книги, относящіяся къ этой мѣстности. Мы не хотимъ, конечно, сказать, что всѣ другіе изслѣдователи не изучали совсѣмъ писцовыхъ книгъ, но несомнѣнно, что матеріалъ, въ нихъ заключенный, не охватывался ими цѣликомъ, они касались его только попутно. Въ чемъ заключается причина слабаго знакомства нашего съ писцовыми

книгами? Прежде всего, конечно, въ томъ, что это источникъ почти неисчерпаемый: писцовыхъ книгъ, особенно отъ XVII вѣка, осталось такъ много, что сводка ихъ въ таблицы, совершенно необходимая по самой сущности источника, представляется трудомъ едва ли посильнымъ для одного человѣка. А затѣмъ, надо думать, не остается безъ вліянія еще одно обстоятельство: русская дѣйствительность недавнихъ временъ, а отчасти и современная, мало балуетъ насъ точными статистическими данными: извѣстна довольно фантастическая казенная статистика первой половины нашего вѣка, до научнаго обновленія въ этой сферѣ съ появленіемъ земско-статистическихъ учреждений и правильной организаціей центрального и губернскихъ статистическихъ комитетовъ; ни для кого не тайна, что и теперь различныя статистическія вѣдомости, заполняемыя волостными правленіями, нерѣдко совсѣмъ не отличаются точностью показаній и ихъ соответствіемъ дѣйствительности. Отъ этихъ воспоминаній и непосредственныхъ наблюденій недалеко до скептическаго отношенія и къ древнерусскому «письму» и его результатамъ—писцовымъ книгамъ. Что такой скептицизмъ дѣйствительно существуетъ,—показываютъ изслѣдованія гг. Лаппо-Данилевскаго и Миклашевскаго: первый находитъ переписи недостаточно быстрыми и единовременными, неудовлетворительными по способамъ и формамъ, лишенными научныхъ приѣмовъ при изученіи почвъ и цѣнности хозяйствъ и преисполненными множества ошибокъ, которыя произошли какъ отъ теоретическихъ затрудненій, такъ и отъ обмановъ со стороны населенія и небрежности и злоупотребленій писцовъ¹⁾; второй названный изслѣдователь—г. Миклашевскій, присоединяясь въ общемъ къ мнѣнію своего предшественника, замѣчаетъ въ частности, что нельзя считать достовѣрными цифры, указывающія на размѣры разныхъ угодій, особенно пашни паханной, и что основанія писцовыхъ записей весьма шатки: это именно «сказки», т. е. показанія отдѣльных лицъ, непровѣренныя письменными документами²⁾.

При наличности такихъ воззрѣній и при несомнѣнной важности писцовыхъ книгъ какъ историческаго источника вполне своевременной является новая попытка опредѣлить степень ихъ достовѣрности. Предпринимая эту попытку, мы будемъ имѣть въ

¹⁾ *Лаппо-Данилевскій*, Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, Спб., 1890, стр. 205—214.

²⁾ *Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. Часть I. Заселеніе и сельское хозяйство юж. окраины XVII в., М. 1894, стр. 46—47, 54, 57, 62.

виду по преимуществу писцовыя книги XVI вѣка, во многомъ отличныя отъ позднѣйшихъ и составлявшіяся при иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ тѣ, которыми сопровождались описанія XVII вѣка.

Современная статистическая теорія выставяетъ слѣдующія четыре требованія, которымъ должно удовлетворять всякое статистическое изслѣдованіе для того, чтобы имѣть научное значеніе: 1) необходима точность отдѣльнаго наблюденія, 2) полнота наблюденія, 3) вѣрность вычисленія и 4) возможность установленія причинной связи изслѣдуемыхъ явленій¹⁾. Требования эти очень серьезны, и сами статистики, сознавая это, на практикѣ принимаютъ только извѣстную степень приближенія къ идеалу, ставя необходимымъ условіемъ лишь возможно точное опредѣленіе *степени* этого приближенія. Не забудемъ и мы этого, чтобы не сдѣлаться *plus royalistes que le roi*.

Удовлетворяютъ ли писцовыя книги первому требованію—точности отдѣльнаго наблюденія? Чтобы оно было точно, необходима прежде всего ясная и точная программа наблюденія, опредѣляемая въ свою очередь ясностью цѣли, съ которой ведется изслѣдованіе²⁾. Въ ясности цѣли древнерусскаго «письма» не можетъ быть никакого сомнѣнія:—цѣль была финансовая, обезпеченіе земель отбыванія службы и тягла на государя,—и это создало строго опредѣленный, отлившійся въ довольно неподвижныя формы типъ земельного описанія: писцы должны были отвѣтить на вопросы: кто владѣетъ землею и кто ею владѣлъ? сколько землевладѣльческихъ единицъ существуетъ въ данной мѣстности? изъ сколькихъ поселеній—населенныхъ и пустыхъ—слагается каждая изъ этихъ единицъ? сколько дворовъ составляетъ каждое поселеніе? каково количество взрослога мужского рабочаго населенія въ каждомъ поселеніи? сколько пашни, перелога, сѣнныхъ покосовъ, лѣса заключаетъ въ себѣ отдѣльная землевладѣльческая единица и каждый поселокъ, ее составляющій? наконецъ, во сколько сохъ—сдиницъ податного обложенія—положено было каждое имѣніе; къ этому иногда прибавлялись обожный и вытный счетъ и данныя объ оброкѣ,—позднѣе почти исключительно въ дворцовыхъ селахъ. Можно пожалѣть, что вопросовъ этихъ не больше, что они не раскрываютъ предъ нами съ достаточной ясностью внутренней организаціи сельскохозяйственнаго производства во всемъ его объемѣ, но нельзя отказать программѣ въ

¹⁾ А. О. Фортунатовъ, Сельскохозяйственная статистика Европейской Россіи, Москва, 1893, стр. 19.

²⁾ Тамъ же, стр. 21.

единствѣ цѣли и ясности: всѣ вопросы были просты и ясны, не требовали особаго умственного напряженія отъ писцовъ и цѣль имѣли строго-опредѣленную и узкую, такъ что писцамъ не представлялось опасности запутаться въ слишкомъ сложномъ лабиринтѣ требованій и данныхъ.

Далѣе: для точности наблюденія необходима строго опредѣленная мѣра, которую слѣдуетъ производить измѣренія ¹⁾. Мѣрами этими были въ XVI в. четверти, десятины, версты, копны. Конечно, всѣ эти мѣры были въ точности извѣстны самимъ писцамъ, но онѣ не представляютъ никакой тайны и для насъ: четверть или четъ, какъ извѣстно, равнялась половинѣ десятины, десятина при земельных измѣреніяхъ принималась въ 2400 квадратныхъ сажень, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя указанія писцовыхъ книгъ, напримѣръ, книгъ Заверьяскимъ сѣннымъ покосамъ въ Шелонской пятинѣ 7106 г., составленныхъ подъячимъ Василюмъ Кононовымъ и Никитою Ларионовымъ: здѣсь, напримѣръ, 4 десятинамъ приравнена площадь въ 80 сажень въ длину и 120 сажень въ ширину ²⁾. Верста считалась въ 1000 сажень ³⁾. Казалось бы, такая мѣра, какъ копна, употребляемая для измѣренія сѣнныхъ покосовъ, не могла быть особенно точною: данныя писцовыхъ книгъ удостовѣряютъ въ противномъ: кладка копенъ, повидимому, измѣнялась только въ зависимости отъ качества сѣна, а не отъ условій времени и мѣста: съ одной десятины покосовъ собиралось обыкновенно сѣна крупнаго 20—30 копенъ, мелкаго по 15 или 20 копенъ, худого по 15 коп. ⁴⁾. Но особенно яркимъ примѣромъ той точности, съ которой при описаніи опредѣлялась каждый разъ мѣра, какая положена въ основу всей работы, служить одна сотная выпись 1544—45 гг., относящаяся къ дворцовому селу Буйгороду Волоколамскаго уѣзда; здѣсь между прочимъ читаемъ: «а вытей въ селѣ и въ деревняхъ 134, а на выть хрестыанскіе пашни по шти десятинъ въ полѣ, а пахати имъ на великаго князя въ селѣ Буйгородѣ 134 десятины, съ выти по десятинѣ, а мѣра десятинѣ въ длину восемьдесятъ сажень, а поперекъ тридцать сажень, а сѣяти имъ на десятину по двѣ четверти ржи, а овса вдвое, а навозъ имъ возити на великаго князя пашню и—своихъ дворовъ по трид-

¹⁾ Тамъ же, стр. 23.

²⁾ Архивъ Мин. Юстиціи, писц. кн. 740, л. 1 об.

³⁾ См. *Костомаровъ*, Историческія монографіи т. 19-й, Спб. 1887. Сводъ законовъ ч. III, т. X, ст. 567 и 571.

⁴⁾ Арх. Мин. Юст., писц. кн. 740, лл. 110, 115, 133 и др.; 119 и др., 116 об.

цати колышекъ на десятину, а мѣра колышкѣ въ длину и поперекъ четыре пяди, а вверхъ двѣ пяди»¹⁾). Дальше этого въ точности идти, кажется, некуда; всякое отступленіе отъ обычной мѣры всегда указывается въ писцовыхъ книгахъ, и по нимъ можно не колеблясь въ точности опредѣлить величину употребляемой мѣры: такъ въ «поженныхъ» книгахъ, т. е. въ книгахъ, описывающихъ пожни или сѣнные покосы, всегда рядомъ съ указаніемъ на длину и ширину измѣряемой площади въ саженьяхъ находимъ данныя о той же площади въ десятинахъ и о количествѣ копенъ сѣна, съ нея снимаемыхъ²⁾).

Еще болѣе важнымъ условіемъ точности наблюденія является правильность его приемовъ. Здѣсь прежде всего надо выяснитъ, ограничивались ли писцы однимъ только опросомъ, или они также производили осмотръ на мѣстѣ и повѣрку по документамъ? Г. Миклашевскій склоняется къ рѣшенію этого вопроса въ первомъ направленіи, т. е. полагаетъ, что писцы многое писали только со словъ другихъ, не подвергая этихъ «сказокъ» критикѣ³⁾). Напомнимъ прежде всего, что и теперь опросъ является главнымъ источникомъ статистическихъ свѣдѣній такой высокой научной цѣнности и достовѣрности, какою отличаются земско-статистическія работы. Для успѣшности этого опроса и достовѣрности его результатовъ требуется соединеніе двухъ главныхъ условий: опытности статистика, производящаго опросъ, и возможности контроля показаній опрашиваемаго со стороны односельчанъ и сосѣдей⁴⁾). Едва ли нужно задавать вопросъ, были ли московскіе писцы достаточно опытны въ дѣлѣ описанія? Стоить только припомнить, что переписи на Руси начались еще въ XIII вѣкѣ, а во второй половинѣ слѣдующаго столѣтія дѣло описанія достигло уже, повидимому, значительнаго развитія⁵⁾), и что многіе писцы не разъ въ своей жизни и не въ одномъ уѣздѣ производили описанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо лишь просмотрѣть списки данныхъ о книгахъ письма и мѣры разныхъ писцовъ, составленные гг. Милюковымъ и Дьяконовымъ⁶⁾). Мы ограничимся

¹⁾ Арх. Мин. Юст., грамоты коллегіи экономіи, № 2432, Волоколамскій уѣздъ.

²⁾ Арх. Мин. Юст., писц. кн., 740, лл. 57 об., 58 и мн. др.

³⁾ Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства стр. 54, 57.

⁴⁾ *Фортунатовъ*, Сельскохозяйственная статистика, стр. 25, 26.

⁵⁾ *Милюковъ*, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, Спб., 1892, стр. 18, 19.

⁶⁾ См. тамъ же, приложение въ концѣ книги и «Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія» за 1893 г., июль.

указаніемъ двухъ—трехъ примѣровъ, относящихся къ сохранившимся—вполнѣ или отчасти—писцовымъ книгамъ XVI вѣка: такъ Иванъ Петровичъ Заболоцкій въ 1539—40 г. описывалъ Тверской уѣздъ ¹⁾, а въ 1553—54 Двинскій ²⁾; Дмитровскій уѣздъ въ 1537—38 г. былъ описанъ тѣмъ же Александромъ Семеновичемъ Упинымъ—Слизневымъ, который въ 1542—43 г. производилъ «письмо» въ Можайскомъ уѣздѣ ³⁾; писцовыя книги Владимірскаго уѣзда 1554—55 г. и Переяславскаго 1556—57 года составлены одними и тѣми же лицами—Андреемъ Васильевичемъ Лодыгинымъ и Василиемъ Михайловичемъ Гирѣвымъ ⁴⁾. Такимъ образомъ невозможная въ то время научная теоретическая подготовка къ статистическимъ изслѣдованіямъ замѣнялась вѣковыми традиціями и практической сноровкой, создававшими извѣстные рутинныя приемы, которые предохраняли писцовъ отъ ошибокъ. Вотъ почему нельзя согласиться съ г. Лаппо-Данилевскимъ ⁵⁾, что писцами были большею частью лица мало подготовленные къ возлагаемой на нихъ работѣ. Съ другой стороны, правительство внимательно слѣдило за тѣмъ, чтобы писцы повѣряли показанія опрашиваемыхъ черезъ посредство третьихъ лицъ, добросовѣстныхъ и знакомыхъ съ мѣстными условіями: «межеваніе, отводъ и описаніе земель производилось при непремѣнномъ участіи поповъ и крестьянъ—старожильцевъ, иногда въ довольно значительномъ количествѣ; по одному «обысному листу», свѣдѣнія, необходимыя для записи въ книги, сообщили «четыре попа да разныхъ боярщинъ пять приказчиковъ, да 86 крестьянъ, всего 95 человекъ» ⁶⁾; такъ было въ 1567 г. въ Московскомъ уѣздѣ; спустя 10 лѣтъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ фактъ и причина запустѣнія одного имѣнія констатированы четырьмя попами, четырьмя приказчиками дѣтей боярскихъ и 62 крестьянами ⁷⁾. Примѣры эти, при желаніи, можно умножить до какого угодно предѣла ⁸⁾. Не было недостатка и въ повѣркѣ получаемыхъ путемъ

¹⁾ См. *Милуковъ*, Спорные вопросы, приложение I, и Писц. кн. XVI в., изд. Колачовымъ, т. I, отд. 1, 40—140.

²⁾ Арх. Мин. Юст., грам. колл. экономіи, № 4125.

³⁾ Тамъ же, №№ 3764, 3765, 3767, 7613.

⁴⁾ *Одотовъ-Чеховскій*, Акты, относящіеся до гражданской расправы древн. Россіи, томъ I, 232—234; Арх. Минист. Юст., грам. колл. экон., № 8905.

⁵⁾ Организация прямого обложенія, стр. 193.

⁶⁾ Русская Историческая Библіотека, т. II, № 37, столб. 43.

⁷⁾ *Дьяконовъ*, Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ, вып. II, № 26, стр. 26.

⁸⁾ Особенно много ихъ можно найти въ грам. колл. эк., хранящихся въ Арх. Мин. Юст. подъ № 5129, Кострома. 16*

опроса и осмотра данныхъ по документамъ: особенно характернымъ примѣромъ этого является одна писцовая книга вотчинъ Троицкаго Сергіева монастыря, составленная въ 1593—94 годахъ и относящаяся къ Московскому уѣзду: писцы здѣсь строго провѣряли права монастыря на владѣніе по разнымъ документамъ—даннымъ, вкладнымъ, купчимъ грамотамъ, приправочнымъ книгамъ¹⁾. Но это ни въ какомъ случаѣ не единственный примѣръ: въ писцовыхъ книгахъ постоянно встрѣчаются указанія на «старое письмо»²⁾, по нимъ можно составить себѣ довольно точное представленіе о способахъ мобилизаціи поземельной собственности, такъ какъ писцы постоянно отмѣчаютъ, на какіе документы опираются владѣльческія права того или другого лица: такъ, въ Тверскомъ уѣздѣ, по книгамъ 1548 г., изъ общаго числа 318 вотчинъ право на 134 вотчины подтверждается, согласно повѣркѣ писцовъ, купчими грамотами, въ 48 случаяхъ владѣніе основано на мѣновыхъ, въ 34 на закладныхъ и т. д.³⁾. Рядъ подобныхъ же наблюденій можно сдѣлать и по книгамъ другихъ уѣздовъ, напримѣръ, Коломенскаго и Московскаго: въ первомъ изъ нихъ 47 вотчинъ оказываются изстариннымъ, 2 приобрѣтены по купчей, 1 по закладной, 10 по духовной⁴⁾ и пр. Итакъ основные приемы описанія не находятся въ противорѣчій съ современной теоріей и практикой статистики, такъ что ихъ изученіе не даетъ намъ права подозрѣвать достовѣрность результатовъ наблюденія.

Но изслѣдователи отмѣчаютъ отдѣльныя частности этихъ приемовъ, повидимому способныя разочаровать насъ въ цѣнности свѣдѣній, сообщаемыхъ источникомъ; въ самомъ дѣлѣ: почему бы не снабдить насъ подробными данными о количествѣ женскаго населенія? а этого и недостаетъ въ писцовыхъ книгахъ, что и ставитъ имъ въ упрекъ г. Лаппо-Данилевскій⁵⁾; но этотъ почтенный изслѣдователь забываетъ при этомъ, что къ живому явленію, къ документу, созданному житейской практикой и потребностями времени, нельзя подходить съ апіорнымъ кабинетнымъ мѣриломъ; древнерусскіе писцы не справлялись съ требо-

¹⁾ Писц. кн., изд. Калачевымъ, ч. I, отд. I, стр. 277 и слѣд. Ср. *Рождественскій*, Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI в., въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за 1895 г., май, стр. 75.

²⁾ См., напр., Арх. Мин. Юст., писц. кн. 740, лл. 108 об.—148.

³⁾ *Лаппо*, Тверской уѣздъ въ XVI в., М., 1894, стр. 222—223.

⁴⁾ Подсчетъ произведенъ пишущимъ эти строки на основаніи писц. книгъ изд. Калачевымъ, часть I, отд. I, стр. 335—608.

⁵⁾ Организация прямого обложенія, стр. 206.

ваніями, подобными нашимъ, а отвѣчали лишь на тѣ вопросы, которые соотвѣтствовали прямой и непосредственной цѣли описанія; имъ нужно было опредѣлить, въ какой мѣрѣ земля была въ состояніи отбывать государственное тягло,—а для этого необходимо было ознакомиться только съ количествомъ взрослого мужского населенія, что впрочемъ и для насъ имѣетъ первостепенное значеніе. Такое ограниченіе задачи лишній разъ свидѣтельствуешь только о практическихъ достоинствахъ писцовыхъ книгъ, т. е. увеличиваетъ наше къ нимъ довѣріе. Мы конечно, согласимся—далѣе—съ г. Лаппо-Данилевскимъ, что въ то время не было научнаго, т. е. химическаго, анализа почвъ¹⁾, но нельзя не признать слишкомъ поспѣшнымъ тотъ выводъ, что сравненіе различныхъ земель по ихъ качеству опиралось исключительно на наблюденія за результатами урожая, причемъ эти наблюденія ограничивались будто бы тѣснымъ райономъ опредѣленной мѣстности, охватывавшейся въ данный моментъ описаніемъ²⁾. Прежде всего, оставаясь въ предѣлахъ XVI вѣка, замѣтимъ, что въ то время въ странѣ не могло еще быть такого большого различія въ почвѣ разныхъ мѣстностей, какое существуетъ теперь; вѣдь Московская Русь тогда только касалась границъ южнаго и восточнаго чернозема, не захвативъ его еще широкимъ колонизаціоннымъ движеніемъ. А затѣмъ есть признаки, указывающіе на болѣе объективное мѣрило, которымъ руководились при дѣленіи земли на добрую, среднюю, худую и добре-худую; въ писцовой книгѣ Бѣжецкой пятины, относящейся къ половинѣ XVI вѣка, встрѣчаются нерѣдко такіа замѣчанія: «положено въ обжа по полвосми корабей въ полѣ, потому что земля худа (или добре-худа), *камениста и песчата*»³⁾; въ сотной выписи дворцовыхъ земель въ Волоколамскомъ уѣздѣ 1543—44 г. между прочимъ читаемъ о крестьянахъ деревни Починокъ Короткой: «а пахать имъ въ селѣ на Буйгородѣ полвыти (т. е. относительно меньше, чѣмъ прочимъ крестьянамъ), потому что деревня сгорѣла и земля у ней худа, *песокъ*»⁴⁾. Эти два характерныхъ примѣра убѣдительно свидѣлствуютъ, что земли различались по качеству не только по степени ихъ урожайности въ извѣстное, быть можетъ,

¹⁾ Организация прямого обложенія, стр. 206.

²⁾ Тамъ же, стр. 222—224.

³⁾ Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, книга по Новг. № 4 — цитировано у г. Дьяконова въ его рецензій на „Спорные вопросы финанс. ист. Моск. гос.“ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1893 г., июль.

⁴⁾ Архивъ Министерства Юстиціи, грамоты коллегіи экономіи, № 2432, Волоколамскій уѣздъ.

очень непродолжительное время, но и на основаніи наблюденій за составомъ почвы. Конечно, отсюда еще далеко до научной точности химическаго анализа, но нѣтъ сомнѣнія, что для практическихъ цѣлей было совершенно достаточно и этихъ эмпирическихъ хозяйственныхъ наблюденій: припомнимъ, съ какимъ искусствомъ и теперь достигаетъ крестьянскій міръ земельного уравненія путемъ дробленія земли на «ярусы» или «коны», въ основѣ которыхъ лежитъ по преимуществу различіе земель по качеству ¹⁾. Изъ этого слѣдуетъ, что показанія писцовыхъ книгъ объ относительномъ количествѣ доброй, средней и худой земли нельзя заподозривать: они имѣютъ свои серьезныя основанія.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ одномъ замѣчаніи г. Миклашевскаго, который придаетъ ему очень важное значеніе. Онъ приводитъ изъ писцовыхъ книгъ Новосильскаго уѣзда 1628 — 30 гг. одинъ итогъ, въ которомъ значится, что помѣщичьей пашни паханой было 503 четверти, а крестьянской — только 25 четвертей, если не считать 972 четвертей, паханныхъ наѣздомъ; при этомъ любопытно, что при переводѣ четвертной пашни на сошное письмо вся помѣщичья пашня, хотя и паханая, считается въ пустѣ, въ живущемъ же считается только 25 четвертей крестьянской пашни. Указывая, что этихъ 25 четвертей слишкомъ мало для 91 крестьянскаго и бобыльскаго двора, за которыми онѣ числятся, г. Миклашевскій спрашиваетъ: «не показана ли въ данномъ случаѣ только облагаемая, окладная пашня паханая?». На этомъ основаніи дѣлается выводъ, что надо относиться осторожнѣе къ цифрамъ пашни паханой ²⁾, и что эти цифры «суть часто результатъ ариметическихъ вычисленій, производившихся для финансовыхъ цѣлей, а въ такихъ случаяхъ цифры количества перелога, дикаго поля и проч. теряютъ точно также свой смыслъ въ качествѣ показателей распредѣленія земли по угодыямъ» ³⁾. Принявъ этотъ выводъ, мы должны такимъ образомъ сильно ограничить значеніе писцовыхъ книгъ, какъ историческаго источника: онѣ оказываются негодными для рѣшенія одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ сельскохозяйственной экономіи. Дѣло однако въ томъ, что документъ, на который опирается г. Миклашевскій, нисколько не свидѣтельствуетъ въ пользу его мнѣнія. Прежде всего нѣтъ ничего удивительнаго, что пашня паханая наѣздомъ считается въ пустѣ: во всѣхъ писцовыхъ

¹⁾ Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Моск. губ., отдѣлъ хоз. статистики, т. IV, вып. I, М., 1879, стр. 22—24.

²⁾ Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, стр. 46—47.

³⁾ Тамъ же, стр. 62.

книгахъ можно наблюдать это явленіе; оно однако не мѣшаетъ намъ разсмотрѣть истину, руководясь этими же писцовыми книгами, которыя строго отличаютъ хозяйственное описаніе отъ финансоваго обложенія: онѣ знаютъ, сколько земли распахивается въ данной мѣстности регулярно, при правильномъ сѣвооборотѣ, и сколько пахнетъ временами, періодически, «наѣздомъ»; съ другой стороны въ нихъ всегда отмѣчается, что обложенію подлежить только земля, находящаяся въ правильномъ сѣвооборотѣ. Помня все это, мы должны считать размѣры крестьянской папши въ данномъ случаѣ въ 997 четвертей (25 + 972); чего совершенно достаточно на 91 крестьянскій и бобыльскій дворъ, если даже не принимать во вниманіе, что бобыли въ XVI вѣкѣ были большею частью людьми «непахенными», что однако несомнѣнно въ виду многочисленныхъ указаній въ этомъ смыслѣ, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ новгородскихъ пятинъ¹⁾. Гораздо любопытнѣе и важнѣе другое обстоятельство, констатируемое приводимой у г. Миклашевскаго цитатой: причисленіе владѣльческой паханой папши къ пустымъ сохамъ, т. е. иначе говоря, свобода помѣщичьей, барской запашки отъ податей. Два главные наши авторитета въ области финансовой исторіи Московскаго государства,—гг. Милюковъ и Лаппо-Данилевскій, какъ извѣстно, расходятся въ вопросѣ о томъ, была ли когда либо барская запашка свободна отъ податей²⁾? Вопросъ этотъ ждетъ еще своего разрѣшенія путемъ болѣе подробныхъ наблюденій и, быть можетъ, отвѣтъ получится не одинаковый для разнаго времени и разныхъ мѣстностей³⁾. Документъ, на который ссылается г. Миклашевскій, содержитъ въ себѣ очень цѣнное указаніе въ этомъ смыслѣ, но онъ вовсе не даетъ намъ права сомнѣваться въ точности цифровыхъ показаній писцовыхъ книгъ о размѣрахъ различныхъ угодій: вѣдь и Новосильская книга, хотя и исключаетъ барскую запашку изъ числа земель, подлежащихъ податному обложенію, не скрываетъ однако отъ насъ, что эти 503 четверти дѣйствительно распахивались, подвергались реальной сельскохозяйственной эксплуатаціи. А если ошибочны скеп-

¹⁾ См., напр., Арх. М. Юст., писц. кн. 959 и 965; ср. *Лаппо-Данилевскій*, Организация прямого обложенія, стр. 101, 102; и *Дьяконовъ*, Бобыли въ XVI и XVII вв.: „Журналъ Мин. Народ. Просв.“ за 1896 г., апрѣль, стр. 245.

²⁾ См. *Лаппо-Данилевскій*, Организация прямого обложенія, стр. 53; *Милюковъ*, Спорные вопросы финансовой исторіи, стр. 78. Ср. мнѣніе проф. *Ключевскаго*: „Подушная подать и отмѣна холопства“ въ „Русской Мысли“ за 1886 годъ, № 10, стр. 13.

³⁾ Въ настоящее время вопросъ разрѣшенъ: См. наше „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.“ стр. 266—268.

тическія замѣчанія г. Миклашевскаго относительно папши паханой, то скептицизмъ теряетъ свою почву и по отношенію къ прочимъ видамъ земельныхъ угодій.

Кромѣ ясности и точности программы, опредѣленности употребляемыхъ мѣръ и правильности приѣмовъ современная теорія статистики считаетъ необходимымъ условіемъ точности отдѣльнаго статистическаго наблюденія еще правильный выборъ времени для производства переписи. Для надлежащей регистраціи населенія важно, чтобы перепись производилась по возможности одновременно на большомъ пространствѣ, даже въ цѣлой странѣ; конечно, этому требованію писцовыя книги далеко не удовлетворяли, почему г. Лаппо-Данилевскій и считаетъ заключающіяся въ нихъ цифры населенія минимальными, значительно преуменьшенными сравнительно съ дѣйствительностью¹⁾. Не слѣдуетъ однако и здѣсь впадать въ крайность и переходить мѣру разумной критики: уже г. Милуковъ справедливо указалъ, что, будучи часто минимальной въ моментъ переписи, цифра населенія очень скоро становилась максимальной, превышавшей дѣйствительную, на что и указываютъ многочисленныя ходатайства землевладѣльцевъ передъ правительствомъ о льготахъ²⁾; къ этому надо еще прибавить, что передвиженіе населенія совершалось въ то время хотя и чаще,—но гораздо медленнѣе, чѣмъ теперь; поэтому, если, напримѣръ, въ двухъ сосѣднихъ уѣздахъ перепись производилась и не въ одинъ годъ, а въ разные, но сопредѣльные,—большихъ неточностей въ исчисленія населенія отъ этого произойти не могло. Кромѣ того, обсуждая вопросъ о времени переписей XVII вѣка, г. Лаппо-Данилевскій находитъ, что оно было выбираемо крайне-неудачно: охватывало мѣстности, находившіяся во временно-ненормальныхъ условіяхъ³⁾. Оставаясь пока въ предѣлахъ XVI вѣка, замѣтимъ, что къ описаніямъ этого времени подобный упрекъ относиться не можетъ. Извѣстно, что массовыя описанія конца 30-хъ и 40-хъ годовъ, а также и второй половины вѣка вызваны были соображеніями административно-финансоваго свойства, главнымъ образомъ потребностью равномернѣе распредѣлить тягло въ разныхъ областяхъ страны и установить единообразную единицу обложенія, а вовсе не бѣдствіями, временно постигавшими ту или другую часть территоріи государства⁴⁾.

¹⁾ Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 214.

²⁾ Спорн. вопросы финансовой исторіи Моск. госуд., стр. 106.

³⁾ Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 205.

⁴⁾ Милуковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Моск. государства, стр. 50—52.

Чтобы покончить съ вопросомъ о точности отдѣльнаго наблюденія при составленіи писцовыхъ книгъ, необходимо взвѣсить, съ одной стороны, тѣ обманы со стороны населенія, которымъ подвергались писцы, и тѣ ошибки, которыя сопровождали производство переписей,—съ другой, коррективы этихъ недостатковъ, существовавшіе въ то время. Обманы, конечно, могли и даже должны были существовать: населеніе старалось показывать меньшее количество папши, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, чтобы платить поменьше; служилые люди намѣренно уменьшали числа, пущійся за ними дѣйствительный помѣстный земельный капиталъ, чтобы тѣмъ подчеркнуть несоотвѣтствіе своего оклада съ дѣйствительной дачей, выдавали свои помѣстья за вотчины и пр. ¹⁾ Правительство имѣло однако достаточно-раціональныя средства для борьбы съ этимъ зломъ: противъ уклоненія отъ отбыванія тягла и намѣренного уменьшенія показаній о запашкѣ оно выставляло писцамъ требованіе брать съ собой поповъ и крестьянъ не изъ одной волости, а изъ многихъ: лица, принадлежавшія къ разнымъ волостямъ, не были связаны круговой порукой по отбыванію податей и повинностей, почему и могли быть безпристрастными цѣнителями показаній опрашиваемыхъ. Злоупотребленія служилыхъ людей, помимо этой же гарантіи противъ нихъ, предотвращались еще челобитьями своей же братіи—сосѣдей и совладѣльцевъ. Въ грамотахъ коллегіи экономіи сохранился для насъ богатый матеріалъ, составленный изъ подобныхъ челобитныхъ. Изъ нихъ же видно, что при отправленіи для производства переписи писцы всегда снабжались старыми писцовыми книгами или, если они ѣхали для описанія отдѣльныхъ имѣній, выписками изъ старыхъ книгъ. Мы думаемъ вообще, что писцовыя книги едва-ли больше теряли отъ неизбежныхъ обмановъ, чѣмъ современныя статистическія изслѣдованія.

Но не больше ли было въ древнерусскомъ кадастрѣ ошибокъ, чѣмъ теперь? Вѣдь писцы были люди вообще необразованные и въ частности мало свѣдущіе въ землемѣрномъ искусствѣ. Имъ мало помогали въ этомъ и руководства къ землемѣрію и податному обложенію, такъ называемыя «сошныя книги», очень часто ошибочно опредѣлявшія площади неправильныхъ фигуръ ²⁾. Въ общемъ въ этой критикѣ много печальной правды, но и здѣсь

---

¹⁾ *Ланто-Данилевскій*, Организация прямого обложенія, стр. 209; *Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйственного быта Московскаго государства, стр. 62.

²⁾ *Миклашевскій*. Къ исторіи хозяйственного быта Московскаго государства, стр. 62.

найдутся обстоятельства, смягчающія общій мрачный колоритъ этой пессимистической картины повальнаго невѣжества московскихъ писцовъ. Да, теоретически они были мало свѣдуши, но между ними и крестьянами было одно прочное связующее звено: и тѣ и другіе были практики, дѣльцы, берущіе не знаніемъ, а умѣньемъ, практической сноровкой. Извѣстно, что и тогда, какъ и теперь въ крестьянскомъ міру, измѣреніе земли производилось веревкой опредѣленной длины. Въ наше время крестьяне при помощи этого примитивнаго орудія мѣры достигаютъ удивительной точности въ своихъ измѣреніяхъ. Эта точность есть, конечно, результатъ вѣкового опыта, передававшагося изъ поколѣнія въ поколѣніе,—она не должна быть, слѣдовательно, чужда и древнерусскому землемѣрному искусству. При всемъ томъ «мѣрщикъ» иногда становился въ тупикъ, не могъ произвести возложенной на него работы; къ чести его надо замѣтить, что онъ въ такихъ случаяхъ прямо сознавался въ своемъ неумѣньѣ: «тое пожню мѣрити немочно, потому что вода велика и тростникомъ завалило въ иныхъ мѣстѣхъ»¹⁾, или: «пожня «вдоль 700 сажень, а поперекъ мѣрити немочно»²⁾—вотъ довольно часто встрѣчающіяся въ книгахъ указанія на безсиліе писцовъ вполне справиться съ своей задачей. Эти простодушныя признанія имѣютъ однако ту цѣну, что внушаютъ тѣмъ больше довѣріе къ другимъ цифрамъ, гдѣ писцы, очевидно, не затруднялись въ измѣреніи. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ виду слабой теоретической землемерной подготовки писцовъ и отсутствія вполне удовлетворительныхъ геодезическихъ руководствъ, всѣ абсолютныя цифры разныхъ угодій надо считать вѣрными только приблизительно, и мѣра этого приближенія къ дѣйствительности, конечно, далеко уступаетъ степени вѣрности современныхъ землемерныхъ работъ. Зато по даннымъ писцовыхъ книгъ мы можемъ смѣло заключить объ относительныхъ размѣрахъ разныхъ угодій: если писцы ошибались, то они ошибались при измѣреніи сѣнокосовъ въ той же степени, какъ и при измѣреніи пахотной земли: одинаковая абберация въ обоихъ случаяхъ не мѣшаетъ сохраненію дѣйствительнаго отношенія между размѣрами, того и другого вида угодій.

Итакъ, мы рассмотрѣли программу древнерусскихъ описаній и убѣдились въ ея ясности и простотѣ, познакомились съ мѣрами, въ то время употреблявшимися, и оказалось, что онѣ обладаютъ необходимымъ для точности качествомъ—опредѣленностью, изслѣдовали общіе приемы описанія, достаточно правильные, убѣди-

¹⁾ Арх. Мин. Юст., писцовыя кн. 740, л. 42.

²⁾ Тамъ же, л. 29.

лись, что время, выбираемое для переписей, обманно со стороны населенія и—въ значительной степени — даже ошибки писцовъ лишь незначительно понижаютъ качество матеріала. Логическимъ выводомъ изъ этого будетъ, конечно, признаніе, что писцовыя книги въ достаточной мѣрѣ удовлетворяютъ требованію точности отдѣльнаго наблюденія, выставляемому современною статистической теоріей. Слабѣ всего абсолютныя цифры размѣровъ разныхъ угодій, но такъ какъ единственная причина этого—слабость землемѣрнаго искусства, то эти цифры даютъ несомнѣнно достовѣрный матеріалъ для выводовъ объ *относительныхъ* размѣрахъ разныхъ угодій.

Остальныя три предъявляемыхъ теоріей статистики требованія—полноты наблюденія, точности вычисленія и возможности заключить о причинной связи изслѣдуемыхъ явленій—имѣютъ вообще производное, вторичное значеніе сравнительно съ точностью отдѣльнаго наблюденія, зависать отъ нея и ею въ значительной степени опредѣляются; въ частности по отношенію къ писцовымъ книгамъ и степени ихъ достовѣрности они не играютъ и той роли, какая имъ принадлежитъ при критикѣ современныхъ статистическихъ трудовъ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь подъ полнотою наблюденія разумѣется наличность такого числа случаевъ наблюденія, какое достаточно для того, чтобы сдѣлать правильный и достовѣрный общій выводъ¹⁾. Но вѣдь извѣстно, что общими экономическими выводами древнерусскіе писцы не занимались, такъ какъ цѣль ихъ работы была несравненно уже. Сдѣлать эти выводы должны современные изслѣдователи, и намъ здѣсь остается только замѣтить, что въ смыслѣ массы отдѣльныхъ наблюденій писцовыя книги способны удовлетворить самымъ взыскательнымъ требованіямъ: матеріала въ нихъ очень много и отъ насъ зависитъ охватить его возможно шире и тѣмъ обезпечить полноту наблюденія.

Точность вычисленія, конечно, необходима, и всѣмъ, занимавшимся писцовыми книгами, извѣстно, что итоги въ нихъ не удовлетворяютъ этому условію: въ нихъ очень часто встрѣчаются ошибки; но что же изъ этого слѣдуетъ? Значить ли это, что нельзя довѣрять источнику? Конечно, не значить, потому что всякій итогъ мы можемъ всегда провѣрить, руководясь подробнымъ описаніемъ. Не слѣдуетъ, значить, вѣрить только итогамъ, а затѣмъ отъ насъ зависитъ правильно сосчитать отдѣльныя наблюденія, занесенныя въ писцовыя книги.

Наконецъ, возможны ли причинныя выводы изъ матеріала,

¹⁾ *Фортуатовъ*, Сельскохозяйственная статистика, стр. 28.

представляемого писцовыми книгами? Можем ли мы, на основании этого материала, отличить, например, общія причины, создавшія то или другое важное явление, отъ причинъ частныхъ, дѣйствующихъ только въ извѣстномъ небольшомъ районѣ и въ теченіе небольшого промежутка времени? И здѣсь также возможность такихъ выводовъ зависитъ, съ одной стороны, отъ количества матеріала; съ другой, отъ нашего умѣнья имъ оперировать. Такъ какъ матеріалъ въ писцовыхъ книгахъ достаточно, а современная теорія статистики, опираясь отчасти и на математическую теорію вѣроятностей, обладаетъ вполне раціональными приемами въ дѣлѣ опредѣленія причинной зависимости наблюдаемыхъ явленій, то нѣтъ основанія сомнѣваться въ плодотворности выводовъ въ этомъ направленіи, основанныхъ на изученіи писцовыхъ книгъ. Конечно, древніе писцы не задавались такими широкими задачами и, замѣтимъ въ скобкахъ, очень хорошо дѣлали, такъ какъ изъ подобныхъ усилій съ ихъ стороны все равно ничего бы не вышло, но зато, насколько это отъ нихъ зависѣло, они старались отмѣчать конкретныя причины отдѣльныхъ, частныхъ явленій; особенно любопытны и цѣнны въ этомъ отношеніи замѣчанія писцовыхъ книгъ о причинахъ и времени запустѣнія той или другой мѣстности; такъ изъ числа деревень, тянувшихъ къ дворцовому селу Паозерью въ Шелонской пятинѣ, по описанію 1572—73 года, 27 деревень запустѣло назадъ тому 6 лѣтъ, 9 деревень—назадъ тому 20 лѣтъ, 8—за 22 года до описанія и т. д., при чемъ 3 деревни запустѣли «отъ государевыхъ податей», 1 деревня «отъ государевыхъ податей и отъ мору и отъ тяжелые описи», 55 деревень «отъ мору» и пр.¹⁾ Нечего и говорить о томъ, какъ много свѣта вносятъ подобныя указанія въ вопросъ о причинахъ перемѣнъ въ составѣ и количествѣ населенія.

Вотъ въ главныхъ чертахъ все, что можно сказать о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ XVI вѣка. Изъ это видно, что древнерусской регистраціи были свойственны нѣкоторые значительные недостатки, но они все-таки не сыграли опредѣляющей роли по отношенію къ содержанію писцовыхъ книгъ, взятому въ цѣломъ. Нѣкоторыя данныя, особенно объ абсолютныхъ размѣрахъ разнаго рода угодій, можно считать менѣе надежными, чѣмъ другія, но и тутъ не слѣдуетъ заходить въ своемъ скептицизмѣ слишкомъ далеко особенно при сужденіи о размѣрахъ такого сравнительно легко поддающагося измѣренію угодья, какъ пахотная земля. Въ общемъ писцовыя книги достаточно достовѣрный

¹⁾ Арх. Мин. Юст., писц. кн. 706, лл. 56 об.—102 об.

источникъ. Ихъ отличительныя особенности сравнительно съ современными работами этого рода—большая узость задачи, обезпечивавшая зато большій успѣхъ выполненія, чѣмъ это было бы возможно при широкой программѣ,—и отсутствіе правильной научной обработки собраннаго матеріала, что составляетъ вмѣстѣ и сильную и слабую сторону источника,—сильную, потому что, будучи строго-конкретными, писцовыя книги даютъ намъ надежную точку опоры въ нашей работѣ, не подмѣняя фактическихъ данныхъ неизбѣжно-ошибочными общими выводами, — слабую, такъ какъ, представляя собою сырой матеріалъ въ самомъ первоначальномъ видѣ, древнерусскія описанія заставляютъ насъ потратить много труда и времени на чисто механическую счетную работу и принуждаютъ углубиться въ изученіе и примѣненіе многихъ частныхъ и подробностей статистической техники.

Не будемъ же съ излишнимъ скептицизмомъ относиться къ одному изъ важнѣйшихъ источниковъ нашей исторіи и пожелаемъ, чтобы на его изученіи сосредоточилось возможно большее количество научныхъ силъ.

Въ заключеніе считаю нужнымъ оговориться, что я не думаю утверждать, будто писцовыя книги не подлежатъ исторической критикѣ: ихъ необходимо подвергать повѣркѣ, но дѣлать надо это не такъ, какъ дѣлаютъ гг. Лаппо-Данилевскій и Миклашевскій, не съ точки зрѣнія современной теоріи статистики; надо обращать вниманіе на конкретныя условія, подъ влияніемъ которыхъ сложились дошедшіе до насъ отдѣльные списки разныхъ писцовыхъ книгъ. Мнѣ извѣстны два примѣра такой здоровой критики писцовыхъ книгъ: одинъ—въ докладѣ нашего почтеннаго товарища предсѣдателя Археграфической комиссіи Московскаго Археологическаго общества В. И. Холмогорова, другой удачный опытъ произведенъ провинціальнымъ изслѣдователемъ, г. Дмитріевымъ, по отношенію къ древнѣйшимъ пермскимъ писцовымъ книгамъ Яхонтова¹⁾. Такъ какъ докладъ В. И. Холмогорова извѣстенъ гг. членамъ комиссіи, то я укажу только на выводы г. Дмитріева. Изучая писцовыя книги Яхонтова, этотъ изслѣдователь замѣтилъ, что въ итогахъ ихъ значится больше деревень, починковъ и займищъ, чѣмъ въ самомъ описаніи. Эта разница такъ велика, что ее нельзя въ данномъ случаѣ объяснить обычною неточностью счета. Но дѣло въ томъ, что подлинная книга Яхонтова сгорѣла въ московскомъ пожарѣ 1626 г. и сохранившіеся ея списки есть результатъ позднѣйшей конструктивной работы, исполненной, какъ это документально

¹⁾ См. „Труды Пермской ученой архивной комиссіи“, выпускъ II, Пермь, 1893, стр. 15—20.

доказывает г. Дмитриевъ, уже въ половинѣ XVII вѣка. Эти выводы подтверждаются еще однимъ любопытнымъ обстоятельствомъ: въ 1623—24 гг. другой писецъ, Кайсаровъ, производя описаніе пермскихъ Строгановскихъ вотчинъ, пользовался и книгами Яхонтова, тогда еще существовавшими въ подлинномъ видѣ; онъ отмѣтилъ въ своихъ книгахъ итоги описанія Яхонтова, и оказывается, что они согласны съ итогами, указанными въ возстановленныхъ Яхонтовскихъ книгахъ, и противорѣчатъ самому тексту описанія въ этихъ послѣднихъ. Очевидно, вѣрить надо итогамъ, а не тексту описанія.

Безъ такого анализа данныхъ изслѣдователь экономического быта XVII вѣка неизбѣжно впалъ бы въ крупную ошибку. Въ эту сторону и должна быть направлена критика писцовыхъ книгъ вмѣсто того, чтобы одерживать легкія на первый взглядъ, но, какъ мы только что убѣдились, сомнительныя побѣды надъ «невѣжествомъ» древнерусскихъ писцовъ.

В. Сергѣевичъ. Древности русскаго права. Томъ третій. Спб. 1903.

Третій томъ обширнаго труда, предпринятаго проф. Сергѣевичемъ, представляет не меньшій, если не большій, интересъ, чѣмъ первые два. Интересъ этотъ двоякаго рода: во-первыхъ, новый томъ затрогиваетъ коренные, важнѣйшіе научные вопросы, наиболѣе сильно занимающіе вниманіе молодого поколѣнія лицъ, занимающихся исторіей; во-вторыхъ, ставятся методологическіе вопросы, имѣющіе первенствующее значеніе во всякой наукѣ: г. Сергѣевичъ не мало сѣтуетъ на «недостатокъ школы» въ нашей ученой исторической литературѣ, на неумѣнье правильно читать и понимать источники и на отсутствіе надлежащей научной подготовки ¹⁾).

Книга, если не считать обзоръ литературы предмета, распадается на двѣ части: въ одной говорится объ исторіи древнерусскаго землевладѣнія и хозяйства, въ другой о податномъ обложеніи. Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью разборъ только первой части, потому что, во-первыхъ, эта часть имѣетъ наибольшую важность, и во-вторыхъ, основные приемы и результаты изслѣдованій автора хорошо выясняются уже при критическомъ разсмотрѣніи именно этой части.

Г. Сергѣевичъ дробитъ свое изложеніе исторіи древнерусскаго землевладѣнія и хозяйства на три отдѣла: одинъ озаглавленъ «своеземцы, государство, крестьянскія общины»; другой—«деревня, дворъ, село, погостъ»; третій—«хозяйственное пользованіе землями». Въ первомъ отдѣлѣ г. Сергѣевичъ разбираетъ слѣдующіе главные вопросы: 1) кто были своеземцы? 2) какъ возникло въ Новгородѣ государственное землевладѣніе? 3) существовало ли въ древней Руси общинное землевладѣніе? Второй отдѣлъ посвященъ 1) опредѣленію размѣровъ деревень, 2) уясненію перво-

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 495 и примѣчаніе на стр. 496.

начального типа деревни, 3) определению размеров запашки, 4) анализу состава дворового населения и способу его регистрации в писцовых книгах, 5) вопросу о складниках, 6) определению значения погоста. Наконец, третий отдел трактует 1) о размерах земельных владений, 2) о системах хозяйства, 3) о формах землевладения и хозяйства, 4) о величине наемной платы, при чем изложение, соединенное с критикой воззрений других исследователей, отличается значительной разбросанностью: так, напр., вопросы о хозяйственном значении бобылей, холопов, захребетников, подворников, относящиеся, несомненно, к формам хозяйства, отделены от вопросов имь родственных, — о барщинѣ, барской запашкѣ и оброкѣ¹⁾. В третьем отделѣ автору вообще нерѣдко приходится возвращаться к вопросам, разобранным в двух первых отделах, и отсюда происходят повторения, иногда даже противорѣчія. Уже это указывает на нѣкоторую нестройность изложения. Такая нестройность подчеркивается еще одним обстоятельством: каждый из трех названных отделов стоит особнякомъ, вѣ органической связи съ другими, такъ что впечатлѣнія цѣльности и связности изучаемыхъ явленій не получается, а это дурной признакъ: автору, значитъ, едва ли удалось понять старинное землевладѣніе и хозяйство въ достаточной мѣрѣ, потому что понять какое-либо явленіе исторической жизни значитъ уяснить себѣ законъ его развитія и отношенія къ другимъ явленіямъ. Слѣдовательно, въ лучшемъ случаѣ мы получимъ въ трудѣ г. Сергѣевича только «разсыпанную хранину» фактовъ, отдѣльныхъ наблюдений, которыя придется обобщить самому читателю.

Но, быть можетъ, это—чисто-внѣшній недостатокъ, съ избыткомъ восполняющійся серьезностью и глубиной содержанія? Присмотримъ внимательнѣе къ послѣднему. Главное вниманіе мы обратимъ при этомъ на тѣ взгляды автора, которые должны быть признаны оригинальными, и на представленную имъ критику чужихъ воззреній. Удобнѣе будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ соединить отдѣльныя части сочиненія г. Сергѣевича, трактующія объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ, и по каждому изъ этихъ вопросовъ формулировать взглядъ автора въ его цѣломъ, безъ той отрывочности и безпорядка, какимъ отличается разбираемое изслѣдованіе.

Первый основной вопросъ при изученіи землевладѣнія—это, конечно, вопросъ о субъектѣ владѣнія землей. Г. Сергѣевичъ категорически заявляетъ, что «типъ первоначального новгородскаго владѣльца представляетъ своеземецъ, т. е. частный соб-

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 132—148 и стр. 92—101.

ственниковъ»¹⁾, при чемъ понятіе «своеземецъ» у нашего автора отличается необыкновенно—широкимъ содержаніемъ: къ своеземцамъ, по его мнѣнію, относятся не только «купцы, посадскіе люди, иконники, конюхи, попы»²⁾, но и сведенные Иваномъ III изъ Новгорода старинные новгородскіе бояре³⁾ и даже «монастыри и церкви»⁴⁾. Что купцы, посадскіе люди, иконники, конюхи, попы считались въ Новгородѣ своеземцами,—это несомнѣнно по той причинѣ, что земельныя владѣнія всѣхъ ихъ въ новгородскихъ переписныхъ оброчныхъ книгахъ конца XV вѣка *всеида* значатся подъ рубрикой «села и деревни своеземцевъ». Съ данными источниковъ согласно такимъ образомъ и утвердившееся въ литературѣ мнѣніе, что своеземцами или земцами назывались лица изъ низшаго слоя свободнаго населенія, такъ называемыхъ «черныхъ людей», владѣвшія на правѣ собственности землей⁵⁾. Несогласіе съ общепринятымъ объясненіемъ во всякомъ случаѣ обязываетъ автора представить обстоятельныя доказательства своего вывода. Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Относительно бояръ нѣтъ ничего, кромѣ голословнаго увѣренія, что они тоже были своеземцами⁶⁾, что же касается монастырей, церковей и владыки, то они своеземцы потому, что «старинныя владѣнія духовныхъ учреждений описываются иногда подъ рубрикой своеземцевъ непосредственно вслѣдъ за своеземцами, т. е. тоже какъ своеземцы»⁷⁾. Вотъ и все доказательство. Но для всякаго, кто внимательно читалъ новгородскія переписныя оброчныя книги конца XV вѣка, ясно, что это доказательство не имѣетъ достаточной силы: самъ г. Сергѣевичъ замѣчаетъ, что владѣнія церковныхъ учреждений лишь *иногда* заносятся подъ рубрику своеземцевъ; въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ села и деревни монастырскія и владычни описываются подъ особыми отъ своеземцевъ рубриками, такъ что исключенія, если бы они оказались, слѣдуетъ приписать простой небрежности переписчика, пропустившаго долженствовавшую стоять рубрику. Этого однако мало: даже тѣ мѣста переписныхъ оброчныхъ книгъ, на которыя ссылается г. Сергѣевичъ,

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 12 и 7.

²⁾ Тамъ же, стр. 8.

³⁾ Тамъ же, стр. 7.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 9.

⁵⁾ См. напр., *Костомаровъ*, Сѣвернорусскія народоправства, томъ II, Спб. 1863, стр. 31; *Никитскій*, Исторія экономич. быта В. Новгорода, стр. 40; *Ключевскій*, Боярская дума др. Руси, изд. 2-е, стр. 183, и др.

⁶⁾ Древности русскаго права, томъ III, стр. 7.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 9.

не подтверждают его вывода, потому что не являются исключениями из общего правила: во *всѣхъ почти этихъ мѣстахъ ссѣтъ необходимыя рубрики*, вопреки утверженію г. Сергѣевича. Авторъ ссылается въ подтвержденіе своего толкованія слова «своеземецъ» на слѣдующія десять мѣстъ писцовыхъ новгородскихъ книгъ: «Временникъ», XII, 30, 64, 139, 178, и Новг. писц. книги, т. III, 22, 51, 65, 78, 104, 276 ¹⁾. Провѣряя его ссылки, видимъ, что въ первомъ случаѣ есть необходимая рубрика: въ текстѣ сказано: «въ Городенскомъ же погостѣ монастырскіе» ²⁾. То же самое надо сказать о второмъ ³⁾, третьемъ ⁴⁾, пятомъ ⁵⁾, седьмомъ ⁶⁾, восьмомъ ⁷⁾ и девятомъ ⁸⁾ случаяхъ. Съ перваго взгляда даже непонятно, какъ г. Сергѣевичъ не замѣтилъ надлежащихъ рубрикъ. Нѣкоторое разъясненіе даютъ въ этомъ отношеніи двѣ другія ссылки автора, — четвертая и десятая. Эти ссылки прямо невѣрны: на стр. 178 XII тома «Временника» нѣтъ, конечно, рубрики «въ Иломанскомъ же погостѣ деревни монастырскія», но она есть на слѣдующей страницѣ ⁹⁾ и по совершенно-понятной причинѣ: на 178-й страницѣ оканчивается описаніе имѣній своеземцевъ, а монастырскія вотчины начинаются только на стр. 179. Еще болѣе неточна десятая ссылка: на 276 столбцѣ мы тщетно стали бы искать рубрики «въ Городенскомъ погостѣ монастырскіе», но по той причинѣ, что тутъ не начинается, а продолжается описаніе монастырскихъ вотчинъ, начатое двумя столбцами раньше, на 274 столбцѣ, гдѣ и есть необходимая рубрика ¹⁰⁾. Теперь ясно, что ошибочныя, не подтверждающія мысли автора ссылки на источники произошли отъ недостаточно-внимательнаго ихъ чтенія. Одинъ только изъ приведенныхъ г. Сергѣевичемъ случаевъ — именно шестой — на первый взглядъ какъ будто

¹⁾ Тамъ же, стр. 9.

²⁾ Временникъ, XII, 30.

³⁾ Временникъ, XII, 64: „въ Сакульскомъ погостѣ монастырскіе“.

⁴⁾ Временникъ, XII, 139: „въ Кирьяшскомъ погостѣ монастырскіе“.

⁵⁾ Новгородскія писц. книги, III, 22: „въ Пидебскомъ же погостѣ деревни владычни“.

⁶⁾ Новг. писц. кн., III, 65: „въ Гдицкомъ же погостѣ села и деревни монастырскіе“.

⁷⁾ Новг. писц. кн., III, 78: „въ Тесовскомъ же погостѣ деревни монастырскіе“.

⁸⁾ Новг. писц. кн., III, 104: „въ Спаскомъ же погостѣ монастырскіе и церковныя“.

⁹⁾ Временникъ, XII, 179.

¹⁰⁾ Новг. писц. кн., т. III, 274: „въ Городенскомъ же погостѣ монастырскіе“.

подтверждает его мнѣніе, что монастырскія земли описывались иногда подъ общей рубрикой съ владѣніями своеземцевъ: въ указанномъ мѣстѣ читаемъ: «въ Лузскомъ же погостѣ волость Никольскаго монастыря Вежицкаго»¹⁾, а общей рубрики «деревни монастырскія» не находимъ. Но этотъ исключительный случай, казалось бы, слѣдовало объяснить проще всего небрежностью переписчика, пропустившаго необходимую рубрику, если бы не оказалось другого, еще болѣе естественнаго объясненія: дѣло въ томъ, что волость Никольскаго Вежицкаго монастыря—единственная монастырская вотчина Лузскаго погоста, а въ подобныхъ случаяхъ писцы, составлявшіе новгородскія книги, никогда не ставили общихъ рубрикъ, какъ легко можно усмотрѣть, напр., изъ описанія Гдицкаго погоста; тамъ было только *одно* имѣніе своеземца—«деревня своеземцева Оомкина Матвѣева сына Воронкина», и потому поредъ ней нѣтъ общей рубрики «деревни своеземцевы»²⁾. Разсуждая по методу г. Сергѣевича, пришлось бы признать на основаніи этого мѣста, что своеземцевы имѣнія относятся къ предыдущей общей рубрикѣ, т. е. что они не отличались отъ «сель и деревень великаго князя оброчныхъ». Неправильность методическихъ пріемовъ г. Сергѣевича и неосновательность его вывода выступаетъ такимъ образомъ съ совершенною очевидностью.

Отвергая такимъ образомъ предлагаемое г. Сергѣевичемъ распространительное, такъ сказать, толкованіе термина «своеземецъ», перейдемъ теперь къ другимъ частнымъ вопросамъ, входящимъ въ сферу общаго вопроса о субъектѣ земельного владѣнія. Прежде всего необходимо поговорить здѣсь о складникахъ. Г. Сергѣевичъ весьма опредѣленно, категорически высказывается о юридической природѣ складничества или складства. Складство, по его мнѣнію, «положеніе въ одну податную единицу (соху) для исчисления государева тягла»³⁾. Доказательствомъ этого мнѣнія служить единственный въ своемъ родѣ документъ, по которому писецъ князь Звенигородскій написалъ въ одну сошку четыре монастыря, и они оказываются въ складствѣ⁴⁾. Въ данномъ случаѣ авторъ примѣнилъ такимъ образомъ пріемъ, прямо противоположный тому, съ какимъ мы встрѣтились у него въ вопросѣ о «своеземцахъ»: придавая термину «своеземецъ» чрезмѣрно широкій смыслъ, г. Сергѣевичъ далъ черезчуръ ограничительное толко-

¹⁾ Новг. писц. кн., III, 51.

²⁾ Тамъ же, 65.

³⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 60.

⁴⁾ Акты Холмогорской епархіи, № 74.

ваніе слову «складникъ». Недавно появилась работа, которая представляет собою довольно тщательный анализ складства по изданнымъ источникамъ ¹⁾, и это избавляет насъ отъ необходимости возражать въ данномъ пунктѣ г. Сергѣевичу, такъ какъ въ общихъ выводахъ мы совершенно согласны съ г. Ключковымъ. Г. Ключковъ обстоятельно разбираетъ мнѣніе г. Сергѣевича и прежде всего доказываетъ, что въ томъ документѣ, на который ссылается послѣдній, четыре монастыря могутъ быть названы складниками не только по той причинѣ, что они написаны тяглою въ одну сошку, но и потому, что они владѣли сообща однимъ солянымъ промысломъ ²⁾. Затѣмъ г. Ключковъ приводитъ рядъ фактовъ, доказывающихъ неправильность толкованія г. Сергѣевича: въ 1678 г. нищій имѣлъ на своемъ дворѣ складника-бобыля; «нищій тягло не несъ, однако у него есть складникъ; очевидно, не тягло было основой даннаго складничества» ³⁾; въ другомъ случаѣ два ремесленника сложились капиталомъ для производства издѣлій изъ мѣди ⁴⁾; въ третьемъ складниками называются нѣсколько человекъ, которые сложились и купили на общія средства говяжье сало ⁵⁾; въ четвертомъ двое складываются «вмѣстѣ жити» и вести общее хозяйство ⁶⁾ и т. д. Общее заключеніе г. Ключкова таково: «складничество въ землевладѣніи возникло, во-первыхъ, на родственныхъ началахъ, во-вторыхъ, при соглашеніи вмѣстѣ жить и хозяйничать. въ-третьихъ, на почвѣ совместнаго труда и, въ четвертыхъ, при совладѣніи землями» ⁷⁾. Это—довольно полная и вполнѣ вѣрная характеристика складства, какъ оно передъ нами рисуется въ документахъ XVI и XVII вѣковъ. Можно только одно замѣтить: выводъ г. Ключкова не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ теоріей г-жи Ефименко о первоначальномъ кровномъ происхожденіи сябринныхъ или складническихъ отношеній по землевладѣнію: одно дѣло—позднѣйшія отношенія, а другое—ихъ зародышъ; г. Ключковъ хорошо характеризовалъ складство и разные его виды въ XVI и XVII вѣкахъ, но историческій процессъ его происхожденія остался у него нераскрытымъ, и въ этомъ отношеніи теорія г-жи Ефименко не

¹⁾ Ключковъ, Къ вопросу о складникахъ, въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ за 1901 годъ, ноябрь.

²⁾ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1901 г. ноябрь, стр. 34.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 35.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 36.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 42.

поколеблена. Что же касается вывода г. Сергѣевича, то совершенно ясно на основаніи сказаннаго, что онъ основанъ на недостаточномъ матеріалѣ и является не болѣе, какъ поспѣшнымъ и потому неправильнымъ обобщеніемъ.

Чтобы закончить разборъ взглядовъ г. Сергѣевича на субъекты земельного владѣнія въ древней Руси, остается разсмотрѣть два вопроса—о поземельной общинѣ и о государственномъ землевладѣніи. Г. Сергѣевичъ говоритъ о земельной общинѣ въ двухъ мѣстахъ своего труда¹⁾ и утверждаетъ, что земельной общины въ нашемъ смыслѣ слова не было, при чемъ ссылается на новгородскія писцовыя книги. Онъ, несомнѣнно, правъ, но это давно и хорошо доказано до него, такъ что ничего новаго тутъ нѣтъ; проще было бы просто назвать тѣ изслѣдованія, въ которыхъ раньше г. Сергѣевича доказана защищаемая имъ мысль. Только то, что говорить авторъ о государственномъ землевладѣніи въ Новгородѣ, цѣнно и заслуживаетъ вниманія: г. Сергѣевичъ доказываетъ, что въ Новгородѣ возникло понятіе о государственномъ (а не государевомъ) землевладѣніи; въ составъ этого землевладѣнія входили земли Великаго Новгорода, отдававшіяся въ пользованіе князьямъ, напр., пожни у Ярослава Ярославича въ 1265 г., и упоминающіяся въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ села и деревни, бывшія «изъ—старины» за намѣстниками²⁾. Къ этому прибавимъ еще отъ себя указаніе на «княжчины», которыхъ новгородцы въ договорахъ съ князьями обязуются «не таити»³⁾, т. е. должны отдавать ихъ князьямъ: это, очевидно, тоже земли Новгорода, отдававшіяся князю для ихъ хозяйственной эксплуатаціи имъ въ свою пользу. Извѣстно также, что не только Новгородъ какъ цѣлое, но и отдѣльные концы имѣли свои земли: припомнимъ рассказъ житія св. Саввы Вишерскаго о томъ, какъ вѣче Славянскаго конца дало святому землю въ Обонежской пятинѣ⁴⁾. Но предлагаемое г. Сергѣевичемъ объясненіе того, какъ образовались эти новгородскія государственныя земли, кажется намъ слишкомъ узкимъ: на основаніи извѣстнаго мѣста договора Новгорода съ великимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ 1305 года

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 25—40 и 123—126.

²⁾ Тамъ же, стр. 20—21.

³⁾ См., напр., Новг. 4 лѣт. подъ 6900 г. (П. С. Р. Л., т. IV); 6901 г. (тамъ же); Новг. 1 и 4 лѣт. подъ 6943 г. (П. С. Р. Л., томы III и IV); ср. Моск. гл. ар. мин. иностр. дѣлъ, книга по Новгороду № 5, л. 860: „въ Яровосѣльскомъ погостѣ осталось во княжщинѣ“.

⁴⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. IV, М., 1854, стр. 236—237.

о томъ, что князь, его жена, бояре и слуги обязаны отдать обратно прежнимъ владѣльцамъ купленные ими въ Новгородской землѣ имѣнія съ возвратомъ денегъ, заплаченныхъ за нихъ, а если истцовъ нѣтъ, то «земля къ Новугороду»,—г. Сергѣевичъ заключаетъ, что государственное землевладѣніе произошло вслѣдствіе «выкупа новгородскихъ недвижимостей, проданныхъ людямъ иныхъ княженій»¹⁾. Нисколько не отрицая того, что этотъ источникъ дѣйствительно существовалъ, можно однако думать, что онъ не былъ единственнымъ, такъ какъ издавна были кончанскія земли, и можно предположить, что въ составъ новгородскаго государственнаго землевладѣнія вошли бывшія земли первыхъ новгородскихъ князей, существовавшія, можетъ быть, еще въ X или XI вѣкѣ, или земли, конфискованныя вѣчемъ въ пользу общины.

Второй крупный вопросъ, на который отвѣчаетъ г. Сергѣевичъ,—это вопросъ о размѣрахъ землевладѣнія и величинѣ поселеній. Въ этомъ отношеніи мы тщетно стали бы искать у нашего автора чего-либо новаго: что деревни были невелики, что «отдѣльные пашенные дворы и были тогда деревни», что однопашенцы были въ большинствѣ случаевъ родственники, что въ громадномъ большинствѣ дворовъ былъ одинъ крестьянинъ, что были имѣнія и очень мелкія и чрезвычайно крупныя²⁾,—все это было извѣстно до появленія въ свѣтъ третьяго тома «Древностей русскаго права», такъ какъ вполне выяснено въ предшествующей исторической литературѣ³⁾. Интересуясь этими вопросами, г. Сергѣевичъ познакомился съ писцовыми книгами новгородскими, нашелъ въ нихъ то, что давно уже было найдено другими, и вмѣсто того, ограничиться указаніемъ, что по его повѣркѣ выводы другихъ оказались вѣрными, изложилъ результаты изученія писцовыхъ книгъ какъ собственные открытія. Едва ли можно признать такой приемъ правильнымъ.

Наибольшее вниманіе въ разбираемомъ изслѣдованіи уделено хозяйственному пользованію землями, собственно двумъ вопросамъ—о формахъ хозяйства и о его техникахъ или системахъ. Вопросы, несомнѣнно, преисполненные живѣйшаго интереса; поставленные отнести къ изложенію г. Сергѣевича съ большимъ вниманіемъ, не упустить ничего существеннаго въ его взглядахъ.

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 21.

²⁾ Тамъ же, стр. 42, 45, 54, 65, 90—92.

³⁾ См., напр., *Бяляевъ*, О поземельномъ владѣніи въ Моск. государствѣ („Временникъ“, XI), *Соколовскій*, Экономическій бытъ землед. населенія Россіи; *Никитскій*, Исторія экономич. быта В. Новгорода; мое „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“ и др.

Сначала—о техники хозяйства. О ней говорится опять въ разныхъ мѣстахъ изслѣдованія и внѣ надлежащей связи съ другими сторонами экономической жизни и землевладѣльческихъ отношеній. Прежде всего встрѣчаемъ два предположенія: 1) что въ концѣ XV вѣка сѣяли такъ же густо, какъ теперь ¹⁾, 2) что новгородская коробья равнялась одной московской четверти ²⁾. Первое изъ этихъ предположеній имѣетъ за себя данныя, но г. Сергѣевичъ далеко не вполне ими воспользовался: онъ ссылается на факты, собранные въ книгѣ Миклашевскаго и относящіяся къ XVII вѣку, но не пользуется указаніями *изданныхъ* источниковъ XVI вѣка ³⁾, несравненно болѣе важными въ данномъ случаѣ по своей болѣе древности. Что же касается предположенія, что новгородская коробья равнялась московской четверти, то оно, во-первыхъ, произвольно, во-вторыхъ, находится въ прямомъ противорѣчій со всѣми извѣстными до сихъ поръ данными источниковъ, настолько притомъ несомнѣнными, что *все* изслѣдователи безъ исключеній единогласно признаютъ коробью равной двумъ новгородскимъ четвертямъ, и разногласіе между ними начинается лишь въ вопросѣ объ отношеніи новгородской четверти въ московской: кто, какъ Никитскій ⁴⁾, признаетъ ихъ равными, тотъ признаетъ коробью вдвое болѣе, чѣмъ московская четверть, а кто, подобно г. Ключевскому ⁵⁾, признаетъ, что въ новгородской четверти было $1\frac{1}{2}$ московскихъ, тотъ приравниваетъ коробью тремъ московскимъ четвертямъ. Такимъ образомъ предположеніе г. Сергѣевича находится въ рѣзкомъ противорѣчій не только съ существующими взглядами, но и съ источниками.

Далѣе встрѣчаемся опять съ тѣмъ приѣмомъ, съ которымъ мы уже знакомы у нашего автора: онъ отъ себя приводитъ мнѣніе, уже высказанное въ литературѣ и подкрѣпленное тѣмъ же доказательствомъ, какое выставляется и имъ. Именно: г. Сергѣевичъ утверждаетъ, что въ концѣ XV вѣка въ Новгородской области уже господствовала трехпольная система хозяйства, и доказываетъ это, во-первыхъ, тѣмъ, что во второй половинѣ XV и въ

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 53.

²⁾ Тамъ же, стр. 54.

³⁾ Писцовыя книги Моск. государства, I, 1, стр. 896—903; *В. и Г. Холмогоровы*, Историч. матеріалы о церквахъ и селахъ, вып. 9, приложение, стр. 89—94.

⁴⁾ Къ вопросу о мѣрахъ въ древней Руси: „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1894 г., апрѣль, стр. 392—393.

⁵⁾ Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ вытѣвшему, стр. 9, 10, 16, 17.

XVI вѣкѣ трехполье уже существовало въ центральной Россіи, а во-вторыхъ, указаніемъ на несомнѣнность посѣвовъ яровыхъ хлѣбовъ, упоминаемыхъ въ составѣ натуральныхъ земледѣльческихъ оброковъ ¹⁾). Самая эта мысль и второе ея доказательство, которое одно только и имѣетъ серьезное значеніе для Новгородской области, принадлежитъ г. Владиславлеву, который высказалъ это еще въ 1892 г. въ своей статьѣ «Обжа» ²⁾).

Вотъ и все, что говорить г. Сергѣевичъ о земледѣльческой техникѣ: это, во-первыхъ, очень немного, во-вторыхъ, иногда противорѣчить источникамъ и потому невѣрно, въ-третьихъ, то, что вѣрно, не ново, хотя высказано безъ указанія на предшественниковъ.

Всего сложнѣе вопросъ о формахъ хозяйства. Тутъ надо разобрать значеніе разныхъ разрядовъ населенія, характеризовать различные способы эксплуатаціи земли и труда. Относительно этихъ способовъ г. Сергѣевичъ высказываетъ слѣдующіе взгляды: барская пашня въ Новгородской области конца XV вѣка была невелика, обрабатывалась обыкновенно холопами, рѣдко крестьянской барщиной; господствовала крестьянская аренда за оброкъ, который уплачивался то деньгами, то посопнымъ хлѣбомъ, то долей урожая; холоповъ было мало, преобладали крестьяне ³⁾). Во всемъ этомъ, опять довольно разбросанномъ, недостаточно—связномъ изложеніи опять-таки нѣтъ ничего, что не было бы извѣстно раньше ⁴⁾). Предшествующая литература даетъ даже и то, чего нѣтъ по этому вопросу у г. Сергѣевича и что имѣетъ какъ разъ очень важное значеніе: опредѣлена для новгородскихъ пятинъ конца XV вѣка относительная распространенность всѣхъ трехъ видовъ оброка—денежнаго, посопнымъ хлѣбомъ и долей урожая: процентъ перваго равняется для Вотской пятины 9, ₂, для Шелонской 10, ₉, для Деревской 31, ₄, для второго соответствующія цифры по тѣмъ же пятинамъ 40, ₈; 46, ₄ и 34, ₈, а для третьяго 50, 42, ₇ и 34%. Эти данныя даютъ возможность составить опредѣленное представленіе о томъ, въ какой мѣрѣ проникло денежное обращеніе въ народныя массы. Г. Сергѣевичъ не могъ ихъ получить, потому что, по его собственнымъ сло-

¹⁾ Древности русскаго права, томъ III, прим. 2 на стр. 90.

²⁾ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1892 годъ, августъ, стр. 235.

³⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 92 и сл., 107 и сл., 143 и сл.

⁴⁾ См., напр., *Соколовская*, „Экономическій бытъ земледѣльч. населенія Россіи“, или мое „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“ и т. д.

вамъ въ другомъ мѣстѣ, изучать писцовыя книги не въ ихъ цѣломъ, а подбирая примѣры, «случайно попавшіе на глаза»¹⁾.

Затѣмъ г. Сергѣевичъ касается важнѣйшихъ вопросовъ не только хозяйственной, но и социальной исторіи: вопросовъ о прикрѣпленіи крестьянъ и объ исторіи бобыльства. Въ I томѣ своихъ «Древностей» г. Сергѣевичъ выступилъ убѣжденнымъ приверженцемъ стараго мнѣнія о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи, мнѣнія, сущность котораго сводится, какъ извѣстно, къ тому, что крѣпостное право на крестьянъ возникло вслѣдствіе государственныхъ потребностей и установлено было указомъ, изданнымъ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ въ 1592 году. Третій томъ даритъ насъ въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ сюрпризомъ: нашъ авторъ, правда, по прежнему утверждаетъ, что въ 1592 г. былъ изданъ указъ о прикрѣпленіи, но—и это въ его устахъ ново—замѣчаетъ, что «Борисъ возстановилъ въ 1601 и 1602 годахъ переходъ крестьянъ»²⁾, цитуетъ затѣмъ извѣстныя слова Уложенія 1649 г., что «по нынѣшній государевъ указъ не было заповѣди, что никому за себя крестьянъ не пріимати», и дѣлаетъ опять таки замѣчательный для сторонника стараго направленія выводъ: до половины XVII вѣка «не было полного прикрѣпленія»³⁾. Изъ этого можно усмотрѣть, что непримиримая позиція противниковъ новой теоріи въ сущности оставлена ихъ главою. Мало того: г. Сергѣевичъ склоняется даже къ мнѣнію, что причинъ крѣпостной неволи надо искать въ экономическихъ условіяхъ времени, — въ развитіи барщины и барской запашки⁴⁾. Правда, онъ не обращаетъ вниманія на то, что такой взглядъ былъ сформулированъ и доказанъ до него, при чемъ была отмѣчена и болѣе общая причина, производная и развитіе барщины, — именно зарожденіе денежнаго хозяйства, — но хорошо и то, что старая узко-государственная точка зрѣнія на происхожденіе одной изъ важнѣйшихъ переменъ въ русскомъ социальномъ строѣ признана несостоятельной тѣмъ, кто такъ долго и упорно стоялъ на ней. Говоря о томъ, какъ теперь понимаетъ г. Сергѣевичъ происхожденіе крѣпостного права въ Россіи, нельзя не обратить вниманія на полемическія замѣчанія его по адресу г. Дьяконова. Извѣстно, что этотъ послѣдній изслѣдователь примыкаетъ къ новому направленію въ вопросѣ о происхожденіи крѣпостныхъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ, — къ тому направленію,

¹⁾ Древности русскаго права, томъ III, стр. 91.

²⁾ Тамъ же, примѣчаніе на стр. 154.

³⁾ Тамъ же, стр. 160.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 151—152.

которое строго различает фактическую подготовку крѣпостного права хозяйственными и социальными условиями и юридическое установление его сначала частными договорами крестьянъ съ землевладѣльцами, а затѣмъ закономъ. Ученая заслуга г. Дьяконова въ данномъ вопросѣ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ указалъ нѣкоторые юридическіе прецеденты законодательнаго установленія крестьянской крѣпости и нѣкоторыя социальныя явленія, фактически подготовлявшія прикрѣпленіе: такъ, напр., г. Дьяконовъ доказалъ, что тяглые люди со второй половины XVI вѣка считались крѣпкими тяглу и пользовались правомъ перехода лишь условно, если они садили на свое мѣсто другихъ жильцовъ ¹⁾. Г. Сергѣевичъ дѣлаетъ на это два возраженія въ двухъ мѣстахъ своей книги. Въ одномъ онъ говоритъ, что своимъ утвержденіемъ о прикрѣпленіи тяглыхъ людей г. Дьяконовъ доказываетъ больше, чѣмъ хотѣлъ,—именно, что *все* крестьяне въ половинѣ XVI вѣка были вполнѣ прикрѣплены ²⁾. Очевидно г. Сергѣевичъ, читая книгу г. Дьяконова, не замѣтилъ указанной послѣднимъ *условности* прикрѣпленія. Не надо притомъ забывать, что среди сельскаго населенія было много и нетяглыхъ людей, такъ что отождествлять тяглыхъ людей со всеми сельскими обывателями, какъ то дѣлаетъ г. Сергѣевичъ, совершенно невозможно. Въ другомъ мѣстѣ, ссылаясь на только что нами упомянутый извѣстный всѣмъ текстъ Уложенія о несуществованіи до половины XVII вѣка законодательнаго прикрѣпленія крестьянъ, г. Сергѣевичъ упрекаетъ г. Дьяконова въ ошибочномъ утвержденіи, будто крестьяне были прикрѣплены уже въ половинѣ XVI вѣка ³⁾. Но всякому, кто внимательно читалъ книгу г. Дьяконова, извѣстно, что онъ ничего подобнаго не утверждалъ: по его мнѣнію, *законодательное* прикрѣпленіе крестьянъ было установлено только Уложеніемъ 1649 г.; юридическими прецедентами его были условное прикрѣпленіе тяглыхъ людей, крѣпость сторожилцевъ и условія о невыходѣ въ порядныхъ грамотахъ; *фактически* крестьяне, вслѣдствіе задолженности, лишились возможности свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому еще во второй половинѣ XVI вѣка ⁴⁾. Нельзя такимъ образомъ не признать, что г. Сергѣевичъ недостаточно внимательно читалъ книгу г. Дьяконова, откуда и произошли показанныя сейчасъ недоразумѣнія.

¹⁾ Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 9, 11.

²⁾ Древности русскаго права, томъ III, стр. 450.

³⁾ Тамъ же, стр. 160.

⁴⁾ Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 2—4, 8—11, 16, 28 и др.

Говоря о бобыльствѣ, г. Сергѣевичъ считаетъ историческими предшественниками бобылей новгородскихъ поземщиковъ конца XV вѣка и подкрѣпляетъ эту мысль указаніемъ на то, что и поземщики и бобыли платили «поземъ»¹⁾. Все это совершенно вѣрно, но и самая мысль и ея доказательство были высказаны за нѣсколько лѣтъ до появленія книги г. Сергѣевича²⁾. Вторая черта замѣчаній г. Сергѣевича о бобыляхъ—это встрѣчающаяся въ нихъ нерѣдко аподиктичность, необоснованность, доходящая даже до противорѣчія источникамъ. Такъ, напр., по мнѣнію г. Сергѣевича, «бобыль и въ старину, конечно (?), имѣлъ то же значеніе, что и теперь, это одинокій, бѣдный человѣкъ»³⁾; это надо было бы доказать, но—прибавимъ—доказать это, по крайней мѣрѣ, для XVI вѣка, нельзя, потому что тогда сплошь и рядомъ встрѣчались зажиточные бобыли⁴⁾, что впрочемъ признаетъ и самъ г. Сергѣевичъ, говоря, это «непашенные люди не были же непременно одиночками; они, конечно, имѣли семьи, а многіе изъ нихъ были богаче крестьянъ»⁵⁾. Авторъ считаетъ возможнымъ по этому поводу упрекнуть писцовъ XVI в. въ «неточности» употребленія слова «бобыль»⁶⁾, но вѣдь эта мнимая неточность ихъ произошла отъ произвольнаго предположенія г. Сергѣевича, на котораго поэтому и надо обратить дѣлаемый имъ по адресу писцовъ упрекъ. Затѣмъ г. Сергѣевичъ высказываетъ мнѣніе, что документы XVII вѣка о бобыляхъ изображаютъ «порядокъ не новый, а старый»⁷⁾. Опять доказательства не приводится, а между тѣмъ, какъ это хорошо показано г. Дяконовымъ⁸⁾, бобыли XVI вѣка сильно отличались отъ позднѣйшихъ. Наконецъ, г. Сергѣевичъ очень оригинально, но, по моему мнѣнію, совершенно неправильно толкуетъ касающіеся бобылей документы XVII вѣка. По его объясненію, бобыли XVII вѣка—это наемные слуги, жившіе на дворѣ господина и работавшіе на послѣдняго, обязанные неустойкой въ случаѣ ухода и занимавшіе положе-

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 132.

²⁾ См. мою рецензію на книгу г. Дяконова въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ за 1899 годъ, № 1, стр. 241.

³⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 134.

⁴⁾ См. мою рецензію на книгу г. Дяконова въ „Журн. Минист. Народ. Просв.“ за 1899 г., № 1, стр. 241—242 и прим. 4-е на стр. 241.

⁵⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 134.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 135.

⁸⁾ Очерки по исторіи сельскаго населенія въ Моск. госуд., стр. 210—212 и 229 и сл.

ніе даже болѣе низкое, чѣмъ кабальные холопы¹⁾. Что бобыли въ качествѣ наемныхъ рабочихъ являются виднымъ и многочисленнымъ элементомъ въ сельскомъ хозяйствѣ XVII вѣка,—это вѣрно. Но никакъ нельзя признать, что дача бобылемъ оброчной записи ставила его въ особо-зависимое положеніе: бобыльская оброчная запись сама по себѣ, независимо отъ специальныхъ условій, въ нее вносимыхъ, не обуславливала какого-либо особаго подчиненія, какъ не обуславливала его и крестьянская порядная. Далѣе: г. Сергѣевичъ, основываясь на одномъ документѣ, въ которомъ сказано, что бобыль, если уйдетъ со двора господина, обязуется платить послѣднему ежегодный оброкъ за пашенное и всякое его дѣло, утверждаетъ, что оброкъ бобыльскій надо понимать всегда въ смыслѣ неустойки²⁾. Съ этимъ опять-таки нельзя согласиться, потому что, не говоря уже о другихъ актахъ, въ которыхъ какъ-то извѣстно и г. Сергѣевичу, бобыли обязуются разомъ и оброкомъ и сдѣльемъ, а иногда и однимъ оброкомъ, даже только что цитованный документъ не даетъ опоры для объясненія, предлагаемаго нашимъ авторомъ: въ немъ рѣчь идетъ просто о замѣнѣ бобыльского «сдѣлья» оброкомъ; какъ крестьянинъ, такъ и бобыль могъ сидѣть или на барщинѣ или на оброкѣ; въ послѣднемъ случаѣ бобыль арендовалъ усадьбу у землевладѣльца въ деревнѣ, иногда и въ городѣ (послѣднимъ и объясняется случай платежа оброка бобылемъ, поселившимся въ Ярославлѣ, который приводитъ г. Сергѣевича въ такое недоумѣніе³⁾).

Въ предшествующемъ изложеніи я старался критиковать по преимуществу собственныя воззрѣнія г. Сергѣевича, касаясь его нападокъ на другихъ изслѣдователей лишь постольку, поскольку это было необходимо для пониманія трактованныхъ научныхъ вопросовъ. Защищать другихъ мнѣ казалось дѣломъ несовсѣмъ деликатнымъ, потому что эти другіе, при желаніи, конечно, сами сумѣютъ защититься. Но я считаю себя обязаннымъ въ интересахъ дѣла, а не только изъ побужденій самолюбія, разобрать тѣ критическія замѣчанія, которыя г. Сергѣевичъ дѣлаетъ по поводу моей книги «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI вѣкѣ». Первый вопросъ, котораго здѣсь касается г. Сергѣевичъ, это вопросъ о барской запашкѣ въ XVI вѣкѣ. Онъ дѣлаетъ мнѣ въ этомъ отношеніи два возраженія: во-первыхъ, матеріаль, находившійся въ моемъ распоряженіи, недостаточенъ

¹⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 135—139.

²⁾ Тамъ же, стр. 137.

³⁾ Тамъ же, стр. 139.

и потому ничего не доказывает¹⁾; во-вторыхъ, говоря о монастырскихъ вотчинахъ, я беру «все вотчины разныхъ монастырей и разныхъ вотчины. Если бы мы имѣли описаніе одной и той же вотчины въ 1558 и 1598 году, и если бы въ первомъ описаніи не было указано монастырской запашки, а во второмъ было, мы могли бы сдѣлать заключеніе, что она распространяется», но этого какъ разъ у меня, по мнѣнію г. Сергѣевича, и нѣтъ²⁾. Прежде всего отвѣчу на второе замѣчаніе. Оно показываетъ, что г. Сергѣевичъ недостаточно внимательно читалъ мою книгу: *дѣло въ томъ, что въ моей таблицѣ встрѣчаются вотчины, о которыхъ имѣются данныя за пятидесятыя и шестидесятыя годы XVI вѣка, съ одной стороны, и за девяностыя—съ другой.* Такъ о вотчинахъ Новодѣвичьяго и Саввина Сторожевскаго монастырей въ Звенигородскомъ уѣздѣ имѣются данныя отъ 1558—59 г. и отъ 1592—93; о вотчинахъ Троицкаго-Сергіева монастыря въ Костромскомъ и Переяславль-Залѣсскомъ уѣздахъ у меня приведены данныя за шестидесятыя и девяностыя годы; то-же надо сказать о переяславскихъ вотчинахъ Троицкаго-Киржацкаго монастыря; наконецъ, объ имѣніяхъ Махрищскаго монастыря у меня приведены данныя за 1562 годъ, а въ итогъ Троицкихъ вотчинъ по тому же уѣзду за 1592—93 г. внесены и имѣнія Махрищскаго монастыря, приписаннаго къ Троицкому-Сергіеву³⁾. Итакъ г. Сергѣевичъ ошибается, утверждая, что въ моей таблицѣ «все разные вотчины». А затѣмъ я позволю себѣ высказать положеніе, что, если мы имѣемъ рядъ наблюдений по смежнымъ между собою уѣздамъ за опредѣленное время, причемъ всѣ эти наблюденія совпадаютъ между собою по ихъ смыслу, и если съ другой стороны мы имѣемъ другой рядъ столь же согласныхъ между собою наблюдений по тѣмъ же уѣздамъ, но въ другой хронологическій моментъ, то, хотя бы отдѣльныя имѣнія были не всегда одни и тѣ же, сравненіе все-таки возможно и можетъ повести къ правильнымъ выводамъ: не то важно, что въ одномъ и томъ же имѣніи дѣло обстояло такъ въ половинѣ столѣтія и иначе въ его концѣ, а то, что во всѣхъ центральныхъ уѣздахъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, по имѣющимся даннымъ, почти не было монастырской запашки, а въ 80-хъ и 90-хъ годахъ она достигла значительныхъ размѣровъ; нельзя вырывать отдѣльныя подробности и сравнивать ихъ по десятилѣтіямъ, надо взять весь матеріалъ въ цѣломъ: только тогда мы можемъ приблизиться къ

¹⁾ Тамъ же, стр. 477.

²⁾ Тамъ же, стр. 478.

³⁾ Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 134—137.

идеалу массоваго наблюденія, выставляемому современной статистической теоріей. Что касается перваго критическаго замѣчанія г. Сергѣевича—о недостаточности матеріала,—то, хотя, конечно, желательно было бы большее его обиліе, но все-таки матеріала не такъ мало, какъ кажется г. Сергѣевичу: матеріаль по данному вопросу изложенъ не только на указанныхъ имъ страницахъ ¹⁾, но и на рядѣ другихъ страницъ ²⁾, при чемъ относительно новгородскихъ пятинь можно сказать, что матеріала очень много, потому что писцовыя книги по этой области сохранились въ большомъ количествѣ ³⁾.

То, что сейчасъ сказано о возраженіяхъ г. Сергѣевича по поводу размѣровъ барской запашки, приходится цѣликомъ повторить и о его замѣчаніяхъ, касающихся средняго количества земли на дворъ и на рабочаго и перемѣнъ въ системѣ земледѣлія: и здѣсь г. Сергѣевичъ ошибается, указывая, что мною взяты «все разныя имѣнія», не принимаетъ въ соображеніе *едино-маса* данныхъ по сосѣднимъ уѣздамъ и, наконецъ, игнорируетъ фактъ большаго обилія матеріала по отдѣльнымъ областямъ ⁴⁾. Поэтому я не буду останавливаться на этихъ вопросахъ.

Много вниманія удѣляетъ г. Сергѣевичъ тому обстоятельству, что мои вычисленія обыкновенно не соотвѣтствуютъ итогам писцовыхъ книгъ ⁵⁾, и недоумѣваетъ по поводу этого несоотвѣтствія: по мнѣнію г. Сергѣевича, мнѣ «слѣдовало бы объяснить, отчего его (т. е. мои) итоги расходятся съ напечатанными», но я «этого не сдѣлалъ»: «мы», прибавляетъ г. Сергѣевичъ, «не нашли этого объясненія въ составленныхъ имъ таблицахъ» ⁶⁾. Въ таблицахъ такого объясненія, дѣйствительно, нѣтъ, но оно есть въ приложеніи VI-мъ, специально посвященномъ писцовымъ книгамъ XVI вѣка и указывающемъ на невѣрность писцовыхъ итоговъ ⁷⁾. Если бы г. Сергѣевичъ обратилъ вниманіе на это приложеніе, его недоумѣніе разсѣялось бы, исчезло бы, надо думать, и довѣріе къ итогам писцовыхъ книгъ.

Въ своей книгѣ я предложилъ объясненіе выраженія «пахать землю наѣздомъ» въ томъ смыслѣ, что это означало низкій уро-

¹⁾ Именно на стр. 129—137 моей книги.

²⁾ Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 140—143, 156—160, 168—169, 174, 176—177, 180, 186—190.

³⁾ Тамъ же, стр. 186—190.

⁴⁾ Древности русскаго права, т. III, стр. 479—482.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 482—484.

⁶⁾ Тамъ же, примѣчаніе на стр. 484.

⁷⁾ Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в., стр. 501—502.

вень земледѣльческой техники, отсутствіе правильнаго сѣвооборота, хищническое хозяйство ¹⁾. Г. Сергѣевичъ несогласенъ съ моимъ объясненіемъ, но не разбираетъ всѣхъ моихъ доказательствъ, а критикуетъ только одно, состоящее въ указаніи, что уже въ XVI вѣкѣ считали пахоту наѣздомъ признакомъ примитивной хозяйственной техники: въ одномъ актѣ 1561 года сказано, что 13 монастырскихъ деревень запустѣли оттого, что арендаторы пахали ихъ наѣздомъ ²⁾. Г. Сергѣевичъ объясняетъ этотъ текстъ въ томъ смыслѣ, что арендаторы «взяли на оброкъ уже пустыя деревни и не переѣхали въ нихъ жить», а «наѣзжали только для обработки земли. Вотъ это и значить деревни позапустѣли» ³⁾. Итакъ, по мнѣнію г. Сергѣевича, деревни были уже пустыя, а потомъ запустѣли отъ арендаторовъ. Какъ могли и безъ того пустыя деревни еще позапустѣть,—это составляетъ тайну нашего автора.

Изобличая мои прегрѣшенія противъ теоріи статистики, г. Сергѣевичъ однако мнѣ ихъ снисходительно извиняетъ, основываясь на томъ, что «изученіе статистики для общихъ историковъ въ нашихъ университетахъ необязательно» ⁴⁾. Я долженъ возвратить обратно г. Сергѣевичу это извиненіе, потому что, если я погрѣшилъ противъ статистическаго метода, то снисходительности тутъ не должно быть мѣста: кто берется за статистическую работу, тотъ долженъ быть знакомъ съ основными приѣмами статистическаго изслѣдованія. Но для вящаго обличенія моего невѣжества въ теоріи статистики г. Сергѣевичъ беретъ одинъ примѣръ, достаточно характерный, какъ сейчасъ увидимъ, для пониманія статистическихъ приѣмовъ самого почтеннаго профессора. Онъ указываетъ, что у Златоустовскаго монастыря въ селѣ Разсудовскомъ въ 1573 г. было 10 четвертей монастырской пашни и 12 ч. крестьянской, а у Чудова монастыря въ селѣ Борисовскомъ 118 ч. монастырской запашки и 24 ч. крестьянской; отсюда дѣлается выводъ: въ первомъ случаѣ монастырская пашня составляетъ 80% крестьянской пашни, а во второмъ болѣе 400% ⁵⁾. Нетрудно понять, что эти разсужденія являются результатомъ двойного недоразумѣнія: во-первыхъ, г. Сергѣевичъ не уяснилъ себѣ надлежащихъ приѣмовъ вычисленія относительныхъ размѣровъ

¹⁾ Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.; стр. 64; ср. еще Судебникъ царя Феодора Иоанновича, М., 1900, стр. 42, статья 61.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Переяс. у., № 8918.

³⁾ Древности русскаго права, т. III, прим. 2 на стр. 127—128.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 482.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 479.

барской и крестьянской пашни; во-вторых, онъ неправильно вычисляетъ процентное отношеніе барской и крестьянской запашки къ общей площади имѣнія. Имѣніемъ, какъ хозяйственно-административнымъ цѣлымъ, является не одно село, а и деревни, къ нему тянущія: село—центръ, гдѣ живетъ приказчикъ, куда крестьяне опредѣленнаго имѣнія доставляютъ оброкъ и гдѣ на боярской пашнѣ они отбываютъ барщину. Поэтому, вычисляя въ четвертяхъ размѣры барской и крестьянской пашни, надо брать все имѣніе, а не одно только село, какъ неправильно дѣлаетъ г. Сергѣевичъ. Чтобы не затруднять вниманія читателей, я соединялъ вмѣстѣ всѣ отдѣльныя имѣнія извѣстнаго монастыря въ данномъ уѣздѣ: отъ этого, очевидно, результаты по существу не измѣнялись. Между тѣмъ, если взять одно село безъ деревень, въ которыхъ барской пашни обыкновенно не было,—она была въ селѣ,—то получатся невѣрные выводы, потому что будетъ оставлена безъ вниманія масса земли, находящейся подъ крестьянской пашней. Въ этомъ первая ошибка г. Сергѣевича: онъ невѣрно опредѣлилъ объектъ статистическаго изслѣдованія, хозяйственно-административную единицу. Вторая его ошибка состоитъ въ слѣдующемъ: для всякаго ясно, что, если, напр., мы имѣемъ площадь въ 100 десятинъ, изъ которыхъ 20 дес. подъ барской запашкой, а 80 обрабатываются крестьянами, то, опредѣляя процентное отношеніе барской и крестьянской пашни къ общей площади распаханной земли, мы получимъ, что барская запашка составляла 20% этой площади, а крестьянская 80%; а г. Сергѣевичъ разсуждаетъ иначе: по его методу выходитъ, что крестьянская пашня составляетъ 400% барской. Таковъ урокъ теоріи статистики, который даетъ намъ г. Сергѣевичъ.

Методы и приемы научной работы имѣютъ первостепенное значеніе для ея результатовъ. Предшествующее изложеніе дало намъ матеріалъ для сужденія о методахъ и приемахъ ученой работы г. Сергѣевича: почтенный профессоръ говоритъ нерѣдко отъ себя то, что до него сказано другими; онъ то чрезмерно расширяетъ, то ограничительно толкуетъ прямой смыслъ источниковъ; онъ не всегда внимательно читаетъ и источники и чужія сочиненія; онъ обнаруживаетъ, наконецъ, неправильное пользованіе научными методами и приемами, которые признаетъ самъ для себя обязательными. Неудивительно, что и результаты работы соотвѣтствуютъ такой ея методологической основѣ.

М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. С.-Пв. 1898.

Исторія сельскаго населенія въ Московской Руси—съ какой бы точки зрѣнія мы ни стали ее разсматривать, съ точки зрѣнія юридической, или бытовой—является предметомъ очень мало разработаннымъ въ русской исторической литературѣ. Самые важные вопросы, какъ вопросъ о происхожденіи крѣпостного права на крестьянъ, до сихъ поръ остаются спорными; мало того: совершенно неясною, по крайней мѣрѣ недостаточно разъясненною остается и самая древнерусская терминологія, которою обозначались элементы, входившіе въ составъ сельскаго населенія. Понятно, что при такомъ состояніи нашихъ знаній о незыблемыхъ, прочно установленныхъ общихъ выводахъ не можетъ быть рѣчи: самое лучшее, чего можно ожидать отъ изслѣдователя,—это болѣе или менѣе смѣлая догадка, болѣе или менѣе проблематическая теорія, полезная именно потому, что она способна обратить на себя общее вниманіе, вызвать всестороннее объясненіе затронутыхъ вопросовъ и тѣмъ содѣйствовать достиженію научной истины. Такой путь гипотетическаго, такъ сказать, изслѣдованія исторіи сельскаго населенія древней Руси избралъ проф. В. О. Ключевскій, главнымъ образомъ въ двухъ своихъ замѣчательныхъ трудахъ «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи» и «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи». Надо впрочемъ замѣтить, что авторъ этихъ изслѣдованій ввелъ въ ученый оборотъ и много новаго рукописнаго матеріала и тѣмъ, наряду съ общою теоретическою постановкой ряда вопросовъ первостепенной важности, содѣйствовалъ появленію другихъ работъ, задающихся болѣе скромною, но, быть можетъ, не менѣе полезною цѣлью провѣрить самыя основы нашихъ знаній въ данной области при помощи по возможности всего наличнаго изданнаго и неизданнаго матеріала, доступнаго въ настоящее время изученію. Такую

именно цѣль ставить себѣ г. Дьяконовъ въ сочиненіи, заглавіе котораго выписано выше.

Книга г. Дьяконова дѣлится на шесть очерковъ, почти не имѣющихъ непосредственной связи одинъ съ другимъ, что значительно затрудняетъ изложеніе ея содержанія: приходится имѣть дѣло лишь съ отдѣльными очерками, а не съ книгой какъ цѣлымъ, необходимо уяснить себѣ сначала рядъ частныхъ выводовъ, чтобы потомъ изъ нихъ отвлечь общую идею, отъ формулированія которой авторъ устранился сознательно¹⁾, но которая тѣмъ не менѣе должна существовать, если только въ частныхъ выводахъ есть хоть зерно истины, если они отражаютъ дѣйствительную историческую жизнь русскаго общества въ московскій періодъ: вѣдь какъ бы ни были сложны и непонятны на первый взглядъ жизненные явленія, въ нихъ всегда есть смыслъ, всегда отражается какой-либо процессъ, открытія котораго и составляетъ цѣль научной работы.

Въ первомъ очеркѣ идетъ рѣчь о крестьянахъ-старожильцахъ или старинныхъ. Первая мысль, которая здѣсь проводится, заключается въ томъ, что, за сравнительно немногочисленными исключеніями, «тяглые люди со второй половины XVI вѣка разсматриваются крѣпкими тяглу и правомъ перехода не пользуются», хотя въ законодательствѣ это правило и не было формулировано²⁾. Это положеніе обосновывается цѣлымъ рядомъ фактовъ: 91-й статьёй царскаго Судебника, гдѣ торговымъ тяглымъ людямъ запрещается селиться за монастырями, 98-й статьёй Стоглава, въ которой формулировано это же правило, только обращенное къ монастырскимъ властямъ, и архіерейскимъ кааедрамъ: и тѣ и другія безусловно лишены права перезывать въ свои слободы тяглыхъ городскихъ людей; далѣе то же подтверждается отдѣльными частными запрещеніями; если такимъ образомъ по отношенію къ тяглымъ посадскимъ людямъ встрѣчаются—въ Судебникѣ и Стоглавѣ—попытки создать общую правовую норму, то этого незамѣтно совсѣмъ въ отношеніи къ волостнымъ тяглымъ людямъ: здѣсь, кромѣ частныхъ мѣстныхъ запрещеній принимать и селять тяглыхъ и письменныхъ людей, не встрѣчается ничего; такія частныя запрещенія имѣли мѣсто и въ удѣльное время, но тогда они и сохраняли только частное значеніе, теперь же, съ объединеніемъ Руси, по мнѣнію г. Дьяконова, они содѣйствовали выработкѣ мысли о прикрѣпленіи тяглыхъ людей къ тяглу³⁾. Прикрѣпленіе это не было впрочемъ

¹⁾ См. предисловіе къ „Очеркамъ изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 2.

²⁾ Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, стр. 9.

³⁾ Тамъ же, 2—4, 8—9.

безусловнымъ: переходъ тяглыхъ людей считался законнымъ, если переходившій садилъ на свое мѣсто другого жильца ¹⁾).

Но на ряду съ вообще тяглыми людьми во второй половинѣ XVI вѣка являются прикрѣпленными къ мѣсту своего жительства еще крестьяне-старожильцы; опять-таки законодательство отстало здѣсь отъ жизни, не оформило общую норму крѣпости крестьянъ-старожильцевъ. На дѣлѣ однако старожильцы обыкновенно считались крѣпостными уже въ XVI вѣкѣ; при чемъ основаніемъ, по которому опредѣлялось старожильство, судебная практика того времени выставила запись въ писцовыя книги и другіе официальные документы, санкціонированные правительствомъ. Кто записанъ былъ за извѣстнымъ землевладѣльцемъ въ писцовую книгу, безъ отмѣтки «приходецъ», — тотъ и признавался его крѣпостнымъ старожильцемъ. Въ XVII вѣкѣ старожильцами стали считаться еще дѣти крестьянъ, родившіяся въ предѣлахъ даннаго имѣнія, и крестьяне и бобыли, пріобрѣтенные ихъ владѣльцами по купчимъ, даннымъ, закладнымъ, ряднымъ и пр. Два послѣднихъ основанія явились уже тогда, когда «выработана была идея о вѣчной крестьянской крѣпости или вѣчности крестьянской», и признаки утвержденія этой идеи можно найти уже въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XVI вѣка ²⁾). Въ заключеніе перваго очерка г. Дьяконовъ останавливается на вопросѣ первостепенной важности: каковы были причины возникновенія крестьянской старины? Онъ склоняется, повидимому, къ рѣшенію этого вопроса въ эклектическомъ направленіи: крестьянская старина была создана вслѣдствіе соединенія крестьянской задолженности землевладѣльцамъ съ вліяніемъ потребностей государственнаго хозяйства; основаніемъ для такого заключенія автору служитъ *одновременность* прикрѣпленія къ тяглу и крѣпости по старинѣ ³⁾).

Отъ крестьянъ-старожильцевъ слѣдуетъ отличать крестьянъ-новопорядчиковъ, отношенія которыхъ къ землевладѣльцамъ опредѣлялись порядными грамотами или записями. Крестьянамъ-новопорядчикамъ посвященъ второй очеркъ книги г. Дьяконова. Основаніе прикрѣпленія этого разряда крестьянъ — ихъ задолженность землевладѣльцамъ. Извѣстно, что крестьянинъ, поряжаясь на извѣстный земельный участокъ, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ прибѣгалъ къ займу у землевладѣльца, займу, необходимому ему для хозяйственнаго обзаведенія и приведенія участка въ состояніе, годное для хозяйствен-

¹⁾ Тамъ же, стр. 11.

²⁾ Тамъ же, стр. 16, 28, 45.

³⁾ Тамъ же, стр. 73—74.

ной эксплуатаціи. Порядныя постоянно говорятъ о «ссудѣ» и «подмогѣ», выдаваемыхъ крестьянамъ землевладѣльцами. Между изслѣдователями существуетъ разногласіе въ пониманіи смысла этихъ терминовъ и вліянія самихъ явленій, ими обозначаемыхъ, на ходъ крестьянскаго прикрѣпленія и характеръ крестьянской крѣпости: одни (гг. Ключевскій и Владимірскій-Будановъ) отождествляютъ ссуду съ подмогой, другіе (гг. Чичеринъ и Сергѣевичъ) отличаютъ ссуду, или заемъ съ возвратомъ, и подмогу, или пособіе, погашаемое выполненіемъ работъ — вотъ первый пунктъ разногласія; едва ли не важнѣе второй его пунктъ: г. Ключевскій признаетъ два вида «крестьянскаго серебра»: 1) серебро ростовое, или ссуду подъ проценты, 2) серебро издѣльное, то-есть заемъ подъ будущую работу вмѣсто процентовъ; по мнѣнію г. Сергѣевича, издѣльное серебро — неуплаченный своевременно крестьяниномъ денежный оброкъ; на основаніи этого г. Сергѣевичъ считаетъ невѣрнымъ утвержденіе г. Ключевскаго, что «издѣльное серебро повлекло крестьянина въ сторону кабальнаго холопа».

Г. Дьяконовъ останавливается на этихъ разногласіяхъ, но нельзя сказать, чтобы ему удалось разрѣшить ихъ вполне. Тѣмъ не менѣе въ результатѣ его изслѣдованія получается нѣсколько чрезвычайно важныхъ выводовъ: первый изъ нихъ нельзя признать особенно новымъ, но онъ важенъ, какъ результатъ изучения такой массы матеріала, какою до г. Дьяконова не пользовался ни одинъ изслѣдователь: онъ заключается въ томъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ крестьяне XVII вѣка поряжаются уже жить вѣчно или безвыходно¹⁾ за землевладѣльцами; слѣдовательно, не можетъ существовать ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что крѣпостное право на крестьянъ фактически и даже отчасти юридически — путемъ частныхъ юридическихъ сделокъ — уже установилось прочно; второй выводъ г. Дьяконова касается вопроса о томъ, различалась ли ссуда отъ подмоги? Авторъ убѣдительно доказываетъ, что въ XVII вѣкѣ никакого различія между ссудой и подмогой не проводилось²⁾; но наибольшую цѣнность имѣютъ два другихъ положенія, доказываемыя во второмъ очеркѣ; наблюденія надъ порядными и ссудными показываютъ, что безъ помощи отъ землевладѣльца крестьянинъ не могъ завести хозяйство, при чемъ возвратъ ссуды выговаривался только въ томъ случаѣ, если крестьянинъ покидалъ участокъ; подъ впечатлѣніемъ такой фактической безвозвратности ссуды и

¹⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 100.

²⁾ Тамъ же, стр. 113.

невозможности для крестьянина обойтись безъ послѣдней утвердилась мысль, что крестьянское имущество въ значительной степени принадлежитъ землевладѣльцу, что крестьянинъ «имѣетъ только право владѣнія и пользованія безъ нарушенія хозяйственныхъ интересовъ землевладѣльца»; это положеніе въ значительной мѣрѣ уясняетъ юридическую природу имущественныхъ отношеній между крѣпостными и ихъ господами ¹⁾). Наконецъ послѣдній выводъ второго очерка состоитъ въ томъ, что крестьяне и кабальные холопы XVI и XVII вѣковъ были, дѣйствительно, состояніями чрезвычайно близкими между собою; это видно изъ того, что, во-первыхъ, кабала послѣ указовъ 1586 и 1597 годовъ, какъ и крестьянская ссуда, вовсе не была уже процентнымъ долгомъ; во-вторыхъ, «невѣрно, будто служилая кабала *всегда* соединяется со службою *во дворъ* господина»; уже въ XVI вѣкѣ были деревенскіе кабальные люди, а въ XVII вѣкѣ, въ составѣ задворныхъ людей было много кабальныхъ холоповъ; въ-третьихъ, наконецъ, ошибочно мнѣніе, будто крестьянина нельзя было судомъ возвратитъ на старое мѣсто на основаніи порядной, тогда какъ кабального холопа было можно возвратитъ по служилой кабалѣ: есть много случаевъ, когда крестьяне возвращаются по поряднымъ ²⁾). Этими соображеніями наносятся очень тяжелые удары сторонникамъ стараго мнѣнія о происхожденіи крѣпостного права на крестьянъ, отрицающимъ всякое вліяніе кабального холопства на процессъ прикрѣпленія.

Среди другихъ областей древней Руси крайній сѣверъ выдѣлялся своими особенностями во многихъ отношеніяхъ: сюда слабѣе проникало нивелирующее вліяніе центрального московскаго правительства, здѣсь въ болѣе обширныхъ размѣрахъ сохранились черныя земли, не было совершенно помѣстныхъ земель, уцѣлѣли многіе архаическіе порядки въ землевладѣніи и въ отношеніяхъ между землевладѣльцами и крестьянами и, наконецъ, несравненно позднѣе сложилось крѣпостное право. Особенности въ положеніи сельскаго населенія этого своеобразнаго края г. Дьяконовъ посвящаетъ свой третій очеркъ. Авторъ различаетъ на сѣверѣ два разряда крестьянъ, половниковъ и порядчиковъ, и справедливо устанавливаетъ тотъ фактъ, что и между этими разрядами не было никакого юридическаго различія. Существовало лишь различіе фактическое: половничество было несравненно тяжелѣе для крестьянина, нежели работа въ качествѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 130.

²⁾ Тамъ же, 136.

порядчика ¹⁾). Затѣмъ отмѣчаются особенности въ условіяхъ сѣверныхъ порядныхъ, указывающія на болѣе легкое положеніе сѣверныхъ крестьянъ, сравнительно съ крестьянами другихъ русскихъ областей, на болѣе позднее возникновеніе крѣпостного права на сѣверѣ ²⁾).

Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать автору одинъ немаловажный упрекъ: вѣрно опредѣляя нѣкоторыя важныя особенности въ положеніи половниковъ, онъ не заинтересовался однако, вопросомъ: не имѣло ли половничество нѣкогда болѣе общаго значенія и не было ли оно архаическимъ остаткомъ отношеній, когда-то господствовавшихъ на всемъ пространствѣ страны? Половникъ отличался отъ порядчика главнымъ образомъ тѣмъ, что первый уплачивалъ оброкъ натурой, опредѣленной долей урожая, а второй—деньгами. Думаемъ, что аренда владѣльческой земли изъ натурального оброка хронологически предшествовала арендѣ за денежную плату: это подтверждается и фактами: наблюденія надъ новгородскими писцовыми книгами убѣдительно свидѣтельствуютъ, что въ новгородскихъ пятинахъ въ концѣ XV вѣка преобладало половничество, тогда какъ по мѣрѣ углубленія въ XVI вѣкъ денежная аренда прибрѣтала все болѣе и болѣе господствующее положеніе. Оставляя болѣе подробное обоснованіе этой мысли до другого болѣе удобнаго времени и мѣста, позволимъ себѣ привести примѣръ, касающійся Вотской пятины. По извѣстной переписной окладной книгѣ 1500 года, въ помѣстьяхъ и монастырскихъ земляхъ землевладѣльцы обыкновенно получали съ крестьянъ доходъ долею продукта — чаще всего встрѣчается норма «изъ хлѣба треть» ³⁾; въ 1568 году такой порядокъ уплаты натурального оброка крестьянами встрѣчается въ Вотской пятинѣ уже не такъ часто, хотя и рѣже, чѣмъ въ концѣ XV вѣка: онъ замѣняется теперь или взносомъ хлѣба «поспомъ», то-есть, въ точно-опредѣленныхъ размѣрахъ, независимыхъ отъ урожая, напримѣръ, съ каждой обжи платять по 1 коробѣ ржи, 1 четверткѣ жита (=ячменя), 1 четверткѣ пшеницы, $\frac{1}{2}$ коробѣ овса, не считая издѣлья и небольшого денежнаго сбора ⁴⁾, или прямо денежнымъ obroкомъ, обычный размѣръ котораго, по книгѣ, 1 р. съ обжи ⁵⁾).

¹⁾ Тамъ же, стр. 176.

²⁾ Тамъ же, стр. 180—200.

³⁾ См. Писцовыя книги Новгородскія, т. III; *Временникъ*, книги XI и XII.

⁴⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по Новгороду книга № 7, л. 59 и др.

⁵⁾ Тамъ же, лл. 148 об., 78, 78 об.,—9, 80 об., 82 об., 83 об., 84, 85, 86, 87, 88 об., 89 и пр. и пр.

Еще ближе къ концу XVI вѣка—въ 90-хъ годахъ—нѣтъ уже совершенно слѣдовъ половничества ¹⁾).

Есть признаки и того, что въ центральной Руси, въ XVI вѣкѣ уже не знавшей половничества, раньше существовала эта довольно примитивная форма отношеній между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ. До насъ дошла одна правая грамота по поземельному спору между Троицкимъ-Сергіевымъ монастыремъ и крестьянами черныхъ волостей Залѣся и Березовца Костромского уѣзда. Это было въ 1522—23 г. Одинъ изъ свидѣтелей-старожильцевъ, по словамъ грамоты далъ слѣдующее показаніе «отецъ мой, господине, приполъ въ ту землю Оглоблинскую, а язъ с своимъ отцомъ, на того Степанкова отца мѣсто на Понафидино *половничество*; а уже тому полпятадесять лѣтъ, а *половничая*, господине, на монастырь» ²⁾).

Писцовая книга Торопецкаго уѣзда, относящаяся къ началу 40-хъ годовъ XVI вѣка, также содержитъ въ себѣ указанія на половниковъ, но рѣдкія: очевидно, это были только пережившія, случайно уцѣлѣвшія остатки предыдущей эпохи: въ Стрежинской переварѣ въ д. Гололковѣ, напримѣръ, жилъ «Сидорка Кузминъ *половникъ*» ³⁾. Еще дольше сохранилось половничество въ Хлыновскомъ (Вятскомъ) уѣздѣ: въ двухъ деревняхъ Успенскаго монастыря еще въ 1590 г. жили половники ⁴⁾.

Если всѣ эти соображенія о половникахъ вѣрны, то, очевидно, что изученіе ихъ положенія можетъ повести къ ряду важныхъ выводовъ,—о томъ, напримѣръ, какъ измѣнились отношенія между землевладѣльцами и земледѣльцами въ смыслѣ тяжести оброковъ. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но въ такомъ случаѣ придется признать, что тяжесть владѣльческихъ поборовъ уменьшилась въ XVI вѣкѣ сравнительно съ предшествующимъ временемъ.

Вѣрный своему плану—дать рядъ очерковъ, связанныхъ лишь внѣшнимъ образомъ,—г. Дяконовъ не пытается сблизить выводы, полученные имъ при изученіи положенія половниковъ и порядчиковъ, съ заключеніями, неизбежно слѣдующими изъ двухъ предыдущихъ очерковъ. Между тѣмъ такое сближеніе—возможно,

¹⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, писцовыя книги 958; ср. *Временникъ*, VI.

²⁾ Акты Оедотова-Чеховскаго, т. I, № 34, стр. 36.

³⁾ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по Торопцу кн. № 1, л. 123 об.

⁴⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, грамоты кол. эк., Хлыновскій у., № 14169.

оно даже необходимо напрашивается само собою: наблюдения надъ крестьянами—старожильцами показали, что ихъ закрѣпленіе совершилось раньше правительственной санкціи и вѣтъ непосредственнаго воздѣйствія государственной власти; познакомившись съ положеніемъ сѣвернаго крестьянства, можно замѣтить, что его свободное состояніе сохранялось позднѣе законодательнаго утвержденія крѣпостного права на крестьянъ и, слѣдовательно, вопреки ему. И здѣсь и тамъ социальныя явленія не были слѣдствіемъ политическихъ вліяній, правительственной дѣятельности.

Четвертый очеркъ посвященъ бобылямъ. Здѣсь прежде всего устанавливается понятіе бобыльства: бобыль въ XVI вѣкѣ есть, во-первыхъ, «непашенный, безземельный человѣкъ», во-вторыхъ, человѣкъ нетяглый. Что онъ непашенный—это превосходно доказано г. Дьяконовымъ, но едва-ли вѣрно, что бобыли были нетяглыми людьми. Г. Дьяконовъ указываетъ, что бобыли «платятъ только оброкъ» и «не положены ни въ выти ни въ сохи»¹⁾ что «изъ сборовъ, падающихъ на бобылей, упоминается лишь поземъ, то-есть, плата за усадебную землю»²⁾. Но въ этихъ словахъ мы встрѣчаемся съ смѣшеніемъ понятій, вообще очень рѣдкимъ у автора. Прежде всего слово «оброкъ» употреблялось въ древней Руси въ двухъ смыслахъ: во-первыхъ, этимъ словомъ обозначалась арендная плата, уплачивавшаяся крестьяниномъ землевладѣльцу за пользованіе земельнымъ участкомъ, на которомъ сидѣлъ крестьянинъ; это—рента, частно-владѣльческій доходъ; во-вторыхъ, правительство нерѣдко опредѣляло общую сумму всѣхъ податей, которую должна была уплачивать въ государственную казну извѣстная мѣстность или опредѣленное земельное владѣніе, и эта сумма налагалась на эту мѣстность или это владѣніе за всѣ подати; въ такомъ случаѣ она также носила названіе obroka; но, очевидно, что это второе словоупотребленіе не тождественно съ первымъ: здѣсь рѣчь идетъ уже объ obroky за «государевы подати»—тамъ слово «obrokъ» употреблялось въ значеніи частнаго земледѣльческаго дохода. Если бы можно было доказать, что бобыли платили obroky только въ смыслѣ позема, то-есть, платы за усадебную землю, то г. Дьяконовъ былъ бы правъ, называя бобылей нетяглыми людьми. Но этого доказать нельзя: нѣтъ сомнѣнія, что бобыли платили obroky въ государеву казну за всѣ

¹⁾ Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, стр. 213.

²⁾ Тамъ же, стр. 211.

подати, подобно тому, какъ это было и въ посадахъ¹⁾, что однакоже не мѣшаетъ намъ считать посадскихъ людей — тяглымъ классомъ. Правда, въ выти и сохи бобыли не клались, но это вполне понятно: выть и соха въ XVII вѣкѣ имѣла еще чисто-поземельный и притомъ земледѣльческій характеръ, обозначала собою болѣе или менѣе опредѣленное пространство распахиваемой земли, а бобыли не пахали земли. Доказать, что слово «оброкъ» по отношенію къ бобылямъ употреблялось не только въ смыслѣ арендной платы за усадьбу, частновладѣльческаго дохода, но также и въ смыслѣ суммы, замѣнявшей всѣ подати, которымъ бобыли подлежали какъ люди тяглые, довольно легко. Вотъ особенно яркое наблюденіе: въ сотной по волости Керети, относящейся къ 1562—63 г., упоминаются «дворы великаго князя непашенные» и затѣмъ указано, что съ нихъ идетъ оброкъ въ царскую казну по 8 алтынъ 2 деньги въ годъ съ двора, «а тотъ на нихъ оброкъ положенъ съ ихъ дворовъ 3 животовъ и съ промысловъ за сошной окладъ»²⁾. Не подлежали этому государеву оброку за всѣ подати или за сошный окладъ бобыли только въ томъ случаѣ, повидимому, когда они служили по найму въ чужихъ дворахъ или на чужихъ промыслахъ³⁾.

Опредѣливъ основной смыслъ бобыльства, какъ спеціальнаго класса, г. Дьяконовъ пытается объяснить и происхожденіе бобылей; по его мнѣнію, бобыли — обѣднѣвшіе пашенные люди: «бобыль непашенный человекъ не въ силу того, что онъ земледѣлію предпочелъ какой-либо промыселъ, находя его болѣе выгоднымъ. Онъ непашенный только потому, что вслѣдствіе бѣдности покинулъ земледѣліе, «отбылъ папши», какъ тогда говорили, или по неимѣнію средствъ не могъ нигдѣ пристроиться на папшию, «порядиться во крестьяне»⁴⁾. Это положеніе авторъ доказываетъ по преимуществу фактами, относящимися къ XVII вѣку⁵⁾; единственный приводимый имъ фактъ XVI столѣтія — выпись изъ писцовыхъ книгъ 90-го годовъ на вотчины Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ: здѣсь въ одной деревнѣ упоминается «дворъ пустъ», изъ котораго жилецъ «вышелъ въ иную деревню на подворье, живетъ бобылемъ, старъ,

¹⁾ Ср. *Чечулинъ*. Города Московскаго государства въ XVI вѣка, стр. 120.

²⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, гр. кол. эк., Двинскій уѣздъ, № 4147.

³⁾ Тамъ же, № 4183.

⁴⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 208.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 216.

пахати не может»¹⁾). Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что однимъ изъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось бобыльство, были обѣдѣвшіе и бросившіе по той или другой причинѣ земледѣльческій трудъ крестьяне, и что въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе потрясенія, произведеннаго смутнымъ временемъ, этотъ источникъ бобыльства сдѣлался обильнѣе, чѣмъ то было раньше, однако, г. Дяконовъ ошибается, сводя происхожденіе бобылей исключительно на процессъ отдѣленія крестьянства отъ земледѣлія. Прежде всего вовсе не слѣдуетъ считать бобыльство такимъ позднимъ явленіемъ, какъ это кажется г. Дяконову: онъ думаетъ, что бобыли появились только съ XVI вѣка²⁾; между тѣмъ еще въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ довольно часто попадаются поземщики, которые тоже самое, что бобыли, какъ видно по ихъ занятіямъ — это не земледѣльцы, а промышленники или ремесленники, — а также и по тому, что и позднѣйшіе бобыли, какъ и поземщики, платили «поземъ»³⁾. Очевидно, что если бы до насъ дошли писцовыя книги болѣе ранняго времени, мы и тамъ встрѣтились бы съ тѣмъ же бобыльствомъ, хотя, быть можетъ, и подъ другимъ названіемъ. Единственно, что можетъ считаться съ извѣстною степенью вѣроятности новымъ въ XVI вѣкѣ, это самый терминъ «бобыль». А затѣмъ очень вѣроятно, что не всѣ бобыли были бѣднѣе крестьянъ: новгородскіе поземщики, напримѣръ, едва ли всегда уступали послѣднимъ по степени состоятельности, тѣмъ болѣе, что земледѣліе въ Новгородской области вслѣдствіе крайней скудости почвы не могло быть прибыльнымъ занятіемъ. Извѣстно также, что были бобыли, имѣвшіе собственныя лавки, занимавшіеся торговлей⁴⁾. При наличности такихъ фактовъ едва ли не слѣдуетъ измѣнить вышеприведенное положеніе г. Дяконова о происхожденіи бобыльства въ томъ смыслѣ, что бобыль нерѣдко бывалъ непашеннымъ человекомъ именно потому, что земледѣлію предпочелъ другой промыселъ, казавшійся ему болѣе выгоднымъ или удобнымъ.

1) Тамъ же, стр. 217.

2) Тамъ же, стр. 207.

3) См. во многихъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, напримѣръ, Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по Новгороду № 10, л. 476 об., кн. № 7, лл. 8, 352 об. и др.

4) Что между бобылями были люди различной состоятельности, это видно изъ цифръ оброка: такъ, напримѣръ, въ вотчинѣ Кириллова монастыря въ Бѣжецкой пятинѣ въ 1580—81 г. 2 бобыля платили 7 денегъ позему, а 13 только 4 деньги новгородскихъ (Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, по Новгороду, кн. № 10, л. 476 об.).

Замѣтимъ еще, что авторъ черезчуръ рѣзко отдѣляетъ бобылей въ собственномъ смыслѣ отъ тѣхъ, кого онъ называетъ «бобылями-захребетниками», «не имѣвшими», по его словамъ, «собственной усадьбыной оубдлости»¹⁾ и жившими на чужихъ дворахъ. Дѣло въ томъ, что эти бобыли-захребетники не кто иные, какъ наемные работники; но не слѣдуетъ думать, будто эти наемные бобыли всегда жили на чужихъ дворахъ: нерѣдко у нихъ была собственная оубдлость; такъ въ сотной по Керети 1574—75 г. говорится о бобыляхъ, которые «промышляли въ варницахъ: дрова сѣкли, а лѣтомъ ходили на море на судѣхъ наемуючисъ²⁾»; эти бобыли имѣли однако собственные дворы; по дозорной книгѣ Бѣжецкой пятины 1593—94 г., чуть не въ каждомъ имѣніи встрѣчаются бобыли, живущіе на своихъ дворахъ, при чемъ книга обыкновенно сопровождаетъ описаніе такихъ бобыльскихъ дворовъ замѣчаніемъ: «кормятца межъ крестьянъ работою»³⁾. Этимъ уничтожается совершенно грань между бобылями съ одной стороны и захребетниками съ другой.

Свой очеркъ о бобыляхъ г. Дьяконовъ заканчиваетъ любопытными указаніями на пункты сходства бобылей съ крестьянами: 1) «начала крестьянской крѣпости одновременно и въ равной силѣ распространяются и на бобылей»; 2) «указы о живущей четверти сближаютъ крестьянъ и бобылей и въ тяглоу отношеніи»; 3) «указы 1649 и 1679 годовъ о подворной подати окончательно приравняли бобыльскій дворъ въ окладномъ отношеніи къ крестьянскому»⁴⁾.

Первостепенную важность имѣетъ тема пятого очерка книги г. Дьяконова, озаглавленнаго «Задворные и дѣловые люди». Пересмотръ вопроса о задворныхъ людяхъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что объ этомъ словѣ несвободнаго населенія мы имѣли до сихъ поръ только одно изслѣдованіе, принадлежащее проф. Ключевскому⁵⁾. Главные выводы, къ которымъ пришелъ г. Ключевскій, сводятся къ слѣдующему: задворные люди, появившіеся въ XVII вѣкѣ, были особымъ юридическимъ состояніемъ, крѣпкимъ землевладѣльцу на основаніи особаго договора, называвша-

¹⁾ «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія», стр. 221, 219.

²⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, грам. кол. эк., Двинскій уѣздъ, № 4183.

³⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, писцовыя книги 972, лл. 41 и об., 43, 45, 56 и др.

⁴⁾ «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія», стр. 240.

⁵⁾ Подушная подать и отѣна холопства въ Россіи. IV. Задворные люди. *Русская Мысль*, за 1886 г., № 10.

гося, подобно крестьянской крѣпости, ссудною записью или ссудною жилою записью. Этотъ послѣдній документъ, эта спеціальная задворная крѣпость явилась результатомъ измѣненія условій служилой кабалы примѣнительно къ хозяйственному положенію задворныхъ людей и по образцу крестьянской ссудной записи. Задворная крѣпость потому произошла изъ служилой кабалы, что кабальные холопы были первымъ и самымъ главнымъ элементомъ, вошедшимъ въ составъ задворнаго холопства. Особенность же хозяйственнаго положенія задворныхъ людей заключалась въ томъ, что они сидѣли на пашиѣ, на особыхъ земельныхъ участкахъ, тогда какъ кабальные холопы обыкновенно служили на дворѣ господина. Г. Дьяконовъ подробно разбираетъ эту теорію, исходя изъ двухъ наблюдений, сдѣланныхъ г. Милюковымъ: во-первыхъ, «задворные люди и къ концу XVII вѣка не успѣли составить цѣльнаго юридическаго состоянія», во-вторыхъ, «въ составъ задворныхъ людей входятъ не только другіе виды холопства, кромѣ кабальнаго, но также и не холопы». Г. Дьяконовъ подбираетъ цѣлый рядъ фактовъ, которыми подтверждается, что, хотя кабальные люди въ значительномъ количествѣ вошли въ составъ задворныхъ людей, но на ряду съ ними въ задворномъ холопствѣ встрѣчаются и старинные люди, и притомъ старинные *полные* холопы, а также выходцы изъ чужихъ краевъ и полоняники. При этомъ характерно, что очень часто эти выходцы попадали въ задворные люди «своею волею» и безъ всякихъ документовъ, «безкабально», какъ тогда говорили, или на основаніи не спеціальной задворной крѣпости, а служилой кабалы, жилой записи и пр. «Задворная крѣпость, какъ спеціальная крѣпостная документъ на задворную службу, представляется большою рѣдкостью»: извѣстно всегда только два такихъ акта, притомъ различныхъ между собою, хотя г. Дьяконовъ изучилъ много неизданнаго матеріала.

Притомъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Дьяконовъ, хозяйственное подожженіе задворныхъ людей вовсе не обуславливало необходимости особой задворной крѣпости: землевладѣльцы безъ всякаго затрудненія и безъ всякихъ неудобствъ садили на отдѣльные земельные участки и холоповъ полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ и бобылей¹⁾. Вообще нельзя не признать, что г. Дьяконовъ убѣдительно доказалъ юридическую необособленность задворныхъ людей, если подъ этою необособленностью разумѣть тотъ фактъ, что задворные люди не были

---

¹⁾ »Очерки изъ исторіи сельскаго населенія«, стр. 254—256, 260.

состояніемъ юридически цѣльнымъ и однороднымъ. Но помимо этого изслѣдованія задворнаго холопства, взятаго отдѣльно отъ другихъ слоевъ сельскаго населенія, важно еще опредѣлить отношенія задворныхъ людей къ другимъ видамъ холопства, съ одной стороны, и къ крестьянству, съ другой. По мнѣнію г. Дьяконова, между задворными людьми и остальными холопами или такъ называемыми дѣловыми людьми не было никакого различія: источники безразлично говорятъ о людскихъ дворахъ, о дворахъ дѣловыхъ людей и задворныхъ; въ переписныхъ книгахъ иногда упоминается даже о «дѣловыхъ задворныхъ людяхъ»¹⁾. Относительно XVII вѣка мы не будемъ спорить съ авторомъ, но въ XVI несомнѣнно существовало если не юридическое то, по крайней мѣрѣ, фактическое различіе между «людьми» вообще и «дѣловыми людьми», хотя бы тѣ и другіе и сидѣли на особыхъ дворахъ. Отмѣчу слѣдующій характерный фактъ, извѣстный и г. Дьяконову, но недостаточно оцѣненный имъ. Въ 1571 г. въ вотчинѣ Агафьи Зубаревой, с. Талызинѣ, Муромскаго уѣзда, было между прочимъ «луцскихъ (то-есть людскихъ) три двора да деловыхъ три ж двора»²⁾. Быть можетъ, между дѣловыми людьми и другими холопами, сидящими за дворомъ землевладѣльца, и существовало именно то различіе, которое указываетъ г. Ключевскій: дѣловые люди получали мѣсячину и отбывали только барщину, не платя оброка, между тѣмъ какъ задворные холопы обязаны были и оброкомъ. Замѣтимъ еще, что терминъ «задворные люди» смѣло можетъ быть отнесенъ и къ тѣмъ холопамъ, которые еще въ XVI вѣкѣ сидѣли на особыхъ земельныхъ участкахъ и имѣли свои отдѣльные дворы: это доказывается одною неизданною писцовою книгой Шелонской пятины Великаго Новгорода, составленною въ 1571—72 г.: у множества помѣщиковъ здѣсь упоминаются «за дворомъ люди»³⁾, а при описаніи помѣстья Аѳанасья Еремѣева читаемъ: «а задворныхъ людей Ованасьевыхъ (д) Оишко Яковлев, (д) Оетко Иванов, (д) Яшко Немчин»⁴⁾. Это наблюденіе имѣетъ большую цѣнность: вопреки установившемуся взгляду терминъ «задворные люди» существовалъ и до XVII вѣка, въ 70-хъ годахъ XVI, такъ что не можетъ быть и рѣчи о происхожденіи задворнаго холопства изъ кабальнаго, форма котораго, принимавшаяся на исходную точку задворной неволи, сложилась

¹⁾ Тамъ же, стр. 288.

²⁾ Моск. Арх. Мин. Юст., грам. кол. эк., Муромск. у., № 7753.

³⁾ Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Д., по Новгороду № 8, лл. 74 об., 78 и об., 82 об.—83, 84 об., 89 об., 91 и об., 98 и об. и др.

⁴⁾ Тамъ же, л. 118 об.—119.

только въ самомъ концѣ XVI столѣтія, по указамъ 1586 и 1597 гг.; нельзя, слѣдовательно, говорить и о задворныхъ людяхъ, какъ юридическомъ состояніи: они—то-же, что страдники или страдные люди, то-есть обыкновенные земледѣльческіе холопы.

Переходимъ къ другой сторонѣ дѣла: къ отношеніямъ между задворными холопами и крестьянами. Въ изображеніе этихъ отношеній г. Дяконовъ внесъ нѣчто новое: согласно съ общепринятымъ взглядомъ онъ полагаетъ, что въ XVI вѣкѣ и въ теченіе большей части XVII холопы и задворные люди отличались рѣзко отъ крѣпостныхъ крестьянъ тѣмъ, что считались людьми нетяглыми, не платили государственныхъ податей; отличіемъ отъ общепринятаго является только мнѣніе автора о времени, когда холопы и крестьяне слились въ одно крѣпостное сословіе, обязанное уплатой податей, подъ отвѣтственностью землевладѣльцевъ: г. Ключевскій относилъ это сліяніе ко времени первой ревизіи; г. Милуковъ высказалъ мнѣніе, что оно случилось раньше, въ 1678 году, путемъ особаго указа, закрѣпленнаго еще и внесеніемъ задворныхъ людей въ переписныя книги того времени¹⁾. Это послѣднее мнѣніе принято и авторомъ разбираемой книги. Но въ той же книгѣ г. Дяконова есть еще указаніе на необходимость ограничить мнѣніе, что землевладѣльцы еще въ первой половинѣ XVII вѣка, переводя задворныхъ людей на тяглые участки, не превращали ихъ въ государственныхъ тягловцовъ. Вопросъ, какъ кажется, нуждается еще во внимательномъ новомъ пересмотрѣ. Думаютъ, что обыкновенно землевладѣльцы путемъ частныхъ хозяйственныхъ распоряженій сажали холоповъ на отдѣльные земельные участки, государство же не знало этихъ холоповъ, не считало ихъ тяглецами. Въ какомъ смыслѣ нужно понимать этотъ нетяглый характеръ холоповъ, сидѣвшихъ на тяглыхъ земельных участкахъ? Его нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что земля, распахиваемая холопами, не облагалась государствомъ: земля эта всегда платила подати; это признаютъ всѣ изслѣдователи. Если холоповъ этихъ считать нетяглыми по той причинѣ, что съ земли, обрабатываемой ими, налоги платились не ими, а ихъ господами, то это еще не основаніе для того, чтобы признавать такихъ холоповъ нетяглыми: въ такомъ случаѣ очень многіе крестьяне—напримѣръ, большинство крестьянъ-половниковъ—тоже были бы нетяглыми, такъ какъ и за нихъ, на основаніи условія, вносимаго въ порядныя записи, налоги платились землевладѣльцами. Не вѣрнѣ ли признать, что все различіе

¹⁾ Труды рязанской ученой архивной комиссіи за 1897 годъ, т. XII, вып. I, стр. 98.

между положеніемъ холоповъ по отношенію къ государственному тяглу до и послѣ 1678 г. сводились къ чисто-формальному признаку, къ тому, кто—землевладѣлецъ или холопъ—вносилъ подати въ казну. Впрочемъ и это формальное различіе было очень ничтожно, такъ такъ и послѣ указа 1678 года отвѣтственными лицами по взносу податей оставались всетаки землевладѣльцы.

Въ изложеніи содержанія пятаго очерка книги г. Дьяконова мы вездѣ употребляли выраженіе «задворные люди» въ значеніи холоповъ, сидѣвшихъ на земледѣльческихъ участкахъ и особыхъ дворахъ. Такое употребленіе этого слова при изслѣдованіи исторіи задворныхъ людей единственно вѣрное. Г. Дьяконовъ начинаетъ свой очеркъ указаніями на то, что эпитетъ «задворный» прилагался и къ нехолопамъ, что были, напримѣръ, задворные бобыли, монастырскіе задворные служки¹⁾ Все это, очевидно, не имѣетъ никакого отношенія къ задворнымъ людямъ въ собственномъ смыслѣ и только обременяетъ книгу излишнимъ балластомъ.

Постановка и разработка вопроса о монастырскихъ дѣтенышахъ, о которыхъ рѣчь идетъ въ шестомъ очеркѣ книги, составляетъ несомнѣнную заслугу г. Дьяконова, тѣмъ болѣе, что до него этотъ вопросъ даже и не затрогивался въ литературѣ. Дѣтенышами назывался довольно многочисленный слой населенія монастырскихъ вотчинъ. Этотъ слой сложился изъ нѣсколькихъ элементовъ: во-первыхъ, въ число дѣтенышей вошли осиротѣвшія крестьянскія и бобыльскія дѣти, во-вторыхъ, обѣднѣвшіе крестьяне и бобыли, въ-третьихъ, наемные люди. Первые два разряда, о которыхъ и слѣдуетъ говорить какъ о собственно-дѣтенышахъ, были монастырскими крѣпостными людьми. Занятія дѣтенышей были довольно разнообразны: дѣтеныши пахали монастырскую пашню, были епанечниками, кожевниками, конюхами, пастухами, мельниками, муковозами, поваренными дѣтенышами, трапезными, застольными дѣтенышами. Общимъ правиломъ было то, что дѣтеныши жили на монастырскомъ иждивеніи, получали мѣсячину хлѣбомъ и деньгами. Вообще въ хозяйственномъ отношеніи дѣтеныши играли ту же роль, какая принадлежала въ частно-владѣльческихъ свѣтскихъ владѣніяхъ холопамъ. Въ 70-хъ годахъ дѣтеныши были обложены государственными податями, какъ и холопы, но раньше, по мнѣнію г. Дьяконова, они не были тяглыми. Впрочемъ, едва ли это мнѣніе можетъ быть принято безъ ограниченій, такъ какъ, повидимому, монастырская запашка освобождалась отъ податей только по особымъ жалованнымъ грамотамъ²⁾. П

¹⁾ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія“, стр. 244—246.

²⁾ Тамъ же, стр. 296, 303, 307, 309—312, 314.

Таково содержаніе книги г. Дьяконова. Повторяемъ, авторъ устранился сознательно отъ общаго вывода, но, думаемъ, выводъ этотъ напрашивается самъ собой, если сопоставить отдѣльныя заключенія каждаго изъ шести очерковъ. Изъ такого сопоставленія можно заключить, что и крестьянство, и бобыльство, и задворное холопство, и, наконецъ, состояніе монастырскихъ дѣтенышей не были созданы государственной властью, а появились какъ результатъ общественныхъ условій, не направляемыхъ правительствомъ и независимыхъ отъ него. Этотъ выводъ имѣетъ первостепенное значеніе: въ русской исторической литературѣ, особенно благодаря изслѣдованіямъ Градовскаго и г. Сергѣевича, утвердилось мнѣніе, что русскія сословія образовались подъ вліяніемъ государства, были созданы правительственною властью. Эта мысль пустила довольно глубокіе корни, даже такой выдающійся изслѣдователь, какъ г. Милуковъ, положилъ ее въ основу изображенія процесса развитія русскаго общества въ московскій періодъ¹⁾. Между тѣмъ въ этой мысли заключается много неясностей. Въ какомъ смыслѣ можно понимать созидательную роль государства въ исторіи соціального строя? Если въ томъ, что сословія, какъ расчлененіе общества на политической основѣ, на основѣ правъ и обязанностей, формулированныхъ болѣе или менѣе точно въ законѣ, появились именно вслѣдствіе опредѣленія размѣра этихъ правъ въ законѣ, созданномъ государствомъ, то это значить всегда и вездѣ признавать сословія плодомъ государственнаго вліянія, такъ какъ всегда и вездѣ политическія сословія опираются на прочно установившіеся принципы обычнаго или писаннаго права. Съ другой стороны, никогда права и обязанности не создаются—по крайней мѣрѣ, надолго—искусственно правительствомъ, и такое искусственное созданіе соціального строя всего менѣе имѣло мѣсто въ русской исторіи, какъ это превосходно доказывается книгой г. Дьяконова. Въ этомъ и состоитъ главная цѣнность разбираемаго изслѣдованія. Жаль только, что авторъ, увлекшись разработкой ряда детальныя подробностей, не формулировалъ главнаго вывода, который было можно и должно сдѣлать изъ его книги. Можно вообще признать общимъ соціологическимъ закономъ, что политическія явленія опредѣляются вліяніемъ социальныхъ, а не наоборотъ. И едва ли можетъ существовать сомнѣніе, что исторія Россіи въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Чѣмъ дальше пойдетъ разработка соціальной исторіи Россіи, тѣмъ больше будетъ выясняться самостоятельное значеніе процесса развитія русскихъ сословій.

¹⁾ „Очерки по исторіи русской культуры“, т. I, стр. 127 и сл.

Представленный здѣсь краткій разборъ «Очерковъ изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ» заключаетъ въ себѣ немало частныхъ возраженій, касающихся отдѣльных вопросовъ, обсуждаемыхъ въ книгѣ. Возможность этихъ замѣчаній объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что ни одинъ изслѣдователь не въ состояніи въ настоящее время охватить всю массу матеріала, остающагося неизданнымъ въ нашихъ архивахъ. Несомнѣнно, что дальнѣйшее детальное изученіе того моря документовъ, которое сохранилось для насъ отъ XVII вѣка, во многомъ еще дополнить и исправить выводы г. Дьяконова. Но и въ такомъ случаѣ нельзя будетъ не признать выдающихся достоинствъ книги: богатства собраннаго матеріала, ясности мысли и изложенія, укрѣпленія основныхъ началъ теоріи Погодина и г. Ключевского о происхожденіи крѣпостного права, выясненія многихъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ въ исторіи бобыльства, задворнаго холопства, монастырскихъ дѣтенышей, наконецъ, того чутія исторической дѣйствительности, которое, вообще говоря, не особенно часто встрѣчается у юристовъ, принимающихся за разработку вопросовъ исторіи русскаго права: авторъ умѣетъ за отвлеченными юридическими схемами схватить сложные явленія дѣйствительной жизни, и потому его книга въ большинствѣ случаевъ совершенно правильно выясняетъ связь и взаимодѣйствіе жизненныхъ явленій съ юридическимъ сознаніемъ.

Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива комитета министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣлений канцеляріи комитета министровъ Н. А. Кислинскимъ подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Изданіе канцеляріи комитета министровъ. Спб. 1902 г.

Столѣтіе административныхъ преобразованій императора Александра I вызвало появленіе въ свѣтъ нѣсколькихъ официальныхъ изданій, количество которыхъ, насколько извѣстно, должно еще увеличиться въ ближайшемъ будущемъ. Однимъ изъ такихъ изданій является трехтомное сочиненіе съ приведеннымъ выше заглавіемъ. Составленное чрезвычайно добросовѣстно на основаніи обширнаго и цѣннаго архивнаго матеріала, оно даетъ возможность съ надлежащей полнотой и ясностью представить себѣ ходъ русской желѣзнодорожной политики въ царствованіи императоровъ Николая I и Александра II. Процессъ развитія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, на основаніи фактическихъ данныхъ, изложенныхъ въ разбираемой книгѣ, можно раздѣлить на три періода (оговариваемся, что это дѣленіе принадлежит не автору книги, а намъ): 1) періодъ подготовительный, съ 1835 до 1856 года включительно, 2) періодъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства, съ 1857 по 1877 годъ, 3) періодъ перехода къ сосредоточенію желѣзнодорожнаго хозяйства въ рукахъ государства, съ 1878 по 1881 годъ. Первый періодъ характеризуется прежде всего борьбой между сторонниками и противниками сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; дѣло въ томъ, что въ тридцатыхъ годахъ многіе видные государственные дѣятели, къ числу которыхъ принадлежали министръ финансовъ Канкринъ и главноуправляющій вѣдомствомъ путей сообщенія графъ Толь, отрицали пользу и значеніе желѣзныхъ дорогъ для Россіи. Въ началѣ 40-хъ годовъ убѣжденіе въ пользѣ желѣзныхъ дорогъ утвердилось прочно, благодаря въ особенности докладу инженеровъ Крафта и Мельникова, изучившихъ обстоятельно желѣзно-

дорожное дѣло въ Америкѣ. Признаками этого служатъ высочайшее повелѣніе 1 февраля 1842 г. о сооруженіи дороги между Петербургомъ и Москвой и послѣдовавшая скорѣ затѣмъ замѣна Толя Клейнмихелемъ и Канкринъ Вронченкомъ. Вторая характеристическая черта перваго періода—это установленіе способовъ желѣзнодорожнаго строительства,—средствами казны (Николаевская и Варшавско-Вѣнская дороги) и при помощи частныхъ обществъ (всѣ прочія); при этомъ намѣтились нѣкоторыя основныя черты устройства частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній: правительственная гарантія дохода, установленіе сроковъ перехода въ казну и выкупа, обязательность пріобрѣтенія части рельсовъ и подвижнаго состава на русскихъ заводахъ и т. д. Въ третьихъ, тогда же положено было основаніе административной организаціи, вѣдавшей желѣзныя дороги: сразу намѣтились задачи и функціи вѣдомствъ путейскаго и финансоваго, а также роль комитета министровъ и специальныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ. Въ результатѣ получилось до 1.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Второй періодъ (1857—1877 гг.)—время усиленнаго и энергичнаго, сильно поощряемаго правительствомъ частнаго желѣзнодорожнаго строительства. Въ этотъ періодъ строительство отличалось уже планомерностью: неоднократно вырабатывались и въ значительной мѣрѣ осуществлялись планы сѣти необходимыхъ дорогъ. Важной особенностью времени являлось то обстоятельство, что желѣзнодорожная политика направлялась по преимуществу министерствомъ финансовъ, которое при Княжевичѣ и особенно при Рейтернѣ усиленно содѣйствовало образованію частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній. Вѣдомство путей сообщенія иногда шло рука объ руку съ финансовымъ вѣдомствомъ (такъ было при гр. В. А. Бобринскомъ и Посетѣ), но нерѣдко отстаивало и принципъ казеннаго строительства (напр., при Мельниковѣ и гр. А. П. Бобринскомъ). Побѣда, впрочемъ, долго неизмѣнно оставалась за Рейтерномъ. Это было вообще чрезвычайно горячее время и въ желѣзнодорожной политикѣ, какъ и въ другихъ областяхъ русской общественной и государственной жизни. Рейтернъ, принадлежавшій къ либеральному кружку великаго князя Константина Николаевича, былъ горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ частной инициативы въ промышленной жизни вообще и въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ въ частности. Роль правительства понималась министромъ финансовъ лишь въ смыслѣ энергичнаго содѣйствія и покровительства, заботливо устранявшаго различныя препятствія. Такое пониманіе дѣла соотвѣтствовало и основной потребности государственнаго хозяйства того времени: установить ра-

вновьсіе въ бюджетѣ и укрѣпить государственный кредитъ. Все это было достигнуто, и къ концу періода Россія обладала уже болѣе, чѣмъ 20.000 верстъ желѣзнодорожныхъ путей. Но результаты финансовой политики Рейтерна были уничтожены русско-турецкой войной 1877—1878 годовъ, которой онъ былъ непримиримымъ противникомъ. Въ то же время въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ обнаружились важныя пробѣлы и недостатки: 1) многія дороги были построены плохо и обнаружили слабую провозоспособность; 2) хозяйство многихъ компаній велось крайне нерасчетливо, и онѣ не исполняли своихъ обязательствъ передъ правительствомъ, вслѣдствіе чего все болѣе должны были правительству, пока, наконецъ во многихъ случаяхъ задолженность не сдѣлалась совершенно безнадежною; 3) правительственный надзоръ за дѣйствіями компаній и воздѣйствіе государства на частныя желѣзнодорожныя общества оказались недостаточными. Тогда начался третій періодъ: въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ правительство пришло къ убѣжденію въ необходимости строить желѣзныя дороги на средства казны и подъ ея распоряженіемъ и сознало потребность въ выкупѣ старыхъ линій въ казну.

Такова общая схема разбираемаго труда. Несмотря на обширный объемъ, на множество цифровыхъ данныхъ, на разныя подробности относительно разрѣшенія отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ линій, книга читается легко и съ неослабѣющимъ интересомъ. Причина этого заключается въ необыкновенно яркомъ конкретномъ изображеніи всѣхъ отдѣльныхъ перипетій русской желѣзнодорожной политики. Но при всѣхъ достоинствахъ труда существуютъ и недостатки. Главный изъ нихъ заключается въ томъ, что разбираемое сочиненіе въ сущности не есть настоящее изслѣдованіе, а только первоначальная обработка и систематизація матеріала, лишь отчасти связываемая съ изображеніемъ общихъ теченій въ *политической* жизни страны. Этотъ недостатокъ въ сущности тѣсно связанъ съ указанными достоинствами книги: увлекаясь конкретными подробностями, лицами и событіями, авторъ нерѣдко заслоняетъ ими болѣе общія теченія и вліянія. Это видно уже изъ того, что приходится помимо автора устанавливать общіе періоды развитія желѣзнодорожнаго дѣла. Затѣмъ обращая нѣкоторое вниманіе на общія политическія условія и на обстоятельства, относящіяся къ *государственному* хозяйству, авторъ не ставитъ въ связь изучаемыхъ имъ явленій съ общими теченіями *народнаго* хозяйства, не ищетъ объясненія тамъ, гдѣ въ сущности надо его искать,—въ сферѣ экономической. Въдѣ вся финансовая система Рейтерна и его желѣзнодорожная по-

литика объясняются въ конечномъ счетѣ переходомъ Россіи къ тому моменту экономическаго развитія, когда денежное хозяйство, давно проникавшее уже въ массы населенія, захватило большинство послѣдняго и сосредоточило въ рукахъ меньшинства значительные капиталы, искавшіе помѣщенія. Хозяйственные условія времени вызвали необходимость усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства, привлеченія къ нему русскихъ и иностранныхъ капиталовъ, поощренія фабричной производительности, и исключали возможность непосредственной дѣятельности казны въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ.

Въ третьемъ томѣ этотъ недостатокъ выступаетъ очень выпукло вслѣдствіе предвзятой и, по нашему мнѣнію, совершенно невѣрной мысли автора, что царствованіе императора Александра III-го въ отношеніи къ желѣзнодорожной политикѣ представляетъ собою нѣчто цѣльное и единое съ начала до конца (см. стр. 3—4). Исходя изъ этой мысли, авторъ отказывается отъ хронологическаго разсмотрѣнія желѣзнодорожной политики во всѣхъ ея проявленіяхъ въ теченіе 1881 — 1894 гг. и предпочитаетъ вести систематическій обзоръ отдѣльныхъ сторонъ дѣла, которыхъ онъ различаетъ три: 1) общія законодательныя и административныя мѣры, 2) выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну, 3) постройка казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и предъявленіе частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ видоизмѣненныхъ условій сооруженія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ (стр. 4). Нельзя не признать, что такой планъ изложенія стираетъ индивидуальныя черты, свойственныя отдѣльнымъ моментамъ желѣзнодорожной (и не одной только желѣзнодорожной) политики правительства въ минувшее царствованіе. Поэтому, обзрѣвая существенные результаты труда г. Кислинскаго, мы постараемся различить эти моменты, ясно обозначающіеся, если расположить богатый матеріалъ, использованный авторомъ, въ надлежащемъ порядкѣ, определяемомъ самимъ ходомъ дѣла.

Первый хронологическій моментъ желѣзнодорожной политики императора Александра III-го—это первая половина 80-хъ годовъ. Въ сущности этотъ моментъ совершенно искусственно отдѣленъ отъ конца царствованія Александра II-го, потому что, какъ мы видѣли при разборѣ первыхъ двухъ томовъ сочиненія г. Кислинскаго, уже въ концѣ 70-хъ и въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ намѣтились основныя черты, характерныя для всей первой половины 80-хъ годовъ. Уже при Александрѣ II-мъ правительство пришло къ сознанію необходимости усилить свой надзоръ за дѣйствіями частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, строить желѣзныя дороги на средства казны и подъ ея распоряженіемъ

и выкупать старыя ливні въ казну. Все это стало исполняться въ первые годы новаго царствованія. Потребность въ усиленіи надзора вызвала усиленную законодательную и административную работу по желѣзнодорожному дѣлу. Прежде всего въ 1883 году было установлено Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, что всѣ вопросы желѣзнодорожной политики подлежатъ разсмотрѣнію комитета министровъ, а затѣмъ финансовая сторона дѣла подвергается обсужденію департамента государственной экономіи государственнаго совѣта. Въ 1885 г. былъ утвержденъ вырабатывавшійся нѣсколько лѣтъ «Общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ», по которому учреждался желѣзнодорожный совѣтъ при министерствѣ путей сообщенія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, устанавливались правила о перевозкѣ пассажировъ и грузовъ и т. д. Въ 1884 году положено начало контрольному надзору, правительства за частнымъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ. Наконецъ, въ тотъ же періодъ поставлена на очередь тарифная реформа. Этой оживленной административной и законодательной дѣятельности по желѣзнодорожному дѣлу соответствовалъ приступъ правительства къ выкупу частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну. Онъ не достигъ, правда, пока большихъ размѣровъ, но начало было сдѣлано: именно выкуплены были досрочно, по соглашенію съ желѣзнодорожными обществами, четыре дороги (Харьково-Николаевская, Тамбово-Саратовская, Муромская и Путиловская) протяженіемъ болѣе 1,300 верстъ. Наконецъ, въ первой половинѣ 80-хъ годовъ наблюдается нѣкоторое оживленіе желѣзнодорожнаго строительства, — казеннаго и частнаго: правительство построило Криворогскую, Баскунчакскую, часть стратегическихъ Полѣскихъ дорогъ и т. д.; частными обществами сооружены дороги Ивангородо-Домбровская, Обоянская и др. Средства для постройки были получены путемъ правительственныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ и выпуска облигацій частныхъ обществъ. Въ общемъ періодъ времени съ конца 70-хъ до половины 80-хъ годовъ можно характеризовать какъ эпоху ликвидаціи старыхъ порядковъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и установленія порядковъ новыхъ, отличительною чертою которыхъ является плавномѣрная организація прежде нестройнаго и пестраго желѣзнодорожнаго хозяйства.

Вторая половина 80-хъ годовъ существенно отличается отъ только что разсмотрѣннаго періода. Законодательная и административная работа по желѣзнодорожному дѣлу потеряла въ это время прежнюю напряженность, сводясь къ выполненію ранѣе намѣченнаго. Важнѣйшей мѣрой надо признать въ этомъ отношеніи изданіе въ 1889 году «Временнаго положенія о желѣзно-

дорожныхъ тарифахъ и объ учрежденіяхъ по тарифнымъ дѣламъ». Съ тѣхъ поръ началась важная работа по выработкѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Далѣе: стремленіе правительства къ установленію бюджетнаго равновѣсія и къ подъему кредита Россіи на европейскихъ денежныхъ рынкахъ, а также экономическій кризисъ повели къ сильнѣйшему сокращенію, можно сказать, почти полному прекращенію желѣзнодорожнаго строительства: въ этотъ періодъ были построены очень немногія дороги, какъ, напр., частная Ярославско-Костромская и казенная Псково-Рижская и Ржево-Вяземская. Зато выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну усилился и повелъ къ весьма большому увеличенію протяженія казенной желѣзнодорожной сѣти: досрочно выкуплены были дороги Уральская, Рязко-Вяземская, Моршано-Сызранская, Закавказская; по истеченіи означеннаго въ уставахъ срока для выкупа—Рижско-Моршанская, Курско-Харьковско-Азовская, Варшаво-Тереспольская, Московско-Курская, Балтійская.

Съ 1890 года начинается третій моментъ русской желѣзнодорожной политики въ новѣйшее время, продолжающійся и теперь. Въ экономической жизни Россіи это было время, когда она сдѣлала нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ по дорогѣ, ведущей страну къ преобразованію въ хозяйственный организмъ высшаго типа, съ развитымъ и глубоко проникшимъ въ народныя массы товарнымъ оборотомъ, съ растущей обрабатывающей промышленностью. Желѣзнодорожная политика, естественно, поэтому направлена была главнымъ образомъ къ одной цѣли, — къ поощренію промышленнаго, по преимуществу фабричнаго и торговаго развитія страны. Въ это время не было уже нужды въ интенсивной законодательной и административно-учредительной дѣятельности по желѣзно-дорожному дѣлу, потому что все главное было уже намѣчено и въ значительной своей части завершено. Заслуживаютъ вниманія лишь начатая уже раньше тарифная реформа, постоянно подвергающаяся пересмотрамъ и поправкамъ въ силу тѣсной связи тарифнаго вопроса съ переменами въ хозяйственной жизни страны, и образованіе въ 1891 году высшаго законосовѣщательнаго учрежденія по желѣзнодорожнымъ дѣламъ — соединеннаго присутствія комитета министровъ и департамента государственной экономіи государственнаго совѣта. Зато въ двухъ другихъ областяхъ желѣзнодорожной политики — въ дѣлѣ выкупа частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну и въ желѣзнодорожномъ строительствѣ—наблюдается большое оживленіе: до одиннадцати большею частью очень важныхъ частныхъ желѣзнодорожныхъ линій было выкуплено правительствомъ въ послѣднія пять лѣтъ царствованія императора Александра III-го, такъ что общая про-

тяжесть выкупленных казною желѣзныхъ дорогъ достигла въ 1894 году почти $12\frac{1}{2}$ тысячъ верстъ; въ то же время на казенныя средства стала строиться Сибирская желѣзная дорога, сооружались казною также нѣкоторые подъѣздные пути и стратегическія желѣзныя дороги; частныя компаніи построили рядъ линій, какъ Уманская, Новосильскія, Раненбургская вѣтви, Ириновская, Рязанско-Казанская, Воронежско-Курская, Пермь-Котласская, Архангельско-Вологодская и др. линіи. Усиленію частной дѣятельности по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ содѣйствовало слияніе мелкихъ желѣзнодорожныхъ обществъ въ крупныя компаніи: такихъ компаній къ концу 1894 года образовалось шесть. Такимъ образомъ къ концу минувшаго царствованія въ Россіи было уже болѣе 31 тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ около 17 тысячъ верстъ принадлежало казнѣ.

Такова грандіозная и поучительная картина, развертывающаяся передъ глазами всякаго, кто дастъ себѣ трудъ прочесть третій томъ разбираемаго сочиненія и раздѣлить на отдѣльные періоды матеріалъ, въ немъ изложенный. Недостатокъ порядка, отсутствіе раздѣленія на хронологическіе моменты, мѣшающее цѣльности и ясности впечатлѣнія, не представляютъ собою, однако, единственнаго повода для упрека по адресу автора. Въ связи съ этимъ недостаткомъ, зависящимъ отъ того, что авторъ—собственно не изслѣдователь, а собиратель и систематизаторъ матеріала, находится другой дефектъ: поверхностное объясненіе, иногда даже необоснованное толкованіе отдѣльныхъ фактовъ. Не въ силахъ будучи возвыситься надъ частностями, авторъ склоненъ важныя явленія приписывать мелкимъ причинамъ и преувеличиваетъ часто вліяніе отдѣльныхъ личностей. Такъ, напр., нельзя не замѣтить, что вопросъ о личной роли императора Александра III-го въ желѣзнодорожной политикѣ его царствованія, не разъ затрогиваемый авторомъ, рассматривается имъ безъ достаточныхъ фактическихъ данныхъ: на стр. 18-й совершенно не доказано ничѣмъ, что уже въ 1881 году императоръ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ выкупа частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну; слабы также доказательства личнаго почина Александра III-го въ дѣлѣ постройки стратегическихъ дорогъ (стр. 189—190). Вопросъ такимъ образомъ остается открытымъ; между тѣмъ, официальное положеніе автора и наличность живыхъ свидѣтелей описываемыхъ имъ событій могли бы бросить на него больше свѣта и если не рѣшить его вполне, то, по крайней мѣрѣ, поставить его болѣе правильно. Поражаетъ затѣмъ своей невѣрностью и поверхностностью объясненіе основного направленія желѣзнодорожной политики до конца 70-хъ годовъ:

недостатокъ планомѣрности, господство частной инициативы и слабость правительственнаго вліянія на желѣзнодорожное дѣло объясняется «французскими и англійскими идеями о необходимости развитія самостоятельности отдѣльныхъ общественныхъ группъ» (стр. 15), тогда какъ на дѣлѣ причина лежала глубже, въ условіяхъ народнаго и государственнаго хозяйства и въ новизнѣ самаго дѣла желѣзнодорожнаго строительства.

Указанные недостатки, свойственные и первымъ двумъ томамъ разбираемаго труда и лишь рѣзче выразившіеся въ третьемъ томѣ, не мѣшаютъ намъ, однако, признать за сочиненіемъ г. Кислинскаго важное значеніе по богатству изученнаго и приведеннаго авторомъ въ первоначальную систему матеріала. Книга будетъ настольнымъ пособіемъ въ рукахъ каждаго изслѣдователя исторіи русскаго экономическаго быта, русскихъ финансовъ и путей сообщенія.

И. Я. Гурляндъ: 1) Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII в. Ярославль, 1900; 2) Новгородскія ямскія книги 1586—1631 г. г. Ярославль, 1900.

Быть можетъ, ни одинъ изъ періодовъ исторіи Россіи не имѣетъ такой обширной, богатой сравнительно литературы, какъ періодъ Московскаго государства—XVI и XVII столѣтія. И, несмотря на такое сравнительное обиліе научныхъ трудовъ по этому отдѣлу, многое для насъ все еще остается неяснымъ и малоизслѣдованнымъ, такъ какъ едва тронутъ еще громадный архивный матеріалъ, сохранившійся особенно отъ XVII вѣка. Этотъ матеріалъ требуетъ цѣлой арміи изслѣдователей, которые въ виду его чрезвычайной обширности по необходимости должны въ извѣстной мѣрѣ суживать поле своего зрѣнія, предпринимая работы монографическаго характера. Монографическое изслѣдованіе—полезное, необходимое дѣло, но, во-первыхъ, не надо доводить спеціализацію до крайности, не слѣдуетъ тратить слишкомъ много усилій и времени на черезчуръ мелкія задачи, во-вторыхъ—и это главное—первая обязанность изслѣдователя, занимающагося частнымъ вопросомъ, заключается въ томъ, чтобы выводы, полученные имъ въ его монографіи, сохранили связь съ результатами общей работы по историческому изученію даннаго періода, чтобы они были связаны неразрывною цѣпью съ основными, главными явленіями извѣстнаго момента историческаго развитія. Если этимъ двумъ требованіямъ работа не удовлетворяетъ, то она—не изслѣдованіе въ собственномъ смыслѣ слова, а сборникъ болѣе или менѣе систематизированныхъ и лишь элементарно обработанныхъ сырыхъ матеріаловъ. Такова та общая точка зрѣнія, которую мы будемъ имѣть въ виду при разборѣ книги г. Гурлянда о ямской гоньбѣ въ Московскомъ государствѣ. Книга начинается введеніемъ, въ которомъ авторъ прежде всего даетъ

очеркъ литературы предмета, раздѣляемой имъ на три группы: 1) спеціальныя изслѣдованія по исторіи русской почты и ямской гоньбы (стр. 4—16), 2) работы, имѣющія другія темы, но самостоятелно и по новымъ даннымъ пересматривающія вопросъ объ исторіи ямской гоньбы (стр. 16—19), 3) изслѣдованія, содержащія лишь отдѣльныя указанія и замѣчанія о ямской гоньбѣ (стр. 19—20). Обзоръ литературы предмета можетъ быть полезенъ главнымъ образомъ въ трехъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ можетъ показать, въ какой связи стояла спеціальная работа надъ мелкимъ вопросомъ съ общими теченіями въ исторіографіи; во-вторыхъ, при помощи такого обзора можно дать понятіе о состояніи разработки изучаемаго вопроса, въ-третьихъ можно преслѣдовать библіографическія цѣли. Первой задачи г. Гурляндъ, очевидно, не имѣлъ въ виду, что всего яснѣе изъ приведенной выше группировки отдѣльныхъ работъ, такъ или иначе касающихся ямской гоньбы, равно какъ и изъ полного невниманія автора къ общимъ теченіямъ русской исторической мысли и связи съ нимъ спеціальныхъ трудовъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть: данныя, которыя приведены въ книгѣ г. Гурлянда, убѣждаютъ въ томъ, что наиболѣе плодотворной спеціальная работа по избранной имъ темѣ была въ 50-хъ и 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія, т. е. совпадала съ періодами начала особаго оживленія въ сферѣ русской исторіографіи, изъ которыхъ второй не прерывается и до сихъ поръ. Извѣстныя общественныя задачи, повліявъ на общее оживленіе исторической работы, черезъ посредство главныхъ теченій послѣдней отразились и въ спеціальной сферѣ. Что касается до второй задачи, то ее удобнѣе было бы разрѣшить не хронологическимъ перечнемъ и изложеніемъ содержанія разныхъ книгъ, соединеннымъ съ искусственной группировкой сочиненій по внѣшнимъ признакамъ, а съ систематическимъ и стройнымъ, притомъ же краткимъ, изложеніемъ того, что достигнуто въ изучаемой области. Наконецъ, и библіографическія цѣли не требуютъ той системы изложенія, какую принялъ г. Гурляндъ: достаточно было сухого перечня, списка сочиненій въ хронологическомъ порядкѣ. Итакъ, литература предмета изложена авторомъ разбираемаго изслѣдованія, по нашему мнѣнію, неудачно: это изложеніе не достигаетъ ни одной изъ возможныхъ и дѣйствительно важныхъ цѣлей.

Мы остановились на этомъ вопросѣ нѣсколько дольше, чѣмъ онъ бы того заслуживалъ, по той причинѣ, что обычай писать обзоры литературы утвердился все прочнѣе и прочнѣе, при чемъ авторы слишкомъ часто забываютъ о цѣляхъ такихъ обзоровъ, что печально отражается на содержаніи послѣднихъ.

Затѣмъ г. Гурляндъ указываетъ во введеніи на необходимость различать въ исторіи ямской гоньбы условія времени и мѣста (стр. 21) и формулируетъ два главныхъ своихъ вывода: 1) о дѣленіи исторіи ямской гоньбы на три періода—до половины XVI в., съ половины XVI до начала XVII в. и со смутнаго времени до конца XVII столѣтія; 2) разграниченіи двухъ формъ ямской гоньбы,—по стройнымъ ямамъ и въ видѣ мірскихъ отпусковъ (стр. 21—22). Задача книги г. Гурлянда, по его собственнымъ выраженіямъ, заключалась въ томъ, чтобы «выяснить ходъ постепеннаго развитія ямскихъ учреждений, значеніе и организацію ихъ» и «опредѣлить тѣ бытовыя условія, которыя сложились на почвѣ этихъ учреждений» (стр. 20). Изъ этихъ словъ и главныхъ выводовъ видно, что авторъ оставилъ въ тѣни одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ—о вліяніи хозяйственныхъ, социальныхъ и политическихъ условій на ямской строй. Посмотримъ, не пополняется ли этотъ очевидный изъ введенія пробѣлъ дальнѣйшимъ изложеніемъ г. Гурлянда.

Первая глава посвящена «вопросу объ источникѣ и времени происхожденія ямской гоньбы». Авторъ начинаетъ эту главу тѣмъ, что констатируетъ для удѣльной Руси существованіе двухъ способовъ сношеній на средства населенія или, точнѣе, двухъ названій для одного способа: именно повоза и подводной повинности (стр. 24—25). При этомъ дается и совершенно необходимое для цѣлей изслѣдованія опредѣленіе ямской гоньбы какъ «организованной системы сообщенія, гдѣ заранѣе заготовленные подводы всегда на извѣстныхъ пунктахъ ждутъ требованія и гдѣ существуютъ спеціальныя лица, вѣдающія распорядокъ по этому дѣлу» (стр. 28), и отмѣчается, что древніе повозъ и подвода не подходили подъ это опредѣленіе, отличаясь непостоянствомъ и отсутствіемъ спеціальныхъ органовъ. Г. Гурляндъ, по нашему мнѣнію, правильно толкуетъ «повозъ» въ Новгородѣ XIII вѣка въ смыслѣ подводной повинности, сопоставляя лѣтописное извѣстіе 1209 года съ договорами Новгорода съ князьями (стр. 25), но едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что такъ какъ повозъ и подвода не были «организованной системой сообщенія», какой была ямская гоньба, то эту последнюю нельзя выводить изъ первыхъ. Вѣдь, если подобный силлогизмъ признать правильнымъ, то придется отрицать происхожденіе, напр., Московскаго государства отъ удѣльнаго княжества, потому что вѣдь удѣльное княжество также не представляло собою организованной системы управленія, какая въ извѣстной мѣрѣ наблюдается въ Московскомъ государствѣ. Между тѣмъ г. Гурляндъ склоненъ объяснять происхожденіе ямской гоньбы татарскимъ вліяніемъ и доказываетъ

это тѣмъ, что, во-первыхъ, слово «ямъ» встрѣчается только съ нашествіемъ татаръ, во-вторыхъ, это—татарское слово: дзямъ-дорога (стр. 29—31). Очевидно однако, что изъ этихъ доказательствъ можно сдѣлать только одинъ выводъ о татарскомъ происхожденіи слова «ямъ», но отнюдь не самаго учрежденія ямской гоньбы. И это тѣмъ болѣе, что, по признанію самого г. Гурлянда, слово «ямъ» обозначало «не гоньбу по ямамъ, а особый сборъ, платимый въ орду» для содержанія тамъ почтовой организаціи (стр. 39); съ этимъ характеромъ финансоваго сбора ямъ переходитъ въ концѣ XIV в. въ княжескую казну (стр. 43), и лишь позднѣе, путемъ смѣшенія съ подводной повинностью, образуется при Иванѣ III организованная ямская гоньба (стр. 43 и слѣд.).

Такимъ образомъ текстъ разбираемаго изслѣдованія самъ по себѣ показываетъ, помимо воли его автора, что татарское вліяніе было поверхностнымъ, отразилось лишь въ терминологіи, историческихъ же прецедентовъ ямской гоньбы слѣдуетъ искать не въ татарскомъ ямѣ, а въ мѣстныхъ русскихъ повозѣхъ и подводѣхъ. Позволимъ себѣ замѣтить, что и вообще всегда иностранное вліяніе отличается въ исторіи поверхностностью, не захватываетъ сущности дѣла, а отражается почти исключительно на формѣ, на внѣшности: это всего лучше доказывается исторіей научной разработки реформы Петра Великаго, которую славянофилы ошибочно считали внѣшнимъ, наноснымъ явленіемъ, результатомъ иностраннаго вліянія, а современная наука признаетъ связанной тысячею корней съ предшествующимъ историческимъ развитіемъ Россіи и показываетъ, что учрежденія, заимствованныя какъ будто изъ чужестранныхъ образцовъ, не имѣли съ послѣдними ничего общаго, кромѣ названія. Пора-бы отказаться поэтому отъ легкаго, но сомнительнаго пріема объяснять происхожденіе какого-бы-то ни было учрежденія иностраннымъ вліяніемъ.

Признавая такимъ образомъ ошибочнымъ, недостаточно продуманнымъ взглядъ г. Гурлянда на происхожденіе ямской гоньбы, отмѣтимъ здѣсь и достоинства первой главы разбираемаго изслѣдованія: 1) достаточную полноту матеріала, позволяющую читателю сдѣлать правильный выводъ, несогласный съ мнѣніемъ автора, 2) несомнѣнную, на нашъ взглядъ, основательность мнѣнія г. Гурлянда, что *организованные ямы* появились только съ Ивана III (стр. 44—48). Но указаннаго при разборѣ введенія пробѣла первая глава не пополняетъ.

Вторая глава посвящена исторіи ямской гоньбы въ первый періодъ ея существованія,—до половины XVI вѣка. Сущность ямскаго строя въ это время, какъ его изображаетъ г. Гурляндъ, сводится къ слѣдующему: во главѣ каждого яма стояли 2 или 3

ямщика (стр. 51), выбиравшихся населеніемъ и приводившихся къ присягѣ казначеями въ Москвѣ, вмѣстѣ съ состоявшими при ямѣ выборными же дьячкомъ и дворникомъ (стр. 59); ямщики не ѣздили сами, а только распоряжались, «стряпали на яму», т. е. наряжали крестьянъ съ подводами (стр. 58—59). Ямская гоньба до половины XVI в. исполнялась самимъ населеніемъ въ видѣ натуральной повинности: население по очереди доставляло на ямы лошадей, подводы и людей (стр. 51), большею частью бесплатно, но иногда—даже въ началѣ XVI в.—за особые прогоны, расходы на которые записывались въ загонныя книги (стр. 62—64); кромѣ того въ связи съ ямской гоньбой находился рядъ другихъ натуральныхъ повинностей: снабжать кормомъ пословъ и гонцовъ, расчищать дороги, строить и чинить мосты, гати и ямскіе дворы (стр. 65—66); наконецъ, изъ старинной подати—яма—образовались ямскія деньги, опредѣленный окладъ которыхъ до 80-хъ годовъ еще не установился, и собирались еще примѣтныя деньги, которыя авторъ сближаетъ со сбиравшимися съ лошадей туковыми деньгами или «примѣтами туковыми» (стр. 68—69).

Таковы основныя заключенія г. Гурлянда во второй главѣ. Съ ними нельзя не согласиться, но опять-таки нельзя не упрекнуть автора въ томъ, что онъ не объяснилъ связи ямскаго строя первой половины XVI вѣка съ общими историческими условіями того времени. На это у него была полная возможность, потому что предшествующая литература давала ему всѣ необходимыя для того средства. Преобладаніе натуральной ямской повинности и слабость и неопредѣленность соотвѣтственныхъ денежныхъ сборовъ обязаны своимъ существованіемъ продолжавшемуся еще господству натурального хозяйства. Усложненіе ямскихъ повинностей и выборъ ямщиковъ населеніемъ для исполненія извѣстныхъ государственныхъ обязанностей—отраженіе едва слагавшагося тогда крѣпостного социальнаго строя. Наконецъ, въ слабой организованности ямскихъ учреждений, выразившейся между прочимъ и въ сліяніи ямскаго вѣдомства съ вѣдомствомъ казначеевъ (стр. 80—81), сказались господство старыхъ удѣльныхъ или вотчинныхъ порядковъ въ государственномъ устройствѣ и слабость новыхъ чисто-государственныхъ понятій.

Кромѣ этого общаго упрека сдѣлаемъ еще два частныхъ замѣчанія. Одно изъ нихъ относится къ мнѣнію г. Гурлянда, что «ямскія земли освобождались отъ всякихъ сборовъ и повинностей» (стр. 72—73). Это мнѣніе основывается на описаніи яма на Назѣ въ Вотской пятинѣ конца XV в., въ которомъ сказано, что «старого дохода шло денегъ пять гривень, баранъ, куря и

т. д., а нынѣ папуть ямщики», т. е. старый доходъ не платится. Но вѣдь очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о владѣльческомъ оброкѣ: пока земля не была ямской, съ крестьянъ, ее обрабатывавшихъ на себя, получалъ оброкъ землевладѣлецъ именно потому, что на ней сидѣли крестьяне; но когда земля была отдана ямщикамъ, и они сами, безъ крестьянъ, стали на себя обрабатывать землю, то и оброка, естественно, не съ кого было собирать. Это не особенность ямскихъ земель, а общее и совершенно понятное явленіе. Что же касается до государственныхъ налоговъ, то ямскія земли имъ подлежали на ряду со всѣми другими. Это видно изъ того, что онѣ положены были въ сошное письмо, что отмѣчено и самимъ г. Гурляндомъ относительно яма на Назѣ (стр. 73). Извѣстно, что владѣльческая, барская папня стала обѣляться лишь въ самомъ концѣ XVI вѣка и то не цѣликомъ, а отдѣльной частью и съ соблюденіемъ особыхъ условий¹⁾. Второе частное замѣчаніе—*pro domo sua*: г. Гурляндъ въ примѣчаніи 3-емъ на стр. 69 упрекаетъ меня, что я старался въ своей книгѣ о сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси вывести опредѣленный окладъ ямскихъ денегъ, не существовавшій въ первой половинѣ XVI в., но дѣло въ томъ, что я и не думалъ утверждать, что окладъ этого налога былъ въ то время опредѣленнымъ; мнѣ нужна была средняя приблизительная сумма, въ какой онъ большею частью собирался,—и только. Вѣдь и для неопредѣленности оклада есть свои предѣлы.

Переходя къ третьей главѣ къ изученію ямской гоньбы во второй половинѣ XVI в., г. Гурляндъ отмѣчаетъ, какъ основную черту этого періода, переводъ прежней натуральной ямской повинности въ денежную, заключавшійся въ наймъ населеніемъ особыхъ лицъ,—ямскихъ охотниковъ, или—точнѣе—въ уплатѣ имъ на содержаніе и на снабженіе всѣмъ необходимымъ для ямской гоньбы опредѣленныхъ суммъ (стр. 85). Признавая, что это было правительственной реформой, проведенной въ промежутокъ времени между 40-ми и 60-ми годами XVI в., авторъ соглашается, что реформа была подготовлена предшествовавшей практикой и не являлась такимъ образомъ рѣзкимъ переломомъ (стр. 85—86, 92—93). Надо, впрочемъ, замѣтить, что г. Гурляндъ не могъ доказать, что правительство само вмѣшалось въ дѣло въ данномъ случаѣ, и потому можно остаться при старомъ мнѣніи, что сама жизнь безъ участія властей, выработала новую форму гоньбы. Причина перемѣны въ этомъ отношеніи опять

---

¹⁾ См. наше „Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI в.“ стр. 266—269.

остается неясной для г. Гурлянда: онъ этимъ вопросомъ совершенно не занимается, между тѣмъ онъ важенъ, и отвѣтъ на него ясенъ: вторая половина XVI в., какъ мы въ свое время старались доказать¹⁾, есть время зарожденія денежнаго хозяйства въ Россіи.

Подробно характеризуя затѣмъ обязанности населенія въ дѣлѣ ямской гоньбы (стр. 94—103), авторъ хорошо выясняетъ образованіе особаго сбора «ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны» (стр. 104) и прочно устанавливаетъ положеніе, что окладъ ямскихъ денегъ въ концѣ XVI в. установился въ размѣрѣ 20 руб., а 10 руб. съ сохи—окладъ сбора ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны (стр. 105), чѣмъ устраняется довольно важное недоразумѣніе, существовавшее въ литературѣ²⁾. Разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ выясненъ еще и другой—о происхожденіи отъ послѣдняго названнаго сбора—ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны—такъ называемой «малой ямщины» XVII в.; по поводу этой послѣдней изслѣдователи, какъ извѣстно, также не пришли ранѣе къ согласію³⁾.

Очень интересны сообщаемыя г. Гурляндомъ на основаніи особо изданныхъ имъ «Новгородскихъ ямскихъ книгъ» данныя о внутреннемъ строѣ слободъ, населенныхъ ямскими охотниками, и особенно о ямскомъ землевладѣніи, при чемъ выступаетъ съ несомнѣнностью фактъ передѣла угодій между охотниками (стр. 117—164). Наконецъ не лишены значенія наблюденія автора надъ ямскими бобылями (стр. 167—169), колеблющія извѣстное мнѣніе проф. Дяконова о происхожденіи бобыльства исключительно путемъ обѣднѣнія крестьянъ⁴⁾ и, подтверждающія такимъ образомъ возраженія, сдѣланныя этому послѣднему изслѣдователю пишущимъ эти строки⁵⁾.

Четвертая глава—о сибирской гоньбѣ—имѣетъ второстепенный интересъ и могла бы быть значительно сокращена безъ вреда для дѣла. Въ пятой главѣ г. Гурляндъ разсматриваетъ ямскую гоньбу XVII в. Основныя черты этого періода—замѣтна подмоги охотникамъ отъ

¹⁾ Сельское хозяйство М. Руси въ XVI в., стр. 271—290.

²⁾ Ср. Милуковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, стр. 65, прим. 2.

³⁾ Милуковъ, Спорные вопросы финансовой исторіи, стр. 22; Лаппо-Данилевскій, Организациія прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 15.

⁴⁾ Дяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 208.

⁵⁾ См. нашу рецензію на „Очерки“ г. Дяконова въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1899 г., № 1, стр. 241—242.

населенія казеннымъ жалованіемъ, правительственный приборъ охотниковъ, соединенный съ прикрѣпленіемъ ихъ къ слободамъ, введеніе единого ямскаго налога, объединеніе центрального управленія ямской гоньбой—хорошо очерчены у автора (стр. 206—267), но связь ихъ съ общимъ экономическимъ, социальнымъ и политическимъ развитіемъ страны не установлена.

Въ этомъ заключается основная причина главной ошибки автора въ пятой главѣ: происхожденіе казеннаго жалованья охотникамъ г. Гурляндъ совершенно напрасно ищетъ въ послѣдствіяхъ смутнаго времени, которое будто бы «расплатало ямской строй» и уменьшило необходимое для этого строя принужденіе, чѣмъ и заставило правительственную власть ввести жалованье (стр. 206, 212). «Принужденіе», или крѣпостной сословный строй, такъ сильно отразившійся на положеніи ямскихъ охотниковъ, усилился въ XVII вѣкѣ; что же касается жалованья, то его введеніе—результатъ развитія новыхъ государственныхъ порядковъ, постепенно вытѣснявшихъ вотчинную старину.

Въ шестой главѣ г. Гурляндъ устанавливаетъ, что кромѣ гоньбы по стройнымъ ямамъ, т. е. устроеннымъ правительствомъ, во второй половинѣ XVI в. появились еще мірскіе отпуска, т. е. гоньба, отбывавшаяся міромъ и постепенно получавшая организацію, подобную организаціи гоньбы по стройнымъ ямамъ. При этихъ мірскихъ отпускахъ населеніе непосредственно не отпускало подводъ, а по вытѣ платило деньги, которыя считались мірскими ямскими деньгами и на которыя волость нанимала подводъ, сколько потребуется» (стр. 270).

Отмѣчая эту любопытную разновидность ямской гоньбы, г. Гурляндъ считаетъ случайностью, что въ однихъ мѣстахъ были стройные ямы, а въ другихъ мірскіе отпуска (стр. 273), и тѣмъ самымъ признаетъ свое безсиліе объяснить причины отмѣченнаго явленія. Такое безсиліе, помимо другихъ обстоятельствъ, объясняется, по нашему мнѣнію, однимъ важнымъ пробѣломъ въ работѣ г. Гурлянда: онъ не потрудился составить по возможности полный перечень ямовъ и ямскихъ дорогъ въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вѣковъ. Между тѣмъ это было бы можно сдѣлать на основаніи писцовыхъ и переписныхъ книгъ и извѣстій иностранныхъ писателей. Если бы такой списокъ былъ составленъ, то мы имѣли бы драгоценный матеріалъ для исторіи путей сообщенія въ Россіи, совершенно необходимый при изученіи народно-хозяйственнаго развитія, особенно торговаго. Кромѣ того выяснилось бы, вѣроятно, насколько вѣрно напрашивающееся съ перваго же раза предположеніе, что гоньба по мірскимъ отпускамъ сохранилась тамъ, гдѣ движеніе правительственной

почты того времени отличалась меньшей сравнительно напряженностью.

Последняя глава—о Ямскомъ приказѣ — представляет собою мало новаго, и потому мы на ней останавливаться не будемъ. Изъ приложений особенно важными надо признать второе—объ окладахъ ямскихъ денегъ—и третье, личный составъ Ямскаго приказа. Мы отмѣчали уже выше цѣнность особо изданныхъ авторомъ «Новгородскихъ ямскихъ книгъ 1586—1631 гг.». Подводя итоги всему сказанному, слѣдуетъ прежде всего признать, что хотя г. Гурляндъ и выбралъ довольно узкую даже съ монографической точки зрѣнія тему, но онъ смягчилъ эту узость тѣмъ, что захватилъ своимъ изслѣдованіемъ продолжительный хронологическій періодъ и не ограничился изученіемъ техники ямской гоньбы, а обратилъ вниманіе и на организацію специальныхъ ямскихъ сборовъ и на устройство центральнаго управленія ямскимъ дѣломъ, и на ямское землевладѣніе. Серьезнѣе упрекъ, который приходится сдѣлать автору относительно разработки вопроса: здѣсь авторъ упустилъ изъ виду общій историческій фонъ, на которомъ рисовалась картина ямской гоньбы въ Московскомъ государствѣ, оставилъ въ тѣни причинную связь между общими явленіями экономической, соціальной и политической исторіи Московскаго государства, съ одной стороны, и изучаемою имъ сферою государственной организаціи—съ другой. Это сильно понижаетъ цѣнность труда г. Гурлянда, какъ изслѣдованія. Вообще наименѣе удачными являются какъ разъ тѣ части разбираемой книги, въ которыхъ авторъ пытается выяснить генезисъ той или другой черты ямскаго строя. Наконецъ, недостаткомъ книги является и нѣкоторая неполнота матеріала; мы не говоримъ о вынужденной неполнотѣ, являющейся слѣдствіемъ беспорядочности нашего архивнаго матеріала; мы разумѣемъ то обстоятельство, что г. Гурляндъ не воспользовался писцовыми и переписными книгами и не исчерпалъ иностранныхъ писателей съ цѣлью составленія возможно болѣе полного списка ямскихъ дорогъ и ямовъ.

При всемъ томъ изслѣдованіе г. Гурлянда отличается и довольно крупными достоинствами, главнымъ изъ которыхъ надо признать правильное и ясное изображеніе ямскаго строя въ Московской Руси.

Книги записныя вотчинныя Помѣстнаго приказа.

(Посвящается памяти Василія Ивановича Холмогорова).

Благодаря любезности покойнаго товарища предсѣдателя археографической комиссіи Московскаго археологическаго общества В. И. Холмогорова, мнѣ удалось познакомиться съ любопытными во многихъ отношеніяхъ документами, хранящимися въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи и извѣстными подъ названіемъ «книгъ записныхъ вотчинныхъ». Документы эти принадлежатъ къ числу дѣлъ бывшаго вотчиннаго архива и на переплетахъ носятъ совершенно другое названіе, нисколько не соответствующее ихъ содержанію: они названы книгами «записными дѣлами о бѣглыхъ крестьянахъ и о завладѣніи землею». Это названіе есть не что иное, какъ плодъ позднѣйшаго канцелярскаго измышленія, а въ самомъ текстѣ изученныя мною книги именуются «книгами записными вотчинными»¹⁾. Всѣхъ книгъ тридцать двѣ (№№ 5969/1—6000/32). Двѣ изъ этихъ книгъ (№№ 5989/21 и 5990/22), относящіяся къ 7150—7152 гг., т. е. къ 1642—44 гг., попали въ эту коллекцію случайно: это уже не записныя вотчинныя книги, а помѣстныя дачи, что явствуетъ изъ помѣщеннаго въ первомъ изъ нихъ заглавія: «дачи костромскія 150-году»²⁾ и изъ самаго содержанія обѣихъ книгъ, заключающихъ въ себѣ справки помѣстій за законными наслѣдниками умершихъ помѣщиковъ, получавшими помѣстья каждый разъ, конечно, по особому пожалованью. Но остальные 30 книгъ всѣ одного типа и содержатъ въ себѣ производившуюся въ Помѣстномъ приказѣ запись вотчинъ при переходѣ ихъ къ другимъ лицамъ по разнымъ доку-

¹⁾ См. напр., книгу № 5975/7, дѣло № 58, заглавіе: „книги записныя вотчинныя 139 году“.

²⁾ См. книгу № 5989/21, дѣло № 15.

ментамъ,—завѣщаніямъ, даннымъ, грамотамъ, купчимъ, закладнымъ, ряднымъ записямъ. Книги обнимаютъ періодъ времени отъ 1625 г. ¹⁾ до 1651, при чемъ первыя 6 книгъ относятся къ двадцатымъ годамъ XVI вѣка, 7-я, 8-я, отчасти 9-я, вся 12, 13, 14, 15, 18, 19, 23 къ тридцатымъ, часть 9-й книги и цѣликомъ книги 16-я, 17-я, 20-я, 24-я, 25-я, 26-я, 27-я, 28-я, 29-я и въ большей своей части 30-я и 31-я охватываютъ сороковые годы XVII столѣтія, а къ 50-мъ относятся части 30-й и 31-й книги и вся 32-я.

Книги записныя вотчинныя являются документами объ укрѣпленіи недвижимой собственности, представляютъ собою любопытный и до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ памятникъ московскаго приказнаго дѣлопроизводства и даютъ матеріалъ для рѣшенія цѣлаго ряда важныхъ историческихъ вопросовъ. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой стороны дѣла, я желалъ бы дать понятіе о обычномъ составѣ этихъ книгъ, о типическихъ чертахъ ихъ, о томъ порядкѣ, въ какомъ въ нихъ заносились различные документы и вообще данные по дѣлу.

Каждое дѣло, внесенное въ любую записную вотчинную книгу, начинается или прямо текстомъ челобитной, заключающей въ себѣ просьбу о записи за извѣстнымъ лицомъ вотчины на основаніи представляемыхъ документовъ, или указаніемъ, что такого-то года, мѣсяца и числа въ Помѣстномъ приказѣ такіа-то лица подали челобитныя и такіе-то документы, и что съ документовъ снята копія, а подлинники отданы по принадлежности; затѣмъ уже слѣдуетъ текстъ челобитныхъ. Вслѣдъ за челобитными въ книги вносились копіи документовъ, представленныхъ въ приказъ челобитчиками въ подтвержденіе ихъ правъ на ту землю, о записи которой за собою они просили. Потомъ помѣщалась выпись изъ писцовыхъ книгъ по передаваемому имѣнію. Затѣмъ слѣдовало изложеніе содержанія названной выше челобитной и, наконецъ, помѣта дьяка о рѣшеніи дѣла и полученіи пошлины. Книга обыкновенно подписывалась лицомъ, за которымъ вотчина была записана. Таковъ простѣйшій и типичнѣйшій, чаще всего встрѣчающійся образецъ записной вотчинной книги.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются нѣкоторыя видоизмѣненія и дополненія: такъ, когда вотчина передавалась по завѣщанію, челобитчикъ подавалъ не челобитную, а память изъ Патриаршаго разряда; когда вотчина была утверждена за челобитчикомъ по суду, то присылалъ память одинъ изъ судебныхъ прика-

---

¹⁾ Самая ранняя запись въ книгѣ № 5972/4, дѣло № 41: 9-го мая 7133 г.

зовъ; иногда послѣ записи вотчины въ книги вотчинникъ ходатайствовалъ о сложеніи съ него причитающихся пошлей, и тогда производился докладъ государю, рѣшеніе котораго также заносилось въ записныя вотчинныя книги ¹⁾.

Самый характеръ записныхъ вотчинныхъ книгъ и мѣсто, гдѣ онѣ составлялись, показываютъ, что, какъ историческій источникъ, онѣ важны прежде всего постольку, поскольку отвѣчаютъ на вопросы о вѣдомствѣ, составѣ и дѣлопроизводствѣ Помѣстнаго приказа XVII вѣка.

Итакъ прежде всего: что новаго даетъ намъ источникъ для ознакомленія съ *вѣдомствомъ Помѣстнаго приказа*? Въ нашей исторической литературѣ существуетъ два различныхъ мнѣнія по вопросу о дѣятельности Помѣстнаго приказа. По одному изъ этихъ мнѣній, судебная дѣятельность этого приказа не была особенно замѣтной, поземельныя тяжбы разбирались здѣсь лишь по специальному порученію боярской думы ²⁾. По другому взгляду, по крайней мѣрѣ въ послѣдней четверти XVII вѣка судебныя дѣла занимали первое, главное мѣсто въ вѣдомствѣ Помѣстнаго приказа и начинались въ немъ очень часто не по специальному порученію думы, а непосредственно по челобитнымъ тяжущихся сторонъ ³⁾. Это второе мнѣніе основано на изученіи неизданнаго источника, — такъ называемыхъ «книгъ записныхъ приговоровъ», хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи. Въ пользу перваго взгляда говорятъ, повидимому, другіе извѣстные намъ источники. Такъ Маржеретъ свидѣтельствуетъ, что «Помѣстный приказъ, раздавая земли, за каждую запись взыскиваетъ 2, 3 или 4 рубля, по величинѣ отводимаго участка, и собираетъ доходы съ помѣстій, принадлежавшихъ опальнымъ, доколѣ государь не отдастъ оныхъ кому-либо другому» ⁴⁾. По Котошихину, въ Помѣстномъ приказѣ «вѣдома вся земля въ Московскомъ государствѣ, и что кому дано помѣстья и вотчинъ, или кто у кого вотчину купить и кому вновь что дадутъ, указъ и записныя книги въ томъ приказѣ» ⁵⁾. Въ этихъ свидѣтельствахъ нѣтъ ни слова

¹⁾ Въ приложеніи печатаемъ типическую записную вотчинную книгу Помѣстнаго приказа.

²⁾ Ключевскій, Боярская дума древней Руси, изд. 2, М., 1883, стр. 406.

³⁾ Н. Ардашевъ, Книги записныя приговоровъ бывшаго Вотчиннаго архива, въ «Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи», книга VIII, М., 1891, стр. 62.

⁴⁾ Устряловъ, Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, т. III, С.-Пб. 1832, стр. 46.

⁵⁾ О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, С.-Пб., 1859, стр. 78.

о судебной дѣятельности приказа. Намъ кажется, что «книги записныя вотчинныя» бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ спорный вопросъ, даютъ путеводную нить, выводящую насъ здѣсь на правильную дорогу. Изучая характеръ дѣлъ, занесенныхъ въ наши «книги», мы замѣчаемъ, что здѣсь, хотя и довольно рѣдко, попадаются поземельныя тяжбы, разбираемыя притомъ приказомъ не по специальному порученію боярской думы, а по челобитію сторонъ. Ограничимся однимъ примѣромъ, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько параллельныхъ случаевъ ¹⁾. Въ 1627 году княгиня Марья Лобанова-Ростовская подала въ *Помѣстный приказъ* челобитную, въ которой просила записать за ней выслуженную ярославскую вотчину ея покойнаго мужа, отказавшаго ее своей вдовѣ. *Туда-же* подалъ челобитную родственникъ покойнаго Иванъ Долгово-Сабуровъ, ссылаясь на извѣстный указъ о ненаслѣдованіи бездѣтными вдовами выслуженныхъ ихъ мужьями вотчинъ. На томъ же основаніи вотчинникъ другой половины того же села просилъ себѣ половину, завѣщанную княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ своей женѣ. Позднѣе поданъ былъ рядъ подобныхъ челобитныхъ еще нѣсколькими лицами: князьями Иваномъ и Дмитріемъ Ростовскими, Иваномъ Самаринымъ, Наумовымъ, Окинфовымъ, Стрешневымъ. Нѣтъ такимъ образомъ сомнѣнія, что передъ нами спорное дѣло, поземельная тяжба. И однако оно вершилось не въ судныхъ приказахъ, какъ то было обыкновенно, а въ приказѣ Помѣстномъ ²⁾. Очевидно, сама административно-судебная практика приводила къ тому, что поземельныя тяжбы стягивались мало-по-малу въ Помѣстный приказъ, и, надо думать, специальные порученія государя и думы сыграли тутъ немаловажную направляющую роль. Но этого мало: въ нашемъ источникѣ встрѣчается прямое указаніе на то, что и въ законодательство проникла уже въ первой половинѣ XVII вѣка идея о Помѣстномъ приказѣ какъ судебномъ учрежденіи, разбирающемъ поземельныя споры. Въ 1636 году князь Юрій Буйносовъ-Ростовскій подалъ въ Помѣстный приказъ челобитную слѣдующаго содержанія: въ 1622 году Михаилъ Ордынцевъ заложилъ ему, князю Буйносову, свою вотчину въ Московскомъ уѣздѣ, пустошь Густоѣдово съ пустошами; у Ордынцева изъ-за этой вотчины былъ судъ съ Колычевыми, и судное дѣло до сихъ поръ, т. е. до 1636 года, еще не вершено, но Колычевы уже давно не били челомъ; по чело-

¹⁾ Параллельные случаи см. книги записныя вотчинныя, 5975/7 (дѣло № 45), 5976/8 (№ 20), 5977/9 (№ 85), 5978/10 (№ 42), 5982/14 (№ 27) и др.

²⁾ Книга записная вотчинная 5971/3, дѣло № 19.

битной его, князя Буйносова, то дѣло раньше велѣно было вѣдать въ приказѣ Большого прихода, «а нынеча, государь, твой государевъ указъ, что такие судныя вотчинныя дѣла ведатъ в Помѣстномъ приказе твоему государеву думному діаку Михаилу Данилову с товарищи»; на этомъ основаніи князь Буйносовъ просилъ послать «по то дѣло» память изъ Помѣстнаго приказа въ Большой приходъ. Что ссылка на указъ и ея мотивировка были совершенно правильны и не возбуждали сомнѣній, — это доказывается слѣдующей помѣтой на челобитной думнаго дьяка Михаила Данилова: «144 г. марта въ 16 д. послатъ память, велѣтъ прислатъ дѣло в Помѣстный приказъ». Если бы у думнаго дьяка возникли какія либо сомнѣнія, онъ непремѣнно сдѣлалъ бы докладъ государю, чего въ данномъ случаѣ не было. Притомъ-же и Большой приходъ безъ всякаго доклада прислалъ дѣло въ Помѣстный приказъ¹⁾. Итакъ едва ли подлежитъ спору, что челобитчикъ правильно понялъ цитуемый имъ указъ о расширеніи вѣдомства Помѣстнаго приказа: не даромъ два приказа безусловно согласились съ его пониманіемъ. Остается установить, какія-же это «такія судныя вотчинныя дѣла» стали въ то время вѣдать Помѣстный приказъ? Тщетно стали бы мы искать цитованный княземъ Буйносовымъ указъ въ «Указной книгѣ Помѣстнаго приказа»; его тамъ нѣтъ, онъ, очевидно, сгорѣлъ въ знаменитомъ московскомъ пожарѣ 3-го мая 1626 года и не былъ возстановленъ, какъ другіе указы, попавшіе въ «Указную книгу», составленную, какъ извѣстно, послѣ пожара²⁾. Необходимо, значитъ, сдѣлать выводъ на основаніи текста челобитной и изложенія самой тяжбы Колычевыхъ съ Ордынцевымъ, а потомъ княземъ Буйносовымъ, находящагося въ «записной вотчинной книгѣ». Судя по изложенію, это была обыкновенная поземельная тяжба, заключавшаяся въ томъ, что Колычевы оспаривали право Ордынцева владѣть спорной вотчиной. Тяжба началась, по общему правилу, тогда господствовавшему, во Владимирскомъ судномъ приказѣ и была перенесена отсюда именнымъ указомъ государя въ Большой приходъ, по челобитію князя Буйносова-Ростовскаго, указывавшаго, что первый судья Владимирскаго суднаго приказа, князь Пронскій, — «ближній» Колычевымъ и не можетъ быть поэтому безпристрастнымъ вершителемъ дѣла. Въ Большомъ приходѣ дѣло вершено не было по той причинѣ, что челобитчики Колычевы умерли, а ихъ потомство и Ордынцевы перестали хо-

¹⁾ Книга записная вотчинная 5992/24, дѣло № 2.

²⁾ Указная книга Помѣстнаго приказа, М., 1889, — начало книги.

дить по дѣлу ¹⁾. Итакъ данное дѣло имѣеть только одинъ признакъ, отличающій его отъ другихъ поземельныхъ тяжбъ: оно не было рѣшено за нехожденіемъ по дѣлу истцовъ. Слѣдовательно, въ 1636 г. состоялся указъ, въ силу котораго спорныя поземельныя дѣла, не рѣшенныя за нехожденіемъ истцовъ, должны были переходить изъ судебныхъ приказовъ въ вѣдомство Помѣстнаго приказа. На нашъ взглядъ, это одно изъ важнѣйшихъ новыхъ данныхъ, доставляемыхъ вновь найденнымъ источникомъ.

Книги записныя вотчинныя даютъ далѣе важный матеріалъ для изученія *состава* Помѣстнаго приказа и особенно его дѣлопроизводства за тѣ годы, къ которымъ книги относятся. Что касается до состава, то мы не будемъ долго останавливаться на немъ; замѣтимъ только, что, руководясь записными вотчинными книгами, легко составить полный списокъ судей и дьяковъ Помѣстнаго приказа за періодъ времени съ 1625 по 1651 годъ. Списокъ этотъ можетъ послужить дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ извѣстною статьею о московскихъ приказахъ, напечатанною въ 20-й части «Древней Россійской Библіотеки». Но особенно интересными мы считаемъ данныя записныхъ вотчинныхъ книгъ о дѣлопроизводствѣ Помѣстнаго приказа. Извѣстно, что изслѣдователи сильно расходятся между собою въ вопросѣ о томъ, какъ производились и рѣшались дѣла въ московскихъ приказахъ. Уже давно высказана г. Леонтовичемъ мысль, что московскіе приказы—не что иное, какъ «точные копіи монгольскихъ дивановъ». Затѣмъ г. Лихачевъ въ своей книгѣ «Разрядные дѣла XVI вѣка» настаивалъ на господствѣ въ приказахъ товарищескаго, коллегіальнаго начала. Наконецъ г. Н. Ардашевъ, авторъ цитованнаго уже нами весьма интереснаго описанія «книгъ записныхъ приговоровъ Помѣстнаго приказа», опираясь на эти книги, представилъ такую любопытную и внушающую довѣріе картину приказнаго дѣлопроизводства конца XVII вѣка: «присутствіе Помѣстнаго приказа не было односоставно, въ немъ существовали два отдѣленія: а) судейскій столъ, т.-е. столъ главнаго судьи приказа, его начальника, и б) столъ у дьяковъ, изъ которыхъ въ первомъ слушались и вершились спорныя дѣла, во второмъ слушались и помѣчаемы были неспорныя дѣла»; при этомъ «дѣла не слушались всѣмъ отдѣленіемъ, а слушались какъ главнымъ судьей, такъ и всѣми его товарищами отдѣльно, отдѣльно и каждымъ изъ дьяковъ». Оба стола—судейскій и дьячій—

---

¹⁾ Книга записная вотчинная 5992/24, дѣло № 2.

работали одновременно и помѣщались въ особыхъ казенкахъ¹⁾. Такой порядокъ дѣлопроизводства, по наблюденіямъ г. Ардашева, окончательно установился въ 1682 году, но въ значительной своей части онъ существовалъ уже въ 70-хъ годахъ, какъ видно изъ слѣдующей надписи одной записной книги 7185 г.: «книга записная вершенымъ дѣламъ, которыхъ дѣлъ слушалъ бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Рѣпинъ съ товарищи, и которые дѣла помѣчены въ столѣ у дьяковъ»²⁾. «Здѣсь прямо названы оба отдѣленія присутствія, оба стола»³⁾. Эти любопытныя заключенія г. Ардашева подтверждаются изучаемымъ нами источникомъ въ томъ смыслѣ, что книги записныя вотчинныя даютъ возможность прослѣдить зарожденіе тѣхъ порядковъ, которые оказываются сложившимися въ концѣ XVII вѣка. Начиная съ сороковыхъ годовъ челобитныя по неспорнымъ земельнымъ дѣламъ довольно часто подаются не начальнику, не первому судѣ Помѣстнаго приказа, какимъ въ это время былъ дьякъ (впослѣдствіи думный дьякъ, затѣмъ думный дворянинъ) Ѳеодоръ Елизаровъ, а другимъ помѣстнымъ дьякамъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ іюнѣ 1643 года по одному неспорному дѣлу — о запискѣ вотчины по купчей — челобитныя были поданы дьякамъ А. Строеву и А. Кузовлеву⁴⁾. Имъ же по другому подобному дѣлу были поданы челобитныя въ ноябрѣ того же 1643 года⁵⁾. Въ январѣ 1645 года также на имя дьяковъ Строева и Кузовлева поступили челобитныя Репьева и Арбузова о запискѣ за первымъ вотчины второго⁶⁾. Эти и имъ подобныя факты нельзя объяснить иначе, какъ тѣмъ, что въ приказной практикѣ сороковыхъ годовъ XVII вѣка сталъ утверждаться постепенно обычай рѣшенія неспорныхъ дѣлъ одними дьяками, безъ участія главнаго судьи Помѣстнаго приказа; иными словами, уже тогда подготовлялось позднѣйшее раздѣленіе этого приказа на два стола — судейскій для спорныхъ дѣлъ и дьячій для дѣлъ неспорныхъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что, начиная съ сороковыхъ годовъ, все чаще и чаще помѣты по неспорнымъ дѣламъ дѣлаются не думнымъ дьякомъ и вообще не дьякомъ, стоявшимъ во главѣ

¹⁾ Книги записныя приговорамъ бывшаго Вотчиннаго архива въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи“, книга VII, стр. 348, и книга VIII, стр. 66.

²⁾ Книга записная приговорамъ 5015/2, № 415.

³⁾ Книги записныя приговорамъ, — въ „Опис. док. и бумагъ хранящихся въ арх. мин. юст.“, книга VII, стр. 349.

⁴⁾ Книга записная вотчинная 5996/28, дѣло № 14.

⁵⁾ Тамъ же, дѣло № 23.

⁶⁾ Книга записная вотчинная 5995/27, дѣло № 50.

Помѣстнаго приказа, а простыми дьяками, ему подчиненными¹⁾, между тѣмъ какъ раньше всѣ дѣла обыкновенно помѣчались думнымъ дьякомъ, начальникомъ приказа. Сопоставляя эти наблюдения съ полученнымъ нами раньше выводомъ, что спорныя дѣла или, что тоже, поземельныя тяжбы стали проникать въ вѣдомство Помѣстнаго приказа уже въ двадцатыхъ и особенно въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія, мы не удивимся, что въ слѣдовавшее затѣмъ десятилѣтіе ясно сказалась потребность въ измѣненіи порядковъ дѣлопроизводства, вызванная расширеніемъ дѣятельности приказа. Думаемъ, что и перемѣны въ дѣлопроизводствѣ, какъ и въ вѣдомствѣ, были созданы по преимуществу, если не исключительно, самой приказной практикой, а не какими-либо спеціальными распоряженіями правительства.

Чтобы закончить обзоръ того, что новаго даютъ записныя вотчинныя книги для организаціи Помѣстнаго приказа остается указать на время, когда впервые, по извѣстнымъ намъ до сихъ поръ источникамъ, упоминается одинъ изъ столовъ, на которые дѣлились въ XVII в. канцелярія приказа.

По даннымъ г. Ардашева, съ начала 70-хъ годовъ до конца столѣтія канцелярія Помѣстнаго приказа дѣлилась на четыре территоріальныхъ стола,—Московский, Псковскій, Владимірскій и Рязанскій²⁾. Въ «Указной книгѣ Помѣстнаго приказа», изданной В. Н. Сторожевымъ, Псковскій столъ упоминается уже въ 1631 г.³⁾, а Рязанскій въ 1648 г.⁴⁾. Кромѣ того въ 1626 г. тамъ указанъ еще одинъ столъ, не встрѣчающійся въ концѣ XVII вѣка,—именно Ярославскій⁵⁾. Этотъ же Ярославскій столъ упоминается и въ нашемъ источникѣ подъ 1631 годомъ⁶⁾, но кромѣ того—и это имѣетъ большее значеніе — книги записныя вотчинныя отмѣчаютъ въ томъ же 1631 г. существованіе Московскаго стола Помѣстнаго приказа⁷⁾. Это—древнѣйшее до сихъ поръ извѣстное свидѣтельство о Московскомъ столѣ.

¹⁾ См. напримѣръ, книги записныя вотчинныя 5998/30, дѣла №№ 2, 3, 5, 8, 9, 11, 14, 16, 18, 19, 21, 22, 25, 28, 29, 30; 5999/31 дѣла №№ 27, 31, 32, 37, 39, 40, 42, 45, 46, 47, 49, 54, 55, 56, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 73, 73 bis и т. д.

²⁾ Книги записныя приговорамъ—въ «Опис. док. и бумагъ, хран. въ арх. мин. юст.», книга VII, стр. 338.

³⁾ Указная книга Помѣстнаго приказа, стр. 104.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 136.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 87.

⁶⁾ Книга записная вотчинная 5976/8. дѣло № 20.

⁷⁾ Тамъ же.

Доставляя такимъ образомъ рядъ важныхъ фактовъ, относящихся къ исторіи Помѣстнаго приказа, записныя вотчинныя книги вмѣстѣ съ тѣмъ позволяютъ намъ пополнить нѣкоторыми данными и наши знанія о другихъ сторонахъ исторической жизни Россіи XVII вѣка.

Большое значеніе имѣютъ онѣ прежде всего для изученія дѣятельности высшихъ правительственныхъ учреждений,—самого государя и боярской думы: онѣ показываютъ, какія дѣла и почему восходили изъ Посольскаго приказа до верховной власти и какія вершились непосредственно въ приказѣ, который въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ уже какъ учрежденіе совершенно самостоятельное. Другими словами, записныя вотчинныя книги, наряду съ иными источниками, бросаютъ яркій свѣтъ на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ выдѣлились въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка сферы управленія верховнаго, съ одной стороны, и подчиненнаго, съ другой. Я долженъ однако въ настоящее время отказаться отъ подробнаго анализа записныхъ вотчинныхъ книгъ съ этой точки зрѣнія какъ по той причинѣ, что это потребовало бы привлеченія большаго и разнообразнаго матеріала, а слѣдовательно и слишкомъ значительной затраты времени и мѣста, такъ и потому, что этотъ вопросъ я намѣренъ подробно изслѣдовать впослѣдствіи въ особомъ трудѣ.

Изучаемый источникъ даетъ—даже—нѣсколько фактовъ, относящихся къ социальной исторіи, характеризующихъ положеніе сословій. Извѣстно, какъ въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка правительство, разверстывая между отдѣльными сословіями различныя государственныя обязанности, снабжало вмѣстѣ съ тѣмъ каждое изъ сословій специальными, ему одному свойственными правами, обеспечивавшими исполненіе обязанностей. Такъ, на примѣръ, довольно настойчиво проводили уже въ то время принципъ, что землей должно было владѣть одно только служилое сословіе, обязанное военной службой. Кромѣ служилыхъ земель, существовали въ то время еще земли государевы—черныя и дворцовыя,—владѣнія церковныхъ учреждений—церквей, монастырей и архіерейскихъ кафедръ—и въ небольшомъ количествѣ земли посадскихъ людей, прилегавшія къ городамъ и лишь въ рѣдкихъ, даже совершенно исключительныхъ случаяхъ находившіяся и въ уѣздахъ. Вообще поземельныя владѣнія посадскихъ людей въ уѣздѣ въ XVII вѣка были исключительнымъ явленіемъ. Число такихъ исключеній пополняется еще однимъ, засвидѣтельствованнымъ одной изъ записныхъ вотчинныхъ книгъ: оказывается, что въ 1627 году въ Муромскомъ уѣздѣ существовали еще вот-

чины посадских людей¹⁾. Любопытенъ также другой фактъ, касающійся соціального строя: въ 1632 году стольникъ князь Никита Черкасскій принялъ въ закладъ у Ильи Кафтырева вотчину его въ Костромскомъ уѣздѣ «опричь крестьянъ и крестьянскихъ животовъ»²⁾. Такъ какъ залогъ земли сопровождался немедленной передачей ея въ пользованіе залогопринимателю, и, слѣдовательно, исключеніе изъ залога крестьянъ предполагало переводъ ихъ въ другую вотчину или въ помѣстье залогодателя, то приведенный фактъ свидѣтельствуетъ объ утвержденіи мысли о личной, а не поземельной крѣпости крестьянъ землевладѣльцу, такъ какъ послѣдній свободно отлучалъ крестьянъ отъ ихъ земельныхъ участковъ, а крѣпостное право къ 30-мъ годамъ XVII столѣтія, несомнѣнно, уже утвердилось фактически, отчасти и юридически,— въ частныхъ договорахъ крестьянъ съ землевладѣльцами, порядныхъ и ссудныхъ записяхъ или грамотахъ.

Затѣмъ подъ 1633 годомъ находимъ въ записныхъ вотчинныхъ книгахъ указаніе на областное дѣленіе, существовавшее въ Галицкомъ уѣздѣ и, если не ошибаемся, неизвѣстныя еще въ литературѣ по отношенію къ данной мѣстности: именно, Галицкій уѣздъ дѣлился на «осады» изъ которыхъ упомянута Чухломская осада³⁾.

Наконецъ заслуживаетъ вниманія одно свидѣтельство, важное для исторіи народнаго хозяйства. Въ 1630 году нѣкто Иванъ Кайсаровъ владѣлъ въ Ярославскомъ уѣздѣ вотчиной, состоявшей изъ деревень Лапиной и Труфановой, и «в той вотчинѣ пашню распахивал и сѣно роскашивал и лѣс чистил и дворы ставил і всякое дворовое строенье строил и *дѣловцовъ помѣсечно и понедѣльно и поденно наймовалъ*»⁴⁾. Подчеркнутыя слова указываютъ на примѣненіе наемнаго труда въ земледѣльческомъ хозяйствѣ служилыхъ вотчинниковъ, чѣмъ подтверждается фактъ развитія денежнаго хозяйства въ Московской Руси XVII вѣка. Таковы главныя свѣдѣнія, какія можно извлечь изъ вновь открытаго источника. При всемъ томъ онъ не даетъ намъ однако матеріала по двумъ вопросамъ, отвѣта на которые невольно ищемъ, раскрывая записныя вотчинныя книги.

Первый вопросъ—это вопросъ о томъ, не даетъ ли новый источникъ текста новыхъ, не дошедшихъ до насъ въ указной

¹⁾ Книга записная вотчинная 5671/3, дѣло № 15.

²⁾ Книга записная вотчинная 5977/9, дѣло № 52.

³⁾ Книга записная вотчинная 5980/12, дѣло № 42. Впрочемъ въ городскихъ наказахъ комиссіи депутатовъ 1767 г. встрѣчается Чухломская осада.

⁴⁾ Книга записная вотчинная 5975/7, дѣло № 44.

книгъ Помѣстнаго приказа и другихъ документахъ указовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится дать отрицательный, если исключить цитованное выше упоминаніе о государствѣ указѣ, расширившемъ вѣдомство Помѣстнаго приказа ¹⁾. Второй вопросъ заключается въ томъ, не могутъ ли служить записныя вотчинныя книги матеріаломъ для исторіи мобилизаціи служилыхъ вотчинъ? И здѣсь надо отвѣтить отрицательно, такъ какъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ признать, что записныя вотчинныя книги дошли до насъ отъ каждаго года въ надлежащей полнотѣ. Къ тому же запись переходившихъ въ другія руки вотчинъ не всегда производилась аккуратно. Такимъ образомъ въ вопросѣ о мобилизаціи земельной собственности писцовыя и переписныя книги остаются первостепеннымъ источникомъ, и самое большое, что могутъ въ этомъ отношеніи дать записныя вотчинныя книги, заключается въ отдѣльныхъ дополненіяхъ и поправкахъ, какими онѣ могутъ снабдить въ частныхъ случаяхъ изслѣдователя, руководящагося книгами писцовыми и переписными.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о времени, къ которому слѣдуетъ отнести начало записныхъ вотчинныхъ книгъ Помѣстнаго приказа. Въ дошедшихъ до насъ этихъ книгахъ встрѣчается указаніе, что онѣ велись и въ XVI вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ самомъ концѣ его, именно въ 1600 году ²⁾. Еще Неволинъ отмѣтилъ свидѣтельство 1558 года, не оставляющее сомнѣнія въ веденіи записныхъ вотчинныхъ книгъ въ то время: въ указѣ 11-го января этого года сказано: «купити вотчина, сыскивая и въ тѣхъ книгахъ разсмотря, гдѣ вотчинныя купли и закладныя у которыхъ діаконъ въ книгахъ записаны» ³⁾. Такимъ образомъ начало записи переходящихъ въ другія руки вотчинъ въ особыя книги въ Помѣстномъ приказѣ надо отнести къ половинѣ XVI вѣка. Но отодвигать далѣе въ глубь время происхожденія этой записи едва ли можно: во-первыхъ, первое достовѣрное извѣстіе о самомъ Помѣстномъ приказѣ не восходитъ далѣе 1555—1556 гг. ⁴⁾; во-вторыхъ, до этого времени обычнымъ способомъ укрѣпленія правъ собственности на землю была не запись въ книги, а выдача жалованной грамоты, какъ-то справедливо указано было

¹⁾ Книга записная вотчинная 5992/24, дѣло № 2.

²⁾ Книга записная вотчинная 5992/24, дѣло № 2.

³⁾ Акты историческіе, т. I, № 154, IX, стр. 262; Неволинъ, Полное собраніе сочиненій, т. IV, С.-Пб., 1857, стр. 54.

⁴⁾ Платоновъ, Какъ возникли чети?—въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1892 г., май, стр. 164.

Энгельманомъ ¹⁾ и вслѣдъ за нимъ Дмитріевымъ ²⁾; наконецъ, въ третьихъ, въ купчихъ грамотахъ лишь во второй половинѣ XVI вѣка, большею частью съ 80-хъ годовъ, становится стереотипнымъ обязательство продавца записать за покупателемъ вотчину въ Помѣстномъ приказѣ ³⁾,—обязательство, прежде совершенно отсутствовавшее въ этого рода актахъ.

---

¹⁾ Энгельманъ, О приобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву, стр. 28—29.

²⁾ Сочиненія О. М. Дмитріева, т. II, М. 1900, стр. 265—266.

³⁾ См. въ многочисленныхъ купчихъ, закладныхъ, данныхъ и пр. въ грамотахъ коллегіи экономіи, хранящихся въ Моск. архивѣ мин. юст., напримѣръ, грам. Кол. Эк. Переясл.: Залѣсс. у., №№ 9015, 9021, 9024; Владим. у., №№ 1858, 1862 и т. д.

Приложеніе.

записная вотчинная книга 1642 года (№ 5984/16, дѣло № 11).

«150 г. Оевраля въ 3 д. в Помѣстномъ приказе діаконъ думному Михайлу Данилову да Ивану Переносову да Ондрею Строгову княз Василей княж Семенов сынъ Елецкой до дмитровецъ Илья Иванов сынъ Кирѣвской подали челобитные, да княз Василей же Елецкой явил на вотчину даную, какову ему дал Илья Кирѣвской на вотчину 150-го году и съ тоѣ даные взят у него список слово в слово, а подлинная даная, справя с спискомъ, отдана ему, а в списку с даные і въ челобитных пишеть.

Царю гдрю и великому князю Михайлу Оедоровичу всеа Русіи бьет челом холоп твой Васка княж Семенов сынъ Елецкой: в прошлом, гдрь, въ 149-м году женился я холоп твой у Илья Иванова сына Кирѣвскаго, и дал он за дочерью своею приданую вотчинку жены своей въ Дмитровскомъ уѣзде въ Троицкомъ стану и в Кузмодемьянскомъ и на тоѣ, гдрь, вотчину дал мнѣ даную. Мирдый гдрь царь і великій княз Михайло Оедорович всеа Русіи, пожалуй меня холопа своего, вели, гдрь, тоѣ приданую вотчину жены моей справит за мною холопом твоим и дат свою гдрву грамоту, почему мнѣ вперед владѣть. Царь гдрь, смилуйся, пожалуй!

Црю гдрю и великому князю Михайлу Оедоровичу всеа Русіи бьет челом холоп твой дмитровецъ Илейка Иванов сын Кирѣвской. Твое царское жалованье вотчинка приданая въ Дмитровском уѣзде в Троецком стану і в Кузмодемьянском. Мирдый гдрь царь и великій княз Михайло Оедорович всеа Русіи, пожалуй меня холопа своего, вели, гдрь, ту мою приданую вотчинку записать за зятем моим за князем Васильем княз Семеновым сыном Елецкого селцо Андрейково з деревнями и с пустошью трицат пят чети.

Царь гдрь, смилуйся, пожалуй!

А на челобитной ево написано:

Къ сей челобитной Михайло Кирѣвской руку приложил в Ильино мѣсто Кирѣвскаго, потому что он грамоте не умѣет.

Список з данной записи слово в слово:

Се аз Илья Иванов сынъ Кирѣвской дал есми зятю своему князю Василью княж Семенову сыну Елецкому по рядной записи в приданые за дочерью своею за Ориною приданую ж вотчину матери еѣ, а своей жены, Неонилы, что дала теща моя вдова Анна Гавриловская жена Дьякова въ Дмитровскомъ уѣздѣ в Троецкомъ стану пустош, что была Косова, на Заволношскомъ озере, да к той пустоши доля в озере Заволножском, Василево тож, да в Кузмодемьянском стану приданая-ж вотчина селцо Ондрѣйково, а в нем двор вотчинников, да дровню Морозову, а в ней крестьян Гаврилко Иванов сынъ Чертенюк з женою и з детьми с Сергущкою да с Левкою, да Ивапко Михайлов з женою и з детьми с Микифорком да с Титком да Софронком да с Ывашком да с Оедкою; да дровню Палкино, а в нем во дворѣ крестьянин Аеонка Суворов съ детьми с сыном с Никонком да с Якушкомъ да с Ывашком, да Мишка, Ильинъ сынъ Чертенюк. А в той моей приданой вотчине в Троицкомъ и в Кузмодемьянском станѣх четверные пашни трицѣтъ пят чети в поле, а в дву потомуж, с лесы и с санными покосы и со всѣми угоды, как к той моей вотчине исстари ходит соха и коса и топор, по старым межам. Да к той же дровне Морозовой отхожей луг под пустошью Ножевнею пятнатцѣтъ копен, лѣсу непашенного десѣтъ десятин. И в той вотчине волны зят мой княз Василей и жена ево, а моя доч, Орина и ихъ дѣти, ково им Богъ дастъ, а моя вотчина у меня Ильи оприч зятя моего и дочери моей иному никому не дана и не заложена ни у ково ни в чемъ и по душѣ ни по ком ни в крой мнрѣ и в приданые ни за кѣмъ не отдана и в иных ни в каких крепостяхъ ни у ково ни в чем не укреплена, и тоѣ вотчину мнѣ Ильѣ въ Помѣстномъ приказѣ за зятем за князем Васильемъ записат. А на то послух Иван Оедоров. А даную писал Ивановские площади подьячей Богдашко Карнаухов. Лѣта 7000 сто пятьдесятого года ееврѣля во вторыи день. Назади у подлинной данной записи написано:

К сей данной Оедор Иванов сын Кирѣвской, вмѣсто брата своего Ильи, по ево велѣнію руку приложил.

Послух Ивапко руку приложил.

И по сему списку з данные 150-го году написано: Илья Иванов сынъ Кирѣвской далъ онъ зятю своему князю Василью княж Семенову сыну Елецкому по рядной записи з приданые за дочерью своею за Ориною приданую ж вотчину матери еѣ, а сво-

ей жены, Неопилы, что дала ему теща ево вдова Анна Гавриловская жена Дьякова, въ Дмитровском уѣздѣ въ Троецком стану пустошь, что была деревня, Косова на Заволнужскомъ озере да к той же пустоши доля в озере Заволнужскомъ Василево тожъ,— да в Кузмодемянскомъ стану приданая ж вотчина селцо Ондрейково да деревню Морозово да деревню Палкино, а въ той ево приданой вотчине в Троецком и в Кузмодемянском стану четвертные пашни тридцат пят чети в поле, а в дву потомуж; да і в Помѣсном приказе та ему вотчина за зятем своим за князем Васильем за Елецким в записные вотчинные книги записат.

А что за Ильєю Кирѣевскимъ вотчины, и о чемъ гдрю прю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи князъ Василій Елецкой бьет челом:

І в дмитровских, книгахъ писма и мѣры Ондрѣя Загряского да подъячего Гаврила Володимерова 136-го и 137-го года в Троецкомъ стану в вотчинахъ написано: за дмитровцом Ильєю Ивановым сыном Кирѣевским, что ему дала в приданое за дочерью своею теща ево вдова Анна Гавриловская жена Дьякова во 129-м году пустошь, что была деревня, Косова на Заволнож озере, а в ней пашни перелогомъ и лѣсом поросло худые земли двадцат чети въ поле, а в дву потомуж, да ему ж доля въ озере Заволножском-Василево тожъ — с ыными помѣщики вопчѣ.

Да въ Кузмодемянском стану селцо Ондрѣйково, дрвня Морозово, дрвня Палкино, а в них пашни паханные и перелогу и лѣсом поросло худые земли пятнатцат чети в поле, а в дву потомуж.

І всего за Ильєю Кирѣевскимъ приданые вотчины в дву стапѣхъ тритцатъ пят чети. И гдрю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи князъ Василей княжъ Семенов сынъ Елецкой бьет челом: въ прошлом де во 149-м г. женился он у Ильи Иванова сына Кирѣевского, и дал он за дочерью своею, а за ево женою, приданую вотчину жены своей в Дмитровском уѣздѣ въ Троецком да в Кузмодемянскомъ стану селцо Ондрѣйково з дрвнями, тритдцат пят чети, и на ту де вотчину по данной велѣлъ записать в записные вотчинные книги за ним за князем Васильемъ.

А дмитровецъ Илья Иванов сын Кирѣевской гдрю о том бьет же челомъ, чтоб гдрь ево пожаловал, ту ево вотчину по данной велѣлъ записат в записные в вотчинные книги за зятем ево за князем Васильемъ княжъ Семеновым сыном Елецким.

А на дѣле помѣта думного дьяка Михаила Данилова: 150 г

Февраля въ 10 д записат та вотчина в книги за князем Василь-емъ Елецким, а пошлыны взят по указу.

К сѣмъ записнымъ вотчиннымъ книгамъ въ Ыльино мѣста Кирѣвского, что он дал в приданье за дочерью своею вотчину в Дмитрове, Семен Кирѣвской по его велѣнью, что онъ грамоте не умѣет, руку приложил¹⁾.

---

¹⁾ Эта послѣдняя подпись идетъ по листамъ въ видѣ скрѣпы.

Цѣна 2 рубля.

6

3 2044 018 980 102

**THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON
OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.**

**Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413**

